Антонио
Гарридо
ЧИТАЮЩИЙ
ПО ТЕЛАМ
СТРАНКА»

Annotation

Впервые на русском — международный бестселлер от мастера испанского исторического романа. В этот раз внимание Антонио Гарридо, славящегося глубиной и тщательностью проработки материала, обратилось к средневековому Китаю, где в XIII веке жил знаменитый Сун Цы — родоначальник мировой судебной медицины. «Читающий по телам» получил Международную премию Сарагосы, присуждающуюся за лучший исторический роман. После смерти дедушки молодой Сун Цы, подающий надежды студент столичного университета и помощник уважаемого судьи Фэна, вынужден вернуться с отцом, придворным чиновником, из столицы в родную деревню. Но цепочка трагических случайностей лишает его крова, гонит обратно в большой город. Там юноша вынужден работать помощником шарлатана-прорицателя — но вскоре молва о его поразительной способности «читать по телам» доходит до самого императора. Сын Неба поручает юноше расследование серии загадочных убийств — расследование, от результатов которого зависит не только жизнь Сун Цы и тех, кто ему дорог, но и хрупкое равновесие в Поднебесной…

- Антонио Гарридо
  - ПРОЛОГ
  - ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5
    - 6
    - 7
  - ЧАСТЬ ВТОРАЯ
    - 8
    - 9

- 10
- ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18
  - 19
- ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ
  - 20
  - 21
  - 22
- ЧАСТЬ ПЯТАЯ
  - 23
  - 24
  - 25
  - 26
  - 27
  - 28
  - 29
  - 30
  - 31
- ЧАСТЬ ШЕСТАЯ
  - 32
  - 33
  - 34
  - 35
- ЭПИЛОГ
- Послесловие
- КРАТКАЯ БИОГРАФИЧЕСКАЯ СПРАВКА
- БЛАГОДАРНОСТИ
- БИБЛИОГРАФИЯ
- ПРИМЕЧАНИЯ

Антонио Гарридо
ЧИТАЮЩИЙ ПО ТЕЛАМ

Судейский чиновник, назначенный округом, должен появиться на месте преступления в течение четырех часов по его совершении. Если же он не выполнит эту обязанность, переложит ее на иное лицо, не обнаружит смертоносных ранений или же допустит ошибку при их обнаружении, то будет признан виновным в служебной халатности и приговорен к двум годам каторжных работ.

«О судейских обязанностях».

Статья четвертая «Сун син тун».

Уложения о наказаниях династии Сун

ПРОЛОГ

1206 год. Династия Сун
Восточный Китай
Округ Фуцзянь

Уезд Цзяньян, сельская местность

Шан не знал, что умирает — пока не ощутил металлический привкус крови, хлынувшей из горла. Он собирался еще что-то пробормотать, дрожащие руки пытались зажать рану, но вот глаза его выпучились, а ноги подогнулись, точно у оставшейся без хозяина марионетки. Шан хотел произнести имя своего убийцы, но тот успел заткнуть ему рот какой-то тряпкой.

В последние мгновения жизни, стоя на коленях посреди ила, Шан чувствовал сырость дождя и запах влажной почвы, сопровождавший его с самого детства. А еще спустя мгновение Шан в залитой кровью рубахе рухнул в илистую грязь, и та приняла его душу.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

1

В то утро Цы поднялся пораньше, чтобы избежать встречи со своим братцем Лу. Глаза еще слипались, но рисовое поле уже проснулось — и так было каждое утро.

Он переступил на земляной пол и скатал свою циновку, принюхиваясь к чайному аромату, которым, заварив к завтраку чай, наполнила дом матушка. Войдя в большую комнату, Цы приветствовал мать поклоном, она поклонилась в ответ, пряча улыбку — которую сын заметил и возвратил матери. Он обожал мать, почти так же, как и младшую сестренку по имени Третья. Две другие сестры, Первая и Вторая, умерли еще в младенчестве от болезни, терзавшей всю их семью. И Третья, хотя тоже болела, выжила единственная из девочек.

Прежде чем положить в рот первый кусок, Цы подошел к небольшому алтарю у окна, поставленному в память о дедушке. Потом отворил окно и вдохнул полной грудью. Первые лучи солнца робко пробивались сквозь наползающие тучи. Порыв свежего ветра всколыхнул хризантемы в кувшине для подаяния и погнал по комнате аромат курений. Цы закрыл глаза, чтобы произнести молитву, но в голову ему пришла только одна мысль:

«Духи небес, позвольте нам вернуться в Линьань».

Цы вспомнил времена, когда дедушка с бабушкой еще были живы. Тогда эта деревушка была для него как небеса, а братец Лу был герой, и ему стремился подражать любой мальчишка. Лу походил на великого воина из историй, что рассказывал отец, всегда был готов прийти на помощь, если другие ребята хотели отобрать у Цы вкусную еду, или обратить в бегство бесстыдников, осмелившихся заигрывать с их сестрами. Лу научил младшего брата драться — и руками, и ногами, так что обидчики пускались наутек, — и водил его на реку. Там они шлепали по воде возле лодок и ловили форелей да карпов и потом приносили их домой, раздуваясь от гордости. А еще Лу научил его подглядывать за соседками. Однако с возрастом Лу превратился в тщеславца. Когда ему сравнялось пятнадцать, неустрашимость его переросла в бесконечное бахвальство, и он просто презирал любые навыки и умения, кроме тех, что давали победу в драке. Лу принялся охотиться на кошек, чтобы покрасоваться перед девчонками, напивался

рисовой водкой, которую воровал с кухонь, и гордился тем, что сильнее большинства своих дружков. И был он настолько самодоволен, что даже насмешки девушек принимал за похвалы, не сознавая, что на самом деле соседки его чураются. Если раньше Лу был для брата кумиром, то теперь это отношение постепенно сменилось безразличием.

И все-таки Лу не попадал в серьезные передряги — подумаешь, придет с подбитым в драке глазом или продует ставку, когда общинного буйвола выставили на водяные бега. А когда отец объявил о своем намерении перебраться в столицу, Линьань, Лу наотрез отказался уезжать. Парню уже исполнилось восемнадцать лет, он чувствовал себя счастливым в деревне и думать не думал о переезде. Лу заявил, что здесь у него есть все, что ему потребно: рисовое поле, компания шалопаев и две-три проститутки по соседству, которые с ним любезничают. Даже когда отец пригрозил, что от него отречется, Лу это не обескуражило. В тот год они расстались. Лу остался жить в деревне, а вся семья переехала в столицу в поисках лучшего будущего.

Поначалу в Линьане Цы пришлось нелегко. Он подымался на рассвете, чтобы присмотреть за больной сестрой, готовил ей завтрак и оставался с Третьей, пока с рынка не возвращалась матушка. Потом, подкрепившись чашкой риса, бежал в школу и до полудня учился, а в полдень спешил на скотобойню, куда устроился его отец — чтобы ради мешочка потрохов, подобранных с полу, работать не покладая рук до самого вечера. А уж ночью, прибравшись на кухне и вместе с семьей помолившись предкам, он, пока не валился на циновку от усталости, изучал конфуцианские трактаты — их, если хочешь выбиться в люди, надлежало знать наизусть. И так продолжалось из месяца в месяц, пока наконец-то отцу не удалось заполучить место счетовода в линьаньской управе под началом судьи Фэна — одного из мудрейших должностных лиц столицы, знаменитого своей проницательностью в раскрытии самых страшных преступлений.

С этого дня дела пошли на лад. Семейные доходы возросли, и Цы смог наконец покинуть бойню и целиком посвятить себя учению. Проведя три года в старшей школе, он, благодаря отличным оценкам, удостоился разрешения помогать отцу в конторе Фэна. Поначалу Цы поручали простую бумажную работу, однако вскоре его прилежание и аккуратность привлекли внимание судьи; Фэн разглядел в этом

шестнадцатилетнем подростке ученика, которого, возможно, удастся воспитать по своему образу и подобию. И Цы его не подвел. В течение нескольких месяцев он от заполнения рутинных бумаг перешел к сбору свидетельских показаний, стал присутствовать на допросах подозреваемых, помогал омывать и подготавливать к осмотрам трупы, которые надлежало обследовать Фэну. И вот понемногу твердая рука и усердие Цы сделали его незаменимым помощником судьи, без колебаний поручавшего молодому работнику все более ответственные дела. В конце концов юноша стал участвовать в расследовании преступлений и в судебных заседаниях — эти занятия помогали Цы постигнуть сокровенные тайны сыскного дела и одновременно с этим приобрести начальное понятие об анатомии. На втором году учебы в университете Цы, с одобрения Фэна, выбрал для себя курс медицины. Судья Фэн любил повторять, что доказательства преступления очень часто сокрыты в ранах на теле и, чтобы их отыскать, потребно умение разбираться в ранах — умение не судьи, но хирурга.

Такая жизнь продолжалась до тех пор, пока не умер дедушка. Отец, соблюдая обычай, на время траура должен был отказаться от поста счетовода и от жилища, причитавшегося ему по должности, — и семья лишилась и заработка, и крова. А потому, к великому огорчению Цы, всем пришлось вернуться в деревню.

Брат Лу за это время совершенно переменился. Он жил в доме, который сподобился построить собственными руками, он прикупил себе земли и нанял работников из односельчан. Обстоятельства вынудили отца постучать к нему в дверь — и Лу сначала заставил отца просить прощения, только потом впустил в дом. Он выделил родне маленькую комнатку, вместо того чтобы уступить свою. К Цы брат отнесся со всегдашним безразличием, но, когда заметил, что Цы больше не бегает за ним по пятам, как собачонка, что кроме книг его ничто не интересует, он принялся вымещать на младшем брате всю свою злость. Он заявлял, что истинное достоинство мужчины не проявляется нигде, кроме как в поле. Бумажки и учение не прибавят умнику ни риса, ни батраков. В глазах Лу младший брат был всего-навсего двадцатилетним недотепой, которого теперь приходится кормить. Так, после возвращения жизнь Цы обратилась в бесконечную череду оскорблений, и в конце концов он возненавидел и эту деревню, и эту жизнь.

Порыв свежего ветра вернул Цы к реальности.

Сделав шаг назад, ученик судьи столкнулся с Лу — тот сидел рядом с матушкой и громко прихлебывал чай. Увидев брата, Лу сплюнул на пол и оттолкнул от себя чашку. Затем, не дожидаясь, пока проснется батюшка, он подхватил свой узелок и выскочил из комнаты, не произнеся ни слова.

— Ему бы не помешало поучиться нормам благопристойного поведения, — пробормотал Цы сквозь зубы, вытирая тряпочкой пролитый чай.

— А тебе не помешало бы научиться его почитать, ведь мы живем в его доме, — отозвалась матушка, не отрывая взгляда от огня. — «Прочный дом…»

«Да. Прочный дом — это тот, который поддерживают достойный отец, осмотрительная мать, почтительный сын и доброжелательный брат». Уж в повторении этих слов нужды не было: сам Лу каждое утро напоминал брату об их важности.

Хотя это не входило в его обязанности по дому, Цы расстелил на столе бамбуковую скатерть и принялся расставлять посуду. Третьей в последние дни стало хуже — донимала боль в груди, — и брат без лишних разговоров подменял ее в домашних делах. Он поставил мисочки для еды, проверил, чтобы их количество вышло четным, и направил носик чайника к окну — так он не будет указывать ни на кого из участников трапезы. Посреди стола Цы поместил кувшин с рисовым вином и плошки, по сторонам — рисовые котлетки. Окинул взглядом кухню, почерневшую от угольной пыли, и пошедший трещинами котел. Этот дом походил не на жилище, а скорее на старую кузницу!

Вскоре, хромая, вышел и отец. Сердце Цы сжалось от боли.

«Как же он постарел!»

Младший сын поджал губы и стиснул челюсти. Казалось, здоровье батюшки надломилось тогда же, когда заболела Третья. Он ковылял неровным шагом, опустив голову, его чахлая бороденка была похожа на обдерганную шелковую тряпицу. В этом старичке не осталось и следа от старательного, аккуратного чиновника, который когда-то вдохнул в Цы любовь к методичности и упорству. Сын смотрел на восковые руки отца, совсем недавно тщательно ухоженные, а теперь грубые и заскорузлые. Цы подумал, как, наверное, тоскует

батюшка по ровно остриженным ногтям и по тем временам, когда пальцы служили ему лишь для перелистывания судебных бумаг.

Поравнявшись со столом, отец оперся на сына и уселся на свое место. Взмахом руки пригласил садиться остальных. Цы так и сделал; последней села матушка — ее место было ближе всех к плите. Женщина разлила по чашкам рисовое вино. Третья, обессиленная лихорадкой, опять не поднялась с циновки — как и всю прошедшую неделю.

— Ты придешь сегодня к ужину? — спросила мать. — Судье Фэну было бы приятно повидать тебя после стольких месяцев.

Цы не пропустил бы встречи с Фэном ни за что на свете. Отец решился не ждать, пока закончится траур, и поспешить с возвращением в Линьань — в надежде, что судья Фэн вновь возьмет его на прежнюю должность. В семье не знали, по этой ли причине в их деревню неожиданно приехал сам судья, однако все желали, чтобы так оно и было.

— Лу наказал мне отвести буйвола на новый надел, а потом я думал забежать к Черешне, но к ужину вернусь непременно.

— По твоему поведению двадцать лет тебе никак не дашь, — заметил отец. — Эта девчонка совсем тебя к рукам прибрала. Если ты так часто будешь к ней бегать, она тебе в конце концов надоест.

— Черешня — единственное, что есть в этом поселке хорошего. И ведь вы сами дали согласие на наш брак, — отвечал Цы с набитым ртом.

— Не забудь сласти, для этого я их и приготовила, — напомнила матушка.

Цы встал из-за стола и сложил лакомства в свою котомку. Прежде чем уйти из дома, он зашел в комнату, где в полузабытьи лежала Третья. Юноша поцеловал сестру в пунцовые щеки и поправил выбившуюся прядку волос. Девочка заморгала. И тогда Цы достал из котомки все сласти и спрятал под одеялом.

— Смотри, чтоб матушка не увидела, — шепнул он на ухо сестре.

Девочка улыбнулась, но не смогла произнести ни слова.

* * *

На илистом поле юношу застиг ливень. Цы стянул с себя промокшую рубашку, руки его напряглись, мышцы обрели крепость стали. Хрустнули суставы, натянулись сухожилия: Цы погнал буйвола вперед. Животное двигалось неспешно, будто понимая, что за первой бороздой окажется другая, потом еще, и так без конца. Перед ними расстилалось пространство, состоящее из воды и зелени, казавшееся бесконечным.

Брат велел Цы открыть сток, чтобы осушить новый участок. Но работать по краю поля было тяжко: очень уж запущены были каменные валы, отделявшие наделы один от другого. Цы с тоской оглядел полузатопленное рисовое поле. По крайней мере, сейчас, летом, доходившая до колен вода не была ледяной и не пробирала до костей. Цы щелкнул кнутом, и буйвол пободрей зачавкал копытами на болотистой жиже.

На исходе первой трети дня лемех за что-то зацепился.

«Опять корень», — вздохнул Цы.

И принялся нахлестывать буйвола. Дождь лил не переставая. Буйвол вскинул голову и замычал, но не продвинулся ни на шаг. Новая порция ударов только заставила животное качнуть рогами, стремясь уклониться от наказания. Теперь Цы заставлял быка подать назад, но плуг застрял намертво. Погонщик в отчаянии посмотрел на животное.

«А теперь тебе будет больно».

Сознавая, какое страдание причиняет он несчастной скотине, Цы потянул за железное кольцо в носу и перехватил поводья. От боли буйвол рванулся вперед, а лемех коротко лязгнул. Только тогда Цы подумал, что ему надо было вытаскивать корень вручную.

«Если я сломал плуг, братец меня забьет палкой».

Незадачливый пахарь глубоко вздохнул и, погрузив руки в ил, добрался наконец до сплетения корней. Потянул за один из отростков — впустую; после нескольких бесплодных попыток юноша решил поискать в суме, висевшей на спине у буйвола, остро наточенную пилу. Достав нужный инструмент, он снова опустился на колени и принялся работать под водой. Ему удалось оторвать пару корешков и перепилить еще несколько, размером побольше. Когда Цы разбирался с самым толстым корнем, он почувствовал, как его что-то кольнуло.

«Похоже, я порезался».

Хотя боли никакой и не было, руку следовало осмотреть.

Цы давно привык к борьбе со странной болезнью, которой наказало его Небо и о которой он узнал в тот далекий день, когда матушка поскользнулась и опрокинула на него сковородку с кипящим маслом. Мальчику было всего четыре года, и ему показалось, будто его окатили теплой водичкой. Вот только запах горелого мяса сообщил ему — ничего еще не понимающему, — что случилось иное. Обожжены были руки, туловище; следы ожогов остались навсегда. Ужасные шрамы с тех пор напоминали мальчику, что он не такой, как другие дети, и что, хотя нечувствительность к боли и выглядит как большая удача, он должен внимательно осматривать любую свою ранку, которые в детстве — не редкость. Потому что если Цы и вправду не чувствовал ушибов, если ломота от усталости была ему почти неведома и он мог трудиться до полного изнеможения, то имелась и обратная сторона: позабудешь о том, что тело не железное, — пострадаешь не на шутку.

Вытащив руки из воды, Цы увидел, что его ладони обагрены кровью. Он испугался серьезного пореза и поспешил обтереться платком. Однако не нашел ничего опасного, только небольшую алую царапину.

«Что за бесовщина?»

Обескураженный, он вернулся туда, где застрял плуг, и вновь занялся корнями; илистая вода багровела прямо на глазах. Цы распустил ремни, чтобы освободить плуг, и отогнал буйвола в сторону. А потом, часто дыша, уставился на воду. Дождь лупил по затопленному полю, заглушая все прочие звуки.

Юноша со смесью удивления и страха подступил к образовавшейся в грязи вокруг застрявшего лемеха воронке. У него засосало под ложечкой, кровь бешено колотилась в висках. Цы захотелось убраться подальше, но он отогнал эту мысль. Из глубины ритмично всплывали гроздья мелких пузырей; они смешивались с пузырями от звонко падающих капель дождя. Цы опустился коленями в липкий ил. С опаской нагнулся к воде, и тут кровавая жижа едва не брызнула ему прямо в лицо. Наклонился бы чуть ниже — хлебнул бы, не иначе.

В грязи опять что-то шевельнулось. Цы дернулся в сторону — его застало врасплох барахтанье мелкого карпа под водой.

«Вот глупая тварь!»

Юноша поднялся и пнул рыбешку ногой, пытаясь успокоиться. И тотчас заметил рядом другого карпа, побольше, — с лоскутом мяса в пасти.

«Да что же тут творится?..»

Он хотел сделать шаг назад, но оступился и рухнул навзничь, в месиво ила, грязи и крови. Глаза под водой раскрылись сами собой, когда в лицо ему ткнулся пучок каких-то трубок. От увиденного чуть не остановилось сердце. Прямо перед Цы болталась в путанице корней и веток, с торчащей изо рта тряпкой человеческая голова.

* * *

Он кричал, пока не охрип, но никто не пришел ему на помощь.

От ужаса Цы не сразу сообразил, что этот участок поля долгое время был заброшен и что крестьяне сейчас трудятся по ту сторону горы. И только тогда он сел в мутную жижу в нескольких шагах от плуга и огляделся по сторонам. Дрожь постепенно унялась, в голову пришло возможное решение: бросить буйвола на поле и спуститься за помощью в деревню. Или — оставаться на месте до возвращения брата.

Оба варианта не очень-то нравились Цы, однако, учитывая, что Лу должен был уже скоро появиться, юноша предпочел подождать. Здешние места кишели хищным зверьем, а один целый буйвол стоит в тысячу раз дороже, чем человеческая голова без туловища.

В ожидании брата Цы обрезал оставшиеся корни и вызволил лемех, стараясь не наносить голове новых повреждений. Железное орудие вроде бы не пострадало, так что, если повезет, Лу сможет поставить в вину лишь задержку в работе. Во всяком случае, хотелось бы на это надеяться… Покончив с корнями, Цы снова впряг буйвола и продолжил пахоту. Чтобы отвлечься, он попробовал насвистывать, но внутри эхом повторялись слова, не раз слышанные от батюшки: «Проблема не разрешится, если повернуться к ней спиной».

«Знаю. Вот только это не моя проблема», — сам себе отвечал Цы.

Он продвинулся с плугом еще на пару шагов, а потом остановил буйвола и вернулся к мертвой голове.

Некоторое время ученик судьи задумчиво смотрел, как она плавает. Потом начал подмечать детали. Щеки были вдавлены внутрь, будто кто-то в ярости топтал голову ногами. На посеревшей, почти лиловой коже Цы разглядел мелкие порезы, — это поработали рыбы. Глаза оставались широко распахнутыми, ошметки кровоточащей плоти колыхались вокруг трахеи… а из полуоткрытого рта торчала эта странная тряпица.

Ничего более ужасного Цы в жизни не видел. Он зажмурился. Его вырвало. И вдруг Цы понял, что знает этого человека. Это была голова старого Шана. Отца Черешни — девушки, которую он любил.

Когда Цы слегка пришел в себя, он заметил, как неестественно искривлен рот у отрезанной головы, — видимо, дело было в тряпке. Цы осторожно потянул за краешек, и ткань мало-помалу начала подаваться, как будто разматывался клубок. Юноша спрятал тряпицу в рукав и попытался сомкнуть покойнику челюсти, но не получилось. Его вырвало снова.

Цы омыл лицо мутной водой. Потом побрел обратно по вспаханному участку в поисках мертвого тела. Он обнаружил обезглавленный труп в полдень, на восточной границе надела, в нескольких *ли* от того места, где застрял плуг. На мертвеце до сих пор был желтый пояс — отличительный знак уважаемого человека, — а еще халат с пятью пуговицами. Но вот голубой шапочки, которую Шан всегда носил, обнаружить не удалось.

Продолжать пахоту Цы был не способен. Он опустился на каменный вал, без всякого аппетита откусил от рисовой лепешки, но проглотить кусок так и не смог. Взгляд его был прикован к брошенному в грязь телу Шана, обезглавленному, как будто несчастный был закоренелым преступником.

Как же рассказать об этом Черешне?

И юноша вопрошал сам себя, каким бессердечным злодеем нужно быть, чтобы лишить жизни столь уважаемого человека, как Шан, — преданного односельчанам, чтущего традиции и ритуалы. Определенно, чудовище, свершившее это преступление, не должно оставаться в мире живых.

* * *

Братец Лу добрался до участка лишь под вечер. С ним пришли трое батраков, нагруженных саженцами, что означало перемену планов: Лу все-таки решил высадить рис, не дожидаясь, пока земля просохнет. Цы, оставив буйвола без присмотра, бросился к брату. Подбежав, он согнулся в почтительном поклоне:

— Братец! Ты не поверишь, что здесь случилось… — Сердце Цы бешено колотилось.

— Ну как не поверить, если я собственными глазами все вижу! — зарычал Лу, окидывая рукой невспаханное поле.

— Понимаешь, я нашел…

Но тут последовал удар палкой по лбу, от которого младший брат повалился в грязь.

— Проклятый оболтус! — припечатал сверху Лу. — До каких же пор ты будешь считать себя лучше других?

Цы прижал ссадину ладонью, стирая заливавшую лицо кровь. Лу уже не в первый раз поднимал на него руку, но он был старшим братом, которому, по правилам конфуцианства, следует повиноваться. Едва в силах разлепить веки, все равно Цы начал с извинения:

— Мне очень жаль, брат. Я не успел, потому что…

— Потому что у белоручки-студента нет желания гнуть спину! — Лу снова его ударил. — Потому что этот белоручка-студент думает, что рис растет сам по себе! — Новый удар снова сшиб младшего брата с ног. — Потому что у белоручки-студента есть братец Лу, который должен за него горбатиться!

Лу счистил со штанов грязь, позволяя Цы подняться.

— Я… я нашел труп! — успел выговорить Цы.

Лу нахмурился:

— Труп? О чем ты?

— Он здесь… возле вала… — добавил Цы.

Лу обернулся к указанному месту, там уже поклевывали пашню грачи. Крепче сжав палку и не дожидаясь дальнейших объяснений, он зашагал туда. Подойдя к голове, шевельнул ее ногой. Потом нахмурился и оглянулся:

— Вот пакость! Ты ее здесь нашел? — Лу схватил мертвую голову за волосы и с омерзением покачал ею в воздухе. — Я так понимаю, что здесь. Клянусь бородой Конфуция — это Шан, что ли? А тело где?..

— С другой стороны. Рядом с плугом.

Лу скривил губы. И поспешил к своим батракам.

— Вы двое, чего ждете? Живо туда, подберите тело. А ты вытащи саженцы, а голову положи в корзину. Бесовщина какая! Мы возвращаемся в деревню.

Цы подошел к буйволу и принялся его распрягать.

— Позволь-ка узнать, чем это ты занят? — ехидно спросил Лу.

— Разве ты не сказал, что мы возвращаемся?

— Возвращаемся мы. Ты вернешься, когда закончишь свою работу.

2

Остаток дня Цы провел, глотая зловонные ветры, то и дело истекавшие из ритмично колыхавшегося буйволиного зада, и раздумывая тем временем, что за преступление мог совершить старый Шан, чтобы над ним учинили такое. Насколько знал Цы, врагов у старика не водилось и никто ему никогда не угрожал. В общем-то, худшее, что приключилось с ним в жизни, — это рождение множества дочерей; Шану приходилось трудиться с утра до ночи, чтобы заработать на приданое и тем добавить дочкам привлекательности. В остальном Шан всегда был человеком достойным и уважаемым.

«О нем как об убийце я бы подумал в последнюю очередь».

Когда Цы очнулся от этих дум, солнце уже садилось.

Помимо пахоты Лу наказал ему привезти «черной грязи», поэтому он второпях накидал в корзину несколько лопат месива из глины, человеческих экскрементов и старых побегов, которое обыкновенно используют как удобрение, и снова заровнял почву. Затем подстегнул буйвола — тот двинулся вниз с трудом, будто отвык ходить без плуга, — запрыгнул животному на хребет и наконец поехал в деревню.

Пока они спускались, Цы сравнивал убийство Шана с другими сходными случаями, подробности которых ему довелось узнать еще в Линьане. Ведь он помогал судье Фэну расследовать множество жестоких преступлений. Он даже наблюдал последствия зверских ритуальных убийств, совершенных членами различных сект, однако чтобы так надругаться над телом… По счастью, судья сейчас в деревне, и его бывший ученик не сомневался, что виновник будет найден.

Черешня жила вместе с семьей на самом берегу реки, в домишке, что из последних сил держался на полусгнивших деревянных сваях. Цы подъехал к домику промокший до нитки, до краев исполненный беды. По дороге он обдумал тысячу способов, как поведать любимой о случившемся, но ни один из них не годился. Несмотря на проливной дождь, Цы остановился перед дверью, раздумывая, что же все-таки сказать.

«Что-нибудь да придумаю!»

Он поднес руку к двери, кусая губы и до боли сжимая кулаки. Руки дрожали еще сильнее, чем тело. Еще помедлил и наконец постучал.

Ответом была только тишина. После третьей попытки Цы понял, что никто ему не откроет. Тогда он перестал стучать и отправился домой.

Как только Цы открыл дверь, батюшка принялся выговаривать ему за опоздание. Судья Фэн пришел к ним на ужин, и все ждали только ученика. Увидев гостя, Цы приложил руки к груди и склонился в поклоне, выражающем извинения, однако Фэну извинений не требовалось.

— Клянусь всеми чудищами преисподней! — добродушно улыбнулся судья. — Чем ты тут питаешься? В прошлом году ты казался еще совсем юнцом!

Цы об этом не догадывался, но в свои двадцать лет он уже не был тем щуплым пареньком, над которым в Линьане все потешались. Сельская жизнь превратила его из тщедушного подростка в жилистого юношу, чьи мышцы, пусть и тонкие еще, напоминали пучки туго сплетенных камышин. Цы застенчиво улыбнулся, обнажив безупречный ряд зубов, и оглядел гостя с ног до головы. Старый судья почти не переменился. На испещренном мелкими морщинками лице все так же выделялись тщательно подстриженные седые усики. На голове красовалась шелковая чиновничья шапка с двумя торчащими по бокам твердыми от лака завязками — знак высокого ранга.

— Досточтимый судья Фэн, — приветствовал его Цы, — простите мое опоздание, но…

— Не тревожься об этом, сынок, — перебил судья. — Давай, проходи, ты весь вымок.

Цы пробежал в дальнюю комнату и вернулся с изящным свертком из великолепной красной бумаги. Этого момента он ждал целый месяц. Ровно столько времени прошло с тех пор, как юноша узнал, что к ним приедет Фэн и они наконец увидятся. Как и полагается по обычаю, Фэн трижды отказывался от подарка, прежде чем принять его.

— Не стоило беспокоиться. — С этими словами судья спрятал сверток, не развернув; ведь иначе можно было бы подумать, будто он

придает больше значения его содержимому, нежели самому факту подарка.

— Да, Цы в самом деле подрос, — вставил отец, — но, как видите, он все такой же безответственный.

Цы колебался. Правила этикета запрещают докучать гостю делами, не относящимися к его визиту, однако убийство выходит за рамки всяких приличий. Судья сможет это понять.

— Простите мою невежливость, но я должен сообщить вам ужасную новость. Шана убили! Ему отрезали голову!

Отец взглянул сурово:

— Да. Твой брат Лу нам уже рассказал. А теперь присядь-ка, давайте ужинать. Не будем заставлять нашего гостя ждать.

Цы был поражен равнодушием, с которыми Фэн и батюшка восприняли случившееся. Шан ведь был лучшим другом отца, а теперь хозяин и гость как ни в чем не бывало спокойно приступали к ужину. И тогда Цы последовал примеру старших, приправляя свою долю трапезы собственной желчью. Отец угадал его состояние.

— Как бы то ни было, мы мало что можем сейчас поделать, — заговорил он наконец. — Лу отвез тело Шана в управу, и родственники уже сидят с покойным. К тому же тебе известно, что наш уезд не подведомствен судье Фэну. Нам остается ждать только чиновника, который займется этим делом.

Цы понимал, что так все и есть, а еще Цы понимал, что, пока чиновник едет, убийца успеет скрыться. Но что его возмущало более всего — так это спокойствие батюшки. По счастью, Фэн сумел прочитать его мысли.

— Не горячись. Я уже переговорил с родственниками убитого. Завтра я осмотрю тело, — заверил судья.

Старшие перевели разговор на другие предметы, ливень все колотил по кровле. Летние тайфуны часто оборачиваются потопом и несут опасность для неосторожных путников, но для Лу в тот вечер все кончилось благополучно. Вот он появился на пороге, промокший до нитки, пахнущий прелью, с мутными глазами. Шагнув внутрь, он споткнулся о деревянный сундук и растянулся на полу, но тотчас вскочил и со всей силы пнул сундук, будто тот был виноват в его падении. Затем неловко поздоровался с судьей и тотчас исчез в своей комнате.

— Ну что ж. Полагаю, мне пора, — произнес Фэн, отерев усы. — Надеюсь, ты обо всем этом еще поразмыслишь, — сказал он отцу семейства. — А что касается тебя… — Фэн обернулся к юноше. — Увидимся завтра в час Дракона, у старосты по надзору. Я в его доме остановился.

Фэн распрощался и ушел. Как только дверь за ним закрылась, Цы впился взглядом в лицо батюшки, сердце его колотилось от нетерпения узнать новости.

— Ну что? Он говорил, когда мы сможет вернуться? — наконец отважился спросить Цы. Пальцы его барабанили по столу.

— Присядь, сынок. Хочешь еще чаю?

Отец сделал глоток из своей чашки, потом налил другую для сына. Взглянул печально, а потом и вовсе опустил глаза.

— Мне очень жаль, Цы. Я знаю, как тебе хочется вернуться в Линьань… — Он звучно прихлебнул. — Но иногда все выходит не так, как было задумано.

Цы так и не донес свою чашку до рта.

— Не понимаю! Что-то еще произошло? Разве Фэн не предложил тебе должность?

— Да. Вчера. — Отец неторопливо отпил еще.

— И что же? — Цы опять вскочил.

— Сядь.

— Но, батюшка… Ты же обещал. Ты говорил…

— Я велел тебе сесть! — возвысил голос отец.

Цы повиновался; глаза его увлажнились. Отец подлил ему чаю, да так, что пролилось через край. Цы хотел было вытереть лужицу, но отец знаком остановил его.

— Послушай, Цы. Есть вещи, которых тебе не понять…

А сын недоумевал, что здесь еще нужно понимать. Что он должен каждый день терпеть оскорбления Лу? Что должен отказаться от будущности, которую сулит ему Императорский университет Линьаня?

— А как же наши планы, батюшка? Что теперь с нашими?..

Пощечина заткнула ему рот. Отец вскочил, будто подброшенный пружиной. Голос его дрожал, но взгляд был жёсток.

— Наши планы? С каких это пор у детей планы? — рявкнул он. — Мы останемся здесь, в доме твоего брата! И так будет до самой моей смерти!

Цы молча смотрел, как отец уходит из комнаты. Он задыхался от ярости.

«А твоя больная дочь?.. Она так мало для тебя значит?»

Цы убрал посуду и направился в комнату, которую делил с сестрицей.

Стоило лечь, кровь шумно застучала в висках. С первого же дня в деревне Цы мечтал о возвращении в Линьань. Не было вечера, чтобы бывший студент, закрыв глаза, не вспоминал прошлую жизнь, прежних товарищей, их состязания в конкурсах учеников (в которых Цы нередко выходил победителем), или преподавателей, обожаемых им за строгость и настойчивость, или судью Фэна и день, когда тот взял его помощником в свою канцелярию. Цы страстно желал стать таким же, как Фэн, выдержать императорские экзамены, получить должность в судейской управе… А не как отец, после многих лет безуспешных попыток добившийся всего-навсего места мелкого конторщика.

Почему батюшка не хочет возвращаться? Он ведь подтвердил, что Фэн предлагает ему службу, о которой он все это время мечтал. Но не прошло и суток, как он без видимой причины меняет свое решение на противоположное. Неужели из-за дедушки? Вряд ли. В конце концов, прах умершего ведь можно перенести и в Линьане исполнять полагающиеся почтительному сыну траурные ритуалы.

И в этот момент Третья раскашлялась. Девочка спала рядом и вся дрожала. Цы ласково погладил ее по голове, ему было и вправду жаль сестрицу. Третья оказалась крепче, чем Вторая и Первая, — ведь ей уже исполнилось семь лет, однако Цы сомневался, что она дотянет до десяти. Болезнь была как родовое проклятие. И ко всему прочему, брат надеялся, что в Линьане сестренке, по крайней мере, будет обеспечен надлежащий уход.

Цы закрыл глаза и повернулся на бок. Теперь он думал о Черешне, на которой должен был жениться, как только сдаст государственные экзамены. Сейчас она, наверное, безутешно оплакивает гибель отца… А не переменит ли это несчастье ее намерений? Кто знает? Внезапно он почувствовал себя подлецом: как можно думать только о себе в час всеобщей скорби!

Шесть месяцев миновало после скоропостижной смерти деда…

Цы разделся — ему стало душно, и вдруг в рукаве рубашки он ощутил окровавленную тряпицу, что торчала изо рта Шана. Еще раз взглянув на страшную находку, он положил ее рядом со своим каменным подголовником.

За окном доносились жалобные стоны: их сосед, шалопай Пэн, вот уже несколько дней мучился от зубной боли. Вторую ночь подряд Цы не удавалось выспаться.

* * *

Поднялся он на заре. Он должен был встретиться с Фэном в доме надзорного старосты Бао Пао, где обычно останавливались правительственные чиновники. Там, Цы поможет судье осмотреть труп. Лу громко храпел в соседней комнате. Когда старший брат проснется, младший будет уже далеко.

Цы тихо оделся и вышел из дому. Дождь кончился, но теперь вода на полях испарялась так быстро, что каждый вдох превращался в обжигающий глоток. Цы набрал в грудь побольше воздуха и углубился в лабиринт деревенских улочек — бесконечная череда одинаковых домишек, изъеденные стены которых напоминали набор старых костяшек домино, выстроенных в идеальном порядке. Тут и там над распахнутыми дверями колыхались мерцающие фонарики, из домов доносились чайные ароматы, а бредущие по дорогам крестьяне в дымке были похожи на привидения. Но в общем-то, деревня еще спала. Лишь слышался время от времени тоскливый лай собак.

Когда Цы подошел к дому старосты, уже светало.

Фэна он нашел в крытой галерее. Судья был одет в холщовый халат, агатово-черный, под цвет шапочки. Лицо его было невозмутимым, но руки выстукивали беспокойную дробь. После ритуального приветствия Цы принялся благодарить учителя.

— Я только пойду и взгляну, так что оставь эти ужимки. И не делай такое лицо, — добавил судья, заметив разочарование ученика. — Вы не в моей юрисдикции, и к тому же ты знаешь, я в последнее время отошел от таких дел. Но деревня маленькая, так что отыскать убийцу будет не сложнее, чем вытащить камешек из туфли.

Цы проследовал за судьей под боковой навес, рядом с которым стоял на страже его личный помощник, молчаливый человек с чертами северянина. Внутри их встретил староста Бао Пао, вдова и сыновья покойного. Стоило Цы глянуть на останки Шана, у него вновь начался приступ рвоты: родственники усадили покойного на деревянный стул, будто он был еще жив, — спина прямая, голова примотана к стулу сплетенным из камыша жгутом. Шана омыли, смазали ароматным маслом и одели, но все равно он больше напоминал окровавленное пугало. Судья высказал положенные соболезнования родственникам, перекинулся с ними несколькими словами вполголоса и испросил разрешения осмотреть тело. Старший сын разрешил, и тогда Фэн медленно приблизился к трупу.

— Ты помнишь, что тебе делать? — спросил он у Цы.

Цы помнил прекрасно. Он достал из своей сумки лист бумаги, чернильный камень и лучшую кисточку. Затем уселся на пол подле трупа. Фэн подошел, сокрушаясь, что тело омыли до осмотра, и приступил к работе.

— Я, судья Фэн, в двадцать второй день лотосовой луны второго года под девизом правления Кайси и четырнадцатого года правления всеми обожаемого Нин-цзуна, Сына Неба и Досточтимого Императора династии Сун, получив надлежащее разрешение от членов семьи, приступаю к расследованию — предварительному и вспомогательному по отношению к официальному, которое должно быть осуществлено направленным из области Цзяньнин должностным лицом не менее чем через четыре часа после уведомления о назначении. В присутствии Ли Чэна, старшего сына погибшего, госпожи Ли, вдовы последнего, двух других детей мужеского пола, Цзе и Синя, а также Бао Пао, поселкового старосты по надзору, и моего помощника Цы, непосредственного свидетеля.

Цы писал под диктовку, вслух повторяя каждое слово. Фэн продолжал:

— Покойного, по имени Ли Шан, сына и внука Ли, которому, по словам старшего сына, на момент смерти было пятьдесят восемь лет от роду, по профессии счетовода, землепашца и плотника, в последний раз видели позавчера в полдень, после окончания работы в лавке Бао Пао, где мы сейчас находимся. Сын заявляет, что покойный не страдал

никакими недугами, помимо свойственных его возрасту и занятиям, и что явных недоброжелателей у него не имелось.

Фэн взглянул на старшего сына, тот поспешил согласно кивнуть, затем на Цы — тот громко зачитал записанное.

— По незнанию родственников, — продолжил Фэн с ноткой упрека в голосе, — тело было омыто и переодето. Члены семьи заявляют, что на момент получения тела они не обнаружили иных повреждений, кроме страшного разреза, отделившего голову от шеи, — он, без сомнения, и явился причиной смерти. Рот раскрыт широко, неестественно широко… — Судья попытался его закрыть. — Челюсти окоченели в таком положении.

— Вы его даже не разденете? — удивился Цы.

— Нет необходимости. — Фэн вытянул руку и коснулся шеи. Обернулся к ученику в ожидании его догадки.

— Двойной разрез? — предположил Цы.

— Двойной… Как свинью…

Цы внимательно осмотрел рану, отмытую от ила. Действительно, спереди, под тем местом, где раньше был кадык, виднелся горизонтальный разрез — так свинари выпускают кровь из животных. У основного разреза, который шел по всей окружности, края были неровные, сделанные как будто ножовкой на бойне. Цы уже хотел поделиться своим наблюдением, когда Фэн попросил его в подробностях рассказать, как он обнаружил тело. Цы принялся рассказывать о каждом своем шаге на рисовом поле — все, что только мог вспомнить. Когда рассказ подошел к концу, взгляд судьи посуровел.

— А тряпка?

— Тряпка?..

«Вот дурак! И как же это я забыл?»

— Ты меня недооцениваешь, Цы, а прежде за тобой такого не водилось… — Судья выдержал красноречивую паузу. — Как ты уже должен был догадаться, этот открытый рот не связан ни с призывом о помощи, ни с криком боли — иначе вследствие посмертного расслабления мышц он бы легко закрылся. А следовательно, в рот ему поместили какой-то предмет — перед или непосредственно после смерти, — каковой предмет и оставался в ротовой полости в то время, когда мускулы отвердевали. Судя по типическим признакам, я

предполагаю, что речь идет о льняной тряпице — если, обратить внимание на окровавленные нити, застрявшие между зубами.

Упрек учителя больно уколол Цы. Еще год назад он не допустил бы ошибки, однако из-за отсутствия практики он отупел и соображал медленнее, чем прежде. Юноша, кусая губы, запустил пятерню в рукав рубашки.

— Я как раз собирался передать ее вам, — пробормотал он, вытягивая аккуратно свернутый кусок материи.

Фэн внимательно осмотрел тряпицу. Ткань сероватая, в пятнах засохшей крови. Размером с платок, какими покрывают голову. Судья описал тряпку как вещественное доказательство.

— Дописывай и поставь мою печать. И сделай копию для официального следователя.

Фэн попрощался с присутствующими и вышел из-под навеса. Снаружи снова шел дождь. Цы поспешил вслед за судьей и нагнал его перед самым входом в покои, которые предоставил гостю Бао Пао.

— Документы… — промямлил юноша.

— Оставь здесь, на столике.

— Судья Фэн, я…

— Не бери в голову, Цы. В твоем возрасте я не мог разобрать, кого застрелили из самострела, а кого задушили.

Цы эти слова утешили не сильно: он ведь знал, что на деле было не так. Юноша смотрел, как Фэн раскладывает бумаги. Ученик мечтал стать таким же, хотел обрести такую же мудрость, достоинство, познания. Он многому научился у Фэна, хотел и дальше быть его учеником, однако этого никогда не добиться, сидя, как привязанный, в деревне среди крестьян. Цы дожидался, когда учитель покончит с бумагами, чтобы заговорить. И вот Фэн уложил последний листок, и Цы спросил про работу для батюшки, но судья строго покачал головой:

— Это касается только нас с твоим отцом.

Цы топтался среди вещей Фэна, точно нерешительный покупатель перед торговой палаткой.

— Вчера вечером я заговорил с ним об этом, и батюшка сказал… В общем, я думал, мы вернемся в Линьань, а оказалось, теперь…

Фэн остановился и заглянул в повлажневшие глаза юноши. Старый судья глубоко вздохнул и только потом решился положить руку в перчатке ему на плечо.

— Послушай, Цы, я даже не знаю, должен ли тебе об этом рассказывать…

— Я прошу вас…

— Ну хорошо, только ты должен пообещать, что будешь держать рот на замке. — Фэн дождался согласия юноши, потом снова вздохнул и уселся с невеселым видом. — Вообще-то, свое путешествие я предпринял ради вас. Несколько месяцев тому назад твой отец написал мне о желании снова занять прежнюю должность, однако теперь, вытащив меня в эту деревню, он и слышать об этом не желает. Я уговаривал его обещаниями подходящей работы и достойного жалованья, даже предлагал в собственность дом в столице, но он отказывается и не дает никаких объяснений.

— Ну тогда возьмите меня! Если все дело в том, что я забыл про тряпицу, то обещаю: я буду работать усердно. Так работать, если нужно, что кожа облезет, только бы вас больше не опозорить! Да я…

— Честно говоря, я думал о такой возможности. Ты человек преданный, и мне бы хотелось снова иметь тебя в помощниках. Поэтому я заговорил с твоим отцом о тебе и о твоем будущем, но с тем же успехом можно биться головой об стену. Я не понимаю, что происходит, но он непреклонен. Мне правда жаль…

— Я… я… — Цы не знал, что сказать.

Вдалеке раскатился гром. Фэн хлопнул юношу по спине:

— У меня были большие виды на тебя, Цы. Я даже зарезервировал за тобой место в Линьаньском университете.

— В Линьаньском университете? — Глаза бывшего студента поползли на лоб. Вернуться в университет было его мечтой.

— А что, отец тебе не говорил? Я думал, он тебе расскажет.

У Цы подогнулись колени. Но когда Фэн спросил, что случилось, юноша смолчал. Он чувствовал, будто его только что крупно обокрали.

3

Судья Фэн заявил, что торопится допросить нескольких жителей деревни, поэтому они договорились увидеться после обеда. Цы воспользовался паузой, чтобы сбегать домой: ему хотелось навестить Черешню, но для этого нужно было получить от отца разрешение не ходить на работу.

Перед дверью Цы препоручил себя Небу и вошел без стука. Батюшку он застал за чтением каких-то документов; как только сын появился на пороге, бумаги выскользнули у него из рук. Отец поспешил подобрать их с пола и спрятать в красную лакированную шкатулку.

— Позволь-ка узнать, что ты тут делаешь? Ты ведь сейчас должен пахать, — гневно бросил он. Потом закрыл шкатулку и засунул под кровать.

Цы рассказал о своем намерении, но отец его не одобрил.

— Ты всегда ставишь свои желания выше своих обязанностей, — недовольно буркнул он.

— Батюшка…

— Она не умрет от тоски, уверяю тебя. Не знаю, зачем я послушал твою мать, когда она решила породниться с девчонкой, которая опасней осиного гнезда.

Цы сумел удержаться от ответной резкости.

— Умоляю вас, батюшка, это только на минутку. А потом я все вспашу, а еще помогу Лу сеять.

— «Потом, потом…» Ты что, думаешь, Лу в поле погулять выходит? Даже его буйвол проявляет усердия вдвое больше, чем ты. «Потом…» Когда будет твое «потом»?

«Батюшка, да что с тобой творится? Отчего ты так несправедлив ко мне?»

Цы ничего не ответил. Всем, включая и батюшку, было прекрасно известно, что именно он, а не Лу, гнет хребет на рисовом поле, что это его ноги покрыты ссадинами от бесконечной ходьбы среди рисовой рассады, что это с его рук не сходят мозоли от прополки, просеивания, обмолота и сортировки, что это именно он пашет от зари до зари, он не видит в жизни ничего, кроме разравнивания, пересаживания, внесения

удобрений и перетаскивания тюков на лодочную пристань. Всем в этой распроклятой деревне было известно, что, пока Лу пьянствует со своими шлюхами, Цы рвет жилы в поле.

И сейчас Цы жалел, что обладает здравым рассудком. Ведь рассудок заставлял его примириться с отцовским решением.

Цы поплелся за своим серпом и узелком. Котомка была на месте, а вот серпа не оказалось.

— Возьми мой — твой забрал Лу, — подсказал отец.

Цы снова промолчал. Уложил серп в узелок и пошел в поле.

Он так стегал буйвола, что раскровенил себе ладонь. Животное ревело, точно на бойне, но плуг тянуло с дьявольской силой, в безнадежном стремлении спастись от ударов погонщика. Сам Цы налегал на плуг так, будто хотел зарыть его навсегда, а поле вскипало от ливня, лившего стеной: надвигалась настоящая буря. За каждой пройденной бороздой открывалась новая, требовавшая новых проклятий, усилий, ударов. Цы уже не отличал жар испарений от пота, а пот — от водяных струй, которые хлестали все пуще. Снова грянул гром, и Цы остановился. Небо теперь было таким же черным, как и грязь под ногами. Юноше стало совсем жарко. Воздуха не хватало. Хруст-скрежет. Новый раскат. Вспышка. Новая вспышка. Неожиданно небеса разверзлись, накатила волна света, потом волна грохота, земля сотряслась. Буйвол от ужаса рванулся вбок, но застрявший в земле лемех дернул его назад, и всем весом несчастная скотина повалилась на собственную заднюю ногу.

Когда Цы удалось перевести дух, он увидел, что буйвол отчаянно бьется на земле. Пахарь поспешил ему на помощь, но поднять не смог. На смену кулакам пришла палка, но животное только дыбило холку, пытаясь спастись от наказания. И тогда Цы увидел страшный открытый перелом на правой задней ноге.

«О Небо, чем я тебя оскорбил?»

Цы достал из мешка яблоко и поднес к морде буйвола, но тот в ответ попытался зацепить погонщика рогом. Когда животное немного успокоилось, Цы наклонил ему голову — настолько, что левый рог погрузился в ил. Он смотрел в распахнутые от ужаса глаза зверя, — казалось, они стремятся вырваться из плена покалеченного тела. Ноздри раздувались и опадали, точно кузнечные мехи, слюни стекали

по морде потоком. Поднимать его уже не было смысла. Это был уже не рабочий буйвол, а мясо для скотобойни.

Цы еще гладил несчастное животное, когда почувствовал, как его хватают за плечи и бросают в воду. Подняв голову, он увидел старшего брата, в ярости потрясающего палкой.

— Бесполезный лодырь! Так-то ты платишь за мои хлопоты! — Над лежащим Цы высилось живое воплощение дьявола.

Цы попытался увернуться от палки. Лицо обожгло.

— Поднимайся, уродец. — Последовал новый удар. — Буду тебя учить.

Цы и сам хотел подняться, но очередной удар снова повалил его в грязь. Потом Лу схватил его за волосы и поволок к плугу.

— Ты знаешь, сколько стоит буйвол? Нет? Ну так сейчас узнаешь.

Лу сунул брата головой в ил и придавил ногой. Насытив свой первый гнев, он бросил Цы под плуг.

— Пусти меня!

— Не любишь, значит, в поле работать? Не нравится, что отец мне отдает предпочтение?.. — Лу принялся связывать его поводьями.

— Отец тебя не полюбит, даже если ты вылижешь ему туфли. — Цы вывернулся.

— Скоро ты мне будешь туфли лизать. — И Лу снова ударил его палкой.

Отирая кровь с лица, Цы смотрел на старшего брата с ненавистью. Он, как и велят заповеди родственной почтительности, никогда не огрызался на него в ответ, но пришел срок показать, что он не раб и не слуга. Цы поднялся на ноги и с яростью ударил старшего брата в живот. Лу такого не ожидал и пропустил удар. Но тотчас отпрыгнул по-тигриному и заколотил брату по ребрам. Цы снова рухнул. Лу превосходил его и весом, и в плечах. Единственным преимуществом Цы была загоревшаяся в нем ярость. Он попробовал подняться, но Лу ударил ногой. В груди его что-то хрустнуло, но боли не было. Цы не успел ничего сказать, потому что получил новый удар ногой в живот. Кровь застучала в висках, все тело было в огне. Еще удар, и Цы опрокинулся навзничь. Он еще пытался встать, но ничего не получалось. Избитый юноша чувствовал, как дождь смывает кровь с его лица.

Он будто еще слышал, как брат глумливо кричит о своей победе, но поди разбери: накатила чернота, и Цы потерял сознание.

* * *

Фэн стоял перед телом Шана, когда, еле переставляя ноги, приплелся Цы, похожий на привидение.

— О Небо! Цы! Кто это тебя так? — Судья подхватил юношу, увидев, что тот валится без сил.

Потом уложил избитого на циновку. Левый глаз Цы заплыл и почти не видел; правда, рана на щеке не казалась серьезной. Судья провел пальцами вдоль свежего рубца.

— Тебя заклеймили, точно мула, — вздохнул он, снимая с юноши рубашку; синий от кровоизлияний бок его встревожил, однако, по счастью, ребра остались в целости. — Это был Лу?

Почти бессознательно Цы качнул головой: нет.

— Не лги. Вот проклятое животное! Отец хорошо сделал, что оставил его в поле.

Фэн совсем раздел Цы и осмотрел остальные раны. С облегчением вздохнул, удостоверившись, что пульс ритмичный и сильный, но все же послал помощника за местным лекарем. Вскоре на пороге появился беззубый старик с ворохом трав и двумя глиняными горшочками. Дряхлый лекарь осматривал пациента томительно медленно, наконец он прописал ему притирания и тонизирующий отвар. В завершение врачебных процедур старик переодел Цы в сухую одежду и сообщил Фэну, что молодому человеку нужен покой.

Через некоторое время Цы очнулся от непонятного гудения. Встревоженный, он с трудом приподнялся на циновке и огляделся в полутьме. Оказалось, он лежит в той же комнате, где тело Шана. Снаружи лил дождь, но от жары мертвая плоть уже начала разлагаться и смердела, как выгребная яма. От тела Шана шел странный шум, и Цы, не понимая, что бы это могло быть, напряженно вгляделся в темноту. Гудение пульсировало в такт с движениями какой-то жуткой колышущейся тени, что маячила над трупом. Поднявшись и подойдя ближе, Цы разглядел: рой мух облепил ожерелье запекшейся крови на горле у Шана.

— Ну, как твой глаз? — спросил Фэн.

Цы вздрогнул. Он не заметил, что судья сидит на полу совсем рядом, в двух шагах от покойника.

— Не знаю. Я ничего не чувствую.

— Похоже, ты выкарабкаешься. Кости у тебя целы, а… — Раскат грома прозвучал совсем близко. — Клянусь Великой стеной! Небеса на нас разгневались!

— На меня они давно злы, — грустно вздохнул Цы.

Фэн помог ему сделать несколько шагов; гром грохотал уже в отдалении.

— Скоро соберутся родственники Шана и деревенские старейшины. Я позвал их, чтобы сообщить о своих находках.

— Судья Фэн, я здесь больше не могу. Пожалуйста, заберите меня в Линьань.

— Цы, не проси о невозможном. Главное — это сыновнее послушание.

— Но…

— Прости. А вот и старейшины.

Родственники Шана внесли на плечах деревянный гроб с резьбой на крышке. Процессию возглавлял отец покойника — старик, удрученный потерей сына, которому полагалось бы пережить отца и воздать тому посмертные почести; дальше шла прочая родня и соседи. Гроб поставили рядом с телом, зазвучало траурное песнопение. Закончив петь, скорбящие встали рядом с гробом Шана, безразличные к густому зловонию, исходившему от тела.

Фэн приветствовал пришедших, воспоследовали поклоны. Прежде чем сесть, Фэн разогнал мух, облепивших горло покойника, но насекомые вернулись к своему пиршеству, как только человек перестал махать руками. Тогда судья распорядился прикрыть рану. Затем он уселся в кресло за черный лакированный стол — место для официальной церемонии подготовил его помощник-монгол.

— Досточтимые граждане, вам уже известно, что сегодня вечером прибывает чиновник, назначенный управлением области Цзяньнин. Однако в соответствии с просьбой семьи покойного я провел предварительное расследование. Я опущу протокольные формальности и сразу перейду к сути дела.

Цы наблюдал за происходящим из темного угла комнаты. Мудрость и опытность судьи приводили его в восторг.

— Всем известно, что у Шана не было врагов. Тем не менее он был злодейски умерщвлен. Каков же мог быть мотив? Мое мнение однозначно: грабеж. Вдова покойного, женщина уважаемая и почтенная, утверждает, что перед исчезновением у Шана на поясе были связки в три тысячи монет. Однако Цы — юноша, который сегодня утром уже продемонстрировал нам свою наблюдательность, определив характер разрезов на шее, — утверждает, что, когда он обнаружил Шана, у того уже не было при себе денег. — В этом месте судья поднялся, скрестил руки на груди и прошелся перед крестьянами, избегавшими его взгляда. — С другой стороны, тот же Цы обнаружил тряпицу в ротовой полости трупа, о чем я свидетельствую; ныне эта тряпица, описанная в качестве вещественного доказательства, находится при мне в сохранности. — Фэн извлек из коробочки лоскут ткани и развернул его перед присутствующими.

— Прошу возмездия за моего мужа! — воскликнула заплаканная вдова.

Фэн согласно кивнул. Выдержав паузу, он продолжил:

— На первый взгляд может показаться, что это всего-навсего льняная тряпица, выпачканная в крови… Но если мы внимательно изучим эти пятна, — он указал на три самых больших кровавых следа, — то мы заметим, что очертания их производят странное впечатление.

Присутствующие зашушукались, недоумевая, к каким выводам может привести подобное открытие. Цы тоже задал себе этот вопрос, однако прежде, чем он успел что-нибудь придумать, Фэн продолжил:

— Чтобы подтвердить свои предположения, я проделал некоторые опыты, которые теперь хотел бы повторить в вашем присутствии. Жэнь! — подозвал он своего помощника.

Молодой монгол принес заранее заготовленные кухонный нож, серп, флакон черной от туши воды и два платка. Склонившись в поклоне, он разложил эти предметы перед Фэном. И тогда судья опустил нож в чернильную воду, а затем обтер платком. То же он проделал с серпом и другим платком, а результаты продемонстрировал присутствующим.

Цы смотрел во все глаза и потому без труда заметил, что после ножа линии остались ровные и прямые, а вот следы от серпа повторяли очертания следов, оставшихся на тряпице, вытащенной изо рта Шана. Итак, орудием убийства был серп. Цы поразился проницательности своего учителя.

— Вот по каким соображениям, — продолжал Фэн, — я повелел моему помощнику реквизировать все деревенские серпы, и это задание он, с помощью людей Бао Пао, утром исполнил с надлежащей аккуратностью. Жэнь!

Монгол снова подошел, на сей раз с ящиком, полным серпов, каждый из которых имел особую пометку. Фэн поднялся из-за стола и встал около мертвого тела.

— Голова была отделена от позвоночника мясницкой пилой — такую пилу люди Бао Пао нашли на участке, где был убит Шан. — Судья достал из ящика пилу и положил на пол. — Однако смертельный удар был нанесен иным орудием. Инструментом, который срезал жизнь Шана, явился, несомненно, серп — такой же, как и эти.

Гробовое молчание тут же сменилось гомоном. Когда голоса поутихли, судья заговорил снова:

— У этой пилы нет каких-либо существенных отличительных признаков. Она изготовлена из обычного железа, по деревянной ручке никто не смог бы определить, кому она принадлежала. Зато, по счастью, на каждом серпе пишется имя владельца, поэтому, как только мы найдем орудие убийства, мы поймаем также и преступника.

И Фэн сделал знак своему помощнику.

Помощник распахнул наружную дверь, и все увидели группу крестьян под охраной стражников Бао Пао. Жэнь приказал всем войти. Цы никого не узнал в этой толпе: землепашцы сгрудились в самом темном углу.

Судья спросил Цы, готов ли он оказать помощь. Юноша, разумеется, согласился. Он с трудом поднялся с лежанки, чтобы выслушать инструкции, которые Фэн прошептал ему на ухо. Затем взял тетрадь и кисточку и пошел вслед за учителем. Фэн склонился над ящиком и принялся исследовать серпы: он сравнивал пятна, оставшиеся на тряпке, с формой лезвий. Работал он методично, аккуратно прикладывал орудия к ткани и смотрел на просвет.

Ежеминутно диктовал что-то Цы, и юноша старательно делал вид, что фиксирует каждое слово.

Смысл этих действий до сих пор был для него не ясен: ведь большинство серпов ковалось по одному шаблону, и, если только нужный им инструмент не отличался какой-то своеобразной формой, получить полезную информацию таким образом было невозможно.

Наконец он понял. Фэн уже не в первый раз прибегал в своих расследованиях к подобной хитрости. Поскольку Уложение о наказаниях запрещало приговаривать обвиняемого, не добившись от него признания, Фэн решил схитрить, чтобы убийца испугался и сам себя выдал.

«У него нет доказательств! У него ничего нет!»

Фэн покончил с серпами и принялся читать несуществующие записи Цы. Потом, поглаживая ус, медленно повернулся к крестьянам:

— Говорю вам один только раз! — Фэн возвысил голос, перекрывая грохот бури. — Следы крови, обнаруженные на этой тряпице, неопровержимо указывают, кто виноват. Пятна определенно повторяют форму одного-единственного серпа, а на каждом инструменте, как вам хорошо известно, вырезано имя владельца. — И Фэн обвел грозным взглядом лица перепуганных крестьян. — Я знаю, вам всем понятно, какое наказание положено за столь чудовищное преступление, но вот чего вы, может быть, не слышали: если виновный не сознается сейчас, то — и это я гарантирую — он будет казнен затяжной смертью *линчи!* — рявкнул судья.

Крестьяне снова зашушукались. Цы пришел в ужас. Линчи, или казнь тысячи разрезов, — это самое кровавое наказание, которое только можно вообразить. Преступника раздевают, привязывают к столбу, а потом медленно, по частям начинают кромсать его тело. Отрезанные куски плоти выкладывают перед казнимым, при этом ему как можно дольше сохраняют жизнь — пока не будет вырезан один из главных органов. Цы оглядел крестьян и увидел на их лицах отражение собственного страха.

— Однако, принимая во внимание, что в этом уезде я не имею судейских полномочий, — Фэн уже стоял в одном шаге от первого ряда крестьян, — я собираюсь предоставить убийце спасительную возможность. — Он остановился перед молодым пареньком, которого неудержимо трясло. Судья наградил его презрительным взглядом и

объявил: — По великому моему добросердечию, я дарую милость тому, кто не был милосерден с Шаном. Я дарую ему возможность частично восстановить свою честь и позволяю сознаться в преступлении прежде, чем он будет обвинен. Только так удастся ему избегнуть позора и самой страшной из смертей.

Судья медленно отступил к столу. Дождь барабанил по крыше. И кроме этой дроби — тишина.

Цы смотрел на судью. Тот был словно тигр на охоте: походка мягкая, спина напряжена, взгляд острый. От него даже пахло, как от настигающего добычу хищника. А люди потели, молчали и источали влажное зловоние, и мокрые одежды липли к телам. Снаружи громыхнул новый раскат.

Перед гневом Фэна замерло само время, но в содеянном никто не сознался.

— Выходи, скудоумный! Это твой последний шанс! — прогремел голос судьи.

Никто не сдвинулся с места.

Фэн сжал кулаки так, что ногти впились в ладони. Цедя проклятия сквозь зубы, он шел прямо к Цы. Юноша впервые наблюдал учителя в такой ярости. Судья вырвал у него тетрадку из рук и притворился, будто перечитывает записи. Затем снова посмотрел на крестьян. Руки его дрожали. Цы понимал, что игра Фэна теперь может быть раскрыта в любой момент. Поэтому его восхитила решительность, с которой учитель неожиданно набросился на рой мошкары, облепившей мясницкую пилу.

— Проклятые кровососы! — прикрикнул он на насекомых.

И вдруг глаза его сверкнули, как от вспышки молнии.

— Кровососы… — повторил он.

Он еще помахал руками над пилой, отгоняя гудящий рой к груде серпов. Большинство насекомых вылетело в окно, но некоторые опустились на серп — на один серп из множества! И тогда Фэн перестал хмуриться, из груди его вырвался довольный рык.

Судья теперь смотрел на облюбованный мухами серп. Смотрел долго, даже склонился поближе. Это был самый обыкновенный крестьянский инструмент, на вид чистый, и все-таки мухи кормились именно с него. Фэн потребовал фонарь и посветил на лезвие — стали видны мелкие, почти не различимые красные крапинки. Потом

посветил на рукоятку — туда, где было имя владельца. Улыбка на лице судьи окаменела.

Серп, который он держал в руках, принадлежал Лу, старшему брату Цы.

4

Цы осторожно ощупал рану на щеке. Быть может, она была не тяжелей других, полученных им на рисовом поле, вот только теперь она так и останется здесь, на лице. Юноша оторвался от бронзового зеркала и опустил голову.

— Не думай о таких мелочах, парень. Когда заживет, ты будешь носить этот шрам с гордостью, — подбодрил Фэн.

«Ну да. А вот как там будет насчет гордости, когда придется взглянуть в глаза Лу?»

— Что с ним будет?

— Ты про своего братца? Да ты должен радоваться, что избавился от этого скота. — И Фэн откусил от одного из рисовых пирожков, что принесли прямо в его покои. — Возьми-ка, попробуй.

Цы отказался.

— Его казнят?

— О Небо! Что, если и казнят, Цы? Ты же видел, что он сделал с тем стариком?

— И все равно он мой брат, господин.

— А еще он убийца. — Фэн сердито отложил недоеденный кусок пирожка. — Послушай, Цы, я, откровенно говоря, не знаю, что будет. Не мне предстоит его судить. Я надеюсь, что чиновник, который займется этим делом, окажется человеком здравомыслящим. Я с ним переговорю и призову к милосердию, если уж таково твое желание.

Цы кивнул без особой надежды. Он не знал, как убедить судью проявить больше заботы о Лу.

— Это было великолепно, господин, — подольстился он. — Мухи на серпе, засохшие пятнышки крови… Я бы никогда не додумался!

— Да и я тоже. Это было внезапное озарение. Когда я спугнул мух, они перелетели только на один сери. И тогда я понял, что это неспроста. Они уселись на этот серп, потому что на лезвии оставалась кровь, а стало быть, это серп убийцы. Однако нужно признать, что заслуга в раскрытии не только моя… Твое участие оказалось весьма плодотворным. Не забывай, что именно ты заговорил о мясницкой пиле, ты нашел и сохранил льняную тряпицу.

— Ну да… — неуверенно согласился Цы. — А можно мне увидеть брата?

Фэн озабоченно покачал головой:

— Полагаю, что да. Если нам удастся его поймать…

Цы покинул пристанище судьи и побрел под дождем, не обращая внимания на то, что окна захлопывались при его приближении. Однако юноша не мог не заметить, что далеко не все соседи с ним здороваются. Ему было все равно. Пока он шел через деревню к реке, в спину ему продолжали лететь трусливые оскорбления. Безлюдные улицы, прополосканные дождем, сейчас были вернейшим отражением его души — пустой и голой, мучения которой, казалось, только увеличивались от зловония, шибавшего в нос. Все в этой части деревни: сваленные ветром крыши, ленты рисовых наделов, обвивающие гору, пустые лодки перевозчиков риса, без дела качающиеся на волнах, — все навевало мысли о печати несчастия, которым отмечена его жизнь. Даже ссадина на щеке сейчас казалась Цы клеймом изгоя.

Цы ненавидел эту деревню; он ненавидел своего брата за дикий нрав и тупость; ненавидел соседей, подглядывавших за ним из-за углов; ненавидел и дождь, от которого изо дня в день все пропитывалось сыростью и снаружи, и внутри. Он ненавидел загадочную болезнь, из-за которой тело его усыпано ожогами, ненавидел даже своих сестер — за то, что они умерли и оставили его один на один с маленькой Третьей. Но больше всего он ненавидел сам себя. Потому что если существует что-то хуже и гаже жестокости и убийства, если бывает поведение более постыдное и отвратительное, то, по правилам конфуцианства, это — предательство собственной семьи. И вот в чем он оказался повинен, невольно оказав содействие в раскрытии преступления Лу.

Ливень усилился. Цы шел, прижимаясь к фасадам, укрываясь под навесами, и вот, завернув за угол, он неожиданно наткнулся на процессию под водительством передового, колотившего в барабан с воодушевлением буйнопомешанного. За ним шествовал другой передовой сопровождающий с большой эмблемой на шесте:

«Премудрый муж, судья области Цзяньнин».

Восемь носильщиков несли закрытый паланкин с опущенными решетками на окнах. Процессию замыкали четверо служителей, нагруженных имуществом судьи. Цы склонился в знак почтения, но прежде, чем он успел разогнуться, носильщики прошествовали мимо с таким равнодушием, будто им встретился не человек, а булыжник, и удалились прочь со своей драгоценной ношей.

Цы с трепетом взирал вслед процессии. Он уже не в первый раз видел Премудрого: иногда тот наведывался в деревню, чтобы разрешить дела по наследованию, недоимке или иным запутанным конфликтам, и впереди него бежала молва о его великой лености. Однако никогда прежде Премудрый муж не приезжал из-за убийства и никогда — с такой поспешностью. Цы позабыл про свои печали и проследовал за эскортом до самого дома Бао Пао. А там прильнул к окошку, чтобы своими глазами увидеть, как пойдет дело дальше.

Надзорный староста принимал судью так, будто это сам император. Цы видел, как главный в деревне человек согнулся пополам с застывшей на лице улыбкой, которая демонстрировала не много зубов, зато предостаточно подобострастия. Закончив с церемониями, староста велел перенести багаж Премудрого мужа в свои личные апартаменты — он уступал высокому гостю собственное жилье. Он нагнал страху на прислугу, звонко хлопая в ладони — точно перед ним не люди, а куры. Затем, перемежая слова новыми поклонами, он сообщил судье о присутствии Фэна, равно как и о прочих происшествиях.

— Так вы говорите, что до сих пор не поймали этого Лу? — услышал Цы.

— Проклятущий ливень сбивает псов со следа, но скоро мы затравим зверя. Не желаете ли покушать?

— Ну, это само собой. И судья уселся на низкий табурет во главе стола. Бао Пао занял место рядом. — Скажите-ка, а что, обвиняемый — не сын ли счетовода? — поинтересовался Премудрый.

— Именно так. Совершенно верно. О вашей памяти по-прежнему можно слагать стихи. — «Так же как и о вашем брюхе», про себя добавил ехидный староста.

Премудрый муж рассмеялся, как если бы и вправду поверил в эту лесть. Староста как раз подливал ему еще чаю, когда в комнату вошел Фэн.

— Меня только что известили, — извинился он с поклоном.

Премудрый муж, отметив, что вошедший превосходит его и по чину, и по возрасту, поднялся, чтобы уступить свое место, однако Фэн отклонил приглашение и сел рядом со старостой. И тотчас принялся рассказывать о результатах предварительного расследования; но судья больше внимания уделял тарелочкам с вареным карпом, а Фэна слушал вполуха.

— И следовательно… — Судья подошел к выводам.

— Превосходно. Вот эти сласти поистине великолепны, — перебил Премудрый.

Фэн вскинул брови.

— Я сказал, что дело представляется мне щекотливым, — повторил судья. — Подозреваемый в убийстве — сын моего бывшего служащего, а тело, к несчастью, обнаружил его родной брат.

— Да, Бао Пао мне уже сказал. — Муж был вынужден поддержать тему и недобро рассмеялся. — Ну что за глупый мальчишка! — И он поспешил заглотить очередной кусок.

Стоявший снаружи Цы содрогнулся, как от оплеухи.

— В общем, я подготовил подробный отчет, который вы, вероятно, захотите изучить до начала вашего расследования.

— А? Что? Да, хорошо. Хотя если он такой подробный, зачем еще новое расследование… Когда нас тут дожидаются такие лакомства! — И судья снова расхохотался.

Фэн сделал знак своему монголу — тот забрал документы и отошел в угол. Тогда судья спросил, не желает ли судья допросить Цы. Но Премудрый муж пожелал продолжить трапезу.

— К чему эта волокита? Мы лучше отловим его братца.

К ужину подоспело известие: стражники Бао Пао с ищейками настигли Лу на горе Великой Зелени, но дороге к Уишань. Старший брат отбивался, как загнанный зверь, и получил при задержании такую взбучку, какую никогда еще в жизни не получал. В поясе у него были обнаружены три тысячи монет в связках.

* * *

Суд начался уже в сумерках. Бао Пао разместил родственников жертвы и всех, кто хотел присутствовать на процессе, у себя во дворе, не поскупившись на фонарики и благовония. Цы узнал о происшедшем дома, когда пытался объяснить отцу, как было дело.

— Лу никогда бы такого не сделал! — Отец зашелся в исступленном крике. — А ты, как ты посмел поддержать это обвинение?

— Но, батюшка, я же не знал, что Лу… — Цы склонил голову. — Фэн нам поможет. Он обещал, что…

Юноша не договорил, увидев огонь в отцовских глазах. Батюшка подхватил на руки Третью и вместе с матушкой вышел из дома.

Цы следовал за родными на расстоянии, недоумевая, почему с судом так спешат. По любому убийству надлежало провести два следствия, под руководством двух разных судей, но, похоже, Премудрый муж очень торопился вернуться в область. Когда они приблизились к воротам во двор Бао Пао, Цы заметил, что над ними реет судебный штандарт области Цзяньнин. Два шелковых фонаря висели по бокам возвышения, на которое должен был воссесть Премудрый.

Появления Лу долго ждать не пришлось. Он брел под охраной стражников Бао Пао, с тяжелой, торчащей над головой задним краем деревянной колодкой *цзя* на шее, и был похож сейчас на избитого буйвола. Обручи ножных кандалов, из-под которых сочилась кровь, и стискивавшая запястья сосновая ручная колодка неопровержимо свидетельствовали: вот он, преступник! Вскоре вслед за обвиняемым вошел и Премудрый муж в мантии из черного шелка и чиновничьей шапке, как и приличествовало судье. Распорядитель огласил его имя и должность и зачитал обвинения, предъявляемые Лу. Затем раздался голос Премудрого:

— Если потерпевший согласен…

Старший сын усопшего Шана упал на колени в знак повиновения и стукнул лбом в пол. Тогда судебный пристав попросил его письменно заверить, что все обвинения предъявлены верно. Крестьянин, запинаясь, прочитал текст, лизнул палец, приложил его к чернильному камню и поставил красный отпечаток в верхней части листа. Стражник просушил тушь и кисточкой проставил рядом подтверждение подписи. Затем передал бумагу Премудрому.

— Во имя нашего высочайшего императора Нин-цзуна, унаследовавшего Поднебесную, почтеннейшего и досточтимого, я, смиренный его слуга, Премудрый муж области Цзяньнин и судья настоящего заседания, по прочтении обвинений, предъявленных отвратительному преступнику Сун Лу, убийце доброго подданного простолюдина Ли Шана, какового он лишил жизни, ограбил, обезглавил и над телом коего надругался, объявляю, что, согласно сунскому Уложению о наказаниях — да пребудет оно десять тысяч лет — надлежащим образом доказаны все факты, изложенные в предварительном отчете, составленном мудрейшим судьей Фэном. Удостоверяю их истинность и повелеваю говорить обвиняемому, дабы он признался в своей вине под страхом той из пыток, каковая будет потребна для его полного и окончательного признания.

Сердце Цы сжалось.

Стражник так толкнул Лу, что у бедняги подогнулись колени. Лу взглянул на Премудрого запавшими безумными глазами. Когда брат заговорил, Цы увидел, что нескольких зубов во рту у него не хватает.

— Я… я не убивал этого человека… — только и смог выговорить Лу.

Цы с жалостью смотрел на брата. Тот похож был на поколоченного пса. Пускай Лу и виновен, такого он все-таки не заслужил.

— Думай, что говоришь, — предупредил судья. — У моих людей есть кой-какие приспособления…

Лу будто не понял угрозы. Цы казалось, он пьян. Стражник пригнул голову обвиняемого к самому полу.

Премудрый покопался среди кисточек для письма, плошек с водой и чернильных камней, нашел и перечитал записи, составленные Фэном. Читал неторопливо, точно это чтение было единственным важным его делом на сегодня. Затем оторвался от бумаг и посмотрел на Лу:

— У обвиняемого есть определенные права. Полностью его виновность пока не установлена, посему мы вновь предоставляем ему возможность высказаться. Лу, отвечай: где ты находился два дня назад, между восходом и полуднем?

Лу ничего не ответил, поэтому Премудрый повторил свой вопрос, и чувствовалось, что раздражение его усилилось ровно в той мере, в

какой повысил он голос. Наконец Лу неуверенно ответил:

— Я работал.

— Работал? Где?

— Не знаю… В поле, — пробормотал обвиняемый.

— Вот как! Однако же двое из твоих работников утверждают обратное. Из их показаний ясно, что в то утро ты на поле так и не появился.

Лу тупо пялился на судью, и Цы снова показалось, что брат пьян.

— Хоть ты этого и не помнишь, об этом не забыл Лао — кабатчик, с которым ты до вечера пьянствовал. По словам Лао, вы играли в кости, ты вконец опьянел и сильно проигрался, — продолжал судья.

— Не может быть. У меня никогда не водилось больших денег, — осмелев, возразил Лу.

— А он утверждает, что ты проигрался дочиста.

— Так и бывает, если вовремя не остановиться.

— И тем не менее у тебя на поясе при задержании обнаружили связки монет на три тысячи. — Премудрый посуровел. — Дайка я освежу твою память. На сей раз обойдемся без вина. Вечером, когда ты, совершив убийство, спасался бегством…

— Я не спасался, — дерзко перебил Лу. — Я шел на рынок в Уишань, вот и все. Я хотел купить нового буйвола, потому что мой тупоумный брат… — Тут Лу осекся и указал на Цы. — Потому что вот этот сломал ногу моей единственной скотине.

— Ты шел на рынок с тремя тысячами? — взорвался Фэн. — Да ты сам тупоумный! Всем известно, что буйвол стоит сорок тысяч.

— Я собирался уплатить только задаток, — не сдавался Лу.

— Ну разумеется. Из украденных денег. Ты только что признал, что проиграл все, что было, да и твой отец упомянул про твои долги.

— Эти три тысячи я выиграл у одного парня, когда уже ушел из харчевни.

— Ах вот как! И кто же это был? Надеюсь, этот человек сможет подтвердить твои слова?

— Я… Я не знаю кто… Никогда его раньше не встречал. Он был совсем пьян и предложил мне сыграть. И продул. Он же и рассказал, что в Уишане буйволы дешевы. И что мне, по-вашему, было делать? Вернуть, что я выиграл?

Судья Фэн подошел к столу, выполнявшему роль подмостков, и испросил разрешения у Премудрого. Получив таковое, он шагнул к Лу и отвязал связку монет, все еще висевшую у него на поясе. Деньги он предъявил сыну покойного Шана. В ярости молодой человек мельком глянул на шнурок, пропущенный через отверстия в висящих на нем монетах.

— Это деньги батюшки, — подтвердил он.

Цы, несмотря на все свои печали, оценил очередную уловку Фэна. Поскольку бандиты отбирают у своих жертв деньги полными связками, у крестьян возник обычай помечать свои шнурочки для денег личными знаками — тогда, в случае кражи или грабежа, легко установить, чье добро присвоено.

Премудрый передал ведение дела Фэну, а сам вновь углубился в бумаги.

— Смотри внимательно, Лу. Ты узнаешь этот серп? — По знаку Фэна пристав предъявил орудие убийства.

Задержанный безразлично глянул на серп. Глаза его стали закрываться, но пристав хорошенько пнул его, не давая заснуть. Лу снова открыл глаза.

— Твой серп? — вмешался Премудрый.

Лу узнал свое имя на рукоятке и кивнул.

— В отчете, — продолжал Премудрый, — судья Фэн неопровержимо доказывает, что именно данный серп есть орудие убийства, и, хотя этого факта вкупе с присвоенными деньгами вполне достаточно, чтобы тебя осудить, закон требует добиться признания вины.

— А я снова повторяю… — Лу нелепо замер на середине фразы, не в силах продолжать.

— Проклятье, Лу! Из уважения к твоему отцу я тебя пока не пытал, но, если ты будешь упорствовать, мне придется… Я начинаю терять терпение, Лу.

— И мне наплевать на этот серп, на деньги, на свидетелей!

Лу расхохотался, как умалишенный. И тут же получил удар бамбуковым шестом по ребрам. По знаку Премудрого мужа стражники оттащили упавшего Лу в угол.

— Что с ним будет? — спросил Цы у Фэна.

— Ему сильно повезет, если он выдержит маску боли, — отвечал тот.

5

Цы хорошо знал эту пытку, а еще он знал, что, если обвиняемый не признает своей вины, любые доказательства считаются недостаточными. Поэтому он содрогнулся.

Распорядитель внес во двор зловещую деревянную маску с металлическими скрепами; внизу свисали две кожаные ленты. Лу схватили сразу несколько человек — он рванулся, как дикий зверь, когда страшное приспособление стали надевать ему на голову. Он завывал, катался по полу и лязгал зубами. Некоторые женщины в страхе попрятались в задние ряды, но, когда маска все-таки была надета и закреплена, они захлопали в ладоши и вернулись на свои места. Распорядитель шагнул к Лу. После новой порции палочных ударов тот, казалось, присмирел.

— Ты сознаешься? — вопросил Премудрый.

В привязанной к лицу маске Лу походил на одержимого бесами. Даже в оковах он все еще казался самым сильным из всех собравшихся. Он простоял спокойно совсем недолго, а потом вдруг развернулся на месте, ударил колодкой ближайшего стражника и кинулся к Цы. По счастью, стражники сумели остановить этот порыв и принялись снова избивать силача бамбуковыми палками, а как только тот затих, они приковали нарушителя спокойствия к стене амбара. Распорядитель поднес свою дубинку к губам Лу.

— Сознавайся, тогда еще сможешь жевать рис.

— Снимите с меня эту дрянь, мерзкие обезьяны!

По знаку Премудрого стражник подкрутил винт, и маска, словно тисками, сжала голову страдальца — тот завопил так, словно ему перемалывают кости. Со вторым поворотом края маски впились в виски. Лу завыл. Цы знал, что еще пара поворотов — и череп брата треснет, словно орех в ступке.

«Ну же, братец, признавайся скорее!»

Но Лу не произносил нужных слов, а его вой становился все пронзительнее. Цы заткнул уши. По лбу брата заструилась кровь.

«Признавайся, ну пожалуйста!»

С новым поворотом винта затрещала сама маска, нечеловеческий вопль эхом отозвался в ушах Цы. Юноша зажмурился. А когда он

открыл глаза, то увидел, что брат прокусил себе язык и кровь хлещет у него изо рта. Цы уже был готов воззвать к милосердию судей, но еще раньше Лу потерял сознание.

Премудрый муж велел стражникам приостановить пытку. Лу лежал на полу скорчившись — теперь он был как скомканная тряпка. Но все еще дышал. Из последних сил он едва заметно шевельнул рукой в сторону судьи, и тот приказал своим людям ослабить винт.

— Со… знаюсь… — прохрипел Лу.

И тотчас же сын Шана вскочил и, оттолкнув стражников, со всей силы пнул преступника, точно куча ветоши валявшегося на полу. Лу будто и не заметил удара. Когда на бумагу с признанием поставили его отпечаток пальца, Премудрый муж огласил решение суда:

— Именем всемогущего Сына Неба объявляю Сун Лу преступником, сознавшимся в убийстве достопочтенного Шана. Поскольку нанесенные злодеем ранения определенно свидетельствуют, что убийство было преднамеренным, а также принимая во внимание дополнительный мотив грабежа, я постановляю, что в качестве меры наказания не подходит ни выпускание крови, ни удавление, — согласно многочтимым законам сунского уложения о наказаниях, он будет умерщвлен посредством обезглавливания.

Муж поставил на приговор красную печать и повелел стражникам не спускать глаз с преступника: нужно было завершить процесс. Цы хотел было переговорить с братом, но охрана его не подпустила, и тогда он направился к Фэну, дабы выяснить, что же все-таки можно сделать для Лу. И тут Цы увидел, что батюшка простерся ниц перед семейством Шана, умоляя о прощении, — а сыновья-сироты отталкивают его, как шелудивого пса. Цы кинулся помочь ему встать, но отец с гневом отверг его помощь. С трудом поднявшись, он отряхнулся, а потом, не оглядываясь, пошел прочь, и в пыль повалился уже Цы, охваченный самыми горькими чувствами.

А через какое-то время к юноше тайком подобралась Черешня, — это неожиданное появление напугало Цы, ведь на процессе он ее не видел. Голос ее был как нежное мурлыканье. Лицо девушка прятала под капюшоном — ведь ей пришлось, пусть и ненадолго, скрыться от семьи.

— Не убивайся так, — шепнула Черешня. — Рано или поздно мой брат все обдумает и поймет, что вы — не такие, как Лу.

Цы хотел скинуть с любимой капюшон, но Черешня отстранилась.

— Лу покрыл нас позором, — произнес Цы.

— В семье, как говорят, не без урода. А сейчас мне пора. Молись за нас. — Девушка погладила его по голове и убежала.

Несмотря на то что приговор наконец-то освобождал Цы от старшего брата, угрызения совести терзали его.

«Как ты мог так поступить с нами, Лу? В конце концов, мы ведь одной крови!»

По каким-то необъяснимым причинам Цы чувствовал себя в долгу перед братом. Быть может, оттого, что Лу оберегал его в детстве, или оттого, что, несмотря на вечную его грубость, Лу тоже немало потрудился ради семьи. Перед лицом свершившейся трагедии все издевательства Лу ничего не значили, равно как и его невежество, грубость и неотесанность. Ничего не значили даже обвинения в грабеже и убийстве. Потому что — и это самое главное — Лу его брат, а Конфуций учил, что братское почтение и повиновение — превыше всего иного. Наверное, Лу не умеет быть лучше, чем он есть, однако в глазах Цы убийцей он быть не мог. Жестоким — мог, но убийцей — точно нет.

«Или все-таки… — да?»

Рассвет пришел с тем же дождем и молниями. Все было как и вчера — только вот Лу не было.

Цы всю ночь не сомкнул глаз, и на поиски Фэна он отправился рано. Только судья сможет рассказать, что же ожидает брата. Учителя он застал на конюшне — вместе с помощником-монголом тот готовил свой экипаж к отъезду. Фэн тут же позабыл про дорожные хлопоты и сам подошел к Цы. Сказал, что они уезжают в Наньчан, где сядут на рисовую баржу, одну из тех, что ходят до Янцзы. Ему предстояло путешествие к северной границе, которое должно было занять несколько месяцев и отлагательств не терпело.

— Вы не можете вот так нас покинуть, когда мой брат на краю гибели…

— Об этом тебе теперь думать не нужно.

И Фэн объяснил, что, поскольку речь идет о смертном приговоре, Приказ великой справедливости в Линьане должен утвердить решение судьи, а следовательно, Лу отправят в какую-нибудь государственную тюрьму, где он будет дожидаться окончательного приговора.

— А само наказание не может случиться раньше осени, — закончил Фэн.

— И это все? А как же обжалование? Вы ведь самый лучший судья! — взмолился Цы.

— Сказать по правде, паренек, здесь мало что можно сделать. Премудрый муж обладает всеми властными полномочиями, и если бы я вмешался, его честь оказалась бы серьезно задета. — С этими словами Фэн протянул помощнику дорожный тюк. — Я могу разве что присоветовать вам постараться, чтобы твоего брата отправили на запад, в Сычуань. Там у меня в соляных копях есть знакомый комендант, и от него я слышал, что преступникам, которые не ленятся гнуть хребет, дольше сохраняют жизнь. А в остальном, как я уже сказал, неотложные дела требуют моего присутствия на севере, и…

— Но как с доказательствами? — перебил учителя Цы. — Ведь никто в здравом рассудке не пойдет на убийство ради трех тысяч…

— Ну вот. Ты сам сказал: «в здравом рассудке»… А про Лу ведь такого не скажешь, тебе не кажется? Взять хоть эту историю про выигрыш по уходу из харчевни… — Фэн махнул рукой. — Не пытайся найти смысл в действиях злобного пьяницы, ибо его там нет.

Цы понурился:

— Так, значит, вы поговорите с Премудрым?

— Ну я же обещал, попытаюсь.

— Я… не знаю, как и благодарить. — Юноша упал на колени.

— Ты был для меня почти как сын, Цы. — Фэн заставил его подняться. — Тот самый сын, в котором дух Плодородия отказывал мне не раз и не два. Видишь ли, — горько посетовал судья, — бедняки мечтают о деньгах, владениях, наследствах, но все-таки главное богатство — это потомки, которые обеспечат тебе заботу в старости и почитание после смерти. — Снаружи снова прогремел гром. — Проклятая буря! Эта молния ударила совсем рядом, — пробормотал он. — А теперь я должен вернуться к своим делам. Передавай поклон батюшке. — Фэн приобнял юношу за плечи. — Через несколько

месяцев, когда вернусь в Линьань, я похлопочу об обжаловании приговора.

— Пожалуйста, досточтимый Фэн, не забудьте замолвить за Лу словечко Премудрому мужу.

Юноша снова опустился на колени и коснулся лбом пола, пытаясь скрыть горечь. Когда он поднял голову, судьи уже не было.

* * *

Цы и впрямь собирался поговорить с батюшкой, да только ничего не вышло. Отец ушел в свою комнату и заперся изнутри. Матушка умоляла не докучать отцу и повторяла его последнюю фразу:

«Лу — человек уже взрослый и совершеннолетний, и любая попытка ему помочь только покроет семью еще большим позором».

Цы пробовал спорить, но напрасно. А потом он кричал так, что сорвал голос, но отец так и не отозвался. И вот тогда — и только тогда — Цы решил, что сам займется судьбой брата.

В полдень Цы попросил аудиенции у Премудрого, намереваясь узнать, как прошел его разговор с Фэном. Муж принял его и даже предложил перекусить, что сильно изумило юношу.

— Фэн очень хорошо о тебе отзывался. Сочувствую, не повезло тебе с братцем. Неприятный тип, как мы все убедились. Но проходи же, не стой на пороге. Садись и рассказывай, чем я могу тебе помочь.

Цы поразился сердечности Премудрого.

— Судья Фэн рассказал мне о копях в Сычуани. — Он склонился до земли. — Он говорил, вы могли бы отправить моего брата туда.

— А, копи… Ну да, ну да. — Муж проглотил кусок пирожка. — Послушай-ка, юноша… — Он облизнул пальцы. — В стародавние времена не было нужды в многочисленных законах, судьи обходились пятью слушаниями: узнавали биографию подозреваемого, отмечали изменения в лице, слушали дыхание, прислушивались к голосу, а пятое — это примечали его движения. И больше ничего не было потребно, дабы прозреть мглу души. — Судья проглотил очередной кусок. — Однако теперь все по-иному. Теперь судья не имеет права, скажем так, истолковывать… факты с той же легкостью. — Премудрый голосом подчеркнул последние слова. — Ты следишь за моей мыслью?

Цы кивнул, хотя не понимал пока, к чему все это. Муж продолжил:

— Значит, тебе хотелось бы, чтобы Лу отправили в сычуаньские копи? — Он вытер руки платочком и потянулся за судебным уложением. — Посмотрим, посмотрим… Да. Вот это место. Действительно, в некоторых случаях смертная казнь может быть заменена ссылкой, тогда и только тогда, если один из родственников внесет необходимую денежную компенсацию.

Цы обратился в слух.

— К сожалению, дело, которое мы обсуждаем, разночтений не допускает. Лу повинен в страшнейшем из преступлений и сам в этом признался. — Судья помолчал в раздумье. — Вообще-то, ты и вся твоя семья должны быть мне благодарны за то, что на суде я не объявил отрезание головы частью какого-нибудь магического семейного ритуала, — в противном случае не только Лу был бы приговорен к Смерти тысячи разрезов, но тебя, твоих родителей и твою сестру ожидала бы бессрочная ссылка.

«Да уж. Нам сильно повезло».

Ученик судьи знал об этой стороне закона: предусматривалось, что родственники виновного, пусть даже и не замешанные в преступлении, возможно, относятся вместе с убийцей к одному и тому же зловещему культу и, следовательно, подлежат высылке. И все равно Цы не понимал, куда клонит Премудрый. Заметив его удивление, судья решил выражаться яснее:

— Бао Пао говорит, что у твоей семьи земля имеется. Несколько наделов. За них он когда-то предлагал твоему отцу хорошие деньги.

— Именно так, — недоуменно пробормотал Цы.

— А Фэн говорит, что в сложившихся обстоятельствах обсудить это дело лучше с тобой, а не с отцом. — Премудрый подошел к двери и убедился, что она надежно заперта. Затем снова удобно уселся за столом.

— Простите, достопочтенный судья, но я до сих пор не понимаю…

Судья пожал плечами:

— Сейчас я просто предлагаю хорошенько закусить, а за едой, возможно, мы сумеем договориться о сумме, которая избавит твоего брата от мучений.

* * *

Остаток вечера юноша раздумывал над предложением Премудрого. Четыреста тысяч цзяней — сумма колоссальная, но в то же время сущая мелочь, если она может спасти жизнь брату. Дома Цы застал отца склонившимся над бумагами из красной шкатулки. Услышав шум, батюшка захлопнул ларец и посмотрел на сына, словно воришка, застигнутый на месте преступления. Потом притворно закашлялся и засунул шкатулку под кровать. И в гневе обернулся к младшему сыну:

— Ты уже во второй раз прерываешь мои занятия. На третий — пожалеешь.

— У тебя ведь осталось Уложение о наказаниях? — Отец не мог поверить, что сын отвечает столь бесцеремонно, но, прежде чем он успел произнести хоть слово, Цы продолжил: — Мне необходимо с ним свериться. Быть может, мне удастся помочь Лу.

— Да кто тебе это сказал? Несмышленый Фэн? Ради Великого Будды, позабудь о своем распроклятом братце раз и навсегда, он и так нас вконец опозорил.

Цы приписал эти гневные слова временному помрачению разума.

— Не имеет значения, кто сказал. Важно, что наши накопления могли бы спасти Лу.

— Наши накопления? С каких это пор ты начал что-то копить? Забудь о брате и порви с Фэном. — Глаза отца были безумны.

— Но, батюшка… Премудрый муж заверил, что если мы найдем четыреста тысяч…

— А я сказал: забудь! Проклятье! Да ты знаешь, сколько у нас денег? За шесть лет работы счетоводом я не скопил и ста тысяч! Половину потратил на прожитье, а другую половину — на тебя. Теперь мы остались одни, так что побереги силы для работы на поле — уж там-то они тебе понадобятся. — Отец нагнулся и прикрыл шкатулку платком.

— Батюшка, в этом преступлении есть что-то, чего я не понимаю. И старшего брата я не позабуду…

Цы получил звонкую пощечину и онемел от изумления. Батюшка уже второй раз позволил себе его ударить. Непостижимым образом

почтенный отец семейства в одночасье превратился в жалкого старика, который дрожал от гнева, кривил губы и тряс рукой перед лицом сына. Цы хотел уже сам поискать Уложение, однако решил не творить явного непокорства. Он просто повернулся и вышел на улицу, не обращая внимания на громогласные повеления остаться.

Дождь лил и лил. Цы достиг дома Черешни. Снаружи стоял маленький траурный алтарь — дождь превратил его в комок из покривившихся свечей и облетевших цветов. Цы поправил, что мог, и проскользнул мимо входа к окошку комнаты своей невесты. Козырек дома защищал его от дождевых струй. Цы, как обычно, кинул камушек в ставень и замер в ожидании ответа. Ему казалось, что пролетели годы, но вот в конце концов еще один удар подтвердил, что Черешня — за окном, по ту сторону.

Поговорить им удавалось редко. Строгие правила сватовства затрудняли встречи молодых людей — даже праздники, во время которых они могли видеться, были четко регламентированы. Но Цы с Черешней находили способы — скажем, шли на рынок в одно и то же время и там могли соприкоснуться руками под лотком с рыбой или хотя бы обменяться взглядами.

Цы вожделел ее. Он часто представлял, как прикасается к ее белоснежной коже, округлому лицу, полным бедрам. Он мечтал распеленать ее ступни — сокрытые всегда, даже в самые интимные моменты жизни. Цы представлял их себе маленькими и нежными, как у сестрицы Третьей. Ножки Черешни ее матушка забинтовала еще в младенческом возрасте, чтобы они были не хуже, чем у самых высокородных дам.

Стук дождя по крыше оторвал Цы от мечтаний, возвращая к ночи, в которую даже собаки не стали бы спать на улице. Лило так, будто духи разрушили небесные дамбы. Тьма и монотонный плеск капель время от времени взрывались вспышками молний. Никаких сомнений — то была худшая ночь в жизни Цы. Но он все равно не сдвинулся с места. Он предпочитал вымокнуть, как крыса, нежели вернуться домой и вновь столкнуться с необъяснимым гневом ослеплённого отца. Цы не знал, что ему делать. Он шепнул Черешне сквозь щелку, что любит ее, а она в ответ стукнула по окошку. Поговорить они не могли без риска перебудить родственников, но все равно юноша

чувствовал хотя бы то, что любимая здесь, рядом. И он льнул к стене, готовый провести всю ночь под козырьком, в объятиях непогоды.

Прежде чем задремать, Цы снова вспомнил свой разговор с Премудрым мужем. Да, по сути, он только и думал что о его словах. Юноше хотелось верить, что предложение судьи, пусть и отнюдь не добрыми чувствами продиктованное, поможет Лу сохранить жизнь.

6

Цы спал, свернувшись калачиком под навесом у дома Черешни, когда посреди ночи совсем рядом грянул страшный громовой раскат. Ошеломленный юноша протирал глаза, толком еще не уразумев, что происходит, покуда громкие крики не заставили его взглянуть на дымное зарево, поднявшееся над северным краем деревни. Сердце юноши перестало биться. Ведь именно там был его дом! Не раздумывая ни мгновения, Цы бросился туда — и сразу застрял в толчее: соседи, словно потревоженные кроты, вылезали из своих нор. Отчаяние придало ему сил, он бросился вперед, расталкивая любопытных, все быстрее и быстрее, все пуще и пуще; страх гнал его вперед.

Чем ближе, тем сильнее дым наполнял его легкие сухим жжением, слюна превращалась в едкую густую грязь. Цы почти ослеп. Слышались вой, плач и стоны, какие-то смутные тени брели, как неприкаянные души. Потом он натолкнулся на парнишку, который стоял, пошатываясь, с пустым перепуганным взглядом. Это был соседский мальчик по имени Чун. Цы хотел схватить его за руку, чтобы расспросить о случившемся, но пальцы его встретили сочащийся кровью обрубок. А потом мальчик повалился, точно сломанная кукла, и испустил дух.

Цы перепрыгнул через труп и попал в месиво битой черепицы, бревен и каменного крошева, усыпавшее уличную грязь. Он все еще не видел своего дома. Жилище Чуна исчезло, будто его сровняло с землей чужеземное войско. Все было разрушено. Ничего не осталось.

А потом тело Цы сковал ужас.

Там, где прежде стоял родной дом, были теперь лишь адские руины — кладбище из камней, бревен и высыхающей грязи между остатками разрушенных стен, охваченных пламенем. Густой едкий дым обволакивал Цы с ног до головы, но душил не дым — душило горькое отчаяние. Отчаяние от непреложной уверенности: все, кто ночевал под этими стенами, здесь же и упокоились. Цы полез на кучу мокрых бревен и обгорелой рухляди, выкрикивая имена родителей и сестрицы. Он оттаскивал камни и доски, карабкался на почерневшие

стены, раскидывал по сторонам щебень и кричал, кричал… Он терял рассудок.

«Они должны были выжить. О Небо, не делай такого. Ну пожалуйста!»

Оскальзываясь на осколках глазурованной черепицы, Цы сдвинул несколько бревен; показались сплющенные остатки кресла. Осколок порезал ему щиколотку — Цы не заметил. Он, как одержимый, надрывался, обламывая ногти; шум в висках глушил все мысли. И вдруг он увидел совсем рядом чьи-то руки. Цы подумал, что это батюшка, но сквозь дым увидел, что руки эти тоже роются на пепелище. И тогда Цы поднял голову и убедился, что несколько человек копаются в обгорелых вещах с такой же жадностью, с какой грабитель разрывает могилу. «Мерзкие пиявки!»

Цы уже был готов наброситься на злодеев, когда один из них закричал и тут же подбежали многие, но не для драки, а давая понять, что спешат на помощь. Цы присоединился к ним, и тогда объединенными усилиями они сдвинули обломок стены.

Кровь застыла в жилах юноши.

Раздавленные обломками, в пепле и грязи лежали его родители.

Перед ним все поплыло. Последнее, что он ощутил, был удар. И больше он ничего не помнил, кроме черноты и дыма.

* * *

Очнувшись, он удивился тому, что лежит прямо на улице, среди незнакомых людей. Он попытался встать, но один из соседей удержал его и уложил снова. Только тогда он заметил: кто-то переодел его, поменяв батрацкие лохмотья на белое одеяние: белый — цвет смерти. В горле Цы до сих пор першило от дыма. Хотелось пить. Цы попробовал вспомнить последние события, но в голове у него кружился ураган, и отличить сон от яви не было никакой возможности.

— Что… Что случилось? — шепнул он.

— Ты ударился головой.

— Но как все произошло?

— Мы пока не знаем. Быть может, молния.

— Молния?

К нему начала возвращаться память. И вот полыхнуло воспоминание — сродни той вспышке, что разбудила его ночью. Цы в отчаянии огляделся в поисках родственников. «Неправда! Это просто сон».

Но видения теперь накатывали одно за другим: гром посреди ночи, гора обломков, грязь, трупы… Отчаяние придало ему сил; он поднялся и босиком заковылял по улице. От увиденного его сердце заледенело.

В рассветных сумерках было видно: дым до сих пор курится над тем местом, что еще вчера было его домом. Цы кричал, пока не сорвал голос, и потом тоже кричал. Как он ни старался, пепелище перед его глазами не оборачивалось сновидением, и от этого становилось страшнее и страшнее.

Цы попытался взять себя в руки. У руин толпились, перешептываясь, сельчане. Когда Цы приблизился к пожарищу, они расступились, — так входит в масло нагретый нож. Цы шел медленно, понимая, что перед ним открывается могила. От нее исходил запах смерти. Едкий, густой, зловещий смрад, жутко приправленный гарью. Он еле волочил непослушные ноги и вот остановился в шаге от первых из лежащих на земле тел. Вот маленький Чун, вот другие соседи… А потом он снова не совладал с собой и едва не разорвал горло криком: чуть дальше он увидел все еще заляпанные грязью и кровью обгоревшие тела родителей. И тут он расплакался, как маленький, — до полного опустошения.

Когда он пришел в себя, ему рассказали, что молния ударила позади его дома; пожар затронул четыре жилища. Общим счетом погибших было шестеро. Но только не его сестра.

— Она укрылась под рухнувшими обломками потолочных балок, — объяснили соседи. — Ты не волнуйся. У нее всего-навсего небольшой вывих.

Цы молча кивнул. Известие было утешительное, но родители лежали все там же, недвижимые и безмолвные. Тело сковало болью. Но совесть терзала сильнее боли. Он все спрашивал себя, зачем было спорить с батюшкой и что за причудливая прихоть судьбы погнала его ночью прочь из дома. Если бы вместо непокорства он выказал послушание, если бы остался спать, — быть может, теперь все они были бы живы. Или, может, он бы погиб вместе со всеми.

Что за ужасающая череда событий разразилась под небесами: убийство Шана, осуждение Лу, кошмарная буря, гибель родителей… Да неужто это цена, которую он должен заплатить за свое глупое тщеславие? Если бы хотя бы Фэн был рядом…

Только теперь Цы вспомнил про Третью. Его сестра жива. Быть может, ради этого он и уцелел. Уцелел, чтобы о ней заботиться.

Когда Цы узнал, что Третью забрал в свой дом Беззубый, то опрометью бросился туда. Сестрицу он застал спящей, не ведающей ни боли, ни печали, и решил пока оставить ее в этом доме. Жена Беззубого укрыла девочку льняным одеялом и дала поиграть тряпичную куклу — Третья прижимала ее к себе, как дочурку. Цы поблагодарил хозяев за их заботу и попросил присмотреть за девочкой, пока он занимается телами родителей. Беззубый не возразил ни словом, только жена его что-то неразборчиво буркнула себе под нос. Цы простился со стариками и вернулся к руинам, которыми стал его дом.

Цы проследил, чтобы тела родителей перенесли в крытый дворик, который Бао Пао выделил для мертвецов. Осиротевший юноша сидел возле родителей до полудня. А затем вернулся к месту трагедии, сообразив, что надо отыскать на пепелище все ценное, пока его не опередил какой-нибудь пройдоха. При свете дня Цы разглядел, что лавина жидкой грязи накрыла шесть стоявших рядком домов из тех двадцати, что лепились под самым склоном горы. Два крайних кое-как устояли, а вот еще четыре — включая и их дом — оказались разрушены полностью. Чуть ли не вся деревня вышла теперь разгребать и расчищать развалины, только к дому Цы не подходил никто. Заметив Цы, многие зашептались, явно обвиняя в общей беде именно его.

Цы сжал зубы, закатал рукава и принялся работать в одиночку.

В течение нескольких часов он разгребал грязь, растаскивал доски, очищал от наносов поломанную мебель и превращенную в тряпки одежду — и ежеминутно наталкивался на предметы, которые переворачивали ему душу; немало душевных сил требовалось, чтобы продолжать работу. То и дело он замирал, закрыв лицо ладонями, и выплакивал последние оставшиеся слезы. Вот осколки фарфоровой посуды, которую так любила матушка. Цы подобрал несколько и завернул в тряпочку так бережно и аккуратно, будто это была новая

покупка. А еще он отыскал отцовские кисточки как ни странно, не тронутые ни огнем, ни лавиной. Когда-то, сидя на коленях у батюшки, этими кисточками Цы учился писать. Теперь он их тщательно вытер и завернул вместе с фарфором. Взял несколько железных кастрюлек и ножиков: хотя они и покривились, их еще можно было починить, — но отвалил в сторону остатки балок и потолочных украшений отменной работы: теперь они могли сгодиться разве лишь как дрова на зиму. В сундуках Цы нашел конфуцианские трактаты, которые батюшка хранил еще со времен своего студенчества. Он выложил их на горелую доску и продолжил поиски. И вдруг чей-то смех раздался у него за спиной. Обернувшись, Цы поначалу никого не заметил, но потом различил жмущуюся за огрызком стены маленькую тень. Это оказался соседский Пэн, дьяволенок шести лет от роду, самый проказливый мальчишка в деревне. Цы предложил парию несколько орешков, найденных среди хлама, но мальчик предпочел спрятаться, обнажив гнилые зубы в плутоватой улыбке. Когда Цы повторил свое предложение, сорванец подошел поближе.

— Нравятся орешки?

Мальчик снова улыбнулся и энергично кивнул.

— Получишь целую кучу, если расскажешь, что тут случилось. — Цы знал, что Пэн не спал последние ночи из-за зубной боли.

Мальчик опасливо огляделся, точно собрался стащить сласти с чужого стола и боялся, что его застукают.

— Сверкнула молния, и гора обрушилась.

Пэн хохотнул и попытался заграбастать орехи, однако Цы оказался проворнее. Потом он снова раскрыл ладонь с лакомством.

— А ты уверен?

— Ну, я видел людей…

— Каких людей?

Мальчик только открыл рот, чтобы ответить, но тут раздался резкий вопль. Это мать Пэна приказывала негоднику немедля возвращаться. Лицо мальчишки перекосилось от испуга, и он бросился к матери так поспешно, будто его преследовали черти. Он так бы и скрылся, если бы Цы его не окликнул. Когда Пэн оглянулся, юноша швырнул орехи к его ногам. Сорванец остановился, чтобы подобрать заработанное, но мать тут же дала ему пинка и, подхватив под мышки, утащила прочь.

Цы пожалел об упущенной возможности. Он покачал головой и вернулся к своей работе. К вечеру ему оставалось отвалить только самые большие обломки. Юноша давно бы закончил, он и так уже немало сделал, — но надо было непременно отыскать сундучок с деньгами, которые батюшка откладывал на переезд в столицу. Если бы теперь Цы решил поддаться на вымогательство Премудрого мужа, эти деньги могли бы сослужить добрую службу. Переведя дух, Цы принялся отваливать камни — но, провозившись не менее часа и получив несколько новых царапин, ему пришлось признать, что самые тяжелые глыбы без помощи ему не осилить. Цы уже был готов сдаться, но тут заметил сундук — его придавила тяжела опорная балка.

«А вот тебя я отодвину, пусть это и будет последнее, что я нынче сумею сделать!»

Цы просунул конец одного из бревен между державшим балку камнем и сундуком, а потом, используя бревно как рычаг, надавил так, что кости затрещали. Но каменный обломок не сдвинулся ни на пядь. Юноша пробовал и так и этак, потом понял, что нужно вставить рычаг иначе. Вбил пару клиньев, уперся плечом в бревно, ноги отыскали надежную опору. Все тело Цы напряглось, мускулы дрожали. С третьей попытки камень поддался, и балка покатилась вниз по склону, вздымая облако земли и пыли. Добравшись наконец до сундука, Цы заметил, что замок его треснул, и поспешил посмотреть, что там внутри. К его величайшему сожалению, он не обнаружил ни единой монеты — только платки и тряпицы. Изумленный, он просто остолбенел.

— Мне очень жаль. Жена сказала, что мы не можем оставить ее у себя, — услышал он за спиной.

Цы резко обернулся и увидел Беззубого — того самого соседа, который взял на себя заботу о Третьей. Малышка со следами похлебки на лице стояла чуть позади, не выпуская из рук тряпичную куклу.

— Как же так? — Цы не сразу понял.

— У моей дочери есть еще одна. — Старик указал на куклу. — Если желаете, то можете взять, — добавил он.

Цы закусил губу. Он уже знал, что остался один; чего он не знал — это что прежние друзья батюшки теперь от него отвернулись. И все равно Цы сложил руки на груди в знак благодарности за куклу, однако

Беззубый не ответил. Повернувшись, он исчез так же бесшумно, как и появился.

Цы поглядел на Третью — та, молчаливая и покорная, дожидалась, что он скажет. Она смотрела на брата с легкой улыбкой надежды на лице, в несокрушимой уверенности, что за эту улыбку ей суждено счастье. Она всегда была очаровательной девочкой. Болезненной, но очаровательной. Цы окинул взглядом развалины вокруг и повернулся к малышке. Поцеловал ее теплое личико и взъерошил волосы, лихорадочно соображая, куда бы ее пристроить. Отыскал толстую ветку, похожую на лошадиную спину, и усадил сестренку сверху, сразу превратив ее в лихую наездницу. Привычно покашливая, девочка засмеялась. Цы улыбнулся ей в ответ, ощущая только неизбывную тоску. Снова посмотрел на развалины, потом опять на сестру.

Ближе к вечеру новый глава семьи раздобыл для сестры плошку горячего риса — заплатить пришлось вдвое. Сам он удовольствовался тем, что вылизал плошку и выпил глоток воды. Потом Цы устроил простецкий навес из веток; ветками же устелил он и ложе для девочки. Он объяснил ей: родители отправились в путешествие на Небеса, и теперь заботиться о ней будет он; Цы специально подчеркнул, что Третья должна его всегда слушаться и что скоро он выстроит новый большой дом с садом, полным цветов, и с деревянными качелями. А потом поцеловал сестру в лоб и подождал, пока она заснет.

Как только Третья закрыла глаза, Цы еще раз обыскал сундук, как будто — хотя сам уже из него все вынул — деньги могли чудесным образом спрятаться где-то внутри. В последних лучах заката он с горечью завершил поиски, перерыв все вокруг: заглядывал под циновки, камни, обломки досок и с наступлением темноты признал свое поражение. Не было сбережений, и красной шкатулки тоже не было. Наверное, их кто-то украл, подумал Цы. Перед ним встал неразрешимый вопрос: если батюшка за шесть лет трудов скопил только сто тысяч, как же теперь достать четыреста, которые требует Премудрый?

7

А наутро Цы проклинал духов воды. Проснулся он от холодных струй и тут же бросился спасать книги, которые отыскал в развалинах дома, — юноша надеялся их продать, как бы мало за них не дали. Как только те оказались в безопасности, Цы снова осмотрел диковинное собрание предметов, спасенных им из-под обломков: несколько отцовских книг, каменная подушечка, два железных котелка, обгоревшие шерстяные одеяла, кое-что из белья, два серпа с почерневшими рукоятками да зазубренная коса. На рынке за все про все он не выручил бы и двух тысяч монет — если кто-нибудь вообще согласился бы это купить. Еще у Цы был теперь мешок риса, мешок чая, склянка с солью и лекарство для Третьей, а еще драгоценная копченая свиная нога, которую матушка прикупила, чтобы угостить судью Фэна. Этих припасов должно было хватить на двоих до той поры, пока Цы не придумает, как жить дальше. Еще Цы отыскал четыреста монет и вексель на пять тысяч. В сумме, учитывая горелое дерево, которое можно было продать на дрова, все его имущество стоило чуть больше семи тысяч — примерно столько семейство из восьми человек могло заработать за два месяца. Долго он смотрел на опустошенный сундук, все спрашивая себя: куда же батюшка мог запрятать деньги?

Последнюю попытку он предпринял с первыми лучами солнца. Еще раз исползал горелые доски, еще раз передвинул косо валявшиеся балки, перетряхнул остатки бамбукового матраса — с азартом собаки-ищейки даже покопался в земле под лежанкой.

Но ничего не нашел.

И рассмеялся от собственного бессилия.

До того дня, как он наткнулся на тело Шана, все его беды были — вставать на заре, жаловаться Небу на тяжкий труд да предаваться горьким от неосуществимости мечтам об университете. У него была крыша над головой, хранившая его от непогоды, и семья, которая его кормила и защищала.

Теперь же все его достояние — два голодных рта и горсть монет. В бессильной злобе он пнул ногой бревно. Снова подумал о родителях. Быть может, в последние дни отец вел себя странно, но прежде его

всегда отличала внутренняя порядочность. И пусть он иногда бывал суров, но оставался человеком честным и преданным семье. Цы корил себя за непослушание, за нелепый припадок гнева, за глупость, заставившую его убежать из дома на ночь глядя, вместо того чтобы остаться и оберегать родителей.

В конце концов он бросил раскопки, убедившись, что самая ценная его находка на сегодня — это тараканье гнездо. Цы спрятал в колодец найденное добро и разбудил сестру. Раскрыв глазенки, Третья тотчас спросила, где матушка. Цы терпеливо напомнил про путешествие на Небеса, а сам тем временем нарезал ломтики от свиной ноги.

— Но родители на тебя смотрят, так что веди себя как приличная девица.

— Но где они?

— Вон за теми облаками. А теперь давай-ка съешь все это, иначе они рассердятся. Ты ведь знаешь, каков батюшка в гневе.

— А дом наш и сегодня сломан, — заметила Третья, жуя свинину.

Цы кивнул. Да, это проблема. Он попытался найти подходящий ответ.

— Дом был уже старый. Я же тебе обещал: построю новый, побольше. Но для этого мне потребуется твоя помощь. Хорошо?

Третья кивнула и проглотила очередной кусок. Цы застегнул пуговицы на ее курточке, а она произнесла фразу, которую каждое утро произносила матушка:

— Пять пуговичек — как пять добродетелей для любой девочки: кротость, доброе сердце, почтение, бережливость и послушание.

Цы тут же добавил:

— И еще — веселый нрав.

— Про это мама не говорила.

— Она шепнула мне на ухо. А тебе передает на каждое ушко по поцелую. — Цы улыбнулся и расцеловал сестру в щеки.

А потом он уселся рядом с девочкой и стал размышлять о Повелителе риса. Быть может, именно этот человек поможет разрешить его проблемы.

* * *

Дело у Цы было нешуточное. Собрать разом четыреста тысяч не проще, чем сдвинуть гору. Однако за ночь он успел разработать рискованный план.

Перед уходом юноша полистал найденное на пепелище Уложение о наказаниях, освежив в памяти главу, посвященную наказаниям за убийство; специально остановился на обжалованиях приговоров. Все было сформулировано предельно ясно. Уяснив все тонкости, Цы несколько минут посидел без дела, погрузившись в воспоминания о родителях, потом положил на самодельный алтарь ломтик свинины. Помолившись о благополучии их душ, Цы подхватил Третью и направился в усадьбу Повелителя риса, владевшего едва не всей землей в окрестностях деревни.

Поместье Повелителя было обнесено стеной, у ворот стоял здоровяк с татуированными предплечьями, однако, когда Цы объяснил, зачем пришел, охранник посторонился, пропуская его внутрь, а потом, двинувшись следом, проводил юношу мимо рисовых наделов к изящной беседке, из которой открывался мирный вид на горный склон, обвитый лентами террасированных полей. Угрюмый старик полулежал в открытом паланкине, наложница обмахивала его веером. Хозяин оглядел юношу оценивающим взглядом, задержавшимся на ногах Цы; было похоже, что о человеке он судит по обуви. Осмотр заставил богача презрительно скривить губы, но, едва узнав о цели посещения, он сладко улыбнулся.

— Стало быть, хочешь продать земли Лу. — Повелитель риса жестом предложил Цы сесть на землю рядом с паланкином. — Сожалею о случившемся с твоей семьей. Но сейчас не время для хороших сделок.

«Особенно в моих обстоятельствах, так?»

Цы согнулся в поклоне. Посмотрел, как Третья играет с утками возле пруда. Неторопливо уселся. Ответ у него был готов заранее.

— Я наслышан о вашей мудрости, — подольстился Цы, — а еще больше о вашем чутье на выгодные сделки. — (Тщеславный старик расплылся в улыбке, отнюдь не свидетельствовавшей о мудрости.) — Вы, несомненно, решили, что положение мое вынуждает избавиться от имущества брата за бесценок. Однако я пришел сюда не для того, чтобы дарить, — я хочу предложить вам нечто бесценное.

Старик откинулся на спинку паланкина, явно раздумывая, слушать ли дальше или сразу повелеть высечь этого юнца за непочтительность. В конце концов он сделал знак: продолжай.

— Мне известно, что Бао Пао не один год вел переговоры с моим братом, — солгал Цы. — У него к землям Лу давний интерес. Еще с той поры, как Лу их купил.

— Не вижу, в чем тут мой интерес, — презрительно бросил богатей. — У меня земли столько, что даже если б я обратил в рабство десяток деревень — их и то не хватило бы, чтобы ее обработать.

— Все верно. И именно поэтому я пришел сюда, а не к Бао Пао.

— Мальчик, ты испытываешь мое терпение. Говори толком, не то тебя выгонят отсюда пинками.

— У вашего почтенства земель больше, чем у Бао Пао. Вы действительно богаче его, однако не сильнее. Староста — он. А ваше почтенство, при всем моем уважении, — не более чем землевладелец.

Старик издал глухой рык. Цы понял, что попал в точку. И продолжил.

— Все в деревне знают, что Бао Пао интересуется землями Лу, — заявил юноша. — Ведь прежний хозяин тысячу раз отказывался их продать старосте из-за древней семейной вражды.

— А твой братец как-то ночью предложил на них сыграть да и выиграл. Думаешь, я забыл об этой истории?

— Брат же отказывался их продать по той же самой причине, по какой и прежний хозяин не хотел с ними расставаться. Там ведь протекает ручей, а значит, вода есть всегда, даже в засуху. У вашего почтенства есть земли ниже по склону, они орошаются из реки, но участки Бао Пао расположены в верхней части склонов, куда вода поступает только с помощью системы педальных насосов.

— Каковые он, кстати, не может использовать без того, чтобы не пройти через мои владения. Ну и что же? И так понятно, что у меня земли больше, чем я могу обработать, и что воды у меня достаточно. Почему же меня должен заинтересовать твой жалкий надел?

— Именно потому, что я могу продать его Бао Пао. Только подумайте: стоит мне так поступить, и у старосты появится не только власть, но и богатство, которое принесет ему речушка моего брата.

Землевладелец смотрел на юного нищеброда сверху вниз, в задумчивости продолжая жевать давно проглоченный кусок. Он знал:

все, сказанное Цы, — сущая правда. Чего он не знал — это во сколько ему обойдется необычная сделка.

— Послушай, мальчик. Твоя земля мне и даром не нужна. Если ее хочет Бао Пао, продай ему.

«Он только хорохорится, Цы. Принимай вызов».

— Третья! Не трогай уточек! — закричал Цы, вскакивая. И лишь потом добавил равнодушно: — Ну, в общем, это, наверное, нормально, если староста получает, что ему нужно, и что простой землевладелец не может этому помешать.

— Да как ты смеешь?!

Цы будто и не обратил внимания на угрожающий тон. Он повернулся и пошел вниз по ступеням беседки.

— Двести тысяч! — крикнул ему вслед Повелитель риса. — Двести тысяч за твой участок.

— Четыреста, — через плечо бросил Цы с середины лестницы.

— Что за шутки! — Старик расхохотался. — Всякому известно, что участок не стоит и половины того, что я предлагаю.

«Тебе, может быть, и известно, а твоей жадности — нет».

— Бао Пао предложил мне триста пятьдесят тысяч, — не сморгнув, сказал Цы. Он делал свою последнюю ставку. — Пятьдесят тысяч — плата за его унижение.

— Ни один молокосос не вправе указывать мне, сколько платить за кусок земли, — забормотал Повелитель риса.

— Как будет угодно вашему почтенству. Уверен, из этой беседки вам будет приятно любоваться урожаями Бао Пао.

— Триста тысяч, — объявил старик. — И если посмеешь еще накидывать цену… хоть на рисовое зернышко… то дорого заплатишь за свою наглость.

Цы спустился на последнюю ступеньку лестницы. Триста тысяч — это в полтора раза больше реальной стоимости поля. Обернувшись, он увидел торопливо ковыляющего вниз Повелителя риса; тот был уже прямо у Цы за спиной. Оба понимали, что сделка — выгодная.

Они подписали купчую, и Цы получил полную сумму в бумажных деньгах, каждая бумажка — десять тысяч. Но прежде чем отсчитать деньги, землевладелец захотел убедиться, что земля действительно принадлежит Цы.

— Не беспокойтесь, все по закону, — заверил Цы. — Мой брат осужден, так что право землевладения теперь за мной.

Старик важно кивнул.

— А теперь самое главное, молодой человек, — сказал он, когда Цы закончил пересчитывать деньги. — Я обмеряю землю вплоть до последнего *му*. И если ее окажется меньше хоть на мизинец, ты сильно пожалеешь.

* * *

Пока утро не кончилось, Цы наведался на рынок со своим небогатым скарбом, спасенным из-под завалов, однако выручить за него пять сотен монет оказалось сложнее, чем выжать воду из камня. В итоге ему удалось добиться круглой цифры, включив в сделку железные котелки и ножи, которые он рассчитывал оставить себе для готовки. Книг поначалу никто не брал, ведь малограмотные крестьяне не интересовались чтением; в конце концов Цы сумел сбыть их на растопку, взамен получив возможность пользоваться пустым амбаром, где могла теперь приютиться Третья. Юноша сохранил для себя только продукты и отцовское Уложение о наказаниях — уж оно-то определенно пригодится ему больше, чем те пустяки, которые за него предлагали. Вернувшись с рынка, он отвел сестру в амбар и поручил ей стеречь свиную ногу.

— Особенно опасайся котов. А если появятся люди, кричи.

Третья заняла оборонительную позицию рядом с ногой и сделала страшное лицо. Цы улыбнулся, заверил сестренку, что к полудню вернется, запер амбар и направился к дому Бао Пао.

Войдя под навес, где лежали тела покойников, он первым делом узнал, когда будут хоронить родителей. Гроб для батюшки давно уже был приготовлен — как того и требовали правила Книги ритуалов «Ли Цзи». Когда человеку исполняется шестьдесят, гроб и прочие предметы, потребные для достойных похорон, надлежит готовить для него раз в год; после семидесяти — раз в сезон; когда человеку за восемьдесят — каждый месяц; а уж после девяноста лет поддерживать надлежащее состояние похоронных предметов следует каждый день. Батюшке исполнилось шестьдесят два, а вот матушка не достигла еще

и пятидесяти, поэтому гроб для нее Цы был вынужден впопыхах покупать теперь же. Он переговорил с плотником, принимавшим заказы от семей пострадавших. Каждый сейчас старался быть первым, поэтому Цы уплатил едва ли не двойную цену с условием, что все будет готово уже к вечеру.

Цы подошел к телам родителей и склонился в глубоком поклоне. Трупы до сих пор не обмыли, и облик их становился все более отвратительным. Цы самому пришлось обтереть их водой и соломой, умастить капельками благовоний, что нашлись здесь же, и переодеть в чужое, взаймы взятое платье. У Цы не было ни свечей, ни ладана; хотелось верить, что родители не очень рассердятся на него за это. Печально он смотрел на тела, понимая, что жизнь его никогда не станет прежней. Он молился о душах почивших и клялся им, что уж с Третьей-то, пока сам он жив, не случится ничего дурного. Только теперь Цы толком начал осознавать, как он одинок. Он сидел рядом с родителями, сколько позволяло убегающее время, но пора было приступать к переговорам об облегчении участи старшего брата. Он поднялся, еще раз поблагодарил родителей за все, что они сделали для него, и вышел из-под навеса полуслепой от слез.

Прислужник провел юношу в частные покои Премудрого, тот принял его сидя в банной лохани; один из помощников поливал судью водой. Цы прежде никогда не доводилось видеть мужчину с таким количеством складок на животе. Премудрый тотчас приказал слугам удалиться.

— Пунктуальный молодой человек, люблю иметь дело с такими. — И Премудрый подхватил с блюда рисовый пирожок. Другой такой же он предложил Цы, но юноша отказался.

— Я бы хотел поговорить о моем брате. Ваша премудрость обещала отменить смертную казнь, если мне удастся внести выкуп…

— Я обещал попробовать. Скажи-ка: ты принес деньги?

— Ваше почтенство, я обещаю: деньги будут.

— Перестань дурить! Деньги у тебя с собой?

Судья вылез из лохани, бесстыдно заголившись. Цы, впрочем, не смутился.

— Триста тысяч. Вот. — И юноша выложил бумажные деньги прямо на пирожки, сам понимая, что ведет себя вызывающе. Однако Премудрого это не покоробило. Он схватил деньги и с жадностью

пересчитал. Глаза его казались блестящими стеклянными шариками, готовыми выскочить из орбит.

— Мы договаривались о четырехстах. — Судья вскинул бровь, но деньги из рук не выпустил.

— Так, значит, вы его освободите?

— Освободить его? Не смеши. Мы говорили только о переводе в Сычуань.

Цы нахмурился. Затем произвел быстрый подсчет. Его не в первый раз пытались надуть, подловить. Уступать он не собирался, однако на сей раз ставки были слишком высоки. Пусть даже и так, но вежливость — прежде всего.

— Быть может, я просто не так вас понял — ведь я слышал, что деньги платятся как раз как выкуп.

— Как выкуп? — Судья сделал удивленное лицо. — Ох, молодой человек, за такие дела расплачиваются совсем иными суммами. Перемена приговора стоила бы двенадцать тысяч лянов серебра, а не ту мелочь, что ты мне предлагаешь.

Цы понял, что добром здесь ничего не добьешься. Но к разговору он готовился всерьез. Он вытащил из котомки бумагу со своими записями и развернул перед Премудрым:

— Двенадцать тысяч лянов — это только если преступник является чиновником третьего ранга и выше. Пять и четыре тысячи — за преступников четвертого, пятого и шестого ранга, — голос юноши звучал все увереннее, — две с половиной тысячи за преступников седьмого ранга и ниже, равно как за тех, кто имеет высшие ученые степени; и две тысячи — за тех, кто имеет низшие. — Цы положил свои записи прямо на сласти. — И тысяча двести лянов за простолюдина, каковым является мой брат!

— Ох! — Премудрый сморщил недовольную гримаску. — Можно подумать, ты разбираешься в законах…

— Да, можно, — ответил Цы и сам изумился собственной смелости.

— И все-таки в счете ты даешь слабину. Тысяча двести лянов равняются восьмистам пятидесяти тысячам монет.

— Да. Это я подсчитал. — Цы решил не сдаваться. — И как раз поэтому понял, что вы на самом-то деле вовсе и не собирались изменять меру наказания. Вы просто назвали сумму, какую я, по

вашему предположению, мог бы принести. А теперь… Уж и не знаю, как посмотрит на такой торг ваше начальство в области Цзяньнин.

— Ах вот оно что… Ты у нас оказался ученый господин. — Тон судьи сделался жестче. — Ну, раз уж ты столь учен, ответь-ка: причастны ли ты либо твоя сестра к преступлению старшего брата?

Цы тотчас же вспомнил слова Премудрого: тот намекал, что может обвинить его семью в сообщничестве и колдовстве.

«Во всяком случае, я учен достаточно, чтобы видеть тебя, подлеца, насквозь».

Он моментально изменил тактику:

— Простите, почтенный судья, переживания лишают меня рассудка. Я провел ужасную ночь и не ведаю, что говорю. — Он поклонился. — Но все-таки позвольте мне, ничтожному, почтительнейше указать на то, что сумма, которую я вам только что передал, превышает означенную в Уложении.

Премудрый муж наконец прикрылся черной шелковой шалью. Пытливо глядя на Цы, он принялся протирать жировые складки на брюхе.

— Дай-ка я тебе кое-что объясню. Преступление твоего братца не имеет и не заслуживает прощения. Вообще-то, мне уже следовало казнить его. И семья покойного об этом настойчиво просит… Но если я отправлю его в Сычуань, то, в сущности, это и будет смертная казнь. И второе: власть для осуществления пересмотра подобного дела не судье дарована, она принадлежит лишь императору.

— Понимаю. — Цы помолчал. — В таком случае верните мне деньги и позвольте обжаловать приговор.

Премудрый, на миг остолбенев, непонимающе заморгал.

— Обжаловать? Да на каком основании? Твой брат сознался, и все доказательства против него.

— Ну тогда вы не станете возражать, чтобы это подтвердил Приказ великой справедливости. Верните мне деньги, и пусть решает Небо.

Судья кусал губы. Наконец он принял решение.

— Я скажу тебе, как мы поступим: я забываю о твоей наглости, а ты забываешь об этом разговоре. Обещаю сделать все, что в моих силах.

— Боюсь, это недостаточная гарантия, — как можно спокойнее отчеканил Цы. — Поклянитесь, что приговор будет пересмотрен, или верните деньги. Если же вы не сделаете ни того ни другого, я буду вынужден обратиться к вышестоящим чиновникам в области.

Премудрый муж смотрел на него сверху вниз, как на таракана, и стремительно багровел от гнева.

— А если я прикажу прямо сейчас перерезать глотку твоему братцу? Ты что, действительно думаешь, что всякая мелюзга вроде тебя может безнаказанно мне угрожать?

От этих слов Цы затрепетал. Деньги определенно уплывали из его рук. Теперь он даже не понимал, как мог совершить такую глупость. Нельзя было платить вперед!

— Я приношу вам свои извинения и сожалею о каждом нелепом слове, которое могло вас оскорбить, но мои деньги мне необходимы, поскольку…

— Твои деньги? — в комнате неожиданно раздался голос Бао Пао. — Уж не обессудь, что перебиваю, но вряд ли ты имеешь в виду ту сумму, которую только что получил за участок на горе.

Цы обернулся, как раз чтобы заметить, как комнату поспешно покидает один из тех, кого он видел в имении Повелителя риса. Соглядатай… Все ясно: о сделке уже донесли.

— Именно ее.

— Значит, ты хотел сказать: мои деньги, — прорычал староста, надвигаясь на Цы, как тигр на овечку. — Или ты до сих пор не понял?

«Да в чем дело? Что тут понимать?»

— О, разве я не сказал тебе? — воскликнул Премудрый с наигранным изумлением барышника. — Сегодня утром я изменил приговор Лу и включил в него одну малюсенькую поправку, предусматривающую реквизицию всех его земель.

— Но ведь… Ведь я их уже продал…

— …И земли эти, по щедрости Премудрого, были предоставлены мне в пользование, — добавил Бао Пао.

Цы побледнел.

«Вернуть хоть что-нибудь и бежать!»

Только теперь он понял, что Бао Пао и Премудрый муж дергали его за ниточки, точно куклу. Если бы судья захотел, он легко мог бы реквизировать землю прямо на суде, однако он решил выждать и

предложил Цы уплатить немалую сумму, чтобы заполучить и землю, и деньги. Теперь сдаваться — себе дороже; попробуем по-иному. Вдруг получится! Нужно только подкинуть им наживку пожирнее.

— Жаль, что вы поторопились, — вздохнул Цы.

— А что такое? — Обоим стало интересно.

— Повелитель риса всерьез вознамерился завладеть этим наделом. Как видно, он догадался, что и вы им заинтересуетесь. Чтобы я наверняка уступил землю именно ему, он отложил выплату второй части в триста тысяч монет до того, как он проверит качество участка и убедится в законности покупки. Я буду готов вручить вам эти деньги, если вы исполните ваше обещание.

— Еще триста тысяч? — изумился Бао Пао. Он знал, что это непомерная цена за такой участок, но в глазах его сверкала алчность.

Премудрый подошел к Цы:

— Так когда, говоришь, он расплатится?

— Да хоть сегодня же вечером. Как только я предъявлю бумаги на собственность и копию документа, коим удостоверяется, что участок свободен от обременений.

— То есть не реквизирован…

— Так что если вы желаете получить от меня эти деньги…

Судья призадумался, но ненадолго. Он вызвал писца и приказал снять копию с первоначальной версии приговора суда.

— Сегодняшним числом, — потребовал Цы.

Премудрый скривился.

— Сегодняшним числом, — сквозь зубы повторил Цы.

Только когда судья скрепил документ своей подписью, Цы вздохнул с облегчением. Теперь в его руках было юридическое доказательство законности сделки, совершенной с Повелителем риса. Тем не менее, когда юноша потребовал освободить брата, Премудрый продемонстрировал всю свою жесткость.

— Молодой человек, не надо искушать судьбу. Приноси деньги, и — гарантирую — я его отпущу.

Цы сделал вид, что обдумывает это предложение. Он знал определенно, что Премудрый врет, но на всякий случай притворился, что поверил.

— Сначала я должен позаботиться о родителях.

— Ладно, только не задерживайся. А то как бы чего не случилось с твоей сестрицей.

* * *

Похороны прошли как короткое и обыденное прощание. Двое домашних рабов Бао Пао на тележках отвезли два гроба на гору Отдохновения, в бамбуковую рощицу, где хоронили большинство деревенских покойников. Цы подыскал красивое место: на рассвете туда заглядывало солнце, а ветер мягко шелестел в листве. Когда последняя горсть земли упала на могилу, Цы понял, что его жизнь в деревне кончилась. Сложись все иначе, он нанялся бы батраком на чье-нибудь рисовое поле, принялся бы восстанавливать дом, а по окончании траура женился бы на Черешне. С годами, если б не помешали дети и хватило накоплений, он вернулся бы в Линьань, чтобы попытаться осуществить свою мечту — сдать экзамены, а еще подыскать хорошего мужа для Третьей. Однако теперь ему оставалось только бегство. Деревня не сулила ему ничего, кроме ярости Повелителя риса и ненависти соседей.

На прощание Цы попросил души родителей не покидать его, куда бы он ни двинулся. А затем уверенной походкой направился к имению Повелителя риса, но как только рабы Бао Пао потеряли его из виду, Цы повернул и вслед за ними прокрался к складскому помещению, где содержался под стражей его брат.

Юноша дождался, пока никого не останется вблизи. Обошел вокруг здания, чтобы подсчитать охранников. Сторож оказался лишь один — у двери, но Цы все равно не знал, что предпринять. Он выжидал, притаившись поодаль, его душило отчаяние. Время сейчас работало против него, и все-таки что-то подсказывало ему, как важно до побега переговорить с братом. Несмотря на все улики, юноша не мог поверить, что Лу — убийца. Просто отказывался верить.

Он огляделся по сторонам. Нигде никого. Только фигура треклятого стражника маячила у двери.

Цы вдумчиво прикидывал варианты. Если попробовать подкупить стража, можно самому угодить под арест, но что еще придумать? Ему пришло в голову устроить пожар, чтобы отвлечь внимание

караульного, но не было ни кремня, ни трута, и, даже если бы он их раздобыл, могло получиться наоборот: к складу сбежалась бы куча народу. И вот, пока Цы тщетно ломал голову, на глаза ему попалось маленькое оконце в стене. Совсем не широкое, но попытаться стоило. Юноша подкатил под окно пустую бочку, подпрыгнул и ухватился за раму. Напряг руки и подтянулся повыше. Окно оказалось слишком узким, чтобы забраться внутрь, но Цы удалось разглядеть в полумраке скорчившуюся на полу фигуру. Постепенно глаза его привыкли к темноте, и фигура на полу стала видна яснее. Мороз ужаса пробежал по ребрам Цы. На полу валялась лишенная всего человеческого груда плоти. Окровавленные части тела, казалось, были неестественно перекручены, голова торчала, как у сломанной куклы, на окровавленном лице застыла гримаса боли. Глазницы пусты, язык отрезан.

Цы разжал руки и рухнул вниз. Мысли смешались; неповинующимися губами он тщетно пытался выговорить имя брата. Бормоча и шатаясь, он кое-как встал и побрел, спотыкаясь на каждом шагу, сам не зная куда. Бесформенная, кровавая, изувеченная куча — это Лу! Его пытали, а потом убили. От него ничего не осталось. Только ненависть, которая теперь поселилась в душе Цы навечно.

Из деревни пора бежать. Повелитель риса будет домогаться земель, которые больше не принадлежат Цы, или денег, которых у него больше нет, и ни Повелитель, ни Премудрый не потерпят больше никаких отговорок. Цы бросился к окошку Черешни, поведал ей о своих планах и попросил его дождаться — рано или поздно он сумеет доказать свою невиновность. Однако девушка проявила неожиданную твердость: она никогда не выйдет за беглеца без работы и земли.

— Это все из-за моего брата? Если дело в нем, беспокоиться тебе не о чем. Повторяю: он уже получил сполна. Ты слышишь — он мертв! Мертв! — надрывался Цы перед захлопнувшимся окном.

А потом он ждал, но девушка не отвечала. Никогда больше Цы не слышал голоса Черешни.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

8

С Третьей за время отсутствия Цы ничего не случилось. Девочка казалась счастливой: что ей был реальный мир, когда она обучала свою куклу убираться в доме. Цы похвалил сестру за то, что та сберегла свиную ногу в целости и сохранности, и в награду отрезал Третьей ломтик мяса. Пока девочка ела, Цы сменил белое траурное облачение на коричневую холстину, которую прежде носил батюшка. Она была грязная, но так, по крайней мере, его не узнают. А еще Цы увязал дорожный узелок: последние оставшиеся деньги, Уложение о наказаниях, кое-что из одежды и остатки окорока. Вексель на пять тысяч монет он спрятал под одеждами Третьей, потом закинул узелок на спину и взял малышку за руку.

— Хочешь прокатиться на кораблике? — Не дожидаясь ответа, он пощекотал сестрицу. — Вот увидишь, тебе понравится.

И рассмеялся с болью в сердце.

К пристани они пошли кружной дорогой. Сначала Цы думал отправиться в Линьань сухопутным северным путем, но именно из-за того, что эта мысль сразу пришла ему в голову, он от нее и отказался. Путь по реке, хотя и более долгий, определенно был безопаснее.

Цы припомнил, что в сезон урожая баржи с рисом во множестве уходят в морской порт Фучжоу, а вместе с ними — и маленькие баркасы с ценными породами древесины; достигнув Восточного моря, они идут вдоль берега до самой столицы. Цы оставалось только отыскать такое судно и попасть на него перед отплытием.

Опасаясь, что его уже разыскивают, Цы обошел стороной главную пристань и направился на южный причал — туда, где поденщики перетаскивали грузы. И первое, что он увидел, — морщинистый старик мочится в воду с борта полузатопленного баркаса, бдительно присматривая за двумя матросами, изо всех сил выбирающими канат. По разговору их Цы понял, что баркас идет в Линьань, а потому, подойдя поближе к старику, попросил подвезти их с сестренкой. Старик удивился: крестьяне нередко подсаживаются на проходящие суда, но расплачиваются они обычно в портовой таможне.

— Да дело в том, что я должен таможеннику денег, а вернуть сейчас не могу, — объяснил Цы и протянул пригоршню монет, но

старик отказался, качая головой.

— Этого мало. Да и баркас у меня маленький, сам видишь, как он перегружен.

— Господин, умоляю вас! Сестра моя больна, ей нужны лекарства, достать которые можно только в Линьане…

— Ну так и отправляйся в повозке, северным путем. — Старик отряс с члена последние капли и бережно уложил его в штаны.

— Ну пожалуйста! Девочка в повозке не выдержит.

— Слушай, парень, здесь тебе не больница, так что, если хочешь попасть на борт, давай позвени монетой.

Цы обещал отдать все, что у него есть, но не сумел уговорить владельца баркаса.

— Я буду работать у вас матросом! — Про спрятанный вексель он говорить не хотел.

— Вот с такими-то обожженными руками?

— Не судите по внешности. Я работы не боюсь, а оставшуюся сумму я, если потребуется, уплачу по прибытии.

— В Линьане? Да кто тебя там дожидается? Император с мешком золота?

Старый моряк взглянул на девочку и понял, что она и вправду больна. Затем перевел взгляд на стоящего перед ним юного оборванца и убедился, что, даже если этого парня продать в рабство, все равно больше пары монет за него не выручишь. Старик сплюнул на мешки с рисом, повернулся, словно собираясь уходить, а потом снова взглянул на юношу:

— Распроклятый Будда! Ну ладно, парень. Будешь делать все, что я тебе прикажу, а когда мы придем в Линьань, ты в одиночку сгрузишь мне весь рис до последнего зернышка. Ясно?

Цы благодарил старика так, точно тот спас ему жизнь.

Баркас поворачивался медленно, точно гигантская рыбина, которой захотелось очиститься от грязи. Цы помогал двум матросам, надрывавшимся с бамбуковыми шестами, в то время как Ван, хозяин судна, стоял у руля, не забывая орать и проклинать лентяев. Казалось, перегруженное судно просто неспособно сдвинуться с места, однако мало-помалу оно выбралось на быстрину. Тогда оно выровнялось на

воде и заскользило спокойно, медленно, но верно унося Цы прочь от деревни.

До самого захода солнца Цы был занят корабельными работами — которые, впрочем, сводились к тому, чтобы отпихивать шестом плывущие по реке ветки да удить рыбу. Время от времени матрос на баке проверял глубину, а кормовому приходилось иногда подталкивать баркас, если течение не справлялось. Когда солнце зашло, хозяин бросил якорь на середине реки, зажег бумажный сигнальный фонарь — он, словно медом намазанный, тотчас привлек целый рой мошкары, — проверил груз и приказал отдыхать до рассвета.

Цы устроился на мешках рядом с Третьей, которую не переставало восхищать первое в ее жизни речное путешествие. Оба получили на ужин по порции вареного риса, после еды вознесли благодарности душам родителей. Вскоре голоса матросов начали затихать, и вот уже из всех звуков остался только плеск воды и стрекотанье сверчков на берегу. Однако ночной покой не унимал тревоги. Цы не переставал мучить себя вопросами: какой из его поступков привел духов в ярость; какой ужасный проступок он совершил, обрушив безжалостное мщение на всю семью? Тоска грызла его сердце, жгла изнутри, лишая всякой надежды. Цы прикрыл глаза и попытался сам себя обмануть: он твердил, что, хотя родители и погибли, их души остаются рядом и поверяют каждый его шаг. С самого детства Цы привык воспринимать смерть как событие естественное и неизбежное, нечто обыденное, что случается поблизости постоянно: женщины умирают при родах; младенцы рождаются мертвыми, или же их топят, если у родителей недостает средств, чтобы их прокормить; старики умирают на полях от изнурения, болезни или одиночества; наводнения разом смывают целые поселки; ураганы и смерчи забирают с собой неосторожных путников; соляные копи собирают свою дань; реки и моря требуют своего; а еще голод, эпидемии, убийства… Смерть так же явственна, как и жизнь, только более жестока и неожиданна. И все равно Цы не мог понять, как в столь короткое время уместилось так много трагических событий. На взгляд человека несмышленого, могло бы показаться, что все это — капризы духов и что необъяснимая цепочка несчастий — это удар прихотливой судьбы, отчего-то решившей его сокрушить. Но хотя Цы и знал, что все происходящее на земле суть

последствия наших поступков и расплата за них, он не находил внятного ответа, который успокоил бы его душу. Юноша чувствовал, что избавиться от сердечной боли будет не легче, чем вернуть в чашку всю пролившуюся из нее воду. И не было в его жизни ничего сопоставимого с этой мукой, впившейся в него, как кровосос. Никогда прежде ему не было так больно. Никогда.

Цы лежал, дожидаясь рассвета. Раньше ему не приходилось думать о том, куда движется его жизнь; не приходилось решать, куда идти и что делать, как вести себя, чтобы выжить; и теперь ему не хватало мужества и ясности рассудка. Цы мечтал только оказаться как можно дальше от места, где он лишился всего, что было у него хорошего; убежать самому и защитить сестренку.

С первыми лучами зари жизнь на баркасе вновь забурлила. Ван уже поднял якорь и отдавал команды двум своим матросам, когда другая лодка, управляемая одиноким стариком, неосторожно приблизилась к баркасу и врезалась ему в борт. Ван, разумеется, обрушил на бестолкового гребца целый ворох проклятий, но старый рыбак лишь бессмысленно заулыбался в ответ и продолжил грести как ни в чем не бывало. Столкновение посреди реки удивило Цы, но оказалось, что к этому времени все водное пространство превратилось в гигантский муравейник из темных плоских посудин.

— Проклятые старики! Удушить бы всех разом! — ругнулся один из матросов, не подумав, что его хозяин старше едва ли не любого из речников. Потом свесился за борт и скорбно покачал головой. — Этот недоумок пробил нам борт, — сообщил он Вану. — Нужно чиниться, иначе потеряем груз.

Оценив ситуацию, Ван плюнул вслед удалявшемуся рыбаку. В очередной раз коротко ругнулся и приказал править к берегу. По счастью, они находились всего в нескольких ли от Цзяньпу, перекрестка всех водных путей области, — а там легко отыскать все нужное для ремонта. А до Цзяньпу придется идти вдоль самого берега, рискуя подвергнуться нападению бандитов, которых на здешних дорогах встречалось немало. Ван наказал матросам и Цы держать ухо востро и сразу поднимать тревогу, если кто-нибудь приблизится к баркасу.

Порт в Цзяньпу больше всего напоминал осиное гнездо: торговцы, рыбаки, барышники, батраки, строители джонок,

разносчики всего на свете, нищие, проститутки и бродяги перемешались здесь так, что было почти невозможно отличить одних от других. Запах гнилой рыбы успешно конкурировал с едкой вонью пота и аппетитными запахами, что истекали от лотков с едой.

Не успел баркас причалить к берегу, к нему уже подскочил человечек в драной куртке, с козлиной бородкой и заверещал, требуя платы за стоянку; Ван отогнал его пинками, присовокупив, что его команда не только не собирается выгружать товары на причал, но больше того: их остановка вызвана тем, что их протаранил какой-то недоумок, отчаливший, вне всякого сомнения, от этой самой пристани.

Ван отправился в город за провиантом, а Цзе, старшему из матросов, поручил закупить бамбук и пеньку для ремонта; другой получил задание попроще: до возвращения хозяина оставаться на баркасе вместе с Цы.

Молодому матросу задание определенно не понравилось, а вот Цы обрадовался, что не придется тревожить Третью; та посапывала, свернувшись клубочком между двумя тюками с рисом. Девочка дрожала, как кутенок, и брат прикрыл ее пустым мешком, чтобы защитить от холодного горного ветра. А потом набрал ведро воды и принялся драить свободные от груза доски палубы; молодой матрос тем временем развлекался созерцанием ярко размалеванных проституток. Через какое-то время он выплюнул жевательный корешок и сообщил Цы, что отправляется на прогулку. Юноша не стал возражать. Закончив, он присел передохнуть и дать палубе просохнуть, чтобы потом пройтись еще раз.

Он уже готов был начать сызнова, когда к баркасу подошла девушка в красном. Платье, туго обтягивавшее ее фигуру, выглядело поношенным, зато фигура была хороша, а в улыбке обнажался ровный ряд зубов. Юноша покраснел, когда незнакомка спросила, не его ли это баркас.

«Да она красивее, чем Черешня!»

— Я его только сторожу, — пробормотал Цы.

Девушка притронулась к пучку волос на голове, будто поправляя прическу. Похоже, Цы чем-то ее заинтересовал, и это привело беднягу в замешательство — ведь, помимо Черешни да столичных куртизанок, которых он навещал вместе с судьей Фэном в чайных домиках, до сих пор ему доводилось беседовать только с женщинами из своей семьи.

Девушка изящной походкой прошлась вдоль берега, а потом вернулась к баркасу. Цы не сводил с нее глаз, но, когда она вновь остановилась напротив, притворился, что смотрит в другую сторону.

— В одиночку путешествуешь?

— Да. То есть… Нет! — Цы заметил, что красавица изучает его обожженные руки, и спрятал их за спину.

— А я больше никого не вижу, — улыбнулась она.

— Ну да. Дело в том, что другие сошли на берег прикупить кое-что… — замямлил юноша.

— А ты на берег не ходишь?

— Мне приказано сторожить товар.

— Какой послушный, — игриво нахмурилась красавица. — А скажи-ка, тебе и с девушками развлекаться запретили?

Цы не знал, что сказать, и просто пялился на нее дурак дураком, не в силах отвести взгляд. Ну конечно, с ним заговорила проститутка.

— У меня нет денег, — наконец ответил он.

— Понятно. Только это не проблема. — Девушка улыбалась все приветливей. — Ты парень красивый, а красивым парням можно кое-что предложить и за так. Не хочешь ли горячего чаю? Моя матушка готовит чай с ароматом персика. Да кстати, меня так и зовут. — Чаровница рассмеялась и указала на скромный домик неподалеку.

— Я ведь сказал: мне нельзя отлучаться с судна, Аромат Персика.

Девушка будто не придала запрету никакого значения: она снова улыбнулась и, грациозно покачиваясь, пошла к домику. Вскоре она вернулась с двумя чашками и чайником. Цы показалось, что щечки ее порозовели еще больше. Вообще-то, Аромат Персика не слишком походила на Черешню. И когда она попыталась сама забраться на баркас, Цы просто не знал, что делать.

— Да не стой ты, как истукан. Помоги, а то я все уроню! — решительно прикрикнула девушка.

Цы подставил руку, пряча обожженную ладонь, в рукав. Но Аромат Персика не испугалась его ожогов. Крепко сжав протянутую руку, она вскарабкалась на палубу. А потом, не дожидаясь приглашения, уселась на мешок с рисом и наполнила чаем одну из чашек.

— Бери. Это для тебя бесплатно.

Цы повиновался. Он знал, что предложение выпить чаю — обычный прием «цветочков» (проститутки предпочитали, чтобы их именовали таким словом): он также знал, что согласие не связывает мужчину никакими обязательствами, а ему в этот утренний час очень хотелось чаю. Юноша уселся на палубу и внимательно рассмотрел свою гостью. На ее белом от рисовой пудры лице четко выделялись подкрашенные брови. Цы сделал глоток — напиток был крепкий и душистый. По телу разлилось приятное тепло. А девушка принялась напевать, руками изображая полет птицы.

Мелодия плыла в воздухе, усыпляя, точно ласковое журчание. Цы отхлебнул еще, наслаждаясь богатым вкусом. Каждый глоток был как объятие любимой, как колыбельная, как ласковые мамины руки, укутывающие ребенка перед сном. Сказалась бессонная ночь; веки Цы устало сомкнулись, и колыхание речных волн понесло его в сладостную даль. Сон надвигался медленно и неодолимо. Неотступная боль наконец-то отступила, и стало темно.

* * *

Потом была вода — целое ведро воды, рухнувшей ему на лицо.

— Проклятый бездельник! Где корабль? — вопил Ван, поднимая его с настила пристани.

Цы оглядывался по сторонам, не понимая, что происходит. В ушах гудело, а старик безжалостно тряс его за плечи. И не было сил отвечать.

— Напился? Напился, бессовестный? — Ван, склонившись к самому лицу юноши, принюхался. — А где второй? И где мой корабль, сукин ты сын?!

Цы не понимал, отчего этот человек завывает, точно бесноватый, и отчего сам он лежит на берегу, а кровь бешено бьется в висках. Пожилой матрос выплеснул на него второе ведро воды. Цы затрясло, точно щенка, за шкирку вытащенного из ледяной реки. Голова еще кружилась, но вот отдельными вспышками начала проступать череда зловещих картин: прибытие в порт… хозяин ушел… и молодой матрос… соблазнительная девица с чашкой чая… а потом… потом — ничего. Горький привкус во рту помог ему понять, каким дураком он

оказался. Он поддался очарованию красотки, которая — ясное дело — одурманила его, чтобы похитить баркас со всеми товарами. Но по-настоящему Цы испугался, когда понял, что вместе с грузом пропала и Третья.

Когда он рассказал Вану о случившемся, тот поклялся убить обоих: и молодого матроса, что нарушил приказ и покинул судно, и самого Цы.

9

Но даже если бы его пригрозили разрезать на части, Цы не отказался бы от поисков своей сестры.

Юноша поднялся, все еще нетвердо стоя на ногах, и поплелся вслед за Ваном, стараясь не потерять его из виду в толпе рыбаков и торговцев. Старик метался от лодки к лодке в поисках посудины, на которой мог бы отправиться в погоню за своим добром. Цы следовал поодаль, наблюдая за кипучей деятельностью судовладельца. Рыбаки один за другим отказывали, но наконец двое молодых шалопаев согласились ссудить ему свой баркас за одну связку монет. Ван, поторговавшись, включил было в эту сумму и их участие в плавании, но когда молодые рыбаки узнали, что он собирается преследовать бандитов, то отказали в аренде судна. Все мольбы Вана пропали впустую. Хозяева баркаса твердо стояли на своем: они не желают рисковать своими шкурами в опасном предприятии. Единственное, на что они были готовы, — это продать Вану баркас, за безумные, разумеется, деньги. В конце концов старик согласился, уплатил требуемое и в сопровождении Цзе поднялся на борт. Но когда Цы хотел последовать за ними, Ван его не пустил:

— А ты куда лезешь?

— На вашем корабле осталась моя сестра. — Во взгляде юноши читалась решимость.

Ван понял, что эту пару рук лучше иметь в своем распоряжении, а не на своем горле. Раздумывая над ответом, он смотрел на единственного матроса, оставшегося в его команде.

— Ладно. Но если мы не сумеем вернуть мой рис, обещаю, ты заплатишь мне за каждое зернышко своей кровью. Вытаскивайте сети, готовьте корабль, а я отправлюсь покупать оружие…

— Господин, — перебил старика Цы. — По-моему, это не самая правильная мысль… Ну разве что вы — умелый и опытный воин.

— Клянусь богами войны! Моего умения хватит, чтобы отрезать тебе язык; а потом зажарить его и съесть. Как еще мы сможем их задержать? Предложим чашку дурманного чая?

— Господин Ван, мы не знаем, сколько их, — терпеливо объяснял юноша. — Мы даже не знаем, есть ли у них оружие. Но коли они

промышляют грабежом, то уж всяко дерутся лучше, чем два пожилых моряка и один молодой крестьянин. Если мы нападем на них с луками и стрелами, и целиться-то толком не умеючи, мы добьемся лишь одного: в нас понаделают дыр.

— Я не знаю, то ли ты от рождения дурак, то ли девкино зелье лишило тебя разума, но я знаю другое: эти ребята просто так не вернут ни мой корабль, ни твою сестрицу.

— Пока вы тут спорите, злодеи уходят все дальше, — вмешался матрос.

— Молчать, Цзе! А ты — делай, что велено, или убирайся с моего корабля.

— Но ведь парень прав, — заметил Цзе. — Если мы отправимся сразу же, то догоним их меньше чем за час, когда они остановятся для выгрузки товара. Ясно, что они будут разгружаться ниже по течению, впопыхах и без транспорта на берегу. Поймать их будет легче легкого.

— Вот дьявольщина! Ты, стало быть, не только матрос, но еще и прорицатель?

— Хозяин, ведь ясно же, что бандиты выберут для бегства самый простой путь. Течение здесь быстрое, и подниматься по реке — дело тяжелое. К тому же они везут дерево — товар, который в верховьях не стоит ничего, а вот в Фучжоу это целое состояние.

— А что насчет «меньше чем за час»?

— Вспомните про дырку в борту. Баркас долго на плаву не удержится. Судя по солнцу, они обгоняют нас на полчаса, так что мы вполне сможем их догнать.

Ван изумленно посмотрел на матроса. В суматохе он совсем позабыл о пробоине.

— Вот почему ты сказал, что в месте высадки их никто не будет ждать — ни грузчики, ни телеги! Как только они заметят течь, то пристанут где придется. Вот только где именно?

— Я этих краев не знаю, хозяин, но они отыщут какую-нибудь излучину или приток, где укроются от лишних глаз. И если вам таковые известны…

— О духи воды, ну конечно известны! Вперед. Отчаливай!

Цы погрузил на новый баркас бамбуковые шесты и купленные на рынке материалы для ремонта, перебежал на корму и оттолкнулся от

берега. А потом, вооруженные лишь шестами, они устремились в погоню за бандитами.

* * *

Как и предполагал Цзе, меньше чем через час они увидели похищенное судно в одном из боковых каналов. Накренившийся баркас медленно продвигался вдоль берега, словно раненый зверь в поисках убежища. Сколько там человек, было пока что не понять, однако шестом работал всего один, и в сердце Цы затеплилась надежда на успех.

Юноша оттолкнулся шестом изо всей силы, подавая пример усердия своим спутникам.

Во время преследования они обсуждали разные варианты действий: от стремительного абордажа до ожидания конца разгрузки, однако, когда оказалось, что преступников всего трое, возобладала идея Цы: он притворится больным купцом, чтобы пробудить в злодеях алчность.

— Меньше всего они будут ожидать подвоха от двух стариков и больного. Мы столкнем их шестами в воду, — предложил Цы. — Так что хорошо бы нам догнать их раньше, чем они причалят.

Ван согласился: на твердой земле шансов на успех значительно меньше. Теперь они продвигались вперед с осторожностью, пока не подошли на расстояние десяти корпусов, и тогда юношу прикрыли одеялом, рядом с ним положили его шест. Приблизившись вплотную, Ван расплылся в самой любезной из своих улыбок и приветствовал троих мужчин и ту самую проститутку, о которой рассказывал Цы.

Из-под одеяла юноша слышал, как Ван просит оказать помощь богатому купцу — тот, мол, совершенно неожиданно свалился в лихорадке. Цзе тем временем выровнял лодку, поставив ее параллельно похищенному баркасу. Цы на всякий случай повторил про себя свой план.

«По сигналу я поднимаюсь и сталкиваю стоящего на носу. Остальными займутся Ван и Цзе».

Палуба пропахла гнилой рыбой. Цы терпеливо слушал бессмысленный спор о плате за помощь. Сердце его билось все

отчаянней, а сигнала не было. И вдруг наверху стало тихо.

«Что-то пошло не так».

Цы крепче перехватил шест. Сейчас он выскочит, не дожидаясь сигнала, и сделает свою часть работы. Может быть, Третьей именно сейчас угрожает опасность… Однако Ван его опередил.

— Давай! — крикнул старик.

Цы распрямился, как на пружинах. Где его противник? Юноша с силой ткнул бандита в живот, Ван точно так же взмахнул шестом на корме. Первый злодей ничего не успел понять и мешком повалился в воду. Противник Вана сумел удержать равновесие, но второй удар опрокинул и его. А вот у Цзе не заладилось, и последний бандит уже выхватил длинный кинжал.

Цы понимал: те, кого они свалили в реку, непременно вернутся на борт, — это только вопрос времени. Или они немедленно покончат с третьим, или все пропало. Ван будто прочитал его мысли, и они бросились на помощь старому матросу. Тройной удар довершил дело. И вот старик уже перепрыгнул на свой баркас.

— А ты оставайся там, — скомандовал он матросу. И тут же выдал оплеуху проститутке, которая визжала так, точно ее насиловали.

Цы последовал за Ваном. Тот велел ему следить, чтобы упавшие не приближались к суденышкам; но прежде Цы должен был удостовериться, что с Третьей все в порядке. Он бросился к мешкам — туда, где оставил ее спящей; там никого не было. Сердце его бешено колотилось. Он, обезумев, перекидывал мешки с места на место и звал сестру — и тут услышал ее голосок с другого конца баркаса. Пока Ван и Цзе шестами отталкивали подплывших бандитов, он побежал на голос. Откинул одеяло, и вот она, Третья: маленькая, беззащитная, с тряпичной куклой в руках. Перепуганная. Вся в жару.

* * *

Когда Цы попросил хозяина взять проститутку в пассажиры, старик только за голову схватился. Однако юноша настаивал на своем:

— Ее заставили. К тому же она спасла мою сестру.

— Это правда, — пропищала Третья из-за спины брата.

— И ты поверил? Очнись, мальчик! Этот «цветочек» так же горек, как и все остальные в их саду. А еще он с шипами. Да она что угодно наплетет, лишь бы спасти свою красивую задницу. — И Ван резко оттолкнулся шестом.

Они только что вышли из бокового канала и теперь двигались к противоположному берегу реки, ведя купленную лодку на привязи. Вплавь бандитам реку не пересечь. Когда приблизились к берегу, Цы снова подступился к старику.

— Ну какая вам разница? Навредить нам она не сможет, а оставить ее здесь — все равно что выдать сообщникам.

— Она должна быть нам благодарна. Должна танцевать вокруг нас, только б ее не кинули за борт. А ты посмотри на нее: кислая и сухая, как свернувшееся молоко.

— А какой ей еще быть, если вы собираетесь бросить ее на произвол судьбы, вместо того чтобы передать в руки правосудия?

— Правосудия? Не смеши меня, приятель. Она наверняка рада-радешенька, что не придется объясняться с судьей. А сомневаешься — сам у нее спроси. И потом, мне-то зачем лишние проблемы?

— Я уже все сказал. Клянусь всеми дьяволами, Ван, эта девушка спасла мою сестру! А еще она не мешала нам захватить баркас.

— Только этого не хватало. Послушай-ка: я поступлю с ней так, как должен был бы поступить с тобой: оставлю здесь. Ведь она же наводчица, отравительница, лгунья, змеища и еще черт знает кто, так что кончай ее выгораживать и помоги мне чинить пробоину.

Цы посмотрел на отравительницу. Та сидела, сжавшись в комок, и юноша подумал о бездомных собаках, которых жестокие дети лупят палками, так что в конце концов те начинают бросаться уже на первого встречного. Цы верил в невиновность девицы, но Ван твердил, что если она и заботилась о его сестренке, то не из милосердия, а чтобы продать потом в какой-нибудь бордель, где сама она, без сомнения, появляется часто. И все-таки Цы доверял голосу сердца — быть может, потому, что в судьбе этой девушки ощутил отражение собственных несчастий.

— Я заплачу за ее проезд, — твердо сказал он.

— Я не ослышался?

— Нет. Разве только уши у вас покрылись той же коркой, что и душа. — Юноша подошел к сестре и вынул из складок ее одежды

мешочек с векселем на пять тысяч монет. — Этого хватит до самого Линьаня.

Ван внимательно посмотрел на юношу и сплюнул на мешок с рисом.

— А кто говорил, что больше нету? Ладно, хватит. Это твои деньги. Плати и получай эту тварь. — Ван облизнул губы. — Но когда она выцарапает тебе глаза, не приходи ко мне жаловаться.

* * *

К полудню Ван покончил с ремонтом. Связки тростника были плотно подогнаны одна к другой, временная заплатка из соломы и смолы законопатила пробоину. На радостях старик хорошенько приложился к бутыли с рисовой водкой, потом наградил глотком и своего матроса. А Цы тем временем продолжал вычерпывать воду, от которой мог загнить груз драгоценного дерева.

Он уже заканчивал, когда подошел Ван:

— Послушай, парень… мне совсем не обязательно это говорить, но все-таки — спасибо.

Цы не знал, что отвечать.

— Я не заслуживаю вашей благодарности, господин. Меня провели, как дурачка, и…

— Да помолчи! Виноват не ты один. Я приказал тебе оставаться на корабле, ты так и сделал. А тот негодник сошел на берег. И посмотри на это дело с другой стороны: я избавился от скверного матроса, корабль опять у меня, к тому же он прошел изрядную часть пути, а мы к тому и малых усилий не приложили. — И старик захохотал.

— Да уж. — Цы рассмеялся в ответ. — Бандиты хорошо за нас потрудились.

Ван осмотрел зашитый борт. Потом сплюнул с озабоченным видом:

— Мне не нравится сама мысль об остановке в Сюнцзяне. От этого городишка ничего хорошего ждать не приходится — разве что получишь ножик под ребро или дырищу в глотке. — Старик задрал рубаху и показал шрам на полживота. — Разбойники и шлюхи! Не

лучшее место, чтобы пополнить припасы, но как бы то ни было, а остановиться там придется. Не думаю, что заплатка долго продержится.

* * *

Проглотив по миске вареного риса с рыбой, путешественники двинулись к Городу Смерти — именно так Ван назвал место, где им предстояло пристать к берегу. По словам хозяина, если заплата на борту выдержит, спуск по реке займет у них день-полтора.

В пути Цы часто вспоминал судью Фэна и все то, что этот человек для него значил. С того самого дня, когда юноша поступил к нему на службу, он восхищался мудростью и познаниями судьи, его аккуратностью в работе, взвешенностью решений и проницательностью выводов. Никто не делал столь точных наблюдений, никто не работал столь продуктивно, как Фэн. У него Цы научился всему, что знал теперь. Цы мечтал стать таким, как Фэн, и надеялся добиться этого в Линьане. Ван говорил, что в Линьане возможности роятся, как мухи над навозной кучей, и вот, рассчитывая на скорое возвращение Фэна из его северного путешествия, юноша надеялся, что старый капитан окажется прав.

За мыслями о Фэне пришли мысли о родителях, и это было как удар плетью. Цы уселся в дальнем уголке палубы, чтобы скрыть тоску, но даже Третья заметила, как опечален брат, и подсела поближе. Когда девочка спросила, что с ним, Цы объяснил свою угрюмость муками голода. Чтобы заморить червячка, он предложил сестре очередную порцию копченой свинины, да и сам взял кусок. Потом потрепал девочку по голове и отвел на нос баркаса.

Юноша еще не успел поесть, когда рядом с ним опустилась на палубу спасенная проститутка. В порыве благодарности она схватила его за руки, но Цы, устыдясь ожогов, резко дернулся.

— Я слышала, как ты меня защищал…

— Не заблуждайся. Это все из-за сестры. — Они сидели так близко, что Цы чувствовал себя неловко.

— Ты до сих пор думаешь, что я тебя обманула?

— Это ясно даже ребенку, — печально улыбнулся Цы.

— Так вот что я тебе скажу, — с вызовом повысила голос она. — Мне показалось было, что ты не такой, как все, и увидел во мне что-то… Но тебе не понять, что приходится выносить таким, как я. Я работаю с самого рождения, а все, что у меня есть, — вот это грязное неухоженное тело, эти волосы, кишащие вшами, и этот нищенский наряд. Порой мне кажется, что и сама жизнь дана мне только взаймы…

Девушка разразилась слезами, но они не тронули сердце Цы.

— Мне и не нужно ничего понимать.

Он поднялся и стал смотреть на Вана: старик правил баркасом, высоко задрав голову, будто так он лучше различал запахи, которые ветер нес над водой. Уверенная фигура кормчего успокоила юношу. Он подумал, не посидеть ли еще рядом с девушкой; да только вот спорить с нею ему не хотелось. Ему ничего не хотелось.

Цы собирался просидеть всю ночь рядом со спящей Третьей, но то и дело ловил себя на том, что искоса поглядывает в сторону Аромата Персика — украдкой, из тени, что кидал, покачиваясь, сигнальный фонарь. Чем больше Цы всматривался, тем больше восхищался: ему нравилось изящество ее движений, мягкий взгляд, нежность кожи и едва заметный румянец на щеках. Цы до сих пор не мог понять, что заставило его потратить на Аромат Персика последние деньги.

Цы вздрогнул: сквозь ночную тьму он взглядом встретился с внимательными глазами девушки, и это было как вспышка молнии, разом высветившая все его постыдные мысли. Она смотрела на Цы прямо, не скрываясь, а вот он отводил глаза, словно пугливый зверек.

И вот она приближается, ступает плавно, как цапля, вот она подходит, берет его за руку и ведет за собой в пустую лодку. Сердце юноши заколотилось, когда руки девушки оказались у него под рубашкой; член ожил и запульсировал, когда тонкие умелые пальчики скользнули к паху. Цы хотел отодвинуться, но губы его уже угодили в ловушку; Аромат Персика словно пила из них — и сама увлажняла своим языком, и вот он уже лежит на дне лодки, а она сидит на нем верхом. Цы перестал понимать, зачем нужно ей противиться, если боль внутри утихает; почему это тело, будто сделанное из ароматного меда, пробуждает к жизни все его чувства, а вместе с ними — страх; почему ему так хочется заблудиться там, внутри, погрузиться в нее с алчностью нищего, с ненасытностью голодающего; и почему его

сопротивление тает у нее на губах; и почему у этих губ вкус сочного плода. И вот он пьет ее яд, эту густую, пьянящую, темную жидкость, побеждающую страхи и питающую желание.

— Нет! — тихо, но твердо сказал юноша, когда Аромат Персика попыталась снять с него рубашку.

Девушка удивилась; а вот приспустить штаны Цы позволил.

Он почувствовал, что умирает, когда Аромат Персика начала медленно двигать бедрами, ритмично и глубоко принимая его в себя, прижимаясь к его животу, точно желая впитать каждый вздох, каждую частицу его тела, направляя его израненные руки к бутонам маленьких грудей — именно там, казалось, рождались чуть слышные стоны, которые воспламеняли и опьяняли юношу, перенося его в совсем незнакомый мир, где боль исчезала, обращаясь в неописуемое наслаждение.

Он гладил девушку по щекам, повторял пальцами нежные изгибы ее шеи, тянулся губами к макушке, вдыхая аромат волос у самых корней, все тело его уже горело, вожделение нарастало. Аромат Персика льнула к нему все плотней и двигалась все быстрее, она извивалась так, словно все кости ее растаяли, дыхание ее стало шумным, она добивалась, чтобы Цы не помнил и не чувствовал уже ничего, кроме безумной жажды обладания, и продолжала раз за разом сжимать его член, извиваясь вокруг пойманной добычи, он — в ней, его язык — у нее во рту; пока наконец все не кончилось могучим взрывом, и тогда она обняла его так, словно хотела удержать покидающую ее жизнь.

На следующее утро Ван обнаружил юношу спящим в лодке. Цы был обессилен и изнурен, как после большой попойки. Старик долго тряс сонного Цы, а потом долго хохотал, пока тот натягивал спущенные штаны.

— Так вот зачем она была тебе нужна! Да ты, оказывается, бабник! Ну давай, бери шест и отчаливай. Нас уже заждался Город Смерти.

10

Цы задрожал, когда увидел его.

Для Вана заход в Город Смерти был как опасная игра, в которой, мало того что тебе сдают никудышные карты, ты еще и ставки делаешь со связанными руками. Это поселение на берегу было гнездом беглецов от закона, преступников, ссыльных, барышников, спекулянтов, шулеров и проституток, только и ждущих случая обобрать до нитки первого же чужака. Ван знал об этом не понаслышке — шрам на животе напоминал ему о Городе Смерти каждое утро. Однако теперь вместо привычного портового гомона их ожидала подозрительная тишина. На пристани не было людей — только сотня баркасов стояла вдоль берега, в утренней дымке они были похожи на призраки. Доносился лишь единственный звук — плеск волн, колыхавших опустелые посудины.

— Внимание! — предупредил Ван.

Баркас проскользнул мимо пустых судов к пристани. Время от времени там все же появлялись человеческие фигуры: люди перебегали от одного склада к другому, а в одной из лодок Цы разглядел мертвеца, лежащего в луже кровавой рвоты.

— Это чума! — предположил Цзе. Лицо его перекосилось от ужаса.

Ван молча кивнул. Цы подошел ближе к Третьей, Аромат Персика укрылась за их спинами. Юноша старался рассмотреть сквозь туман, что происходит на берегу, но завеса была слишком плотной.

— Уходим вниз по реке, — скомандовал Ван. — Эй ты, бери шест, — так он обратился к проститутке.

Но Аромат Персика вместо ответа неожиданно схватила Третью и наклонила девочку над бортом, угрожая сбросить в воду.

— Что ты делаешь? — воскликнул Цы и сделал шаг вперед.

Проститутка ответила новым угрожающим движением. Третья подняла рев.

— Клянусь, я ее сброшу! — взвизгнула Аромат Персика, лицо ее превратилось в страшную маску.

— Но ведь я тебя…

— Деньги! — не дослушала девушка. — Давай деньги, или я ее выкину!

— Ах ты дрянь! Отпусти мою сестру!

— Бросайте мне деньги! Прямо сейчас! — Она отступила подальше. Цы шагнул вперед, но Аромат Персика нагнула девочку к самой воде. — Вот только сдвинься с места, и я…

— Не нарывайся, Цы, вода здесь ядовитая, — предостерег Ван.

Юноша остановился. Ему приходилось слышать об ужасной болезни, которая рождается в речной воде. Он бросил умоляющий взгляд на Вана, но тот не желал подчиняться требованиям проститутки. Он и так уже потратил немало денег и не собирался отдавать еще.

— У меня для тебя есть идея получше, — произнес Ван. — Отпусти девочку и убирайся отсюда, а не то я сам скину тебя в воду — вот с этой палкой в заднице.

— Ты забыл спросить, согласен ли он. — Аромат Персика кивнула в сторону Цы. — Гони деньги, старый козел!

Ван угрожающе поднял дубину. Цы смотрел на капитана с ужасом.

— Да что вы делаете? Ради всех богов, дайте ей денег! — взмолился он.

Ван сделал вид, что опускает свое оружие и вдруг провел хитрый боковой удар, поразив злодейку в голову, так что ей пришлось выпустить Третью. Оказавшись на свободе, девочка бросилась прямиком к брату, но Аромат Персика успела схватить ее за ногу и все-таки вышвырнула за борт. Цы побледнел. Третья ведь не умеет плавать, сейчас она потонет как топор! Юноша сделал глубокий вдох и прыгнул вслед за сестрой. Он плавал в мутной воде, осматривался, но Третьей не видел. Не выныривал, пока не почувствовал, что легкие его вот-вот лопнут. Тогда Цы поднял голову на поверхность, чтобы глотнуть еще воздуха. Потом отплевался и громко крикнул. Третьей нигде не было. Мгновением позже она вынырнула совсем рядом — и тут же снова ушла под воду, пропав под соседней лодкой. Цы рванул к ней, загребая изо всех сил; доплыв туда, где только что мелькнула на поверхности сестра, поднырнул под лодку. Увидел наконец. Третья висела под водой, зацепившись рубашкой за дно лодки. Она не двигалась. Глаза ее были закрыты, из носа поднимались пузырьки

воздуха. Цы отчаянным рывком разодрал под водой ее рубашку и поднял тельце девочки на поверхность. Сестра не дышала. Цы бешено тряс ее и кричал как безумный:

— Третья, сестренка! Пожалуйста, не умирай!

Он чувствовал, что в спину ему уперлась какая-то палка. Это Ван протягивал ему шест. Юноша с сестрой на руках перебрался на палубу. Капитан положил девочку на живот и схватил за руки.

— Ох, чертова шлюха… Одеяло принесите.

Он долго тряс девочку, колотил по спине, приподнимал и вновь укладывал, хлопал по щекам и протирал лицо. Ничего не помогало. Цы пытался посодействовать, но Ван прикрикнул: «Не лезь!» И продолжал тормошить девочку, уже без всякой надежды. Неожиданно Третью вырвало. Цы стоял рядом, ловя каждый звук, каждое движение сестры. И вот девочка коротко кашлянула. А потом еще, и еще, и вот она уже расплакалась. Цы обнял сестру, Третья прижалась к брату.

От Вана они узнали о побеге их спутницы. По словам капитана, Аромат Персика воспользовалась суматохой, чтобы выскочить из баркаса на пристань. Старик добавил, что проститутка только и дожидалась такой возможности, так что ядовитая вода пришлась как нельзя кстати.

— Проклятая шлюха! Не знаю, что она вытворяла с тобой ночью, только услуги ее тебе дорого обошлись, — мрачно закончил Ван.

— А с ним что случилось? — Цы смотрел на старого матроса. Цзе сидел на полу и корчился от боли. Капитан взглянул на него лишь мельком.

— Попытался ее задержать и зацепился ногой за якорь. — Ван оторвал кусок тряпки и протянул матросу. — Ну давай, перевязывай свою рану, не то ты мне весь корабль кровью перепачкаешь. А ты переоденься, иначе легкие от сырости загниют, — бросил он юноше.

— Не нужно. Со мной все в порядке, — солгал Цы.

Штаны он все-таки переодел, а вот рубашку оставил — не хотел показывать, что под ней. Теперь юноша думал о Черешне и об Аромате Персика. Никогда больше не доверится он женщине. Никогда! Он их всех ненавидит!

— Оглох, что ли, Цы? Смени рубаху, — не отставал Ван.

Цы ничего не ответил — на это не было ни желания, ни дыхания.

Они снова шли вниз по реке, и юноша задумался о своем ближайшем будущем. И он сам, и Третья побывали в ядовитой воде. Теперь оставалось только молиться, чтобы боги сохранили их от ужасной болезни. За себя Цы не боялся, но ведь совсем другое дело — хрупкое здоровье Третьей. Еще одной напасти девочка не перенесет. По счастью, температура у нее не поднялась, да и кашель донимал не больше обычного, но на этом их везение и кончалось: уставший от проблем Ван объявил о своем решении высадить их в первой же деревне.

От тяжелых раздумий его отвлек страшный вопль. Цы обернулся: старый Цзе корчился на корме и визжал, как свинья. Все это время матрос орудовал шестом, стоя на месте; но вот теперь, попытавшись сдвинуть какой-то куль, потерял равновесие и рухнул навзничь. Когда Цзе наконец позволил себя осмотреть, юноша схватился за голову. По-видимому, матрос недооценил серьезность раны, стремясь поскорее уплыть из Города Смерти. Ван в очередной раз проклял свою судьбу. Цы убедился, что тряпка вовсе не остановила кровь, а просто прикрыла глубокий разрез. Размотав повязку, Цы увидел жуткую рану: на голени плоть была распорота до кости.

— Хозяин, я могу работать, — напомнил Цзе.

Ван покачал головой. Он повидал на своем веку немало ран, и эта была не из лучших. Цы тоже был встревожен.

— Ему еще повезло, что сухожилия не задеты. Но разрез серьезный. Его следует закрыть, прежде чем гниль сожрет всю ногу, — объявил Цы.

— Ну да. И как же мы это сделаем, *доктор?* Веревочкой перевяжем? — издевательски вопрошал Ван.

— Сколько отсюда до ближайшей деревни? — В ушах юноши еще звучало обещание Вана высадить их на берег при первой же возможности.

— Если ты думаешь о знахаре, то сразу забудь. Я лучше доверюсь тебе, чем любому из этих святотатцев.

Цы понимающе кивнул. Крестьяне в деревнях тоже не доверяли лекарям — это ремесло переходило от отца к сыну, однако проку от такого наследства было не больше, чем от старой корзины. Ступенью выше стояли — и гораздо реже встречались — целители, которые, помимо знания целебных трав, владели искусством иглоукалывания и

прижигания. И только если целители признавали больного безнадежным, люди обращались к знахарям, по большей части алхимикам, прорицателям и шарлатанам в одном лице, чьи невеликие познания в хирургии противоречили конфуцианскому учению, прямо запрещавшему резать по живому. Вот почему те немногие, кто отваживался на хирургическое вмешательство, считались святотатцами. И все-таки, проработав несколько лет бок о бок с судьей Фэном, Цы узнал, что человеческие кости, сосуды и мускулы мало чем отличаются от свиных. Но стоило Цы коснуться раны, Ван — разделявший общее мнение о хирургии — его остановил.

— Пусть лучше хромой, чем мертвый.

— Я знаю, что делаю, — заверил Цы. — В деревне я лечил нашего буйвола. И если Цзе такой же толстокожий, каким кажется, то разница будет невелика…

Матрос жалобным стоном изъявил свое согласие — он-то понимал, что до самого Фучжоу может рассчитывать только на этого юнца.

Цы собрался с духом. Ему не в первый раз приходилось работать с человеческим телом. Юноша делал подобные операции, когда учился в университете, поэтому он уверенно промыл рану кипяченым чаем, осторожно удаляя ворсинки ткани. Разрез начинался под коленом и шел вдоль большой берцовой кости почти до самой лодыжки. Молодого хирурга беспокоили глубина раны и обильное кровотечение. Завершив промывание, он попросил Вана подвести баркас к берегу.

— Это все? Ты уже закончил?

Цы покачал головой. У него не было ни иголок, ни шелковой нити, однако однажды ему довелось осматривать труп, раны на котором были зашиты при помощи «толстых головок». Юноша поделился своей идеей с капитаном.

— Они водятся в камышах. Раздобыть их будет несложно, — добавил он.

Ван нахмурился. Об этой живности он слышал только одно: укус «толстой головки» способен и мертвого оживить. Познаниям деревенского парня старик нисколечко не доверял, но ему хотелось проверить залатанный борт, и он согласился подойти к берегу.

Они встали на якорь в желтой дельте небольшого притока, который скользил к реке, словно умирающая змея. В этом месте грязь

была охристая, а густой камышовый лес — ярко-зеленого цвета. Лучшего места для побега было бы не сыскать. Однако Цы думал лишь о том, как бы сделать начатое дело получше. И вскоре он разглядел холмики высохшей грязи — это были затерявшиеся среди камышей муравейники. Юноша вздохнул с облегчением и опустился возле одного из них на колени. Первые ряды насекомых сразу атаковали его ноги; не обращая на муравьев внимания, Цы по самое плечо запустил руку внутрь. А потом накрепко сжал кулак, точно собираясь вырвать у этого муравейника кишки, и резко выдернул руку, всю покрытую грязью и взбесившимися муравьями, которым не терпелось вонзить свои громадные челюсти в плоть, потревожившую их покой. Цы порадовался, что не ощущает боли от укусов. Он спокойно снимал с себя муравьев, одного за другим, и аккуратно перекладывал в заранее приготовленную склянку; потом накрыл ее тряпкой и бегом вернулся на корабль. Заметив, что по плечу юноши до сих пор ползают «толстые головки», Ван бросился их стряхивать.

— Клянусь всеми драконами, парень! Ты что, не чувствуешь их укусов?

— Еще как, — солгал Цы. — Жарят, будто черти.

И перевел взгляд на кусачих страшилищ.

С годами Цы научился скрывать свою необычную способность от чужаков. В младенчестве его нечувствительность к боли была потехой для соседей: они выстраивались в очередь у его колыбельки, норовя лишний раз посмотреть, как эта кроха выдерживает щипки в пухлые щечки и даже ожоги. Однако уже в школе дела пошли хуже: учителя, наказывавшие мальчика палкой, поражались, не слыша ни единого стона, а другие ученики завидовали редкой способности, ставившей Цы выше других. И тогда дети решили доказать, что, если этому мальчику сделать по-настоящему больно, он тоже начнет выть. В ребяческой возне появилась жестокость — от полусерьезных оплеух до неподдельной ярости. Понемногу Цы обучился искусству притворства и от малейшей царапины принимался вопить и завывать, будто ему проломили голову.

Цы скинул убегающих муравьев обратно в склянку и посмотрел на старого матроса:

— Вы готовы?

Цзе кивнул. Юноша кивнул в ответ. Операция началась.

Двумя пальцами правой руки Цы ухватил первого муравья и поднес к ране; левой он зажал разрез. Цзе не понимал, что происходит. А муравей вцепился челюстями в кожу матроса, захватив оба края. Юный хирург резко оторвал пузико, так что «толстая головка» осталась на ране, и потянулся за новой жертвой. А потом аккуратно повторил операцию, поместив второго муравья чуть ниже. Так он прошел по всему разрезу.

— Ну, вот и готово. Через пару недель головки вытащишь — это будет совсем не сложно. Рана к тому времени зарубцуется.

— Он вытащит? — вмешался Ван. — Да разве этот косорукий справится?

— Ну конечно… просто возьмет острый нож…

— Даже не думай, парень. Теперь ты от нас никуда не денешься.

— Ну, теперь я ничего не понимаю. Вы собирались нас высадить в первой же деревне…

— Ну да, собирался, а теперь забудь об этом, и дело с концом. Но не думай, что ты здесь будешь почетным гостем. Цзе сейчас не в том состоянии, чтобы ворочать шестом, а мне в одиночку с кораблем не справиться. Так что заступай на место старика до самого нашего прибытия в Линьань.

— Но, господин Ван, я…

— И даже не заикайся о плате за работу, иначе я точно тебя вышвырну за борт. Все ясно?

Не дожидаясь ответа, капитан отвернулся к рулю. Несмотря на его хмурое лицо, Цы понимал, что этот человек только что спас жизнь ему и Третьей.

* * *

Всю следующую неделю Цы не отходил от сестры. Его молитвы не помогли: у девочки начался жар, и Цы, хотя и давал ей лекарство, все равно боялся, что этот приступ отнимет у нее последние силы.

Он оставлял ее, только чтобы помогать Вану, и тогда работал не покладая рук. Что было сил налегал на шест, драил палубу, крепил и перетаскивал груз, не забывая надеть толстые рукавицы, которые выдал ему Цзе. Время от времени Ван подзывал его по какому-нибудь

срочному делу: измерить глубину реки или оттолкнуть плывущую ветку, однако в целом капитан не сильно докучал своему матросу: течение само несло баркас вперед.

— Эй, парень, внимание! Да держи язык за зубами.

От окрика Вана Цы похолодел. Подняв голову, он увидел рядом с баркасом лодку с двумя людьми и громадной собакой. У одного из мужчин лицо было рябое. Ван шепнул юноше: «Уходи с палубы да приготовь шест».

— Есть на борту кто-нибудь по имени Сун Цы? — выкрикнул рябой.

Ван бросил взгляд на дрожащего юношу, который в это время укрывал одеялом сестру. А потом посмотрел на спросившего:

— Цы? Что за нелепое имя? — И старик рассмеялся.

— Отвечай на вопрос, а не то отведаешь моей палки! — рявкнул рябой. И предъявил знак стражника. — Меня зовут Гао. Кто у тебя на борту?

— Прошу прощения, — залебезил старик. — Мое имя Ван, родом из Чжунаня. Этот хромой — Цзе, мой матрос. Мы идем с рисом в Линьань…

— Меня не интересует, куда вы направляетесь. Мы ищем молодого человека, который сел на корабль в Цзяньяне. Вероятно, с ним вместе следует больная девочка…

— Беглый? — заинтересовался Ван.

— Он украл деньги. А этот кто таков? — Рябой покосился на Цы.

Ван ответил не сразу. Юноша крепче сжал шест и приготовился защищаться.

— Это мой сын. На что он вам?

Стражник посмотрел на капитана с презрением:

— Отойди. Я к вам поднимаюсь.

Цы прикусил губу. Если они обыщут баркас, то найдут Третью, а если он попробует им помешать, то сам подпишет себе смертный приговор.

«Придумай что-нибудь, или тебя схватят».

И Цы неожиданно переменился в лице и согнулся пополам, будто ему переломили хребет. Удивленный Ван кинулся было ему на помощь, но тут на юношу напал приступ неудержимого кашля. Цы колотил себя в грудь, глаза его вылезли из орбит, изо рта летела

кровавая мокрота. Кое-как ему удалось выпрямиться, и он протянул руку к стражу порядка; тот, будто завороженный, смотрел на струйку крови, сочившуюся у него изо рта.

— Ради ми-ло-сер-дия, по-мо-ги-те… — просипел Цы и шагнул к рябому.

Стражник в ужасе пятился, но Цы подходил все ближе. Еще шаг — и дотронется, но тут страдалец потерял равновесие и повалился на дощатый пол, опрокинув при этом мешок риса. Когда он поднял голову, Ван увидел, что его трясущееся лицо все перепачкано слюной и кровью.

— Это же ядовитая вода! — С воплем старик отпрыгнул подальше.

— Ядовитая вода! — повторил Гао, бледнея на глазах.

Перепуганный стражник безотчетно продолжал пятиться, пока не уперся в борт. Не оборачиваясь, он перепрыгнул в свою лодку и, сорвавшись на визг, приказал:

— Уходим!

Помощник, видевший все, навалился на шест так, как будто от силы толчка зависела его жизнь. И вот лодка уже стремглав удаляется вниз по реке и постепенно теряется из виду.

Ван все не мог понять, что произошло. Цы как ни в чем не бывало поднялся на ноги.

— Ты… Да как ты это сделал? — пробормотал капитан.

Юноша выглядел здоровым, как только что сорванное с ветки яблоко.

— Это? Пустяки! — Цы освободился от рукавиц и выплюнул какие-то кровавые ошметки. — Так-то лучше. Конечно, было немножко больно кусать себя за щеки, — насчет боли он приврал, — однако, судя по лицу этого типа, небольшое представление нам не повредило.

— Вот же плут!

Старик и юноша рассмеялись. Ван бросил взгляд на точку, в которую превратилась лодка стражника, и обернулся к Цы уже с озабоченным видом:

— Определенно они держат путь в Линьань. Я не знаю, что ты натворил, да, по правде сказать, и знать не хочу, но послушай моего совета: когда сойдешь на берег, гляди во все глаза, слушай во все уши

и даже задницу держи начеку. Взгляд у этого Гао — как у собаки-ищейки. Он учуял запах крови и теперь не успокоится, пока не попробует ее на вкус.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

11

Много долгих месяцев Цы мечтал о возвращении в Линьань, однако теперь, когда вблизи показались холмы столицы, внутри у него все сжалось, будто желудок сдавили кузнечными клещами. Юноша помог Вану пришвартовать корабль, на котором они поднялись от Фучжоу вдоль морского побережья, и наконец поднял взгляд.

Впереди — жизнь.

Баркас лениво плелся сквозь туман к гигантскому лиману, где больные воды великой реки встречались с грязными водами Западного озера, чтобы нестерпимым своим зловонием возвестить о нищете и блеске величайшего из городов. Когда-то его называли Ханчжоу, теперь это был Линьань, столица страны и столичной области, короче — центр вселенной.

Робкое солнце золотило сотни лодок, теснившихся у пристани. Подальше от причалов роились весельные сампаны и джонки под прямыми парусами, осаждая солидные купеческие корабли; у крайних пирсов доживали свой век изъеденные червем полузатопленные баркасы и насквозь прогнившие деревянные плавучие домики.

Ван понемногу углублялся в этот речной муравейник, так что в конце концов он и сам превратился в одного из сумасшедших лодочников, ругавшихся — словно собаки из-за кости — за возможность хоть чуть-чуть продвинуться вперед. Спокойное плавание по реке сменилось лихорадкой задыхающихся окриков, оскорблений и угроз, мигом перераставших в потасовки, стоило лодкам все же столкнуться. Цы пытался выполнять все команды взвинченного капитана, сейчас и впрямь вполне способного выкинуть своего матроса за борт.

— Да будь ты проклят! Кто тебя учил грести? — рычал Ван. — А ты чего смеешься? — обернулся он к старому матросу. — Мне наплевать, что там у тебя с ногой! Хватит думать о шлюхах, берись за дело! Мы пристанем не здесь, а подальше от складов.

Цзе неохотно повиновался, Цы не отвечал. Ему едва хватало сил, чтобы в адской толчее хоть как-то управляться с шестом; того и гляди или выбьют, или тот увязнет в иле…

Когда речная сутолока наконец дала им передышку, Цы смог поднять голову. Он никогда прежде не видел Линьань с воды, и величие города потрясло юношу. И все-таки, по мере того как баркас подходил к пристани, в памяти Цы всплывал облик столицы, и ему казалось, что и она, как дальний полузабытый родственник, рада новой встрече.

Город как был, так и остался неприступным, невозмутимым, величавым; с запада его охраняли три лесистых холма, зато южная сторона, омываемая рекой, была открыта взорам чужестранцев. Этим и объяснялось наличие глубокого рва, внушительной каменной стены и земляных валов, перекрывавших подходы с воды.

Из задумчивости юношу вывел подзатыльник.

— Хватит пялиться, работай!

Пришлось опять приналечь.

Потребовалось больше часа, чтобы провести баркас мимо главной пристани перед Великими воротами — одним из семи проходов, по которым можно было с реки попасть в город. Ван сам выбрал, где высадить Цы и Третью.

— Тут будет понадежней. Если тебя кто-нибудь караулит, ждать будут возле Рисового рынка или на Черном мосту в северных кварталах, где сгружают товары, — заверил капитан.

Цы поблагодарил Вана за помощь. За прошедшие три недели этот человек сделал для него больше, нежели односельчане за всю жизнь. Несмотря на кажущуюся суровость и хмурый вид, старик был из тех людей, кому можно смело довериться. Ван разрешил беглецу добраться на баркасе до Линьаня и следил, чтобы юноша не отлынивал от работы. И все это без единого вопроса — капитан сам сказал, что в них нет нужды.

Цы никогда этого не забудет.

Он подошел к Цзе, чтобы попрощаться и осмотреть напоследок рану. Теперь она выглядела уже не так страшно: разрез, схваченный муравьиными челюстями, понемногу затягивался.

— Через пару дней отрывай головки. Но свою не трогай, понял? Только муравьиные. — И Цы напустил на себя важный вид.

И оба расхохотались.

Вот Цы уже держит за руку сестру, на плече у него — узелок с пожитками. Прежде чем сойти на берег, он снова посмотрел на Вана.

Юноша хотел повторить слова благодарности, но старик его опередил:

— Твой заработок… И еще последний совет: перемени имя, я вижу, от «Цы» у тебя одни проблемы. — И протянул ему тугой мешочек.

При любых других обстоятельствах Цы не принял бы денег, однако он знал, что на первые дни в Линьане не то что деньги — ему пригодится и самый мешочек, где они лежат. Он нанизал монеты на шнурок и подвязал его на пояс, не зная, что и сказать.

— Я… это…

И в конце концов просто спрятал мешочек под рубаху.

* * *

Расставание с капитаном далось ему нелегко. В течение последних дней спокойного плавания вспыльчивым характером своим Ван напоминал ему батюшку, а теперь, в минуту расставания, в голове юноши эхом звучали загадочные слова, произнесенные несколько дней назад:

«Он учуял запах крови и теперь не успокоится, пока не попробует ее на вкус».

Перед исполинской стеной из беленого кирпича, в которой распахнулись Великие ворота, Цы задрожал, как щенок. То была последняя ступень, пасть дракона, через хребет которого он должен был перебраться, чтобы дойти до мечты. Но теперь, когда до цели уже было рукой подать, им завладел безотчетный страх.

«Не раздумывай — иначе не сдвинешься с места».

— Пойдем, — твердо сказал он Третьей.

Влившись в бурлящий людской поток, они прошли через Великие ворота.

А по ту сторону все выглядело как прежде: те же хижины на берегу; всепроникающий рыбный запах; толкотня бродячих торговцев и старьевщиков; грохот повозок; пот погонщиков и рев вьючных животных; красные фонарики у дверей мастерских; прилавки с шелковыми тканями, нефритовыми украшениями и совсем уж экзотическими товарами; беспорядочная россыпь разноцветных палаток, налезающих одна на другую, словно плитки несобранной

мозаики; выкрики продавцов, зазывающих покупателей или отгоняющих мальчишек; бочонки с едой и напитками.

Юноша брел безо всякой цели, пока не почувствовал, что Третья настойчиво дергает его за руку. Девочка не отводила глаз от столика с разноцветными конфетками, которыми торговал известный прорицатель — если судить по горделивой надписи перед ветхим прилавком. Цы расстроился из-за сестренки: лицо ее сияло в предвкушении лакомства, но он не мог растрачивать на сласти скудный заработок, выплаченный ему Ваном. Он хотел было объяснить это девочке, но предсказатель заговорил первым:

— Три монеты! — и протянул две карамельки.

Цы разглядывал этого человечка, обнажившего в идиотской улыбочке беззубые десны. Одет он был в старую ослиную шкуру — этот наряд придавал ему вид полумерзостный-полузабавный, соперничать со шкурой могла только нелепая шапка из сухих веток и жухлой травы; из-под шапки торчали перепутанные космы. Никого более похожего на обезьяну Цы в своей жизни не видывал.

— Три монеты, — угодливо улыбаясь, повторил он.

Третья уже протянула руку, но Цы ее остановил.

— Мы не можем их взять, — прошептал он на ухо сестре. — На эти деньги можно купить столько риса, что нам двоим хватит на целый день.

— Ну и что? Я могу есть только леденцы, — совершенно серьезно возразила Третья.

— А ведь девочка права, вмешался прорицатель, чутко ловивший каждое слово. — На, попробуй. — И он протянул ей лакомство в ярко-красной бумажке.

— У нас нет денег. — Цы сурово отвел руку торговца. — Пойдем, нам пора.

— Но ведь это был прорицатель, — хныкала Третья, семеня вслед за братом. — Если мы не купим у него сласти, он нас заколдует.

— Это был обманщик. Будь он прорицателем, он бы угадал, что у нас нет денег.

Третья согласно кивнула. А потом захрипела и кашлянула. Цы остановился как вкопанный. Ему уже приходилось слышать такой кашель.

— С тобой все в порядке?

Девочка снова закашлялась, но кивнула утвердительно. Цы ей не поверил.

Они шли к Императорскому проспекту, Цы с любопытством глядел по сторонам. Он хорошо знал этот район; он знал всех проходимцев, фокусников, нищебродов, кукольников и бандитов, обретавшихся здесь; знал все их трюки и фокусы — и давно испытанные, и те, которые они только способны изобрести. Когда юноша работал под началом судьи Фэна, не проходило дня без того, чтобы они, проводя какое-нибудь расследование, не посещали предместье за городской стеной. И это было страшное воспоминание. Здесь женщины торговали собой за бесценок, мужчины губили себя пьянством, один неправильный взгляд мог стоить человеку жизни, одно неверное движение — и кости уже гниют в канаве. Такова здешняя повседневность. Тут же гнездились и осведомители, поэтому Цы с Фэном сюда и приходили. Быть может, из-за своей близости к порту это предместье между старинной внешней стеной и внутренней, окружающей собственно город, было самым бедным и самым опасным районом Линьаня. Именно это обстоятельство сейчас тревожило юношу: он не знал, где и как им придется заночевать.

Цы проклинал закон, но которому его отцу запрещалось, как и любому чиновнику, занимать должность в родном городе. Этот закон призван был побороть семейственность, на корню пресекая искушение оказать незаконное покровительство самым близким людям. Однако у него имелась и отрицательная сторона: чиновников разлучали с родными. Вот почему у Цы и Третьей в Линьане никого не было. Но, по правде говоря, у них нигде никого не было. Братья отца давно переехали на юг и погибли во время страшного тайфуна. О семье матушки Цы ничего не знал.

Нужно было торопиться. С наступлением сумерек здесь особенно опасно. Они должны выбраться из этого предместья и отыскать пристанище на ночь.

И тут Третья проявила своеволие, — в общем-то, у нее были для этого серьезные основания. Она уже давно ощущала бурчание в животе, а Цы, казалось, и думать о ней забыл. И тогда девочка уселась на дорогу:

— Я хочу есть!

— Сейчас нам некогда. Поднимайся, а то мне придется тебя тащить.

— Если мы не поедим, я умру, и тебе придется таскать меня всегда. — На лице ее была написана твердая решимость.

И что тут поделаешь? Несмотря на желание отыскать место для ночлега, он понимал, что нужно передохнуть. Он обошел несколько ближайших лотков с едой, но все они показались ему непомерно дорогими. Наконец он увидел палатку, вокруг которой роились нищие. С отвращением приблизившись, он поинтересовался ценами.

— Тебе повезло, парень. Сегодня мы прямо-таки дарим еду. — От продавца пахло так же отвратительно, как и от его стряпни.

Оказалось, что «подарочная» порция лапши стоит две монеты, и Цы подумал, что это форменный грабеж. Но другие торговцы просили вдвое больше, так что Цы заплатил требуемое, и продавец вывалил порцию на кусок грязной бумаги — хорошо, что не прямо в руки.

Третья поморщилась. Она не любила лапшу — эту варварскую пищу северян.

— Ты должна это съесть, — настаивал Цы.

Девочка взяла несколько полосок теста и положила в рот, но тут же с отвращением выплюнула.

— Вкус как у мокрой тряпки, — пожаловалась она.

— А откуда ты знаешь, какой вкус у мокрой тряпки? — парировал Цы. — Хватит хныкать, ешь, как я ем.

Он кинул еду в рот — и тоже выплюнул.

— Клянусь преисподней! Что это за отрава?

— Хватит хныкать, давай ешь, — тут же ввернула повеселевшая девочка.

Цы выкинул прогнившую лапшу на землю — и едва успел отскочить, чтобы его не затолкали двое нищих, устроивших драку из-за этого яства. Увидев, с какой жадностью они пожирают гнилье, Цы пожалел, что выбросил худо-бедно съедобную пищу.

В конце концов, не переставая сокрушаться о потерянных деньгах, он приобрел две горсти вареного риса в соседней палатке. Дал Третьей время покончить со своей порцией, а потом, поняв, что сестра не наелась, уступил ей и свою часть.

— А ты что будешь есть? — спросила Третья, уписывая за обе щеки.

— А у меня на завтрак была целая корова. — Цы сыто рыгнул в подтверждение этого факта.

— Врунишка! — рассмеялась девочка.

— Правда-правда. А ты все проспала. — Цы улыбнулся, но не смог скрыть жадности, когда слизнул остатки риса, делая вид, что просто решил попробовать.

Третья снова засмеялась, но тут на нее напал приступ кашля. Приступы эти становились все чаще, все сильнее. Цы боялся, что малышку постигнет участь ее сестер. Понемногу кашель ослаб, но боль не спешила уходить.

— Все будет хорошо. Потерпи.

Цы вытер руки и зашарил в своей суме. Дрожащие пальцы не могли нащупать лекарство. Тогда он вывернул суму и высыпал все пожитки. Сухие корешки наконец отыскались. Это была последняя доза, всего-навсего горсточка. Вот-вот потребуется пополнить запас. Цы вложил корешки девочке в рот и велел жевать, но Третья и сама знала, что делать. Когда она прожевала и проглотила, кашель утих.

— Ты раскашлялась потому, что слишком торопливо ела. — Цы хотел разрядить обстановку, но озабоченное лицо его выдало.

— Прости меня, — прошептала сестра.

У юноши сжалось сердце.

Цы торопился отыскать место, где Третьей окажут помощь, поэтому они направились на южный край города, к холму Феникса, — в квартал для служащих, где стоял дом, в котором они жили несколько лет назад. Разумеется, в самом доме им делать нечего, ведь область предоставляла жилье только чиновникам при должности, однако Цы хотел попытать счастья у дедушки Иня, старого друга батюшки, — вдруг он согласится принять их на несколько дней.

Постепенно дома в пять этажей, лепившиеся к Императорскому проспекту, уступили место особнякам с загнутыми козырьками и тщательно ухоженными садиками; пот и сутолока запруженных транспортом улиц сменились ароматом жасмина; вместо тюков с грузом, гнувших бамбуковые коромысла и спины мулов, теперь на глаза все чаще попадались почетные кортежи и роскошные паланкины знатных вельмож и дам. И Цы на мгновение вновь почувствовал себя частью этого мира, где он и сам когда-то жил.

Когда Цы постучал в узорную дверь, солнце уже садилось. Дедушка Инь всегда относился к ним, будто к собственным внукам, вот только на пороге появился не он, а его вторая жена. При виде незваных гостей ее угрюмое лицо сморщилось еще больше.

— Что вы тут делаете? Ты что, решил жизнь нам поломать?

Цы онемел. Они не виделись уже около года, однако эта женщина была ничуть не удивлена: казалось, она ждала их. Прежде чем она захлопнула дверь, Цы успел спросить, дома ли дедушка Инь.

— Нет его! — грубо ответила хозяйка. — И вас он не примет, — сразу же добавила она.

— Госпожа, прошу вас! Моя сестра опасно больна…

Женщина даже не скрывала своего отвращения.

— Вот еще одна причина чтобы вам отсюда убраться.

— Кто там? — донеслось из дома. Цы узнал голос дедушки Иня.

— Это нищий. Он уже уходит. — Женщина решительно вышла в сад и прикрыла дверь. Схватила Третью за руку и потащила на улицу, так что Цы вынужден был последовать за сестрой. — А теперь слушай! — обернулась она к юноше. — Это почтенный дом, ты понял? И мы не желаем, чтобы какой-то разбойник марал наше доброе имя.

— Но я…

— И пожалуйста, не прикидывайся невинной овечкой! — Хозяйка скривила губы. — Сегодня утром к нам заявился стражник с громадным псом. И они рыскали по всему дому. Какой позор! Он нам рассказал про твои подвиги. Он нам все рассказал! И добавил, что ты непременно постучишься в эту дверь. Послушай-ка, Цы, мне неизвестно, почему ты пустился в бега с этими деньгами, но заверяю тебя: если бы не уважение к твоему покойному отцу, я бы тотчас приволокла вас в управу. — Она отпустила Третью и подтолкнула к брату. — Так что постарайся не возвращаться. Обещаю: если увижу тебя ближе чем в ли от нашего дома, то примусь колотить во все гонги этого города, и во всем Линьане тебе укрыться будет негде.

Цы подхватил перепуганную сестру и, спотыкаясь, побрел прочь. На юношу навалилась непроглядная тьма, и казалось, новый день никогда не наступит. Теперь Цы понял, что могло произойти: либо это Премудрый муж выполнил свою угрозу привлечь его к делу об убийстве Шана, либо Повелитель риса обвинил его в краже трехсот

тысяч, которые заграбастал Премудрый. А стражник Гао, с которым они уже встречались на реке, — это карающая десница правосудия.

Цы испугался, уж не предупредил ли Гао и соседей, и, чтобы поменьше попадаться на глаза, выбрал дорогу вдоль городской стены. Они возвращались к пристани, и Цы надеялся, что им удастся заночевать в одной из портовых гостиниц. Разумеется, порт — не самое приятное место в городе, зато комнаты там сдают дешево, и искать их у реки никто не будет. К вечеру Цы отыскал ветхий домик с объявлением о сдаче комнат. Покосившиеся стены опирались на соседнее здание — приземистую харчевню, источавшую мерзостное зловоние. Юноша отодвинул линялую занавеску, заменявшую дверь, и отыскал одурманенного алкоголем хозяина. Тот даже не взглянул на пришедшего — просто протянул руку и потребовал пятьдесят монет, оплата вперед. Ровно столько денег и оставалось у Цы. Юноша попробовал сбавить цену, но пьяница только презрительно сплюнул. Цы пересчитал монеты. Третья кашлянула. Стоит только сейчас расплатиться, лекарства для сестры уже не купить.

«Если только работу не найду».

Цы решил, что какое-нибудь дело для него отыщется, и заплатил за комнату, предварительно оговорив право выкинуть мусор в окно, а также поинтересовался наличием входной двери.

— Да ты никак вообразил, будто у здешних постояльцев есть ценности, чтобы хранить их за дверью? Третий этаж, прямо по коридору. Так, парень, и запомни хорошенько… — Цы остановился, хозяин подмигнул: — Мне дела нет, если ты поимеешь здесь эту девчонку, но если она помрет, чеши отсюда и ее уволакивай, пока я не прознал. Мне тут проблемы с законом без надобности.

В этом пункте их интересы совпадали, так что юноша даже не потрудился ответить. И вот они с Третьей оставили позади крики и хихиканье, раздававшиеся из прикрытых занавесками нор возле входа, и поднялись по ступенькам, настолько скрипучим, что казалось, ведут они прямиком в пыточную камеру.

В их новое жилище едва проникал свет, пахло мочой и застарелым потом. По счастью, комнатенка выходила к воде — воду было видно сквозь щели тростникового щита, которым прикрыли дыру в кирпичной кладке. На полу лежала циновка, вся в подсохших пятнах — она годилась для чего угодно, только не для спанья, так что Цы

отпихнул ее ногой и достал из дорожного узелка кусок холстины. Кашель Третьей отвлек его от нехитрого обустройства. «Я должен раздобыть лекарство прямо сейчас».

Цы огляделся по сторонам. Комнатенка была размером со шкаф, выпрямиться во весь рост не получалось. Юноша не понимал, как мог пьяный вымогатель содрать с него столько денег за этот ящик. К тому же комнату использовали, по-видимому, как складское помещение: у стены громоздились бамбуковые палки — такие применяют для ремонта. Цы сделал из них каркас и накрыл холстиной — получилось нечто вроде палатки. А потом испачкал Третьей лицо грязью с пола и объяснил, что делать.

— А теперь слушай внимательно. То, что я скажу, очень важно. — (Девочка распахнула глаза как можно шире.) — Я должен уйти, но скоро-скоро приду. Ты помнишь, как спряталась, когда наш дом рухнул? Так вот, теперь прячься в этот бамбуковый домик и не разговаривай, не выходи и не высовывайся, пока я не вернусь. Тебе понятно? Если ты все сделаешь хорошо, я принесу тебе леденцы, которые продавал тот волшебник.

Третья кивнула. Цы очень надеялся, что девочка все сделает правильно. Да и выбора у него не было.

Пока Третья пряталась, юноша молился покойным родителям, прося для нее защиты. А потом порылся в своем узле, размышляя, что из их вещей получилось бы продать. Четыре куска ткани, нож, найденный в развалинах родного дома, — за это не получить даже «спасибо». Только «Сун син тун», унаследованное от батюшки Уложение о наказаниях, имело хоть какую-то ценность. Если, конечно, найдется желающий его приобрести.

По дороге на Императорский рынок юноша припомнил, что лучшие книги продают под деревьями, окружающими летний павильон в Апельсиновом саду, поэтому, чтобы поберечь силы, Цы спустился к Императорскому каналу и, обязавшись отработать поездку, получил бесплатное место в лодке. Поскольку лодка развозила товары, им пришлось изрядно покрутиться по сети городских каналов, но все равно — передвигаться по воде в Линьане было быстрее всего.

По счастью, Цы добрался до книжного рынка в самое удачное время: в этот час студенты выходили из учебных залов, чтобы попить чаю и поинтересоваться книжными новинками, поступившими из

печатни. Оказавшись в толпе молодых кандидатов в чиновники, одетых в аккуратные черные курточки, Цы вспомнил, как сам он год назад бродил по этому саду в поисках книг по судебной медицине — о, как он был алчен до новых знаний! Но ничего ему тогда не попалось, хотя Фэн и рассказывал ученику о самых редких изданиях. Шагая к палаткам с трактатами по юриспруденции, Цы с завистью ловил обрывки разговоров, напоминавших ему о той поре его жизни: молодые люди рассуждали о важности учебы, о последних течениях в конфуцианстве. Бывший студент поймал себя на том, что предается мечтаньям, вместо того чтобы думать, как продать книгу. И вот он оставил позади торговцев поэзией и направился к лоткам с юридической литературой; как Цы и предполагал, Уложение о наказаниях оказалось здесь одной из самых востребованных книг. Вследствие этого и предложение было велико, и цены самые разные. Внимание юноши привлекло великолепное издание «Сун син тун», обшитое шелком, очень сходное с его собственным экземпляром. Он подошел к продавцу:

— Сколько стоит?

Продавец поднялся с табурета и с торжественным видом приблизился к книге. Он отряс пыль с ладоней и перелистнул страницы, точно лаская красивейшую из женщин.

— Я вижу, ты способен оценить подлинное произведение искусства, — польстил он возможному покупателю. — Это рукописный «Сун син тун», изящная каллиграфия мастера Ханя. Ничего общего с этими дешевыми копиями, которые штампуют где ни попади.

Цы признал его правоту.

— Сколько? — повторил он.

— Десять тысяч. Считай что даром. — Продавец пригласил юношу полюбоваться книгой.

Цы вежливо отказался. Он чуть не забыл, что в Линьане всё отдают «почти даром», однако, судя по знатности покупателей у этого лотка, книги здесь были действительно ценные. Цы пригляделся к старичку с намасленными усиками — он интересовался тем самым Уложением в шелковом переплете. Одет он был в блестящую красную куртку и шляпу с полями того же цвета — типичный наряд почтенного преподавателя. Старик осторожно листал Уложение, длинный

полированный ноготь его мизинца скользил по рядам иероглифов, лицо его озарялось светом. Но оно тотчас стало хмурым, когда продавец назвал цену. Видно было, что для старичка книга стоит слишком дорого, однако он не вернул ее сразу, а продолжал рассматривать. Цы услышал, как он просит продавца отложить ценный экземпляр и обещает вернуться с деньгами. Действовать следовало незамедлительно.

— Прошу извинить меня за дерзость, достопочтенный господин, — заговорил Цы, как только старичок отошел от лотка.

Тот посмотрел на незнакомого юношу с удивлением.

— Сейчас у меня нет времени. Если ты хочешь поступить в академию, обратись к моему секретарю, — бросил старик, не замедляя шага.

Теперь уже удивился Цы.

— Нет. Простите, господин, я заметил, что вас заинтересовала одна старая книга, а я, волею случая, владею похожей и готов уступить ее вам куда дешевле.

— Неужели? Рукописный «Сун син тун»? — недоверчиво переспросил старик.

Цы развернул свой экземпляр Уложения. Старик принял его из рук в руки и осторожно открыл. После тщательного осмотра он хотел вернуть его юноше, но тот отказался.

— Вы можете оставить его себе за пять тысяч.

— Простите, молодой человек, я не покупаю краденого.

— Господин, вы ошибаетесь! — вспыхнул Цы. — Эта книга принадлежала моему отцу, и, уверяю, я не стал бы ее продавать, если бы не нуждался в деньгах.

— Прекрасно. И кто же был твой отец?

Цы закрыл рот. Он знал, что находится в розыске, и не желал себя выдавать. Старик хмурил брови в ожидании ответа. В конце концов он вернул юноше книгу и зашагал прочь.

— Господин, клянусь вам, я не лгу! — Старик шел не оборачиваясь, но и Цы поспевал следом. В конце концов он придержал ученого за плечо. — И я могу это доказать!

Ученый остановился. Он был вне себя от гнева. Если непростительной наглостью считалось докучать незнакомцу на улице, то удерживать прохожего — и вовсе недопустимо. Цы испугался, что

старик позовет стражу, надзиравшую за рынком, но, по счастью, он этого не сделал. Он снова посмотрел юноше в глаза, а потом сбросил его руку.

— Ну что ж. Проверим.

Цы прокашлялся. Ему нужны были деньги. Он должен был убедить этого человека и получил для этого всего одну возможность. Юноша закрыл глаза и сосредоточился.

— «Сун син тун». Первый раздел: «Об обычных наказаниях». — Он набрал побольше воздуха и продолжил: — «Самое малое из наказаний осуществляется самою тонкой частью бамбукового стебля, дабы пробудить в преступнике сокрушение о совершенных ошибках и должным образом предостеречь от совершения таковых в будущем. Второе наказание осуществляется более толстой частью бамбукового стебля, дабы сделать страдание и позор более ощутимыми. Третье наказание состоит во временной высылке за пятьсот ли, дабы побудить виновного к раскаянию и исправлению. Четвертое наказание есть вечная высылка, и применяется оно к преступникам, присутствие которых в обществе нежелательно, но не заслуживающих при этом высшей меры; минимальная дистанция высылки для таковых — две тысячи ли. И наконец, пятое наказание есть умерщвление преступника путем удушения либо перерезания горла».

И замолчал в ожидании похвалы от академика.

— Не жди от меня восторгов, юноша. Я знаю этот трюк.

— Трюк? — не понял Цы.

— Вы учите наизусть пару разделов и выдаете себя за студентов, но я преподаватель с большим стажем. А теперь убирайся, пока я не позвал стражника.

— Трюк, вы говорите? Спросите из любого места, господин! — Цы снова протянул ему книгу.

— Как это?

— Откуда захотите. Ну, давайте! — с вызовом предложил Цы.

Академик задумался. Потом открыл книгу наудачу и перевел взгляд на текст. И вновь посмотрел на Цы, который дожидался настоящей проверки.

— Прекрасно. «О разделении дней», господин всезнайка.

Юноша сделал глубокий вдох. Этот раздел он не перечитывал уже несколько месяцев.

«Ну же. Вспоминай!»

Время шло, академик нетерпеливо притопывал. Он уже собирался вернуть книгу, как вдруг юношу словно прорвало:

— «Согласно „Императорскому альманаху“, день подразделяется на восемьдесят шесть частей. Рабочий день состоит из шести часов между рассветом и сумерками. В ночи также шесть часов, — таким образом, общая протяженность дня и ночи составляет двенадцать часов. Календарный год составляет триста шестьдесят полных дней, однако возраст человека следует исчислять по астрономическому циклу, начиная с того дня, когда его имя и дата рождения заносятся в государственный реестр…»

— Но как ты?.. — выдохнул академик.

— Господин, я вас не обманываю. Эта книга моя, но за пять тысяч она станет вашей. — Цы видел, что старик никак не может решиться. — Господин, моя сестра больна, и мне нужны деньги. Пожалуйста!

Ученый еще раз посмотрел на Уложение: замечательный переплет, переписано от руки штрих за штрихом, ну просто картина мастера! Иероглифы выписаны проникновенно, с чувством, поэтично. Тяжело вздохнув, он закрыл книгу и вернул ее юноше.

— Право, жаль. Действительно прекрасный экземпляр… но я не могу купить у тебя эту книгу.

— Да почему же? Если из-за цены, так я сбавлю. Пусть для вас будет четыре… всего три тысячи, господин.

— Не будь назойливым. Если бы я увидел эту книгу раньше, то непременно купил бы, но я уже сговорился с тем продавцом, а мое слово стоит больше, чем любая скидка, которую ты мог бы мне предложить. Да к тому же было бы несправедливо лишить тебя этого произведения искусства, воспользовавшись твоим бедственным положением. — Ученый как будто взвешивал все за и против, глядя на озадаченного юношу. Послушай-ка, мы вот как поступим: на, держи сто монет, а книгу оставь себе. Видно ведь, как тебе не хочется с ней расставаться. Что до денег — не сочти их за оскорбление, пускай это будет заем. Отдашь, когда справишься со своими проблемами. Я возглавляю академию, она носит мое имя. Мое имя Мин.

Цы не знал, что и сказать. Ему было очень стыдно, но он принял горсть монет и нанизал на свой шнурок, однако обещал менее чем

через неделю вернуть сумму с процентами. Старичок с улыбкой согласился. А потом вежливо простился с Цы и пошел своей дорогой.

Юноша спрятал книгу и помчался к Большой аптеке, единственному в Линьане государственному учреждению, где он мог приобрести нужное лекарство меньше чем за сто монет. Аптека помещалась в центре города, она была не только крупнейшим хранилищем медикаментов, но и местом, где оказывали помощь беднякам.

«Но ведь нужно еще доказать, что мне действительно требуется лекарство!» — всполошился Цы.

Это было серьезным препятствием. Если больной не приходит в аптеку сам, то представляющий его родственник должен предъявить рецепт от врача или уплатить за лекарство полную стоимость. Но если у Цы денег не хватало даже на лекарство, то как же, черт побери, оплатит он услуги врача? И все равно юноша решил не отступать от намеченного плана — приходить вместе с Третьей было опасно: вдруг их опознает кто-нибудь из аптекарей.

У дверей учреждения толпились десятки семейств — эти люди пришли жаловаться на плохое лечение. Цы миновал вход для обычных посетителей и пошел прямо в отделение благотворительной помощи. Там теснились болящие двух категорий: в одной группе собрались увечные, другую — менее плотную, зато более шумную — составляли приезжие с детьми, и ребятишек, конечно, тянуло побегать.

Цы уже пристроился ко второй группе, как вдруг его сердце сжалось от ужаса. Неподалеку он увидел стражника с рябым лицом и его огромную собаку. Рябой рассматривал всех по очереди, и взрослых, и детей, прокладывая себе дорогу пинками. Это был определенно Гао, не оставивший своих поисков. Сыщик знал, что сестра Цы больна, поэтому ждал его именно в аптеке. И если юноша попадется ему на глаза, вряд ли удача вновь улыбнется ему, как то случилось на баркасе.

Цы хотел незаметно удалиться, но увидел, что собака, принюхиваясь, идет прямо к нему. Возможно, это просто стечение обстоятельств, но всего вернее — она выследила его по какой-то вещи, взятой в деревне. Цы попробовал не дышать, но собака все равно зарычала. Проклятье! Он понял, что стражник вот-вот его заметит. Собака снова зарычала, медленно обошла застывшего юношу и потянулась к его руке. Цы уже был готов отдернуть руку и броситься

прочь сквозь толпу, но, к его удивлению, огромное животное принялось облизывать его пальцы.

Юноша вздохнул с облегчением. Оказывается, собаку привлек запах лапши. Цы ей не мешал, дожидаясь, пока она сама не отойдет. А потом начал медленно продвигаться к группе, состоявшей из калек. Вот он уже почти влился в ряды убогих, но вдруг услышал властный окрик:

— Стой!

Цы оставалось только повиноваться. Его пробила нервная дрожь.

— Если тебе нужно лекарство для ребенка, становись обратно, в другую очередь, — расслышал он в общем гуле.

Юноша немного приободрился. Раскомандовался всего-навсего аптечный служащий с туповатым лицом; вот он уже смотрит в другую сторону. Но когда Цы оглянулся еще раз, взгляд его встретился с ледяным взглядом Гао. «Только бы не узнал!» — взмолился Цы.

И вот, спустя миг, показавшийся ему вечностью, стражник закричал.

Цы сорвался с места в тот самый момент, когда собака уже нацелилась на его горло. Он выскочил из аптеки и побежал вниз по улице, переворачивая все, что попадалось на пути, — дабы затруднить погоню. Во что бы то ни стало добраться до канала — иначе конец. Цы скользнул между рядами повозок, перебежал через мостик. Прямо перед ним оказался торговец растительным маслом, обрушивший на юношу град проклятий, когда ценный товар вылился на землю. По счастью, на масле лапы у собаки разъехались, и беглецу удалось немного увеличить дистанцию.

А потом он сам поскользнулся и выронил отцовскую книгу. И тотчас же невесть откуда взявшийся оборванец подхватил ее с земли и растворился в толпе. Цы проклял себя за неуклюжесть, а вопли рябого стражника опять зазвучали ближе. В одной из торговых палаток Цы разжился мотыгой, и бешеная гонка продолжилась. Канал был совсем рядом. Беглец увидел пустой баркас и кинулся к нему. Он уже ухватился за швартовочный конец, но подоспела ищейка рябого и отогнала юношу к стене. В зверюгу, казалось, вселился дьявол: она щелкала челюстями, не давая юноше ступить и шагу. Цы увидел приближающегося стражника. Сейчас он подбежит и арестует опасного преступника. Цы поднял свою мотыгу и изготовился к

обороне. Собака напряглась перед прыжком. И вот Цы нанес свой удар — и промахнулся. Он замахнулся мотыгой во второй раз, но собака успела первой и вцепилась ему в ногу. Цы ощутил, как острые зубы пронзают его икру, но боли не почувствовал. Он ударил изо всех сил, череп животного затрещал. После второго удара собака разжала зубы. Гао в замешательстве остановился. Цы бросился к каналу и, ни секунды не раздумывая, прыгнул. Вода полилась в ноздри, зато сверху его укрыл слой грязи, камышин и фруктовой кожуры. Цы поднырнул под старую лодку, потом ухватился за дальний борт и снова вдохнул. Подняв голову, увидел рябого — теперь мотыга была в руках у него. Цы опять погрузился в воду и вынырнул с другой стороны лодки. Долго ему не выдержать. Рано или поздно Гао его поймает. В этот момент над каналом разнеслось оповещение об открытии шлюзов. Юноша вспомнил, насколько опасно находиться в воде при распахнутых створках, вспомнил и о большом количестве смертельных случаев.

«Это мой единственный шанс».

Не думая об опасности, Цы разжал руки, отдаваясь на волю течения, которое тотчас его подхватило. Теперь к шлюзу несся мощный поток, в котором, точно ореховая скорлупка, барахталось, то погружаясь в глубину, то вновь выныривая на поверхность, человеческое тело. Цы пронесся через первые ворота; вскоре все пространство между шлюзами будет занято входящими лодками. Не помня себя, отчаянный пловец греб ко вторым воротам, стараясь держаться посреди канала. Когда волна ударила в створку шлюза, ему удалось уцепиться за какой-то канат. А потом уровень воды начал стремительно подниматься, баркасы и лодки пошли стеной, угрожая раздавить чудом уцелевшего юношу. Не выпуская из рук каната, он попытался выбраться наверх. Но правая нога перестала ему подчиняться.

«О духи тумана, что еще стряслось?»

Глянув, Цы понял: укус не прошел для него даром. «Проклятая зверюга!» Плотнее упершись левой ногой, он кое-как выкарабкался на берег. По ту сторону шлюзов юноша разглядел Гао. Стражник в ярости пнул труп собаки.

— Где бы ты ни прятался, тебе не уйти! Слышишь? Я все равно возьму тебя живым или мертвым, пусть даже это будет последнее, что

я успею в своей жизни!

Цы смолчал. Сопровождаемый изумленными взглядами, он, хромая, побрел прочь и вскоре затерялся в толпе.

12

Цы тащился вперед и вперед, выбирая малолюдные улицы, и проклинал себя за все неудачи. Ничего ему не оставалось, кроме как обратиться в частную траволечебницу, ну а там уж — можно не сомневаться — его обдерут до последней нитки. Он остановился перед первым же подобным заведением — полутемной комнатушкой, где покупали и продавали коренья и другие снадобья. И хотя Цы оказался единственным посетителем, на него смотрели свысока, понимая, что с этого оборванца нечего взять. Но ему уже было все равно. Когда юноша назвал нужное снадобье, хозяева зашептались между собой, а потом занудили, что это лекарство очень редкое и раздобыть его практически невозможно. В конце концов объявили цену: восемьсот монет за горсть молотого корня.

Цы решил поторговаться — весь его капитал составляла сотня монет, которые вручил ему почтенный академик. Цы отвязал с пояса шнурок.

— Мне так много не нужно. Хватит и четвертой части. — С этими словами он выложил связку монет на стол, вперемешку заваленный кореньями и листьями, сухими грибами, стручками, порезанными на части стеблями и крошевом целебных камней.

— Ну что же, тогда выходит двести. А здесь всего только сто, — изрек продавец.

— Это все, что у меня есть. И это больше, чем ничего. — Юноша словно бы в раздумье оглядел помещение. — Похоже, дела ваши обстоят не блестяще. Так лучше заработать хоть что-нибудь, чем вообще ничего.

Хозяева переглянулись, не веря собственным ушам.

— Учтите, что я могу получить это лекарство задаром в Большой аптеке, — прибавил Цы, заметив их нерешительность.

— Послушай, паренек, — сказал тот, что потолще, на всякий случай прикрывая лекарство рукой, — это снадобье встречается не реже, чем зерна в мешке с рисом, и если бы ты мог, то уже приобрел бы корешок за меньшую сумму, так что выкладывай две сотни или ступай откуда пришел.

«Как можно быть таким наивным!»

Цы насупился. Это его последняя попытка. Он разулся и положил башмаки на прилавок.

— Они из хорошей кожи. Еще сто монет за них. Больше у меня ничего нет.

— Парень, ты и вправду думаешь, что нам нужна твоя обувка? Вон отсюда! Пошел, пошел!

Цы подумал: а не схватить ли ему лекарство и не задать с ним деру, но хромота заставила его отказаться от этого плана. Когда юноша выходил из траволечебницы, отчаяние его достигло такой глубины, что спроси его кто-нибудь о его будущем, он ответил бы: будущего не стало в тот самый день, когда он схоронил родителей.

* * *

В других аптеках юношу ожидал такой же прием. В последней — грязной лавчонке рядом с портовым рынком — ему попытались всучить порошок из перемолотого бамбука. По счастью, Цы много раз доводилось покупать это лекарство, ему были знакомы и маслянистый вид, и горьковатый привкус, так что, едва попробовав, юноша раскрыл обман. Он выплюнул поддельный порошок и подхватил связку монет, прежде чем мошенники прибрали ее к рукам, но все равно ему пришлось спасаться чуть ли не бегством от хозяев заведения, сразу обвинивших его в нарушении уговора.

Он плелся дальше уже без всякой надежды. Мир его рушился. Хотя Цы и понимал, что заплатят ему в лучшем случае лишь горстью риса, остаток вечера он потратил на поиски работы. Он предлагал свои услуги на рынке, однако никто не желал нанимать болезненного с виду юнца, да еще и с покалеченной ногой. Когда Цы наконец додумался перебинтовать и прикрыть рану, большинство торговых палаток уже закрылось. Потом юноша таскался от пристани к пристани, но повсюду в надежде получить работу толпились умирающие от голода поденщики. Цы пытался стать грузчиком, бродячим торговцем, слугой, золотарем, гребцом и чуть ли не вьючным мулом. Ему, как правило, отвечали, что нужно получить разрешение на работу в цеховых объединениях, которые контролируют наличие свободных мест. Конторы цехов находились в горах, в районе Западного озера и холма

Феникса. В других случаях его никуда не отправляли — просто не слушали.

Время улетало, Третья оставалась без лекарства.

Цы задыхался от отчаяния. Он готов был заняться хоть грабежом, хоть проституцией под одним из мостов, — так поступали многие больные и бездомные, вот только и такая работа контролировалась преступными сообществами, отвечавшими за разные сферы незаконной деятельности: от шантажа богатеньких юнцов до содержания жульнической конторы по приему ставок; надзору подлежали и охотники за сумками, и шарлатаны, и прочая мелкая шушера, которая ошивалась на улицах и рынках. Цы это прекрасно знал: ведь судья Фэн многие годы боролся с организованной преступностью.

Уставший Цы попробовал сосредоточиться и что-нибудь придумать. И вот на глаза ему попался торговец сластями, которого они с Третьей видели утром. Человечек все так же щеголял в драной ослиной шкуре, однако теперь он сменил столик прорицателя на небольшой помост, откуда пытался привлечь внимание, предлагая всем желающим выиграть хорошие деньги. Одного простака он уже заполучил — какой-то парень стоял и пялился на его диковинные гримасы, но одного было явно недостаточно. Вскоре зазывные выкрики собрали вокруг бывшего прорицателя небольшую толпу, подействовали они и на Цы.

«Что еще он затевает?»

Если и была на свете сила, которой юноша не мог противиться, так это любопытство. Поэтому Цы как мог привел себя в порядок и придвинулся поближе.

Оказавшись в нескольких шагах от странного человечка, Цы сделал вывод, что он не просто странный: судя по выстроившейся к нему длинной очереди, то был жулик высокой квалификации. Утром Цы не обратил внимания, что у продавца сладостей имелся не только столик для леденцов; за его спиной красовалась целая витрина. На фоне алой полотняной ширмы висела всевозможная дребедень: старые черепашьи панцири, которые принято использовать при гадании; маленькие глиняные будды, раскрашенные неумелой рукой; чучела мелких пташек; пестрые бумажные веера; воздушные змеи из шелка и бамбука; сомнительного качества кусочки ладана; видавшие виды

платочки; костяные заколки; разнообразные кольца, пояски, коробочки и щербатые плошки; непарные сандалии, всевозможные клетки, ожерелья из бусинок, ожерелья из ракушек, застежки, броши и браслеты; специи, сандаловые духи, целебные коренья, старинные монеты, щипчики, чернила разных цветов, бумажные фонарики, скелеты змей и лягушек… — и еще тысяча предметов, назначения которых Цы не мог определить. Казалось, на алую штору вывесил весь свой хлам какой-то старьевщик.

«Определенно этот парень умеет показать товар лицом. Но почему все эти люди выстроились в очередь к одному мошеннику?»

Он все понял, когда подошел еще ближе.

Хитрец водрузил на столик деревянную доску с лабиринтом из дорожек, каждая из которых вела к центру. Приглядевшись, Цы сообразил, что каждая из этих шести крученых бороздок выкрашена в свой цвет. Ну конечно, это площадка для сверчковых бегов. По крашеным дорожкам насекомые понесутся добывать лежащий в центре кусок сахара. «А люди дожидаются своей очереди, чтобы поставить на приглянувшегося бегуна».

Цы протолкнулся к самому помосту.

— Это ваш последний шанс! Возможность выбраться из нищеты и зажить по-царски! — завывал человек-обезьянка. — Рискуйте, голодные! Если выиграете, возьмете себе столько жен, сколько пожелаете, а потом, если останутся силы, сможете выбрать еще и любую из проституток!

Предвкушение свежей плоти подстегнуло сразу нескольких мужчин, они выложили свои последние монетки в ящик с отделениями: в нем сразу видно было, сколько и на кого поставлено. Все это время участники соревнования сидели по своим коробочкам, и спина у каждого была выкрашена в особый цвет.

— Кто еще? Что, ни у кого не осталось храбрости, чтобы бросить мне вызов? — снова возгласил хитрец. — Сборище трусов! Да неужто вы боитесь, что мой старый сверчок всех вас обштопает? Ну ладно… Я нынче не в своем уме, и да простят вас Небеса за то, что вы пользуетесь моим безумием. Сегодня удача на вашей стороне. — С этими словами он ухватил своего сверчка, помеченного желтой краской, и оторвал ему переднюю лапку, а потом пустил хромца ковылять в своей коробочке и снова подзадорил толпу: — Ну а теперь?

Что, сумеете меня победить? Ну так докажите, если у вас там не пусто… — Он запустил руку в штаны и потряс яйцами.

И вот, видя перед собой совершенного безумца, еще несколько человек побороли свои колебания и бросили деньги в ячейки кассы. Цы смотрел во все глаза и кусал губы. Вот он, тот самый шанс, которого он ищет. Вот возможность раздобыть деньги на лекарство для Третьей. Однако что-то его удерживало. Он не знал, на что решиться. Человек-обезьянка уже закрывал прием ставок, когда юноша все-таки сорвал с пояса связку монет и бросил в синюю ячейку.

— Сто монет, восемь к одному!

«Да помогут мне духи удачи».

— Ставки сделаны. А теперь отойдите.

Человек-обезьянка направил крутившегося на месте хромого сверчка головой к выходу в лабиринт. В пяти других коробочках, равномерно распределенных вокруг лабиринта перед раскрашенными бороздками, сидели еще пять сверчков, помеченные соответствующими цветами. Потом хозяин накрыл лабиринт шелковой плетенкой, чтобы насекомые не ускакали.

По удару гонга прорицатель натянул веревочки на шести дверцах, собираясь освободить бегунов.

— Готовы? — гаркнул он.

— Сам приготовься, — отозвался один из игроков. — Мой красный порвет твоего хромоножку на куски, а куски сожрет!

Прорицатель, усмехнувшись, покачал головой и во второй раз ударил в гонг, возвещая о начале состязания.

Как только дверцы распахнулись, сверчки бросились вперед по бороздкам — все, кроме хромого, который, волочась пузиком по дну, едва сумел выбраться из своей коробки.

— Вперед, гадина! — заорал прорицатель.

Казалось, желтый сверчок услышал этот окрик и торопливо заковылял по своей дорожке; остальные уже прилично разогнались, их тоже подгоняли вопли игроков. Иногда один из сверчков останавливался, доводя до истерики всех, кто на него поставил; игроки и вовсе теряли рассудок, если такое происходило под мостами и в туннелях, а их в лабиринте было немало. Сверчок на красной дорожке без остановок рвался к лакомству, поджидающему посреди доски. Ему оставалось пробежать до цели путешествия всего лишь несколько

пядей, когда он вдруг застыл на месте; публика разом смолкла. Насекомое беспомощно дернулось, будто впереди на дорожке выросла невидимая стена, а потом попятилось назад, не обращая внимания на красноречивые жесты тех, кто на него поставил. А вот сверчок прорицателя, пробравшись через первый туннель, неожиданно для всех развил бешеную скорость и стремительно нагонял конкурентов.

— Проклятая тварь! Беги дальше, не то раздавлю! — зарычал один из игроков, когда сверчок, вместо того чтобы бежать по бороздке, попытался вылезти вверх по стенке.

Насекомое мало того что презрело все крики и хлопки, но и сумело перебраться на другую дорожку. Итак, красный выбыл из соревнования, получив в награду только порцию отборной брани. А Цы не переставал поражаться скорости, которую набрал сверчок хозяина; он уже нагнал синего сверчка, на которого поставил одетый в лохмотья мужчина исполинского роста. Вынырнув из туннелей на последнем повороте, оба насекомых остановились как будто в раздумье.

— Давай же, сукин сын! — не выдержал великан.

Цы не сводил глаз с участников забега.

Пока сверчок с желтым пятном пребывал в замешательстве, небольшое преимущество получил синий — тот самый, на которого он поставил последние деньги. Но неожиданно, когда все уже решили, что синий сверчок выйдет победителем, желтый сверчок прорицателя понесся, как на крыльях; за шаг до цели он опередил остальных.

Собравшиеся терли глаза: такую победу можно было объяснить не иначе как дьявольскими кознями.

— Мерзкий козел! Ты ведь жульничаешь! — наконец разразился великан.

Прорицатель и бровью не повел, хотя проигравшие угрожали раскроить ему череп. Он подхватил желтого сверчка и предъявил его публике.

Действительно, передней лапки не хватало.

— А теперь убирайтесь отсюда, пока я не позвал стражников! — пригрозил распорядитель бегов, показав специальный свисток.

Но великан, не убоявшись угрозы, взмахнул могучей рукой; от удара сверчок подлетел вверх и шлепнулся на пол. И тут же его придавила тяжелая нога. Великан сплюнул и пошел прочь, изрыгая

проклятия и угрозы; напоследок он пообещал прорицателю, что непременно вернет потерянные деньги. Другие участники состязания тоже начали расходиться. А вот Цы остался около подмостков, словно надеясь, что каким-то чудом ему откроется тайна победы прорицателя.

«Вот дьявол, как же он исхитрился?»

— Ты тоже ступай прочь.

Цы не сдвинулся с места. Деньги нужны были позарез, и к тому же Цы был уверен, что человек-обезьянка всех надул. Определенно юношу обманули собственные глаза: они же видели, как прорицатель оторвал лапку сверчку, который сейчас лежал на земле расплющенный в лепешку. А еще Цы удивляло, что прорицатель не пришел в ярость из-за гибели своего чемпиона; он с безразличным видом напевал какую-то песенку и подсчитывал барыш; он даже не посмотрел, что осталось от сверчка, принесшего ему такое богатство.

Воспользовавшись моментом, когда прорицатель отвернулся, Цы присел перед черной лепешкой. Оказалось, что лежащий кверху брюшком сверчок еще жив и шевелит лапками. Внимание Цы привлек необычный блеск в нижней части тельца.

«Что за странности?..»

Цы не успел разглядеть, в чем дело: прорицатель уже поворачивался в его сторону.

Оставалось единственная возможность. Юноша быстро подхватил сверчка с земли. Человек-обезьянка ничего не заметил.

— Зачем ты так скрючился? Я же велел тебе убираться.

— У меня яблоко упало, — не растерялся Цы. — Но уже все. Я его нашел. Теперь ухожу.

— Погоди-ка! Что ты там прячешь?

— Где?

— Лучше не серди меня, парень.

Цы отошел на несколько шагов и выпалил с безопасного расстояния:

— А разве ты не прорицатель?

Человечек нахмурился. Он хотел было наградить непочтительного юнца оплеухой за дерзость, но ограничился глупым хихиканьем. Присутствие юноши не мешало ему разбирать свой балаган. Наконец прорицатель сложил весь скарб в тележку и покатил ее в сторону ближайшей харчевни.

Цы получил возможность без помех исследовать сверчка-победителя. Насекомое уже почти не шевелилось, и юноша краешком ногтя снял с его брюшка блестящую пластину. На первый взгляд казалось, это обычная жестяная чешуйка с остатками клея. Поверхность была гладкая, размером и формой повторяла очертания насекомого. Вот только назначения пластинки он понять не мог. Это же лишний вес, который в состязании не поможет, а только утяжелит бегуна.

Цы уже хотел спрятать загадочную пластинку, но она неожиданно выскользнула из его пальцев и чудесным образом прилипла к ножику, который юноша носил на поясе. Цы вытаращил глаза, и даже рот его приоткрылся от изумления. Он попытался припомнить форму лабиринта. А потом еще раз пригляделся к останкам сверчка — юноша обращался с ним бережно, точно с живым. «Проклятый мошенник! Вот, значит, как он выигрывает».

Цы завернул насекомое в платок и захромал в ту харчевню, куда, как он видел, направился прорицатель. Тележку с его скарбом снаружи сторожил мальчишка. Цы спросил, сколько он получает за свою работу, и малыш предъявил ему горсть леденцов.

— Разрешишь мне кое-что здесь посмотреть — дам тебе яблоко, — пообещал Цы. Мальчик задумался над этим предложением.

— Хорошо. Но только посмотреть. — Он уже тянул руку.

Цы выдал яблоко стражу и нагнулся к лабиринту. Но не успел он и прикоснуться к доске, мальчик запротестовал:

— Если тронешь, я ему расскажу.

— Я только выясню, что там сзади.

— Ты говорил — только посмотреть.

— Клянусь Великим Буддой! Кусай свое яблоко и помалкивай! — не сдержался Цы.

Он взял доску в руки и внимательно осмотрел. Проверил работу створок, понюхал беговые дорожки, а потом занялся днищем. Внутри он обнаружил металлическую пластинку, похожую на черную лепешку, — и спрятал ее в рукав. Затем Цы водрузил доску на место, кивнул мальчишке и вошел в харчевню «Пять вкусов» с твердой решимостью вернуть потерянные деньги.

* * *

Найти прорицателя оказалось несложно. Цы просто прислушался к оживленной болтовне двух проституток, обсуждавших, как бы половчей обобрать сидящего за пологом старика в ослиной шкуре, который сегодня сорит деньгами.

Юноша огляделся, вырабатывая план действий. Харчевня представляла собой жалкую лачугу, каких в порту немало, берлогу, наполненную чадом пережаренной пищи. Десятки сотрапезников объедались тушеной свининой, кантонскими соусами и супчиком из рыбы; еду разносила прислуга, утомленная криками и беготней. Ароматы жареных цыплят и креветок перемешивались с потным духом рыбаков, матросов и портовых грузчиков, отмечавших завершение дня попойкой, так горланя хором под аккомпанемент флейт и цитр, будто это был последний день их жизни. На грубо сколоченных подмостках, установленных позади прилавка, несколько «цветочков» колыхали бедрами, напевали мелодии, едва различимые в общем гаме, и зазывно разглядывали мужчин, подыскивая будущих клиентов. Одна из этих девушек, маленькая и кругленькая, точно слива, подобралась к Цы и потерлась мягким задком о его пах; ей, казалось, не было дела ни до незавидной внешности нового гостя, ни до его забинтованной ноги. Цы не принял приглашения. По слою липкого жира, покрывавшего пол, он направился прямиком туда, где пировал прорицатель. Решительно раздвинул занавески и шагнул внутрь. Сейчас смешной человечек смотрелся еще комичнее: дрыгая белым задом, он лежал на молоденькой проститутке. Увидев юношу, он удивился и прервал свое занятие, однако, к удивлению Цы, не выказал никакой неловкости — только ухмыльнулся своей дурацкой улыбочкой, обнажив гнилые зубы. Определенно, алкоголь уже успел затуманить его рассудок.

— Вижу, ты неплохо проводишь время за мой счет? — Цы рывком сдернул его с девчонки — та сразу же выбежала в сторону кухни.

— Да какого дьявола?..

Прежде чем человек-обезьянка успел подняться, Цы схватил его за грудки:

— Ты вернешь мне все до последней монетки. И прямо сейчас!

Цы потянулся к поясу обманщика, но неожиданно кто-то схватил его сзади, оторвал от пола и выбросил на середину общей комнаты. От громогласного окрика смолкла даже музыка.

— Не беспокоить моих клиентов! — Это был сам владелец харчевни.

Цы посмотрел на исполина, который подбросил его в воздух, точно таракана. Руки у хозяина были толще, чем ноги юноши, а взгляд — как у взбесившегося буйвола. Юноша не успел сказать и слова, как получил удар ногой по ребрам. Ему едва удалось подняться. Хозяин занес ногу для нового пинка, но Цы отступил и быстро выкрикнул:

— Этот человек — мошенник. Он обманом выиграл мои деньги!

Еще один удар. Цы пятился назад, боли не было.

— Да вы что здесь, слепые? Он же обманывает вас, как детей.

— Здесь у нас одно правило: кто платит, тот и музыку заказывает. — И хозяин заведения снова пнул юношу.

— Ну хватит, хватит. Вот ведь назойливый мальчишка, — вступился прорицатель. — А ты, парень, ступай-ка отсюда, пока цел.

Цы поднялся с пола, уцепившись за одну из проституток. Прокушенная нога снова кровоточила.

— Уйду, когда ты мне заплатишь.

— Я — тебе? Не будь дураком, приятель. Ты что, хочешь, чтобы это чудище раскроило тебе башку?

— Я знаю, как ты это делаешь. Я посмотрел твой лабиринт.

Вместо дурацкой ухмылки на лице прорицателя появилось выражение легкой озабоченности.

— Ну да? Садись рассказывай… И что ты там увидел? — Теперь в голосе мошенника звучала угроза.

Цы достал из узелка металлическую пластинку, которую обнаружил на сверчке, и выложил ее на стол:

— Признаешь?

Прорицатель взял пластинку, оглядел и презрительно отбросил обратно, к стоявшим на столе бутылкам.

— Я признаю только, что ты играл и проигрался, — произнес человечек, однако взгляд его становился все тревожнее.

— Прекрасно. — Цы вытащил черную металлическую лепешку, которую нашел внутри лабиринта, и решительным жестом засунул под стол. — Ну, тогда учись.

И юноша под крышкой стола приложил лепешку к тому месту, где находилась маленькая пластинка. Поначалу ничего не происходило, но вдруг, словно ведомая невидимой рукой, пластинка дернулась и поползла туда, где Цы держал лепешку. Потом он задвигал рукой под столом, и пластинка начала повторять все его движения, чудесным образом обходя бутылки и стаканы. Прорицатель следил за представлением с суровым видом, но рта не раскрывал.

— Это магниты! — объявил Цы. — А еще можно упомянуть про невыносимый для насекомых запах камфарного масла, ты намазал им концы тех дорожек, по которым бегут чужие сверчки; про затворы, они останавливают твоего увечного сверчка в туннеле и выпускают второго, при всех лапках; а еще про те створки, что останавливают второго и выпускают третьего, снова хромого и с магнитной пластинкой на брюшке. Хотя о чем это я? Нет нужды тебе все это рассказывать, ведь верно?

Прорицатель еще раз оглядел странного парня. Поджав губы, предложил ему стаканчик вина. Цы отклонил предложение.

— Что тебе нужно? — процедил мошенник.

— Мои восемьсот монет. Это была моя ставка, мой выигрыш.

— Ну да. Вот раньше бы и выступал. А теперь проваливай: у меня здесь дела.

— Я не уйду, пока ты не расплатишься.

— Послушай-ка, сынок. Ты парень умный, дело ясное, да только ты мне надоел. Чжао! — Прорицатель обернулся к хозяину харчевни, который дожидался неподалеку. — Дай ему горшок риса. Запиши на мой счет, и пусть убирается.

— В последний раз повторяю. Плати, или я всем расскажу…

— Ну хватит! — перебил хозяин.

— Нет! Не хватит! — прорычал кто-то сзади. На шум обернулись все без исключения: в харчевню будто ворвалось целое войско.

В самой середине комнаты стоял, подбоченившись, другой великан, еще больше хозяина харчевни. Цы его узнал — это был парень, поставивший на синего сверчка и обещавший отомстить мошеннику. Теперь лицо прорицателя исказилось от ужаса: великан пошел прямиком к нему, отодвигая всех, кто стоял на пути. Хозяин попытался вмешаться, но один тычок сшиб его с ног. Великан остановился в полушаге от человека-обезьянки. Он, словно огромный

зверь, громко сопел, явно наслаждаясь моментом отмщения. Правой лапищей он сдавил горло прорицателя, левой — ухватил юношу.

— А теперь давайте еще раз послушаем историю про магниты.

И тут Цы не смог сдержаться. Он ненавидел мошенников, но еще больше — людей, которые для достижения своих целей прибегают к насилию. Здоровяк же, казалось, готов был вернуть силой не только свои деньги, с него сталось бы заграбастать и ставки всех прочих игроков.

— Это касается только нас двоих, — дерзко ответил юноша.

Великан крепче сжал его плечо, но Цы не изменился в лице.

— Да к черту вас обоих! — И великан отшвырнул его на старую ширму, которая разлетелась в куски.

Когда Цы сумел подняться, он увидел, что здоровяк, поставивший на синего сверчка, сидит на прорицателе и душит его, точно гуся. Юноша бросился мошеннику на подмогу и врезал кулаком по исполинской спине, но это было все равно что колотить гору. Великан развернулся, небрежно махнул рукой и снова отправил его на остатки ширмы. Цы почувствовал на губах вкус теплой крови. Другие посетители харчевни плотно обступили участников драки — и вот монеты разгоряченных болельщиков начали срываться с поясов и переходить из рук в руки.

— Сто к одному на гиганта! — Какой-то юнец вызвался держать банк.

— Запиши меня на двести!

— Ставлю тысячу!

— Две — если он его убьет!

Азарт собравшихся разжигало вино; они сделались кровожаднее волков. Цы сразу понял, что его жизнь в опасности. Он огляделся, подумывая о бегстве, но из плотного людского кольца было уже не вырваться. Время было упущено; великан распрямился так, что голова почти доставала до потолка, и смотрел на своего противника с таким презрением, точно собирался раздавить таракана, а потом обтереть башмак. Вот он поплевал на ладони и поднял руки, играя мускулами, — ажиотаж вокруг ставок только возрос. Цы подумал о Третьей. И решился.

— Мне уже доводилось размазывать женоподобных верзил, — с вызовом бросил он.

— Что ты сказал? — взревел великан и замахнулся, чтобы разом покончить с мозгляком, но Цы сумел увернуться, и боец, потеряв равновесие, рухнул навзничь.

— Спорим, ты только кажешься настоящим мужиком? — не унимался Цы.

— Да я сожру твои потроха, а что не доем — выкину свиньям!

Великан снова бросился вперед, Цы снова удачно увернулся.

— Неужели ты испугался жалкого хромоножки? Дайте ножи! — потребовал он.

Великан расплылся в нехорошей улыбке. Конечно, его противнику было невдомек, что перед ним — мастер ножевого боя.

— Ты сам себя приговорил, — прорычал он, подхватил со стола кувшин с вином и опорожнил себе в глотку. Обтерся рукавом и выбрал один из принесенных с кухни ножей.

Цы осмотрел свое оружие. Лезвие острое, как у меча. Юноша уже встал наизготовку, когда между бойцами влез тот самый юнец, который принимал заклады.

— Кто-нибудь хочет поставить на замухрышку? — ухмыльнулся он. — Ну давайте! Чем я буду расплачиваться с победителями? Парнишка-то шустрый. Может, и отобьет первый удар…

Все только рассмеялись. Никто не вызвался.

— Я сам на себя поставлю! — поразил собравшихся Цы. — Восемьсот монет! — И оглянулся на прорицателя в ожидании согласия.

Прорицатель был удивлен. В раздумье покусав губы, он наконец кивнул. Потом запустил руку под куртку, извлек восемьсот монет и передал их в качестве ставки. При этом он уныло качал головой, точно человек, только что выбросивший деньги на ветер. Когда прорицатель вернулся к своей лежанке, его уже поджидала новая проститутка.

— Прекрасно. Кто еще желает? Больше никого? Ну тогда… разденьтесь до пояса и начинайте!

Великан улыбнулся, подмигнул одному знакомому и жестом показал всем, как он нашинкует сейчас этого щуплого наглеца. Халат он стягивал не спеша, чтобы все могли полюбоваться горой мускулов его бычьей туши. Без одежды он выглядел еще громаднее, однако Цы оставался невозмутим. В довершение великан взял со стола плошку с

маслом и вылил себе на грудь, чтобы окончательно напугать противника. И грозно посмотрел на Цы.

— Ты что, обосрался? — рявкнул он, видя, что соперник стоит неподвижно.

Цы ничего не ответил. Соблюдая неписаный ритуал, он принялся складывать свои пожитки в аккуратную кучку справа от себя. Он действовал невозмутимо, даже беззаботно, как будто ему было заранее известно, что произойдет с ним самим и с его противником; а того явно томило ожидание. И вот юноша расстегнул все пять пуговиц, на которых держалась его рубаха, теперь она просто висела на плечах. Толпа внимательно наблюдала, завороженная медлительностью и странным спокойствием щуплого парня. Все с нетерпением ждали начала схватки, только Цы никуда не торопился. Наконец он повел плечами и скинул рубаху на пол. По харчевне пронеслась волна изумленных возгласов.

Все тело юноши представляло собой массу обожженной плоти, переплетение зарубцевавшихся шрамов и лоскутьев кожи, напластование волдырей и ран — немых свидетелей былых страданий. От этого зрелища даже великан попятился.

Цы аккуратно свернул рубашку и положил на ближайший стол. Стоявшие рядом расступились, открывая пространство между бойцами.

— Я готов, объявил Цы, и толпа заревела. — Но все-таки… — (Люди разом смолкли.) — Прежде чем мы начнем, я хочу предоставить этому человеку возможность спасти свою жизнь.

— Прибереги это блеянье до того часа, когда окажешься в гробу! — ответил великан со смесью удивления и ярости.

— Лучше бы ты прислушался к моим словам, — заметил Цы. — Или ты думаешь, что выжившего после всех этих ран легко уложить в гроб?

Великан открыл было рот в поисках ответа, но Цы еще не закончил.

— Я не получаю удовольствия от убийства, посему предлагаю тебе нечто иное. Как насчет Вызова Дракона?

Великан захлопал глазами. Вызов Дракона уравнивал силы бойцов, но не всякий был готов его принять. В таком поединке соперникам наносили ножевые раны, следуя нанесенному на тело

рисунку. Насколько опасны будут раны — решать им самим, глубина и ширина зависят от их способности терпеть боль. Проигравшим считается тот, кто первым закричит.

— Я бы начал здесь — над левым соском, повыше сердца, — предложил Цы, зная, насколько чувствительно это место, и рассчитывая обеспечить себе преимущество.

— За дурака меня держишь? С чего это я буду сам себя калечить, если могу разделаться с тобой, не получив при этом ни единой царапины? — пробормотал великан.

Он начал нервничать, и Цы это подметил.

— Не стану тебя упрекать. Мне и раньше доводилось встречать трусов, подобных тебе, так что можешь и отказаться, — отчеканил Цы громким голосом — так, чтобы всем было слышно.

Великан по лицам болельщиков оценил всю серьезность вызова. Мальчишки он не боялся, однако, если сейчас он откажется, молва разнесется по всему порту. А этого он никак не мог допустить.

На это и рассчитывал Цы.

— Я согласен, замухрышка. Свои слова ты проглотишь вместе с остатками зубов.

Это решение было встречено восторженными криками; деньги вновь засновали из рук в руки. Цы дождался, пока страсти поулягутся, а затем продолжил:

— В судьи позовем поваров с кухни. Если ни у кого нет возражений, правила будут обычные: начинаем с соска, продолжаем резать вокруг по спирали, все дальше и дальше, постепенно увеличивая глубину; остановимся только тогда, когда один из нас закричит от боли.

— Пусть так, — согласился великан. — Только у меня тоже условия имеются.

Толпа ждала продолжения. Цы испугался, но пути назад уже не было.

Великан оглядел всех и каждого, наслаждаясь моментом.

— Кто бы ни выиграл, победитель вонзает проигравшему нож в сердце.

13

— Ставлю десять тысяч на парнишку!

Все, включая и Цы, — обернулись на этот возглас.

— Да он спятил!

— Так он и глаза свои проиграет! — зашептались в толпе.

Прорицатель и ухом не повел. Он вытащил из штанов кошель, а оттуда вексель именно на эту сумму. Парень, принимающий ставки, осмотрел печати и подписи на лицевой стороне, потом рисунок, изображающий казненного фальшивомонетчика, на обратной. Документ, несомненно, был подлинный. Оставалось только проверить, хватит ли у прочих игроков денег расплатиться, если вдруг человек-гора и впрямь проиграет. Оказалось, хватит; и тогда распорядитель объявил, что поединок начнется по удару гонга.

Цы замер в трех шагах от великана. По бокам от соперников встали двое поваров; в руках у них были ножи с зарубками, по которым будет определяться глубина порезов. Великан с опаской косился на ножи — так смотрят на змею, пытаясь понять, ядовита она или нет. Он сделал еще несколько глотков вина, плюнул на пол и, бешено зарычав, потребовал еще бутылку.

Поединок начался.

Повар обмакнул кисточку в черные чернила и принялся рисовать на туше великана дорожку, по которой следовало провести нож. Затем настала очередь Цы. Второй повар приступил к такой же операции. Когда он внимательнее посмотрел на левый сосок юноши, его пробила дрожь. На обожженной коже уже была прочерчена похожая дорожка — но не кистью, а глубоким шрамом. И повар понял, что этот юноша не в первый раз бросает Вызов Дракона.

Пока повар рисовал, Цы прикрыл глаза и обратился к душам родных за помощью и защитой. Три года назад, вступившись за честь родственника, Цы был вынужден принять участие в таком же поединке. В тот раз он вышел победителем, хотя победа едва не лишила его жизни. Такова была обратная сторона его странного дара: он не чувствовал боли, зато и не мог рассчитать, когда риск становится смертельным. И теперь он не знал, что наступит раньше — победа или смерть. Вполне могло случиться так, что нож пропорет ему легкое

скорее, чем лезвие другого пробьется сквозь толстый слой жира и мускулов, которыми укрыто тело великана. И все-таки рисковать стоило: он должен был победить ради Третьей.

* * *

Цы сглотнул слюну.

Начиналось захватывающее представление, и комната сотряслась от воя собравшихся. Они были, как голодная собачья стая, а он — как добыча. Укола он не почувствовал. Зато ясно увидел струйку крови, которая забила из-под соска, скользнула вниз по животу и выпачкала его штаны. Риск все возрастал. Стоило ему вздрогнуть, он мог лишиться своей ставки. Оставалось только сохранять спокойствие и позволить ножу делать свое дело. Когда лезвие начало разрезать его кожу, Цы только глубоко вздохнул. Разрез удлинялся, а Цы смотрел, как второй повар проводит такую же операцию над его противником.

Великан скривился от боли, когда острие пронзило коричневую ареолу соска, однако по кривой ухмылке, которой он вслед за этим наградил юношу, Цы понял, что столкнулся с серьезной проблемой. Чем дольше будет продолжаться испытание, тем короче станет его дорога на кладбище.

Ножи в руках поваров продвигались медленно, но неотвратимо, борозды становились все глубже, металл раздвигал жир и мясо, разрезал мускулы, разбрызгивая кровь и калеча плоть; гримасы на лицах противников делались все страшнее и появлялись все чаще. У Цы они были притворные, а вот у его соперника — настоящие. И все-таки рот исполина оставался закрытым, челюсти сжаты, согнутая шея напряжена. Только яростный взгляд на юношу — глаза в глаза — был живым зеркалом его страданий.

И вдруг Цы почувствовал, что лезвие ножа остановилось у него над ребром, в малом шажке от сердца. Повар надавил слишком сильно, нож застрял между реберной костью и рубцом старого шрама, натянувшимся, как струна. Цы перестал дышать. Любое неосторожное движение могло прорвать ему легкое. Великан, не спускавший глаз с лица противника, расценил эту перемену как предвестие своей победы

и затребовал еще кувшин вина. Цы попросил продолжать: от ненужных остановок он просто свалится без сил.

— Ты уверен? — У повара дрожала рука.

«Нет».

Но Цы кивнул.

Повар сжал зубы, возвращая твердость руке. Цы ощутил упругое сопротивление своей кожи; вот она натянулась, и вот она с треском лопнула. Теперь нож двигался прямо к сердцу. Чтобы грудь не вздымалась, Цы снова задержал дыхание. Повар явно ждал, что он подаст сигнал остановиться; но Цы уже не мог позволить себе никакой слабости.

— Продолжай, ублюдок! — И тут великан презрительно рассмеялся.

Грудь его была вся в крови, но алкоголь будто притупил не только все его чувства, но заодно и рассудок.

— И кто здесь трус? — прорычал он, снова вливая себе в глотку кувшин вина.

Цы сознавал: если соревнование продолжится, трагедии не избежать. Но ведь ему так нужны деньги.

«Да когда же ты наконец закричишь?»

И тут, будто в ответ на его мысли, это случилось. Лицо великана стало белым, его звериные глазки помутнели, а потом неестественно расширились, будто увидев кошмарное привидение. Обливаясь кровью, он, шатаясь, шагнул к Цы. Торчавший под сердцем нож вошел в тело по самую рукоятку.

— Он сам… сам дернулся! — оправдываясь, бормотал повар.

— Проклятый мо…ло…косос!

Это были последние слова великана. Он сделал еще шаг и рухнул, точно гора. Обвалом накрыло и ближайших зрителей, и столы.

Толпа болельщиков бросилась на помощь погибшему исполину. В выигрыше остались немногие.

— Бежим отсюда! Быстро!

Цы не успел даже одеться. Воспользовавшись суматохой, прорицатель схватил его за руку и потянул к задней двери. На их счастье, уже наступила глухая ночь, снаружи никого не было. Беглецы кинулись в проулок, добрались до канала и спрятались под каменным мостом.

— Держи. Накинь это и жди меня здесь.

Цы принял от прорицателя льняную куртку, промыл раны и оделся. Он ждал и гадал: вернется ли прорицатель. Как ни странно, человек-обезьянка появился довольно скоро, и в руке у него был набитый мешок.

— Мне пришлось договориться с мальчишкой у входа, чтобы он спрятал мои вещички на ближайшем складе. Ты как? Сильно болит? — (Цы покачал головой.) — Дай-ка я посмотрю. Великий Будда! До сих пор не понимаю, как это ты его победил.

— А я не понимаю, почему ты поставил на меня.

— После объясню. На вот, лечись. — Прорицатель вытащил из мешка пластырь и залепил раны. — О великий демон! Откуда у тебя такие ожоги?

Цы не ответил. Человечек перебинтовал его куском тряпицы. Потом скинул с себя ослиную шкуру и укрыл юношу. Это было вовремя: холод с гор уже леденил кости.

— И вот еще что. Работа у тебя есть?

Цы покачал головой.

— А где живешь?

— Не твое дело. Тебе удалось получить выигрыш? — с тревогой спросил Цы.

— Ну разумеется, — рассмеялся человечек. — Я ведь прорицатель, а не тупица. Глянь-ка, не твое? — И он протянул юноше туго набитый мешочек.

Цы просто кивнул и спрятал свои восемьсот монет, превратившиеся теперь в тысячу шестьсот. Вообще-то, ему причиталось больше, но препираться он не стал.

— Мне нужно идти, — сухо бросил он и поднялся.

— Что за спешка? Погляди на себя. На такой ноге ты недалеко уйдешь.

— Мне нужно в аптеку.

— Посреди ночи? К тому же эту рану тебе ни в какой аптеке не залечат. У меня есть знакомый лекарь, он…

— Это не для меня. — Цы проковылял несколько шагов и остановился перевести дух. — Вот чертова нога!

— Быстро назад, не то нас отыщут. Люди, проигравшие нам свой дневной заработок, — отнюдь не буддийские монахи, что и букашки не

обидят. Стоит им очухаться, они будут готовы нас по земле размазать, только бы вернуть свое.

— Я выиграл честно.

— Ну да. Так же честно, как и я со сверчками. Меня-то не проведешь, парень. Мы с тобой мешаны из одной глины. Я подметил, еще когда этот громила ухватил тебя за плечо. Ты даже бровью не повел. Поначалу я этому не придал значения, но когда ты показал все свои шрамы — особенно те, которые совпадали по рисунку с Вызовом Дракона… Так что ладно, парень! Ты не в первый раз участвовал в таком состязании, и ты определенно знал, что делаешь. И вот что я скажу: не знаю, как ты этого добиваешься, но ты одурачил всю компанию, одурачил и эту гору мускулов. Всех провел, кроме меня. Ведь я прорицатель Сюй. Вот почему я поставил на тебя.

— Не понимаю, о чем ты.

— Ясное дело. Я тоже ничего не понял про те магниты, ну да чего уж там… Дай-ка лучше я погляжу твою ногу. — Сюй, задрав штанину Цы, осмотрел рану. — Проклятье, парень! Тебя что, тигр укусил?

Цы скрипнул зубами. Он терял драгоценное время, нельзя больше ждать. Он поставил ради Третьей жизнь на кон не для того, чтобы просидеть всю ночь под мостом.

— Я должен идти. Знаешь ты, где тут аптеки поближе — или нет?

— Парочку знаю, только сейчас тебе не откроют, разве что мы придем туда вместе. А ты до утра не можешь обождать?

— Нет. Не могу.

— Вот дурачина! Ну хорошо, идем.

Они брели в тумане по каким-то улочкам портового района. Чем ближе к складам, тем тошнотворнее разносился в холодном воздухе запах прогнившей рыбы. Встречные бродяги посматривали хищными взглядами, но хромота Цы и стертая ослиная шкура на его плечах сразу давали им понять, что поживиться тут нечем. Завернув в Костяной переулок — место, где сваливают в отбросы рыбьи внутренности и хребты, — прорицатель остановился. Оглядевшись, перескочил через лужу зловонной крови и постучал во вторую дверь. Выбранный им дом больше напоминал разбойничий притон, чем благопристойное жилище. Вскоре отблеск фонарика в окне возвестил о пробуждении хозяина.

— Открывай! Это Сюй.

— Ты принес должок?

— Вот дьявол! Открывай! Я привел раненого.

Сначала раздался хруст проржавевшей задвижки, потом скрип несмазанных петель. На пороге возник мужчина, украшенный множеством чирьев. Оглядев пришедших, он хмуро сплюнул:

— Где мои деньги?

Сюй по-свойски оттолкнул неприветливого хозяина и прошел за порог.

Если снаружи дом казался притоном, то изнутри походил на выгребную яму. Цы первым делом спросил хозяина про лекарственный корень. Хозяин молча кивнул и ушел куда-то за занавеску. Оттуда сразу послышались шепотки.

— Не беспокойся, — подбодрил Сюй. — Он, конечно, крыса, но надежная крыса.

Вскоре «крыса» вернулась с каким-то порошком. Цы попробовал его на вкус. Это и впрямь было то самое снадобье, только куда меньше, чем надо. Цы попросил еще, но хозяин ответил, что больше у него нет, и, запросив тысячу монет, вполне удовлетворился и восьмьюстами.

— Послушай, и для ноги ему что-нибудь дай, — велел Сюй своему знакомцу.

— Мне не нужно…

— Спокойно, парень. Это будет за мой счет.

Прорицатель расплатился, и они поспешили покинуть странный дом. На улице пошел дождь, и ветер задувал все сильнее. Цы хотел поскорее отделаться от прорицателя.

— Спасибо за…

— Да не стоит. Лучше послушай… Я тут подумал… Ты ведь говорил, у тебя работы нет?

— Ну говорил.

— Ну вот… Слушай дальше. По правде сказать, уже много лет моя основная работа — могильщик. Это ремесло приносит неплохой доход, если умеешь общаться с родственниками покойного. Я работаю на Полях Смерти, на главном кладбище Линьаня. А прорицатель — это так, подработка. Как только обставишь пару деревенских простофиль, так о тебе уже молва трубит, а фокус со сверчками давно себя исчерпал. Мне приходится перебираться с места на место, но у этих

ублюдков из Большой банды все под контролем. Либо ты им платишь, либо сам собирайся и уходи. Линьань, конечно, велик, но не настолько.

— Да. Понятно… — Цы торопился, но не хотел выглядеть неблагодарным.

— В общем, чтобы заработать лишнюю пару монет, приходится то продавать леденцы, то кастрюли чинить… А то — предсказывать будущее или делаться уличным рассказчиком… Даже мой выигрыш не сильно меня обогатил. Дьявол! У меня ведь семья, а вино и девочки денег стоят! — И старик сам же расхохотался.

— Прошу прощения, но…

— Я понял, понял. Тебе куда? На юг? Ну пошли. Я тебя провожу.

Цы собирался сесть на лодку на Императорском канале — теперь он мог себе это позволить.

— А ведь деньги — неплохая штука. Ты хотел бы заработать сразу много? — Сюй засмеялся и двинул юноше локтем под ребра, забыв о том, что того недавно били ногами.

— Что за вопрос! Конечно.

— Сверчковые бега, говорю я, едва покрывают расходы. А вот вместе мы бы… Я знаю все уголки, все рынки. Я умею дурачить людей, а ты с таким даром… Да мы бы озолотились…

— О чем ты?

— Да-да, парень. Мы бы действовали осторожно. Не так, как с этим дылдой, совсем не так. Мы бы выискивали задир, хвастунов, поножовщиков, бахвалов, болтунов и пьяниц… Ведь порт кишмя кишит дураками, которые, увидев безбородого юнца, поставят на кон собственную шкуру. Мы бы общипывали всех и каждого и уносили ноги, прежде чем они опомнятся.

— Спасибо за предложение, но у меня, честно говоря, другие планы.

— Другие планы? Боишься прогадать при дележе? Слушай, я готов уступить половину выигрышей. Или ты полагаешь, что способен все делать в одиночку? Я угадал? Если так, ты сильно заблуждаешься, приятель. Да я…

— Нет, не в этом дело! Просто я предпочитаю занятия не столь рискованные. Ну все. Нам пора расставаться. Держи, вот твоя шкура, — отговаривался Цы, ковыляя к лодке, что перевозила пассажиров от одной городской пристани к другой.

— Да ладно, оставь себе. Ну подожди!.. Тебя как зовут?

На этот вопрос Цы не ответил. Он еще раз поблагодарил хитреца, вскарабкался на борт, и вскоре его фигура растворилась в речном тумане.

* * *

Путешествие по реке казалось юноше нескончаемым, точно боги по мере продвижения лодки все дальше отодвигали горизонт. Наконец он сошел на берег рядом с гостиницей. Все помыслы Цы были только о Третьей: его не покидало тревожное ощущение, что с девочкой что-то случилось. Поднимаясь по лестнице он, забыв о прокушенной ноге, прыгал через три ступеньки. В коридоре наверху не видать было ни зги. Доскакав до двери, Цы увидел, что занавеска отодвинута. Тишина была жуткой, точно в осквернённой могиле. Цы медленно вошел в комнату. Сквозь прореху в стене плескал дождь, по полу разливались грязные потеки.

Цы позвал сестру — никто не откликнулся.

Когда он подходил к тайнику, руки его начали дрожать. Цы молился: ну пусть девочка просто спит, ну пусть. Он несмело раздвинул бамбуковые шесты и увидел на полу бесформенный, безжизненный, неподвижный комок. У юноши кровь застыла в жилах. Теперь он страшился худшего. Он хотел снова окликнуть сестру, но голос больше его не слушался. Рука двигалась медленно, словно с опаской, но вот наконец пальцы прикоснулись к вороху тряпья на полу. И тогда из его горла вырвался крик ужаса.

Под тряпками было пусто. В тайнике валялось только одеяло и та одежда, что была на Третьей с прошлого утра.

14

Цы бросился вниз, выкрикивая имя сестры. Задыхаясь, он спустился на первый этаж и ввалился в комнатку хозяина; сдернув спящего мужчину с циновки, поволок его по полу. Хозяин гостиницы спросонья прикрывал голову руками — он решил, что его сейчас будут убивать; потом, узнав постояльца, вскочил и сам кинулся в атаку. Цы остановил его резким ударом, а потом схватил за глотку.

— Где она? — Пальцы его сжимались.

— Да кто, кто «она»? — Глаза хозяина наполнились ужасом.

— Девочка, что пришла со мной. Отвечай, а то удушу!

— Здесь… здесь она, внутри. Я…

Цы отбросил противника и, точно одержимый, кинулся вглубь галереи. Он натыкался на мебель и домовую утварь, миновал какой-то темный неприбранный склад, где нашли последний приют ломаные скамейки, ветхие сундуки и рассохшиеся шкафы, — Цы открывал створку за створкой, боясь того, что может увидеть там, внутри. Добрался до самой последней комнатки, озаренной тусклым масляным фонариком. Огонек коптилки подкрашивал оранжевым цветом облупившиеся стены и наваленные по углам отслужившие свое ширмы, циновки, рыболовные снасти и пустые ящики. Тихий шорох заставил юношу вглядеться в глубину помещения; он различил в сумраке очертания девичьей фигурки. Девочка, дрожа от страха и холода, неотрывно смотрела на Цы, будто перед ней предстал сам Яньло-ван, владыка ада. Цы шагнул было вперед; он тоже дрожал, с болью и жалостью глядя на озаренное оранжевыми отсветами, перепачканное лицо сестры. Но дальше идти не потребовалось: беззащитное тельце Третьей уже прильнуло к нему. Цы хотел опуститься рядом с сестрой на колени, но что-то ударило его по голове. И наступила темнота.

* * *

Цы очнулся; язык обметало, а голова трещала так, будто по ней потопталось стадо буйволов. Он почти ничего не видел и дышал с трудом. Все так же мерцал оранжевый свет, озаряя убогую комнатенку. Цы сделал попытку шевельнуться, но не сумел. Он лежал на животе, связанный, с кляпом во рту. Попробовал приподнять голову, но на щеку ему давила чья-то нога. Чья — он не знал, но воняла она омерзительно — точь-в-точь как хозяин гостиницы.

— Так вот как ты нам платишь, проклятый ублюдок? Мне надо бы придавить тебя прямо здесь! Слушай, что я ей сказал: «Оставь, пускай гниет. Эта девчонка — не твоего ума дело». Но она во что бы то ни стало желала спасти болезную. А теперь вот заявляешься ты, лепешка коровья, пытаешься меня придушить и ломаешь мой дом. — Он сильнее придавил лицо юноши.

— Батюшка, не надо, — послышался женский голос из темноты.

— А ты, ради Великого Будды, заткнись! Эти говнюки брюхатят девчонок, бросают их полуживых-полумертвых, а потом еще лезут к честным людям с кулаками. Но теперь все, конец твоим похождениям, паскудник. Больше ты никого не попортишь. — Хозяин достал нож и поднес его к горлу пленника. Цы ощутил прикосновение острой стали. — Что, больно, ублюдок?

Боли не было. Цы просто чувствовал, как под челюсть ему впилось холодное острие и понимал, что сейчас умрет. Когда сознание уже покидало его, он расслышал тоненький голосок:

— Это мой… братец…

Цы успел подумать: вот-вот я встречусь с душами усопших предков.

* * *

И снова это ощущение тяжести. И та же темнота. Ему с трудом удалось прокашляться. Он был по-прежнему связан, только вот тряпкой, недавно служившей кляпом, теперь была обмотана раненая шея. А еще ему удалось разглядеть дочь хозяина. Девушка сидела рядом с Третьей, положив ее голову себе на колени, и промакивала пот на ее лбу. Третья кашляла. Отца девушки в комнате не было; Цы подумал, что хозяин гостиницы занят с новыми постояльцами.

— Девочка в порядке? — спросил Цы.

Дочь хозяина покачала головой.

— Развяжи меня! — потребовал он.

— Батюшка тебе не доверяет.

— Клянусь душами предков! Разве ты не видишь, что ей нужно лекарство?

Убежденная его настойчивостью, девушка с опаской взглянула на дверь. Потом, все еще колеблясь, снова перевела взгляд на Цы. В конце концов она переложила Третью на циновку и подошла к связанному; но как раз тут дверь распахнулась, и девушка быстро уселась на прежнее место. Вошел отец с ножом в руке. Склонился над пленником, заглянул ему в глаза и покачал головой.

— Ну говори, что там за сказочка про сестру?

Цы принялся сбивчиво рассказывать. Объяснил про болезнь девочки, про то, как отправился за лекарством, как вернулся, не нашел сестру и подумал, что ее украли, чтобы продать или изнасиловать.

— Проклятье! И из-за этого ты меня чуть не убил?

— Я был в отчаянии… Пожалуйста, развяжите меня. Ей нужно дать лекарство. Оно у меня в сумке.

— В этой, что ли? — Хозяин схватил сумку.

— Осторожней! Это все, что у меня есть.

Мужчина понюхал порошок и даже плюнул от омерзения. «А мальчишка, похоже, не врет», — подумал он.

— Эти деньги — у кого ты их стащил?

— Это мои деньги. И мне нужно все до последней монетки на лекарство сестре.

Хозяин сплюнул:

— Ладно, так и быть! Развязывай его.

Девушка послушно взялась за дело; ее отец не спускал глаз с пленника. Освободившись от пут, Цы сразу бросился к сестре, погладил ее по голове, перемешал порошок с водой в попавшейся под руку плошке и заставил выпить все до последней капли.

— Ну как, малышка?

Девочка вымученно улыбнулась, и Цы немного успокоился.

* * *

Хозяин вернул всего-навсего триста монет из тех денег, что отобрал у связанного Цы. И добавил, что остальное изъято в уплату за ущерб, причиненный складскому помещению, а также за заботу о Третьей. В этот «счет» вошли и линялая рубаха, и драные штаны, в которые девушка — по имени Луна — переодела Третью, когда обнаружила ее в комнатке наверху, кашляющую и всю в поту.

Хотя цифры и не сходились, Цы понимал, что хозяин блюдет свою выгоду, и возражать не стал. А потом кто-то из постояльцев позвал хозяина, и тому пришлось отлучиться. Цы попробовал воспользоваться моментом и завязать беседу с дочерью, но девушка, похоже, думала о чем-то своем. В конце концов Цы подхватил Третью на руки и понес обратно в комнату наверху. У двери он остановился и обернулся к Луне.

— А ты сможешь за ней ухаживать?

Девушка удивилась.

— Только по утрам. Мне нужен кто-то, кто будет присматривать за ней… Я заплачу, — упрашивал Цы.

Луна посмотрела на него с любопытством. Потом подошла ближе, чтобы открыть дверь. Когда Цы со своей ношей уже переступил порог, до него, словно ласковый ветер, донесся голос девушки.

— До завтра, — прошептала Луна.

Теперь удивился Цы.

— До завтра, — с улыбкой ответил он.

* * *

Пальцы юноши рассеянно блуждали по ранам на ноге, когда в комнатку сквозь щели в стене заглянул хмурый рассвет. Холод пробирал до костей, пронизывал до полного онемения. Цы потер ладони, а потом занялся руками Третьей. Малышка всю ночь кашляла. Целебный корень, несомненно, делал свое дело, однако для продолжения лечения снадобье скоро понадобится снова. По счастью, мазь, которую прорицатель купил для заживления укуса на ноге Цы, оказала благотворное воздействие и на грудные порезы. Цы привязал к поясу шнурок с монетами и велел полусонной Третьей привести себя в порядок. Девочке просыпаться не хотелось, но пришлось.

Переодевшись, она свернула мокрую от пота ночную одежду и обула травяные плетенки. Цы дожидался нетерпеливо, расхаживая из угла в угол, словно кот в клетке. Потом он вручил сестре леденец, который купил ночью у хозяина гостиницы.

— Сегодня ты останешься с Луной. Она будет за тобой присматривать, так что веди себя достойно и делай все, что она скажет.

— Я могла бы помочь ей прибраться в доме. А то здесь повсюду беспорядок, — пожаловалась девочка.

Цы улыбнулся в ответ и закинул суму на плечо. Брат и сестра вместе спустились вниз, где их уже дожидалась Луна — девушка начищала вощеной тряпочкой медную посуду. Заметив Цы и Третью, она одарила их улыбкой.

— Ты уже уходишь?

— Да. По делам. А насчет денег…

— Деньги — это к батюшке. Он пошел полоть траву.

— Значит, увидимся с ним позже. В общем… Послушай, если надумаешь что-нибудь делать по дому, рассчитывай на помощь Третьей, хорошо? Она славная девочка.

Третья с гордостью кивнула.

— Когда ты вернешься? — спросила Луна, не осмеливаясь взглянуть на Цы.

— Думаю, к вечеру. Держи. И ничего не говори отцу. — Он протянул ей несколько монет. А потом посмотрел на сестру. — Я уже дал ей лекарство, так что проблем сегодня не предвидится.

Девушка поклонилась; он поклонился в ответ.

За дверью он увидел хозяина гостиницы с ворохом мусора. Мужчина смерил его презрительным взглядом. Цы сжал зубы, плотнее закутался в льняную куртку и поздоровался. Хозяин продолжал уборку, как будто мимо него всего лишь пробежала собака.

Цы уже собирался уйти по своим делам, когда хозяин его окликнул:

— Вы уходите?

— Нет, мы останемся еще на пару дней… — Цы подсчитал, сколько денег ему потребуется для покупки лекарства, а остаток протянул хозяину.

— Послушай-ка, парень. Может, тебе и невдомек, но комната стоит денег. — И хозяин выразительно посмотрел на его раны и

волдыри. — Больше, чем ты способен раздобыть.

— Я придумаю, как расплатиться. Только дайте мне два дня.

— Ха! — грубо оборвал хозяин. — Да ты сам на себя хоть смотрел? Думаю, в твоем нынешнем состоянии ты и отлить-то не сумеешь без посторонней помощи.

От глубокого вздоха у юноши кольнуло в груди. Да, хуже всего, что этот человек прав. Даже нечего возразить. Цы добавил еще несколько монет.

— Этого не хватит даже на ночевку под деревом, — презрительно бросил хозяин гостиницы, однако деньги все же сгреб. — Даю тебе день сроку. Если к вечеру не разбогатеешь, завтра я вас погоню палкой.

Цы, невольно вспомнив о судье Фэне, вновь горько подивился своей несчастливой судьбе. Если бы судья был сейчас в городе, Цы бросился бы прямо к нему, но учитель еще в деревне сказал, что отправляется на несколько месяцев в путешествие. Кивнув на прощание хозяину гостиницы, Цы побрел к каналу, огибая бесчисленные лужи. Дождь так и не перестал, капли падали прямо на раны, но Цы было не до того. Он должен найти работу. Сейчас это для него — вопрос жизни и смерти.

* * *

Цы рассчитывал, что в окрестностях Императорского университета сумеет отыскать кого-нибудь из поступающих, кому нужны частные уроки. Он специально надел льняную куртку, чтобы придать себе солидности и прикрыть шрамы; и все-таки, если человеку нужны ученики, он должен сначала выправить сертификат пригодности — документ, в котором не только перечисляются все пройденные курсы, но описываются биографии родителей и подтверждается добропорядочность всей семьи.

Стоило Цы сойти с баркаса, его прошиб холодный пот и сердце забилось часто-часто. Прямо перед ним к Большим воротам университета стекалась целая армия студентов, прибывших со всех концов империи. Цы вздохнул и направился к площади перед воротами. Там собиралась толпа молодых людей, желавших получить допуски к участию в государственных экзаменах — этот ключ

открывал прямую дорогу к славе. Пока Цы оглядывался по сторонам, его поглотила гигантская серая змея из человеческих тел.

Бывший студент понял, что ничто здесь не изменилось: натянутые вдоль садовых троп шнуры, следуя которым учащиеся ходят плотными группами, как овцы; нескончаемые ряды стоек из лакированного бамбука, расставленные в идеальном порядке, словно костяшки домино; за стойками — неизменные чиновники, похожие на неотличимые одна от другой статуи, выкрашенные в черный цвет; бдительные, словно у них тысяча глаз, стражники с дубинками в каждой руке отпугивают воришек, что то и дело подкрадываются к толпам студентов, как рыбки, охочие до хлебных крошек; рой лоточников с горячим рисом и чаем; продавцы туши и кисточек; книготорговцы; предсказатели, сутенеры, попрошайки; группки готовых к услугам размалеванных проституток — как стаи саранчи, — стремящихся поскорее заработать свою пару монет прямо в каком-нибудь шалмане, где запахи пота, нетерпения и пережаренной еды мешаются с воплями, тычками и новым нетерпением.

Цы пристроился в конец одного из людских потоков. Когда подошла его очередь, юношу окатило жаром. Перед последним шагом он сделал глубокий вдох и взмолился про себя, чтобы обошлось без осложнений.

Чиновник, к которому приблизился Цы, быстро взглянул на него, не поднимая головы, как будто шапочка, которую он надвинул на самые уши, была не из шелка, а из камня. Юноша написал свое имя на бумаге и положил на стол. Чиновник заполнил цифрами колонку в каком-то документе и только потом уделил внимание очередному претенденту. Настроение у него было скверное.

— Место рождения? — процедил он.

— Цзяньян, область Цзяньнин, округ Фуцзянь. Но провинциальные экзамены я сдавал здесь, в Линьане.

— А читать так и не научился? — Чиновник указал на вывески, разъяснявшие, кому, с какой целью и в какой очереди надлежало стоять. — Ты должен обратиться в ректорат университета. А эта очередь только для иногородних.

Цы нахмурился: он знал, что в ректорате у него ничего не получится.

— А разве здесь нельзя?

Чиновник посмотрел сквозь Цы, будто юноша в один миг стал прозрачным, и жестом подозвал следующего.

— Господин, умоляю вас. Мне нужно…

Его прервал тычок в спину.

— Вот дьявол!..

Он обернулся, готовый поучить хорошим манерам нетерпеливого наглеца, однако страж порядка стоял совсем близко, и юноше пришлось отказаться от своего намерения. Проглотив обиду, он вышел из очереди, раздумывая, не рискнуть ли и впрямь войти в здание ректората. После встречи с Гао в Большой аптеке появляться там, где его приход так легко предугадать… Это было все равно что самому лезть в ловушку. Но вариантов просто не было. Цы сжал кулаки и заковылял к зданию.

Когда бывший студент переступил порог Дворца премудрости, сердце его сжалось от боли. Он сотни раз проходил по этим садам, являлся в эти залы с той же радостью, с какой малыш получает конфетку за хорошо выученный урок; он, как оказалось, сберег все мечты и надежды, которые — как он думал — сгорели в один день. И вот теперь, по прошествии года, он снова открывает тяжелую дверь цвета крови с устрашающими драконами по сторонам, словно предназначенными отпугивать всех, чей удел — невежество.

Толкотня студентов вернула его к реальности.

В коридорах ректората висели объявления, выписанные безупречным почерком: в них излагались требования к абитуриентам этого года. Мельком их проглядев, Цы поднялся в Большой зал на втором этаже, где вел прием чиновник с приветливым лицом. Он улыбнулся юноше, когда подошла его очередь. Цы объяснил, что ему требуется сертификат пригодности.

— Тебе? — удивился чиновник.

Цы тревожно оглянулся по сторонам.

— Да.

— Ты учился здесь?

— Да, господин.

— Прекрасно. Аттестат с отметками тебе нужен — или только сертификат?

— И то и другое. — Цы внес данные о себе в стандартную форму прошения.

— Понятно. Я должен зайти в другой кабинет. Подожди здесь.

Когда чиновник вернулся, от его приветливости не осталось и следа. Юноша испугался, что раскрылась история его побега. Чиновник почти не смотрел на Цы: все его внимание было приковано к документу, который он держал в руках и раз за разом перечитывал, не веря собственным глазам. Цы даже засомневался: имеет ли смысл дожидаться ответа — настолько захватило любезного чиновника содержание бумаг с печатями области Цзяньнин.

— Очень жаль, — произнес он наконец, — но я не могу выдать тебе сертификат. Оценки у тебя превосходные, вот только добропорядочность твоего отца… — Фраза повисла в воздухе.

— Моего отца? Что такое с моим отцом?

— Сам почитай. Шесть месяцев назад во время очередной инспекции выяснилось, что он растратил деньги судейской конторы, в которой работал. Для чиновника это страшнейшее из преступлений. И хотя он числился в отпуске по случаю траура, он все равно был разжалован и уволен.

* * *

Глаза юноши бессмысленно бегали по строчкам, он, пошатываясь, пятился от стола. Ему не хватало воздуха, было не вздохнуть. Бумаги выскользнули у него из рук и рассыпались по полу. Батюшка был осужден за растрату… Так вот почему он отказался возвращаться в Линьань! Фэн передал ему это известие во время своего приезда в деревню. Вот откуда эта внезапная перемена решения и упорное молчание!

Теперь все события разом обрели свой истинный смысл; это было исполненное горькой иронии несмываемое клеймо на его судьбе. Цы чувствовал себя грязным изнутри, зараженным отцовским позором. Стены вокруг внезапно закружились. Цы чуть не вырвало, но он сумел сдержаться. Оставив рассыпавшиеся бумаги на полу, он бросился вниз по лестнице.

Шаркая по университетским садам, Цы проклинал себя за глупость. Он бродил с места на место ничего не видя, натыкался на студентов и преподавателей, словно это были бездушные статуи. Он не

знал, куда и зачем идет. Будто ослепнув, Цы опрокинул книжный лоток. Но едва он попытался все уложить на место, книготорговец обрушил на него град оскорблений — и Цы в ответ сорвался. К месту перебранки поспешил ближайший стражник, и Цы снова пришлось бежать.

Он покидал университетские сады, с тревогой оглядываясь по сторонам и опасаясь в любой момент услышать окрик: «Стой!» К счастью, никто не обращал на него внимания, и Цы беспрепятственно сел в лодку, шедшую от университета к площади Ремесел; до самого прибытия он сидел неподвижно, надеясь затеряться среди пассажиров. Выйдя на площадь, он первым делом проверил связку на поясе: последние двести монет были пока в целости-сохранности. Таковы остались его сбережения после того, как он рассчитался с Луной за заботу о Третьей, договорился с хозяином гостиницы и оплатил поездку. Цы отыскал траволечебницу и купил лекарство от лихорадки. Расставшись с последней монетой, он понял, что вновь оказался на самом дне. Утром он еще лелеял мечту найти работу при университете, договорившись с одним из тех, у кого хватает средств и недостает знаний: Цы был готов давать богатым невеждам дополнительные уроки, которые помогут раскрыть ворота славы. Но в отсутствие сертификата это оказалось невозможно. Ему все так же требовались деньги, чтобы расплатиться за постой и питание, и раздобыть их так или иначе следовало до вечера.

Нужна работа.

Да. Но какая?

Цы прикинул перечень работ, с которыми — как он надеялся — сумеет хорошо справиться, и мысленно вычеркнул те, за которые никто не будет платить. Внимательно обдумав то, что осталось, он пришел к выводу, что он — неумеха. На рынке все его юридические познания не помогут даже отличить съедобную рыбу от ядовитой. А из того, что можно делать руками, он мог похвастать разве что лишними в городе навыками земледельца, и он сильно сомневался, что в нынешнем своем состоянии справится с работой грузчика. И все же Цы не прекращал попыток. Он получил отказ уже в нескольких местах и теперь подходил к соляному складу.

Служащий взглянул на него так, будто ему предлагали купить хромого осла. Он ощупал плечи юноши, проверяя, какой груз тот

способен выдержать, и подмигнул своему помощнику. Потом поднялся по лестнице и велел новичку встать внизу.

Когда на плечи Цы упал первый мешок, ребра его захрустели, как сухие ветки. После второго Цы перегнулся пополам, а потом рухнул на колени.

Мужчины так и покатились со смеху. Помощник, который был мощнее своего начальника, освободил юношу от груза и отодвинул от лестницы его самого, словно еще один мешок с солью. И тут же вернулся к своей работе, больше не обращая внимания на лежащего.

Цы едва дополз до дверей. Ему снова было не вздохнуть. Он посидел на улице, привалившись спиной к стене. Боли он не чувствовал, но раны на груди снова сочились кровью. Цы понимал, что вряд ли отыщет работу, не состоя ни в одной из цеховых организаций, контролировавших все ремесла и занятия, вплоть до самых позорных. И все-таки он поднялся и похромал дальше. Цы обошел множество лавок, мастерских, складов и причалов, но нигде его не соглашались брать на работу — даже за еду.

Впрочем, это его не удивило. Если в Линьане что-то было в избытке — помимо, конечно, преступников и нищих, — так это жилистые парни, готовьте гнуть спину от рассвета до заката за жалкую плошку риса.

Даже городская корпорация золотарей, чьи бригады ежедневно проходили по всем каналам, а потом продавали собранные экскременты землевладельцам, — даже она отказала юноше в приеме на работу. Цы умолял начальника золотарей предоставить ему день испытательного срока в обмен на еду, но тот покачал головой и указал на сотни других, таких же голодных мужчин, кое-как перебивавшихся нищенством.

— Если желаешь собирать дерьмо, ты должен сначала его высрать.

Цы решил не тратить слова понапрасну. Он просто их проглотил. И побрел прочь от Императорского проспекта, и сам не заметил, как очутился за городскими стенами. Он шел, не зная куда, когда услышал крики, доносившиеся с речного протока возле крепостной башни, где стоял покосившийся навес.

Под навесом несколько мужчин удерживали полуголого мальчика, который вырывался из последних сил — на потеху собравшимся

зевакам. Вопли ребенка сделались еще пронзительнее, когда к нему приблизился мужчина с ножом в руке.

Цы сразу догадался, что затевалась кастрация. Оказалось, Цы случайно вышел к месту, где собирались ножовщики из-за стен — особого рода цирюльники, которые за умеренную плату превращали маленьких, полных жизни побродяжек в будущих евнухов для императорского дворца. Цы знал об этом, потому что ему вместе с судьей Фэном доводилось видеть тела десятков несостоявшихся евнухов, умерших в лихорадке, сгоревших от гангрены или просто истекших кровью, словно козлята, которым мясник перерезал горло. Судя по виду этого цирюльника и его устрашающему инструменту, мальчику вскоре предстояло путешествие в кладбищенскую яму.

Цы отодвинул пару нищих и пробился в первый ряд. И побледнел от ужаса.

Цирюльник, беззубый старик, насквозь пропитанный алкоголем, уже попытался отсечь мальчику яички, но вместо этого надрезал его член. Ученик судьи понял, что операция добром не кончится. Теперь нужно было ампутировать и часть члена, а это требовало мастерства, какого и в помине не было в дрожащих руках старика. Пока мальчик заходился криком, будто его резали пополам, Цы подошел к женщине, по-видимому матери ребенка: она всхлипывала и умоляла мальчика стоять спокойно. Цы сомневался, что его голос прозвучит убедительно, но в конце концов все-таки решил вмешаться.

— Добрая женщина, если вы позволите этому человеку продолжать, ваш сын умрет под его ножом.

— Пошел отсюда! — затявкал старик, нелепо размахивая окровавленным лезвием.

Юноша сделал шаг назад, внимательно изучая блестящие глазенки ножовщика. Несомненно, этот человек успел уже пропить все, что ему заплатили, до последней монетки.

— Ты ведь уже взрослый парнище и плакать не будешь? — бормотал цирюльник.

Мальчик кивнул, но лицо его свидетельствовало об обратном.

Ножовщик протер глаза, попробовал проморгаться. Он громогласно объявил виновником неправильного разреза мальчишку, который не вовремя дернулся. И добавил, что, поскольку ножом затронуты мочеиспускательные каналы, теперь необходимо завершить

ампутацию. Порывшись в своих вещах, он вытащил оловянный пузырек и смазал маленький окровавленный «нефритовый стержень» едко пахнущей жижицей.

Цы покачал головой. Ножовщик, кажется, остановил кровотечение, но ему все равно следовало поторопиться. Юноша наблюдал, как старик достает грязную тряпицу и перевязывает член и яички мальчика, закручивая все вместе, будто колбасную кишку. Мальчишка снова закричал, но старик даже не поморщился; правда, все же спросил отца ребенка — не изменилось ли его решение. Это был обязательный вопрос, ведь кастрация не только превращала мальчика в не-мужчину до скончания дней; согласно конфуцианскому учению, неполноценность будет сопровождать скопца и в могиле, не давая упокоиться с миром.

Отец кивнул.

Ножовщик сделал глубокий вдох. А потом поднял с земли палочку, сунул перепуганному мальчишке и приказал закусить как можно сильнее.

— А вы — держите его.

Удостоверившись, что все готовы, цирюльник оттянул перебинтованные гениталии страдальца вправо, поднял нож, выдохнул и произвел удар ровно такой силы, чтобы с одного раза отсечь и яички, и «нефритовый стержень»; операция сопровождалась душераздирающим мальчишеским воплем. Цирюльник сразу же передал отрезанный член мальчика его отцу — на хранение — и принялся останавливать кровотечение тряпицами, пропитанными соленой водой. Чтобы мочеиспускательный канал не закрылся, мастер сунул в него соломинку, потом кое-как зажал вены, зашил края раны и перебинтовал будущего евнуха.

Когда цирюльник возвестил об окончании операции, родители мальчика заплакали от счастья.

— Он потерял сознание от боли, но скоро придет в себя, — успокоил ножовщик.

Отца он инструктировал так: в течение двух ближайших часов мальчику следует как можно больше ходить. Потом нужно три дня покоя, затем вынуть соломинку. И если мальчик сможет мочиться без проблем — значит все в порядке.

Даже не проверив, хорошо ли держится повязка, старик собрал инструменты в сумку из грязной холстины; он уже собрался уходить, но Цы его остановил:

— Ребенок все еще нуждается в присмотре.

Цирюльник смерил юношу брезгливым взглядом и сплюнул.

— Вот только малышни мне и не хватало, — криво усмехнулся он.

Цы закусил губу. Прежде чем он успел возразить, за спиной у него раздались крики. Обернувшись, он с ужасом обнаружил, что это кричат родители евнуха, сидящие возле сына — мертвенно-бледного, лежащего в луже крови. Цы бросился на помощь, мальчик был уже на грани смерти. Заставить бы вмешаться цирюльника — но того и след простыл. А больше Цы ничего не мог сделать: громкие крики привлекли внимание стражников, они увидели, как юноша с окровавленными руками пятится прочь, и решили арестовать преступника.

Цы поспешил раствориться в толпе. А потом укрылся под одним из каменных мостов и наконец-то смыл кровь с ладоней. Избавившись от улики, юноша посмотрел в небо.

«Полдень. А я еще не знаю, чем расплатиться за постой».

По его башмаку карабкался маленький сверчок.

Цы щелчком скинул насекомое. Но когда сверчок вернулся на то же место, юноша вспомнил: «Предложение того шельмеца!»

От одной мысли об участии в подобных делах к горлу подступала тошнота. Цы ненавидел устраивать из своей болезни потеху, однако положение, в какое они с сестрой попали, вынуждало его. Быть может, это единственное, на что он действительно годится: идти от поединка к поединку, превратившись в циркача.

Цы посмотрел на мутные воды канала, бегущие к реке. Представил, как холодно там, внизу. Содрогнулся. Он подумал: «Не прыгнуть ли?» — но вспомнил о сестренке и остался на месте.

И вот юноша оторвал взгляд от канала, манившего, как верное обещание быстрого исхода, и решительно поднялся на ноги. Быть может, ему на роду написано утопиться, но он, по крайней мере, готов бороться, чтобы этого не произошло. Цы плюнул в сверчка и отправился на поиски прорицателя.

* * *

Цы обшарил все закоулки, но так и не нашел человека-обезьянку. Он побывал на всех торговых площадках рыбачьего квартала, на рынке соленой рыбы, на рынке тканей, что возле портовых шелкопрядилен, и на благоустроенном Императорском рынке, самом большом и изобильном в столице. И повсюду он расспрашивал грузчиков, лоточников, бандитов и бездельников, но ответа ни от кого не добился. Земля как будто поглотила Сюя без остатка, слизнула все его следы, а потом изрыгнула на поверхность сотню других мошенников, которые теперь шлялись повсюду, где мог бы найтись он. Цы уже был готов признать свое поражение, когда вспомнил, что в ночь после Вызова Дракона прорицатель рассказывал о своей работе на главном кладбище Линьаня.

* * *

По дороге на Поля Смерти юноша раздумывал, правильно ли он поступает. В конце концов, он отправился в столицу из-за страстного стремления к учебе, но от этого стремления будет мало проку, если он превратится в самого начитанного из линьаньских покойников.

Цы закрыл глаза и подумал о батюшке — человеке, который, как теперь стало известно, их всех обесчестил, человеке, который предал память предков и приговорил сына и дочь к вечному позору. При этой мысли острая иголка впилась в его сердце. Батюшка… Казалось невозможным, чтобы человек, воспитывавший его в духе прямоты и самопожертвования, сам воровал и обманывал доверие судьи Фэна. Однако документы из университетского архива не оставляли места для сомнений. Цы успел их внимательно изучить и помнил каждое из обвинений; и он пообещал себе, что никогда не станет таким лживым, низким и бесчестным, как его отец. Теперь он обвинял отца во всем. Этот человек был причиной всех несчастий, свалившихся на его семью. Но пока рассудок распалял его ненависть, сердце продолжало твердить, что батюшка не виноват.

Цы не открывал глаз, пока деревянный настил не закачался у него под ногами. Баркас, на который юноша проник, причаливал неуклюже, царапая боковую обшивку о пристань на туманном Восточном озере, у подножия холма, где располагалось кладбище.

Поднимаясь пологим склоном к Полям Смерти, юноша разглядывал разномастную публику, вместе с ним стремившуюся наверх. По завершении рабочего дня родственники собирались вместе и отправлялись почтить своих усопших, прихватив с собой разнообразную снедь в качестве приношений. Цы сразу же вспомнил про Третью. Вечер близился, и не было никакой уверенности, что дочь хозяина хоть раз чем-нибудь покормила девочку. Юношу бросило в дрожь, едва он представил себе голодную сестренку; ускорив шаг, он оставил позади отряды плакальщиц и нагнал группу мужчин, подходивших к огромным воротам кладбища с тяжелым гробом на плечах.

Оказавшись за воротами, среди столбиков самых скромных захоронений, Цы огляделся в поисках сторожа, чтобы узнать, где работает Сюй. Никого не увидев, он продолжил подъем к захоронениям побогаче — там аккуратный зеленый газон окружал каменные плиты, а дальше, еще ближе к вершине, начинались сады, среди которых высились мавзолеи. Сюда приходили почтить покойных родственников самые состоятельные, в строгих белых одеждах; они предлагали своим покойникам свежезаваренный чай и зажигали палочки ладана, дым которых смешивался с туманом и запахами садов.

Цы, удаляясь от сетований и плача, направился к темно-коричневому строению, изогнутые козырьки которого напоминали крылья зловещего ворона. Работавший по соседству хмурый садовник подсказал юноше, где искать нужного ему человека: тот копает неподалеку, возле Вечного мавзолея.

Следуя указаниям садовника, Цы подошел к квадратному храму, который вынырнул из тумана ему навстречу, словно привидение. А рядом была открытая могила, и в ней работал человечек с лопатой — он углублял яму, сопровождая каждую выброшенную горсть земли отборной бранью. Цы сразу узнал прорицателя Сюя — и задрожал, вспомнив их последнюю встречу. Юноша подходил медленно, все еще сомневаясь в правильности своего решения. И совсем остановился, задумчиво глядя на тяжело пыхтящего копателя.

Он уже хотел повернуть назад, но человечек с лопатой его заметил. Воткнул лопату в кучу свежей земли и выпрямился. Потом поплевал на руки и покачал головой. Цы не знал, что сказать, тогда прорицатель заговорил сам.

— Могу я узнать, какого дьявола тебе здесь нужно? — Он поглубже вдавил лопату; лицо его выражало только злобу. — Если ты снова за деньгами, то слушай: я все уже потратил на девок и вино. Можешь убираться, откуда пришел.

Цы насупился:

— А я думал, ты будешь рад снова меня увидеть. Еще вчера ты говорил с таким пылом…

Прорицатель громко фыркнул.

— Вчера это вчера, а сегодня это сегодня, так что заткнись — у меня, видишь ли, много работы.

— Ты что, забыл? Ты вчера предлагал мне…

— Парень, из-за тебя весь Линьань теперь знает, что я творил со сверчками. Счастье, что утром мне удалось смыться. Если бы эти зверюги, что собрались меня проучить, меня догнали, сейчас в этой яме лежал бы я сам.

— Извини, но позволь напомнить: не я устраивал эти фокусы.

— Ах не ты? А это разве не фокус: сделать ставку против великана, заранее зная, что, даже если тебя перепилят пополам, ты не издашь ни звука? Да будь ты проклят! Катись отсюда, пока не отведал моей лопаты!

— Великий Будда! Да что с тобой? Вчера ты умолял меня участвовать в поединках. Я пришел, потому что готов принять твое предложение, ты понимаешь?

— Вчера уже кончилось! Просто я был пьян! — буркнул Сюй.

— Ну, судя по тому, как ты пересчитывал монетки, — не сильно пьян.

— Слушай внимательно. Из нас двоих ничего не понимаешь именно ты. Не понимаешь, что это по твоей вине дорога на рынок теперь для меня закрыта; не понимаешь, что — уж не знаю, как так вышло, — по городу уже разнеслись слухи о твоем «особом преимуществе» и больше никто не захочет ставить против тебя; не понимаешь, что ты проклятый и повсюду таскаешь за собой несчастья и неудачи; и не понимаешь, олух, что я должен покончить с этой

распроклятой могилой и хочу, чтобы ты от меня отвязался. — Сюй снова взялся за лопату.

Хриплый голос за спиной Цы вывел его из оцепенения.

— Он тебе мешает, Сюй? — поинтересовался у прорицателя татуированный здоровяк, неожиданно вынырнувший невесть откуда.

— Нет, он уже уходит, — ответил Сюй.

— Тогда заканчивай с этой ямой, да поскорее, а не то к вечеру тебе придется искать другую работу, — рявкнул татуированный и указал на похоронный кортеж, который уже поднимался по склону холма.

Прорицатель схватил лопату и принялся копать с таким остервенением, будто спасал свою жизнь. Когда здоровяк отошел, Цы спрыгнул в могилу.

— Ну чего тебе еще надо? — взвыл Сюй.

— Помочь. Не видишь, что ли? — бросил Цы, выгребая землю голыми руками. Некоторое время Сюй молча смотрел, как он надсаживается.

— Ладно. Возьми-ка. — И протянул юноше мотыгу.

Они копали вдвоем, пока не получилась яма длиной в человеческий рост и глубиной в полроста. Сюй работал молча, а когда дело было сделано, вытащил из сумки грязный кувшин, залил в себя изрядную порцию мутной жидкости и предложил кувшин напарнику.

— Не боишься, что из твоего кувшина будет пить проклятый?

— Хлебай уже, пока дают. И поскорей выбираемся из этой дыры.

* * *

Они стояли рядом возле могилы, пока родственники возносили свои последние молитвы. Потом, по сигналу самого пожилого, они подхватили гроб и начали опускать его в яму. Но под конец спуска юноша поскользнулся, да так неудачно, что гроб упал на дно и раскрылся.

Цы онемел.

«Боги небес! Что еще должно произойти?»

Он торопливо попытался пристроить крышку на место, но мешали погнувшиеся гвозди; прорицатель яростно оттолкнул его,

будто его рвение могло утихомирить родственников, на глазах у которых любимый покойник купался в грязи. Сюй взялся было вытаскивать тело, но защемил палец так, что мигом утратил работоспособность.

— Поднимайте его, косорукие! — вопила одна из женщин — судя по одеждам, вдова. — Да неужто он страдал недостаточно, чтобы вы двое мучили его еще и после смерти?

С помощью родни покойника Цы и Сюй кое-как вытащили поломанный гроб из могилы и перенесли в мавзолей для починки, а тело — для омовения. Женщины остались причитать снаружи, мужчины требовали возвратить мертвецу достойный вид. Цы заметил, что прорицатель почти не владеет правой рукой, поэтому сам смочил губку в жасминовой воде и начал отмывать одеяние покойного. Родственники ему не препятствовали: прикосновение к мертвому телу считалось дурной приметой, а тому, кто потревожит мертвеца, грозила месть его духа.

Цы это не волновало. К работе с трупами он давно привык, поэтому бестрепетно расстегнул на покойнике рубашку и выгреб набившуюся под одежду грязь. Когда он протер тело влажной губкой, на шее обнажились пятнышки.

Цы остановился и взглянул на почтенного старца, по-видимому главу семейства.

— Покойного гримировали?

Старец удивился и отрицательно покачал головой в ответ. А потом, не удержавшись, спросил, чем вызван столь странный вопрос. Цы предпочел пока не отвечать — следовало узнать подробности.

— Как он умер? — Юноша распахнул рубашку покойника шире и продолжил осмотр.

— Упал с лошади и свернул шею.

Цы, покачав головой, приподнял мертвые веки, но тут вмешался Сюй.

— Да что ты вытворяешь? Сейчас же перестань кощунствовать, просто делай свою работу! — буквально взмолился он.

Цы не слушал. Он решительно посмотрел, в глаза отцу семейства и твердым голосом произнес:

— Господин, этот человек умер не так, как вы сказали.

— Что такое? — Старец ничего не понимал. — Его зять видел, как он упал с лошади.

— Быть может, так оно и было, но потом некто воспользовался удобным моментом и задушил этого господина.

Не дожидаясь ответа, Цы указал на багровые пятна справа и слева от кадыка.

— Эти пятна были прикрыты гримом. Неумелая работа, — добавил Цы. — Но, несомненно, руки у душителя были могучие. Вот. — Юноша обратил внимание родственников на расположение кровоизлияний. — И вот.

Мужчины изумленно переглядывались и переспрашивали юношу, не ошибся ли он. Цы оставался непреклонен. Прорицатель осведомился, желают ли господа довести погребение до конца, но родители покойного решили прервать обряд и поспешили к судье.

* * *

Пока Цы накладывал лубок на сломанный палец прорицателя, тот в задумчивости будто пережевывал что-то. Потом все же решился спросить:

— Скажи мне одно: в тебя демон вселился?

— Нет, конечно, — улыбнулся Цы.

— Значит, наш договор заключен, — объявил Сюй.

Теперь уже изумился Цы. Только что прорицатель кричал, что на Цы никто не рискнет поставить, а теперь его высохшее от старости лицо сияло так, словно прорицатель получил в наследство дворец. Впрочем, Цы не было дела до этой перемены. Его интересовало лишь одно: выплатят ли ему задаток, чтобы он мог расплатиться с хозяином гостиницы? Близился вечер, и Цы все больше тревожился о Третьей. Когда он поведал Сюю о своих страхах, тот рассмеялся беззаботно, как ребенок.

— Денежные затруднения? Ха! Да мы будем теперь богатеями, парень!

Человечек порылся в своей сумке и извлек несколько монет — достаточно, чтобы заплатить вперед за неделю постоя. Все так же смеясь, он протянул деньги Цы.

— А теперь поклянись честью, что завтра чуть свет ты вернешься на кладбище!

Цы пересчитал монеты и поклялся.

— Устроим кому-то Вызов Дракона?

— Никаких Драконов, парень. Будет опаснее, но лучше. Гораздо лучше.

15

Любому другому нечувствительность к боли казалась бы даром небес, но Цы воспринимал ее как коварного врага, который, стоит повернуться к нему спиной, наносит безжалостный удар. Пока баркас медленно продвигался по каналу, юноша ощупывал свои ребра, пытаясь распознать переломы или ушибы. Он проделал то же самое и с ногами, ощупывая их сначала мягко, а потом тиская что было сил. Левая нога выглядела нормально, а вот правая наливалась тревожно-лиловым цветом. Цы мало что мог с этим поделать, поэтому просто опустил штанину обратно и принялся разглядывать пирожки из сладкого риса, купленные для Третьей. Он представил себе восторженное лицо сестренки и улыбнулся. Весь путь по каналу Цы пересчитывал полученные от Сюя монеты, вновь и вновь убеждаясь, что этого хватит, по крайней мере, на неделю постоя и кормежки.

Вот наконец и гостиница. У дверей хозяин громко спорил с разгневанным постояльцем. Увидев Цы, он жестом велел юноше идти наверх — не до тебя, мол, — и Цы побежал по лестнице, молясь, чтобы девочка оказалась в целости и сохранности.

Третья лежала под большим льняным одеялом и сладко спала, точно кутенок, вдоволь напившийся молока. На губах у нее прилипло несколько рисовых зернышек, и Цы понял, что у девочки был хороший ужин. Он нежно провел рукой по ее лбу. Температура была высокая, но все же не такая, как с утра, и это успокоило юношу. Он ласковым полушепотом спросил, принимала ли она лекарство, и Третья кивнула, не открывая глаз. Тогда Цы растянулся рядом, помолился за своих умерших, не позабыв и батюшку, и наконец заснул.

Следующее утро встретило юношу плохими известиями. Хозяин гостиницы согласился предоставить ему комнату на какой угодно срок, но даже за деньги отказывался брать на себя заботы о девочке. Цы ничего не понимал.

— Да что тут непонятного! — Мужчина не сводил глаз с кастрюли с кипящей водой. — Здесь не место для маленькой девочки. И тебе следовало бы первому об этом подумать, — добавил он.

Цы по-прежнему был в недоумении. Ему показалось, что хозяин гостиницы просто хочет содрать с него побольше денег. Что ж,

придется поторговаться.

— Клянусь небесами! Разве в этом дело? Ты видел, что за люди тут толкутся? Если только их вообще можно назвать людьми… Это же берлога, гадючник! Оставив сестру здесь, однажды вечером ты не застанешь ее у себя. Или еще хуже: застанешь с раздвинутыми ногами и с лужей крови под ее «священной пещерой». И тогда ты побежишь меня убивать, и я тебя пристукну. Конечно, твои деньги мне нравятся. Но мне вовсе не хочется тебя убивать и доживать свой век в каталажке. Так что ты понял: комната — да, девочка — нет.

Цы все не верил, пока не увидел полуголого мужчину, выходящего из комнаты на первом этаже; следом вышла и дочь хозяина. И тогда юноша собрал вещи, расплатился по счету и вместе с Третьей ушел из гостиницы.

* * *

Все объяснения пропали впустую. Когда Цы появился на кладбище в сопровождении Третьей, прорицатель поднял крик до небес.

— Ты что же, решил, у меня здесь приют? Говорил я тебе, что дело будет опасное? — заходился он.

А потом схватил обоих и потащил подальше от любопытных глаз. Он был вне себя от злости. Откричавшись, Сюй долго молчал, мотал головой и чесался так, словно его блохи закусали. В конце концов присел на корточки и заставил присесть своих гостей.

— Мне все равно, сестра она тебе или не сестра. Она должна уйти.

— Почему это я всегда должна уйти? — пискнула Третья.

Цы посмотрел на сестру с одобрением.

И перевел взгляд на Сюя.

— Действительно. Почему? — наивно спросил он.

— Да потому что… потому… Какого дьявола девчонка будет торчать на кладбище? Куда мы ее приткнем? Может, оставим поиграть с трупиками?

— Я боюсь мертвецов, — возразила Третья.

— А ты вообще помолчи, — перебил сестру Цы. Он оглянулся по сторонам, глубоко вздохнул и пристально посмотрел на Сюя. — Я понимаю, это не самая удачная идея, но у меня нет выхода. А поскольку мне неизвестно, что за диковинную работу ты мне предложишь, сестра останется с нами. Пока не появится другое решение.

— Вот как? Прекрасно. Умирающий с голоду ставит условия своему хозяину! — С ухмылкой поднявшись, прорицатель пнул ближайший камень.

— Ты мне не хозяин! — подскочил Цы.

— Может, и нет. Но вот ты определенно умираешь с голоду. Точнее… вы оба. — Сюй кивнул в сторону Третьей и раздавил ногой земляной ком. — Ну что я за человек! Сам ведь знал, что ничего путного с тобой не выйдет…

— Скажи наконец, в чем проблема? Третья — девочка послушная. Она сядет в уголке и не будет мешать.

Сюй снова сел на корточки и забормотал что-то неразборчивое. Вскоре опять вскочил:

— Великолепно. Да свершится воля Неба. Теперь давай обсудим условия договора.

Чтобы обговорить все в подробностях, Сюй отвел сестру с братом в Вечный мавзолей — здесь с трупами возились перед погребением. Прорицатель вошел первым и зажег фонарь, тускло осветивший темную комнату. Пахло ладаном и мертвечиной. Третью это место перепугало, но брат крепче сжал ее руку, и девочка успокоилась. Прорицатель зажег свечку и поставил на длинную скамью — на ней трупам придавали достойный вид. Сгреб в одну кучу склянки, притирки, инструменты и горшочки с маслом, стряхнул с лавки остатки сладких подношений и комья глины — неиспользованные заготовки человеческих фигурок, которых иногда укладывали с покойниками в могилы.

— Вот здесь мы и будем работать, — с гордостью объявил прорицатель, подняв светильник к потолку.

Цы ничего не понимал. «Здесь» — это была просто пустая комната. Он смолчал, предоставляя хитрецу возможность объясниться подробнее.

— Я это сразу заметил, — продолжал Сюй. — Твоя способность предсказывать…

— Предсказывать?

— Ну да! И я еще выдавал себя за прорицателя! А ты, негодник, хотел утаить свой секрет.

— Да я…

— Вот как будет! — захлебывался Сюй. — Ты располагаешься здесь и смотришь на трупы. У тебя будет свет, будут книги. Все, что посчитаешь необходимым. Ты изучаешь трупы и говоришь мне обо всем, что заметил. Ну не знаю: от чего человек умер, счастлив ли он в своем новом мире, не нужно ли ему чего… Если надо — сам выдумываешь. Я все это красиво излагаю родственникам, а они за это платят. И все счастливы.

Цы был ошарашен.

— Я не могу этого сделать.

— Как не можешь? Я же вчера видел тебя за работой. Вот запущу слушок, и клиенты начнут слетаться как мухи на мед.

Цы покачал головой:

— Нет, я не шарлатан. К сожалению. Я просто изучаю знаки, отпечатки… следы на телах.

— Знаки, отпечатки — какая разница, как называть! Главное, ты умеешь угадывать. А это стоит больших денег. То, что ты проделал вчера… ты ведь сможешь повторить этот фокус?

— Ну да, я могу кое-что узнать…

— Так и хватит болтать, договор заключен!

Сюй улыбался.

Они расселись вокруг пустого гроба и позавтракали тем, что нашлось у прорицателя. Сюй выставил на импровизированный стол разноцветные плошки, доверху наполненные лунцзинскими креветками, супом из бабочек, карпом в кисло-сладком соусе и тофу с рыбой. С того вечера, как судья Фэн посетил их деревенский дом, ни Цы, ни Третья так обильно не ели.

— Это я жене велел приготовить. Такое событие отметить надо! — Сюй отхлебнул супу.

Облизывая пальцы после еды, Цы заметил, что прорицатель разглядывает ожоги на его руках. Юноша спрятал руки. Он терпеть не

мог, когда его рассматривали, точно скотину на ярмарке. Цы отставил последнюю плошку и велел Третьей пойти погулять снаружи. Девочка послушно вышла.

— Мне нужна ясность, — заявил Цы. — Какова моя выгода от этих дел?

— Сразу видно, умный парень… — Прорицатель рассмеялся. — Десятая часть всех доходов. — Улыбка исчезла.

— Десятая часть — и это при том, что основная работа на мне?

— В этом ты заблуждаешься, паренек. Я даю идею. Даю место. И даю мертвецов.

— А если я не соглашусь, ровно с этим ты и останешься. Мне нужна половина — иначе договора не будет.

— Да кем ты себя возомнил? Духом богатства, что ли?

— Ты говорил, что это опасно.

— Для меня.

Цы задумался. Без должным образом оформленного дозволения любые манипуляции с трупами являлись преступлением, притом жестоко наказуемым. Цы уже имел представление о методах, которые использовал его напарник, и поэтому не сомневался, что в число обязательных мероприятий Сюй включит и осмотр трупов. Цы хотел подняться, но прорицатель удержал его за плечо. Он вытащил из сумы кувшинчик с рисовой водкой и плеснул в две чашки. Выпил первую порцию. Потом выпил вторую. Потом рыгнул.

— Я согласен. Одна пятая, — снизошел прорицатель.

Цы посмотрел на него тяжелым взглядом. Он чувствовал, как дрожит его сердце — почти так же, как руки Сюя.

— Спасибо за завтрак. — Цы поднялся.

— Проклятый мальчишка! А ну-ка садись! Это предприятие сулит выгоду нам обоим, а я рискую куда больше твоего. Если прознают, что я тут покойниками приторговываю, меня отправят на улицу.

— А меня — на съедение собакам.

Прорицатель нахмурился и налил еще водки. На сей раз одну из чашек он подвинул к юноше. Прежде чем заговорить, Сюй опорожнил свою посуду еще пару раз. Потом поднялся и заговорил уже совсем иначе:

— Послушай, сынок. Тебе кажется, все дело будет зависеть от неких чудесных способностей, которыми ты вроде как обладаешь.

Однако в жизни все устроено иначе. Нужно будет договариваться с родственниками, чтобы они позволяли нам подходить к телам. Придется выведывать об их семьях заранее, а потом осторожно расспрашивать самих заказчиков, чтобы знать их мечты и желания вплоть до последних подробностей. Искусство прорицания состоит из одной части правды, десяти частей лжи, а все остальное — это фантазия. Нам придется отбирать самые состоятельные семьи, завязывать разговор во время бдения при покойнике — и все это с величайшей осторожностью, тайком, чтобы не вмешивать посторонних. Итак, от всей прибыли — треть. Это будет справедливо.

Цы встал, сложил руки на груди и поклонился:

— Когда начнем?

Все утро после этого разговора Цы помогал прорицателю поправлять могильные плиты, чистить надгробия и копать. За работой Сюй признался, что иногда заходит в буддийский храм и помогает при кремациях, и добавил, что конфуцианцы, вообще-то, порицают этот ужасный способ расставания с покойным, ибо от тела мало что остается; однако влияние буддизма растет, а еще растут трудности, связанные с захоронением трупа в земле, поэтому многим беднякам приходится пересекать границу между обыденным миром и миром загробным при помощи очистительного огня. Цы заинтересовался возможностью сопровождать напарника на кремации — ведь там он мог бы продолжить свои занятия по изучению человеческого тела, которые оборвались с его уходом от судьи Фэна. Когда Сюй спросил, откуда у него такие способности, юноша буркнул, что в его семье это врожденный дар.

— И тот же самый дар помогает не замечать боль?

— Да, — соврал Цы.

— Ну тогда не жалуйся и не кряхти, а займись делом. — И прорицатель указал на новую могилу.

Они пообедали рисом с каким-то кошмарным соусом, замешанным на грязной воде, — этой приправой Сюй особенно гордился. После полудня Цы начал прибираться и наводить порядок в Вечном мавзолее. Соседняя комната, где прорицатель хранил инструменты, больше всего походила на невиданных размеров навозную кучу, и юноша заключил, что, коли так, жилище самого Сюя

наверняка окажется вроде свинарника или еще похуже. Поэтому когда человечек предложил им с Третьей поселиться у него, Цы не выразил восторга.

— Ну, как тебе такая мысль? — спросил прорицатель, не замечая растерянности на лице юноши. — Если мы будем напарниками, это самое малое, что я могу для тебя сделать, разве не так? — Сюй замолчал и напустил на себя суровый вид. — Естественно, ты будешь мне платить… Зато, по крайней мере, решится проблема с твоей сестрой.

— Платить? Да у меня же денег нет.

— Об этом не беспокойся. Это сущие пустяки, я буду вычитать их из твоих заработков. Ну, чтобы не соврать… десятую часть, идет?

— Десятую часть? — Цы выпучил глаза. — И это ты называешь пустяками?

— Именно так, — убежденно воскликнул Сюй. — А еще твоя сестра будет помогать моей жене в рыбной лавке, ведь мне бездельники в доме не нужны.

И хотя плата показалась юноше бесстыдно завышенной, он успокоился, услышав, что супруга прорицателя будет присматривать за Третьей. Сюй объяснил, что живет только с двумя своими женами; раньше в доме жили еще три дочки, но, по счастью, ему удалось выдать всех троих замуж и сбыть с рук. Цы заботило только здоровье его сестрицы. Объяснив это прорицателю, он услышал в ответ, что от девочки потребуется только рыбу чистить да товар раскладывать. У юноши отлегло от сердца: вроде бы жизнь начала налаживаться.

Они обсудили и будущую работу. Сюй рассказал об очередности захоронений: на кладбище хоронили до пятидесяти покойников за день, и немалая часть смертей приходилась на несчастные случаи, убийства или сведение счетов. Были, конечно, и другие могильщики, но Сюй собирался оставить за собой самые выгодные погребения. К тому же в его планы входило не только отгадывание подноготной мертвецов — хитрец и на живых рассчитывал подзаработать.

— В конце концов, ты кое-что смыслишь в болезнях. Уверен, ты с одного взгляда поймешь, у кого непорядок с желудком, у кого с кишками или с потрохами какими-нибудь…

— Кишки и потроха — это одно и то же.

— Эй, парень, уж со мной-то умничать не надо! — прикрикнул Сюй. — Слушай дальше. Я уже говорил, сюда в основном приходят люди с угрызениями совести. Ну, ты понимаешь: плохое обхождение с покойником — то есть когда он еще был жив. Какую-то мелкую пакость ему сделали или стащили что-то… И если мы укажем этим людям на связь между их нынешними болячками и обиженными душами в загробном мире, они, конечно, пожелают избавиться от недугов и понесут нам деньги.

К разочарованию прорицателя, Цы ответил категорическим отказом. Одно дело — применять свои познания, чтобы выяснить обстоятельства смерти, и совсем другое — воспользоваться доверчивостью мучимых совестью людей.

Этот довод Сюя не остановил.

— Ну хорошо. Ты просто определишь болезнь, а я возьму на себя все остальное.

Цы почесал голову. Определенно, работа с Сюем будет раздражать его не на шутку.

В тот вечер они присутствовали на трех похоронах. Цы хотел осмотреть потщательней один из трупов, воспаленные веки которого могли быть знаком насильственной смерти. Однако родственники воспротивились. Когда такое повторилось в третий раз, Сюй впервые засомневался, не поспешил ли он заключить сделку. Прорицатель велел Цы быть понастойчивей, не то договор будет расторгнут.

Теперь задумался Цы. Близилась ночь, кладбищенские ворота скоро закроют. Юноша посмотрел на очередной похоронный кортеж, поднимавшийся по склону. Быть может, это его последний шанс. Цы сразу догадался, что семейство — из состоятельных. Гроб был роскошный, а вслед за родственниками шли нанятые музыканты, звучала печальная мелодия. Цы быстро определил, кто из членов семьи выглядит самым удрученным — молодой человек с покрасневшими от слез глазами. Цы стыдился того, что ему предстоит сделать, но колебаний в его душе не было. Он — так или иначе — должен был раздобыть пропитание для Третьей, поэтому, убедившись, что ладони его должным образом упрятаны в перчатки, Цы подбежал к молодому человеку и принялся всячески ему сочувствовать. Он подарил скорбящему палочку ладана, которому приписал чудесные

свойства. Разглагольствуя насчет необыкновенных качеств ладана, Цы искал на лице юноши признаки какого-нибудь недуга. И вот она, желтизна в глазах, которую Цы благодаря своим медицинским познаниям связал с болезнью печени.

— Бывает, что со смертью близкого человека учащаются приступы тошноты и головокружения, — доверительно сообщил юный могильщик. — Если дела не поправить, то рано или поздно боль в правом боку сведет вас в гроб.

От этих слов молодой человек задрожал, будто некий дух явился ему с того света и предсказал близкий и страшный конец.

— Ты что, прорицатель?

От этого вопроса Цы онемел.

— Один из самых лучших, — с улыбкой объявил Сюй.

Хитрец не терял времени даром. Он бросился навстречу молодому человеку и, преувеличенно низко кланяясь, подхватил его под руку и отвел в сторонку от похоронного кортежа. Цы не слышал, о чем они говорили, однако по довольному лицу Сюя и по тугому кошелю, который он показал потом Цы, тот догадался, что их предприятие начинает приносить плоды.

* * *

Тем же вечером Цы увидел баркас, где жил прорицатель. Эта посудина, без сомнений, давно уже сходила в свой последний рейс; теперь все, что от нее оставалось, было пришвартовано к пирсу и не тонуло только благодаря крепким пеньковым канатам. Палуба скрипела под ногами, запах гнилой рыбы проникал повсюду. На взгляд Цы, это сооружение меньше всего напоминало дом, но Сюй откровенно им гордился. Юноша отодвинул парусиновую занавеску, заменявшую дверь, и нос к носу столкнулся с немолодой женщиной, сразу поднявшей страшный визг: она приняла незнакомца за грабителя и, не раздумывая, принялась гнать его вон. Но прорицатель ее быстро унял.

— Это моя жена. Ее зовут Яблоко, — весело объявил Сюй. Тут появилась и вторая женщина, помоложе, — увидев гостей, она

поклонилась. — А эту зовут Свет. — Улыбка прорицателя стала еще шире.

За ужином юноше пришлось выносить шушуканье двух болтушек. Обе наотрез отказались принять двух новых жильцов в доме, куда не втиснуться даже сверчку. Однако, когда Сюй бросил женам связку заработанных на кладбище монет, они разом утихли и даже изобразили на лицах преувеличенно вежливые улыбочки.

— Твою долю я тебе потом отсчитаю, — пообещал прорицатель. Юноша только пожал плечами.

А потом они улеглись спать, зажатые, как сельди в бочонке. Цы досталось место рядом с ногами Сюя, и он задумался: не перелечь ли поближе к гнилой рыбе? А еще он думал о том, есть ли связь между его нечувствительностью к боли и повышенной восприимчивостью к ароматам и смрадам; и тут юноше вспомнился странный дух, который ощущался дома в ночь рокового пожара. Это был терпкий, сильный запах… так пахло… Цы попробовал извернуться, найти себе положение поудобнее, но передвинуться было некуда.

Цы качался вместе с баркасом на мягких волнах и пытался заснуть. Издалека доносились приглушенные удары гонга, возвещавшие время. Юноша не знал, сколько пролежал, скрючившись, прежде чем его наконец сморил сон. В голове его поплыли картины университетского прошлого, накатило счастье. Но как раз во время выпускной церемонии юноша почувствовал, что ему заткнули рот и трясут что есть силы за плечи. Цы, перепугавшись, открыл глаза и тут же почувствовал на лице дыхание Сюя — прорицатель таким образом заставлял его подняться без шума.

— У нас проблемы! Быстро! — прошипел Сюй.

— Почему? Что стряслось?

— Я же говорил, что это будет опасно.

16

Ночью баркасы ходили редко, поэтому им пришлось отказаться от водного пути и топать пешком вслед за разбудившим их незнакомцем. Цы смог разглядеть лишь смутные очертания лица да линялую рубаху, которая в лучшие времена, наверное, была оранжевой. Мужчина двигался осторожно, замирая на каждом углу — проверял, нет ли слежки; осмотревшись, делал спутникам знак: «стой» или «вперед». Цы еще раз спросил прорицателя, что происходит, но тот велел помалкивать и шевелить ногами.

Они шли, выбирая самые темные проулки, чтобы избежать встреч с ночной стражей. Цы заметил, что они держат путь к западным горам — туда, где располагался главный буддийский монастырь Линьаня. Хотя официально он именовался Дворцом избранных душ, большинство горожан называло его Жаровней трупов, ведь именно там денно и нощно сжигали покойников, которых не могли захоронить. Когда странники поравнялись с Великой пагодой, гигантской башней с лестницей в тысячу ступеней, сквозь мрачные тучи все еще пробивался свет луны.

Здесь провожатый сделал им знак остановиться и назвал свое имя храмовой страже. Потом велел Сюю и Цы дожидаться снаружи, а сам вошел внутрь. Как только он исчез, Цы потребовал от Сюя объяснений, но прорицатель только посоветовал ему держаться рядом и помалкивать.

Вскоре перед ними появился старик с белесыми глазами и дрожащим голосом. Сюй склонился в глубоком поклоне, Цы последовал его примеру. Старик поклонился в ответ и любезно предложил следовать за ним. И вот они медленно шествуют вперед, и Цы не устает поражаться роскошному убранству стен, столь непохожему на строгость, царящую в храмах, что воздвигнуты в честь Конфуция. Путники миновали передние комнаты главного здания и повернули в южное крыло, где, как говорили, плоть мертвецов пылает, пока от нее не останется ровно ничего. Теперь они шли по узкому коридору с совершенно голыми стенами — после недавней пышности это особенно поражало. Коридор спускался все ниже, достигая, казалось, самых глубин преисподней. Тошнотворное зловоние

возвестило о близости зала кремаций. Цы было страшно. Зал оказался вырубленной в недрах холма заплесневелой пещерой; застарелый чад сожженных трупов не давал дышать. Кое-как осмотревшись, Цы увидел огромный погребальный костер, на котором лежало обнаженное тело; у подножия стояли живые. Цы насчитал десять человек.

Сюй подошел к костру, будто заранее знал, что делать.

— Этот, что ли? — громко спросил он и знаком подозвал Цы поближе. А остальных попросил посторониться, чтобы тот смог беспрепятственно осмотреть труп.

— Я не хотел рассказывать заранее, чтобы тебя не тревожить, — прошептал прорицатель, рассеянно ощупывая конечности покойника, — но эта мумия — главарь одной из самых могущественных городских банд. А рядом его сыновья: они просят нас установить, кто его убил.

— А почему они позвали нас? — отозвался Цы так же шепотом.

— Потому что вчера я их заверил, что ты справишься.

— Совсем обезумел? Скажи им, что ошибся! — прошипел юноша.

— Я не могу.

— Почему?

Сюй вздохнул:

— Я уже взял деньги.

Цы оглядел скорбящих родственников. Взгляды их были холодные и острые, как лезвия кинжалов, которые они сжимали в руках. Юноша понял: стоит ему хоть чуть-чуть оплошать, в зале прибавится покойников.

Лишь гримасой Цы мог выразить Сюю свой упрек. Потом попросил ему подсветить и шагнул вперед, молясь про себя, чтобы ему удалось правильно воспользоваться познаниями, полученными от судьи Фэна.

Он поднес фонарь к лицу мертвеца — жуткому месиву из мяса и засохшей крови. Не хватало одного уха и части скулы. Типичный случай уличного насилия. Но ни одна из этих ран не выглядела смертельной. По окоченению тканей и цвету кожи Цы вычислил, что смерть наступила по меньшей мере четыре дня назад. Юный медик велел принести побольше уксуса и расспросил родственников об

обстоятельствах обнаружения тела. Спросил также, осматривал ли труп кто-нибудь из судей.

— Никто не осматривал. Тело было найдено в саду возле дома, на дне колодца. Обнаружил его единственный слуга, который был тогда при доме, — пояснил один из бандитов, и юноше вспомнилось: Сюй обещал головорезам, что его напарник запросто угадает убийцу.

Цы глубоко вздохнул. Если он признает за собой особый дар, пути назад уже не будет. Он подумал, как бы выиграть время.

— Здесь не все от меня зависит. — Цы теперь говорил громко, он хотел быть уверен, что его услышат. — Я действительно могу видеть сокрытое, но только если такова будет воля Неба и духов. — Юноша обернулся за поддержкой к высокому монаху.

Монах подтвердил правоту этих слов поклоном, а затем поклонился в сторону родственников — те никак не отреагировали.

Цы молча нагнулся над телом и продолжил осмотр. На шее никаких следов не было, но, когда юноша откинул покрывало, он увидел открытую рану в правом боку и скопище червей в кишечнике. Мерзостный запах проник в его горло, спустился к желудку, все там перевернул и выплеснулся рвотой. Сюй помог ему устоять на ногах. Придя в себя, Цы попросил несколько шелковых нитей, пропитанных конопляным маслом, — и, как только их принесли, засунул их себе в ноздри. Словно по волшебству, зловоние пропало. Цы велел прорицателю выкопать яму — так, чтобы в ней поместилось мертвое тело.

— Этот человек был буддистом. Его собираются сжечь, — отнекивался Сюй.

Цы объяснил, что в яме тело следует отогреть. Он много раз видел, что так поступал судья Фэн, но — самое главное — эта операция давала ему отсрочку. Сюй принялся копать, а Цы приступил к более тщательному осмотру. Чтобы придать себе побольше веса в глазах родственников, он попросил их расступиться.

— С дозволения старшего из наследников объявляю о следующем: передо мной лежит тело мужчины возрастом около шестидесяти лет, среднего роста и средней комплекции. На теле не видно ни застарелых шрамов, ни каких-либо следов тяжелой или смертельной болезни. — Цы оглядел собравшихся. — Кожа мягкая и вялая, однако при сильном натяжении она рвется. Волосы редкие,

седые, выдергиваются без труда. На голове, на лице — множественные ушибы; удары, определенно, были нанесены тупым предметом.

Взглянув на губы покойника, ученик судьи остановился. Отметил для себя какой-то признак, а затем продолжил:

— На туловище различимы царапины — тело, вероятно, волокли по земле. Живот… — Цы подавил тошнотворный позыв. — На животе имеется рваная рана. Разрыв идет от левого легкого до правого бока, значительная часть кишечника вывалилась наружу. «Нефритовый стержень» покойного — в норме. На ногах царапин нет…

Цы обернулся на родственников покойного в надежде, что этот поток подробностей произведет на них благоприятное впечатление. Однако на их лицах было только ожидание: так во время затянувшегося представления ждут захватывающего финала.

«Во что ты меня впутал, Сюй? Если даже причину смерти выяснить не так-то легко, то как можно рассчитывать, что я назову им имя убийцы?»

Цы велел прорицателю положить лопату и помочь перевернуть тело. К сожалению, осмотр спины покойника не добавил почти никакой информации, поэтому юноша прикрыл тело и приступил к изложению своих выводов.

— Всякий скажет, что этот человек был убит, и причиной смерти явился длинный разрез, вспоровший ему живот. Ранение вызвало выпадение кишок, каковое…

— Мы заплатили деньги не для того, чтобы слушать твои россказни! Все это может угадать даже слепой! — прервал его старик и сделал знак молодому человеку с ужасным шрамом на лице.

Не промолвив и слова, мужчина со шрамом подошел к Сюю, ухватил за волосы и приставил нож к его горлу. Старик зажег коротенькую свечку и поставил ее перед Цы.

— У вас ровно столько времени, сколько горит этот огонек. Если он погаснет, а ты не произнесешь имени убийцы, вы оба сильно пожалеете.

По телу юноши пробежала дрожь. Он до сих пор не выяснил причины этой смерти. Цы вопрошающе посмотрел на прорицателя, но никакого ответа не получил. И перевел взгляд на мерцающий огонек, который опускался медленно, но неотвратимо.

Сюй быстро докопал яму. Цы распорядился, чтобы ее наполнили угольками — пусть соберут по кухням! Когда угли перестали тлеть, юноша положил на них циновку, полил ее уксусом и попросил уложить тело поверху. Потом накрыл его одеялом и замер в томительном ожидании.

От дуновения легкого ветерка свечка почти погасла. Цы ощутил нехороший холодок.

Ученик судьи сделал глубокий вдох и прикинул свои шансы. Самое большее, что он мог сделать, — это понять причину смерти, однако между этим пониманием и выяснением имени убийцы лежала непреодолимая пропасть. Да и устроит ли частичный ответ грозных родственников? Времени оставалось совсем мало; юноша обнажил покойника и напустил на себя важный вид. Затем он осмотрел щиколотки мертвеца.

— Как я уже сказал, — обернулся он к наследникам, — всякому ясно, что этот человек погиб от страшной раны на животе. Однако очевидность этого вывода свидетельствует лишь о хитрости и коварстве убийцы. — Он прикоснулся к щиколоткам покойника. — Это человек хитроумный, хладнокровный и опасный; в его распоряжении имелось достаточно времени, чтобы не только совершить преступление, но и обработать тело таким образом, чтобы заставить нас поверить в ложную версию.

Его слушали со всем вниманием. А взгляд Цы был прикован к мерцающему огоньку свечи, теперь стремительно догоравшей. Юноша усилием воли заставил себя смотреть в другую сторону и сосредоточиться на том, что говорил.

— На мой вопрос вы ответили, что в последнюю ночь покойный находился под охраной надежных людей. А значит, мы должны отвергнуть мысль о заговоре и сузить круг подозреваемых до одного человека — немилосердного и жестокого, но при этом очень трусливого — точно шакал.

— Время истекает, — заметил молодой бандит со шрамом.

Цы бросил короткий взгляд на свечу. Сжав челюсти, он подошел к бандиту, по-прежнему державшему в руке кинжал.

— Но только этот человек умер не от удара кинжалом. Ну конечно же нет — об этом свидетельствует запекшаяся кожа на разрезе. — Цы показал, куда смотреть. — Если вы вглядитесь повнимательнее, то

убедитесь, что черви не тронули края раны — раны, которая в момент нанесения не сочилась кровью. А не сочилась она потому, что, когда этот разрез был сделан, несчастный вот уже несколько часов как расстался с жизнью.

Пещера огласилась изумленными шепотками, которые сразу же переросли в крики.

Цы продолжал:

— Отметим еще один факт: покойный умер и не от утопления. Свидетельством тому — его желудок, который пуст, ибо при нажатии не показал наличия воды. Ноздри и ротовая полость, язык и зубы не обнаруживают растительных останков, насекомых, типичной колодезной грязи, — если бы этот человек в момент падения в колодец был жив, он бы обязательно этого наглотался. Итак, единственно возможная версия — этот господин был уже мертв, когда его сбросили в колодец. — Цы оглядел молчащих родственников. — А значит, нам следует установить, каким образом он был убит.

— Но если он не был зарезан, не был утоплен, если его даже особенно-то и не били — как же он тогда погиб? — спросил сын главаря.

Цы понимал, что от его ответа зависят две жизни, поэтому тщательно взвешивал каждое слово.

— Ваш отец умирал медленно и ужасно: он не мог говорить. Он не мог позвать на помощь. Ваш отец был в силах только хрипеть, потому что умер от яда. — (Пещера снова огласилась тихим ропотом.) — Об этом говорят его скрюченные пальцы и почерневшие губы, а темный язык неопровержимо свидетельствует о применении киновари, смертоносного даосского эликсира, зелья безумных алхимиков. — Цы сделал короткую паузу; он заметил, что свеча догорела почти до конца. — Прежде чем этот господин умер, его, пользуясь ночной темнотой, подхватили за лодыжки и вниз лицом поволокли к колодцу в его собственном саду, куда он и был с позором сброшен. Однако, как если бы этого было недостаточно, перед этим убийца успел еще и разрезать покойнику живот и изуродовать лицо — с единственной целью — скрыть истинную причину смерти.

— И откуда ты все это узнал? — перебил один из бандитов.

Этот вопрос юношу не смутил.

— Воздействие уксусного пара не оставляет места для сомнений. — Цы показал проявившиеся следы на щиколотках. — А вот откуда я узнал, что его волокли на животе, еще живого, — об этом говорят исцарапанные ногти: несчастный до последнего цеплялся за жизнь.

Юноша предъявил собравшимся землю, застрявшую под ногтями.

— Могу поспорить, точно такая же земля обнаружится в саду близ колодца.

Цы заметил, что огонек на свече мигает. Молодой бандит с кинжалом напрягся, когда пламя наконец угасло.

— Что ж, впечатляюще, — произнес старейший из родственников, — но ты до сих пор не произнес имени убийцы. — Он сделал знак молодому. — А теперь имя! — потребовал старик.

Цы в отчаянии огляделся в поисках выхода. В пещере не было ни окон, ни коридоров. Только голый камень. Двое вооруженных бойцов стояли у единственной двери; прорицателя тоже охраняли. Что бы он ни придумал, к какому бы решению ни пришел, — действовать предстояло именно здесь.

Один из бандитов поднес кинжал к горлу Сюя. Пустота в его взгляде подтверждала, что намерения у него самые серьезные. Цы понял, что, если он не назовет какое-нибудь имя, прорицателю конец. Медлить нельзя. Нужно что-то произнести прямо сейчас.

«Но какое же имя я могу назвать, если вижу этих бесноватых впервые в жизни?»

Миновали еще несколько секунд тишины — Цы слышал только собственное дыхание.

Старейший бандит не выдержал. Он отдал приказ молодому со шрамом, тот поднял руку для удара, и тогда Цы выкрикнул первое, что взбрело ему в голову:

— Человек Великой Лжи!

Бандит со шрамом замер в нерешительности; взгляд его был прикован к лицу старика.

— Вот убийца, который вам нужен, — твердо произнес Цы, пытаясь удержаться на паутине, которую сам и ткал.

Воспользовавшись паузой, Цы взглянул на прорицателя: он ждал от напарника хоть слова, хоть жеста, хоть знака, который подсказал бы

ему, как выбраться из этой трясины, однако Сюй стоял зажмурившись, будто крепкими ставнями отгородясь от происходящего.

— Убей его! — приказал старик.

— Чан! Убийцу зовут Чан! — неожиданно взвизгнул Сюй.

Старик побледнел.

— Ты сказал «Чан»?

Губы его задергались. Трясущейся рукой старик вынул из рукава нож; лезвие сверкнуло в свете факелов. А потом он медленно, не говоря ни слова, двинулся к одному из бандитов — тот в ужасе попятился назад, но соседи уже схватили его за руки. Перепуганного человека звали Чан. Именно на него только что указал прорицатель. Обвиняемый поначалу все отрицал, но потом, когда у него начали вырывать ногти, воскликнул, что он не хотел, что так получилось само собой, и, зарыдав, взмолился о пощаде. Лицо его исказилось до неузнаваемости: теперь это было лицо человека, который осознает, что жизнь его заканчивается, и заранее видит себя мертвецом.

Больше Чан не сопротивлялся.

Смерть его была долгой. Старик умело надрезал вены на его шее, чтобы убийца смог прочувствовать, как его покидает жизнь. Когда Чан испустил последний хрип, собравшиеся, как по команде, повернулись к Цы и наградили юношу поклоном. А потом старик передал прорицателю мешок с монетами.

— Вот оплата под расчет. — И он поклонился. Прорицатель согнулся еще ниже, постепенно приходя в себя. — А теперь, с вашего разрешения, мы должны проститься со своими мертвецами.

Сюй сразу же направился к выходу, но юноша его остановил.

— Слушайте все! — выкрикнул он. — Моими устами говорили духи, это их милость позволила обнаружить убийцу, и вот, тою же властью, что была мне дарована Небом, я заклинаю вас хранить молчание обо всем, что здесь произошло. Пусть ни одна живая душа не проведает об этой тайне, пусть никто не позволит своему языку проболтаться об этом чуде; в противном же случае — заверяю вас, что призраки преисподней будут неотступно преследовать вас и ваших близких до того самого дня, пока вы не скатитесь в могилу.

В ответ старик промолчал и нахмурился. А потом еще раз поклонился и вместе со своими присными покинул зал. Тот же монах, что привел Цы и Сюя в пещеру, проводил их к выходу из храма.

Напарники возвращались в молчании. Они спустились по восточному склону холма мимо Великой пагоды. Там, где море сливалось с горизонтом, уже брезжил рассвет.

А Цы уже и не надеялся увидеть это новое солнце. Напарники не обменялись ни словом до самой городской стены — оба раздумывали о происшедшем. Наконец Сюй не выдержал и выпалил:

— Ну какой дьявол потянул тебя за язык? В наших руках было дело всей жизни, а ты взял и все разрушил. О чем ты думал, когда грозил этим людям? Их ведь весь город знает. Если бы не твоя дурацкая проповедь, через несколько часов вести расползлись бы по всему Линьаню, заказчики посыпались бы на нас дождем и мы загребли бы столько денег, что могли бы прикупить собственное кладбище.

Цы не мог открыть напарнику, что по его следу идет рябой страж порядка и ему меньше всего хочется, чтобы весь Линьань судачил о молодом человеке с обожженными руками, который работает на кладбище. Да у него и так уже сердце ушло в печенку. Они оба чуть не погибли, а Сюй, вместо того чтобы поблагодарить за спасение, только корит за упущенную выгоду.

Юноше вдруг расхотелось оставаться с этим человеком. Бросить бы все, подхватить Третью и сбежать подальше из города… Но предутренний холод умерил его гнев и смягчил его ответ.

— Так-то ты платишь за то, что я спас тебе жизнь? — только и произнес юноша.

— Полегче, приятель! Не надо приписывать себе чужие заслуги! Это ведь я произнес имя «Чан»! — взъярился Сюй. Он был похож на адепта тайной секты, почитающего себя хранителем абсолютной истины.

Цы посмотрел на него, как на жалкого торгаша, и подумал: да стоит ли спорить с человеком, у которого на уме только деньги? Конечно, дело того не стоило, но все-таки юноша не мог позволить себя закабалить. Никак не мог — ведь от этого зависело его будущее и будущее его сестры.

— Я понял. Возможно, мне следовало посмотреть, как тебе перережут глотку. Или, быть может, молча стоять возле трупа и дожидаться, пока ты разгадаешь тайну.

— Это я назвал имя убийцы! — повторил Сюй.

— Ну ладно! Мне все равно. В конце концов, мы спорим на эту тему в первый и последний раз.

— Не понимаю. Что ты хочешь сказать?

— Я хочу сказать, что никогда — повторяю, никогда — не стану больше участвовать в затеях, которые для любого хоть сколько-то рассудительного существа являются безумными, а тебе представляются просто выгодными. — Цы остановился посреди дороги. — Клянусь Небом! Ты что, и правда думаешь, будто я могу все угадать? Проклятье! Да я всего-навсего бедолага, который даже учебы не закончил, а ты требуешь, чтобы я строил из себя бога перед чудовищами, которые без колебаний перерезали бы глотки нам обоим… Правду скажу: чем больше я об этом думаю, тем больше удивляюсь, как тебе взбрела в голову подобная идея.

Сюй вытащил мешочек с монетами и потряс им перед лицом юноши:

— Они серебряные!

— Мне не нужен серебряный гроб. — Цы отвел руку прорицателя.

— Ну а какой ты предпочитаешь? Травяной? Ведь это единственное, что тебе достанется, если ты пойдешь по своей дорожке. Что — ну как ты думаешь — у тебя получится без меня? Ну что? По-твоему, я совсем тупой? Да если бы у тебя имелся лучший выбор — или хоть место, куда податься, — ты бы не стоял здесь со мной. Так что будь благодарен за все, что я для тебя делаю, и хватит уже кривляться. Держи. — Прорицатель отсчитал треть от их заработка. — Тут больше, чем ты скопишь за полгода упорного труда.

Цы не принял деньги. Он хорошо знал, к чему приводит алчность. Батюшка преподал ему хороший урок.

— Проклятье, парень! Но чего же ты хочешь? Загребать монеты без риска?

— Быть может, этот человек… Чан…

— Что — Чан?

— Человек по имени Чан. Почему ты его назвал? Быть может, на нем не было вины?

— Не было вины? Ха! Не смеши меня, мальчик! Да из всех, кто там стоял, даже самый невинный способен пырнуть кинжалом собственного сына и тут же закопать его живьем. Или чем, ты

думаешь, они зарабатывают на жизнь? Что, как ты думаешь, они бы сделали с нами? Я знал Чана. Да все его знали. Он исходил завистью к покойнику. И он сознался — ты сам это видел. А к тому же: какая разница, виновен он или нет? Он был бандит, он никому не нужен, и рано или поздно он тем бы и кончил. Так ведь хорошо, что при этом он помог нам стать чуть более богатыми.

— Мне наплевать, кем он был! — закричал Цы. — Главное, что ты не знал наверняка! У тебя не было доказательств, а без них никого приговаривать нельзя. Может, он признался только потому, что его пытали. Нет, я больше не позволю втягивать меня в такие дела. Ты хорошо понял? Я вовсе не против работы: готов копать могилы, осматривать больных, обследовать и живых, и мертвых… да все, что угодно. Привередничать не стану. Но предупреждаю: больше не проси меня обвинять кого-то без доказательств. Не то я объявлю виновным тебя.

* * *

Весь остаток пути Сюй бросал на напарника ядовитые взгляды, но юноша не обращал на них внимания. Он шагал, склонив голову, погруженный в раздумья, пытаясь разрешить терзающую его дилемму.

Если он забудет про Сюя и исчезнет из города, то, определенно, скоро сможет начать новую жизнь вдалеке от Линьаня. Для этого нужно всего-навсего взять у прорицателя заработанные деньги, разбудить Третью и бежать из этого осиного гнезда. Но побег — это отказ от заветной мечты: от учебы в университете, от императорских экзаменов, которые восстановят его доброе имя и вернут всеобщее уважение. Он так долго за это боролся, но на пути встало преступление, совершенное его отцом.

Однако, с другой стороны, остаться в Линьане — значит и дальше зависеть от милостей Сюя, от его каверзных затей и их кошмарных последствий. Сидеть на месте и дожидаться, пока его выследит Гао. Простодушно ждать смерти. Цы пнул придорожный камень и выругался.

Он в очередной раз пожалел, что у него нет больше отца — честного и добродетельного советчика, с которым можно было бы

обсудить свои заботы и тревоги. Цы посмотрел на горизонт. Вот и рассвет. Юноша поклялся, что его дети никогда не окажутся в подобном положении. Да, когда у него появятся дети, он сделает все, чтобы они гордились своим отцом! Да, он подарит им все, что батюшка у него отобрал!

Оказалось, они уже подошли к плавучему жилищу прорицателя. Цы так и не смог принять решение, но Сюй упростил ему выбор. Человечек поставил одну ногу на борт баркаса, другой он упирался в берег — проход для Цы был закрыт.

— У тебя только две возможности: либо ты продолжаешь работать, либо убираешься отсюда. Все очень просто.

Цы смерил его хмурым взглядом.

У него не было двух возможностей. Только одна — не дать умереть своей сестре. Он стиснул зубы и отодвинул прорицателя.

17

В следующие недели Цы совсем не знал роздыха.

Каждую ночь он тихо вставал и отправлялся на императорскую пристань, чтобы принять рыбу, которую днем закупала старшая жена Сюя. Дотащив рыбу на баркас, он помогал ее сортировать и чистить, уменьшая тем самым долю работы, что приходилась на Третью; ведь девочке так и так пришлось бы ее выполнять, здорова ли она, больна ли… Потом он сопровождал Сюя в его утреннем обходе рынков и пристаней — человечек разнюхивал все про смерти от несчастных случаев и про убийства, случившиеся накануне. Затем, как правило, следовало посещение больниц и госпиталей, где Сюй за умеренную плату узнавал у работников имена и материальное положение больных, их недуги и кто чем лечится; те же расспросы повторялись и в Большой аптеке Линьаня. Составив полный список, Сюй планировал, чем они займутся вечером — мошенник отбирал только самые простые и притом самые доходные случаи.

По дороге на Поля Смерти Цы усваивал и обдумывал собранные сведения. Он вспоминал уже известные ему подобные случаи, сверялся с записями прошлых дней, подбирал недостающие подробности, чтобы придать достоверности своим выводам. Придя на кладбище, Цы аккуратно раскладывал утварь и препараты, которые понадобятся ему позже; юноша постепенно расширял набор инструментов за счет денег, которые выдавал ему Сюй. Потом помогал прорицателю рыть ямы, перетаскивать землю, устанавливать могильные плиты или носить гробы — в случае, если родственники собирались малосильные. А после обеда они готовились к «действу» — то есть Цы снимал грязную одежду и надевал костюм некроманта, пошитый для него первой женой Сюя; к этому наряду юноша добавил маску — чтобы никто не видел его лица.

— Так мы еще больше таинственности нагоним, — заявил он Сюю, не объясняя, что он в бегах и ему совсем ни к чему, чтобы его кто-то узнал или хотя бы запомнил его лицо.

Прорицателю эта идея не пришлась по душе, однако стоило Цы намекнуть, что, если с ним самим что-нибудь случится, его место без

ущерба для предприятия сможет занять любой шарлатан, — Сюй с восторгом согласился.

Напарники чередовали работы на Полях Смерти с визитами в Большой монастырь буддистов. И хотя кремации приносили меньше прибыли, чем захоронения, это была дополнительная реклама, увеличивавшая и без того длинный список клиентов, стремящихся узнать побольше.

А по вечерам, вернувшись на баркас, Цы будил Третью, чтобы удостовериться: девочка чувствует себя хорошо и выполнила свою работу в рыбной лавке. Если так и было, он делал сестре маленькие подарки — деревянные фигурки, которые сам выпиливал в свободные от кладбищенских трудов минуты. Потом давал Третьей лекарство, проверял ее упражнения по чистописанию и проходил вместе с ней список тысячи слов, который дети, обучающиеся чтению, должны знать наизусть.

— Я спать хочу, — жаловалась девочка, но брат гладил ее по голове и уговаривал посидеть еще чуть-чуть.

— Ты должна учиться. Ведь не хочешь же ты остаться простой рыбачкой?

И тогда Третья снова брала листок, прикусывала кончик языка и принималась за урок. А когда все уже спали, Цы, запасшись фонариком, уходил на берег, в ночную стынь, и под звездным небом портил глаза, старательно изучая главы «Предписаний, оставленных духами Лю Цзюань-цзы», замечательного трактата по хирургии, который он приобрел по дешевке на книжном рынке. Так Цы учился, пока его совсем не одолевал сон или пока дождь не гасил его фонарь. Тогда — и только тогда — юноша искал для отдыха щель где-то между ногами Сюя и гнилой рыбой.

Но каждую ночь, каждую без исключения, пока веки его не смыкались от усталости, Цы вспоминал о позоре своего отца, и сердце его наполнялось горечью.

* * *

По прошествии нескольких месяцев юноша уже умел отличать случайные раны от тех, что нанесены с намерением убить; умел

определять, какой удар нанесен топором, какой — кинжалом, кухонным ножом, мечом или серпом; умел выяснить, повесился человек сам или ему помогли; Цы на практике установил, что при самоубийстве используют яда меньше, чем при коварном отравлении, и поэтому одно и то же вещество действует по-разному в зависимости от того, в чьих руках находится. Он открыл, что убийцы действуют грубо и необдуманно, когда ими движет ревность, вспышка гнева или горячка неожиданного спора, а завистники и маньяки, наоборот, хитры и расчетливы.

Каждый новый случай был для ученика судьи как вызов не только разуму, но и воображению. Не имея на то ни надлежащего времени, ни правильных средств, Цы должен был сложить в одну мозаичную картину каждый шрам, каждую рану, каждый воспаленный, затвердевший или приобретший неестественный оттенок участок кожи, каждую деталь, сколь бы ничтожной она ни казалась. Иногда обыкновенная прядка волос или легкое нагноение могли явиться ключами к разъяснению необъяснимого случая.

Упускать что-то важное — было невыносимо.

Каждый новый труп воочию убеждал юношу в безбрежности его невежества. И если со стороны любая его догадка представлялась чудом, то Цы чем больше узнавал, тем яснее удостоверялся в недостаточности своих познаний. Порою он впадал в отчаяние из-за немоты чужого тела: из-за неизвестного симптома, не поддающегося точной идентификации шрама или ошибки в собственных выводах. Тогда Цы еще больше восхищался своим бывшим учителем, судьей Фэном, человеком, привившем юноше любовь к исследованию и внимательность к мелочам. От судьи он узнал много такого, что в университете не проходят. Но и теперь — как и тогда — Цы открывал для себя мир новой мудрости, которой с ним делился Сюй.

Потому что Сюй тоже разбирался в мертвецах.

— Этого не нужно вскрывать. Только посмотри на его брюхо — ишь как раздулось, — советовал он с важным видом, гордясь тем, что тоже может кое-что добавить.

В этом деле Сюй действительно отличался особой наблюдательностью — так же как читал он по лицам и понимал движения людей живых. Он не гнушался переворачивать трупы, находить переломы, следы от ударов, гематомы, он определял причины

смерти и способы умерщвления; он мог влет определить профессию покойного — впрочем, как и живого. Этот человечек много лет возился с мертвецами на кладбище, помогал при сожжениях в буддийском храме и — если верить его рассказам — успел поработать могильщиком в темницах Сычуани, где пытки и убийства были самым привычным делом. Подобного опыта у Цы не было.

— Вот там уж казнили так казнили! — хвастался Сюй перед напарником. — Вот где умели убивать! Здесь у нас просто детские игрушки! Правительство заключенных не кормило, да и родственники не всегда приносили еду, так что это была настоящая клетка с волками.

Опыт прорицателя был для Цы неиссякаемым источником, к которому юноша не уставал припадать; он купался в этом бурном потоке в ожидании часа, когда сможет применить полученные знания на императорском экзамене.

Но такое образование было очень односторонним, и редкие минуты досуга Цы посвящал иной учебе.

Когда пришла зима, он предложил совершенствовать их искусство за счет покупки новых книг. Сюй легко согласился.

— Только ты будешь покупать их на свои деньги.

Цы не возражал. В конце концов, их дело приносило ему достаточный доход, чтобы кормить Третью и приобретать для нее лекарства, хоть и дорожавшие с каждым днем. А остаток будет употреблен наилучшим образом, если только Сюй выделит ему время на учебу.

К концу зимы Цы почувствовал уверенность в своих силах. Взгляд его заострился: едва взглянув, он мог отличить фиолетовый цвет отека от пунцового цвета свежего удара; его обоняние безошибочно выделяло гнилостное зловоние гангрены из самых сладких ароматов; пальцы его нащупывали малейшие уплотнения под кожными тканями, находили на шее язвочки от впившейся веревки, ощущали старческую рыхлость плоти, отыскивали следы лечебных прижиганий и даже мельчайшие шрамики, что остаются после иглоукалывания.

С каждым днем Цы чувствовал себя все надежнее. Все увереннее.

И в этом была его ошибка.

В один дождливый февральский день по склону кладбищенского холма медленно поднималась похоронная процессия. Гроб несли

знатные, богато одетые мужчины. Двое слуг были посланы вперед: они отыскали Сюя и сообщили, что родственники покойного желают знать причину его смерти. Это был сановник высокого ранга из военного министерства, он скончался ночью, после долгой болезни, из-за которой почти не выходил из дому, и теперь родственники спрашивали, можно ли было избежать такой кончины.

Договорившись о цене, предсказатель отправился на поиски Цы. Он нашел напарника там же, где и оставил, то есть в яме с жидкой грязью до колен и то и дело оплывающими стенками. Юноша так перемазался, что попросил дать ему время переодеться и привести себя в порядок. Однако Сюй велел поторопиться — просто накинуть сверху наряд некроманта и идти работать. Цы скрепя сердце подчинился, но заметил, что прикрывавшие ожоги перчатки, которыми снабдила его жена предсказателя, вконец извозились.

«А вторую пару я забыл на баркасе».

— Ты ведь знаешь, без перчаток я не могу, — заявил Цы напарнику, которому уже не раз объяснял, как отвратительно ему щупать трупы голыми руками.

— Проклятье, Цы. Ну так спрячь руки или засунь их себе в задницу. Ты можешь осмотреть труп и с руками за спиной.

Нельзя было даже слушать такое, но Цы уступил. В конце концов, это всего-навсего еще один умерший от болезни старик. В Вечном мавзолее Цы нацепил свой наряд и вышел навстречу похоронному кортежу, стараясь прятать кисти рук в рукава. Стоило юноше увидеть лицо покойного, он сразу понял, что это был обыкновенный апоплексический удар.

«Ну и хорошо. А теперь представление».

Вначале юноша низко склонился перед траурным кортежем, затем подошел к гробу. Шея покойника слегка опухла. Лицо морщинистое, добропорядочное. От парадного одеяния исходили ароматы сандала и ладана. Ничего необычного. Прикасаться не обязательно. Члены семьи просто хотели послушать подтверждение, и он собирался его им дать. Уверившись, что кисти его скрыты рукавами, Цы притворился, что рассматривает лицо, шею и уши покойника, поводя руками над телом.

— Он умер от апоплексического удара, — изрек эксперт.

Члены семьи склонились в знак благодарности; Цы ответил тем же. Работа выдалась простая. Он повернулся, чтобы уйти, но тут за

спиной раздался окрик:

— Держи его!

Цы и опомниться не успел, как двое мужчин уже держали его за руки, а третий обыскивал.

— Что происходит? — вырывался Цы.

— Где она? Куда ты ее засунул? — допытывался один из пленителей.

В поисках объяснений юноша бросил взгляд на Сюя, но тот молча стоял в отдалении. Державшие Цы мужчины требовали, чтобы он вернул жемчужную брошь. Цы не знал, что отвечать. Как он ни отнекивался, ему не удавалось убедить схвативших его в своей невиновности. Скорбящие родственники не утихомирились, даже раздев его донага. Потом они кинули ему одежду обратно, но так и не успокоились.

— Чертов погорелец! Либо ты скажешь, куда спрятал брошь, либо отведаешь палки.

Цы лихорадочно думал. Один из родственников отправил в город слугу, чтобы тот сообщил о краже властям; но оставшиеся вовсе не собирались ждать его возвращения. Двое здоровых мужчин принялись выворачивать щуплому юноше руки, однако, к их изумлению, тот даже не изменился в лице.

— Повторяю, я ничего не украл! Я даже не знаю, о чем вы говорите! — защищался он.

От удара в живот он перегнулся вдвое. У него перехватило дыхание.

— Отдавай, иначе тебе не жить.

Да, эти люди были готовы его убить. Цы подумал о Третьей и закричал от собственного бессилия. Он ничего не крал. Произошла ошибка. Юноша повторял это на все лады, но его никто не слушал. А потом к нему приблизился человек с веревкой в руках.

И Цы замолчал.

Он почувствовал, как узел затягивается на его горле. Этот человек непременно бы его задушил, но неожиданно прозвучал громогласный окрик:

— Остановись! Отпусти его!

Цы ничего не понимал. Вот оба мучителя поднимают его с земли и склоняются в невообразимо низком поклоне. Потом подошел сам

глава семейства, потрясая потерянной брошью.

— Я… Тебе даже не представить, как мне стыдно. Сын только что нашел ее на дне гроба. Наверное, отцепилась, пока несли, и… — Мужчина поклонился, мучимый угрызениями совести.

Цы ничего не ответил. Просто отряс пыльные одежды и затерялся среди изгородей.

До самой ночи Цы размышлял, сидя на палубе. Быть может, нечувствительность к физической боли увеличивала его духовные страдания, но только в случившемся юноша винил сам себя. Если бы он поменьше заботился, как прикрыть ожоги, а вместо этого аккуратно и тщательно осмотрел покойника — а стало быть, и гроб, — его, возможно, никто бы и не обвинил. К предсказателю он тоже не мог иметь претензий, Сюй оставался в стороне просто потому, что не понимал, что происходит. Как бы то ни было, Цы выучил урок: ни один осмотр нельзя проводить кое-как, сколь бы простым он ни казался; малейшая ошибка способна привести к смерти или, как минимум, к серьезным проблемам.

Цы улегся, глядя на звезды. Да, денек выдался не из лучших. Скоро подойдет Новый год, Цы исполнится двадцать один. Плохое предзнаменование для начала года.

Два дня спустя дело обернулось к худшему.

В то утро Цы вместе с Сюем начищал до блеска очередной гроб в Вечном мавзолее, когда снаружи донеслись непривычные звуки. Сперва юноша решил, что это напевает неподалеку садовник, но мало-помалу из отдаленного гомона выделился собачий лай. Когда Цы это понял, волосы у него встали дыбом. В последний раз он слышал такой лай, когда его преследовала собака рябого Гао. На кладбище собак, вообще-то, не пускали. Цы бросился к двери и выглянул в щелку. Лицо его исказилось от ужаса.

По холму поднималась собака-ищейка, а следом за ней — стражник в форменной одежде.

Цы окаменел. Это был Гао. Юноша безотчетно сжался в комок, и Сюй насторожился.

— Ты должен мне помочь! — взмолился Цы.

— Помочь? Да в чем дело? — Сюй ничего не понимал.

— Сюда идет человек. Выйди и отвлеки его, а я что-нибудь придумаю.

Сюй выглянул в щель:

— Да это же стражник! — Он выпучился на юношу. — Что ты натворил, злодей?

— Ничего! Скажи ему, что я ушел!

— Ушел? Но куда?

— Не знаю. Придумай что-нибудь!

— Ну конечно! А собаке я что скажу?

— Сюй, умоляю!

Предсказатель соизволил встать на ноги и выйти наружу, как раз когда стразу подошел к мавзолею. Сюй вздохнул с облегчением, увидев, что собака — на поводке.

— Хороший песик, — заметил он, держась на расстоянии. — Чем могу служить? — Предсказатель прикрыл дверь и склонился в почтении.

— Можешь-можешь, — прорычал страж. Собака тоже зарычала. — Это ведь тебя называют «предсказатель»?

— Мое имя Сюй.

— Ну так вот, Сюй. Несколько дней назад нам донесли о краже броши — здесь, на кладбище. Ты понял, о чем я?

— А, брошка… Ну конечно я помню! Досадное вышло недоразумение. — Предсказатель принужденно улыбнулся. — Чересчур вспыльчивой семье показалось, будто у них стащили брошку, но она просто отцепилась, и они сами быстро обнаружили ее на дне гроба. Вот так все и разрешилось.

— Да. Один из родственников сообщил то же самое.

— И в чем же тогда дело?

— А в том, что эти люди говорили о некоем юноше, твоем помощнике. О парне в маске, с обожженными руками… Эта примета совпадает с описанием беглеца, которого я разыскиваю. Высокий тощий юнец, на вид смазливый, темные волосы собраны в пучок…

— А! Так вам нужен этот сукин сын? Будь проклят тот день, когда я взял его на работу! — Сюй даже плюнул от негодования. — Он смылся вчера без всяких объяснений и не забыл прихватить мои деньги. Я и сам собирался на него заявить, когда работа кончится, и вот…

— Хватит. — Рябой мотнул головой. — И тебе, конечно, неизвестно, куда он мог двинуться…

— Ну да, неизвестно. Куда угодно. Быть может, в порт. А что он натворил?

— Деньги украл. Слушай. За него назначена награда, которая может тебя заинтересовать.

— Награда? — Лицо Сюя оживилось.

И вдруг из мавзолея раздался стук. Его услышали оба.

— Кто там, внутри? — Гао смотрел в сторону храма.

— Никто, господин. Я…

— С дороги! — рявкнул Гао.

Цы изнутри наблюдал, как предсказатель безуспешно пытается преградить дорогу Гао. Он давно убедился, что внутренность Вечного мавзолея — это темница, гигантский гроб, где негде спрятаться. Если он выпрыгнет из заднего окна, собака без труда возьмет его на открытой местности. Выхода нет. У него нет ни единого шанса.

— Но там же никого, кроме мертвецов, — донесся до него вопль Сюя.

Гао тем временем высаживал дверь, запертую изнутри.

— Как только я войду, так оно и будет, — рявкнул страж.

Дверь не желала уступать его ярости. Она была крепкая, замок надежный. Тщетно пнув ее несколько раз, Гао схватил воткнутую в землю лопату. Взяв ее наперевес, он нехорошо ухмыльнулся предсказателю. Первый удар расщепил засов, который выдержал и второй удар, а на третьем треснул. Страж собирался окончательно вышибить задвижку, когда дверь неожиданно распахнулась сама собой. Рябой отшатнулся назад, узрев фигуру в одеянии прорицателя, с воздетыми руками.

— Выходи! — приказал он. — Сними маску! Пошли! Подчиняйся! — И дернул за поводок собаку, которая тотчас зашлась в лае.

Человек в маске пытался подчиниться, но его дрожащие руки в перчатках не могли справиться с узлом.

— Не заставляй меня терять терпение. Снимай перчатки! Живо!

Человек в маске палец за пальцем сдернул перчатку с правой руки. Потом с левой. Перчатки упали на землю. Лицо рябого больше не было свирепым — на нем читалось изумление.

— Но ты… но ведь ты…

На морщинистых руках не было и следа ожогов. Гао в ярости сорвал маску с лица прорицателя и встретился с лицом напуганного старика.

— Посторонись!

Гао оттолкнул подложного прорицателя и вбежал в мавзолей, переворачивая и расшвыривая все, что встречалось на пути. Он заглянул повсюду. Пусто. Страж завыл, как раненый зверь. А потом вылетел из мавзолея и ухватил Сюя за грудки:

— Мерзкий шарлатан! А ну рассказывай, где он, не то я вобью тебе в глотку твои же собственные зубы!

В полном ужасе Сюй принялся клясться, что ничего не знает. Страж взял его за горло:

— Я буду следить день и ночь и, если этот юнец вернется помогать тебе в твоих грязных делишках, уверяю тебя, ты будешь жалеть всю оставшуюся жизнь!

— Господин! — Слова давались Сюю с трудом. Я нанял этого погорельца из жалости. Я выдумал его чудесные способности, я выдумал этот наряд, чтобы завоевать доверие простаков, я нашептывал ему на ухо нужные слова. А потом я начал подыскивать нового помощника… — Сюй ткнул в сторону старого садовника, молча дрожавшего в нескольких шагах. — Этот парень сюда не вернется. Я же говорю: он меня обокрал! А если вдруг вернется, я сам вырву ему глаза.

Гао плюнул под ноги Сюю. А потом стиснул зубы и ушел с кладбища, гоня перед собой волну отборной брани.

* * *

Когда Цы объяснил Сюю, что это он убедил садовника переодеться в наряд прорицателя, человечек расхохотался.

— Но клянусь бородой Конфуция, как ты сумел спрятаться?

Все еще дрожа от пережитого нервного напряжения, юноша рассказал, как подозвал садовника к окну и за немалую мзду убедил надеть наряд прорицателя.

— А я потом забрался в гроб, и он заколотил его гвоздями.

Сюй вновь зашелся хохотом, Цы расплатился с садовником.

Отсмеявшись, предсказатель передал напарнику свой разговор со стражем.

— Как я понял, твоя тайна раскрылась после того случая с пропажей жемчужной брошки, — сообщил предсказатель. — Вероятно, тот, кто на тебя донес, упомянул молодого человека в маске и с обожженными руками, а это описание вызвало кое у кого подозрения. — Сюй пристально вгляделся в лицо напарника. — Я так думаю, пора тебе объяснить, почему тебя разыскивают. Вообще-то… — Сюй убедился, что садовник не подслушивает, — этот тип предлагал за тебя немало денег в награду… Впрочем, меньше, чем мы зарабатываем на твоих представлениях. — И пройдоха улыбнулся.

Цы молчал. Рассказ о злоключениях, через которые он прошел с момента смерти семьи, получился бы не только чересчур запутанным, но еще и неправдоподобным. С другой стороны, что-то в этом человечке заставляло ему верить. Бывает такое: протягивают тебе стакан с мутной водой, утверждая при этом, что она чистейшая, — и, непонятно отчего, на миг тебе кажется, будто она и впрямь чиста.

— Мне, наверно, пора уходить, — на пробу сказал Цы.

— Ни в коем случае, — отрезал Сюй. — Мы просто сменим этот наряд на другой, не такой вызывающий. И будем тщательнее отбирать наших покойников. Больше того, так же, как ты припугнул тогда бандитов в монастыре, мы пригрозим нашим клиентам бесовскими карами, если только они нарушат молчание. Я ведь не жадный, — опять улыбнулся Сюй. — Сейчас нам клиентов хватит, чтобы несколько месяцев протянуть, а потом как-нибудь разберемся.

От этих речей у юноши остался неприятный осадок: желания прорицателя будто завладевали его судьбой. По словам человека-обезьянки, за несколько месяцев их совместной деятельности Сюй зашиб денег больше, чем за год сверчковых состязаний, и было ясно, что прорицатель нипочем не даст рухнуть столь выгодному делу из-за такого пустяка, как укрывательство государственного преступника.

— Мне во все это не верится, Сюй. Не хочу добавлять тебе еще и своих проблем, — промямлил Цы.

— Твои проблемы — это мои проблемы, — заверил прорицатель. — А твои заработки — это мои заработки, — зашелся он

совершенно неприличным хохотом. — Так что не напоминай мне про это… пока. Забудем ненадолго о театре мертвецов, и дело с концом.

Цы согласился без всякой радости, а вот Сюй был доволен.

Но уже несколько дней спустя, когда Третья заболела, Цы понял, что у них с прорицателем разные проблемы.

Однажды холодным утром обе жены Сюя разом пожаловались, что от девочки никакой помощи, только помеха. Третья не понимала, что ей велят, постоянно отвлекалась, путала большие креветки с малыми и слишком много ела. К тому же за ней приходилось присматривать, заботясь о ее здоровье, а оно ухудшалось с каждым днем. Женщины нажаловались Сюю, тот передал их слова напарнику.

— Нам, наверное, стоит ее продать, — предложил прорицатель.

Он объяснил, что именно так решают проблемы в малоимущих семьях, но Цы и слушать не желал.

— Тогда давай выдадим ее замуж, — предложила старшая супруга.

Предсказатель с восторгом ухватился за это предложение. По его словам, уж от такой-то идеи Цы отказываться не должен. Дело было за малым: подыскать жениха, который оценит молодость невесты и согласится о ней заботиться. В конце концов, любая девчонка — это помеха, от которой можно избавиться, лишь когда она покинет дом.

— Мы точно так же поступили и с нашими дочками, — объяснял предсказатель. — Ты ведь говорил, ей уже восемь исполнилось? — Сюй попытался схватить Третью. — Ну вот. Мы ее малость подкрасим, чтобы не выглядела такой больной. Я знаю мужчин, которым такой щеночек придется по вкусу.

Цы встал между предсказателем и своей сестренкой. Хотя сбывать девочек в жены было обычным делом и порой даже оборачивалось наилучшим будущим для самих девочек, он мечтал не о такой судьбе для Третьей. Чтобы она попала в рабство к слюнявому старикашке! Сюй настаивал на своем. Он заявил, что девочки — как саранча: только жрут и требуют все новых расходов. А вот потом, когда выходят замуж, становятся частью семьи мужа, и тогда уж его родственники обязаны заботиться о них до самой смерти.

— А про нас они забывают, — закончил мудрец. — Большое несчастье — не иметь сыновей. Эти, по крайней мере, заводят жен,

которые заботятся о нас в старости.

Как и всегда, Цы сумел отсрочить неприятный спор, передав Сюю некоторую сумму денег. Однако сбережения его с каждой неделей все таяли.

Третьей нужно было все больше лекарств. Сюй приобретал их вовремя, а Цы оплачивал, готовил для сестренки и с каждым днем печально наблюдал, как она слабеет. Третья медленно таяла, и Цы не знал, как ей помочь. Сердце юноши разрывалось, когда он уходил на рынок, а сестра оставалась лежать почти без сил, пытаясь чистить покрасневшими ручонками рыбу, которую ей приносили, прощалась с братом тоненьким голоском и жалкой полуулыбкой.

— Я принесу тебе леденец, — говорил брат и, пряча тоску, глотал горечь и уходил, молясь, чтобы Третья поправилась.

Все немногие деньги, которые Цы удавалось накопить, утекали из его рук, словно вода из хлопковой кошелки.

На кладбище Сюй порешил сделаться из обыкновенного могильщика чудесным некромантом, отобрав место у Цы, однако несколько раз попал пальцем в небо и распугал даже тех немногих, кто успел к нему обратиться. Доходы рухнули. По крайней мере, именно так ответил Сюй, когда Цы попросил об авансе.

— Ты что, думаешь, мне денежки просто так достаются? Времени прошло уже достаточно. Если тебе нужны деньги, ты должен снова начать их зарабатывать. — И он указал на магическое облачение, небрежно брошенное на полуоткрытый гроб.

Цы стряхнул с рук пыль, оставшуюся после рытья ям, и посмотрел на наряд, от которого зависело его будущее. Глубоко вздохнул и сжал губы. Он боялся возвращения рябого стража — но, если он хочет спасти сестру, придется рисковать.

Шанс вновь облачиться в наряд некроманта представился ему тем же вечером, когда целая процессия учащихся во главе со своим преподавателем ровным шагом поднималась к мавзолею. Как успел рассказать Сюй, иногда на кладбище приходят студенты прославленной Академии Мина, и за немалую плату, получаемую директором Полей Смерти, им дозволяют изучать безымянные тела, на которые в урочный срок никто из родственников не заявил прав.

В тот день, по счастью, ожидали погребения целых три тела, и Сюй радовался так, будто его неожиданно пригласили на праздник.

— Готовься им во всем угождать, — прошептал он, подавая облачение. — Эти юнцы швыряют деньги направо и налево, если умеешь к ним подольститься.

Цы молча кивнул.

Когда юноша разделся, по спине его пробежал холодок. За те месяцы, что он работал могильщиком, тело его сделалось упругим, превратилось в жилистый жгут, который напрягался по первому требованию, но мускулы были скрыты под ожогами, которые усеивали грудь Цы. Юноша подхватил магическое облачение и преобразился. Он думал о Третьей. Цы постарался сосредоточиться и выслушал инструкции Сюя. Когда предсказатель подаст сигнал, он будет готов.

Цы из-за угла наблюдал, как преподаватель, лысый человечек в красном одеянии, чей облик показался ему смутно знакомым, расставлял своих студентов вокруг первого трупа. На столе лежала девочка нескольких месяцев от роду, найденная нынешним утром в одном из каналов Линьаня. Преподаватель указал студентам, в какой очередности им следует высказывать свои догадки о причинах смерти.

— Девочка, без сомнения, захлебнулась, — начал первый. — Живот у нее раздулся, никаких иных повреждений не наблюдается. — Студент огляделся с горделивым видом.

Преподаватель кивнул и сделал знак следующему.

— Типичный случай утопления ребенка. Родители сбросили девочку в канал, чтобы не кормить, — добавил второй.

— Быть может, у них не было такой возможности, — уточнил преподаватель. — Есть иные мнения?

Студент с седою шевелюрой, ростом выше всех остальных, рассеянно зевнул. Преподаватель покосился на нарушителя дисциплины, но ничего не сказал. Прикрыл мертвое тело и попросил Сюя принести второе; могильщик воспользовался этим моментом, чтобы представить собравшимся Цы — главного кладбищенского прорицателя. Поглядев на наряд, студенты отнеслись к некроманту с презрением.

— Мы чародейством не занимаемся, — отрезал преподаватель. — И в предсказателей не верим.

Цы сконфуженно промолчал и вернулся к Сюю; тот велел ему слушать внимательно. Занятие продолжалось. Перед студентами

появился белесый труп старика, которого нашли мертвым за палатками одного из рынков.

— Мы имеем дело со смертью от голода, — заявил четвертый студент, осматривая истощенное тело. — У покойника опухли щиколотки и кисти рук. Возраст — около семидесяти лет. Итак, естественная смерть.

Преподаватель, ко всеобщей радости, одобрил и это заключение. Цы отметил, что седовласый студент кивает иронически, будто его товарищи объявляют, что дождь идет сверху вниз. Учитель задал еще несколько вопросов тем студентам, которые еще не высказывались, и те споро на них ответили. Затем они дали Сюю знак вносить последнее тело. Цы помог напарнику подтащить гроб — здоровенный сосновый ящик. Когда они подняли крышку и выложили тело на стол, ближайшие из студентов в ужасе попятились. Только тогда седой студент протиснулся вперед, чтобы рассмотреть труп. И по его скучающему лицу наконец разлилось удовлетворение.

— Кажется, ты наконец-то получил случай проявить свой талант, — сказал ему учитель.

Студент, смолчав, с улыбкой поклонился профессору. Затем, получив его дозволение, медленно подошел к трупу — так, будто приближался к сокровищнице. Глаза его заблестели от алчности, зрачки дико таращились при виде тела, нашинкованного ударами ножа. Седовласый приготовил листок бумаги, чернильный камень и кисточку. Цы смотрел во все глаза.

В противоположность своим товарищам, студент-перестарок, видимо, пользовался методом, сходным с методом досточтимого учителя Фэна.

Первым делом седой исследовал одежду мертвеца: заглянул в рукава, за подкладку рубашки, в штаны и в туфли. Потом, раздев покойника и полностью осмотрев тело, студент потребовал у Цы плошку с водой. Вооружившись плошкой, он сразу же тщательно обтер кровоточащую плоть — пока не вычистил ее дочиста, точно ломоть свинины. Затем студент исчислил протяженность тела; тут он впервые заговорил, чтобы сообщить: покойный на две головы превышал рост обычного человека.

По голосу седого было слышно, что он получает удовольствие от собственной речи.

Студент осмотрел запекшуюся рану на липе покойника: странный шрам шел через весь лоб, так что виднелись даже кости черепа. Вместо того чтобы промыть рану, седовласый извлек из нее кусочек земли и объявил, что тот свидетельствует о падении покойного на брусчатку с острыми краями. Студент что-то черкнул на бумаге, а затем описал глаза покойного: полуоткрыты, без блеска, как у сушеной рыбы; он особо остановился на выступающих скулах, тонких неровных усиках и внушительных размеров челюстях. Потом настал черед диковинного разреза, шедшего от кадыка до правого уха. Седовласый осмотрел края раны и измерил палочкой ее глубину. Узнав требуемое, он улыбнулся и вновь что-то записал.

Потом седой занялся торсом покойного — горой мускулов, изрезанной острым оружием. Студент насчитал одиннадцать разрезов, в основном сосредоточенных на спине. Он ощупал пальцами все одиннадцать и снова сделал какую-то запись. Затем понюхал пах мертвеца — его «нефритовый стержень» был маленький и сморщенный. В конце осмотра седой обследовал его бедра, тоже мощные, и лодыжки — крепкие и безволосые. Юноша с лицом старика бросил на тело последний взгляд и с довольным видом отступил назад.

— Ну и что? — спросил учитель.

На лице студента нарисовалась неприличная ухмылка. Прежде чем ответить, он взял длинную паузу, на протяжении которой вглядывался в лица всех и каждого с гримаской нехорошего удовольствия. Вне всякого сомнения, он наслаждался моментом. Цы нахмурился и молча ждал, что будет дальше.

— Очевидно, что перед нами исключительный случай, — заговорил седовласый. — Молодой человек, чрезвычайно сильный и выносливый, чье тело истыкано ножом, а горло перерезано. Убийство, потрясающее нас своею жестокостью и наводящее на мысль о яростной схватке.

Теперь уже Цы не смог удержаться от зевка. Сюй сделал юноше предостерегающий знак.

Учитель предложил странному юноше обрисовать финальную картину, и тот принялся выполнять задание учителя.

— На первый взгляд мы могли бы заключить, что этот человек был убит большим числом противников, что вполне очевидно, учитывая силы покойного. Несомненно, потребовались усилия

нескольких человек, от которых он, несомненно, получил раны, но все-таки продолжал сражение и не остановился, пока один из противников не нанес ему смертельный разрез на горле. А следствием этого разреза было падение и удар, оставивший на его лбу прямоугольную отметину, которая так всех нас впечатлила. — Седой снова взял преувеличенно долгую паузу, наслаждаясь всеобщим ожиданием. — Мотив убийства? Быть может, нам следует выстроить сразу несколько гипотез. От тривиального выяснения отношений в харчевне, не оставляя в стороне и неоплаченный долг, и затаенную ненависть, — до жаркого спора из-за какого-нибудь прекрасного «цветочка». Все эти предположения вполне логичны, но я бы счел наиболее возможным обычное ограбление — об этом говорит то, что при покойнике не было обнаружено никаких ценных вещей, — седовласый сверился со своими записями, — даже и браслетов, которые он, по всей вероятности, носил на запястье. — Он указал на полоску незагорелой кожи там, где прежде должно было находиться украшение. — Итак, судье следовало бы незамедлительно организовать облаву в окрестностях того места, где покойный был обнаружен. Я бы, конечно, предложил начать с близлежащих харчевен и обращать особенное внимание на раненых пьяниц, которые тратят больше обычного. — С этими словами седовласый сложил листок с записями, прикрыл мертвое тело и победоносно огляделся в ожидании аплодисментов.

Цы вспомнил совет напарника о похвалах и чаевых и подошел, чтобы поздравить странного студента, но тот отшатнулся от некроманта, как от зачумленного.

— Глупый хвастун, — шепнул Цы.

— Да как ты смеешь? — Студент ухватил его за рукав.

Цы рывком высвободился и напряг мускулы, изучая соперника взглядом. У него уже был готов ответ, но тут между спорщиками встрял преподаватель.

— Так, значит, чудодей полагает нас хвастунами? — Профессор смотрел на юношу пытливо, будто лицо его показалось ученому смутно знакомым. Он даже спросил, не виделись ли они раньше.

— Не думаю, господин. Я в столице недавно, — солгал Цы. И все-таки, едва эти слова сорвались с его губ, он тотчас узнал профессора Мина, которому он пытался продать отцовское Уложение о наказаниях.

— Ты уверен? Ну да ладно, все равно. — Старец с удивлением покачал головой. — Как бы то ни было, полагаю, что ты должен извиниться перед Серой Хитростью. — И он указал на седовласого студента, который нервно следил за ними через плечо.

— Быть может, извиняться следует ему, — громко произнес Цы.

Студенты зашептались, на все лады осуждая наглость простого могильщика.

— Мой господин, прошу вас его извинить, — торопливо вмешался Сюй. — В последнее время он сам не знает, что говорит.

Однако Цы и не думал извиняться. Если ему не суждено получить чаевых, он, по крайней мере, сотрет улыбку с лица этого напыщенного и нерадивого ученика. Он обернулся к Сюю и потребовал, чтобы напарник на него поставил. Сюй ничего не понимал.

— Все, что у тебя есть. Это ведь ты умеешь, верно?

18

Поначалу академик держался в стороне, но в итоге внял уговорам наиболее разгорячившихся студентов, которым не терпелось увидеть, как после состязания могильщик сам превратится в кучу мертвечины. Сюй умело принял все ставки, не забывая при этом хвататься руками за голову, приговаривать: «Какой ужас» — и тем самым увеличивать свою выгоду.

— Если ты оплошаешь, я продам твою сестру по цене свиньи, — пригрозил прорицатель.

Юноша и бровью не повел. Он попросил студентов расступиться и положил рядом с мертвым телом свою сумку, извлек металлический молоток, два бамбуковых пинцета, скальпель, маленький серпик и деревянную лопатку. Студенты обменялись пренебрежительными улыбками, а вот профессор в удивлении вскинул брови. К этому набору юноша добавил большой таз и несколько плошек с водой и уксусом, чернильный камень, лист бумаги и тонкую, уже влажную кисточку. Перед началом работы Цы сорвал с себя маску некроманта и зашвырнул в дальний угол мавзолея. Седой едва успел отпрянуть, не то маска угодила бы в него.

Цы развернул саван на мертвеце. Он с любопытством следил за действиями студента по имени Серая Хитрость, и если у него и возникли какие-то сомнения, теперь было самое время их подтвердить или развеять. Юноша вздохнул и подумал о Третьей. Ошибиться он не мог — просто потому, что, быть может, другой попытки показать себя ему уже не представится.

Сначала Цы занялся затылком покойника. Юноша осмотрел бледную дряблую кожу, но не обнаружил ничего необычного. Затем приступил к осмотру головы, поднимаясь пальцами все выше и выше по заросшей волосами коже — по направлению к макушке. С помощью лопатки он проверил оба уха — как снаружи, так и изнутри. Потом спустился к шее, крепкой как у быка, а вслед за этим к широченным плечам. Цы осмотрел подмышки, локти и предплечья, но и там ничто не привлекло его особого внимания. И все-таки юноша задержался на правой руке, еще точнее — на основании большого пальца покойника.

«Здесь круговая мозоль…»

И он сделал пометку в своих бумагах.

Пальцы юноши заскользили по спине мертвеца, привычно отмечая позвонки и мускулы; вот они остановились на ягодицах. Цы не обнаружил никаких переломов или затвердений. Ничего, что указывало бы на насильственную смерть. Осмотрев сходным образом и ноги, могильщик снова перевернул труп. Вот он протер лицо, шею и туловище, используя смесь воды и уксуса, и занялся ножевыми ранами. По меньшей мере три смертельных. Цы изучил их размеры и форму.

«Как я и думал…»

Теперь он снова поднялся к горлу. Рана была жуткая. Она начиналась с левой стороны шеи, пересекала кадык и достигала почти до правого уха. Цы сопоставил глубину разреза, его направление и неровность краев. И покачал головой.

Цы решил заняться необычной раной на лбу в последнюю очередь и сосредоточился на лице покойника. Сначала он исследовал ноздри. Затем пошарил пинцетами во рту и извлек оттуда какую-то белесую массу, которую тут же поднес к своему носу. С отвращением принюхался и переложил субстанцию в одну из заготовленных плошек. И снова что-то записал.

— Время уходит, — заметил профессор.

Цы как будто и не слышал его слов. В его голове бурлило месиво добытых сведений, но связной картины пока не выстраивалось. Сейчас юношу занимали щеки мертвеца: он протирал их уксусом до тех пор, пока не обнажились мелкие царапинки. Затем Цы осмотрел глаза покойника и наконец добрался до лба — места, где мертвецу, по-видимому, раскроили кожу прямоугольным тупым предметом.

С помощью скальпеля Цы извлек остатки земли, все еще державшиеся на краях раны. К изумлению юноши, он обнаружил, что прямоугольное углубление не является следствием удара, а скорее соответствует грубому разрезу, произведенному каким-то острым предметом, — понять это сразу мешали именно комки земли.

Цы отложил свои инструменты и смазал кисточку о чернильный камень. Наконец-то он кое-что осознал.

Он снова вернулся к рукам мертвеца и обнаружил на них новые царапины. Потом еще раз осмотрел макушку, осторожно раздвигая

волосы. Как только подозрения Цы подтвердились, он прикрыл тело саваном. Оборачиваясь к профессору, он уже знал, что победил.

— Ну что же, кудесник? Можешь прибавить что-нибудь новенькое? — насмешливо спросил Серая Хитрость.

— Не очень много. — Цы склонился, перечитывая свои записи.

Студенты расхохотались и потребовали с Сюя расплаты по ставкам. Предсказатель просил сначала выслушать отчет юного могильщика, однако Цы все так же сосредоточенно изучал свои записи.

Сюй проклинал своего напарника.

Он уже приготовился раздавать деньги, но Цы его остановил, заявив, что это студентам придется выплатить все до последней монеты. Насмешливые улыбки на лицах учеников сменились крайним изумлением.

— О чем это ты? — выступил вперед седовласый. — Если ты вознамерился над нами издеваться…

Цы даже не взглянул в сторону соперника. Он смотрел туда, где стоял академик, и ожидал разрешения продолжать. Профессор молча и пристально разглядывал молодого могильщика, уже заподозрив, что перед ним действительно исключительный специалист. И разумеется, не какой-то там кудесник.

— Говори, — разрешил он.

Цы повиновался. Он хорошо подготовил свою речь.

— В первую очередь мой долг объявить вам, что все, что вы сейчас услышите, целиком и полностью является выполнением велений Неба. Эти же веления заставляют меня предъявить всем вам требования, которым вы должны быть послушны. Я призываю вас хранить в тайне все, что я вам открою, и все, что касается человека, который произнесет эти откровения, — то есть вашего жалкого раба. — Цы склонился в ожидании согласия.

— Продолжай. Твоя тайна будет сохранена, — произнес учитель без особой уверенности.

— Ваш ученик, Серая Хитрость, произвел осмотр неумело и поверхностно. Ослепленный своим тщеславием, он зацепился лишь за самые очевидные вещи, оставив без внимания детали, в которых и скрывается правда. Подобно тому как дорога в тысячу ли начинается с

одного шага, осмотр мертвого тела требует скромной медлительности и скрупулезного смирения.

— Каковым смирением ты, похоже, не обладаешь, — заметил Мин.

Цы даже язык прикусил. Потом склонился в глубоком поклоне и продолжил:

— Убитого звали Фу Лун. Обвиненный в серьезных преступлениях, он был приговорен к солдатской службе в гарнизоне Сянъян, что на границе, у реки Ханьшуй, — из этого гарнизона он недавно дезертировал. Он явился в Линьань с намерением начать новую жизнь, но жестокий характер этого человека не дал ему такой возможности. Как бывало уже не раз, вчера вечером он затеял ссору со своей женой и принялся ее немилосердно избивать. Женщина больше терпеть не могла. Она дождалась момента, когда ее муж преспокойно ужинал, напала со спины и разрезала ему горло. Что касается этой несчастной, вы найдете ее в доме, недалеко от строений, где был обнаружен труп, Вам достаточно просто справиться в лавке чжурчжэней, которая расположена у северной пристани. Там вам покажут, где она живет, если эта женщина, конечно, не покончила с собой.

Никто не отвечал. Даже Сюй не сумел выговорить ни слова, когда Цы дал ему знак собрать свой выигрыш. Но вот наконец Серая Хитрость сделал шаг вперед — и неожиданно наградил Цы оплеухой.

— Какого… — И Цы осекся.

— До сей поры мне казалось, что я слышал болтовню уже всех возможных шарлатанов, побродяжек и жуликов, — перебил его седой, — однако твое бесстыдство превосходит все границы. Исчезни отсюда, пока мы всерьез не рассердились!

Вместо ответа Цы выдал наглецу ответную пощечину.

— А теперь ты меня послушай. Я не виноват в твоей неумелости и никчемности. Ты ведь даже тело обтер, но не смог поискать хоть какие-то улики.

Серая Хитрость собрался что-то ответить, однако Мин его остановил.

— Но, учитель… Разве вам не понятно, что он всего-навсего пытается нас одурачить?

— Спокойствие, Серая Хитрость. В словах этого юноши звучит столько убежденности, что, быть может, в них кроется какая-нибудь правда. Однако, как я уже не раз вам говорил, уверенность, хотя и способна помочь в нашей работе, порой превращается в источник фанатизма и нетерпимости. Самой по себе убежденности недостаточно, чтобы вынести человеку приговор. Именно поэтому никакой суд не примет ее в качестве доказательства, так что оставьте свои деньги при себе — они пока еще в безопасности. — Профессор обернулся к Цы. — Деньги останутся у вас на поясах, пока этот наглец не аргументирует свои утверждения. В противном случае нам придется заключить, что все это лишь плоды его фантазии. Или хуже того — его присутствия на месте преступления.

Цы тяжело вздохнул. На этот раз перед ним была не группа доверчивых родственников: то была элита Академии Мина — места, где проходили подготовку лучшие государственные следователи, а возглавлял их величайший учитель, мастер Мин. Если Цы откажется дать объяснения, его будут считать балаганным шутом, зато если он сможет убедить этих людей, они, несомненно, признают, что он обладает серьезными познаниями в медицине. А это может оказаться опасно.

Цы попробовал избежать объяснений, заверяя, что, если им нужны доказательства, группе стоит лишь отправиться на место преступления и проверить достоверность всех его утверждений, однако он вовсе не убедил учителя — добился только того, что тот пригрозил донести на могильщика властям.

Юноша сжал кулаки. Он сознавал, что рискует, но пришел момент заставить умолкнуть этих богатеньких выскочек.

— Хорошо. Начнем тогда с причины смерти, — произнес он наконец. — Этот человек не погиб ни в какой схватке. Умер он от единственной раны — пореза на шее, который полностью пересекает горло и все кровеносные сосуды на правой стороне. Начало пореза и направление указывают, что он был произведен сзади и шел снизу вверх. Его могли бы нанести и когда он стоял, однако не будем забывать, что на столе у нас мужчина великанского роста, мужчина, который на две головы выше всякого другого. Нам пришлось бы предположить, что убийца еще выше, а это, в принципе, немыслимо. Ясно, по крайней мере, что наш покойник сидел, лежал или нагнулся.

Что касается прочих ран — тех, что на торсе, — обследование показывает: все они были нанесены одним и тем же орудием, с одного угла и с одной силой; я хочу сказать: все они были нанесены одним и тем же человеком. И как ни странно, три из них — те, что затронули сердце, печень и левое легкое, — являются смертельными: выходит, все остальные удары были не нужны, включая и тот, что пришелся на горло. — Цы подошел к телу и раскрыл его, чтобы показать, что он имеет в виду. — Таким образом, ничто не связывает это тело с какой-то там придуманной бандой нападавших на него.

— Все это выдумки, — произнес Серая Хитрость.

— Ты уверен?

Не проронив больше ни слова, Цы схватил свою лопатку на манер кинжала и бросился на седовласого с явным намерением его покалечить. Заметив это движение, студент отпрыгнул назад и защищался, как мог, от выпадов деревянного оружия. Цы зажал студента в угол, но, как ни старался, не мог поразить его в грудь.

И так же неожиданно, как бросился в атаку, Цы остановился.

Серая Хитрость по-прежнему стоял в углу, с вылезшими из орбит глазами. К его удивлению, никто не пришел к нему на помощь. Даже учитель Мин, бесстрастно наблюдавший за этой сценой, ни в чем не упрекнул Цы.

— Учитель! — обратился к нему Серая Хитрость.

Вместо ответа Мин снова предоставил слово Цы.

И тот был только рад.

— Как видишь, — обратился он к седовласому, — как я ни старался, я не смог пробить твою защиту. Теперь давайте вообразим такую ситуацию: если бы вместо деревянной лопатки я сжимал в руках кинжал, на руках твоих появились бы отметины. И даже если бы я добрался до твоей груди, угол и глубина ран были бы разными.

Серая Хитрость ничего не ответил.

— Но это не объясняет твоего предположения, что убийца — женщина, да еще — жена; и уж подавно того, что убитый был в прошлом приговорен, что он дезертировал из гарнизона Сянъян. Не объясняет, разумеется, и прочих измышлений, которые ты осмелился произнести, — обвинил юношу академик Мин.

Вместо незамедлительного ответа Цы вернулся к мертвому телу. Он приподнял ему голову и указал на рану, убедившись, что она видна

всем.

— И это — следствие падения? Очередная ошибка. Серая Хитрость обтер тело там, где не следовало, и, напротив, не почистил там, где это было необходимо. В противном случае он обнаружил бы, что кожа, которую он определил как «испачканную», на самом деле была вырезана из черепа тем самым ножом, с помощью которого покойнику перерезали глотку: всмотритесь в края раны. — Цы пробежался по ним упрятанными в перчатки пальцами. — Ее края, прежде засыпанные землей, покажутся вам острыми и резко очерченными, они образуют прямоугольник, а такой вырез может иметь одно-единственное объяснение.

— Сатанистский ритуал, — выскочил вперед Сюй.

«Пожалуйста, Сюй. Сейчас я не нуждаюсь в твоей помощи».

— Нет, — продолжал Цы. — Разрез на коже служил цели скрыть кое-что, что, будь оно видно, помогло бы опознать тело. Некий знак, который, без сомнения, способен выявить опасного преступника, даже если тот уже мертв. Знак, который безошибочно свидетельствовал бы, что покойный являлся опасным преступником, приговоренным к тяжкому наказанию. И если мы признаем тот факт, что некий знак неоспоримо связывал покойника с преступлением, — Цы сделал паузу и посмотрел на преподавателя, — то участок, снятый с его черепа, был не просто кусочком кожи. Наоборот, срезанный фрагмент являлся татуировкой, которой метят приговоренных за убийство. Вот почему убийца и постаралась избавиться от следов. Однако, по счастью, она забыла — или, быть может, не знала, — что обвиненным в убийстве не только татуируют знак на лбу, но их имена также пишут и на макушке, здесь, прямо под волосами.

Лица студентов постепенно начали менять выражение — от презрения к замешательству. Академик задал вопрос:

— А что насчет его дезертирства из Сянъяна?

— Известно, что наше Уложение о наказаниях предусматривает либо казнь, либо ссылку, либо принудительную службу в войсках в качестве возможных кар за преступления, связанные с убийством. А поскольку нам известно, что нашего клиента до вчерашнего дня видели в городе, остается только ссылка и принудительная служба. — Цы переместился к тому месту, где лежала правая рука покойника. — И все-таки круговая морщинка у основания большого пальца на

правой руке мертвеца наглядно свидетельствует, что этот человек до недавнего времени носил бронзовое кольцо, которым пережимается соответствующее сухожилие.

— Дай-ка посмотреть, — отстранил его Мин.

— А нам известно, что сейчас, из-за постоянной угрозы со стороны Цзинь, все наши войска сосредоточены в Сянъяне.

— Вот поэтому ты и обвиняешь его в дезертирстве.

— Именно. При нынешней постоянной боеготовности никто не может покидать гарнизон, однако этот человек так и сделал — чтобы вернуться в Линьань. И совсем недавно, судя по его загорелому лбу.

— Я все же не понимаю, — удивился академик.

— Ну посмотрите на эту бледную горизонтальную отметину. — Цы указал на лоб мертвеца. — И вы заметите мельчайшую разницу между ней и оттенком его кожи меж бровей.

Преподаватель убедился, что так оно и есть, но все равно не понял.

— Это обычная отметина от платка. На рисовых полях таких работников обзывают «двуцветными». Однако здесь разница между загорелой и незагорелой кожей много слабее, чем у тех, для кого работа в поле — обычный образ жизни, а это означает, что убитый начал носить платок — под которым после дезертирства прятал татуировку — совсем недавно.

Учитель вернулся на свое место. Цы заметил, как он нахмурился, прежде чем задать следующий вопрос.

— И где мы теперь можем найти его супругу? Где нам спрашивать на рынке?

— С этим мне просто повезло. — Поспешность подвела юношу, но он все равно продолжил: — Во рту покойника я обнаружил остатки белой пищи в таком количестве, что, как мне представляется, он был убит во время еды.

— И все равно я не понимаю…

— Насчет рынка? Смотрите. — Цы подхватил плошку, куда выложил остатки еды. — Это сыр.

— Сыр?

— Удивительно, не правда ли? Блюдо, столь несвойственное для южных краев и для нашего вкуса, но обычное у северян. Насколько мне известно, его поставляют в лавку экзотических товаров, а ею уже

много лет заправляет старый Пань Ю, и он, несомненно, знает на память всех клиентов, покупающих столь непотребное кушанье.

— Убитый, должно быть, привык к сыру на армейской службе…

— То же предполагаю и я. Там едят все, что под руку подвернется.

— Но это не объясняет, почему убийца — жена.

Цы сверился с записями. Потом кивнул и поднял руку мертвеца.

— Я обнаружил еще и это. — Он указал на несколько неотчетливых отметин.

— Царапины?

— И на плечах тоже. На обоих. Они проступили, когда я воспользовался уксусом.

— Я вижу. И это подводит тебя к предположению…

— Что в тот день его жена была жестоко избита. Женщина больше не могла это терпеть и, пока муж ужинал, воспользовалась моментом, чтобы перерезать ему глотку. Потом, в приступе ярости и бессилия, она уселась на него верхом и продолжала резать, когда злодей был уже мертв. В конце концов она успокоилась и сняла с покойника все, что могло бы указать на личность и тем самым — на нее: кольцо, ценные предметы…

— И татуировку на лбу.

— Затем она, как сумела, выволокла его из дома и оставила там, где тело и было найдено. Судя по комплекции убитого, женщина не могла оттащить его достаточно далеко.

— Это воистину фантастично, — объявил учитель.

— Спасибо, — поклонился Цы.

— Не так поспешно, юноша. Это была не похвала. — Дружелюбие исчезло с лица Мина. — Я говорю «фантастично», чтобы как-то обозначить безбрежную фантазию, звучащую в каждом твоем утверждении. А как еще иначе назвать то, что ты осмеливаешься без зазрения совести утверждать, что убийцей этого человека была его жена, а не, например, сестра? А если тебе не хватает кожи на лбу, почему на ней непременно было татуировано имя убийцы?

— Но я…

— Молчи, — прервал его академик. — Ты сообразительный. Или лучше сказать — шустрый. Однако не настолько, как тебе представляется.

— Ну а как же заклад? — вставил слово Сюй.

— Ах да, заклад. — Мин вытащил кошель с монетами и протянул его прорицателю. — Считайте, что все долги уплачены.

Учитель прищурился и сделал своим подопечным знак покинуть мавзолей. Сам он двинулся было за ними следом, но на пороге подозвал Цы.

— Господин! — склонился Цы.

Учитель попросил сопровождать его. Как только они оказались снаружи, он отвел молодого могильщика к одному из рвов. Цы чувствовал недоброе, пульс его участился, и кровь застучала в висках.

— Скажи-ка мне, юноша, сколько тебе лет?

— Двадцать один.

— И где же ты учился?

— Учеба? Не понимаю, о чем это вы? — ответил Цы.

— Не надо, юноша. Зрение мое слабеет, однако даже слепец может разглядеть источник твоих познаний.

Цы закусил губу. Учитель попытался настаивать, но Цы оставался неколебим.

— Что ж, как знаешь… Однако воистину прискорбно, что ты не хочешь открыться, — ведь, несмотря на твою самоуверенность, не могу не признать, что ты меня впечатлил.

— Прискорбно, господин?

— Именно. Так вышло, что на прошлой неделе один из наших студентов захворал. Ему пришлось вернуться в родные края. В академии появилось вакантное место, и, хотя у нас более чем достаточно ожидающих кандидатов, мы всегда ищем молодых людей с явным талантом. Мне показалось, что тебя, возможно, заинтересует возможность занять освободившееся место… — Мин помолчал. — Но теперь я вижу, что не заинтересует.

Цы не мог поверить своим ушам. Академия Мина была мечтой для любого, кто хотел сделать карьеру на поприще служения закону, кто жаждал, избежав труднейших императорских экзаменов, пополнить элиту. Получить место в академии — об этом он не смел и мечтать. То был бы первый шаг к восстановлению доброго имени — и его собственного, и всей семьи.

И вот нежданно-негаданно такая возможность сама падала ему в руки, точно спелое яблоко.

Он горько улыбнулся. Хоть надорвись, эта возможность оставалась для него не более чем печальным сном. Даже если Мин предложит ему место, у него не хватит средств на учение. Такое предложение было вроде меда, которым обмазывают горькую пилюлю для заболевшего малыша — глотай, ведь это мед!

Но когда академик объявил, что позволит Цы проживать в академии наравне с прочими студентами и что он сможет покрыть расходы на жилье и питание, работая по вечерам в библиотеке, юноша не пожелал просыпаться. Ведь это значило, что он сможет заниматься денно и нощно, осваивать неизвестные ему методы, на практике проверять последние открытия, экспериментировать с недавно открытыми лекарствами. Сказанное означало борьбу ради поставленной цели. Означало, что жизнь наконец озарится светом.

Цы не знал, что сказать, однако глаза его ярко блестели, выдавая то, что творилось в душе. И старый учитель все понял.

Поэтому, когда Цы все же ответил отказом, лицо Мина вытянулось от изумления.

19

Возвращаясь к работе, Цы проклинал свою судьбу, этот никчемный жребий, будто на подносе подносивший ему все, чего он только пожелает, — чтобы тут же отобрать назад.

То, что ему предложил Мин, было грандиознее самых сладких и самых тщеславных грез. Подарок, от какого не отказываются, за какой не расплатиться всем нефритом мира. Мин предложил нищему бродяге сокровище — взамен на совсем немногое. Однако, к несчастью, это «немногое» как раз и было тем, чего он не мог лишиться. Цы не мог оставить без присмотра Третью.

В академии ему не пришлось бы тратиться ни на что. Ни на книги, ни на еду и крышу над головой, ни на обзаведение вещами — знай только учись упорно и аккуратно работай в библиотеке. Но в академии Цы не имел бы и никаких доходов. Любая попытка прирабатывать означала бы потерю доброго имени. Юноша спросил Мина насчет возможности продолжать работу на кладбище, но учитель был непреклонен. Он не позволил даже заикнуться о неполных учебных днях. Хочешь в академию — посвяти себя занятиям полностью. А без свободных денег не на что будет покупать лекарство для Третьей. И еду для нее. И оплачивать ее проживание — тоже станет нечем.

Цы в остервенении рыл и рыл землю и не мог остановиться, даже когда его ладони и рукоять его мотыги стали влажными от сочащейся из ссадин крови. Лишь когда темный полог сумерек упал на кладбище, Цы вспомнил о ждущей его на баркасе сестренке — и остановился. Как мог, привел себя в порядок и отправился домой.

В эту ночь он заснуть не смог. Третья потела и кашляла без передышки. Цы корчился на вонючей подстилке, нескончаемо спрашивая себя, что еще он может сделать. Перед сном он дал ей последнюю порцию снадобья. Больше не было ни лекарства, ни денег. Сюй отказался поделиться с ним содержимым кошеля, который отдал им академик, утверждая, что пари Цы вовсе не выиграл, оказавшись с недоучками на равных, а деньгами к тому же рисковал именно он, Сюй.

Цы его ненавидел. Когда на рассвете Сюй напомнил ему, что пора собираться на кладбище, Цы будто не слышал его слов. И хотя стояло

лето, он поплотней закутал сестренку и с вызовом предупредил предсказателя:

— Даже не думайте о том, чтобы заставлять ее работать.

Потом он подхватил свою суму и ушел с баркаса.

* * *

Бродя по порту в толпе таких же, как и он, голодающих, в поисках хоть чего-то, что можно закинуть в рот, Цы гадал, а не вернулся ли уже в Линьань судья Фэн.

У Цы больше не оставалось ни денег, ни времени в запасе. Он не мог ни подыскать себе новую работу, ни рассчитывать, что Сюй над ним сжалится. И хотя предстать перед судьей бездомным нищим беглецом было бы нестерпимо стыдно, Фэн был последней его надеждой.

Углубившись в богатый район на юге города и миновав первые дворцы, Цы увидел жилище судьи Фэна, старинное здание в один этаж, с маленьким садиком перед домом и еще с одним — сзади. Цы задрожал от нахлынувших чувств, вспомнив, что среди этих яблонь прошли лучшие дни его жизни. Однако теперь увиденное его поразило. Там, где раньше располагался ухоженный сад, дорожки скрылись под зарослями сорняков. Цы обошел пруд, полный камней, и поднялся по ступенькам, кряхтящим, как едва живой старик. Везде царило запустение. Опасаясь худшего, Цы постучал в дверь. Ее когда-то выкрасили в блестящий красный цвет, однако теперь краска потрескалась, выцвела на солнце и отваливалась струпьями, точно кожура высохшей луковицы. Фонарь заскрипел над его головой. Подняв голову, Цы увидел, что от него остался только железный скелет, болтавшийся на ветру, точно висельник. На стук никто не ответил. Он вновь постучал, и вновь без ответа. Тогда он заглянул в окна, и ему показалось, что он заметил сморщенную безволосую голову, похожую на старый каштан. Это длилось лишь мгновение — мимолетное видение сквозь щелку в старой бумаге, прикрывавшей окно. Цы показалось, это женщина. Он, конечно, позвал, но призрак затерялся где-то во внутренних комнатах.

Цы потянул за дверной молоток, и дверь подалась. От острого запаха плесени и сырости пробрала дрожь. Цы вошел внутрь и через прихожую двинулся во внутренние покои Фэна, с изумлением обнаруживая совершенно пустые комнаты. Изысканная мебель исчезла, на ее месте колыхалась паутина и слоями лежала пыль. Только застарелые отметины холщовой обивки стен свидетельствовали, что когда-то в этом доме была жизнь.

Внезапный стук за спиной заставил его вздрогнуть. Цы только и успел уловить сгорбленный силуэт, прошмыгнувший в соседнюю комнату. Сердце его бешено застучало. Юноша нашарил на полу бамбуковую палку, чтобы иметь хоть какую-то защиту, и отважно пошел вперед, в следующую комнату.

Он почти не видел, куда идет. Закрытые ставни лишали дом света, Цы шагал наугад. На мгновение он остановился и подождал, напрягая слух. Кто-то дышал совсем рядом. Цы резко сдвинулся в сторону, готовый дать отпор; вынырнувший из сумерек бродячий ком тряпья то ли споткнулся, то ли потерял равновесие и рухнул. Цы попытался его поднять, но щуплое тельце едва не вывернулось из рук; все оно было мягкое, рыхлое и шершавое, точно рыбья чешуя.

Нечисть завопила так, что напугала Цы, — тот предпочел за лучшее оттащить ее к выходу, уразумев, что весу в нападавшем не больше овцы. Туманный утренний полусвет осветил мешок с костями, который Цы пытался удержать. К полному изумлению Цы, в руках у него висела нечесаная сморщенная старуха, напуганная не меньше его. Она пыталась защититься, меся воздух своими костлявыми ручонками и отбиваясь, как пойманный щенок. Она закричала, что ничего не украла, — но это и так было видно.

Немного успокоившись, Цы рассмотрел пойманную женщину. Зловонное рубище и бегающие, полные страха яркие глаза. Цы спросил, что она делает в доме судьи Фэна. Женщина смолчала, однако стоило Цы потрясти ее за тощие плечи, принялась горячо заверять, что в этом доме вот уже с месяц никто не живет.

И Цы ей поверил. Клочковатый колтун спутанных седых волос до бровей прятал ее лицо, изуродованное старостью и голодом. Глаза этой женщины не врали. В них таился только испуг. Неожиданно они распахнулись еще шире, озарив все лицо.

— О Небо! Цы? Это ты, мой мальчик?

Юноша онемел. В одно мгновенно эти горящие глаза перестали быть чужими. Искаженное страхом лицо понемногу разглаживалось, а из-под грязи, скопившейся в морщинах, словно бы проступили совсем иные черты. Старушка, взволнованно обнимавшая Цы, с глазами, мокрыми от слез, звалась Мягким Сердцем, и была она старой служанкой судьи Фэна. Женщиной, которая долгое время присматривала за судьей и за его домом.

Цы смотрел на нее с печалью. Он вспоминал, как в последние дни его работы у судьи старушке начал отказывать разум. Фэн, однако, продолжал держать ее у себя. Во всяком случае, так он говорил, беседуя с батюшкой перед их отъездом из столицы.

Мягкое Сердце, наверное, могла бы рассказать гораздо больше. Она одна оставалась на службе у хозяина, когда появилась эта женщина.

— Какая женщина?

— Проклятая. Да, она была красива. Но никогда не смотрела тебе прямо в глаза. — Старуха больше жестикулировала, чем говорила. — Она привела вместе с собой новых слуг, а еще — несчастье.

— Да, но где они теперь?

— Я живу одна. Я прячусь… Иногда они приходят в темноте, чтобы со мной поговорить. — Глаза ее вновь наполнились ужасом. — А ты кто такой? Почему ты меня держишь? — Женщина высвободилась из ослабевших рук Цы и попятилась.

Цы не сводил с нее глаз. Это снова был бредящий сгорбленный комок. Юноша хотел задержать ее, чтобы спросить, как ей помочь, но старуха поковыляла в глубину дома так торопливо, будто ее преследовали бесы.

«Бедная старая женщина. Она еще живет на земле, но уже общается с духами». Цы вновь пошел из комнаты в комнату, пытаясь отыскать хоть какой-нибудь намек, способный прояснить, что же тут произошло, однако не нашел ничего, кроме мусора. Странно, думал Цы, что обо всем этом Фэн не обмолвился ни словом при их последней встрече.

Он вышел из дома судьи, когда помутневшее солнце скрылось за грядами облаков. Дождь не послал юноше никакого знака. Не успел Цы дойти до баркаса, хлынул такой ливень, что пришлось укрыться на рынке рабов. Там, под протекающим навесом, когда холод начал

пробирать до костей, он окончательно понял. Быть может, Фэн еще вернется с Севера; может, он отправился служить в другой город. Может, что-то еще. Это уже не имело значения. Цы не мог ждать. У него не было ни денег, ни времени, чтобы их заработать. Вот ведут рабов с Севера. Это чжурчжэни, попавшие в плен, — жалкие, грязные, понурые; но когда их купят, у них, по крайней мере, будут еда и ночлег. И в чем-то Цы им даже позавидовал.

Юноша принял решение. Быть может, оно было самым ужасным за всю его жизнь, однако он не сложит руки, ведь надо сделать хоть что-то. Цы вышел под дождь и побежал к Полям Смерти. Чем выше он поднимался к холму, на котором стоял Вечный мавзолей, тем чаще билось его сердце.

Сюй приколачивал крышку гроба. Искоса глянув на Цы, он опустил молоток и распрямился.

— Ты похож на мокрого цыпленка. Оботрись и помогай.

— Мне нужны деньги, — произнес Цы, не изменившись в лице.

— Мне тоже. Мы уже об этом говорили.

— Прямо сейчас. Третья умирает.

— Такое случается с людьми. Ты что, не заметил, в каком мире мы живем?

Цы схватил Сюя за отвороты рубахи. Он хотел избить предсказателя, но сдержался. Отпустил его, даже поправил на нем одежду.

— Сколько заплатишь за меня?

Сюй уронил молоток. Он не мог поверить, что Цы дошел до того, что предложит такое. Когда юноша подтвердил, что желает продать себя в рабство, Сюй засопел:

— Десять тысяч. Это все, что у меня есть.

Цы тоже вздохнул. Он надеялся, что, выставив себя на продажу, сможет выручить много больше, однако ничего не следовало оставлять на потом. Слишком много бессонных ночей он провел, прислушиваясь к сдавленным стонам своей сестренки и пытаясь отыскать решение, которого не существовало. Все оказалось предопределено. Не было ни воздуха, чтобы вздохнуть, ни самой жизни. Он дошел до предела. Раб так раб. Сюй мигом забыл про гроб и побежал писать купчий договор. Послюнив кисточку, торопливо набросал текст. Вскочил, подозвал садовника в свидетели и протянул листок на подпись Цы.

— Я включил сюда только самое важное. Что ты поступаешь ко мне в услужение и будешь принадлежать мне до самой смерти. На вот. Подписывай.

— Сперва деньги, — потребовал Цы.

— Выдам на баркасе. Сначала подпиши.

— Ну тогда там я и подпишу, когда деньги будут у меня в руках.

Сюй, скрипя зубами, принял это условие. Но все равно велел закончить с крышками гробов, будто Цы уже ему принадлежал. Сам он тем временем напевал веселую песенку, празднуя лучший дар судьбы из всех, что выпадали на его долю за многие годы.

* * *

Вечером они отправились в обратный путь.

Сюй едва не танцевал, нескончаемо мурлыча себе под нос одну и ту же мелодию. Цы медленно влачился следом, и каждый шаг давался ему с трудом: все, о чем он в жизни мечтал, исчезало за горизонтом вместе с солнцем. Юноша попробовал отогнать эти мысли и стал вспоминать личико своей сестры. Он улыбнулся, уверенный в том, что в итоге ее вылечит. Накупит самых лучших лекарств, будет заботиться неустанно, пока она не вырастет, превратившись в красивую, изысканную госпожу. Теперь это стало его единственной мечтой.

Но чем ближе они подходили к порту, тем мрачнее становилось у него на душе.

Когда Цы наконец разглядел баркас, он понял, что случилось нечто ужасное. На палубе жены Сюя вопили и воздевали руки в отчаянии, призывая мужчин. Сюй ускорил шаг, Цы побежал. Он перескочил с твердой почвы на судно и ворвался в домик, где обычно отдыхала Третья, когда ей становилось особенно плохо. Цы кричал в голос, но никто не отозвался. Только плач двух женщин подсказывал, что случилось. Цы искал, пока не нашел.

В самом дальнем углу, обернутое в тряпку, рядом с ведерком рыбы, лежало скорченное тельце его сестры. Она все-таки была здесь — молчаливая, бледная, уснувшая навсегда.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

20

Когда хоронили сестру, Цы казалось, будто в этом маленьком гробике сейчас навсегда закапывают в землю часть его души. А та часть, что оставалась с ним, являла собою что-то вроде тела преступника, подвергнутого четвертованию, — кровавое месиво, которому никогда уже не стать единым.

Он плакал, пока не кончились слезы. Только тогда он бросил последнюю горсть земли на ее могилу. Он ощущал себя пустым, точно выеденная скорлупа. Не было вообще никаких чувств — только горечь и разочарование. Вначале умерли сестры. Потом — брат и его родители. А теперь — и младшая сестра.

Никого не было рядом. Только Сюй. Предсказатель шел рядом с повозкой, на которой везли гроб, и пожевывал корешки. Молча ждал, пока Цы рыдал у могильного холмика. Но когда Цы заканчивал раскладывать цветы, предсказатель подошел вплотную и сунул под нос рабскую купчую. Цы вырвал у Сюя из рук бумагу и порвал на тысячу клочков. Однако на Сюя это действие словно бы не произвело впечатления. Он нагнулся, спокойно собрал клочки и принялся аккуратно их складывать, будто желая восстановить документ.

— Не желаешь ли расписаться, Цы? — ухмыльнулся предсказатель. — Скажи мне только одно. Ты всерьез полагаешь, что я соглашусь упустить лучшую сделку в моей жизни?

Цы смерил предсказателя презрительным взглядом. Он уже повернулся, чтобы уйти, когда вновь услышал голос Сюя.

— Ну и куда ты пойдешь? Без меня ты — ничто. Просто чванливый паренек, умирающий от голода.

— Куда? — не выдержал Цы. — Подальше от тебя и твоей мерзкой жадности. Одно только мое слово — и меня примут в Академию Мина!

Цы почти не мог здраво мыслить. Закончив фразу, он сразу же устыдился того, что ее произнес.

— Ты и вправду считаешь, что так будет? Неслыханная наивность! — Сюй просто потешался. — Я тут же донесу на тебя тому стражу, который приходил на кладбище. А после помочусь на могилку твоей сестры и пойду по девкам развеяться.

Разглагольствования Сюя прервал удар кулаком, стремительный и страшный, как молния. Второй удар вышиб у предсказателя остатки зубов. Цы потряс ушибленной рукой, сдерживая себя, чтобы не раскроить Сюю череп. Предсказатель сплюнул кровью, но самодовольная улыбочка так и не сползла с разбитого лица.

— Ты будешь либо со мной, либо ни с кем.

— Слушай меня внимательно! — рявкнул Цы. — Надевай опять свою распроклятую маску и подбирай крошки, которые тебе достанутся. Ты наверняка сумеешь обмануть достаточно простаков, чтобы заработать себе на жизнь. А если я когда-нибудь узнаю, что ты и впрямь говорил с Гао, я пушу по городу слух о том, как ты издеваешься над несчастными родственниками усопших, и тогда посмотрим, успешно ли пойдут дальше твои дела. — Цы собрался уходить, но повернулся и добавил: — А если я узнаю, что ты тронул хоть ком земли отсюда, я порву тебя надвое и сожру твое сердце.

Он положил еще один цветок на могилу Третьей и пошел прочь с кладбища в направлении Линьаня.

* * *

Цы едва видел голые ивы, обдуваемые ветром. Даже их лишенные листвы ветви не казались ему такими неприкаянными, каким чувствовал себя он сам. Холодный дождь проникал сквозь одежду и бил по коже, пока Цы брел, ни о чем не думая, наедине со своей печалью. Дорога вывела его к человечьей толчее, которой он не заметил, но и в огромной толпе ни один человек не обращал внимания на него.

Все утро Цы, сам того не понимая, бродил по кругу вдоль тех же каналов, по тем же переулкам. Он не поднимал глаз. Грязь чавкала под его ступнями и будто поднималась по ногам все выше, грозя задушить. В полдень он наконец остановился, чтобы перевести дух. Попытался оглядеться — и тут до него дошла правда, еще более страшная, чем одиночество. Бессильно привалившись спиной к деревянной колонне, Цы спросил себя: а что ему делать в академии? Разве новые знания вернут ему ту радость, которую давала Третья? Воскресят нежность матери или честь отца, которых он оказался лишен?

Зыбкие воспоминания о сестре, о ее легкой улыбке, о ее живых глазках, блестящих от лихорадки, — все это таяло под дождем, исчезало, превращаясь в серую свинцовую грязь, в безграничное, ужасающее безверие.

Цы подумал о семье. О матушке, об отце, о брате и сестрах… Ему вспомнилось время, когда все они жили счастливо, когда мечтали вместе, передавая свою уверенность в будущем один другому. Время, которое никогда больше не вернется.

Цы сидел, точно каменный, и капли дождя стекали по его лицу, по глазам, застилая реальность дрожащей мутной пеленой; точно так же слепило его душу одиночество. Он так и остался бы здесь, если бы по соседству с ним бесцеремонно не уселся в поисках прибежища нищий юнец без обеих рук; у него оставались лишь две культи, к которым было привязано по мешку, чтобы парень мог таскать зерно. Он улыбался, выставляя напоказ свои беззубые десны, глаза его жмурились от удовольствия. Безрукий признался, что дождь ему нравится, потому что моет лицо. Цы поправил его мешки и вытер лицо своим платком. И тогда ему с поразительной четкостью вспомнилось лицо Третьей — всегда лучезарное, несмотря на терзавшую ее болезнь. Цы понял, что душа Третьей рядом с ним, он ощутил ее присутствие. Может быть, до нее можно было бы даже дотронуться…

Цы погладил безрукого по голове и поднялся. Чувство безнадежности отступило. Если он поторопится, то добежит до Академии Мина еще засветло.

Цы явился даже раньше, чем рассчитывал. Еще поодаль от старинного дворца он увидел беспечных студентов. Их смех звенел между плотными рядами слив, груш и абрикосов, что росли вдоль мощной каменной ограды, окружавшей здание. Плотной единой группой ребята шагали по переулку, ведшему к вратам академии; они болтали о книгах, взятых в библиотеке, и даже делали ставки — кто из них первым сдаст экзамены, открывающие им судейскую карьеру. А позади двое слуг катили тележку, нагруженную фруктами, сластями, еще какими-то яствами… Сердце Цы сжалось. Он спросил себя, действительно ли его место — среди этих выходцев из благородных семейств, отпрысков судей с туго набитой мошной; мальчишки опасливо разглядывали его, будто тревожась, что грязь его одежды способна запятнать их благородное происхождение. Цы отвел взгляд; а

те нашептывали что-то один другому и кидали на Цы полные презрения взгляды.

А потом все они исчезли по ту сторону двустворчатых врат, за которыми открывались территории дворца. Внутри царили мудрость и чистота. Снаружи оставались мусор, шум и невежество.

Цы запасся мужеством и вошел за ними следом.

Он уже шагал по фруктовому саду, когда навстречу выбежал человечек с палкой, потрясавший ею, будто хотел прогнать муху. Когда Цы сообщил привратнику о своем намерении увидеться с учителем Мином, тот смерил Цы презрительным взглядом и объявил, что это невозможно. Цы настаивал, утверждая, что его пригласил сам Мин, однако слуга не верил.

— Учитель нищеброда не позовет. — С этими словами привратник толкнул юношу к двери, ведущей прочь из сада академии.

Пятясь назад, Цы заметил укрывшихся за деревьями студентов, которые смотрели на него и смеялись.

Этого он стерпеть уже не мог. Вот его шанс, и он не собирается его упускать. Цы, проворно обогнув привратника, бросился к зданию; за его спиной зазвучали тревожные крики. Юноша миновал порог, пересек первый зал, а в это время к спешащему за ним привратнику уже примкнули десятки добровольных помощников-студентов. Цы затворил за собой дверь и сквозь окно запрыгнул в комнату, где медитировали несколько учащихся. Не успели те что-либо сообразить, Цы пробежал зал насквозь и, оказавшись в библиотеке, столкнулся с группой студентов, углубленных в объемистые ксилографы; драгоценные книги попадали на пол. В библиотеке Цы наконец смог оглядеться. К привратнику, который, натужно дыша, бежал за ним по пятам, присоединялись все новые ловцы. Цы был окружен и загнан. Но вот он увидел лесенку, ведущую к верхнему книгохранилищу, и, прыгая через две ступени, бросился по ней. Дверь, ведшая с верхнего яруса наружу, оказалась заперта. Цы ударил плечом; дверь не поддавалась. Внизу уже собралась внушительная толпа разгневанных студентов, вооруженных чем попало — прутьями, шестами, палками… Первые из них, размахивая своим дрекольем, уже продвигались наверх. Цы прижался спиной к двери и еще раз поднажал; его тело уже предчувствовало жесткий бамбук и хлесткую иву. Он лишь прикрыл руками лицо в ожидании, но ощутил только слабый ветерок

пролетевшего мимо удара; дверь от его усилий все-таки распахнулась, и он повалился спиной назад.

И неожиданно, точно воочию узрев бессмертного небожителя, свора ловцов остановила свой натиск.

Цы не сразу понял, в чем дело. Пока не обернулся.

Прямо за его спиной немым, но яростным изваянием стоял академик Мин.

Объяснения Цы не помогли. Мин, выслушав рассказ привратника, распорядился вывести нарушителя порядка вон. И тут же на юношу навалились с полдюжины студентов, стащили его вниз, вышвырнули в сад и предупредили, что в следующий раз столь мягкого обхождения он не дождется.

Цы все еще ворочался в грязи, когда чья-то рука помогла ему встать. Перед ним стоял тот самый привратник. Когда Цы поднялся на ноги, он протянул ему миску с рисом. Цы не понимал, что происходит; у него едва хватило сил поблагодарить этого человека.

— Благодари учителя. — С этими словами привратник указал туда, где располагался кабинет академика Мина. — Учитель сказал, что готов тебя принять завтра, если ты явишься достойным образом.

* * *

Цы жадно набросился на пищу, но давно опустевший желудок взбунтовался и отверг щедрый подарок академика. А потом часы до захода солнца потянулись нестерпимо медленно.

Цы ночевал под открытым небом, свернувшись, как собака, у дверей академии. Он почти не спал. Просто прикрывал глаза, представляя Третью, и тем был счастлив. Юноша ничего не мог для нее теперь сделать — оставалось лишь просто почитать ее, как и всех прочих членов своей семьи, и молиться, чтобы дух девочки был доволен и тоже его защищал.

Наутро юношу встряхнула чья-то рука.

Цы увидел того самого привратника, который вчера гонялся за ним с палкой, а теперь улыбался, без тени смущения демонстрируя беззубые десны, и торопил юношу подняться и привести себя в порядок. Цы отряхнулся и убрал волосы под шапочку. Затем он

двинулся следом за человечком, семенившим мелкими шажками, будто у него были связаны ноги. Привратник остановился у фонтана, чтобы дать юноше возможность умыться, а потом двинулся дальше по направлению к библиотеке. Войдя, человечек почтительно склонился перед учителем Мином, невозмутимо листавшим какую-то книгу. Заслышав шаги, академик закрыл ее и отложил на стоявший перед ним низкий столик. А потом поднял взгляд и с любопытством воззрился на Цы.

Тот согнулся в поклоне, однако Мин знаком велел ему сесть рядом. Когда Цы уселся, учитель еще долго хранил молчание, внимательно разглядывая своего гостя. Цы, в свою очередь, обратил внимание на светлую кожу и кошачьи усики Мина. На профессоре была все та же куртка из красного шелка, в которую он был облачен при их первой встрече. У Цы, с нетерпением ожидавшего, что скажет Мин, от волнения дрожали пальцы. В конце концов учитель поднялся из-за столика.

— Мальчик-мальчик… Как же мне к тебе обращаться? — Мин принялся прохаживаться. — Прозорливец? Или все-таки просто незваный гость?

Цы покраснел от стыда. Он кое-как сумел пробормотать, что его имя — Цы, однако, когда учитель спросил о фамилии, сразу вспомнил о недостойном поступке отца и о судебном отчете, хранящемся совсем неподалеку от академии. Избегая предсказуемой череды вопросов, юноша предпочел хранить молчание.

— Ну хорошо, стало быть, Цы без роду без племени. Ответь тогда на другой вопрос, — продолжал Мин. — Почему я должен повторять свое предложение человеку, который со странной забывчивостью отказывается от своих предков? В тот день на кладбище мне и впрямь подумалось, что некто, обладающий такой проницательностью, как твоя, не только заслуживает определенного шанса, — я даже рискнул предположить, что он мог бы что-то привнести в непростую науку о мертвых. Однако после твоего вчерашнего вторжения, характерного скорее для обыкновенного бандюги с большой дороги, нежели для достойного юноши, у меня возникли немалые сомнения.

Цы попробовал мыслить с прежней ясностью. Он не мог признаться в своем происхождении, не ставя под удар собственную безопасность, однако ему не хотелось и порождать цепь вранья. Он

уже подумал было назваться сиротой, но понял, что и тогда вопросов не избежать. Так пробежали несколько мгновений. В конце концов Цы принял решение.

— Три года назад произошла ужасная катастрофа, величайшее потрясение, которое стерло все мои воспоминания. — Цы не торопясь расстегнул рубаху и предъявил академику шрамы, уродовавшие его грудь. — Я только знаю, что в один прекрасный день очнулся посреди поля. Некая семья подобрала меня и позаботилась о моих ранах, но она уехала на юг, а я постарался добраться до большого города. Эти люди всегда мне твердили, что мое место — здесь.

— Достаточно. — Мин заботливо причесал свои усики. — При всем при том тебе известны методики обнаружения скрытых ран, ты откуда-то знаешь, где татуируют имя преступника, какие ножевые ранения приводят к смерти, а какие нет…

— С той семьей я работал на скотобойне, — нашелся Цы. — Всему остальному — выучился на кладбище.

— Послушай, мальчик. На кладбище можно выучиться только хоронить… или врать.

— Досточтимый господин, я…

— И я еще не сказал ни слова о твоем вчерашнем безобразном вторжении, — прервал его Мин.

— Да этот привратник был просто тупой. Я прямо сказал ему о приглашении, которое получил от вас на кладбище, но он отказывался меня слушать.

— Молчать! Да как ты осмелился оскорблять не знакомого тебе человека? В этих стенах все делают то, что от них требуется, включая этого привратника, которого ты столь необдуманно наградил званием тупицы… — Мин указал ему на книгу, лежащую на столике. — Узнаешь?

Цы присмотрелся. У него перехватило горло; он попытался сглотнуть, но не смог. Он прекрасно ее знал — ведь то была книга его отца. Та самая, которую украли возле канала во время его бегства от Гао.

— Где… где вы ее нашли? — пробормотал Цы.

— А где ты ее потерял? — парировал Мин.

В поисках ответа юноша отвел глаза. Что бы он ни выдумал, Мин это почувствует.

— У меня ее украли, — произнес он наконец.

— Ну да. Так, может быть, этот самый вор мне ее и продал? — снова не растерялся Мин.

Цы молчал. Академик, без сомнения, его узнал. Быть может, ему было известно и о том, что за Цы гоняется стража. Его приход в академию, как ни крути, оказался ошибкой. Юноша положил книгу на низенький стол и вздохнул. Потом поднялся, готовый уходить, однако академик ему не позволил.

— Я купил книгу на рынке, у одного прохвоста. Когда мы встретились на кладбище, твое лицо показалось мне смутно знакомым, однако тогда я тебя еще не узнал. Память у меня уже не та, что прежде, — посетовал он. — Зато еще через неделю, во время обычной моей прогулки по книжному рынку, мое внимание привлек этот томик на лотке, что далеко не из самых достойных. Вот тогда-то я о тебе и вспомнил. Я подумал, что рано или поздно ты объявишься, и поэтому приобрел книгу. — Мин нахмурился и провел по лицу ладонью; несколько раз глубоко и размеренно вздохнул, будто раздумывая, что предпринять. И вновь предложил юноше сесть. — Милый мальчик! Возможно, мне придется об этом пожалеть, но, несмотря на твою ложь и на то, что весомые причины, которые, полагаю, у тебя для нее имеются, могут оказаться еще хуже лжи… я оставляю свое предложение в силе и намерен предоставить тебе шанс. — Мин положил руку на книгу. — Нет сомнения, ты наделен исключительными способностями, и было бы по-настоящему жаль, если бы они расточались на пустяки. Итак, если ты действительно готов делать то, что тебе будет велено… — Учитель протянул ему отцовскую книгу. — Держи. Она твоя.

Цы принял дар, внутренне содрогнувшись. Он до сих пор не понимал, почему академик Мин принимает его в ученики, но из того, что он говорил, следовало, но крайней мере, что он ничего не знает о Гао. Цы повалился ниц, но учитель заставил его подняться.

— И не надо слов благодарности. Ты должен будешь доказывать ее делом день за днем.

— Вам не придется раскаиваться, господин.

— Надеюсь на это, мальчик. Очень надеюсь.

* * *

Цы познакомился с будущими своими однокашниками в Зале важных дискуссий, роскошном помещении, обитом липовым деревом, где, как правило, проходили общие дебаты и экзамены. Как велел ритуал, преподаватели и студенты, разделенные на группы соответственно дисциплинам, выстроились в безупречном порядке, чтобы своими глазами оценить кандидата и высказать свои замечания. Цы стоял посреди зала в перекрестии сотни взглядов, стараясь, чтобы никто не заметил ни дрожи его рук, ни того, как трепещет он сам.

В почтительной тишине академик Мин вступил на старый деревянный помост, царивший над залом. Учитель поднялся по лесенке, склонился перед преподавателями, потом повторил свой поклон перед студентами в знак благодарности за то, что они пришли. Затем рассказал о том, что случайно повстречал Цы на кладбище, — и это сразу позволило ему перейти к описанию особого таланта Цы, который он охарактеризовал как редкостную смесь чародейства, знахарства и реальных глубоких познаний. Самого же Цы он назвал Толкователем трупов, чья непритязательная внешность и, быть может, грубые манеры — он подчеркнул это «быть может» — в процессе обучения будут облагорожены и отточены, так что талант его заблистает, словно мастерски ограненный камень. В силу этих причин Мин ходатайствовал о временном предоставлении Цы комнаты, пустующей после отъезда заболевшего студента, чтобы Цы получил возможность усовершенствовать образованием качества, присущие ему от природы.

К вящему изумлению Цы, когда присутствующие стали спрашивать о происхождении кандидата, Мин, словно и впрямь ему поверил, серьезно повторил рассказ о катастрофе, из-за которой юноша утратил память, продолжая говорить о его прошлом исключительно как о прошлом могильщика, разрезателя мертвечины и предсказателя.

Представив нового студента, Мин жестом подозвал Цы на помост. Пришло время отвечать на вопросы. Цы пытался найти на многочисленных лицах хоть тень доброжелательности, однако внизу стояли словно ряды статуй. Сначала ему задавали вопросы по

классическим сочинениям, потом — о законах, какой-то преподаватель с заднего ряда поинтересовался его познаниями в поэзии. В конце концов, после целой серии нелестных замечаний, взял слово сухопарый густобровый профессор:

— Сказать по правде, наш коллега Мин, ослепленный твоим искусством строить гипотезы, без колебаний охарактеризовал тебя самым лестным образом. И я его за это не осуждаю… — Профессор запнулся, подыскивая нужные слова. — Порою бывает сложно отличить блеск золота от сверкания жестянки. Вот только, по-видимому, правдоподобие твоих предположений навело моего коллегу на мысль, что перед ним — особое существо, человек просветленный, способный без труда пренебрегать теми, кто посвятил познанию всю свою жизнь. Все это, конечно, меня не удивляет. Мин известен своей странной одержимостью почками, внутренностями и вообще всякой требухой — в противовес тому, что воистину достойно ученого: литературе и стихосложению. Вообще-то, — профессор обернулся к юноше, — раздражение вызывают даже не столько твои ошибочные ответы, сколько сам твой подход. Тебе надлежит знать: раскрытие преступлений и последующее исполнение правосудия куда сложнее, чем простые гадания о том «что?» и «как?». Свет истины возгорается лишь при осознании мотивов, побуждающих к действиям, при проникновении в суть всех тревог, ситуаций, причин… А этого не увидеть ни в ранах, ни в кишках. Для этого необходимо иметь представление об искусстве, о живописи, о каллиграфии.

Профессор завершил свою речь. Цы молча смотрел на него. Отчасти юноша признавал его правоту, однако его полного презрения к медицине никак не мог принять. Если, что не раз бывало, естественную смерть не отличать от насильственной, то как же, черт подери, вершить правосудие? Цы продумал ответ и заговорил.

— Досточтимый профессор! — с подчеркнутой вежливостью начал он. — Я здесь вовсе не для того, чтобы победить в каком-либо сражении или состязании. Я не намерен ни превозносить мои ничтожные навыки, ни умалять те великие познания, которыми обладают учителя и студенты академии. Я всего-навсего желаю учиться. Учению неведомы стены, границы и любые пределы. Неведомы ему также и предрассудки. Если вы позволите мне поступить в академию, заверяю, что буду работать так же старательно,

как и любой другой студент, и даже оставлю в покое — если возникнет такая необходимость — все эти внутренности и кишки, которые вам столь не милы.

Полный, мягкотелый профессор с обвислым ртом поднял руку, прося слова. Он тяжело и одышливо отдувался; несколько шагов, которые пришлось проделать толстяку, совсем сбили его дыхание, как будто он забрался на гору. Сцепив руки на животе, профессор внимательно уставился на Цы:

— Насколько мне известно, вчера ты запятнал доброе имя академии, ворвавшись в здание, подобно дикарю. Этот случай заставил меня припомнить историю о человеке, про которого соседи отзывались так: «Ну ладно, он разбойник, зато знали бы вы, какой он великолепный флейтист!» На что я ответил: «Ну ладно, он великолепный флейтист, но все-таки разбойник!» — Тонкий язык профессора увлажнил мясистые губы, пальцы почесали жирную шею. Толстяк медленно склонил голову, точно размышляя, что бы еще добавить. — Где правда, Цы? То ли, что молодой человек нарушает правила, но зато умеет обследовать трупы? Или то, что молодой человек умеет обследовать трупы, но зато нарушает правила? Скажу и больше. Почему мы должны допускать в столь уважаемую академию бродягу вроде тебя?

Цы вздрогнул. Он для себя заранее решил, что Мин, как директор академии, в силах навязать свое мнение всем прочим учителям, но в сложившихся обстоятельствах предпочел изменить свою речь.

— Досточтимый учитель. — Юноша снова поклонился. — Умоляю вас простить мое неприемлемое поведение. Я совершил постыдное деяние, которое можно объяснить лишь моей неопытностью, бессилием и отчаянием. Я понимаю, что слова мало чего стоят и что в любом случае я должен доказать своими поступками, что достоин вашего доверия. Но чтобы привести ряд доказательств, я, в свою очередь, прошу вашего дозволения меня выслушать.

Юноша снова поклонился и обернулся к остальной части аудитории.

— Людям свойственно ошибаться. Даже мудрейшим из них, — продолжал Цы. — А я всего-навсего — молодой поселянин. Но молодой поселянин, охочий до знаний. А разве не столь уважаемая

академия призвана распространять знания? Да если бы я уже знал все правила, соблюдал все предписания, если бы не жаждал познавать новое — тогда зачем мне вообще учиться? И как бы тогда я мог стараться избавиться от собственного несовершенства? Сегодня я могу получить возможность столь же великую, сколь и сама жизнь. Ведь что есть жизнь без знания? Нет зрелища более печального, чем слепой или, например, глухой. А я — в какой-то мере — именно таков. Так разрешите мне видеть и слышать, и заверяю вас: вы об этом не пожалеете.

Учитель-толстяк пару раз шумно вздохнул. Затем кивнул и тяжело попятился на свое место в общем ряду, тем самым передавая слово последнему из профессоров — сгорбленному старичку с потухшим взглядом. Тот поинтересовался, по какой причине юноша соглашается принять предложение Мина. Цы нашел только один ответ:

— Потому что это моя мечта.

Старик покачал головой:

— Только поэтому? Жил-был человек, мечтавший летать по небу, и вот он прыгнул в глубокую пропасть, однако все, что ему удалось, — это разбиться о камни.

Цы смотрел в умирающие глазки старика. Да, это была самая заветная мечта. Юноша сбежал с помоста и приблизился к профессору с пустым взглядом.

— Когда мы желаем чего-то, что уже видели, нам стоит просто протянуть руку. Когда то, чего мы желаем, — есть только мечта, мы должны тянуться к ней сердцем.

— Ты так уверен? Порою мечтанья приводят нас к поражению…

— Может быть. Но если бы мы не мечтали, если бы совершенные мудрецы прошлых эпох не придумали для нас лучший мир, мы до сих пор ходили бы в звериных шкурах, как варвары. Однажды мой батюшка сказал, — голос юноши задрожал, — что если вдруг мне возжелается построить воздушный замок, за дело нужно браться не откладывая. Ведь только в воздухе ему и место. Просто нужно постараться и сначала выложить для него надежный фундамент.

— Твой батюшка? Вот странно! А Мин говорил, что ты потерял память.

Цы прикусил губу; слезы заволокли ему глаза.

— Это все, что я о нем помню.

* * *

Еще до появления нового ученика студенты в Судейском зале нетерпеливо переговаривались, перебивая друг друга. Все и каждый задавались вопросом — кто же на самом деле этот Толкователь трупов и каковы его необычайные способности, позволившие ему избежать сложнейшей процедуры отбора — ведь ее проходил каждый, кто поступал в академию. Главные фантазеры уже пустили слух, что странные таланты этого малого имеют магическую природу; юноши более скептического склада, которых здесь тоже было немало, отказывали Цы в сверхъестественных свойствах и поговаривали насчет опыта, приобретенного им на скотобойне. А поодаль от спорщиков стоял седовласый студент — он дожидался появления Цы, покусывая веточку солодки. Когда Мин ввел нового студента в зал, Серая Хитрость выплюнул солодку на пол, вовсе не заботясь о чистоте академического зала, отошел еще подальше и лишь искоса поглядывал оттуда с презрением.

Мин представил Цы ученикам, вместе с которыми ему теперь предстояло жить, — все они претендовали на места в императорской системе судопроизводства. Большинство — юные аристократы с длинными ногтями и приглаженными волосами; их изысканные манеры поневоле напомнили Цы поведение знакомых с давних времен куртизанок. Мин успел ему сообщить, что в академии обучаются разным искусствам, в том числе живописи и поэзии, однако ему предстоит поселиться среди законоведов. Несмотря на некоторое недоверие, все студенты приветствовали новичка вежливо — за исключением седого угрюмца, так и не вышедшего из своего угла. Как только Мин это заметил, он громко велел студенту подойти. Седовласый юноша, не торопясь, отлепился от стены и с равнодушным видом предстал перед учителем.

— Я вижу, ты не разделяешь любопытства, которое проявляют твои товарищи, Серая Хитрость.

— Не понимаю, что тут интересного. Я пришел сюда учиться, а не соблазняться выдумками умирающего с голоду щенка.

— Прекрасно сказано, мой юный друг… Ведь тебе придется все время наблюдать за ним и самому убедиться, насколько правдивы эти

«выдумки».

— Мне? Я не совсем понимаю…

— Отныне этот юноша — твой новый сосед по комнате. У вас будут общие книги и общий отдых.

— Но, учитель! Я не смогу жить рядом с крестьянином… Я…

— Замолчи! — прикрикнул Мин. — В этой академии не имеют никакого значения ни деньги, ни род занятий, ни связи семьи! Либо ты подчиняешься и приветствуешь Цы, либо собираешь свои книжки и укладываешь вещи!

Серая Хитрость склонил голову, но глаза его сверкали недобрым блеском. Затем он попросил разрешения удалиться. Мин разрешил, однако, когда седовласый был уже на пороге, академик остановил его властным окриком:

— Прежде чем уйдешь, подбери ветку солодки, которую ты сплюнул на пол.

Остаток дня Цы провел, знакомясь с распорядком жизни, принятым в академии. Ему сообщили, что подниматься здесь следует на рассвете — чтобы без спешки привести себя в порядок и воздать должное предкам. Затем студенты завтракают и приступают к занятиям. Еще будет перерыв на обед, а вечер проходит за чтением книг или же обсуждением практических примеров из пройденного днем материала. После ужина Цы ожидает работа в библиотеке — в уплату за пребывание в академии. Мин объяснил юноше, что, хотя Университетский совет и закрыл медицинский факультет, он все равно посвящает часть своей академической программы изучению медицины и, в частности, проблеме выяснения причин смерти. Иногда он водит студентов в судебные морги, чтобы они могли собственными глазами увидеть, как проводят вскрытия, а порою они ходят в суд, чтобы своими глазами увидеть, как ведут себя преступники и что делают судьи, дабы уличить их во лжи и покарать.

— Экзамены у нас раз в три месяца. Мы должны быть уверены, что ученики справляются с программой. А если нет — мы стараемся избавляться от тех, кто не заслуживает наших усилий. И помни: твое место здесь — временное, — добавил профессор.

— Со мной не случится того, что случается с некоторыми сынками богатеев, — заверил Цы.

Мин посмотрел на него, прищурившись:

— Хочу дать тебе пару советов, юноша. Пусть тебя не обманывает изысканная внешность этих ребят. И главное, не путай ее с нерадивостью. Их семьи действительно принадлежат к элите государства, но мальчики хотят добиться своего и учатся с прилежанием. — Мин указал на кучку студентов, не отрывавших глаз от книжек. — А стоит им почувствовать, что ты настроен против них, они разорвут тебя, как кролика.

Цы молча поклонился.

«И все же, — подумал он, — мотивация у них куда слабее моей».

В начале вечера всех позвали ужинать в Абрикосовую столовую — зал, украшенный великолепными шелками с пейзажами и изображениями фруктовых деревьев. Когда Цы вошел, студенты уже расселись по местам, вокруг маленьких ивовых столиков. Юношу поразило целое море плошек и тарелочек, наполненных супами, соусами и жареным мясом, которое, казалось, переваливается через края, — а еще были блюда с рыбой и фруктами, ожидавшие своей очереди на столах поодаль. Цы поискал свободное место, однако стоило ему увидеть пустое пространство, как студенты за столом сдвинулись, мешая ему сесть. За соседним столом все повторилось. На четвертый раз Цы догадался, что ученики, не дававшие ему приняться за еду, ловили выражение лица седовласого юноши, сидевшего в самом углу. Цы мрачно взглянул на Серую Хитрость. Студент не только не отвел взгляда, но еще и ответил ехидной ухмылкой.

Цы понял, что, если сейчас спасует, ему придется сносить выходки седого до последнего дня пребывания в академии. Он столько выстрадал вовсе не для того, чтобы его здесь унижали. Цы прямиком подошел к столу, за которым сидел Серая Хитрость, и просунул ногу между двумя не пускавшими его учениками, прежде чем они успели как-то отреагировать. Юноши наградили чужака зверскими взглядами, но Цы не дрогнул. С усилием протиснувшись, он освободил себе достаточно места и уже хотел садиться, когда Серая Хитрость вскочил:

— За этим столом ты не встретишь любезного приема!

Цы уселся, не обращая внимания на седовласого. Придвинул к себе тарелку с супом и принялся за ужин.

— Ты меня что, не слышал? — взорвался Серая Хитрость.

— Тебя-то я слышал, но никаких возражений со стороны супа что-то не поступало. — Цы продолжал есть, не глядя на соперника.

— То, что ты не знаешь собственного отца, вовсе не означает, что ты не можешь познакомиться с моим, — пригрозил седовласый.

Цы отставил тарелку с супом и медленно поднялся, пока его глаза не оказались на одном уровне с глазами противника. Если бы Цы умел убивать взглядом, Серая Хитрость был бы уже испепелен.

— А теперь ты меня послушай, — отчётливо произнес Цы. — Если ты хоть сколько-нибудь дорожишь своим языком, постарайся никогда больше не упоминать о моем батюшке, иначе тебе придется изъясняться знаками. — Цы снова сел и вернулся к прерванному ужину, будто ничего не случилось.

Серая Хитрость смотрел на Цы, багровея от ярости. Потом, не прибавив ни слова, развернулся и покинул столовую.

Цы поздравил себя с удачей. Его соперник явно нарывался на ссору, чтобы опозорить новичка в первый же день его пребывания в академии, но удалось ему только выставить себя на посмешище перед собственными товарищами. И хотя Цы понимал, что Серая Хитрость не успокоится от первого же поражения, теперь победу на людях тому одержать будет трудно.

К ночи напряжение только возросло. Спальня, которую им предстояло делить с Серой Хитростью, оказалась крохотной клетушкой, отделенной от других таких же лишь панелями из рисовой бумаги, так что вся ее отъединенность сводилась к тому, что свисающие с потолка фонарики давали мало света. Места здесь едва хватало для двух лежанок, расположенных впритык одна к другой, двух столиков и двух шкафчиков для одежды, книг и личных вещей. Цы отметил, что шкаф Серой Хитрости был набит шелками, словно у девицы на выданье, но там же виднелась и порядочная коллекция книг в роскошных переплетах. В его собственном шкафу пока что висела только паутина. Цы смел ее рукой и посреди верхней полки уложил отцовское Уложение. Затем опустился на колени и помолился за своих родных — под презрительными взглядами Серой Хитрости, который уже начал раздеваться перед отходом ко сну. Цы тоже разделся, надеясь, что темнота скроет ожоги на его теле; но седовласый все равно их разглядел.

Студенты улеглись по кроватям и долго молчали. Цы прислушивался к дыханию Серой Хитрости с такой же боязнью, с какой ощущают близость дикого зверя. В голове юноши бурлили тысячи противоречивых мыслей: гибель сестры, утрата семьи, ужасное известие о батюшке… А теперь, когда духи как будто решились предоставить ему шанс изменить к лучшему всю его жизнь, один дурно воспитанный студент решил, казалось, все испортить. Некоторое время Цы прикидывал, как смягчить враждебность Серой Хитрости, но так ничего и не придумал. В конце концов он пришел к выводу, что нужно обо всем посоветоваться с Мином. Ну конечно же, учитель придумает, как ему помочь, — эта мысль успокоила юношу. И вот сон уже начал смежать его веки, когда шепоток с кровати Серой Хитрости заставил его насторожиться.

— Эй ты, уродец! — сквозь зубы смеялся седовласый. — Ведь это и есть твоя тайна, верно? Ты умен, тут ничего не скажешь, но отвратителен, как таракан. — Он снова рассмеялся. — Меня ничуть не удивляет, что ты понимаешь в трупах: ты сам похож на сгнившего мертвеца.

Цы не отвечал. Только стиснул зубы и зажмурился, стараясь не слушать соседа по комнате, — а едкая ярость грызла его изнутри. Цы настолько свыкся со своими шрамами, что совсем перестал думать о том, какое впечатление они производят на окружающих. И хотя, по словам его бывших знакомых, у Цы было приятное лицо и честная улыбка, грудь его и руки действительно напоминали обожженные ошметки мертвой плоти. Цы плотнее завернулся в одеяло и принялся втискиваться виском в камень, по обычаю служивший студенту подушкой, — пока не ощутил, что эта неподатливая подушка грозит продавить ему мозг; и в который раз он проклял коварный дар нечувствительности, из-за которого он, сколько ни печался, просто не мог не отличаться ото всех.

Но вот, совсем уже засыпая, Цы подумал, что как раз ожоги, быть может, и смогут примирить его с Серой Хитростью. С этой мыслью юноша и заснул.

* * *

Следующие дни понеслись так, что голова шла кругом. Цы вскакивал раньше всех — притом что накануне до последнего лучика закатного света повторял выученное за день. Редкие моменты отдыха, выпадавшие ученикам, он посвящал перечитыванию отцовской книги, пытаясь запомнить любые мелочи, связанные с криминалистикой.

Когда это позволяло расписание занятий, юноша сопровождал Мина в его походах по больницам. Там хватало разного рода целителей, травников, иглоукалывателей и прижигателей, но редко — несмотря на очевидную необходимость — встречались хирурги. Конфуцианское учение запрещало прямое вторжение в человеческое тело, поэтому вся хирургия сводилась к самым необходимым операциям: вправление костных смещений при открытых переломах, накладывание швов, ампутации. В отличие от большинства своих коллег, критиковавших практикующих хирургов, Мин проявлял живейший интерес к новой медицине. И горько сетовал на закрытие медицинского факультета.

— Торжественно открыли всего двадцать лет назад, а теперь вот закрывают. Эти традиционалисты из ректората утверждают, что хирургия есть шаг назад. А потом требуют от наших судей, чтобы они находили преступников, используя свои познания в области литературы и поэзии…

Цы был согласен с Мином: до закрытия он имел возможность посещать основные курсы на факультете, и теперь этих занятий ему не хватало. Хотя в целом медицинские занятия мало кому нравились. Большинство студентов сосредоточивалось на конфуцианских канонах, каллиграфии и поэтике, заранее зная, что эти сведения пригодятся им больше всего в час, когда придется сдавать императорские экзамены. В конце концов, добившись места судьи, большую часть времени они будут тратить на работу бюрократического характера, а если придется иметь дело с убийством, всегда можно призвать мясника или скотобойца, дабы тот отмыл тело и высказал свое мнение.

Все в академии представлялось Цы новым, хотя он многое уже пережил во время первого студенчества. Находиться среди людей со схожими интересами, снова толковать о философии и участвовать в общих церемониях — само по себе все это было не менее увлекательно, чем изучать деревянные анатомические модели или излагать свое мнение в горячих юридических спорах. Вот отчего Цы

был так счастлив в Академии Мина. Каждый день он узнавал что-то новое — и, к удивлению товарищей, вскоре доказал, что разбирается вовсе не только в смертях или ранах, но имеет понятие о содержимом объемистого Уложения о наказаниях, о бюрократических препонах в судах, о методах допроса подозреваемых. Мин направил его в группу преуспевающих учеников, тех, кому по окончании академического курса была открыта прямая дорога в государственную судебную систему.

Но чем более крепла вера Мина в Цы, тем возрастала зависть Серой Хитрости.

Цы получил возможность в этом убедиться, когда Мин спешно готовил их группу к ноябрьскому экзамену, объявив, что в этот раз лучшие студенты будут проходить его все вместе и что он состоится не в стенах академии, а в областной управе.

— Экзамен пройдет в Комнате мертвецов. Никаких вопросов не будет, каждый из вас столкнется с неразрешенным делом об убийстве, — пояснил Мин. — Так, как это бывает в реальности, половина из вас попробует себя в роли судьи первой инстанции и постарается написать первый вердикт. Второй вердикт напишет ваш напарник, который будет как бы верховным судьей, — то есть он постарается создать свой собственный текст. В конце концов вам надо будет вырабатывать единый итоговый вердикт. И состязаться вам придется пара на пару, так что крепость вашего духа может вас подвести и обратиться в вашу слабость. И могу вас уверить: так же, как это в подобных случаях делают преступники, такую слабость непременно используют ваши соперники на экзамене. Посему в каждой паре вам надлежит работать сообща, а не состязаясь. Если вы сложите ваши познания воедино, то выйдете победителями. Если же начнете пререкаться, победит только распря. Вы все уяснили?

Мин рассматривал кандидатов так пристально, что никто из двоих, ни Цы, ни Серая Хитрость не мог шевельнуть ни единым мускулом. Прежде чем отвести взгляд, академик глубоко вздохнул.

— И еще кое-что, — добавил он. — Тот, кто лучше всех пройдет эту проверку, получит ранг чиновника, полагающийся нам ежегодно по квоте императорского двора. Я говорю о постоянном месте, о котором вы всегда мечтали. Итак, готовьтесь лучше и работайте усердней.

Когда Серая Хитрость, упреждая выбор учителя, сам потребовал для себя роль верховного судьи, Цы вовсе не обиделся. Что действительно его задело — так это аргументация седовласого: Цы, мол, не готов взять на себя такую важную функцию. Мин согласился с предложенным Серой Хитростью распределением ролей не столько из-за его доводов, сколько потому, что Цы поступил в академию относительно недавно; однако при этом заверил, что из них выйдут отменные напарники.

От Цы Мин получил смиренное согласие. От Серой Хитрости — всего лишь ухмылку.

Они находились в Зале тишины — месте, предназначенном для самостоятельной учебы. Цы решил: случай дает ему слишком важный шанс, чтобы им не воспользоваться. За прошедшее время у него не было серьезных проблем с Серой Хитростью — если не считать подначек и шуточек в первый день; понемногу седовласому пришлось утихнуть, поняв, как мало его насмешки задевают товарища по комнате. С другой стороны, Цы приходилось признать, что Серая Хитрость превосходит его познаниями в юриспруденции и литературе и сам Цы нуждается в способностях товарища, если их команда претендует на победу в состязании. После ужина он попытался обсудить их шансы с седовласым.

Цы подыскал подходящий момент, когда ученики поднимались из-за столов. Некоторые бросились вперед в библиотеку, стремясь поскорее продолжить занятия, и Цы предложил напарнику последовать их примеру.

— Комната мертвецов! Завтра нас ждет великий день. Мы могли бы проработать типичные случаи и…

— Ты живешь здесь четыре месяца — и что же, уверен, что я буду с тобой работать? — насмешливо перебил Серая Хитрость. — Мы вместе только потому, что нам так было приказано, но я в сопляках не нуждаюсь. Ты делай свою работу, а со своей я как-нибудь справлюсь. — И он отправился спать такой спокойный, будто назавтра ему предстояло не важнейшее испытание, а увеселительная прогулка.

Цы не ложился вовсе. Он до поздней ночи перечитывал свои записи, повторял учебные задания, которые выполнял под руководством Мина. Однако волновала юношу не только учеба. Как только Цы узнал, что экзамен пройдет в Комнате мертвецов, он понял,

что подвергается большой опасности. Прошло уже полгода с того дня, как Гао неожиданно появился на кладбище, и Цы ничего о нем с тех пор не слышал, однако прорицатель Сюй ведь упоминал, что за поимку беглеца назначена награда, и, быть может, его описание распространили по всей области.

Но шанс выпадал такой редкостный, что Цы готов был рискнуть.

Под утро, когда иероглифы начали плясать у него перед глазами, Цы уложил набор инструментов, служивших ему еще во время работы на кладбище, и добавил к нему большие листы бумаги, угольки, иголки с заранее продетыми в них шелковыми нитями, а еще склянку с камфарой, купленную у знакомых поваров. Он поставит свою суму в Комнате мертвецов в ряду форменных сумок, принадлежащих однокашникам, — все будет, как надо. Затем Цы приступил к преображению.

С превеликой осторожностью он засунул в обе ноздри кусочки ваты; ножиком он подрезал усики и упрятал волоски в отворот новой шапочки, которую одолжил ему один из учеников. Изучив результат в полированном бронзовом зеркальце, Цы довольно улыбнулся. Перемены, конечно, небольшие, однако и это имело значение.

Пока он возился, Серая Хитрость давно уже покинул спальню. Желудок юноши перехватило судорогой. Он умылся над лоханью с водой и, уже на ходу надевая перчатки, бросился вслед за товарищами. Голова гудела так, будто по ней потоптались ногами, так что Цы почти не слышал криков, призывавших его в строй учеников академии. С сумой в руках он бегом спустился по лестнице.

Мин только головой покачал:

— Где тебя носило? Что ты сделал со своим носом?

Цы отвечал, что заранее смазал ватные комочки камфарой, чтобы ему не мешало зловоние. Вот почему он опоздал.

— Ты меня расстраиваешь, — заметил учитель и промокнул вспотевший лоб своей красной шапочкой.

Цы ничего не сказал. Он только склонил голову и встал в один ряд с Серой Хитростью, чье поведение и внешность были безукоризненны.

Вскоре студенты подошли к зданию управы — окруженной стеной крепости между главными каналами, обозначавшими границы Императорской площади; на таком пространстве хватило бы места для

четырех обычных домов. Нескончаемые голые стены, возле которых не увидишь ни одного нищего, контрастировали с их ближайшим окружением, представлявшим собой бурлящий котел прилавков, фруктовых и зеленных лотков, среди которых, точно муравьи, кишели торопливые покупатели, бездельничающие бродяги и шныряющие в поисках поживы прощелыги. На этом фоне управа казалась вымершим, опустошенным островом, будто внезапный разлив реки смыл всех, кто посмел приблизиться к ее стенам, Каждый житель Линьаня знал это место и страшился его. Но никого, пожалуй, управа не пугала так, как Цы.

Руки его задрожали.

Юноша натянул шапочку до самых висков и плотнее закутался в куртку. Входя внутрь, он прилепился к Серой Хитрости, словно сделавшись его тенью, и отважился поднять голову, лишь когда их группа добралась до Комнаты мертвецов. Камфарное масло не слишком-то помогло. Цы вдохнул запах смерти — зато, по крайней мере, он все еще дышал. Помещение оказалось удушающе тесным, сюда едва-едва могли вместиться пришедшие студенты. В центре, на длинном столе, лежало покрытое саваном тело, распространяющее нестерпимый запах мертвечины. В дверях появился тощий страж с лицом борзой собаки, объявил о скором прибытии главы областной управы и дал предварительные указания. По его словам, студентам предстояло столкнуться с темным делом, которое потребует от них великого прилежания и о котором — по этой самой причине — им не расскажут всех деталей.

Две ночи назад в канале выловили мертвое тело. Это был мужчина средней комплекции, лет сорока; обнаружили его рабочие шлюза. Утопленник был одет и сжимал в руке винный кувшин; при нем не нашли ни документов, ни денег, ни ценностей; одежда помогла определить род его занятий, но эта информация от студентов будет скрыта. Рано утром эксперты управы уже осмотрели тело под руководством одного из судей, их выводы также останутся в секрете. Теперь лучшим студентам предоставлена возможность высказать и сопоставить свои мнения. Пояснив все это, страж передал слово Мину.

В их распоряжении — один час.

Профессор еще раз наскоро проинструктировал распределенных на три двойки студентов, которым предстояло изучать труп. Чтобы

справедливо разделить между ними время, Мин будет поджигать одну за другой три палочки ладана — каждая пара работает, пока палочка не сгорит. Учитель посоветовал пренебречь формальностями и сразу заняться делом, а еще — записывать все, что только будет обнаружено; эти записи помогут составить отчет, который будет затем сопоставлен с официальным вердиктом. Затем академик установил очередность; первыми берутся за дело два брата-кантонца, специализирующиеся на литературе, потом двое законоведов и последними — Серая Хитрость и Цы.

Серая Хитрость сразу же выразил недовольство тем, что придется работать с трупом, с которым проведут уже так много манипуляций. Для Цы это не представлялось столь уж важным. В конце концов, пары, идущие первыми, не обладая познаниями в анатомии, почти и не притронутся к телу; с другой стороны, ожидая своей очереди, они смогут воспользоваться результатами и выводами предшественников. Когда кантонцы подошли к столу, Цы уже приготовил кисточку и бумагу для записей. Он выбрал наилучшую позицию для наблюдения и принялся смачивать чернильный камень. Мин поджег палочку: состязание началось. Сначала кантонцы поклонились профессору. Потом разошлись по обе стороны стола и вдвоем стащили с трупа саван. Но не успели они начать осмотр, за спинами у них раздался короткий грохот. Все разом обернулись на звук: по полу растекалось громадное чернильное пятно.

Это снова проштрафился Цы. Его пальцы в перепачканных перчатках одеревенели, словно все еще держа чернильный камень; но сейчас в них была пустота, а выпавший камень разбился на тысячу кусков. На столе для осмотра лежало тело старшего стражника Гао.

21

Все молча смерили Цы осуждающими взглядами — за исключением Серой Хитрости; тот просто сплюнул.

В полной тишине Цы неловко попросил прощения и, хотя даже мертвый Гао внушал ему страх, подобрался как можно ближе к столу, чтобы не упустить ничего в работе первой пары. Что бы там ни было, он просто должен узнать, что произошло со стражем порядка. Перебарывая непроизвольный ужас, он наблюдал, как его товарищи осматривают обнаженное тело, и старался запомнить все, что они обнаружат. Итак, первая пара заявила об отсутствии ран, которые могли бы навести на мысль о насильственной смерти, и предположила, что, быть может, это просто несчастный случай. Вторая пара отметила легкие следы укусов на губах и веках покойного и приписала эти повреждения стаям голодных рыб, что водились в каналах. Остальные выводы были бесспорны и относились к комплекции покойного, цвету его кожи или давним шрамам; да только все это ни в малейшей степени не помогало понять причину его смерти.

Когда загорелась последняя палочка ладана, настал черед Серой Хитрости. Юноша подходил к телу не спеша, будто горящий ладан отмерял лишь его время, а время Цы в расчет не шло. Словно кот, почуявший добычу, Серая Хитрость обошел труп и начал осмотр в порядке, противоположном установленному. Притронулся к посиневшим стопам Гао. Затем поднялся к икрам — толстым, но правильно очерченным, к узловатым коленям и мощным бедрам; задержался на «нефритовом стержне» покойника, тоже искусанном рыбами. Серая Хитрость осторожно его приподнял, осмотрел опавшие яички — Цы показалось, что он как-то уж долго их трогает. Палочка ладана таяла. Серая Хитрость еще не подобрался к груди покойного, а четверть времени уже миновала. Седой перешел наконец к голове рябого, повертел ее из стороны в сторону — но и теперь воздержался от комментариев. Затем он попросил о помощи, чтобы перевернуть тело. Цы воспользовался этим моментом и определил, насколько оно затвердело.

Серая Хитрость продолжал осмотр с невыносимой медлительностью; ладан же прогорал невыносимо быстро. Седой

изучил затылок, широкую спину, раздвинул и снова сдвинул ягодицы, потом вновь обратился к нижним конечностям.

Цы в который раз покосился на курящуюся палочку; та прогорела уже более чем наполовину. Однако ни Серую Хитрость, ни самого профессора Мина, который рассеянно беседовал с одним из отработавших студентов, это, казалось, не волновало. Юноша решил не прерывать их разговора, подумав, что Мин предоставит ему дополнительное время. Когда Серая Хитрость дал понять, что завершил осмотр, ладана оставалось совсем чуть-чуть. Цы торопливо заступил на место товарища.

Пока проводили осмотр другие, Цы убедился, что на теле действительно нет следов насилия, поэтому сразу же обратился к голове, особое внимание уделив затылку. Он ожидал там что-нибудь отыскать, однако не обнаружил ничего существенного. Он искал во рту, вокруг глаз и в ноздрях — там тоже не было необычных повреждений или признаков отравления. В конце концов Цы занялся ушами. Правое не вызывало подозрений, но неожиданно юноше показалось, будто он что-то ощутил в левом ухе. Это было просто наитие, но проверить его он был обязан. Цы бросился к своей суме и зашарил среди инструментов. Время шло, нужный предмет все не находился. Цы бросил взгляд на ладанную палочку: она угасала. Он вывалил из сумы все инструменты, рассыпав их по полу, и выхватил из их груды пинцет с небольшим камнем столь стремительно, будто от этого зависела его жизнь. Сжав зубы, он взмолился о том, чтобы его догадка подтвердилась. И тут между ним и мертвым телом мрачно встал один из стражников. Цы решил, что его опознали. Он опустил голову и переждал несколько мгновений, показавшихся ему вечностью.

— Осмотр завершен, — объявил страж.

Сердце юноши забилось чаще. Цы просто не мог поверить услышанному. Он должен довершить начатое. Да он вообще только приступил!

— Но, господин, Серая Хитрость истратил часть моего времени, — отважился он на ответ. — Он…

— Это уж не мое дело. Нас ожидает начальник области, — произнес страж, не сдвинувшись с места.

Цы умоляюще посмотрел на Мина, но тот отвел взгляд. Цы был один. Все кончено.

«Я должен это сделать. У меня получится».

Цы поклонился в знак повиновения. И медленно отступил; поднял суму, опустил в нее пинцет. А потом попросил дозволения прикрыть труп простыней. Стражник засомневался было, однако разрешил. Цы почтительнейшим образом исполнил, что ему было дозволено.

Любой на его месте выдал бы себя, переменившись в лице. Но когда они покидали Комнату мертвых, Цы был невозмутим, и лишь глаза его сияли.

* * *

По возвращении в академию Мин извинился перед Цы:

— Уверяю, я собирался дать тебе побольше времени, но никак не мог предположить, что это пойдет вразрез с планами начальника области.

Юноша ничего не ответил. Он думал только о последствиях своего открытия. Глава областной управы на церемонной встрече напомнил студентам, что важнейшее в данном случае — строгая конфиденциальность, и назначил следующую встречу через два дня, давая им время написать письменные отчеты. Два дня оставалось до того, как решатся их судьбы.

Цы почти не притронулся к еде. После обеда они должны были представить Мину свои предварительные заключения, а Цы никак не мог решить, что написать. Вероятно, в областной управе род занятий Гао был известен — иначе и не объяснишь обстановку строгой секретности. Уже не так очевидно, знали ли в управе — как теперь знал Цы, — что старшего стражника убили. Но если Цы доложит о своих выводах, он подстрекнет власти к поискам убийцы, а ведь главным подозреваемым окажется, наверное, он сам. Цы попытался проглотить немного риса — рис застрял у него в горле. Вторая пара сдававших экзамен студентов уже направилась к Мину в кабинет. Скоро настанет и их черед. Цы покосился на Серую Хитрость, который развалился на циновке, просматривая свои записи. Сердце Цы билось тревожно.

«Всеблагое Небо, что же мне делать?»

Цы спросил себя: а как поступил бы батюшка? В груди будто разлился свинец. Всегда, когда Цы предстояло принять важное решение, призрак отца являлся его мучить. Цы вспомнил годы, когда батюшка был человеком почтенным и уважаемым, годы, когда он помогал сыну, поддерживал его в стремлении сдать экзамены, и ему стало тоскливо, что рядом с ним нет никого вроде судьи Фэна — человека, на которого он мог бы опереться.

Внезапный тычок Серой Хитрости оборвал его невеселые размышления. Цы поднял голову. Товарищ по комнате, возвышаясь над ним, смотрел высокомерно и торопил отправляться в кабинет Мина. Цы молча встал, смахнул с одежды послеобеденные крошки и последовал за седым.

Юноша впервые входил в личный кабинет Мина. Он удивился, попав в сумрачное помещение без окон и бумажных ширм, через которые сюда мог бы попадать дневной свет. На стенных панелях красного дерева едва различались старые шелковые полотна с подробными изображениями человеческих тел и отдельных их частей. Учитель восседал за черным столом из эбенового дерева, листая в полумраке какую-то книгу. За его спиной располагалась полка, где, подсвеченная фонариками, мрачно тянулась вереница черепов, расставленных по размеру, — словно то были дорогостоящие диковинные товары. Серая Хитрость шагнул вперед. С молчаливого согласия Мина он опустился перед столом на колени; Цы последовал его примеру. В конце концов Мин оторвался от книги и поднял взгляд на студентов. На его усталом лице было написано уныние.

— Надеюсь, хотя бы вы двое наделены минимальными познаниями, которые отсутствуют у ваших товарищей. Никогда не слыхал зараз столько глупостей! Ну, чего ждете? Начинайте.

Серая Хитрость прокашлялся. Его горделивый взор блуждал где-то за пределами кабинета. Вот он достал свои записи и заговорил:

— Достопочтеннейшая мудрость, я искренне благодарю вас за…

— Избавь меня от этих изысков. Пожалуйста, приступай к делу, — перебил академик.

— Ну конечно, господин. — Серая Хитрость снова кашлянул. — Вот только я не уверен… может, лучше Цы подождать снаружи. Как

вам известно, не следует подвергать мнение второго судьи опасности искажения под влиянием выводов первого.

— Ради всех бессмертных, Серая Хитрость! Ты собираешься говорить?

И снова седовласый откашлялся. Он разложил свои бумаги на полу и взглянул Мину в глаза.

— Итак, господин. Прежде чем поразмышлять о причинах смерти, давайте разберемся во всей этой скрытности. Обычно подобной секретности не требуется, и это наводит меня на мысль, что покойный был особой исключительной важности или связан с какой-нибудь особой в высшем свете.

— Продолжай, — с интересом буркнул Мин.

— В таком случае вторая задача — это выяснить, отчего власти заинтересовались мнением каких-то там студентов. Если им так нужна конфиденциальность, то лучший способ ее обеспечить — держать нас подальше. А если власти поступают иначе, это значит, что они не знают — или, по крайней мере, не уверены, что знают, — что именно произошло.

— Ну что ж, возможно.

— Что касается должности и общественного положения покойника, нам недостает многих данных из-за того, что нам не предъявили его одежду, однако отсутствие мозолей уже говорит о труде чиновничьем, а его ухоженные ногти свидетельствуют о познаниях в науках.

— Любопытное заключение…

— Да. Так мне представляется. — Серая Хитрость улыбнулся без всякого стеснения. — И последнее: что касается причин смерти, на теле не обнаружили никаких следов насилия — ни синяков, ни ран, ни признаков отравления. Не было и признаков выделений ни в одном из семи естественных отверстий, каковые тоже могли бы навести на мысль о насильственной смерти; если бы таковые существовали, то, несмотря на воздействие воды, остались бы хоть какие-то следы.

— Так, значит…

— Значит, мы должны заключить, что причина смерти — это падение в канал. На мой взгляд, то, что этот человек утонул, не имеет ровно никакого значения. Что действительно важно — так это что он

угодил в канал после попойки. На это указывает зажатый в его руке кувшин с остатками вина.

— Ну да… — Лицо Мина выражало теперь не заинтересованность, а разочарование. — Каковы же выводы?

— Сейчас, досточтимый учитель, — заторопился седовласый, увидев недовольство на лице Мина. — Как я и говорил, несчастный, без сомнения, был занят каким-то важным делом. Смерть его, определенно неожиданная, сильно помешала тем, для кого он работал, и теперь они желают удостовериться, действительно ли это был несчастный случай.

Лицо академика вновь выразило досаду. За исключением замечаний о социальной значимости покойного, все, что рассказал Серая Хитрость, оказалось не более чем повторением выводов его предшественников. Мин сухо поблагодарил ученика за усердие и обернулся к Цы.

— Теперь твоя очередь, — произнес он без большой надежды.

— Если бы нам дали осмотреть его наряд… — не мог угомониться Серая Хитрость. — Или переговорить с человеком, который его нашел…

— Твоя очередь, — повторил Мин.

Цы встал с колен. Он внимательно слушал своего напарника и теперь сожалел, что тот успел опередить его парой важных наблюдений. Еще раньше он для себя порешил ограничиться теми же выводами — или сказать чуть больше — и сохранить в тайне свое ужасное открытие. Однако если теперь он просто повторит слова напарника, то предстанет перед Мином полным тупицей. И все же Цы попробовал так и сделать.

Мин, выслушав, вздернул правую бровь. Он ожидал от юноши продолжения, но Цы замкнулся в молчании.

— Это все?

— По результатам моих наблюдений, это все, что я могу сказать. Выводы Серой Хитрости не лишены оснований. — Цы старался, чтобы голос его звучал убедительно. — Действительно, его суждения выглядят разумными и серьезными и совпадают с моими в том, что я успел заключить из увиденного и исследованного.

— Тогда ты должен выслушать меня со всем вниманием: мы взяли тебя в академию не для того, чтобы ты повторял сказанное другими. С

этим справится и попугай. — Мин выдержал паузу, явно решая, говорить ли дальше. — И уж совсем не для того, чтобы ты пытался нас обмануть!

— Не понимаю, — покраснел Цы.

— Правда? Скажи-ка мне, Цы, ты что, считаешь меня глупцом?

Цы почувствовал, как щеки загорелись. Он действительно не понимал, что имеет в виду академик; впрочем, так или иначе скоро ему предстояло это узнать.

— Я не понимаю… — повторил юноша.

— Клянусь всеми бессмертными! Прекрати уже этот театр! Ты думаешь, я не заметил, как ты что-то нащупал в ухе мертвеца? Думаешь, не обратил внимания на твои странные движения, когда ты якобы прикрывал тело? Если уж я разглядел, как ты улыбаешься себе под нос…

— Не знаю, о чем это вы. — Цы держался стойко.

Мин вскочил с места, ноздри его раздувались, глаза налились кровью.

— Прочь отсюда! — крикнул он. — Вон с глаз моих! Прочь!

Поспешно покидая кабинет, оба студента расслышали, как Мин бормочет сквозь зубы: «Проклятый враль!»

* * *

Весь вечер Цы размышлял, как найти выход из ситуации, из которой выхода нет. Час тянулся за часом, пока он бессмысленно сидел с позабытой кисточкой в руках, и единственное, что приходило в голову юноше, — это в который раз отказаться от мечты и бежать из Линьаня. И все-таки он продолжал сидеть в библиотеке, ломая голову в поисках решения. В конце концов он принялся лихорадочно записывать все результаты своего осмотра до последней мелочи. Это заняло много времени, но и закончив, Цы не знал, покажет ли он кому-нибудь этот отчет. Сейчас он завидовал Серой Хитрости. Цы видел, как седовласый перебрасывается шуточками с товарищами, держа в руке кувшин с вином, — будто бы поражение стекло с него так же легко, как алкоголь стекает в горло. Уже перед самым ужином Серая Хитрость, пошатываясь, подошел к нему. Глаза его блестели, и влажно

блестели улыбающиеся губы. Седой просто излучал довольство. Он предложил Цы глотнуть; тот отказался, поспешно пряча свой отчет.

— Пошли, сотоварищ, — пробормотал пьяный. — Забудь о Мине и выпей немного.

Цы подивился, какое воздействие алкоголь может оказывать на некоторых людей. Его сосед впервые обратился к нему без оскорблений. Цы снова отклонил предложение, но Серая Хитрость настаивал на своем.

— Знаешь, должен признаться, что до этого вечера я тебя ненавидел. «Умненький Цы… Разумненький Цы…» — Студент еще раз приложился к кувшину. — Но, клянусь Великим Буддой… сегодня ты меня не превзошел. Мне до сих пор памятны твои слова: «Его суждения выглядят разумными и серьезными и совпадают с моими в том, что я успел заключить из увиденного и исследованного», — собезьянничал седой. — И теперь ты мне по нраву. Держи. — Он сунул кувшин в лицо Цы и громогласно расхохотался.

Цы принял сосуд и отпил глоток — только чтобы Серая Хитрость оставил его в покое. Он почувствовал жар рисового вина сперва у себя в горле, а потом и в желудке. К столь крепким напиткам Цы не привык.

— Потрясающе! — рассмеялся Серая Хитрость. — Послушай, сегодня вечером мы небольшой компанией отправляемся во Дворец наслаждений и собираемся выпить за здоровье старикашки Мина. Хочешь с нами? Мы будем смеяться, как пьяницы, и наслаждаться, как принцы.

— Нет, спасибо. Мне бы не хотелось, чтобы Мин узнал…

— А что, если и узнает? Ты что же, решил, что мы здесь — его пленники? Мин — всего-навсего несчастный угрюмец, который всегда чем-нибудь да недоволен. Ну давай, веди себя по-мужски! Мы отлично проведем время. Будем ждать тебя ко второму удару гонга, внизу, возле садового фонтана. — Седовласый оставил кувшин у ног Цы и побрел прочь, что-то напевая.

Цы подхватил кувшин и заглянул внутрь. Вино плескалось от стенки к стенке, от стенки к стенке, в темноте и тесноте. Точно его собственная душа. Цы весь вечер метался между решениями одно хуже другого и до сих пор не знал, что предпринять. Если он откроет все, что ему известно, то восстановит доверие Мина, но правосудие окажется не на его стороне. Если же промолчит, то утратит столь

чаемую возможность поступить в судебную контору. Цы поднес кувшин к губам и сделал еще один глоток. На сей раз вино его успокоило. Разум затуманился, проблемы отступили. Четвертый удар гонга застал его все так же сидящим в библиотеке. В мыслях Цы не было ясности, да ему это было и не нужно. Рядом валялся пустой кувшин. Цы задумался, как долго еще сможет Мин держать его в академии. Сколько времени осталось до возвращения на кладбище? Да какая разница? Цы услышал смех, доносящийся из сада. Внизу, у фонтана, четверо студентов с четырьмя кувшинами вина обступили Серую Хитрость. Цы внимательно их оглядел. Им было весело. Цы так ничего и не решил. В конце концов он отвернулся от окна, чтобы отправиться в спальню, но тут Серая Хитрость его заметил. Цы слышал, как седой зовет его вниз — в голосе его звучали дружелюбие и убедительность. Цы засомневался, но не сдвинулся с места. Он был не прочь выпить еще, однако что-то внутри подсказывало, что это плохая идея. Тогда Серая Хитрость сам поднялся в библиотеку. С улыбкой он положил руку на плечо Цы и чуть ли не силком повел его в компанию, уверяя, что вместе они повеселятся на славу. На пороге Цы подумал, что, раз уж все складывается так плохо, он, по крайней мере, не упустит возможности подружиться с Серой Хитростью.

* * *

Во Дворце наслаждений Цы встретил женщин столь прекрасных, каких и вообразить себе не мог.

Только студенты вошли, пронырливый слуга бросился навстречу Серой Хитрости и с подобострастными ужимками подыскал для него и его друзей местечко среди толчеи зажиточных горожан, купцов и университетских служащих, ухлестывавших за танцовщицами. Музыка лютней и цитр возбуждала гостей; они смеялись и пыхтели при виде накрашенных женщин, которые плавно скользили вокруг них, словно кувшинки по глади пруда. Цы подметил, что девушки время от времени приподнимали свои одеяния и выставляли напоказ маленькие ножки, вызывавшие у мужчин шумные возгласы вожделения. Серая Хитрость, кажется, чувствовал себя здесь вполне уверенно: бурно жестикулируя, он так приветствовал здешних друзей,

знакомых и официантов, будто сам и был хозяином публичного дома. Вскоре целое скопище прислужников заставило их стол всевозможной снедью. Серая Хитрость не стал терять времени и затребовал к их столу пару «цветочков», чтобы не скучать за трапезой. Тут же две улыбчивые красотки подсели к шести юнцам, а Серая Хитрость тем временем откупоривал бутылки. Восемь — это совершенное число.

— Что, нравятся? — подмигнул Серая Хитрость, лаская бедро одной из проституток; а Цы на всякий случай упрятал руки в перчатки. — Теперь слушайте. — Седовласый обращался к «цветочкам» так, будто знал их уже немало лет. — Это Цы. Мой новый товарищ. Он умеет разговаривать с духами, так что будьте с ним сладки, как мед, не то он вас обеих превратит в ослиц. — Серая Хитрость весело рассмеялся, и друзья его поддержали.

Цы стало неловко из-за того, что оба «цветочка» пересели, оказавшись по обе стороны от него. Но острая игла желания пронзила его с невероятной силой. Он давно не прикасался к женщинам. Так давно, что успел позабыть покорную мягкость их кожи и нежность их ароматов. Рассудок его затуманился, однако появление яств на столе отвлекло его от иных желаний. Принесено было столько разных разностей, что казалось, сбывалась пословица: в Линьане едят все, что летает, кроме воздушных змеев, все, что плавает, кроме кораблей, и все, что на ножках, кроме столов. На салфетках громоздились холодные закуски: отваренные ракушки с имбирем, запеканка с почками и жемчужные раки; плошки с закусками оспаривали места у тарелок с жареным рисом, свиными ребрышками с каштанами, устрицами «на зубок дракону» и хрустящей речной рыбкой. На втором, дополнительном столике дожидались своей очереди подкрепить силы студентов несколько супов с разнообразными приправами. Подогретое рисовое вино то и дело наполняло глиняные чашки, а улыбки гостей становились все шире, по мере того как становилось все больше пятен на их салфетках. Довольный Цы поглощал яство за яством, до сих пор изумленный переменой поведения Серой Хитрости, который, то и дело прихлебывая, в промежутках между глотками не уставал направлять его на путь развлечения.

Цы в наставлениях не нуждался. Им уже занялись оба «цветочка».

В первый раз, когда Цы почувствовал руку одной из девушек у себя в паху, он поперхнулся вином и ничего не сказал. Во второй раз

он решил быть честным. Юноша признался соседке, что ее ароматы его дурманят и что темно-красный цвет ее губ взбудоражил все его тело вплоть до основания «стержня», однако он беден, как крыса, и ничем не сможет вознаградить ее за услуги. Но «цветочек», казалось, нимало не смутилась этим обстоятельством: она грациозно склонила голову и лизнула шею растерянного Цы.

От почти невыносимого удовольствия вся кожа Цы покрылась мурашками. И тут же раздался смех Серой Хитрости и остальных собутыльников: они настаивали, чтобы Цы уединился с девушкой.

А он уже почти утратил способность мыслить. Последние кувшины вина перенесли юношу в туманный мир ласки и чувственности, обещавший невообразимые, головокружительные наслаждения. Он как раз собирался наградить «цветочек» поцелуем, когда почувствовал, что кто-то трясет его за плечо, злобно отчитывая за какую-то непонятную провинность.

— А я говорю, оставь эту девчонку и подыщи себе другую! — повторил господин средних лет с посохом в руке.

— Слушай! Отстань от него по-хорошему! — вступился Серая Хитрость.

Мужчина будто не слышал. Он схватил «цветочек» за руку и потянул так, будто хотел ее оторвать; миски и кувшинчики посыпались со стола. Цы вскочил, готовый к бою, но сразу же получил посохом по голове и рухнул на пол.

Господин собирался добавить, но тут на него накинулся Серая Хитрость и сбил с ног одним ударом. Тут же набежали служители заведения и разняли драчунов.

— Мерзкий пьяница! — ругался Серая Хитрость, вытирая расшибленную руку. — Смотреть надо, кого сюда впускать, кого не впускать! — Он помог Цы подняться. — С тобой все в порядке?

Цы до сих пор не разобрался, что произошло: его неуклюжим телом сейчас управлял алкоголь. С помощью Серой Хитрости он доковылял до чистого столика в тихом углу. Другие студенты предпочли остаться с «цветочками».

— Великий Будда! Этот полудурок чуть не испортил нам вечер. Хочешь, я позову сюда ту девчонку?

— Нет, не надо. — У Цы плыли круги перед глазами.

— Ты уверен? Она кажется настоящей мастерицей, и ножки у нее изящные. Бьюсь об заклад, она будет извиваться, как рыбка на крючке. Но если тебе она не по душе, так и забудь. Мы ведь пришли сюда веселиться! — И седовласый сделал знак слуге: еще вина!

И Цы начал веселиться в компании Серой Хитрости. Седовласый будто забыл все свое высокомерие, он болтал и смеялся, будто они — закадычные друзья. Его замечания насчет стариков, которые пускали слюни перед танцовщицами, не упускавшими случая заработать лишнюю монету, его обезьяньи гримасы заставляли юношу смеяться так, как он давно уже не смеялся. Студенты затребовали кунжутных лепешек и еще рисового вина — и пили, пока у них не начали заплетаться языки. Оживленный разговор заглох.

И тогда лицо Серой Хитрости переменилось.

Седовласый заговорил о своем одиночестве. С детских лет отец отправлял его в лучшие школы и училища, где он и рос — окруженный премудростью, но лишенный братской любви, материнских поцелуев и дружеской доверительности. Мальчик научился полагаться лишь на собственные силы, не доверяя никому. Жизнь его была похожа на жизнь чистопородного жеребца, запертого в золотой конюшне и готового лягнуть любого, кто подступится. И он ненавидел это скудное одинокое существование.

Цы невнятно посочувствовал. Ему с трудом удавалось держать глаза открытыми.

— Я должен попросить у тебя прощения, — объявил Серая Хитрость. — Я вел себя с тобой неподобающим образом, но дело в том, что здесь, в академии, я обрел уважение Мина… По крайней мере, мне так казалось, пока не явился ты. Теперь он смотрит только на тебя и верит только твоим выводам…

Цы смотрел на седовласого, не зная, что сказать. Вино усыпляло его разум.

— Да брось, — пробормотал он. — Не такой уж я и мастер.

— Именно что мастер, — понуро признал Серая Хитрость. — Вот, например, этим утром в Комнате мертвецов. Ты обнаружил то, чего не сумел заметить никто из нас.

— Я?

— То, что было у него в ухе. Проклятье! Да я по сравнению с тобой просто заносчивый неумеха…

— Не говори так. Любой мог бы это заметить.

— Но только не я. — Серая Хитрость спрятал лицо за очередной чашкой вина, но Цы успел заметить горечь во взгляде товарища.

Он порылся в кармане и неловким движением выложил что-то вроде небольшого камня.

— Вот, посмотри. — Он показал.

А потом начал медленно приближать тускло поблескивающий слиток к железному блюду — пока тот, точно по волшебству, не соскочил с его ладони и не прилепился к блюду. Глаза Серой Хитрости вылупились и чуть не выскочили совсем, когда он попытался оторвать слиток от блюда.

— Но ведь это… магнит?

— Магнит, — подтвердил Цы, забирая слиток. — Если бы у тебя был такой, ты бы тоже обнаружил железную спицу в ухе стража порядка. Спицу, которой его и убили.

— Убили? Страж? Да что ты говоришь! Ну ты просто демон, Цы. — Серая Хитрость оживился. — Так, стало быть, кувшин, зажатый в его руке…

Цы огляделся по сторонам и увидел дремлющего на диване старичка с посохом в руке. Подходящий пример.

— Смотри внимательно. Он не сжимает свой посох. — Глаза юноши против воли закрылись. С усилием открыв их снова, он продолжил объяснять: — Посох просто касается его рук. А когда человек умирает, он вообще теряет все силы. Только если кто-то вложил ему в руку кувшин уже после смерти и держал, дожидаясь трупного окоченения…

— Ложный след?

Цы допил вино из своей чашки.

— Именно, — произнес он, едва ворочая языком.

— Да ты и вправду демон.

Цы уже не нашелся что ответить. Алкоголь совершенно помрачил его рассудок. Ему пришел в голову тост.

— За моего нового друга, — выговорил Цы.

Серая Хитрость выпил.

— За моего нового друга, — повторил он.

Седовласый подозвал прислужника, чтобы затребовать еще вина, но Цы больше пить не стал. Перед глазами у него мелькал круговорот

из чаш, зрителей и танцовщиц. И все же юноше показалось, что он разглядел стройную фигурку, которая отделилась от этого месива и медленно двинулась прямо к нему. Цы как будто даже узнал и прекрасные миндалевидные глаза, которые теперь были совсем близко. А потом его подхватила и повлекла на небеса влажность женских губ, переполненных желанием.

Цы отдался на волю ласковых рук «цветочка»; Серая Хитрость встал из-за стола.

Если бы юноше в эту минуту удалось поднять голову, он поразился бы перемене, происшедшей с его другом: Серая Хитрость в одночасье стал снова трезв как стеклышко и теперь твердой походкой направлялся к тому самому господину с посохом, недавно напавшему на Цы, — чтобы передать ему условленную плату.

22

Когда Цы очнулся в каком-то замусоренном переулке, над мокрыми крышами Линьаня уже сияло солнце.

Крики прохожих отдавались в его одурманенной голове громовыми раскатами. Юноша с трудом поднялся и, в растерянности оглядевшись, увидел над головой вывеску: «Дворец наслаждений». Юноша покрылся испариной. Кожа его до сих пор хранила ощущение грациозно изгибающегося на нем девичьего тела, однако Цы чувствовал еще и какое-то смутное беспокойство. Он не видел в переулке ни Серой Хитрости, ни других вчерашних собутыльников, поэтому в одиночку, очень медленно побрел в сторону академии.

Как только юноша добрался до учебного здания, привратник сообщил ему, что Мин уже несколько раз о нем справлялся. Учитель, по-видимому, решил, что студенты, присутствовавшие на экзамене в управе, должны представить свои отчеты совету профессоров в Зале для важных дискуссий.

— Они уже давно там заседают, но даже не думай являться в таком виде — не то тебя погонят палкой.

Цы оглядел себя с ног до головы. Одежда его была заляпана остатками пищи и пропахла вином. Юноша проклял свою судьбу, хотя до сих пор не понимал, почему Серая Хитрость его не дождался; однако он предпочел не стенать, а поспешить к лохани с водой, чтобы привести себя в достойный вид. Цы торопливо вымылся и побежал в свою комнату за чистой одеждой. Приведя себя в порядок, он подхватил суму, где лежал его отчет, и понесся в Зал для важных дискуссий. Перед самой дверью Цы остановился, чтобы отдышаться. Когда он вошел в зал, все профессора изучающе на него посмотрели. Цы тихо присел на свободное место; в этот момент Серая Хитрость как раз приступал к изложению своих выводов.

Цы приветливо взглянул на друга, но тот даже не посмотрел в его сторону. И это было удивительно. Цы предположил, что причиной тому волнение перед отчетом. Суму он положил на пол. Стоя в самом центре зала, Серая Хитрость постукивал пальцами по маленькой кафедре, на которой он разложил свои записи. Когда ему подали знак, седовласый — с разрешения господ профессоров — приступил к

изложению методов, которыми пользовался во время осмотра тела. Цы до сих пор не решил, как поступить с его собственным отчетом, и решил его перечитать. Вот только бумаги куда-то запропастились. Он все еще продолжал рыться, когда с кафедры из уст Серой Хитрости зазвучали его собственные слова.

«Этого не может быть!»

Дрожащими руками Цы опорожнил свою суму; он был совершенно потрясен, когда на самом дне обнаружил свой отчет, весь перемятый — а не аккуратно свернутый, каким он его положил в суму вчера. И тогда юношей овладела ярость.

Чем дальше Серая Хитрость вел свой рассказ, тем яснее Цы осознавал, как подло этот парень им воспользовался. Его притворное дружелюбие было всего лишь коварной уловкой, а вино — средством выведать все его секреты. Цы услышал свои собственные слова: они вновь и вновь звучали в голове юноши, напоминая ему, как глупо было довериться человеку, который сейчас разил его, точно кинжалом. То, что для Серой Хитрости было всего лишь попыткой выслужиться перед Мином, для него самого могло обернуться приговором.

Цы слушал, как его соперник подробно рассматривает и отвергает возможность несчастного случая или самоубийства, основываясь на том, как крепко покойный сжимал ручку кувшина. Серая Хитрость присвоил себе и открытие причины смерти: именно он якобы обнаружил длинную железную спицу, воткнутую в левое ухо; он извинился перед Мином за то, что не сообщил об этом на аудиенции в кабинете, сославшись на необходимость сохранить в тайне «свое» открытие. Все эти слова Серая Хитрость, не торопясь, прочитал по отчету — точной копии записей Цы. Закончив, он передал отчет Мину. Он ничего не упустил. Даже упомянул о служебном положении убитого.

Цы приходилось сдерживать себя, чтобы тут же в зале не наброситься на подлеца с кулаками.

А хуже всего была невозможность вывести его на чистую воду. Если бы Цы заявил о своих правах, ему было бы затруднительно доказать, что именно Серая Хитрость выкрал его отчет, а не наоборот, как, несомненно, объявил бы седовласый. Но даже если бы Цы удалось доказать свое авторство, ему пришлось бы объяснять, отчего он решил, что убитый являлся стражем порядка. По счастью, об этом он в своем

отчете умолчал. Вот почему Серая Хитрость не нашелся с ответом, когда Мин спросил его о профессии убитого.

— Я сделал заключение о профессии по необычному, несколько раз повторенному требованию конфиденциальности, — произнес он не слишком уверенно.

— «Сделал заключение»? Не лучше ли было сказать «списал»? — прямо спросил Мин.

Серая Хитрость вскинул брови домиком, щеки его покраснели.

— Я вас не понимаю, учитель.

— Тогда, быть может, мы услышим объяснение от самого Цы. — Мин сделал юноше знак подняться на кафедру.

Цы повиновался, но сначала смял свой отчет и запихнул в суму. Проходя мимо Серой Хитрости, он заметил страх в глазах своего соседа по комнате. Определенно, Мин что-то подозревал. Цы молчал, раздумывая, как выпутаться из сложного положения.

— Мы ждем, — поторопил Мин.

— Я не совсем понимаю, чего вы ждете, господин, — произнес он наконец.

Такой ответ явно разочаровал Мина.

— Ты что, ничего не желаешь оспорить? — В голосе академика звучала ярость.

— Нет, досточтимый учитель.

— Послушай, Цы, не держи меня за дурака. У тебя что же, и мнения своего нет?

Цы посмотрел на Серую Хитрость. Мошенник сглотнул слюну. Прежде чем открыть рот, Цы тщательно взвесил каждое свое слово.

— Мое мнение таково: один из нас проделал отличную работу. — Он указал на Серую Хитрость. — Нам остается только поздравить товарища и продолжать трудиться. — И юноша, не дожидаясь разрешения Мина, сошел с помоста и покинул Зал для важных дискуссий, задыхаясь от едкой желчи.

* * *

Цы тысячу раз проклял себя за глупость и еще тысячу раз — за трусость.

Юноша с удовольствием обрушил бы свои кулаки на Серую Хитрость, но это привело бы только к его исключению из академии и к подтверждению правоты его соперника. А такое в планы Цы никак не входило. Он отправился в библиотеку, отыскал уединенное место и вытащил свой скомканный отчет — Цы искал в нем какую-нибудь зацепку, которая вывела бы Серую Хитрость на чистую воду. Что-нибудь, что помогло бы раскрыть игру седого и не подставиться самому. Цы дотошно изучал свои записи и вдруг почувствовал, что кто-то стоит у него за спиной. Цы вздрогнул. Это был Мин. Академик покачал головой и уселся напротив, кусая губы. На лице его отражалось негодование.

— Ты не оставляешь мне выбора. Если ты не изменишь своего поведения, мне придется выгнать тебя из академии, — произнес он после долгого молчания. — Что с тобой творится, мальчик? Почему ты позволил ему одержать победу?

— Не понимаю, о чем вы. — Цы спрятал бумаги в рукав.

Мин заметил это движение.

— Что ты там прячешь? Дай-ка взглянуть. — Академик встал и выхватил отчет. Наскоро пролистал, при этом выражение на его лице стремительно менялось.

— Как я и предполагал, — пробормотал Мин, оторвав взгляд от бумаги. — Серая Хитрость никогда не написал бы отчета такими словами. Его стиль — совсем другой, понятно? — Учитель помолчал в ожидании ответа. — Клянусь всеми бессмертными! Ты здесь, потому что я тебе поверил, так доверься теперь и ты мне, расскажи, что происходит. Ты не одинок в этом мире, Цы…

«Совсем одинок».

«Абсолютно одинок».

Цы попробовал забрать отчет обратно, но Мин отодвинул бумаги так, чтобы Цы не мог их достать.

Цы сидел молча, борясь с закипающим гневом. Как этому человеку понять, что с ним происходит? Как объяснить ему, что стоит беглецу сделать одно неверное движение — и он не только погубит свою мечту, но и снова угодит под занесенный меч правосудия? Какими словами выразить чувства человека, которого все, кому он доверял, предали — начиная с собственного отца? Какое уж теперь доверие!

* * *

В течение двух следующих дней Цы старался избегать и Мина, и Серую Хитрость. С первым это было сложно, а со вторым, строго говоря, невозможно, поскольку они продолжали жить в одной комнате. По счастью, седовласый решил прибегнуть к той же стратегии и держался в стороне, насколько это получалось. И действительно: они занимались в разных залах, при случайных встречах седой делал вид, что не замечает Цы, а в столовой садился на самое удаленное место. Цы подумал, что Серая Хитрость опасается какого-нибудь ответного удара; в его глазах Цы представал загнанным зверем, который в самый неожиданный момент способен вцепиться в горло охотнику.

Мин, со своей стороны, больше не заговаривал об отчете, что сильно удивляло Цы.

И все-таки юноша не сдавался. По вечерам, после занятий риторикой, он принимался за составление документа, который — как заверял он своих товарищей — докажет мошенничество Серой Хитрости. Цы даже громко похвастался своей работой за обедом, рассчитывая, что новость достигнет ушей его соперника. Юноша был уверен: Серая Хитрость заглотит наживку и рано или поздно поддастся искушению выкрасть новый отчет — как он украл и первый.

Когда у Цы все было готово, он распустил слух, что на следующий день представит свой отчет в совет профессоров и Серая Хитрость окажется в безнадежном положении. А потом ушел в спальню, сел на стул и стал дожидаться.

Его соперник появился под вечер. Увидев Цы, он закашлялся, понурил голову и повалился на кровать, словно вконец обессилев. Но Цы заметил, что седой не спит, а только притворяется. Еще немного подождав, Цы поднялся и положил суму с отчетом в свой сундук — уверенный, что Серая Хитрость наверняка следит за его действиями.

Когда раздался удар гонга, возвещающий час тишины, Цы вышел из спальни.

Мин, заранее предупрежденный, уже поджидал рядом, в коридоре.

— Не знаю, как только ты уговорил меня на эту безумную выходку, — проворчал академик.

— Вы просто спрячьтесь и смотрите, что будет. — И Цы низко поклонился.

Мин и Цы притаились за колонной в коридоре. Единственный фонарь мерцал в отдалении так тускло, будто тоже участвовал в заговоре. Прошло всего лишь несколько мгновений — которые показались им вечностью, — а потом из своего укрытия они увидели, как Серая Хитрость высунул голову в коридор, огляделся по сторонам и юркнул обратно. И вскоре в абсолютной тишине прозвучал скрип сундучных нетель.

— Он уже попался! — шепнул Мин.

Цы покачал головой и сделал знак обождать. Он сосчитал про себя до десяти.

— Пора! — крикнул Цы.

Серая Хитрость вовсю копался в суме своего товарища, когда учитель с учеником ворвались в спальню. Седовласый понял, что попался, лицо его перекосилось.

— Ах ты дрянь! — выкрикнул он и, утратив от ненависти уже всякое разумение, порывисто набросился на Цы и сбил его с ног.

Студенты, сцепившись, покатились по полу, сшибая мебель в крохотной спальне. Мин попробовал их разнять, но соперники взбесились, точно пара диких котов, готовых разорвать друг друга в клочья. Серая Хитрость, более рослый и тяжелый, взгромоздился было на Цы, но тот, оказавшись ловчее и проворней, мигом высвободился. Серая Хитрость нанес противнику удар в живот, но Цы не согнулся от боли. Седой ударил еще раз, изо всех сил, — Цы стоял как ни в чем не бывало. Серая Хитрость растерялся.

— Что, попался наконец? — Цы врезал противнику по скуле. — Ты ведь искал мои доказательства? — Второй удар пришелся по зубам. — Так вот они! — После третьего удара Серая Хитрость повалился навзничь. Мин так и не сумел вмешаться.

Цы выпрямился. Он тяжело дышал, волосы были растрепаны. А Серая Хитрость с окровавленным лицом что-то бубнил, ворочаясь на полу рядом с кроватью. В ответ на все его угрозы Цы презрительно сплюнул. Он проглотил много желчи по вине седовласого и не собирался делать это впредь.

* * *

На следующий день Цы смотрел, как Серая Хитрость покидает академию. Никто не пришел проводить седого, даже дружки, которых он всегда угощал вином. Цы заметил, что за вратами его соперника дожидается целая свита, чьи роскошные одеяния неплохо смотрелись бы и в императорском дворце. Цы не был удивлен. За завтраком студенты уже судачили, что место в управе будет отдано именно Серой Хитрости. Цы сжал зубы, покорившись неизбежному. Да, он, может быть, и упустил шанс, который дается один раз за всю жизнь, зато поквитался со своим обидчиком. К удивлению Цы, Серая Хитрость ему улыбнулся.

— Я так полагаю, ты знаешь, что я ухожу…

— Какая потеря! — мрачно пошутил Цы.

Серая Хитрость скривился. Он подошел ближе и прошептал на ухо Цы:

— Наслаждайся учебой и постарайся про меня не забывать — потому что я про тебя не забуду.

Цы ответил презрительным взглядом.

«Наслаждайся своими разбитыми губами», — буркнул он себе под нос.

* * *

В тот же вечер был созван внеочередной совет, на котором обсуждалось исключение Цы из академии.

Собравшиеся заявили, что, сколь бы ни были правдивы или ложны заверения Мина в чудесных способностях юноши, они ни в коем случае не оправдывают безрассудного поведения последнего. Цы занимает в академии бесплатное место и при этом лишает ее не только доходов, но и доброго имени. А его последняя выходка, исполненная необузданной жестокости, поставила под удар получение щедрого пожертвования, ежегодно вносимого семьей Серой Хитрости.

— Нам фактически пришлось утвердить кандидатуру Серой Хитрости, чтобы избежать серьезных неприятностей.

У Мина было что возразить. Он объявил как о доказанном факте, что именно Цы составил отчет, который Серая Хитрость обманом присвоил себе и огласил. Сторонники исключения тут же напомнили, что в Зале для важных дискуссий Цы сам признал авторство своего товарища и что его последующие доводы и поведение, коим он пытался их подкрепить, — решительно неприемлемы. Большинство профессоров полагали, что этот юноша должен безотлагательно покинуть академию. Мин не желал сдаваться. Он был убежден, что рано или поздно Цы принесет академии пользу куда более существенную, чем все деньги, которые способен внести любой из отцов здешних воспитанников. По этой причине, а еще чтобы сократить расходы академии, Мин предложил собравшимся такой вариант: он оставляет юношу в качестве своего личного ассистента.

По залу пронесся недовольный ропот. Ю, один из самых непримиримых профессоров, назвал Цы человеком лживым, точно купцы, что вместо шелка продают раскрашенную бумагу, или омерзительные шарлатаны, торгующие поддельными лекарствами. Ю даже наградил самого Мина прозвищем Выдумщик и прямо намекнул, что причины того участия, которое он принимает в судьбе юноши, — не человеколюбие, а куда более интимные побуждения. Выслушав эту речь, Мин молча склонил голову. Он знал, что группа завистников, возглавляемых Ю, давно уже добивается его отставки. Академик уже приготовился ответить, когда со своего места поднялся старейший из собравшихся.

— Это злокозненное измышление совершенно неуместно, — произнес он тоном человека, знающего цену своим словам. — Помимо того, что Мин является руководителем нашей академии, он еще и преподаватель, каких сыщется не много, а досужие разговоры о его моральных качествах просто недопустимы. В этих стенах Мин всегда отлично справлялся со своей работой, а сплетни о его личных предпочтениях, о том, чем он занимается вне этих стен, имеют отношение только к его семье и к нему самому.

В зале повисло напряженное молчание, все взоры были устремлены на Мина. Руководитель академии попросил слова, старейшина разрешил ему говорить.

— Мы обсуждаем сейчас не мою репутацию, а репутацию Цы, — резко бросил он осуждавшему его профессору Ю. — С самого первого

дня своего пребывания здесь этот юноша усердно трудился. В течение нескольких месяцев, что Цы провел в академии, он постоянно недосыпал, обслуживал библиотеку, совершенствовал себя и приобрел знаний больше, чем многие из его товарищей за всю свою жизнь. Те, кто не хочет видеть его здесь или, что хуже, преследуя личные цели, стремится при помощи сомнительных доводов подорвать доверие ко мне, — выбрали неверный путь. Цы — юноша неотесанный и вспыльчивый, но при этом он — студент, одаренный редкостным талантом. И хотя его поведение порою заслуживает наших упреков, оно заслуживает также и нашего великодушия.

— Мы и так уже проявили великодушие в полной мере — когда приняли его в академию, — уточнил старейшина.

Мин оглядел собравшихся:

— Если вы не доверяете ему, то, по крайней мере, доверьтесь мне.

* * *

За исключением четверых непримиримых профессоров, мечтавших занять место руководителя академии, все другие участники собрания согласились, чтобы юноша остался учиться — под абсолютную ответственность Мина. При этом было принято еще одно решение: первая же его выходка, которая хоть сколько-нибудь скажется на репутации академии, повлечет за собой немедленное изгнание. И студента, и самого Мина.

Когда учитель сообщил об этом Цы, тот не поверил своим ушам.

Мин постарался ему втолковать во всех подробностях, что с этого дня Цы перестает быть обыкновенным студентом и превращается в его ассистента. Стало быть, он должен забрать свои вещи из спальни, которую делил с Серой Хитростью, и перебраться в личные апартаменты академика на верхнем этаже — там он получит неограниченный доступ и к личной библиотеке Мина. По утрам юноша будет посещать занятия наравне с остальными, но вечерами будет помогать Мину в его исследованиях. Изумленный Цы согласился на все условия; хотя он и не понимал, отчего Мин столь многим рискнул ради него, он все же предпочел обойтись без расспросов.

С этого момента академия превратилась для Цы в рай на земле. По утрам он первым являлся на занятия по классической литературе и последним их покидал. Он не пропускал ни единого занятия по законоведению, а в обходах линьаньских больниц участвовал с пылом влюбленного юнца, стремящегося поразить свою подружку. Но хотя изучение трупов по-прежнему обогащало Цы новыми знаниями, больше всего ему нравились вечера. Сразу после обеда юноша запирался в кабинете Мина и часами вчитывался в трактаты по медицине, которые профессор забрал себе с медицинского факультета перед самым его закрытием. Чем больше юноша читал и перечитывал, тем вернее убеждался, что — несмотря на всю содержащуюся в них мудрость — тексты эти порою неясны, порою беспорядочны и не свободны от повторов. В конце концов он предложил Мину упорядочить этот хаос. По мысли Цы, материал в новых трактатах следовало организовать соответственно болезням, в них описываемым, так, чтобы в каждом конкретном случае достаточно было обратиться к одному источнику — а не прыгать от текста к тексту, в которых все равно повторялись одни и те же идеи.

Мина это предложение увлекло, он отнесся к нему как к делу наиважнейшему. Он сумел убедить в необходимости такой работы совет профессоров и получил от академии дополнительные ассигнования, которые частью потратил на приобретение необходимых материалов, частью — на вознаграждение для Цы.

Цы взялся за дело всерьез. Вначале он просто переписывал и систематизировал информацию из знаменитых книг по медицине, таких как «Уцзан шэнь лу» («Божественные записи о системах человеческого тела»), «Цзинхэнь фан» («Навыки, приобретенные опытом») и «Нэйшу лу» («Записки о реакциях организма»). Ассистент Мина не оставил без внимания и трактаты по криминалистике: «И юй цзи» («Собрание спорных случаев») или «Чжэюй гуйцзянь» («Драгоценное зерцало для разрешения запутанных дел»). А по прошествии нескольких месяцев Цы, не прекращая трудиться над систематизацией, приступил к изложению собственных мыслей. Этим он занимался по ночам, когда Мин уже спал. Прочитав положенные молитвы, Цы зажигал свой фонарь и в его желтоватом свете описывал методы, которые, по его мнению, следовало применять при осмотре трупа. Бывший ученик Фэна полагал, что исчерпывающих знаний об

обстоятельствах смерти еще не достаточно — нужно добиться полного понимания всех, даже самых простых и обыденных фактов. А чтобы ничего не пропустить, при осмотре следует подчиняться строгому порядку: начинать с макушки, черепных швов и контура волос; затем осмотреть лоб, ресницы и глаза — причем обязательно надлежит поднимать веки и не бояться, что дух покойного ускользнет через открытые глаза. Потом наступает черед осмотра горла, груди (в случае, если речь идет о покойной, — грудей), сердца, легочной полости и пупа, паховой области, «нефритового стержня», мошонки и яичек — их следует тщательным образом ощупать, чтобы проверить, полны они либо пусты. В случаях с женщинами (здесь особо приветствуется помощь исследователя женского пола) нужно осмотреть «детородные врата» или «тайные врата», если покойница — юная девственница. Ноги и руки осматриваются в последнюю очередь; специальное внимание следует уделить пальцам и ногтям. Заднюю часть тела следует изучать с не меньшим тщанием: начинать надлежит с затылка, потом опускаться ниже, к шее, к позвоночнику, к ягодицам. Исследовать нужно и анальный проход, и тыльную поверхность ног — причем ощупывать следует одновременно обе любые парные части тела, чтобы сразу же заметить возможные различия — следствия ударов или воспаления. С помощью этого первоначального осмотра должны быть приблизительно установлены возраст покойного и время, прошедшее с момента смерти.

Когда Мин прочел первые страницы рукописи, он просто не знал, что сказать. Многие рассуждения юноши, в первую очередь относящиеся к осмотру мертвых тел, превосходили ясностью и точностью беспорядочные советы, наводнявшие многочисленные ученые трактаты, но были и другие, в которых речь шла о вовсе не известных старому академику методиках, — не говоря уже о новаторских предложениях по использованию хирургических инструментов или о необычном леднике, который Цы купил на свои деньги и приспособил для длительного хранения человеческих органов, — ассистент высокопарно именовал его «Покои сохранения».

Цы почти не общался с другими студентами. Призраки из прошлого заставляли его трудиться, точно раба, да ему больше ничего и не хотелось. Ни о чем другом он попросту не думал. Цы делал свою работу так хорошо, как только мог, и приходил в неистовство, если не

находил ответа на какой-нибудь вопрос или пропускал при осмотре трупа малейшее повреждение. А когда молодому исследователю удавалось справиться со сложной задачей, он наслаждался победой в одиночку. У него не было друзей, он не сошелся ни с кем из однокашников. И совсем не горевал об этом. Он тратил все свое время на работу, отгородившись от остального мира. Глаза его были только для книг, а сердце — для мечтаний.

А Мин между тем настаивал, чтобы юноша не упускал из виду и юридические аспекты.

— Иногда тебе придется не только устанавливать причину смерти, — объяснял академик. — Что ты скажешь, если покойного избивали сразу несколько человек? Или еще сложнее: что произошло, если этот человек умер через несколько дней после драки? Как ты определишь, явилась ли его смерть следствием избиения, или же здесь сыграло свою роль какое-нибудь давнее заболевание?

А потом Мин рассказал ученику о «Сроках смерти». Цы была знакома классификация ранений соответственно орудиям, которыми они были нанесены, но он был удивлен, услышав, что эта классификация применяется для определения «Сроков смерти». Мин объяснял во всех подробностях: повреждения, нанесенные руками и ногами, заживают максимум через десять дней, тогда как срок заживления для любого другого орудия — включая и зубы — может достигать трех недель. А в случае с ошпариванием или ожогом предельный срок — месяц; то же касается потери глаза, рассечения губы и перелома.

— И это очень важно, ведь если смерть происходит в пределах установленного срока, ее можно отнести на счет ранений, если же позже, то полученные травмы тут ни при чем и мы не можем обвинять подозреваемого в убийстве.

Цы был поражен: оказывается, о столь субъективных материях можно судить с неоспоримой точностью.

— Но если смерть повлекут также и последующие повреждения? Или если человек умрет уже по истечении срока, но все равно от полученных когда-то ран?

— Приведу один пример. Представь себе, что человек ранен каким-то орудием. Вроде бы царапина, однако за неделю она приводит к нагноению, от которого человек и умирает. Предположим, это

происходит до истечения двадцати дней — тогда преступника обвинят в убийстве, какой бы легкой ни была первоначальная рана. Теперь так: а если рана гноится и опухает, но именно в это время раненого кусает гадюка и он умирает от яда? Тогда преступника накажут только за нанесение этой царапины.

Цы покачал головой. А чуть позже ему пришлось качать ею еще сильнее — например, когда речь зашла о более сложных случаях, скажем о травмировании беременных женщин. Если после избиения у женщины случится выкидыш, тогда срок сохранения ответственности возрастал еще на месяц — но при этом суммарный срок все равно никогда не мог превысить пятидесяти дней… Когда Цы заявил, что он — сторонник индивидуального подхода к каждому случаю, изумился уже его наставник.

— Законы созданы для того, чтобы их исполняли. А эта твоя строптивость уже доставила тебе немало бед, — проворчал Мин.

Цы не был уверен в правоте учителя. Законы действительно созданы для блага людей, однако совет профессоров, соблюдая все правила и предписания, ходатайствовал о присвоении чиновничьего ранга не кому-то, а Серой Хитрости.

При воспоминании об этом у юноши закололо в боку. Цы склонил голову, чтобы не ввязываться в бесполезный спор, и продолжил работу, размышляя, как теперь обстоят дела у седовласого.

* * *

Зима пролетела незаметно, а вот весна отозвалась в душе Цы новым беспокойством. Юноша теперь часто просыпался среди ночи в холодном поту, с отчаяньем вглядываясь в ночную тьму и силясь разглядеть в этой абсолютной пустоте призрак Третьей. Он искал сестру и глазами, и сердцем. Остаток ночи он трясся в ужасе от того, что ее нет рядом — как нет и семьи; впрочем, Цы временами казалось, что семьи у него никогда не было. В такие минуты Цы с тоской вспоминал о судье Фэне. Юноша, конечно, подумывал о том, чтобы отыскать судью, но, пока дела его в академии шли хорошо, не стоило, что называется, будить лихо; Цы опасался, что если его первый

учитель вновь появится в его жизни, то рано или поздно всем станет известно, что сам он — беглый преступник.

Однажды, выкроив для отдыха вечер, Цы решил подыскать себе подружку во Дворце наслаждений.

Девушка, которую он выбрал, была с ним очень обходительна. Юноше даже показалось, что нежна. «Цветочек» не устрашилась его ожогов, губы ее путешествовали по его израненному телу, выделывая такое, чего он и вообразить себе не мог. Что ж, он давал ей деньги, она избавляла его от одиночества.

Цы вернулся во Дворец через неделю, и через две, и через три. Так продолжалось до тех пор, пока как-то пасмурным вечером он не встретил там Серую Хитрость. Седовласый сидел за тем же столом, где когда-то так подло обманул юношу. У Цы снова заколoло в боку. Молодой чиновник веселился и пьянствовал в окружении дружков, которые хохотали над его шуточками, словно не замечая уродства его рассеченной губы. Цы попятился к дверям, но Серая Хитрость не дал ему ускользнуть. Он вразвалочку подошел к своему врагу и ухватил за горло. Собутыльники седого тут же бросились ему на помощь. Нечувствительность Цы к боли только распалила ярость этой оравы. Удары становились все жестче, все опасней; в конце концов Цы потерял сознание. Он пришел в себя только в академии, окруженный заботами Мина. Старик отирал его лоб влажным платком с нежностью матери, пекущейся о своем малыше. Цы едва мог шевельнуться и почти не видел. Вскоре тьма вновь поглотила его. Вторично придя в себя, он понял: Мин по-прежнему рядом. Цы слышал его голос, но не разбирал слов. Он еще долго не мог понять, что говорит Мин.

Учитель объяснил, что Цы пролежал без чувств три дня.

— Какая-то девушка, по-видимому твоя знакомая, сообщила в академию, что ты попал в беду, и я с несколькими учениками отправился за тобой. По ее словам, тебя избили какие-то незнакомцы. Именно таким образом я и преподнес это дело здесь.

Цы попытался встать, но Мин ему не позволил. Лекарь, которого пригласил старый ученый, предписал юноше покой до тех пор, пока ребра не срастутся. Постельный режим недели на две. Вполне достаточно, чтобы пропустить важнейшие занятия. Однако Мин велел ученику ни о чем не беспокоиться. Он прикоснулся к его руке с такой же нежностью, как это делают «цветочки».

— Я о тебе позабочусь.

* * *

Пока Цы поправлялся, академик заботился о нем, ухаживал за ним — но и попрекал постоянно. Учитель ворчал, что нелюдимость Цы мешает ему получать удовольствие от процесса познания и лишает радости, доступной всем другим ученикам. Да, Мин был доволен трудолюбием Цы, однако само по себе недосягаемое превосходство, с которым Цы делал свою работу, угрожало юноше пагубным одиночеством. А общество «цветочка», судя по последствиям, оказалось далеко не лучшим выходом. Цы притворялся, будто не слышит, но по ночам, когда часы тянулись особенно медленно, он обдумывал то, что якобы пропустил мимо ушей. Слова академика жалили его в самое сердце, потому что Мин был прав. Призраки, преследовавшие Цы по ночам, не давали ему покоя и наяву. Двусмысленность отношения к отцу доставляла ему буквально физическую боль, словно выгрызая внутренности. Чтобы вернуть себе спокойный сон, он должен был изгнать этот призрак из своего сердца. Вот только как?

Цы решил во всем признаться Мину.

Он нашел академика в его кабинете — Мина трудно было разглядеть в клубах курящихся благовоний; дым поднимался к потолку причудливыми фонтанами, заволакивая темное помещение пепельно-серой завесой. Густой приторно-сладкий запах сандала мешал дышать. Наконец Цы увидел неподвижную фигуру Мина, в глубокой задумчивости сидевшего перед чашкой чая. Лицо старика поблескивало, точно восковое. Разглядев вошедшего, учитель негромко пригласил Цы садиться. Цы молча повиновался. Он не знал, с чего начать, но Мин облегчил ученику задачу:

— Должно быть, дело важное, раз уж ты решился отвлечь меня от молитвы. Ну так выкладывай, я с удовольствием тебя выслушаю.

Голос его звучал мягко. Цы вздохнул. Мин умел превращать обломок сухой ветки в тонкую кисточку, готовую к работе.

Цы начал с того, что объяснил, кто он такой и откуда явился. Он рассказал о странной болезни, которой отмечено его тело; о своей

давнишней учебе в университете; о времени, когда он работал помощником у судьи Фэна; о потере всей семьи и о страшном своем одиночестве. Но самое главное — он признался в недостойном поступке отца и в бесчестье, запятнавшем всю жизнь сына. И только когда подошло время рассказать, что и сам он спасался бегством от стража порядка, труп которого так недавно осматривали студенты академии, Цы испугался и замолчал.

Мин слушал признания своего ассистента спокойно, прихлебывая горячий чай с таким наслаждением, будто вкушал редкостное и дорогое яство. Лицо старика было непроницаемо, словно подобные истории он слышал уже тысячу раз. А когда Цы умолк, Мин поставил чашку на низкий столик и пристально всмотрелся в лицо своего ученика.

— И вот тебе уже двадцать два года. Дерево всегда в ответе за свои плоды, а вот плод не может отвечать за дерево. К тому же я уверен, если ты хорошенько поищешь в своей душе, то отыщешь причины гордиться своим отцом. Я вижу их в твоей мудрости, в твоих манерах, в твоем воспитании.

— Воспитании? Да с тех пор, как я попал в академию, вся моя жизнь была сплошным потоком лжи и притворства. Я…

— Ты юноша порывистый и самолюбивый, но вовсе не бездушный. Иначе откуда бы взяться этим угрызениям, лишающим тебя сна? Ну а насчет твоей лжи… — профессор подлил чаю в чашечку, — я дам тебе один нехороший совет: тебе пора бы научиться врать поскладнее.

Мин поднялся и взял с полки книгу, которую Цы тотчас узнал. Уложение о наказаниях — такое же, какое было у батюшки.

— Мясник, который наизусть цитирует «Сун син тун»? — Профессор нахмурил брови. — Могильщик, который только приехал в Линьань, но уже знает единственное место в городе, где продается столь странное лакомство, как сыр? Необразованный бедняк, который позабыл все, кроме анатомии и знаний о человеческих ранах? Ну скажи мне, Цы, ты действительно надеялся меня обмануть?

Цы не знал, что ответить. Он залепетал что-то, но, на его счастье, Мин прервал его бормотание:

— Я кое-что в тебе разглядел, Цы. За лживыми словами, слетавшими с твоих губ, я увидел неподдельную печаль. Твои глаза

молили о помощи. Такой наивный взгляд, такой беззащитный… Ты не вправе разочаровать меня, Цы.

В эту ночь Цы наконец-то спал спокойно.

Так было в первый и последний раз. На следующий день все переменилось.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ

23

То утро началось, как и любое утро в июне. Цы проснулся чуть свет, умылся во внутреннем дворике Мина и воздал положенные почести усопшим предкам. Позавтракав, побежал в библиотеку и с головой погрузился в написание отчета, который к вечеру следовало представить в совет профессоров; это был свод методов и приемов для осмотра трупов, который должен был дать представление о его работе в качестве ассистента Мина. Но вскоре юноша с ужасом обнаружил, что забыл вставить в свой отчет несколько ключевых положений из «Чжубин Юаньхоу Цзунлунь» — «Общих рассуждений о причинах и последствиях всех болезней». А сам трактат остался в кабинете Мина.

Цы в раздражении грохнул кулаком по столу. Трактат был ему необходим срочно, но именно в это утро академика неожиданно вызвали в областную управу, и вернется он еще не скоро. Если дожидаться его возвращения, к вечеру с отчетом не управиться. Цы понимал, насколько это дерзостный поступок — проникнуть в личный кабинет профессора без его дозволения. Но ведь ему нужен трактат…

«Это плохая идея».

Цы толкнул дверь и вошел в кабинет Мина. Здесь было темно, так что к стеллажу с книгами он брел почти вслепую.

Сердце юноши бешено колотилось. Пальцы его пядь за пядью ощупывали полку, где обычно стоял «Чжубин Юаньхоу», — и ничего. Пустота. Цы пробрала нервная дрожь.

Он снова проклял свою несчастную судьбу. Но не сдался и начал шарить на соседних полках.

И вот наконец Цы разглядел нужную книгу — она лежала на столе, под другим фолиантом в шелковом переплете. Цы приближался к столу медленно, бесшумно скользя по полу. Вот он протянул руку. Вот прикоснулся к трактату, но робость сковала его движения. Юноша замер в нерешительности.

«Это плохая идея», — повторил он про себя.

Цы уже готов был отступить, когда дверь неожиданно распахнулась. Рука юноши дернулась, книга упала на пол, увлекая за собой и другую, ту, что в шелке.

На пороге стоял Мин. Учитель прошел внутрь и зажег фонарь. Увидев Цы, он удивленно заморгал:

— Что ты тут делаешь?

— Я… мне нужно было заглянуть в «Чжубин Юаньхоу», — выдавил Цы.

— А я тебя предупреждал: не трогай мои вещи! — Мин был вне себя от ярости.

Цы быстро наклонился, чтобы подобрать книги и вручить их владельцу. Шелковый переплет распахнулся, и Цы увидел иллюстрации: голые мужчины в разнообразных позах. Мин поспешил убрать книгу подальше.

— Это трактат по анатомии, — произнес он, как будто оправдываясь.

Цы кивнул, не понимая, отчего это учитель пытается его обмануть.

Он хорошо знал подобные труды — в них никогда не изображались однополые парочки. Юноша еще раз извинился и попросил разрешения выйти.

— Забавно: ты просишь моего дозволения, чтобы выйти, а можно ли войти — ты меня не спрашивал. И возьми свой трактат. Или он тебе больше не нужен?

— Простите меня, господин. Я повел себя как последний дурак.

Мин затворил дверь и велел юноше садиться. И сам сел напротив. Вены на его лице вздулись от гнева; взгляд был исполнен того же чувства.

— Скажи-ка, Цы: ты хоть раз задумывался, отчего это я проявляю к тебе столько заботы?

— Да, много раз. — Цы пристыженно склонил голову.

— Ну так ответь откровенно: думаешь, ты этого заслуживаешь?

Цы насупился еще больше:

— Полагаю, что нет, господин.

— Он полагает! Ты знаешь, где я сейчас был? — Мин почти кричал. — Я ходил в областную управу. Мне было приказано явиться в Императорскую высшую судебную палату, чтобы проконсультировать тамошних судей. А все потому, что некто, похоже, совсем сбился с дороги и совершил преступление столь кошмарное, что его не в состоянии был бы измыслить и самый разнузданный дикарь. Мне

было велено явиться ко двору — и знаешь, что я сделал? Я завел разговор о тебе. Да-да, именно о тебе. — Мин горько улыбнулся. — Я рассказал, что в академии сейчас учится поистине исключительный студент. Лучше меня! Молодой человек, наделенный даром невероятной, просто фантастической наблюдательности. И я умолял их — да-да, умолял! — чтобы тебе было дозволено сопровождать меня. Я рассказывал о тебе, как отец, гордящийся своим сыном, я описывал им человека, которому готов доверить заботы о собственном доме и даже о собственной жизни. И чем ты мне платишь? Обманываешь мое доверие? Шмыгаешь в мои покои и роешься в моих книгах? Что еще я должен для тебя сделать, Цы? Отвечай же! Я дал тебе работу, я вытащил тебя из грязи, я тебя защищал и оберегал. Чего же еще я не сделал? — Мин ударил кулаком по столу.

Цы онемел от услышанного. Все тело его дрожало, и пожелай он что-нибудь ответить Мину, он не сумел бы выговорить ни слова. Цы было больно даже от собственных мыслей. Он мог бы сказать, что никогда не вошел бы в кабинет к учителю, если б не отчаянная необходимость. Объяснить, что если бы не его любовь к учению, не благодарность за все, что для него сделано, не чувство долга и искреннее желание оправдать надежды Мина, — он никогда не позволил бы себе вторгнуться в частную жизнь учителя. И что само это столь непростительное вторжение объясняется одним-единственным желанием: не подвести профессора на совете и дать ему возможность, гордясь своим учеником, посрамить тех, кто выступал против него.

Вот только объяснения эти сейчас выплескивались одной лишь соленой влагой в глазах.

Стыдясь своей слабости, Цы молча поднялся, но профессор схватил его за плечо.

— Не так быстро. — Он снова повысил голос. — Я дал судьям слово, что ты явишься ко двору, и так оно и будет. А после этого ты уйдешь. Соберешь свои вещи и навсегда исчезнешь из академии. Я не желаю тебя видеть больше ни минуты.

Мин выпустил его плечо, и это значило: теперь — прочь.

* * *

Любой из смертных в здравом рассудке отдал бы руку на отсечение за возможность проникнуть за стены императорского дворца. А вот Цы сейчас отдал бы обе руки — лишь бы добиться приветливого взгляда Мина.

Понурившись, он брел в пыльном облаке, которое поднимал большой судейский кортеж. Они двигались по Императорскому проспекту к холму Феникса. Шествие открывали двое слуг, неистово колотивших в барабаны, возвещая о явлении областного судьи; а тот, раскачиваясь, будто плыл в своем паланкине посреди толпы зевак, жадных до любых зрелищ — в особенности до пыток и казней. Угрюмо опустив голову, Мин шел следом. И каждый раз, глядя на него, Цы терзал себя вопросом: как мог он предать своего учителя?

Мин больше не перемолвился с ним ни словом. Единственное, что он сообщил, даже не глядя на Цы, — это что во дворце их ожидает император Нин-цзун.

Нин-цзун, Сын Неба, Умиротворяющий Предок. Немного было избранных, коим дозволялось простереться перед императором ниц, и еще меньше — тех, кто имел право на него взглянуть. Только ближайшие советники осмеливались к нему подойти, только его жены и дети могли к нему прикоснуться, только его евнухам удавалось на него повлиять. Жизнь императора протекала внутри Запретного Города, за стенами, отгораживавшими его от городской гнили и всеобщего несчастья. Запертый в золотую клетку, Сын Неба тратил жизнь на нескончаемый протокол приемов, церемоний и конфуцианских ритуалов, не имея ни малейшей возможности что-то переменить. Всякий знал, что быть императором — это величайшая ответственность, тяжкая повинность. Его служение исполнено было не радости, но постоянного самопожертвования.

И вот теперь Цы стоит на пороге, отделяющем преисподнюю от небес, — только сам еще точно не знает, где одно, а где другое.

Когда судейский кортеж вступил за стены, перед юношей открылся мир богатства и роскоши. Фонтаны, вырубленные прямо в скале, орошали зеленый сад, по которому бегали косули и чинно вышагивали павлины такой насыщенной синевы, что казалось, их специально подкрасили к прибытию судьи. Между газонами, засаженными пионами, и деревьями с узловатыми стволами весело журчали ручьи; на скатах крыш, колоннах и перилах состязались

между собой в пышности блеск золота и яркость киновари. Цы удивили причудливые изгибы крыш — края их как будто стремились вернуться обратно к середине. По мере продвижения глазам юноши открывался потрясающий архитектурный ансамбль: здания были собраны в идеальный квадрат и сориентированы по оси север — юг, они высились грозно и самодовольно, словно исполинские солдаты, уверенные в своей мощи и даже не думающие об обороне. И все-таки по обе стороны дороги, соединявшей ворота во внешней стене с дворцовым ансамблем, частоколом тянулись цепи караульных.

Кортеж в молчании продвигался вперед. А потом остановился перед лестницей, ведущей к первому из дворцов, Павильону приемов, который располагался между Дворцом холода и Дворцом жары. Там под мозаичным портиком их нетерпеливо дожидался полный мужчина с дряблым морщинистым лицом: судя по знакам на его шапочке, то был досточтимый Кан, министр Син бу — страшной Палаты наказаний. Присмотревшись, Цы разглядел пустую впадину на месте его левого глаза. Веко над правым глазом министра нервно подергивалось. Дворцовый распорядитель с угрюмым лицом приступил к церемонии приветствия. Когда протокольные поклоны завершились, он предложил прибывшим следовать за ним. Процессия молча двинулась по нескончаемой галерее. Цы миновал вместе с судейскими несколько залов, украшенных молочно-белыми фарфоровыми вазами, выделявшимися на фоне лакированных алых стен; затем они миновали квадратное помещение с потолком, который своим блеском не уступил бы нефриту; далее их ожидал еще один зал, пусть и не столь пышный, но не менее величественный. Как только все вошли, дворцовый распорядитель повелительно взмахнул рукой:

— Досточтимые эксперты, приветствуйте императора Нин-цзуна! — Распорядитель указал на пустой трон, занимавший самое почетное место в этом зале.

При этих словах все присутствующие простерлись перед троном и ударили головами в пол — будто перед ними действительно восседал император. Тотчас по завершении ритуала чиновник предоставил слово министру Кану. Одноглазый с трудом взобрался на подмостки рядом с троном и внимательно оглядел присутствующих. Цы отметил отпечаток пережитого ужаса на его грозном лице.

— Как вам уже известно, я призвал вас сюда из-за поистине омерзительного дела. Обстоятельства таковы, что вам придется полагаться не столько на проницательность, сколько на чутье. То, что вам предстоит увидеть, выходит за рамки человеческого разумения, принадлежа, скорее, миру чудовищ. Я не знаю, каков он, этот преступник, бросивший нам вызов, — человек ли, зверь или призрак, однако, кем бы он ни был, вы призваны сюда, дабы изловить это мерзостное существо.

Кан спустился с подмостков и направился к следующему залу, который охраняли двое солдат столь же невероятно огромных, сколь и воздетые алебарды в их руках. Но еще больше юношу поразила дверь из черного дерева, на которой были вырезаны десять царей преисподней. Когда дверь открылась, Цы ощутил знакомое зловоние гнилой человеческой плоти.

На входе помощник Кана раздавал пришедшим нитки, пропитанные камфарным маслом; судейские, скатав те в шарики, поспешно засовывали их в ноздри. А потом всех пригласили в Комнату ужаса.

По мере того как эксперты обступали груду окровавленного мяса, любопытство на их лицах сменялось замешательством, а замешательство — паникой. Под саваном легко можно было различить очертания искалеченного тела, напоминавшего человеческое. На ткани проступали алые пятна — там, где у нормального человека находятся грудь и шея. А потом саван резко опадал вниз — у этого тела отсутствовала голова.

По знаку чиновника верховная управительница дворца откинула покров, в зале послышались вздохи и вскрики. Одному из приглашенных стало дурно, другого стошнило. Все гости Комнаты ужаса попятились назад. Все, кроме Цы. Юноша даже глазом не моргнул. Он бестрепетно рассматривал окровавленное тело, которое совсем недавно было женским. Эта нежная плоть, теперь безжалостно изувеченная, напоминала останки животного, которым уже успели поживиться падальщики… Голова была срезана начисто, обрубки пищевода и трахеи свисали из шеи, точно свиные кишки. Ноги тоже были обрезаны на уровне лодыжек. На туловище выделялись две страшные раны: одна открывалась под правой грудью и напоминала глубокий кратер — как будто какой-то зверь проедал это место, пока не

добрался до легкого. Вторая рана была еще страшнее, от ее вида у Цы все же закружилась голова: ужасная треугольная прорезь шла от промежности и почти до пупка, обнажая месиво из мяса, жира и крови. Вся «пещера наслаждений» была вырезана подчистую — это наводило на мысль о каком-то загадочном ритуале. Ни головы, ни других отрубленных частей под саваном не было.

Цы неуместно взгрустнулось. Девушка с такими изящными руками никак не заслуживала столь бесчеловечной расправы. Слабый аромат ее духов все еще пытался бороться с гнилостью разложения. Чиновник сделал знак отойти от трупа, Цы повиновался. Кан зачитал экспертам предварительный отчет, составленный по результату первичного обследования, проведенного под руководством верховной управительницы. Помимо того, что Цы и сам успел увидеть, в отчете почти ничего не было, только мелкие детали: приблизительный возраст женщины — около тридцати лет; описание ее грудей и сосков — маленькие и мягкие; кожа — белая и шелковистая. Упоминалось также, что женщина была обнаружена одетой — лежала в переулке поблизости от Соляного рынка. Под конец приводились соображения управительницы по поводу того, какое животное способно так изувечить женщину — предположительно тигр, собака или дракон.

Заслушав этот отчет, судейские разом принялись бормотать, вполголоса обмениваясь первыми впечатлениями; Цы молча покачал головой. Несомненно, верховная управительница многое знает про роды, про ведение хозяйства и устроение праздников, однако вряд ли эта женщина способна отличить укус насекомого от ожога. Но Цы ничем не мог помочь расследованию. Мужчинам решительно запрещено прикасаться к трупам женщин. Таковы установления конфуцианства, и никто в здравом рассудке не станет им противоречить.

Кан тотчас же потребовал, чтобы эксперты высказали свое мнение.

Первым решился выступить судья из областной управы. Он шагнул вперед, медленно обошел вокруг трупа и попросил управительницу перевернуть тело, чтобы увидеть также и спину.

Остальные воспользовались моментом и тоже придвинулись ближе. Женщина осторожно перевернула покойницу, и взорам присутствующих предстала молочно-белая спина без видимых

повреждений. Талия убитой была полновата. Ягодицы казались мягкими и рыхлыми. Судья еще раз обошел труп по кругу, то и дело дергая себя за реденькую бородку. Потом осмотрел одежду, которая была на убитой при обнаружения тела. Одежда была самая простая, льняная — из тех, что носит прислуга. Судья почесал голову и обернулся к советнику Кану:

— Досточтимый министр наказаний! При виде столь чудовищного зверства даже слова со страхом слетают с языка. Полагаю, было бы неуместно заново описывать характер и количество ранений, достоверно изученных теми, кто осматривал тело прежде меня. Разумеется, я согласен с моими коллегами в том, что касается нападения чудовища; какого именно — я даже предположить не могу из-за совершенно необычайного характера телесных повреждений. — Судья задумался над следующей фразой. — Однако в свете всех фактов я беру на себя смелость утверждать, что мы столкнулись с одной из сект, практикующих темные искусства ведовства. Быть может, это приверженцы Белого Лотоса, или манихеи, или же христиане-несторианцы, или Посланцы Майтрейи. Мои слова подтверждаются тем, что убийцы, движимые отвратительными страстями, на своем кровавом сборище отрубили ступни этой несчастной, но, не удовлетворившись и этим, потешили свои извращенные желания и свою кровавую похоть, дав какому-то зверю выесть жертве печень. — Судья посмотрел на Кана в ожидании согласия. — Мотивы преступления? Кто угадает побуждения, что порождены вывернутыми наизнанку мозгами этих убийц: обряд инициации, расплата за непослушание, жертва демонам, изготовление чудодейственного эликсира, в состав которого должны входить человеческие органы…

Кан покивал, обдумывая речь судьи. А затем предоставил слово Мину.

Цы внимательно следил за академиком, когда тот не спеша всходил на подмостки. Юноша ловил каждое его слово, каждую тень на лице.

— Досточтимейший министр наказаний, позвольте мне склониться перед вашим величием. — Мин низко поклонился. — Я всего-навсего скромный преподаватель и поэтому не могу даже слов найти для выражения благодарности за то, что вы сочли меня

достойным участвовать в расследовании этого кошмарного события. Надеюсь, духи просветлят мой разум и мне удастся хоть немного рассеять тьму, в коей мы пребываем. — (Кан жестом велел академику продолжать.) — Я также хотел бы принести извинения тем, кто мог бы оскорбиться, услышав, что мои предположения расходятся с изложенными ранее. Если такое и впрямь случится, я вверяю себя вашему милосердию.

Мин замолчал, разглядывая спину покойницы. Потом попросил управительницу вернуть тело в первоначальное положение. Увидев вблизи дыру на месте промежности, Мин не сдержал гримасы отвращения. И все-таки он внимательно осмотрел каждую рану. Затем потребовал бамбуковый жезл, чтобы с его помощью покопаться в ранах; Кан это дозволил. Закончив, Мин окинул труп последним взглядом и обернулся к советнику.

— Раны — надежные свидетели, повествующие нам о случившемся. Иногда они сообщают — как; порою — когда; а бывает, даже и почему. Однако мы, здесь собравшиеся, добиваемся справедливого возмездия. Умение исследовать трупы позволяет нам установить, глубока ли рана, преднамеренно нанесен удар или нет, силен преступник или слаб, — однако, чтобы раскрыть преступление, всенепременно требуется проникнуть в побуждения убийцы. — Мин сделал паузу, Кан нервно забарабанил пальцами. — И хотя все это лишь мои умозаключения, я полагаю, что вырезание «пещеры наслаждений» было деянием извращенца. Порыв дурного сладострастия привел к преступлению невиданной жестокости. Я не уверен, что в этом деле замешана какая-то тайная секта. Быть может, отверстие на груди и наводит на эту мысль, но я убежден, что убийца отрезал голову и ступни вовсе не из-за приверженности зловещему культу. Он это сделал, скорее, чтобы затруднить опознание жертвы. Надо думать, любой смог бы узнать эту женщину по лицу. А ступни пришлось удалить потому, что они указывали на ее происхождение или общественное положение.

— Я вас не понимаю, — перебил Кан.

— Эта женщина — не простая крестьянка. Изящество рук, ухоженные ногти и даже ощутимый аромат духов, который до сих пор исходит от тела, — все это говорит нам, что женщина принадлежала к высшему кругу. А вот убийца пытается убедить нас в обратном, для

того он и обрядил ее в грубые одежды. — Мин не спеша прошелся по залу. — Всем известно, что женщины знатного происхождения с детства заботятся о своих ступнях, перевязывая их так туго, чтобы они не могли расти. Но мало кто знает, что эта болезненная деформация, превращающая ступни в маленькие кулачки, у каждой женщины проходит по-разному. Скованные повязкой, большие пальцы загибаются кверху, а прочие — к подошве; бинтование продолжается до тех пор, пока не достигается желаемый результат. И для нас важно, что у каждой ее маленькие ножки будут отличаться от любых других. Потому что, хотя благородные дамы никогда не демонстрируют свои «цветки лотоса» прилюдно, они не оставляют ухода за ногами — и этим занимаются служанки. Итак, любую женщину, пусть даже и без лица, легко опознают их служанки — стоит только взглянуть на их ступни. А именно этого и стремился избежать преступник.

— Да, любопытно… А что насчет раны на груди?

— Ах да! Эта странная выемка! Мой досточтимый предшественник говорил о жестокости убийцы — и это факт бесспорный, вот только я не вижу, по какой причине нам следует заключить, что эта рана была нанесена непосредственно после смерти. Да, верно, она напоминает укусы животного, однако не менее верно и то, что любая собака могла выгрызть этот проем, когда труп уже валялся в проулке.

Кан поджал губы. Затем он в задумчивости перевел взгляд с Мина на клепсидру, отмеряющую время.

— Ну что же, господа. От имени императора благодарю вас за усердие. Если вы снова нам понадобитесь, мы сразу же вас призовем, — объявил министр наказаний. — А теперь, будьте так любезны, мой помощник проводит вас к выходу. — Кан уже повернулся к другой двери.

— Прошу прощения, ваше превосходительство! — осмелился нарушить церемонию Мин. — Еще не высказался Толкователь… Я говорил о нем судье управы, и его степенство согласился пригласить его сюда.

— Толкователь? — удивился Кан.

— Толкователь трупов. Мой лучший ученик. — Мин указал на Цы.

— Мне ничего не докладывали об этом. — Министр сурово взглянул на своего приближенного, тот опустил голову. — А что он может помимо того, что уже сделали вы?

— Вероятно, вас это удивит, однако его глаза способны видеть то, что для остальных — потемки.

— Действительно, это меня удивляет. — Кан посмотрел на юношу с таким недоверием, как если бы ему сказали, что тот способен оживлять мертвых. Немного поразмыслив, министр решился. — Ну хорошо, только давайте побыстрее. Что ты можешь добавить?

Цы вышел вперед и достал нож. «Я почти уверен», — шепнул он себе под нос.

И в следующий момент, к изумлению всех собравшихся, он ткнул ножом в живот покойницы.

— Теперь вы понимаете? — спросил Цы, окровавленной рукой раздвигая кишки.

— Что я должен понимать? — выговорил Кан.

— Что перед нами труп мужчины. А не женщины.

24

«Это мужчина. А не женщина…»

Когда штатные медики Кана подтвердили, что под кишками и вправду нет женских органов, зато обнаруживаются обрезки мужских, министр надолго онемел. Он медленно осел на табурет и сделал Цы знак продолжать.

Взволнованным, но твердым голосом юноша объявил, что причиной смерти явилось проникающее ранение легкого. Да, по краям раны нет характерных сокращений мышц и розовых затвердений, как бывает, когда режут по живому; нет их и на щиколотках, и на шее, однако он убежден, что смерть наступила из-за раны в легком, поскольку оно разорвалось, будто проколотое остро отточенным предметом.

Перейдя к способу нанесения раны, Цы напрочь отверг версию о животном. Действительно, в правом легком яростно копались, будто стремясь забраться как можно глубже, однако по краям не наблюдалось ни царапин, ни следов от укусов. Ни единого шрамика. Ничего, что указывало бы на нападение зверя. К тому же, хотя ребра у трупа и переломаны, они переломаны «чисто», почти осторожно — как если бы работали щипцами. Не важно, чем их ломали, но создавалось впечатление, что убийца что-то искал в этом теле. И по всей вероятности, нашел.

— И что же это? — не выдержал Кан.

— Этого я не знаю. Быть может, наконечник стрелы, которая обломалась при попытке ее извлечь. Вероятно, она была выкована из какого-нибудь драгоценного металла или несла на себе опознавательный знак, — не знаю, однако истина в том, что убийца взял на себя труд избавиться от всех возможных улик.

— Даже прибег к ампутации…

— Учитель Мин с присущей ему достославной проницательностью упомянул о женщине из благородной семьи, чьи крохотные ступни могли бы выдать ее родовитость. Но именно с помощью этой хитрости преступник и пытался нас запутать. Что еще мы могли себе вообразить, видя перед собой нежное женское тело, с женской грудью и прочими формами? Убийца избавился от всего, что

могло бы верно указать нам на пол убитого. Он отрезал голову, чтобы мы не смогли опознать этого человека, отпилил его большие ступни, чтобы мы решили, будто перед нами знатная женщина, и вырезал его «нефритовый стержень» и «семена плодородия». Однако же он хитроумно оставил нетронутой женскую грудь несчастного. И убийца обязательно добился бы своего, если бы обратил внимание на размер рук покойного — они ведь слишком велики для женщины, хотя действительно мягки и изящны.

— Но тогда я просто не понимаю, — покачал головой Кан. — «Нефритовый стержень», женские груди… Если он ни то ни другое — то что же это тогда за чудище?

— Никакое не чудище, господин министр наказаний. Этот несчастный просто-напросто был императорским евнухом.

Кан захрипел, точно буйвол. Хотя этот случай был не из самых обычных, наличие женоподобных евнухов было при дворе делом известным, особенно много встречалось таких, кого кастрировали еще до наступления половозрелого возраста. Министр в ярости сжал кулаки и выругался про себя — как мог он сам не подумать об этом! Если в мире и было нечто более ненавистное Кану, чем неповиновение, — так это когда кто-нибудь выказывал больше хитроумия, чем он сам. Министр посмотрел на Цы так, будто именно юноша был виноват в его недогадливости.

— Все свободны, — процедил он. — Больше мне от вас ничего не нужно.

* * *

На обратном пути в академию Мин принялся допытываться:

— Чем больше я об этом размышляю, тем меньше понимаю, как же ты догадался…

— Мне пришло это в голову во время вашего осмотра. Когда вы упомянули, что женщину легко опознать по ее перебинтованным ногам и что именно поэтому убийца их и отрезал…

— И что же?

— Вы сами сказали, бинтование ног — традиция довольно новая и распространена только среди знати. Это Кану, безусловно, известно.

И я подумал, что наверняка он уже разузнал, не пропала ли женщина в какой-либо из зажиточных семей. А если он прибег к вашей помощи, следовательно, ничего выяснить ему не удалось.

— Но вывод насчет евнуха…

— Как выразился Кан, покойный не был ни женщиной, ни мужчиной… Что-то невразумительное. Просто мерцающий образ. Вскоре после того, как я появился в Линьане, мне, к несчастью, пришлось наблюдать кастрацию мальчика, родители которого собирались сделать его императорским евнухом. Мальчик погиб от потери крови, никто не сумел помочь. Я вижу это так же ясно, как будто бы все случилось вчера…

* * *

Весь остаток пути Мин прошагал в молчании. Его мрачное лицо и сжатые челюсти приводили Цы в трепет. Перед аудиенцией во дворце профессор объявил, что намерен изгнать ученика из академии. Теперь Цы страшился, что его догадливость в деле с евнухом могла показаться обидной для гордого академика и лишь добавит твердости страшному для Цы решению. Юноше вспомнился тот день, когда он в деревне помог судье Фэну провести расследование, — и то, чем эта помощь обернулась. Цы был сам не свой от страха.

Едва зайдя в академию, Мин сообщил ученику, что должен отлучиться, вернется к вечеру и тогда они поговорят. Цы предпочел ни о чем не спрашивать. Он отвесил глубокий поклон и одиноко побрел к учебному зданию, твердо уверенный, что в последний раз переступает этот порог. Юноша уже собирался войти, но привратник неожиданно подхватил его под локоть и, не давая опомниться, потащил в сад; а когда Цы все же попытался узнать, что стряслось, маленький человечек покраснел.

— К тебе приходил очень странный тип. Назвался твоим другом, но больше походил на пьяницу. Я сказал, что тебя нет, — он пришел в ярость и начал орать так, точно в него бес вселился, и мне пришлось его выставить. Он еще называл себя прорицателем — уж не знаю, что он там может прорицать, — и обещал вернуться вечером, — шепотом поведал привратник. — Я подумал, что тебе лучше про это знать. Ты

мне нравишься, паренек, но сразу скажу: избегай дурных компаний. Если наши профессора увидят тебя с этим фруктом, не думаю, что они обрадуются.

Цы покраснел. Сюй нашел его и, похоже, готов был исполнить свою угрозу.

Теперь все кончено. Вечером он соберет вещи и уйдет из города, пока дела не пошли еще хуже. Цы попробовал вздремнуть, но сон не шел. Мин собирается изгнать его из академии, а пробовать защищаться — значит позволить Сюю шантажировать Цы либо на него донести. Юноша посмотрел в туманное небо и проклял свою судьбу. Все его мечты развеялись навсегда. Надежды оказались призрачными, как сероватая дымка над городом. Собирая вещи, Цы задумался о судье Фэне. С самого первого дня, когда Фэн взял его к себе, он не только учил его. Нет, он превратился в отца — именно такого, какого Цы мечтал бы иметь. Человека честного и справедливого. Такого, каким был и Мин.

Цы вспомнился день, когда, удрученный постоянными недомоганиями Третьей, он пришел в опустевший особняк Фэна. В тот раз он задумался было, что же сталось с судьей, однако потом выбросил эти мысли из головы. В конце концов, отказ от возможной встречи представлялся ему самым благородным деянием. Фэн не заслужил того, чтобы честное имя его было запятнано беглым преступником.

Цы в последний раз прогулялся по академии. Он заглядывал в пустые печальные классы, будто бы разделявшие его чувства, — то были немые свидетели напрасных усилий, сновидений, от которых теперь самое время очнуться. Проходя мимо библиотеки, он взглянул на толстые книги в шкафах, ожидающие своих читателей, жаждущие быть открытыми, чтобы поделиться с новыми поколениями мудростью предков. Цы смотрел на книги с завистью, а после простился и с ними.

Улица уже начинала засыпать. Полусонные прохожие струились по ней кто куда, словно остатки разлетевшегося роя, в котором, несмотря на кажущийся хаос, каждый знает свою цель. У каждого идущего было впереди его прибежище. У каждого — кроме Цы.

Юноша забросил суму за плечо и побрел куда глаза глядят. Он будет идти, пока не отыщет повозку или лодку, и та увезет его далеко-далеко, к другой жизни, к жизни без счастья. Обернувшись, он бросил

мимолетный прощальный взгляд на то, что так долго было его домом, и взмолился про себя: пусть в одном из окон появился хоть кто-нибудь, кто позовет назад. Но никто не появился.

Зато, к изумлению юноши, стоило ему шагнуть за ворота, он нос к носу столкнулся с солдатом императорской гвардии; позади него стояли еще трое в полном вооружении.

— Вы Толкователь трупов?

— Да, так меня называют, — пробормотал Цы, узнав одного из стражников, присутствовавших при осмотре евнуха во дворце.

— Следуйте за нами.

Цы не сопротивлялся.

Его привели в областную управу. Там ему, не сказав ни слова, набросили на голову глухой капюшон и посадили в запряженную мулами повозку, долго плутавшую по улицам Линьаня. В начале пути юноше пришлось сносить оскорбления и шуточки прохожих, что расступались перед сопровождавшими повозку охранниками, однако понемногу эти выкрики начали стихать, пока не превратились в шепоток, совсем умолкший, когда повозка остановилась. Цы услышал лязг петель каких-то гигантских ворот и возгласы, которых он не разобрал. Затем повозка проехала еще немного, снова остановилась, и Цы велели выйти. Его повели по вымощенному полу, который вскоре превратился в скользкий нисходящий пандус. Цы начал чувствовать запахи плесени, грязи и затхлости, и ему подумалось, что живым он отсюда не выйдет. Вот он снова услышал скрип дверной задвижки. А потом наступила тишина. Когда Цы подумал, что остался один, с его головы сорвали капюшон. Слышно было, как строевым шагом идут солдаты; потом прозвучала команда:

— Стоять!

Цы зажмурился — поднесенный слишком близко факел чуть не опалил ему ресницы. Только когда солдат отошел, юноша разглядел, что его привели в темный каземат. Здесь не было ни окон, ни дверей — лишь камень, поросший мхом, источающий липкий сырой смрад. Слева и справа на стенах висели цепи, щипцы и другие пыточные приспособления. А когда глаза его привыкли к сумраку, Цы разглядел в отдалении грузного человека, стоявшего под охраной караульных.

— Вот мы и снова встретились, — приблизившись, произнес министр Кан.

Спина юноши покрылась испариной.

Он глубоко вздохнул, заметив цепи и щипцы, лежавшие совсем рядом, на скамье, и проклял себя за то, что не сбежал из города хоть немного раньше. Где-то вдали раздался душераздирающий вопль, и от этого Цы стало так страшно, что даже ладони его покрылись потом.

— Ну да. Просто совпадение, — попробовал отшутиться Цы.

— На колени.

Еще ничего не понимая, Цы приготовился к худшему. Колени его уперлись в пол, голова опустилась так низко, что волосы намокли в лужице. Цы приготовился к удару палача. Но удара не было — вместо этого из темной глубины каземата выступила вперед другая фигура. Когда факелы озарили ее своим светом, Цы увидел худого человека болезненного вида, с беспокойным взглядом. Прямо перед его глазами оказались черные туфли, украшенные золотом и драгоценными каменьями. Взгляд юноши медленно и робко поднимался к подолу красного халата, затканного золотом, потом к перламутровому поясу, и вот, вопреки всему мыслимому и немыслимому, он остановился на золотом ожерелье, свисавшем с груди этого человека. Печатка, сверкавшая ярче любого золота, бесспорно, была императорской печатью.

Цы зажмурил глаза и помотал головой. Созерцание Сына Неба без прямого на то дозволения означало смерть. Цы решил, что император желает лично наблюдать за его казнью. Он стиснул зубы и опустил голову.

— Так это тебя называют Толкователем трупов? — Голос прозвучал неуверенно.

От этого вопроса Цы онемел. Он попробовал сглотнуть, но горло его было сухим, будто он проглотил пригоршню песка.

— Так меня называют, высокочтимейший император.

— Вставай и иди за нами.

Руки стражников подняли Цы из лужи — он все еще не мог поверить в происходящее. Императора Нин-цзуна тут же обступили вооруженные телохранители и слуги, и он, сопровождаемый министром наказаний, отправился в путь по темному коридору. Цы следовал сзади под конвоем двух стражников.

Миновав узкий подъем, процессия оказалась в сводчатом помещении, посреди которого стояли два сосновых гроба.

Телохранители разошлись в стороны, возле гробов остались только министр и император. По знаку Кана стражники подвели к ним и юношу.

— Его императорское величество интересуется вашим мнением. — В голосе Кана сквозила ревность.

Цы взглядом испросил дозволения у императора. Юноше показалось, что его изможденное лицо — это восковая маска, облепившая череп. Император кивнул.

Цы приблизился к первому гробу. В нем лежал мужчина преклонных лет, худощавый, с длинными конечностями. Цы отметил, что черви изгрызли его лицо до полной неузнаваемости, проникли они и в живот — через отверстие, сходное с тем, что он уже видел раньше. Цы предположил, что мужчина умер приблизительно пять дней назад.

Он молча перешел ко второму гробу. Еще один мужчина, помоложе, примерно на той же стадии разложения. Личинки угнездились во всех его естественных отверстиях и в ране на груди.

Определенно, оба мужчины погибли от руки одного убийцы. Того же самого, кто недавно расправился с евнухом. Цы принялся объяснять это Кану, но император его перебил.

— Обращайся ко мне, — приказал он.

Цы склонился в поклоне. Вначале он не осмеливался произнести ни слова, однако постепенно, когда кровь снова заструилась по жилам, у юноши хватило смелости взглянуть на священную особу и твердым голосом объявить, что его умозаключения будут основываться на необыкновенных, но при этом сходных обстоятельствах каждой из этих смертей.

Прежде всего, причиной смерти во всех трех случаях являлись одинаковые ранения: некий предмет проникал в грудь жертвы, а затем его вытаскивали. По ширине проникновения и внешнему виду краев можно заключить, что раны нанесены одним и тем же орудием, чем-то вроде ножа с изогнутым лезвием, и все с одной и той же целью — извлечь что-то из тела. Характерно, что ни на одном из трупов не обнаруживается следов сопротивления или борьбы. И особо следует отметить самое загадочное: несмотря на запахи разложения, каждое тело источает тонкий, но интенсивный аромат очень странного оттенка.

Однако наблюдаются и различия. В случаях с евнухом и с пожилым покойником из первого гроба убийца стремился уничтожить все следы, которые могли бы помочь опознанию. Евнуху он отсек половой орган, голову и ступни; второму изрезал все лицо — отсюда и кишенье червей.

Но, глядя на третий труп, можно видеть, что, несмотря на появление личинок, лицо осталось почти нетронутым.

Император повернулся своим восковым ликом к месту, куда указывала обожженная рука Цы. Молча кивнул и сделал знак продолжать.

— По моему суждению, таковое деяние не могло быть совершено по случайности или же по внезапному наитию. Если мы приглядимся к рукам, то увидим, что руки самого молодого из покойников покрыты мозолями и грязны — как то свойственно рабочему люду. Ногти у него в сколах и зазубринах, да и мелкие царапины и шрамы на пальцах показывают, что человек этот привык к тяжелому физическому труду и принадлежит, следовательно, к низшим слоям общества. И напротив, руки евнуха и руки старика изящны и ухожены, что свидетельствует о высоком социальном положении.

— Любопытно… Продолжай.

Цы поклонился в ответ. Он сделал короткую паузу, чтобы собраться с мыслями, и снова указал на тело молодого покойника.

— По моему мнению, убийцу в данном случае либо что-то спугнуло, либо ему было не важно, если этого несчастного работягу, которого, наверное, и родная мать позабыла, кто-то сможет опознать. Однако же убийца обстоятельно позаботился о том, чтобы такого не произошло в двух других случаях, — поскольку, знай мы личности убитых, мы кое-что узнали бы и об убийце.

— Итак, каково ваше заключение?

— Но у меня его нет! — горестно воскликнул Цы.

— Я ведь предупреждал, ваше величество! Он не умеет читать по трупам! — злорадно заметил Кан.

— Ну хоть какие-то выводы ты можешь сделать? — На лице императора не отражалось никаких чувств.

Цы вздохнул и снова заговорил:

— Мне не хотелось бы вводить вас в заблуждение, ваше величество. Я полагаю, что ваши эксперты были правы, предположив,

что за эти убийства несет ответственность какая-то опасная секта. Возможно, будь у меня под рукой необходимые материалы, я принес бы вам больше пользы. Однако без щипчиков и уксуса, без пилок и химикатов мне сложно сказать более того, что я уже сказал. Тела эти настолько поражены разложением, что единственный мой вывод таков: оба эти преступления — примерно одной и той же давности. Судя по этим же признакам, вначале был убит старик, а потом — работник.

Нин-цзун пригладил реденькие усики, свисавшие по обе стороны его губ, и погрузился в молчание. В конце концов он сделал знак Кану, и тот приблизил к императору свое лицо, словно для поцелуя. Его величество что-то прошептал министру на ухо, и лицо Кана перекосилось. Министр посмотрел на Цы с ненавистью и удалился в сопровождении одного из чиновников.

— Ну что ж, Толкователь трупов. У меня к тебе последний вопрос, — негромко сказал император. — Ты упомянул о моих экспертах. Сможешь сказать, чего они не сделали, хотя, возможно, и должны были сделать? — Он указал на державшихся чуть в стороне от всей свиты двух мужчин в судейских зеленых куртках и таких же шапочках.

Цы пригляделся к их самодовольным лицам. Казалось, эти двое принадлежат к тому типу чиновников, которые с презрением смотрят на медиков. И на него, вероятно, тоже.

— Его зарисовали? — Цы указал на молодого человека, лицо которого до сих пор было не сильно тронуто смертью.

— Зарисовали? Как это?

— Через пару дней от этой головы останется один только череп. Я бы на их месте озаботился созданием как можно более точного портрета. Не исключено, что в будущем он понадобится для опознания покойника.

* * *

Император в сопровождении всех остальных наконец покинул застенки и направился в соседнее помещение. Никакого особого убранства в этом зале не было, зато, по крайней мере, не пахло гнилью и цепи по стенам не висели. Император в зал не вошел. Он что-то

шепнул чиновнику с седыми волосами и землистой кожей, который согласно закивал. А затем Нин-цзун отбыл со всей своей свитой, оставив Цы наедине с чиновником.

Как только двери захлопнулись, седой приблизился к Цы.

— Толкователь трупов… Забавное имечко. Сам выбирал? — Чиновник обошел вокруг Цы, осматривая его с головы до ног.

— Нет, господин. — Цы видел, как сверкают под кустистыми бровями маленькие живые глазки.

— Ясно. И что же оно значит? — Чиновник продолжал крутиться вокруг Цы.

— Полагаю, оно связано с моей способностью досконально изучать мертвые тела и через это постигать причины смерти. Так меня прозвали в академии, где я обучаюсь… Обучался, — поправил себя Цы.

— В Академии Мина… Да. Мне знакомо это заведение. Да и всем в Линьане оно знакомо. Меня зовут Бо, — любезно представился седой. — Император только что поручил мне поддерживать с тобой связь — это означает, что отныне обо всем, что тебе потребуется, и обо всем, что ты выяснишь, ты будешь сообщать мне. — Бо остановился прямо перед юношей. — Я наблюдал вчера, как ты осматривал евнуха, и, скажу тебе, это было впечатляюще. Как видно, император того же мнения.

— Не знаю, должно ли это меня радовать. Его превосходительству министру наказаний мои действия, кажется, не слишком понравились.

— Ну да… — Бо помолчал, не зная, как продолжить объяснение. — Этим делом занимается лично Кан, однако идея пригласить тебя исходила от императора. Министр — человек сухой, несгибаемый, приверженец жесткой дисциплины. В общем, муж старой закалки. Воитель, всегда готовый грызть камни и запивать их огнем. — Бо снисходительно усмехнулся. — Во дворце поговаривают, воспитание его было столь суровым, что в детстве он ни разу не заплакал, а я лично готов биться об заклад, что Кан и на свет родился без единой слезинки. Кан служил отцу нашего императора до самой его смерти, и со временем сделался одним из самых доверенных советников императора Нин-цзуна. Он неподкупен, быть может, слишком убежден в своей правоте, порою пути его извилисты — как те деревья, что вырастают искривленными и больше уже не могут

выпрямиться. Ты заметил, что министр недоволен твоими новыми полномочиями. Я полагаю, ему сильно не понравилось, что ты распорол ножом чрево женщины, не испросив у него дозволения. Чего Кан не переносит — скажу даже больше, приводит его в ярость, — так это самоуправство. А ты вчера перешел границу, из-за которой мало кому удается вернуться.

— Полагаю, так оно и было… — обеспокоенно ответил Цы. — Чего я не понял, так это ваших слов о поддержании связи и о том, что я должен что-то выяснять… Что мне поручено выяснить?

— Сейчас поймешь. Хитроумие, выказанное тобою вчера, было отмечено императором, и он счел, что ты можешь быть полезен. Ты докопался до таких открытий, которые придворным судьям и во сне не снились! — Бо замолчал, как будто засомневался — стоит ли продолжать? Внимательно посмотрел на Цы, глубоко вздохнул и все-таки продолжил: — Итак! Я получил все полномочия, так что слушай меня внимательно. Слушай и забудь, что у тебя есть язык. Если ты заговоришь о том, что я расскажу, хоть с кем-нибудь, никто во всем мире не спасет тебя от возмездия. Ты все понял?

— Я буду нем, как могила, господин, — сказал Цы и тотчас пожалел о сказанном: сравнение слишком уж грозило перестать быть только метафорой.

— Я рад это слышать. — Царедворец тяжко вздохнул. — Вот уже несколько месяцев, как в Линьане поселилось страшнейшее из всех зол. Нечто сокрытое и угрожающее всех нас пожрать; быть может, оно пока еще не окрепло, однако представляет собой опасность невероятных размеров. Это смертоносно, как вторжение захватчиков, ужасно, как чума, а избавиться от этого намного сложнее. — С этими словами Бо подергал себя за седую бородку.

Цы так ничего и не понял. Из слов чиновника можно было заключить, что в этих преступлениях подозревается некое сверхъестественное создание, но осмотр всех трех трупов указывал на существо вполне земное. Цы уже хотел сказать об этом, но придворный его опередил:

— Наши стражи порядка усердствуют понапрасну. Они строят предположения, собирают улики, но это лишь сильнее запутывает дело. А когда судьям вдруг кажется, что они наконец-то напали на след преступника, этот человек либо исчезает, либо его находят

мертвым. — Бо поднялся и нервно заходил из угла в угол. — То умение, что ты продемонстрировал вчера, побудило императора привлечь тебя к расследованию. Сожалею, если тебя удивили наши способы, однако в этом деле требуются стремительность и осторожность.

— Но, господин, я всего-навсего обыкновенный студент. И я не понимаю, как…

— Студент — быть может, но вот обыкновенным тебя никак не назовешь. — Бо посмотрел на юношу оценивающим взглядом. — Мы навели о тебе справки. Сам император говорил о тебе с судьей области, и тот высоко оценил твое истолкование результатов вчерашнего осмотра; судья, кстати, оказался близким другом профессора Мина. Он любезно поведал нам о твоих успехах в академии и даже открыл, что ты составляешь трактаты по судебной медицине — что свидетельствует о твоей способности к организованной работе.

Цы ощутил, как наваливается на него груз ответственности.

— Но ведь это не вся правда, господин. Люди судачат об успехах, и слухи растекаются, словно масляное пятно на воде. Но они не говорят о неудачах. Я десятки раз ошибался в своих толкованиях, а еще сотню раз замечал не более того, что заметил бы и грудной младенец. Вся моя жизнь проходит среди трупов — как же мне не видеть чуть больше других? Большинство случаев, с которыми сталкиваемся мы в академии, — это самые обыкновенные убийства: припадки ревности, драки в харчевнях, земельные распри. Любой, кто был знаком с убитым, способен вынести правильный вердикт — даже не приходя на похороны. Но теперь ведь нам противостоит не обычный убийца с одурманенными вином мозгами. Человек, совершивший эти преступления, отличается не только невиданной жестокостью: определенно, его хитрость превосходит даже его злонравие. А судьи? Они ни за что на свете не согласятся, чтобы новичок без опыта и образования указывал им, как и что делать.

— И все-таки ни один из наших судей не догадался, что мертвая женщина — это на самом деле евнух.

Цы промолчал. Конечно, он был горд, что его познания так оценили при дворе императора, но, если он глубоко втянется в это дело, рано или поздно наверняка откроется, что и сам-то он — беглый

преступник; это его страшило. И на лице его отражались и гордость, и тревога.

— Забудь про судей, — не отступался Бо. — В нашем государстве нет привилегий. Мы справедливы к тем, кто стремится наверх, кто старается изо всех сил, кто доказывает свою значимость и мудрость. Нам известно, что у тебя есть мечта — сдать императорские экзамены. Экзамены, к которым, как тебе хорошо известно, допускаются все — вне зависимости от их происхождения и общественного положения. В нашем государстве простой батрак может сделаться министром, рыбак — судьей, а сирота — сборщиком податей. Наши законы суровы к тому, кто их нарушает, но всегда поощряют достойного. И вот еще что запомни: если ты умеешь что-то делать лучше других, ты не просто имеешь право вмешаться и помочь. Нет, ты обязан вмешаться и помочь.

Цы молча кивнул в ответ. Он уже понимал, что ему не избежать сдобренного высокими словами соглашения, но оно было чревато для него многими опасностями.

— Я понимаю, ты растерян, но, как бы то ни было, никто не собирается перегружать тебя чрезмерной ответственностью, — продолжал чиновник. — При дворе есть достойные судьи, которых ты не должен недооценивать. Так что тебе не придется возглавлять расследование, ты просто добавишь свое в***и***дение дела. В этом нет ничего непосильного. К тому же император готов быть с тобою щедрым, и в случае успеха расследования он гарантирует тебе прямое назначение на важную должность.

Цы колебался. О таком предложении он никогда и мечтать не смел. Но он чувствовал: этот подарок — отравленный.

— Господин, могу я говорить с вами откровенно?

— Я даже требую этого. — Бо всплеснул руками.

— Быть может, придворные судьи умнее, чем вы полагаете.

Бо, наморщив сухую кожу на лбу, вздернул правую бровь:

— Теперь уже я не понимаю.

— Вы говорили мне о правосудии. О том, что карает и награждает, что отражено в «Перечне заслуг и недостатков».

— Ты имеешь в виду четкость, с которой, согласно закону, исчисляются человеческие добродетели и пороки? Выглядит вполне справедливо: мы наказываем того, кто совершает преступление, и

награждаем того, кто творит благое дело. И при чем же тут придворные судьи?

— Притом что эти же самые правила применимы и к судьям. Они тоже получают поощрения за верные приговоры, но их жестоко карают за ошибки. Не раз ведь такое бывало, что судью за ошибочный приговор изгоняли с должности?

— Ну разумеется. Ответственность обоюдна. Жизнь обвиняемых зависит от судей. И если судьи ошибаются, то расплачиваются за это.

— Иногда даже ценою собственной жизни, — подчеркнул Цы.

— В зависимости от степени ошибки. И это справедливо.

— Тогда вполне логично допустить, что судьи боятся оглашать приговор. Если встречаешься с запутанным случаем — зачем же рисковать? Лучше уж промолчать и спасти свою шкуру.

В этот момент дверь распахнулась и в зал вошел Кан. Министр сурово приказал Бо удалиться, взглянул на Цы через плечо и встал рядом. Нахмуренные брови и поджатые губы говорили красноречивее любых слов.

— С этого момента ты поступаешь в мое распоряжение. Если тебе что-то понадобится, говори. Ты получишь верительную печать, которая откроет тебе вход во все дворцовые помещения — кроме Дворца Наложниц и моих личных покоев. Ты сможешь наводить справки в наших архивах и, если потребуется, осматривать трупы. Также тебе будет дозволено допрашивать дворцовых служащих — всегда с моего предварительного разрешения. Детали уточнишь у Бо.

Цы почувствовал, как стучит сердце в груди. Ему предстояло столько вопросов, столько сложностей и опасностей, что ему жизненно необходимо было время все обдумать.

— Ваше превосходительство, — низко склонился Цы, — не знаю, способен ли я…

Кан смерил его холодным взглядом.

— А никто тебя и не спрашивает.

* * *

Они, миновав знакомые уже застенки, оказались в Императорском архиве. Министр наказаний шагал быстро, словно стремясь поскорее

отделаться от Цы. Промозглые теснины понемногу остались позади, уступив место коридорам с пышным убранством. Когда они вошли в Тайный зал, Цы онемел. В сравнении с университетской библиотекой этот архив представлялся гигантским лабиринтом, уходящим в бесконечность. Глазам Цы открылись тысячи полок, заполненных всяческими писаниями; они были повсюду, куда бы он ни пошел. Юноша следовал за Каном по узким коридорам, вдоль которых теснились книги, рукописи и свитки — полки поднимались к самому потолку, откуда сквозь небольшой проем едва сочились бледные лучи утреннего света. Кан остановился перед черным лакированным столом, на котором лежала стопка бумаги. Министр уселся на стул, оставив Цы стоять. Какое-то время он был, казалось, полностью погружен в чтение документа, затем все-таки предложил юноше садиться.

— Так уж вышло, что я слышал твои последние слова, — заговорил Кан, — и желаю, чтобы ты кое-что ясно понял: то, что император предоставил тебе возможность отличиться, не означает, что я тебе доверяю. Наша судебная система не знает жалости к тем, кто ее извращает или нарушает, и наши судьи успели состариться, изучая и применяя эту систему. Быть может, твое самодовольство наводит тебя на мысли о невысоком уровне наших судей; быть может, они кажутся тебе закоснелыми старцами, неспособными видеть дальше, чем могут помочиться. Но предупреждаю: не вздумай сомневаться в умениях моих людей — иначе ты сильно пожалеешь. Пожалеешь прежде, чем успеешь о таком даже подумать.

Цы притворился, что полностью согласен с министром, но про себя решил, что если бы судьи и впрямь могли проявить свои способности, его бы в этой комнате не было. Впрочем, когда Кан заговорил о содержании бумаг на столе, Цы постарался не пропустить ни слова.

— Здесь отчеты о трех недавних смертях. Вот кисточка, вот тушь. Изучай документы сколько потребуется, а потом изложишь на бумаге свое мнение. — Кан протянул юноше квадратную печать. — Всякий раз, когда тебе потребуется куда-то перейти, предъяви это караульному на входе, чтобы он пропечатал твой знак в книге регистрации посетителей.

— Кто проводил осмотры? — осмелился спросить Цы.

— Их подписи ты найдешь в документах.

Цы пролистал бумаги:

— Здесь подписались только судьи. Я имел в виду — кто лично осматривал тела?

— Такой же *уцзо,* как и ты.

Цы нахмурился. «Уцзо» — так презрительно именовали тех, кто обмывает покойников и укутывает их в саван. Обсуждать с Каном этот вопрос далее Цы не стал. Просто кивнул и вернулся к чтению. Вскоре он отодвинул бумаги в сторону:

— Здесь ничего не написано об опасности, о который столько говорил господин Бо. Бо рассказал мне о страшной угрозе, о злодействе необъятных размеров, а здесь речь идет просто о трех трупах. Ни мотивов, ни предположений… Ничего.

— Мне очень жаль, однако это вся информация, которую я могу тебе предоставить.

— Но, ваше превосходительство, если вы ждете от меня помощи, мне бы следовало знать…

— Я — жду от тебя помощи?! — Кан, надвинувшись вплотную, теперь буквально дышал юноше в лицо. — Ты, кажется, так ничего и не понял. Лично меня абсолютно не интересует, выяснишь ты что-нибудь или нет, так что делай, что тебе велено. И помогай себе сам. Если сможешь.

Цы сжал кулаки и прикусил язык. Чтобы успокоиться, он принялся снова перечитывать документы. Потом отбросил их на лакированный стол, подальше от себя. В этих бумагах не было ничего. Такое мог бы написать и простой батрак.

— Ваше превосходительство, — Цы поднялся из-за стола, — мне потребуется удобное место для детального осмотра трупов, и пусть туда доставят все мои инструменты. Если возможно — то сегодня же к вечеру. А также устройте мне встречу с парфюмером, с самым прославленным в Линьане. Мне нужно, чтобы он присутствовал на осмотре, который я проведу сегодня. — Удивление на лице министра наказаний не сбило юношу с мысли. — А если случатся новые убийства, пусть о них сразу же оповещают меня — вне зависимости от часа или места обнаружения. Найденные тела запрещается трогать, мыть или перемещать до моего появления. Даже судьям запрещается. Если обнаружатся свидетели, то пусть их задержат и не позволяют

общаться между собой. Также следует вызвать и наилучшего портретиста — не из тех, что приукрашивают лики власть имущих, но такого, кто умеет запечатлеть реальную картину. Еще мне нужно знать все об этом евнухе: какую должность занимал он во дворце, каковы были его пристрастия, пороки, слабости и добродетели. Имел ли он любовников — или любовниц, поддерживал ли родственные связи, чем увлекался и с кем общался. Я должен знать, что он ел, что пил и даже сколько времени проводил в отхожем месте. А еще мне было бы полезно иметь список всех сект — даосских, буддийских, несторианских и манихейских, — которые проходили за последние годы по делам о ведовстве, черной магии и прочих незаконных деяниях. И последнее: я хочу получить полный доклад обо всех смертях, случившихся за последние полгода при сколько-нибудь необычных обстоятельствах, а также обо всех доносах, исчезновениях и свидетелях, которые, каким бы маловероятным это ни представлялось, могут быть связаны с этими смертями.

— Бо сделает все, что нужно.

— А еще мне бы пригодился план дворца, на котором были бы показаны все помещения и их назначение и отдельно отмечено, куда мне разрешен доступ.

— Я распоряжусь, чтобы хороший художник нарисовал такой план.

— Ну и самое последнее.

— Я слушаю.

— Мне потребуется помощь. В одиночку я не смогу все распутать. Быть может, мой учитель Мин…

— Я уже подумал над этим вопросом. Это должен быть кто-то, кому ты доверяешь.

Министр поднялся и хлопнул в ладоши. И вскоре в дальнем конце коридора раздался звук шагов. Цы вглядывался в светловолосую фигуру, приближавшуюся к ним в луче бьющего со спины света. Он даже прищурился, но больше ничего рассмотреть не мог. Потом, приближаясь по коридору, фигура начала приобретать знакомые очертания. Цы на короткое мгновение даже подумал, что это Мин; потом различил знакомую кривоватую ухмылку, и по спине его пробежал холодок: стало явственно видно, что это Серая Хитрость. От изумления Цы потерял дар речи.

— Ваше превосходительство, прошу простить меня за настойчивость, — наконец выговорил Цы, — но мне не кажется, что Серая Хитрость будет самым подходящим помощником. Я бы предпочел…

— Уймись уже со своими требованиями! — рявкнул Кан. — Этот судья сумел завоевать мое доверие, чего никак не скажешь о тебе, так что — меньше болтай и больше работай. Ты будешь рассказывать ему о каждом своем открытии, так же как и он — тебе. Пока длится расследование, Серая Хитрость будет моими ушами и моим ртом, так что лучше тебе с ним ладить.

— Но этот человек меня предал. Он никогда…

— Молчать! Это сын моего брата. И больше говорить не о чем.

* * *

Бывший соученик подождал ухода Кана, а потом подмигнул юноше:

— Вот мы и снова встретились.

— Ну да, еще одна неприятность. — Цы даже не смотрел на седовласого.

— Но как же ты переменился! Толкователь трупов при самом императоре! — Серая Хитрость уселся и придвинул к себе стопку документов.

— Зато ты все так же тянешь к себе все, что ни увидишь. — Цы выхватил у седого отчеты.

Серая Хитрость порывисто вскочил, Цы шагнул ему навстречу. Теперь они стояли лицом к лицу, и никто не хотел отступать.

Первым сделал шаг назад Серая Хитрость.

— Видишь ли, жизнь наша полна совпадений, — заговорил он с глумливой улыбочкой. — Так, например, первым заданием, что я получил во дворце, стало расследование смерти того самого стража порядка, которого мы вместе осматривали в префектуре. Его звали Гао…

Спина Цы снова покрылась холодным потом.

— Этого я не знал, — пробормотал он.

— А тут вообще много любопытного. Чем больше я выясняю про этого стража, тем более странным выглядит дело. Ты вот знал, что он от самого Фуцзяня преследовал одного беглеца? По-видимому, решил получить деньги за поимку.

— Откуда мне об этом знать? — отнекивался Цы.

— Ну как! Ты ведь оттуда родом. Или, по крайней мере, ты так заявил в день своего представления в академии.

— Фуцзянь — округ большой. Каждый день оттуда приезжают тысячи людей. Почему бы тебе не расспросить их всех?

— Что за подозрительность, Цы! Я рассказываю тебе это просто по-дружески. — Серая Хитрость фальшиво ухмыльнулся. — Но совпадение все же любопытное…

— А имя беглеца тебе известно?

— Пока еще нет. Этот Гао, похоже, был скрытный тип и мало рассказывал о своих розысках.

Цы не смог сдержать облегченного вздоха. Может, следовало промолчать, однако отсутствие интереса к такому важному вопросу тоже могло бы выглядеть подозрительно.

— Все это странно. Стражам порядка суд не выплачивает деньги за поимку беглых преступников.

— Я знаю. Но, быть может, предложение исходило от какого-нибудь частного лица. Этот беглец, по-видимому, был очень важной персоной.

— Возможно, страж напал на какой-то след и захотел присвоить себе награду? — предположил Цы. — Или даже так: он получил вознаграждение и был убит из-за денег.

— Возможно. — В голосе Серой Хитрости послышалось уважение. — Я выслал срочное письмо в область Цзяньнин. Через две недели я надеюсь получить имя беглеца и его описание. И тогда взять его будет так же просто, как отобрать яблоко у ребенка.

25

За обедом Цы не смог проглотить ни горсточки риса. Узнав, что Серая Хитрость будет его напарником, юноша рассвирепел, но когда он услышал, что седой к тому же расследует дело об убийстве Гао, то по-настоящему испугался. У него было всего лишь две недели, а потом Серая Хитрость получит сведения, которые так или иначе свяжут Цы с Гао. А покамест он должен раскрыть череду этих жутких убийств. Тогда, быть может, у него появится шанс.

Серая Хитрость поглощал суп с жадностью свиньи. Цы, взяв тарелку, отсел подальше от седовласого, но тот снова придвинулся. Им только что доложили, что трупы готовы к осмотру в одном из тюремных помещений, и никто из двоих не хотел потерять возможность изучить тела прежде, чем они совсем сгниют. Цы спешил как мог. Но не тут-то было: войдя в смотровую, он обнаружил, что затребованные им инструменты до сих пор не прибыли. Чиновник Бо, специально приставленный к Цы для поручений, сказал, что никакого приказа относительно инструментов не получал.

Цы догадался, что это происки Кана, и пришел в ярость. Он решил воспользоваться выданной ему печатью и, не спрашивая разрешения у Бо, объявил, что возвращается жить в академию, дав при этом чиновнику понять, что и ему придется туда перебраться. Его мнения Цы не спросил. Просто вышел из дворца и отправился куда хотел; и Бо заторопился следом. Цы порадовался, что с ними не увязался и Серая Хитрость.

В академии Бо вызвал служителя и наконец озаботился доставкой инструментов, а Цы бросился на поиски Мина. Он застал академика в его кабинете, погруженным в чтение. Глаза Мина покраснели. Цы подумал, что это от слез, но ничего о своей догадке не сказал. Он просто низко склонился перед учителем и попросил, чтобы Мин проявил милосердие и выслушал его.

— Теперь, значит, я тебе понадобился, — печально изрек Мин. — Всей академии уже известно, что император взял тебя в помощники. Толкователь трупов… «Этот самодовольный юнец, который обскакал своего учителя» — вот что о нас теперь говорят. — Мин невесело улыбнулся.

Цы повесил голову. В словах Мина, конечно, слышался укор, однако юноше почудилось в них еще и сожаление. Он чувствовал себя в долгу перед этим старым человеком, который подобрал его на помойке, обучал, опекал и ровным счетом ничего не получил взамен. Цы хотел рассказать Мину, как сильно он нуждается в учителе, и еще — что он просил вызвать академика во дворец, однако не получил на то дозволения. Он уже собирался заговорить, но в этот момент в кабинет вошел Бо и поторопил Толкователя трупов.

— Час уже поздний, — заметил он.

— Ну да, я вижу, зачем вы пожаловали. — Мин смотрел на прислужника с полным набором инструментов Цы, а в придачу — еще и с «Покоями сохранения».

Цы понял, что говорить больше не о чем.

— Простите. Мне пора, — вот и все, что он сказал.

— Я вижу. Ступай.

Глаза Мина снова затуманились, и Цы почувствовал, что сейчас учитель не сердит, а опечален.

Когда Цы добрался до зала с покойниками, Серой Хитрости там уже не было. По словам стражников, седовласый произвел краткий осмотр трупов и удалился, ни словом не обмолвившись о результатах. Цы решил воспользоваться отсутствием навязанного ему напарника и детально осмотреть мертвецов. Он уже начал раскладывать инструменты, когда заметил, что в дверях дожидается низкорослый человечек, прилично одетый и до крайности напуганный. На вопрос юноши Бо пояснил, что это и есть запрошенный им парфюмер.

Звали его Сюэ, и он являлся штатным поставщиком императорского двора.

Цы приветствовал парфюмера, но тот даже не сумел внятно ответить. Он не мог оторвать бегающего взгляда своих маленьких глаз от стоявшего при входе караульного стражника, точно опасался, что тот вдруг возьмет да и отрубит ему голову. Цы заметил этот тревожный взгляд, но успокоить поставщика императорского двора ему не удалось.

— А я повторяю, что ничего противозаконного не совершал! — заверещал парфюмер. — Я объяснял это стражникам, которые меня арестовали, но эти дикари меня даже не выслушали!

Цы понял, что бедняга действительно не догадывается, почему его доставили во дворец. Прежде чем он успел вмешаться, вперед выступил Бо.

— Ты должен подчиняться этому человеку. — Чиновник указал на Цы. — И если хочешь сохранить язык в целости, то лучше помолчи!

Ничего больше говорить не пришлось: человечек с воем простерся у ног Цы, упрашивая только об одном: чтобы его не убивали.

— Господин, у меня же внуки…

Цы осторожно поднял парфюмера. Сюэ трясся, как испуганный пес. Юноша успокаивал его как мог:

— Нам нужно только проконсультироваться с вами о духах. И ничего больше.

Сюэ посмотрел недоверчиво. Любой человек в здравом рассудке знал, что императорские стражи никого не хватают, просто чтобы посоветоваться насчет духов; но слова Цы, казалось, немного успокоили парфюмера. Стоило, однако, распахнуть дверь, за которой взгляду Сюэ предстали три полуразложившихся трупа, он грохнулся на пол, точно мешок с рисом.

Цы привел его в чувство с помощью нюхательной соли, которую всегда носил с собой — для родственников покойных. Очнувшись, Сюэ принялся долго и пронзительно визжать. Когда голос его ослаб, Цы объяснил парфюмеру его задачу.

— Только и всего? — Сюэ никак не мог поверить.

— Только распознать аромат, — подтвердил Цы.

Он пояснил: раз черви, к счастью, пока не повредили края ран, можно предположить, что их отпугивает сохранившийся запах духов. Затем Цы показал, как для борьбы со зловонием применять пропитанные камфарным маслом нити, но человечек от них отказался. Набрал полную грудь воздуха и шагнул в комнату. Цы воспользовался камфарными нитями и вошел следом. Все помещение было наполнено зловонием, тошнотворным, разрывавшим горло. Сюэ пошатнулся, увидев жуткое пиршество, которое устроили на трупах черви и мухи, но медленно, с опаской двинулся вперед. И все-таки, не успев добраться даже до первого тела, парфюмер замотал головой и выбежал из комнаты. Когда Цы его нагнал, беднягу уже рвало.

— Это… это кошмар, — пробормотал он между спазмами.

— Пожалуйста, попробуйте еще раз. Нам очень нужна ваша помощь.

Сюэ вытер рот и потянулся было за камфарными нитями, но в конце концов снова отказался от них. На сей раз он входил в комнату решительно, вооружившись небольшими пластинками бамбука. Подойдя к трупам, Сюэ потер этими щепками края ран — по щепке на рану; каждую из пластинок он опускал затем в отдельный стеклянный сосуд. И не мешкая, вприпрыжку выскочил из комнаты. Цы закрыл за парфюмером дверь.

— Там, внутри, дышать невозможно, — пожаловался Сюэ. — Более отвратительного зловония я в своей жизни не нюхал.

— Согласен с вами. Когда мы сможем что-то узнать?

— Тут предсказывать сложно. Во-первых, мне потребуется как-то распознать запах духов среди смрада. А если это и получится, надо будет сравнить его с бесчисленными благовониями, что продаются по всему городу. Это совсем не просто, — пробормотал Сюэ. — Каждый состав имеет свой аромат. И пусть даже духи изготовлены из одних и тех же эссенций, каждый изготовитель смешивает их в тайных, только ему одному известных пропорциях — а в итоге запахи получаются разными.

— Не слишком-то обнадеживает.

— Впрочем, я подметил одну особенность… деталь, которая, не исключено, поможет. Тот факт, что по прошествии нескольких дней запах духов все же сохранился, неоспоримо свидетельствует о их высокой концентрации, а значит — и о потрясающем закрепителе. Я пока не могу говорить со всей определенностью, но этот аромат, — парфюмер раскупорил один из своих флаконов и поднес к самому носу, — наводит меня на мысль, что здесь была использована не чистая эссенция.

— Что это значит?

— Что нам, быть может, повезет. Пожалуйста, дайте мне заняться своим делом. И тогда через пару дней у меня, возможно, будет ответ.

* * *

После ухода парфюмера Цы вновь осмотрел трупы и отметил важный факт, доселе от него ускользавший. Помимо ужасных, но уже знакомых ран на груди, у старика на спине, под правой лопаткой, обнаружилась круглая ранка диаметром с монету — края у нее были рваные, кожа вывернута наружу. Цы записал эти наблюдения и продолжил осмотр.

Отсутствие повреждений, характерных для самообороны, свидетельствовало, что жертвы не оказывали сопротивления, а это, в свою очередь, наводило на мысль, что их либо застали врасплох, либо все они хорошо знали своего мучителя. Как бы то ни было, об этом стоило еще поразмыслить. Юноша обнаружил и еще одну новую подробность: на руках у старика с изувеченным лицом он заметил странные повреждения кожи на тыльных сторонах ладоней выше пальцев. Это были изъязвления, равномерно затронувшие поверхность кожи; в процессе общего разложения они странно посветлели. Казалось, руки обработали едким порошком, так что они приобрели цвет белой глины. А еще Цы обнаружил под правым пальцем старика нечто вроде маленькой розовой татуировки, напоминавшей язычок пламени. Он взял пилу и отрезал кисть руки на уровне запястья. Потом распорядился, чтобы кисть обложили льдом и поместили в «Покой сохранения». Потом бросил последний взгляд на трупы и покинул зловонное помещение.

Вскоре Бо привел художника, которому было поручено зарисовать одного из мертвецов. В отличие от маленького парфюмера, портретист был заранее предупрежден о неприятном характере предстоящей работы, но, войдя в комнату, он тоже не смог сдержать крик ужаса. Когда художник успокоился, Цы указал, чье лицо следует запечатлеть, и пояснил, на каких чертах нужно сосредоточиться, чтобы портрет получился как бы прижизненным. Художник с пониманием кивнул, достал свои кисточки и принялся за работу.

Пока он трудился, Цы внимательно изучил новые отчеты, которые принес Бо за это время. В документах значилось, что убитый евнух, по имени Нежный Дельфин, начал работать во Дворце Наложниц в тот самый день, когда ему исполнилось десять лет. С тех пор он проявил себя в качестве стража, доверенного собеседника, музыканта и чтеца. Своею небывалой сообразительностью Нежный Дельфин заслужил доверие и у руководства Министерства финансов; по исполнении ему

тридцати лет его назначили там помощником управляющего — и на этой должности евнух пребывал до самого дня своей смерти, постигшей его в возрасте сорока трех лет.

Для Цы в этих сведениях не было ничего удивительного. Известно ведь, и даже общепринято, что евнухи — самые подходящие кандидаты на должность, например, дворцовых управителей, поскольку им, не имеющим потомства, легче всего победить искушение обогатиться за чужой счет. В отчете сообщалось, что за неделю до своего исчезновения Нежный Дельфин испросил дозволения отлучиться из дворца, сославшись на призыв своего батюшки, который внезапно занемог. И дозволение ему было дано — вот почему отсутствие евнуха ни в ком не возбудило подозрений.

В отношении пороков и слабостей было упомянуто лишь о чрезмерной любви евнуха к предметам древности, из коих он составил небольшую коллекцию и бережно хранил ее в своих личных покоях. В конце документа приводились ежедневный распорядок дня Нежного Дельфина и список лиц, с которыми он общался, — в основном это были евнухи, занимавшие равное с ним положение. Об осмотре тела ничего не сообщалось.

Цы положил этот отчет рядом с планом дворца, на котором было отмечено и помещение, где ему предстояло проживать, пока не закончится расследование. Толкователь трупов отметил, что временно выделенная ему комната находится по соседству с Дворцом Наложниц, в который, как он помнил, вход ему запрещен. Собирая инструменты, Цы бросил взгляд на этюд портретиста. Этот мастер, несомненно, оправдывал свою репутацию: ему удалось до последней черточки отобразить лицо покойника. Такой портрет мог стать большим подспорьем в расследовании. Цы не стал мешать мастеру; уходя, он дал указание Бо, чтобы тот поручил хорошему столяру изготовить копье со строго определенными характеристиками.

Остаток дня Цы посвятил обходу тех дворцовых помещений, в которых ему было дозволено находиться.

Для начала юноша осмотрел дворец снаружи: это было квадратное здание тридцати шести ли в периметре, защищенное двумя зубчатыми стенами, высота которых, по прикидке Цы, превышала человеческий рост вшестеро. По углам располагались четыре сторожевые башни, а рядом с ними — четверо парадных ворот,

сориентированных по сторонам света; ворота были столь массивные, что Цы почел их неодолимыми для любого возможного агрессора.

Обойдя дворец по периметру, Цы углубился в густые сады, украшавшие это неприступное место. Теперь вокруг были волны пышной зелени изумрудных оттенков: мох был влажен и блестел так, словно его недавно покрыли лаком; были здесь и бурые оливки, и извилистые яблони с листьями цвета бирюзы, — все это складывалось в картину, потрясавшую своим великолепием. Свежий аромат вишен, абрикосов и жасмина промыл легкие от гнилостного смрада. Цы прикрыл глаза и вздохнул полной грудью. К нему возвращалась жизнь. Цы никуда не торопился: он созерцал клумбы с пионами, причудливо перемежавшиеся с рядами орхидей и камелий; он наслаждался зрелищем сосновых и бамбуковых рощиц, наполненных рукотворными ручейками, прудиками, мостами и павильонами. Как будто здесь было собрано все, о чем только может мечтать человек. В конце концов Цы уселся у подножия небольшой скальной гряды; она носила следы ручной обработки, еще более уподобившей ее миниатюрному горному кряжу. Под щебетание щеглов он раскрыл на коленях тетрадку, которую получил вместе с планом дворца. Оказалось, его снабдили разделом Уложения о наказаниях, где говорилось об ответственности тех, кто оставался в императорских дворцах по окончании рабочего дня. Особое внимание там уделялось времени *шэнь* — периоду между тремя и пятью часами вечера: в этот промежуток все работники должны являться к дежурному командиру для проверки личности. Тот же командир обязан был проконтролировать, чтобы работник покинул дворец через те же ворота, через которые пришел. Если же, пренебрегши этими правилами, кто-то из работников своевольно остался бы в пределах дворца, его на время проведения следствия сажали в тюрьму, а затем подвергали смертной казни через удавление.

Цы не мог понять причин этого предостережения. Врученная ему печать позволяла не только перемещаться по большинству дворцовых помещений, но также и ночевать в комнате, которую отвел для него Кан. Быть может, это гостеприимство было только временным — или же Толкователю трупов предписывалось действовать с осмотрительностью.

От нехороших предчувствий его опять пробрал озноб.

Дальше в отрывке из Уложения трактовалось понятие «рабочие часы». Цы прочел, что ни один приходящий работник не может оставаться во дворце по окончании своей смены. В случае, если будет обнаружено обратное, смотрителям, дежурным начальникам стражи, солдатам и привратникам надлежит незамедлительно отправиться на поиски нарушителя, а также уведомить о случившемся императора. Что же касается прислуги, проживающей во дворце, тех, кто с опозданием приступит к исполнению своих обязанностей или закончит работать раньше положенного срока, надлежало наказывать сорока ударами палок за каждый день отсутствия. В конце уточнялось, что если виновным окажется военный или гражданский чиновник, наказание следует ужесточить на одну степень, притом что оно ни в коем случае не должно превышать шестидесяти ударов и одного года ссылки.

Цы закрыл тетрадку. Ему хотелось думать, что ни одно из этих предписаний не будет применено к нему. И неожиданно вся пышность дворцовых садов представилась ему роскошной, но жуткой тюрьмой.

Юноша направился к зданиям Внешнего двора, помещавшимся на юге: там была сосредоточена исполнительная власть империи. Цы хотелось запомнить здесь каждое здание и министерство. Слева от главных ворот, отделявших Запретный город от собственно Линьаня, располагалась Палата чинов, *Ли бу,* — здесь занимались учетом и служебным продвижением чиновников, их назначениями. За ней — Подворная палата, *Ху бу,* ведавшая сбором налогов, и еще дальше вглубь — Палата церемоний, *Ли бу,* надзиравшая за проведением разнообразных общественных ритуалов и соблюдением дворцового протокола. По правую руку располагалась Военная палата, *Бин бу,* — название говорило само за себя, за ней — Палата наказаний, *Син бу,* что контролировала работу судебных органов (ее-то как раз и возглавлял Кан), и Палата общественных работ, *Гун бу,* отвечавшая за прокладку дорог, проспектов и каналов, строительство портов. На плане Запретного города было указано также и расположение ведомств, управлявших делами меньшего масштаба: пирами, жертвоприношениями, дипломатическими приемами, императорскими экипажами, образованием; где-то неподалеку находились и императорские мастерские, но распознать все эти здания Цы был уже не в силах.

Остановившись перед главными воротами, Цы решил проверить, хорошо ли составлена его карта. Юноша предъявил свою печать караульному; тот, записав имя посетителя и время прихода, пропустил его внутрь. Оглядевшись на исполинских размеров Главном дворе, Цы понял, что план выполнен вполне точно. Юноша оказался на границе огромного Внутреннего двора, где располагались Дворец Наложниц и Императорский дворец.

Сделав шаг, юноша поразился грандиозности обоих дворцов, в которых, судя по плану, помещалось две сотни разнообразных комнат. В них, помимо самого императора, проживали его супруга, его наложницы, евнухи и постоянный гарнизон императорских гвардейцев.

Цы снова посмотрел на карту. Судя по ней, в восточном крыле, напротив Дворца Наложниц, были сосредоточены кладовые и кухни, а в противоположном крыле — конюшни. Цы решил, что темницы помещаются именно под конюшнями, впрочем, подземные лабиринты были настолько запутанными, что ему приходилось лишь предполагать. Юноша также отметил, что два летних дворца — Утренней прохлады и Вечной свежести — расположены в северной части и от Южных ворот не видны.

Удовлетворившись осмотром, Цы вытащил отчет об убийствах, которым снабдил его Кан, чтобы сравнить его с собственными записями. Перечитав оба текста, Толкователь трупов плотнее сжал зубы.

До сих пор в этом деле выглядело неоспоримым лишь одно: ему противостоит убийца чрезвычайно опасный, до невероятия умный; его способность маскировать свои преступления может соперничать разве что с жестокостью, с которой он их совершает. И ничего более. Цы полагал своим преимуществом то, что он раскрыл обман с евнухом, — он надеялся, что убийце об этом неизвестно; однако против Цы играли целых два неподвластных ему обстоятельства. С одной стороны, это было абсолютное непонимание мотивов убийцы — а их, учитывая стремительное разложение трупов, требовалось выяснить как можно скорее. С другой — подчеркнутая враждебность Кана, для которого присутствие молодого эксперта являлось скорее бременем, нежели подспорьем. Однако эти неудобства выглядели всего лишь как два рисовых зернышка в сравнении с тем, что представлялось Цы самым

опасным: иметь в напарниках по розыску убийцы такую крысу, как Серая Хитрость.

Цы отправился в свою новую комнату, чтобы как следует поразмыслить.

Оказалось, ему отвели чистую клетушку с низкой кроватью и письменным столом. А Цы ничего больше и не требовалось, к тому же он был благодарен за открывавшийся из единственного окошка вид во внутренний сад. Он сел за стол и попытался заново осмыслить происшедшее. К несчастью, самые большие надежды Толкователь трупов возлагал на выводы парфюмера и на еще не готовый портрет убитого молодого простолюдина; Цы уже распорядился показывать портрет повсеместно. А результат в обоих случаях вовсе не был гарантирован и совсем уж не зависел от самого Цы. Это было прискорбно: он терпеть не мог полагаться на волю случая.

Юноша открыл «Покои сохранения», уже доставленные в его жилище, и извлек отрезанную им кисть руки, чтобы рассмотреть ее при свете дня. Цы обратил внимание на подушечки пальцев: они были покрыты десятками морщинок, так что походили на *фу хай ши,* морщинистую пемзу, камень из Гуандуна. Цы приписал происхождение морщин каким-то давним повреждениям, но дальше в своих догадках пойти не рискнул. Потом он занялся ногтями. Под их кромкой обнаружились какие-то черные кусочки, похожие на щепки. Однако, извлекая и пробуя их пальцами, Цы убедился, что они под давлением распадаются, — значит, на самом деле это были мелкие угольки. Толкователь трупов убрал руку обратно в «Покои» и принялся размышлять о странных конусообразных вырезах, которые убийца проделал в груди всех жертв. Отчего тот надушил их особо стойким ароматом? Отчего так яростно копался в ранах? Действительно ли что-то искал или, как предполагали Мин и судья, то была часть ритуала или просто инстинкт хищника?

Цы захлопнул свои записи и рывком поднялся из-за стола. Если он собирается продвинуть расследование, то должен поговорить с друзьями Нежного Дельфина.

Дежурный чиновник сообщил Цы, что Трепетный Рассвет сейчас находится в Императорской библиотеке.

Ближайший друг Нежного Дельфина на поверку оказался жеманным евнухом никак не старше шестнадцати лет. Цы отметил, что глаза его покраснели от слез, но голос звучит приветливо, а на вопросы мальчик отвечает взвешенно и разумно. Но стоило Цы заговорить о Нежном Дельфине, тон евнуха сразу же переменился.

— Я уже докладывал господину министру наказаний, что Нежный Дельфин был человек весьма замкнутый. Мы действительно проводили много времени вместе, но разговаривали мало, — объяснил Трепетный Рассвет.

Цы не стал спрашивать, чем же они тогда занимались; вместо этого он поинтересовался семьей Нежного Дельфина.

— Он почти никогда не упоминал о родственниках, — с облегчением ответил Трепетный Рассвет, поняв, что его не собираются обвинять в исчезновении товарища. — Отец его ловил рыбу на озере — как и многие из наших отцов, однако Нежному Дельфину не нравилось об этом вспоминать, он предпочитал фантазировать.

— Фантазировать?

— Преувеличивать, воображать… Если он заговаривал о своей семье, то всегда с уважением и восхищением, но не из сыновнего почтения, а скорее как бы кичась. Будто бы он из богатой и влиятельной семьи. Бедный Нежный Дельфин! Он ведь лгал не по злонравию. Он просто ненавидел нищету, в которой прошло его детство.

— Я понимаю. — Цы оторвал взгляд от своих бумаг. — Судя по всему, он очень ревностно относился к своей работе…

— Это точно! Именно так. Он всегда вел учет своим делам, по ночам пересматривал свои записи и к завтраку выходил всегда последним. Нежный Дельфин очень гордился тем, что продвинулся по службе. Вот откуда у него столько завистников. И вот почему я тоже пробуждал зависть.

— Завистники? Кто же это?

— Да почти что все. Нежный Дельфин был красив и нежен, точно шелк. А еще он был богат. Да, он умел копить.

Цы ничуть не удивился. Многие евнухи добивались высокого положения при дворе и сколачивали значительные состояния. Дело было в их трудолюбии, в способности к чинопочитанию и лести. Но

когда Цы высказал эти мысли вслух, Трепетный Рассвет с ним не согласился:

— Он был не такой, как все. Его интересовала только его работа да его коллекция древностей… и я. — Тут юный евнух разрыдался.

Цы попробовал утешить мальчика, но тщетно. Похоже, не стоило сейчас продолжать расспросы. Если потребуется, Цы сможет допросить евнуха и в другой раз. Он уже собирался отпустить юного страдальца, однако новая мысль пришла ему в голову, и он не удержался:

— И последний вопрос. Ты сказал, что Нежному Дельфину завидовали почти все?

— Точно так, господин… — всхлипнул евнух.

— А кто — кроме тебя — ему не завидовал?

Трепетный Рассвет заглянул в глаза юноше так, словно благодарил за важный вопрос. А потом отвел взгляд:

— Простите. Этого я сказать не могу.

— У тебя нет причин меня бояться! — удивился Цы.

— Я боюсь не вас, а Кана.

Ситуация становилась все более запутанной. Было над чем поломать голову. Цы направился в покои, которые до своего исчезновения занимал Нежный Дельфин. Евнух служил в должности помощника управляющего и проживал при Подворной палате, на втором этаже.

Перед входом в покои стоял караульный, который, несмотря на грозный вид, все-таки разрешил Толкователю трупов войти — разумеется, лишь удостоверившись в подлинности императорской печати и записав имя входящего. Пройдя внутрь, Цы собственными глазами убедился, что Нежный Дельфин был фанатичным приверженцем порядка и опрятности. Книги в его кабинете (исключительно поэзия) не только стояли точно в линию, но еще и были снабжены шелковыми переплетами одинакового цвета. Ни одна вещь не валялась как попало: одеяния были аккуратнейшим образом свернуты и сложены ровной стопкой в сундук, сиявший первозданной чистотой; кисточки для письма выглядели столь скрупулезно отмытыми, что любую из них можно было дать новорожденному в качестве соски; даже благовонные палочки были рассортированы по

размеру и по запаху. И лишь один предмет нарушал всеобщую гармонию: на письменном столике лежал небрежно брошенный раскрытый дневник.

Цы спросил стражника, заходил ли кто-нибудь в эти комнаты после исчезновения евнуха; тот сверился с книгой записи и ответил, что никто не заходил. Цы пошел осматривать вторую комнату.

Это был просторный зал, стены которого будто оккупировала армия древностей. Ближе к двери толпились десятки статуэток из бронзы и нефрита, каждая со своей этикеткой, свидетельствующей о благородстве происхождения: все они относились к эпохам Тан и Цзинь. Возле внешней стены и у окна, выходившего на Дворец Наложниц, стояли четыре вазы прозрачной белизны их изготовили из тонкого фарфора в мастерских Жучжоу. Противоположная стена была сплошь завешена изысканной живописью на шелке: горные пейзажи, реки, сады и заходы солнца. А вот на четвертой стене, над входом в последнюю комнату, был размещен один-единственный лист бумаги, украшенный каллиграфической надписью. Текст представлял собой стихотворение, написанное точными, энергичными мазками; иероглифы будто летели справа налево, исполненные лиризма и гармонии. Цы пригляделся к множеству красных печатей, которые были поставлены предыдущими владельцами текста. А еще он обратил внимание на едва заметный изгиб рамки.

Цы не мог в точности исчислить стоимость этого шедевра. Определенно, даже такому состоятельному евнуху, как Нежный Дельфин, не хватило бы средств для его покупки.

Толкователь трупов вошел в третью комнату — спальню с ложем, покрытым газовой тканью, от которой исходил изысканный аромат. Пуховое одеяло было в точности подогнано к углам, как перчатка к пальцам руки. На стенах, обитых вышитым шелком, не было ни единого пятнышка. Во всех трех комнатах каждая вещь находилась на своем месте.

Каждая — за исключением дневника Нежного Дельфина.

Цы вернулся в первую комнату, чтобы как следует его изучить.

Юноша держал в руках книжицу с тонкими листами, украшенную изображениями лотоса, до конца заполненную записями. Цы погрузился в чтение, надеясь найти сведения, которые хоть как-то ему помогут. К удивлению Цы, речь в дневнике шла совсем не о работе —

этот документ был целиком посвящен личным делам Нежного Дельфина. Евнух скрупулезно анализировал свои чувства к Трепетному Рассвету, в которого, по-видимому, был не на шутку влюблен. Он писал о мальчике с нежностью и утонченностью, почти с той же силой страсти, что и о своих родителях — а упоминания о них встречались почти на каждой странице дневника.

Дочитав до конца, Цы надолго задумался. Из дневника явствовало, что евнух, несмотря на кипевшую в нем страсть, был человеком чувствительным и порядочным.

А еще по дневнику можно было догадаться, что Нежный Дельфин был каким-то образом обманут своим убийцей.

*** * ***

На следующий день Цы с утра пораньше отправился в архив. Серая Хитрость во дворце не ночевал. Цы знал, что седовласый рано вставать не любит, и решил использовать часы одиночества на то, чтобы выяснить, над чем работал перед смертью Нежный Дельфин.

Порывшись в документах, Цы убедился, что весь последний год евнух ведал счетами, относящимися к соляной торговле — одной из сфер коммерции, на которую, наряду с торговлей чаем, ладаном и алкоголем, государство имело исключительное монопольное право. Цы плохо разбирался в вопросах рынка, но простое сопоставление с отчетами предыдущих лет показывало, что оборот соляной торговли очевидно и неуклонно снижается. Этот спад мог оказаться следствием обычных рыночных колебаний, но можно было представить себе и другую причину: незаконное обогащение некоего чиновника, что одновременно объясняло и наличие ценной коллекции древностей в его доме.

Цы отправился проверять свою догадку в Подворную палату, там ему рассказали, что общее уменьшение товарооборота связано с агрессией северных варваров. Вполне логичное объяснение: все жители империи так или иначе ощущали на себе последствия вторжения чжурчжэней. Войска Цзинь, которые когда-то удавалось сдерживать на границе, резко продвинулись и завоевали весь Северный Китай. С тех пор объем торговых операций неуклонно

снижался, особенно в последние годы, когда, несмотря на все договоры и выплату дани, чжурчжэни грозили продвинуться еще южнее. Цы поблагодарил чиновника за разъяснение и направился туда, где лежали трупы, — юноша собирался их обмыть и посмотреть, что изменилось за сутки.

Прежде чем спуститься в подземные застенки, Цы прошел по кухням и конюшням, чтобы собрать припасы, которые он заранее велел приготовить. Забрав все, что требовалось, Цы начал спуск. Когда он приблизился к знакомой двери, на него накатила тошнота: запах разложения чувствовался уже и за пределами комнаты. И даже от камфарных нитей будет не много проку. Цы все равно засунул их в ноздри и начал подготовку к осмотру, когда появился Бо.

— Я задержался, зато посмотри, вот она. — Чиновник предъявил деревянную пику, что Цы заказал накануне.

Толкователь трупов внимательно осмотрел древко, взвесил на руке, проверил диаметр и заточку. Он остался доволен проверкой — все было как надо. Цы отложил пику в сторону и продолжил работу. Он положил в терракотовый горшок пригоршню листьев белого репейника и стручки фасоли, придавил и поджег: дым от такой смеси поможет победить любое зловоние. Потом Цы достал бутылку с уксусом и наполнил плошку, понюхал конопляного масла, а в рот положил свежий имбирный корень. Исчерпав все средства самозащиты, Толкователь трупов набрал в грудь побольше воздуха и решительно вошел в Комнату мертвецов.

Несмотря на то что тела обмывали накануне, черви снова расплодились на мертвечине. Цы сразу же плеснул уксуса в горшок с горящей смесью, чтобы дым распространился по всей комнате, и начал готовить состав для последнего омовения. Остатки уксуса он замешал с перепревшим навозом, получившуюся кашицу разбавил водой, смазал в ней деревянную палочку и занялся удалением червей и их личинок. Завершая операцию, он вылил на трупы несколько ведер воды. Под ногами у юноши теперь хлюпало отвратительное месиво из крови, насекомых и гнилой плоти, но он только крепче прикусил имбирный корень и приступил к осмотру.

На трупе евнуха и на трупе без лица ничего существенно нового не обнаружилось. Процесс разложения зашел далеко, кожа почернела и лохмотьями отделялась от мышц, а во многих местах она уже

вздыбилась. А вот на лице самого молодого — того работника, с которого сделали портрет, — проступило множество мелких крапин, размером не больше макового зерна. Цы тщательно протер сохранившиеся участки кожи и всмотрелся в крапины со всем вниманием. Крошечные шрамы покрывали все лицо и напоминали ожоги или оспины — все, за исключением странных квадратных обводов вокруг глаз. Цы записал это наблюдение в тетрадку, а рядом точными движениями воспроизвел форму обводов. Сходные повреждения он обнаружил и на руках покойника. И вот наконец Цы взял со стола пику.

У Толкователя трупов не было никакой уверенности, что его идея сработает. Однако он бестрепетно подошел к изувеченному трупу старика, воткнул наконечник пики в открытую рану на груди и принялся осторожно проворачивать свое оружие, отыскивая канал, который позволил бы продвинуться дальше. Когда наконечник пики подался вглубь, Цы издал победный рык. Понемногу, словно двигаясь по тайному ходу, наконечник уходил все глубже; когда же он уперся, Цы позвал на помощь Бо, и вместе они перевернули тело. И тогда Цы увидел, что, как он и предполагал, наконечник вышел наружу через отверстие в спине. А стало быть, Цы имел дело не с двумя разными ранами, а с одной, имеющей вход и выход. Юноша уже собирался вытянуть пику обратно, когда заметил необычный проблеск на самом острие. Цы взял щипчики и осторожно извлек из запекшейся крови блестящий обломок. Внимательно его изучив, юноша пришел к выводу, что это крупица камня. Больше по этой крупице он определить ничего не сумел, но сохранил обломок в качестве вещественного доказательства.

— Мне необходим еще один труп, — объявил он чиновнику.

Бо озадаченно посмотрел на эксперта.

— На меня можешь не рассчитывать, — предупредил он.

Цы рассмеялся, а Бо вздохнул с облегчением, поняв, что убивать никого не придется. Цы просто как можно скорее требовалось еще одно мертвое тело для проверки своей теории. Но когда Бо предложил позаимствовать мертвеца с Линьаньского кладбища, Цы наотрез отказался. Ведь там работал прорицатель Сюй.

— Придется поискать в другом месте, — поторопил он седого чиновника.

Цы достал из сумы два свернутых листа бумаги: на одном в натуральную величину отображалось человеческое тело спереди, на другом — вид сзади. Рисунки были испещрены черными и белыми точками; их скопления повторяли очертания внутренних органов. Бо полюбопытствовал, что это такое.

— Это как карта. Черные точки обозначают места, поражение которых смертельно для человека; белые — это места, повреждение которых причиняет большой вред.

Толкователь трупов расстелил оба листа и нанес на них точное место и форму каждой из ран на теле старика.

Закончив рисовать, Цы отер наконечник пики, подобрал и сложил рисунки и, распорядившись предать трупы огню, вместе с Бо покинул дворец.

* * *

Центральная больница представляла собой нечто вроде огромной мастерской по производству умерших из умирающих; их перемещали с больничных коек на кладбище в таких количествах и так привычно, будто яйца перекладывали из одной корзины в другую. Цы надеялся, что нашел идеальное место для опытов с мертвыми, однако управляющий объявил, что последних сегодняшних покойников уже забрали родственники. Бо предполагал, что Толкователь трупов собирается пронзить той же пикой еще одно человеческое тело и посмотреть на результат, и предложил использовать для этой цели кого-нибудь из больных. Цы не мог поверить своим ушам. Бо привел свои аргументы: доброволец, который согласится заменить собою покойника, заслужит достойные похороны для себя и хорошее вознаграждение для своей семьи; и хотя Цы не одобрил эту идею, Бо приказал управляющему обнародовать заманчивое предложение среди больных. К удивлению Цы, управляющий и не думал возражать.

И вот уже они обходят палату за палатой в поисках подходящего тела. Однако Цы раз за разом отвергал добровольцев — всем им еще было жить и жить. В конце концов управляющий показал им обожженного мужчину, чья жизнь висела на волоске, но Цы не согласился и тут: такие страшные ожоги способны были испортить

всю проверку. Они подошли к следующей циновке, где лежал рабочий с не оставляющей сомнений печатью смерти на лице. Его придавило каменной плитой, и теперь он медленно агонизировал. Цы понял, что последние часы жизни этого человека будут отравлены непереносимым страданием. Но и умирающего Цы отверг. И тогда Бо понял, что Толкователь трупов никогда не пойдет на замену мертвеца живым человеком. Императорский чиновник покидал больницу в мрачном расположении духа.

— Не знаю, как мне такое и в голову пришло, — произнес он.

У Цы появилась новая идея.

— А как насчет казней?

И предложил воспользоваться трупом смертника.

* * *

Начальнику внешней тюрьмы, покрытому шрамами воителю, очень понравилась идея проткнуть мертвеца насквозь.

— Как раз сегодня мы удушили одного злодея, — воодушевился он. — Никогда не получал подобных предложений, но если это — на благо империи, то пускай и преступники хоть как-то ей послужат.

Начальник тюрьмы отвел Цы и Бо во внутренний дворик, где лежало тело несчастного. Публичную казнь собирались устроить еще вчера, на одном из рынков, но потом ее перенесли в тюремный двор, и теперь казненный лежал здесь в назидание другим преступникам — в изодранных обносках, прямо на земле.

— Этот сукин сын изнасиловал и убил двух девочек, а тела бросил в реку. Был схвачен разъяренной толпой, — произнес начальник, словно себе в оправдание.

На вопрос, нужно ли раздеть покойника, Цы ответил, что не нужно. Старик был убит одетым, а Цы собирался восстановить картину убийства как можно более достоверно. Он достал свои рисунки и проверил расположение ран. А потом приколол на рубашку преступника бамбуковую щепочку, отмечая, куда воткнуть пику.

— Его нужно приподнять, — объявил Цы.

Несколько солдат подняли тело, пропустили под мышки веревку, а концы ее привязали к деревянной перекладине. Теперь труп висел,

словно марионетка. Цы взялся за пику, и ему вдруг стало жаль казненного преступника. Его полуоткрытые глаза как будто глядели на Цы с другой стороны — из мира смерти. Юноша представил себе убитых девочек и резким ударом всадил наконечник в мертвое тело. Раздался треск, дерево проникло в плоть — так забивают свиней. Наконечник, увязнув где-то на полпути, так и не высунулся из спины.

Цы выругался сквозь зубы. Он вытащил пику и приготовился к новому удару. Напружинил каждый мускул и снова подумал о девочках. Удар получился сильнее прежнего, но пронзить тело насквозь все равно не получилось.

— Можете опускать. — Цы с яростью пнул лежавший под перекладиной камень, а потом долго мотал головой.

Он ничего не стал объяснять начальнику тюрьмы. Просто поблагодарил за сотрудничество и на этом прекратил свой эксперимент.

* * *

Вечер Цы провел в размышлениях, строя и проверяя догадки и предположения — пока не заявился Серая Хитрость. Новоявленный судья спросил, как продвигается дело, и Цы без колебаний принялся врать. Уж во второй раз он не даст себя облапошить!

— Судя по всему, этот Нежный Дельфин был честный человек. Он жил единственно ради своей работы, но больше мне ничего выяснить не удалось. А тебе? — Цы изобразил живой интерес.

— Я могу быть с тобой откровенен?

Цы вспомнил, при каких обстоятельствах седой заводил с ним подобный разговор. Даже если бы дело шло о спасении его отца, Серая Хитрость все равно бы солгал.

— Для нас с тобой это дело — отравленное лакомство, — провозгласил он. — У них нет никаких зацепок. Они предоставили нам разбираться в истории, где все шиворот-навыворот, и, поскольку сами справиться не могут, хотят выставить неумехами нас.

— Да уж, хорошо сказано, — мрачно усмехнулся Цы. — И как же ты намерен поступить?

— Я решил ускорить другое расследование — то дело о мертвом страже порядка. Там-то я хорошо продвинулся, так что теперь не позволю этим свиньям запятнать мою карьеру.

Цы тоже решил ускорить свое расследование. Преодолевая страх, он попробовал побольше выведать о планах седого. И прямо спросил: есть ли новости из Фуцзяня?

— Ничего нового, почта стала поступать гораздо медленнее. Вчера вот пришло письмо, которое мы ожидали получить еще шесть дней назад. Поэтому я решил сам отправиться в Фуцзянь. — Серая Хитрость выдержал паузу. — Да, именно так. Мне нужно срочно распутать мое первое дело. И я не остановлюсь, пока не узнаю, кто убил этого Гао.

Цы попытался разубедить Серую Хитрость:

— А как же приказ министра?

— А я уже с ним поговорил, и Кан обещал не чинить мне препятствий. — Седовласый ухмыльнулся. — Вот она, польза родственных уз. Тебе придется выпутываться в одиночку.

Цы уже пожалел, что задал свой вопрос. До этого момента он еще мог надеяться, что разыскания его противника ни к чему не приведут, однако теперь пришла ясность: юный судья скоро выяснит, что беглец, которого преследовал Гао, — это Цы.

— Когда ты отправляешься?

— Сегодня же ночью. Чем дольше я здесь пробуду, тем легче будет объявить меня неудачником.

Цы не знал, радоваться или горевать. С одной стороны, он получит возможность спокойно расследовать тройное убийство, с другой — даже думать об этом, так необходимом ему спокойствии, когда оно зависит от действий Серой Хитрости, было нелепо.

— Что ж, удачи, — произнес Цы.

Никогда еще пожелание удачи не было столь лицемерным. Цы попрощался с Серой Хитростью и пошел к себе.

У него было о чем подумать.

Только вот ни о чем хорошем не думалось.

26

Цы размышлял над происхождением крошечных шрамов на лице молодого покойника, когда во дворец вернулся парфюмер. Цы успел прикинуть несколько вариантов, но так и не пришел к определенному выводу, поэтому, когда Сюэ сказал, что ему повезло, Толкователь трупов воспрянул духом. И сразу же несказанно удивился: в продолжение своих слов парфюмер улыбнулся и протянул ему запечатанный воском флакончик.

— Вот, понюхайте, — гордо прибавил он.

Цы сорвал восковую печать и вдохнул насыщенный аромат, который тотчас вязко растекся по его дыхательным путям. Запах был густой, глубокий, сладкий и приторный, как мармелад, с оттенками сандала и пачулей. Крепость его пьянила. Юноше запах показался смутно знакомым, но почему — он вспомнить не мог. Маленький парфюмер скорчил обиженную гримасу:

— Разве не узнаёте?

— А разве я должен?

— Полагаю, что так. Это же «Нефритовая эссенция», которую я уже много лет изготавливаю для императора.

Цы нахмурился. Пришлось признаться, что при дворе он всего-то два дня, да и те провел среди трупов и архивных свитков.

— И хотя я удостоился чести лицезреть императора, могу вас заверить: обстоятельства не располагали к тому, чтобы наслаждаться духами, — добавил он.

— Да нет же! Эта эссенция вовсе не для него, — вскричал Сюэ.

Чтобы взбодриться, Цы провел ладонями по лицу; он готовился не пропустить ни слова. А человечек перед ним взахлеб рассказывал, что многие годы готовит из совершенно секретных ингредиентов и с соблюдением тайны пропорций эти самые духи, пользоваться которыми настрого запрещено кому бы то ни было, за исключением супруги и наложниц императора.

— И разумеется, я единственный, кто готовит такой аромат.

Цы долго молчал, обдумывая признание маленького парфюмера, а тот с нетерпением дожидался слов благодарности. В конце концов юноша спросил, возможно ли, чтобы кто-нибудь из работников

мастерской присвоил часть уже готовых духов. Сюэ оскорбился до глубины души.

— Нет, невозможно! Каждый раз, как мне заказывают новую партию, я сам готовлю духи, сам переливаю во флаконы, сам их нумерую и сам доставляю во дворец, — решительно ответил парфюмер.

— А если кто-то воспроизвел вашу эссенцию?

— Воспроизвел? Это не просто маловероятно, это немыслимо. Во-первых, потому что набор ингредиентов известен только мне, а подобрать их — уверяю — задача весьма непростая. А во-вторых, если фальсификатора обнаружат, он будет незамедлительно казнен.

— Понимаю. А скажите, существует ли вероятность ошибки?

— На что это вы намекаете? — Человечек снова оскорбился.

— Я имею в виду: насколько вы уверены, что это именно ваши духи? В конце концов, запах был совсем уже слабый, да к тому же отравленный гнилью.

— Послушайте, юноша, — в голосе парфюмера звучала неколебимая убежденность, — если бы вы от рождения занимались запахами, вы бы меня поняли. Я всегда отличу аромат моего изготовления, даже посреди целого лагеря потных солдат.

Маленький человечек произнес эти слова с такой твердостью, что Цы перестал сомневаться в правильности его выводов. Он собирался задать очередной вопрос, но тут парфюмер кое-что добавил:

— Но, как ни странно, там и впрямь было что-то еще… Посторонний запах. Такой резкий… Он почти совсем выдохся, но все же я его почувствовал.

— Другие духи?

— Нет, это были не духи. Но и не трупная гниль. Право, не знаю — я пытался вычислить этот запах, но не сумел.

Цы записал в тетрадку и это обстоятельство. Он получил уже достаточно пищи для размышлений, но тут ему пришел в голову еще один вопрос.

— Ну да, вы сами готовите вашу «Нефритовую эссенцию». А кто во дворце уполномочен ее у вас принимать?

— Не «уполномочен», а «уполномочена». — Глаза Сюэ расширились так, точно он увидел, как кто-то раздевается. — Одна нюйши, дама, которая готовит встречи императора с его наложницами.

Обычно я отношу ей партию духов в каждое новолуние. Приблизительно тридцать флакончиков, в соответствии с заказом. Имейте в виду, что, помимо нюйши, во дворце проживают около тысячи наложниц. А она принимает и распределяет каждую партию и, будьте уверены, следит за девушками так, словно это ее родные дети, которых у нюйши никогда не будет.

Проводив маленького парфюмера к воротам, Цы углубился в дворцовый сад. Сведения о нюйши заинтересовали его, и, хотя Цы помнил, что вход во Дворец Наложниц для него закрыт, ему захотелось хотя бы побродить поблизости. Шагая, Толкователь трупов мысленно раскладывал по полочкам все, что ему удалось выяснить.

Итак, имеются мертвые тела. Начнем с евнуха: трудолюбивый и аккуратный человек, любящий свою семью, на первый взгляд честный работник, вот только относительно скромная должность помощника управляющего плохо сочеталась с обладанием ценнейшей коллекцией. Второй — это мужчина лет около пятидесяти, с изуродованным лицом и с руками, странным образом пострадавшими то ли от кислоты, то ли от какого-то заболевания. И наконец, третий — самый молодой покойник с лицом, испещренным давними крохотными шрамами, а еще с двумя непонятными обводами вокруг глаз.

У трех мертвецов имелось много общего, и этим надлежало заняться в первую очередь: убийца старался, чтобы трупы было сложно опознать; у всех троих — страшные раны в виде воронки на груди, а еще невесть откуда взявшийся аромат духов, которые способен изготовить один-единственный парфюмер, и надзор за ними поручен императорской нюйши. Когда Цы отвлекся от этих мыслей и посмотрел вокруг, оказалось, что он подошел вплотную к Дворцу Наложниц, а это было опасно. Чтобы никто из евнухов его не обнаружил, юноша спрятался за дерево и принялся рассматривать запретный дворец, все окна которого были забраны жалюзи. Это строение выглядело не менее изящно, чем его обитательницы. За бумажными шторками Цы разглядел грациозно порхающих девушек, как ему показалось — обнаженных; теперь он уже не мог отвести глаз от окон. Юноша почувствовал, что тело его наполняется желанием. Он уже давно не делил ложе ни с кем из «цветочков».

Цы заставил себя не думать о наслаждениях плоти и принялся вспоминать все, о чем говорил ему маленький парфюмер. Во дворце

девушки находились в ведении одной только нюйши, никто другой не имел к ним доступа. Даже евнухи. И если, как заверял Сюэ, он являлся единственным производителем «Нефритовой эссенции», у Цы не оставалось иного пути, кроме как расспросить даму, ответственную за распределение этих уникальных духов.

Юноша пошел обратно, во Внешний двор, чтобы выяснить, как продвигаются дела у портретиста. Зайдя к нему в мастерскую, Цы ахнул от восхищения: перед ним на мольберте было полное жизни лицо, выписанное столь тщательно, что казалось, убитый вот-вот улыбнется и заговорит. Художник с абсолютной точностью воспроизвел каждую черточку, словно бы вернув покойнику жизнь. Все было сделано идеально — за исключением одной ужасной ошибки.

— Мне следовало четче вас проинструктировать: портрет должен быть с открытыми глазами.

Художник переполошился и начал низко кланяться, страшась последствий, однако Толкователь трупов не упрекнул его ни словом, взяв всю вину на себя. Художник заверил, что, к счастью, может легко поправить дело.

— Закрыть открытые глаза мне было бы сложнее.

— А шрамы подрисовать сможете?

И Цы начал прямо на портрете показывать размеры, форму, количество и распределение кожных повреждений, не забыв предупредить, что вокруг глаз их быть не должно. Он дождался окончания работы — на всякий случай, чтобы художник не допустил новых ошибок. В итоге Толкователь трупов остался очень доволен результатом.

— Это и вправду потрясающе, — произнес он.

Художник воспринял похвалу с гордостью. Он снова поклонился и обеими руками подал юноше рисунок на шелке. Цы бережно свернул его и упаковал в отдельную сумочку с таким тщанием, точно это был слиток золота. Попрощавшись с мастером, Цы пошел к себе. Войдя в комнату и закрыв дверь, юноша сразу же развернул портрет и долго его рассматривал. Да, действительно, как живой. Единственная проблема заключалась в невозможности воспроизвести этот шедевр, а следовательно, его нельзя было размножить и распространить повсеместно. Но Цы все равно был уверен, что портрет ему

пригодится — когда он разберется с происхождением этих крохотных шрамов.

Просидев некоторое время просто так и не зная, что делать дальше, юноша подумал об учителе Мине, о том, как не хватает ему теперь советов академика, его хладнокровия. Мин ведь всегда знал, что сказать и как поступить. Цы чувствовал себя в долгу перед ним — и стыдился, что однажды предал доверие учителя. Да, вот что сейчас нужно: навестить Мина и обсудить вопросы, на которые у него самого не находилось ответов. Цы снова скатал рисунок, собрал свои записи и вышел из комнаты: он направлялся к единственному человеку в Линьане, который оказывал ему бескорыстную помощь.

Цы без помех миновал сад. Однако, когда он попробовал выйти за ворота в дворцовой стене, караульный его не пустил.

— Даже не думай об этом, — грубо бросил страж ворот, с презрением посмотрев на печатку, которую предъявил Толкователь трупов. Цы с важным видом объяснил, что эта печать выдана ему самим министром наказаний, но караульный и бровью не повел.

— Ну тогда с ним и договаривайся. Это Кан приказал тебя не выпускать.

Цы не поверил караульному, но проход для него был закрыт.

Юноша пнул валявшийся у ворот камень с такой злостью, словно это был сам Кан. Все-таки ему пришлось повернуть назад. Если императору угодно, чтобы Цы продвигал порученное ему дело, так пусть подумает, что делать с министром, который вместо того, чтобы содействовать расследованию, с удовольствием чинит все новые и новые препятствия. По счастью, печатка-пропуск, кажется, не утратила своих свойств внутри дворцового комплекса, что позволило юноше добраться до кабинета, который занимал личный секретарь императора. Цы представился и попросил об аудиенции, но секретарь с замашками престарелого щеголя воззрился на посетителя так, будто ему показали полудохлую муху. Поступок Цы был не просто необычным — нет, он был оскорбительным: простой исполнитель желает встретиться с Сыном Неба!

— Многие умерли и за гораздо меньшие провинности, — изрек секретарь, лишь мельком взглянув на наглеца.

Цы подумал, что если бы он был им нужен мертвым, его бы давно уже убили. И продолжал настаивать — но достиг лишь того, что

секретарь по-настоящему взъярился: старец приказал ему немедленно убираться и пригрозил вызвать стражу. Но юношу и это не смутило. Он был готов решить свою проблему любой ценой, поэтому с предерзким видом остался стоять на своем месте и бестрепетно воспринял обещание секретаря отправить его в тюрьму, а потом полюбоваться его казнью. Старик вопил и надрывал голос, а Цы тем временем заметил, что по галерее приближается, окруженный многочисленной свитой, сам император; рядом с Нин-цзуном шел Кан. Юноша понял, что действовать нужно стремительно. Не дослушав очередную тираду секретаря, не оставив телохранителям ни секунды на размышление, Цы выбежал в галерею и простерся ниц у ног императора. Кан узнал своего подчиненного и приказал солдатам его схватить, однако Нин-цзун остановил расправу.

— Необычный способ поздороваться со своим монархом, — отметил он.

Сознавая, насколько дерзостен этот способ, Цы не отважился поднять взгляд. Он еще раз бухнул лбом о каменный пол и взмолился о милосердии. Не получив никакого ответа, Толкователь трупов дрожащим голосом прибавил, что дело у него срочное, напрямую связанное с раскрытием зверских убийств.

— Ваше величество! Он сполна заплатит за свою наглость! — взревел Кан.

— Всему свое время. Ты что-нибудь узнал? — коротко спросил император.

Цы подумал, что лучше бы ему переговорить с его величеством наедине. Он уже собрался попросить об этом, но вовремя решил больше не искушать судьбу. Все так же лежа перед Нин-цзуном, он бросил взгляд на министра наказаний.

— Ваше величество, при всем почтении и благоговении, я подозреваю, что некто высокопоставленный преднамеренно мешает мне работать, — отважно объявил Толкователь трупов.

— Мешает? Преднамеренно? Что ты имеешь в виду? — Нин-цзун сделал солдатам знак отойти на несколько шагов. Цы распластался на полу, как мертвый.

— Ваше величество, — вполголоса пожаловался он, — только что, когда мне понадобилось продолжить расследование вне этих стен,

стражник не выпустил меня. Он даже пренебрег печатью, выданной мне его превосходительством министром наказаний, и вот…

— Понятно. — Нин-цзун бросил короткий взгляд на Кана — старый служака внешне никак не отреагировал на донос своего подчиненного. — Что-нибудь еще?

Цы раскрыл рот от изумления. Но лоб от пола не оторвал.

— Да, ваше величество, — пробормотал он. — В переданных мне отчетах не отражены результаты расследования дворцовых судей. Ни слова не говорится о местах и обстоятельствах обнаружения трупов. Не упомянуты свидетели, не представлены первые рапорты об исчезновении Нежного Дельфина, не изложены предварительные версии, обойдены молчанием и предположения о мотиве этих убийств. — Юноша снова покосился на Кана; министр отвел взгляд. — Вчера я допрашивал ближайшего друга Нежного Дельфина, юного евнуха, который вполне охотно со мной сотрудничал, а после очередного вопроса моментально замкнулся. А причина этого внезапного молчания в том, что господин министр наказаний запретил ему откровенничать на определенные темы.

Император выдержал паузу.

— И поэтому ты решил, что имеешь право мне докучать, выскакивая под ноги, точно дикарь?

— Ваше величество, я… — Цы уже понимал, что повел себя совершенно недопустимым образом; но обратного хода не было. — По словам министра Кана, никто не заходил в комнаты Нежного Дельфина, однако это ложь. Он сам не только заходил в эти покои, но еще и запретил караульному рассказывать о своем посещении. Вашему министру не угодно, чтобы я выяснил хоть что-нибудь! Ему ненавистен любой метод расследования, в основе которого — наблюдательность и логика, он упорно препятствует мне докопаться до истины. Я не имею права допрашивать наложниц, у меня нет доступа к отчетам, мне запрещено покидать дворец…

— Ну хватит! Ты наговорил уже достаточно. Стража, доставьте невежу в его жилище!

Цы не сопротивлялся, когда солдаты поднимали его с пола; он успел разглядеть отравленную улыбочку Кана и блеск его единственного глаза.

* * *

Он слышал, как солдаты закрывают дверь, выставляя снаружи караульных. Он сидел в полном оцепенении, пока дверь не открылась снова. Бо вошел, не поздоровавшись, лицо его полыхало от гнева.

— Вы, молокососы, почитаете себя хозяевами жизни! — выкрикивал седой чиновник, меряя шагами комнатку. — Вы приходите со своими, так сказать, познаниями, со своими новомодными изобретениями и хитроумным анализом; вы являетесь пред очи взрослых мужей — гордые и высокомерные, убежденные в своей способности проницать непроницаемое, — и забываете о самых элементарных требованиях приличий! — Бо прервался, чтобы обрушить на Цы испепеляющий взгляд. — Могу я поинтересоваться, чего вы вообще добиваетесь? Да как тебе в голову взбрело обвинять министра?

— Министра, который не дает мне вести расследование, который держит меня взаперти, точно преступника…

— Клянусь Великим Буддой, Цы! Насчет дворцовых стен — это была вовсе не его идея. Он просто следовал указаниям императора.

Цы побледнел.

— Но ведь он… — Толкователь трупов так ничего и не понял.

— Легковерный дуралей! Да стоит тебе выйти из дворца без охраны — и жить тебе останется не дольше, чем яйцу в пасти у лисицы. — Бо помолчал, дожидаясь, пока Толкователь трупов осознает сложность своего положения. — Никто тебе не запрещал выходить. Ты просто не должен выходить в одиночку.

— Но, значит…

— И Кан, разумеется, осматривал комнаты Нежного Дельфина. А ты чего хотел? Чтобы все дело сосредоточилось в одних лишь твоих руках?

— Неужели вы не понимаете, что я ничем не смогу помочь, если вы не объясните, с чем мы столкнулись? — в отчаянии выкрикнул Цы.

Этот крик заставил чиновника задуматься. Он подошел к окну и посмотрел в сад. Когда он обернулся к юноше, от гнева на его лице не осталось и следа.

— Я понимаю, тебе сейчас нелегко, но ведь именно ты и должен выяснить мотивы этих преступлений. Ну да, императору Нин-цзуну потребовалась твоя помощь, но не думай, что он примется раскрывать государственные тайны желторотому новичку, который едва-едва выучился нескольким трюкам.

— Тут я вас понимаю. Ну так вот, если вы не позволяете мне продвигать расследование, то попросите, чтобы император меня отпустил. Я расскажу все, что мне удалось выяснить, а потом…

— А, так ты уже что-то выяснил? — изумился Бо.

— Меньше, чем мог бы, но больше, чем мне было дозволено.

— Слушай! Я всего-навсего императорский чиновник, но тебя могут выпороть прямо сейчас, по одному моему слову, так что попридержи язык!

Цы понял, что дерзость завела его в тупик. Он склонил голову и принялся извиняться. А потом достал свои записи и еще раз просмотрел; Бо тем временем уселся на табурет в ожидании доклада. Юноша, сделав несколько глубоких вдохов, заставил себя успокоиться и приступил к подробному рассказу о своих открытиях: короста из мелких шрамов на лице молодого работника; запретные духи «Нефритовая эссенция», которые хранятся у императорской нюйши; ложь Нежного Дельфина.

— Какая ложь?

— Евнух обманул Кана. Он вовсе не собирался навещать своего батюшку, потому что тот ничем не болел. На самом деле Нежному Дельфину требовался предлог, чтобы оправдать свою отлучку из дворца.

— И чем ты сможешь это подтвердить? — насторожился седой чиновник. — Его отец, вообще-то, часто болел.

— Именно так. И всякий раз, когда это происходило, Нежный Дельфин писал о болезни в своем дневнике. Он подробнейшим образом описывал свои опасения и тревоги, свою подготовку к поездке, подарки, которые припасал для батюшки, указывал и даты предполагаемого путешествия. Он ничего не упускал. Однако в записях последнего месяца нет упоминаний о каких бы то ни было болезнях отца, хоть бы о насморке.

— Тот мог заболеть внезапно, так что у Нежного Дельфина не нашлось даже времени об этом написать, — неуверенно возразил

чиновник.

— Да, такое вполне могло произойти. Однако не произошло. В документах значится, что Нежный Дельфин подал прошение об отлучке на следующий день после новолуния, а покинул дворец только вечером через день. При желании он вполне успел бы расписать отцовскую болезнь во всех подробностях.

— И какой из этого вывод?

— Боюсь, что вывод вам не понравится. Нежного Дельфина убил кто-то из его знакомых. Человек, которому он вполне доверял. Вспомните: на теле ведь нет никаких ссадин, которые указывали бы на сопротивление, а следовательно, он или не ожидал, что его убьют, или просто не защищался. А причина, по которой Нежный Дельфин прибег к обману, чтобы покинуть дворец, должна быть очень важной: ведь евнух, без сомнения, знал, что, если обман раскроется, его ждет страшная кара.

— Все это мне действительно не нравится. Я должен обо всем доложить императору.

27

Переступая порог Библиотеки тайного архива, Цы едва дышал от ужаса. Император позволил ему проверить его подозрения, но за это связал юношу смертной клятвой: Толкователь трупов может с одобрения Кана изучать некоторые документы, но если он осмелится хотя бы прикоснуться к корешку другой книги, то умрет в мучениях. Поэтому работать в архиве юноша мог только в присутствии министра наказаний.

Цы следовал за грузным Каном по мрачным коридорам, захваченным армией свитков, которые грозили обрушиться на неосторожного читателя. Министр освещал путь маленьким фонарем; игра теней превратила его изувеченное лицо в зловещую маску. А лицо юноши было перекошено от страха. Он успел уже пожалеть о своей попытке надавить на Кана. До разговора с Бо он думал, что министр не хочет ему помогать. Теперь Цы понял, что и впрямь нажил себе врага. Шагая по узкому коридору, он успевал прочитать названия на некоторых папках: «Восстание и усмирение чжурчжэньского войска», «Разведывательная стратегия Желтого императора», «Вооружение и доспехи Армии дракона», «Поветрия, моры и их распространение»… Кан остановился перед папкой с надписью «Честь и предательство полководца Юэ Фэя». Министр снял папку с полки и передал Цы:

— Знаешь такого?

Юноша кивнул. Историю Юэ Фэя, национального героя, проходят в любой школе. Этот человек родился сто лет назад в семье бедняка. В восемнадцать лет юноша пошел служить в армию, охранявшую северные пределы империи от захватчиков из Цзинь, и зарекомендовал себя отличным солдатом, а впоследствии и офицером. Благодаря своей доблести и способности к стратегическому мышлению Юэ Фэй получил место в личном совете императора и даже сделался заместителем главы этого совета. В народе ходила легенда про то, как этот полководец всего с восемью сотнями солдат победил при Кайфэне армию в пятьсот тысяч человек.

— Мне непонятно только, при чем здесь «предательство», — уточнил Цы.

Министр открыл папку.

— Речь идет о малоизвестном событии, об одном из самых позорных эпизодов правления династии Сун, — со значением произнес Кан. — Генерал Юэ Фэй, несмотря на безграничную преданность империи, в возрасте тридцати девяти лет был обвинен в тягчайшей измене и казнен позорной казнью. Только потом стало известно, что полководца оклеветали, и он был полностью реабилитирован императором Сяо-цзуном, дедушкой нынешнего императора. Он же повелел воздвигнуть в честь Юэ Фэя храм на озере Сиху, у подножия кряжа Цисялин.

— Да, это место мне известно. Могилу генерала охраняют четыре коленопреклоненные статуи со связанными за спиной руками.

— Эти изваяния олицетворяют первого министра Цинь Гуя, его жену и двух его прислужников — Чжан Цзюня и Мо Ци-се, четверых злодеев, которые сплели заговор, приведший к гибели полководца. — Кан осуждающе покачал головой. — С тех пор мы увязли в борьбе с проклятыми чжурчжэнями, этими северными варварами, которым мы, не в силах изгнать их с нашей земли, платим дань, чтобы выжить. Они захватили могилы наших предков, нашу столицу, наши поля и наши урожаи. Из-за них наша империя сделалась в два раза меньше, чем была прежде. И все оттого, что земля наша населена миролюбивыми людьми. Вот в чем была великая наша ошибка! Теперь мы жалуемся, что у нас нет войска, способного нас защитить, и готовы исполнить любые прихоти северян, лишь бы они приостановили свое наступление, а они тем временем отщипывают кусок за куском от нашего былого могущества. — Кан обрушил на папку свой тяжелый кулак.

— Это ужасно, — робко сказал Цы. — Но какое отношение все это имеет к убийствам?

— Да уж имеет. — Министр тяжело отдувался, его широкая грудь вздымалась и опадала. — В летописях говорится, что после Юэ Фэя осталось пятеро детей, и судьбы их были отмечены позором их родителя. Карьера, браки, владения — все разлетелось, точно пепел, подхваченный ураганом. В конце концов всеобщая ненависть и презрение покончили с этой семьей, род полководца пресекся прежде, чем случилась реабилитация. Но есть сведения, — одноглазый отыскал в панке нужную страницу, — что у Юэ Фэя был еще один сын, внебрачный, которому удалось избежать бесчестья: он скрылся на

севере и там разбогател. А теперь у нас есть все основания думать, что кто-то из потомков беглеца собирается отомстить за позорную казнь полководца — отомстить самому императору.

— И ради этой цели он убивает трех человек, ничем между собою не связанных?

— Я знаю, о чем говорю! — рявкнул Кан. Лицо у него было мрачно, как на похоронах. — Мы вот-вот должны подписать новый договор с Цзинь. Очередное перемирие, которое оплатит драгоценную безопасность наших границ новой данью северным варварам. — Министр потянулся было за другой папкой, но отдернул руку. — В этом и заключается мотив предателя.

— Простите, но я все равно…

— Ну и хватит с тебя! — прикрикнул Кан. — Сегодня вечером во дворце будет прием, в числе приглашенных — посол Цзинь. Так что приготовься. Тебе выдадут надлежащее одеяние и знаки различия. Там ты и встретишься со своим противником. С гадюкой, ведущей свой род от великого Юэ Фэя. Ты должен вычислить предателя раньше, чем он вычислит тебя.

*** * ***

Дожидаясь прибытия посольства, Цы облачился в платье зеленого шелка, что принес для него императорский портной; по его словам, именно так должен быть одет личный помощник министра наказаний. Юноша надел вышитую серебром шапочку и погляделся в бронзовое зеркало. Увиденное ему не понравилось: Цы вдруг вспомнил о давней своей встрече с парнем, выдавшим себя за певца из театра, чтобы задарма попасть на званый обед. Портному не было никакого дела до недовольства его клиента. Он с помощью булавок и прищепок подогнал платье по фигуре Цы и заверил, что после небольшой перешивки наряд будет сидеть на нем, как на принце. Цы не мешал портному делать свое дело; сам он раздумывал над рассказом министра наказаний. Конечно, сердце юноши колотилось в предвкушении встречи с убийцей, но оставался нерешенным вопрос: почему Кан, который уже знает преступника, не схватит его сам, а предоставляет Толкователю трупов вычислять его в одиночку?

Церемония началась вечером, незадолго до того, как солнце спряталось за Дворцом вечной свежести. Слуга проводил Цы к личным покоям министра Кана — тот в парадном одеянии уже поджидал у дверей. Кан одобрил наряд юноши, и они вместе отправились в Зал приветствий, предназначенный для дипломатических приемов. По дороге Кан наставлял юношу в тонкостях церемониала. Для присутствия нового человека на приеме требуется убедительное оправдание, поэтому Цы будет представлен как эксперт по обычаям Цзинь.

— Но ведь я ничего не знаю об этих варварах!

— За нашим столом тебе не придется о них говорить, — пообещал Кан.

Когда они вошли в Зал приветствий, Цы обомлел.

На огромном пространстве зала, способного вместить целый полк, дюжины столов ломились от яств немыслимых форм и расцветок. Запахи запеченной сои, жареных креветок и рыбы в кисло-сладком соусе перемешивались с ароматами пионов и хризантем; емкости со снегом, доставленным с горных вершин, наполняли зал свежестью — холодный воздух гнали по залу установленные снаружи ветряные колеса. Стены, покрытые алым, как кровь, лаком, сверкали в лучах закатного солнца; все жалюзи были отворены, из окон открывался пейзаж, в котором японские сосны, белые, точно мрамор, состязались в красоте с рощами высокого бамбука, с купами жасмина, с орхидеями, с цветами корицы, с белоснежными и ярко-алыми кувшинками, безмятежно покачивавшимися на поверхности озера под мерный плеск искусственного водопада.

Цы продолжал стоять, разинув рот. Он понял, что доселе его представления о богатстве были жалки, как мечтания отшельника о новой кровати. Юноша подумал, что ни один из простых смертных не в силах даже вообразить такой роскоши, которая теперь его окружает.

Цы окинул взглядом выстроенную рядами армию слуг, застывших в неподвижности — словно это были не люди, а статуи, отлитые по одному шаблону. В глубине зала, на помосте, покрытом желтым атласом, стоял императорский стол, на нем — десяток жареных фазанов. Ниже, возле столов попроще, толпились сотни приглашенных в парадных одеяниях, коротающие время в оживленных беседах. Кан

сделал юноше знак следовать за ним. И вот министр наказаний проводит его сквозь самые сливки имперского общества. Здесь собрались потомственные аристократы, напыщенные богатеи, именитые граждане, прибывшие со всех концов империи, самые прославленные поэты, самые изысканные каллиграфы, главы округов и уездов, высокопоставленные чиновники и члены всяческих советов — все в сопровождении своих досточтимых супруг. Кан объяснил: император решил придать дипломатической встрече оттенок праздника — чтобы она меньше походила на капитуляцию.

На самом деле он приурочил праздник к визиту цзиньцев, а не наоборот.

Они подошли к назначенному для них столу и сели вместе с другими приглашенными. По обычаю, за каждым столом предусматривалось восемь мест. Согласно другому обычаю, место на восточной стороне предоставлялось самому почтенному гостю, его и занял министр наказаний. Все остальные расселись в соответствии со своим рангом и возрастом — за исключением Цы, которому было отведено место рядом с Каном.

Пока гости дожидались появления императора Нин-цзуна, Кан тихим голосом объяснил своему помощнику, что отказался от места за императорским столом, чтобы требования протокола не слишком его стесняли. Затем одноглазый познакомил Цы с соседями по столу: два окружных начальника, трое ученых и преуспевающий владелец мастерской бронзового литья.

— А это Цы, мой помощник, — так министр представил Толкователя трупов.

Юноша с готовностью кивнул. Пока одноглазый беседовал с главами округов, Цы оглядывал Зал приветствий. Были здесь и женщины: они сидели за отдельными столами, — так было принято на праздниках, чтобы дать мужчинам возможность поговорить о делах. Еще не начали разносить закуски, когда удар невидимого гонга возвестил о скором появлении императора. Нин-цзун вошел в сопровождении столь многочисленной свиты придворных и столь грозного караула, что у любого другого правителя на земле перехватило бы дух. Явление Сына Неба сопровождалось оглушительным грохотом труб и литавр, все приглашенные одновременно встали в почтительном приветствии. Император

шествовал невозмутимо. Взгляд его был устремлен в бесконечность, и казалось, в Зале приветствий с отсутствующим видом появился лишь фантом владыки, равнодушный к роскоши и почестям. Вот он воссел на трон и мановением руки дозволил гостям последовать его примеру. И тотчас же раздался второй удар гонга, который привел в движение рой официантов, помощников, прислужников и поваров — все они, точно спасая свою жизнь, завертелись в головокружительном танце с подносами, напитками и снедью. В ожидании посла цзиньцев сосед по столу решил помочь неопытному юноше.

— Советую попробовать цыпленка по-бедняцки, приправленного листьями лотоса. Но если тебе нравится остренькое, попробуй рыбный супчик из Сунсао. Он слегка кисловат, но для летнего времени просто великолепен, — посоветовал торговец бронзой.

— А может быть, ему понравится суп из бабочек с жареными лепешками, — предположил ученый. — Или свиная отбивная из Дунпо.

— Ай, да здесь виноградный ликер! Вот это по-настоящему изысканно, не то что рисовая жижица, которой нас здесь обычно потчуют! — Один из окружных начальников поспешил наполнить свой бокал. — А что до еды, я вам слишком уж налегать не советую, мне говорили, сегодня будет подано сто пятьдесят разных блюд.

Цы всех поблагодарил за советы, однако угостился обычными фрикадельками с имбирем. Из напитков он остановился на хорошо знакомом ему пшеничном вине — подогретом и приправленном специями. Цепкий взгляд юноши задержался на особом подносе с лапшой и овечьим сыром — лакомствами северян.

— Это в честь их посла, — буркнул Кан и плюнул на поднос.

Сотрапезники последовали примеру министра. Цы смутился, но тоже плюнул.

— А ты, вообще, по каким делам помощник? — хохотнул торговец. — Наш министр наказаний советчиков не больно жалует.

Цы поперхнулся супом. Откашлявшись, он попросил прощения за неподобающее поведение и бездумно ответил:

— Я эксперт по обычаям цзиньцев.

Он тотчас пожалел о своей глупости.

— Вот как? И что же ты знаешь об этом отребье, которому мы вынуждены платить? Они действительно собираются на нас напасть?

Цы притворился, будто ему все еще трудно говорить, и выпил воды, чтобы потянуть время.

— Если я заговорю о Цзинь за этим столом, министр Кан порвет мне глотку, и тогда я не только заляпаю вас кровью, но и, наверное, лишусь работы, — с улыбкой произнес он затем.

Торговец бронзой воззрился на Цы с изумлением: он не сразу понял, что Цы пошутил. А когда понял, весело расхохотался. Толкователь трупов вздохнул с облегчением, а Кан наградил его яростным взглядом.

— А вы, значит, бронзой занимаетесь… — произнес юноша, желая разрядить атмосферу. — Не далее как сегодня мне довелось смотреться в зеркало из бронзы. Поверхность была гладка, точно лед. Я до сих пор потрясен: никогда еще не встречал такой чудесной полировки.

— Здесь, во дворце? Ну тогда это определенно мое изделие. Нахваливать себя, конечно, нехорошо, однако нигде не умеют так работать с бронзой, как у меня, — важно произнес мастер, демонстрируя соседям тяжелые кольца, украшавшие его пальцы.

— Да. Это правда, — изрек Кан, сурово посмотрев на мастера бронзовых дел. Под взглядом министра наказаний улыбка быстро улетучилась с его лица.

Кан не хотел, чтобы собеседники снова задавали Толкователю трупов опасные вопросы, и взял беседу в свои руки. Легче всего было продолжить тему, которая уже вызвала живой интерес.

— Все сделано точно так, как и надо! — Кан улыбнулся. — Горячий суп, теплые закуски, напитки — за исключением вина и чая — холодные. Известно ли вам, как следует правильно питаться? Больше сладкого осенью, больше соленого зимой, больше кислого весной и больше горького летом.

После этих слов сотрапезники, точно пришпоренные, пустились болтать наперебой. Первый заметил, что говядина — мясо от природы сладкое и нежное, а посему готовить ее нужно вместе с чем-то горьким и жестким. Другой перевел разговор на знаменитые «пять напитков»:

— Пять напитков — те, что настаиваются на пяти животных. Надеюсь, сегодня вечером мы хорошенько распробуем каждый из них.

С этим замечанием все единодушно согласились.

И тотчас же к их столу подлетел официант с пятью бутылками сорговой водки, в каждой из которых плавало какое-нибудь отвратительное существо. Цы узнал скорпиона, ящерицу, сколопендру, змею и жабу. Он оказался единственным, кто не пробовал этого набора. Цы наполнил было свой стакан, но одноглазый его остановил:

— Вот он, посол Цзинь.

Кан снова плюнул. Никто из собравшихся в Зале приветствий не поднялся с места.

Цы обернулся к дверям. Посол шествовал в сопровождении четырех сопровождающих. На его буром, цвета грязной земли, лице резко выделялись сверкающие зубы необыкновенной белизны. Цы мысленно сравнил его с шакалом. Посол уверенно прошел по залу и остановился в пяти шагах от императорского стола, здесь он упал на колени и простерся перед Нин-цзуном. Сопровождавшие посла военачальники повалились за ним вслед. Поднявшись, посол сделал знак своим людям: они передали его императорскому величеству подарки.

— Подлые лицемеры, — прошептал Кан. — Сначала грабят, потом одаривают.

Цы смотрел, как посол и его свита усаживаются за стол возле императорского помоста, на котором их дожидалось любимое блюдо северных варваров: целиком зажаренный барашек. Чужаки были одеты вполне прилично, но жадность, с какой они пожирали мясо, явно обличала в них дикарей. Несмотря на бесконечные перемены блюд, Кан больше ничего не ел. Цы из осторожности последовал его примеру. Зато их соседи отдали должное разнообразным десертам, переполнявшим бамбуковые подносики. Бутылки перелетали из рук в руки, сорговая водка проливалась на корешки лотоса в сиропе, на ломтики дынь и арбузов, на густое фруктовое мороженое, обильно пятнавшее рубашки едоков. Кан шепнул юноше, что, когда наступит время фейерверков, он укажет человека, который представляется ему подозрительным.

У Цы сжалось сердце.

И в то же мгновение очередной удар гонга возвестил, что император завершает пиршество в Зале приветствий; чай и спиртные напитки будут подаваться в садах.

Все встали со своих мест. Кан подождал, пока соседи по столу, пошатываясь, медлительно двинулись к деревьям. Торговца бронзой пришлось поддерживать под локоть.

— От этой ночи так и жди сюрпризов, — заметил Кан. — Пойдем поглядим на представление.

* * *

Выйдя из зала на террасу, Цы заметил, что гости по-прежнему разделены на две группы: мужчины выпивают и смеются в галерее, а женщины заваривают церемониальный чай за столиками возле пруда. В ясном сиянии луны по воде плыли лебеди, в роще японских сосен горели фонарики. Цы подумал, что темнота может оказаться хорошим союзником, если он наконец встретится с убийцей. Ладони его покрылись потом — тело как будто предчувствовало схватку. А вот Кана, казалось, интересовал только торговец бронзой: министр все время смотрел в его сторону. Когда Цы отважился спросить о подозреваемом, министр велел ему ждать.

Одноглазый переговорил с несколькими мужчинами, которых Цы не знал, и наконец махнул ему рукой:

— Следуй за мной. Мы идем пить чай.

Тучный министр неожиданно преобразился: он с проворством кошки сбежал вниз по лестнице и юркнул в темноту. Цы шел за своим начальником через рощу, то и дело огибая группки людей, беседующих за столиками. Наконец они добрались до пруда. Специальная клетка, заполненная светляками, освещала стол, чайник, мужчин и женщин, сидящих вокруг. Цы решил, что здесь собрались старцы и куртизанки — иначе им не позволили бы сидеть вместе. Не дожидаясь приглашения, Кан устроился рядом с ними.

— Позвольте нам присоединиться…

Женщина средних лет приветливо улыбнулась министру:

— Будь как дома. А кто это с тобой?

Цы был поражен спокойной красотой этой дамы. Ей, должно быть, уже перевалило за сорок лет, но выглядела она моложе. Оказалось, они с Каном знакомы.

— Это Цы, мой новый помощник. — Министр подсел поближе к даме, освобождая место для Цы.

Цы оглядел собравшихся: четверо мужчин и шесть женщин непринужденно беседовали и беззаботно смеялись. Все мужчины были преклонных лет, однако их аристократические манеры и богатые наряды, по-видимому, компенсировали это обстоятельство в глазах куртизанок — те, за исключением пригласившей их дамы, были очень молоды. Но ни одна из девиц не обладала столь совершенными чертами.

Мужчин же Цы рассматривал абсолютно иначе: он предположил, что именно среди них и обнаружится убийца.

Пока женщина, на правах хозяйки стола, грациозно разливала чай по чашкам, Цы вглядывался в мужские лица. Напротив него сидел жилистый пожилой мужчина, пьяный уже настолько, что глаза его сами собой закрывались; но он одинаково похотливо таращился на каждую из юных куртизанок. Если бы он еще на что-то годился, то проглотил бы их одним глотком, не разбирая вкуса, точно вино из плошки.

Остальные трое, по мнению Цы, опасности и вовсе не представляли: пьяные старики, пускающие слюни от вида девчонок, которые годятся им во внучки.

Цы отпил глоток из чашки и вгляделся в мужчину напротив. Тот, заметив, ответил Цы взглядом, полным презрения.

— Чего уставился? Ты что, извращенец?

Цы опустил глаза. Он не справился с ролью незаметного наблюдателя и сразу привлек к себе внимание.

— Мне показалось, мы знакомы, — промямлил юноша и сделал еще один глоток.

Кан кашлянул. Когда Цы оглянулся в его сторону, министр сделал какой-то непонятный знак.

Старики продолжали пьянствовать и лапать девушек, а те хихикали в ответ. Цы чувствовал себя неловко за этим столом. Он не понимал, чего ждет Кан, почему бездействует. Но как тут можно действовать, Цы тоже не понимал. Он вновь перевел взгляд на подозрительного старика: тот пытался расстегнуть кофту на груди самой юной куртизанки; девушка не давалась.

— А ну-ка, сиди смирно! — разъярился худощавый и залепил девушке оплеуху. Цы вскочил с места, и буян обернулся на него. — А тебе чего?

Цы уже приготовился к драке, но Кан жестом велел ему успокоиться.

— Да как ты смеешь? — вмешалась хозяйка стола.

Голос ее теперь звучал твердо, властно. Цы удивился этой перемене.

— Это ты мне? — Старик готов был наброситься на женщину.

Цы сжал кулаки, но Кан вновь удержал своего помощника.

А хозяйка спокойно достала из рукава маленький флакончик.

— Да разве так покоряют девичьи сердца? — шепнула она худому, налила в чашку и предложила выпить.

— Что это? — Тот недоверчиво понюхал жидкость.

— Любовное зелье. Тебе не помешает.

Буян все еще сомневался. Потом, набравшись духу, сделал решительный глоток — и тут же изрыгнул напиток.

— Великое Небо! — взревел он. — Что это за отрава?

Женщина обнажила в улыбке ровный ряд зубов.

— Кошачий сок, — пояснила она.

Цы тоже улыбнулся. Кошачий сок — действительно сильное любовное зелье. Вот только способ его приготовления был, мягко сказать, малоприятным.

— Если ты когда-нибудь выжимал губку, ты меня поймешь, — объясняла женщина, снова наполняя чашку. — Живому коту молотком крошат все кости — только череп не трогают, чтобы он не перестал мучиться раньше времени. Потом надо дать котику отлежаться, потом опалить всю шерсть. Затем — ошпарить кипятком и приправить по вкусу. Варить в течение часа, сцедить отвар в кувшин — и зелье готово.

С жилистым творилось что-то странное. Его глаза нездорово заблестели и, не в силах ни на чем остановиться, закрутились в бешеном танце. Он явно растерялся. Попытался что-то сказать, но, верно, даже сам себя не понял. С трудом поднялся, выплеснул остаток зелья на траву и побрел прочь, извергая немыслимые ругательства. Остальные мужчины поплелись за ним следом, будто он был в их компании за главного, и куртизанок забрали с собой.

Кан расхохотался. Теперь, когда они остались у стола втроем, министр не спускал глаз с хозяйки. Он омыл руки и налил себе чаю. А потом со значением обратился к своему помощнику:

— Цы, познакомься с Лазурным Ирисом. Она — из рода Юэ Фэя.

Женщина склонила голову. Цы от изумления потерял дар речи. Он заглянул в самую глубину ясных глаз Лазурного Ириса, и ему стало страшно.

28

Когда Цы осознал, что перед ним — наследница славы и позора Юэ Фэя, ему показалось, что из его головы молотом вышибли мозги. Судя по всему, эта женщина, в ярком шелковом *ханьфу,* смотревшая на Цы светлыми газельими глазами, обладательница необыкновенной прически и поистине царственных манер, — эта женщина, как предполагал Кан, являлась подозреваемой по делу о жестоком убийстве трех мужчин.

Волнующая красота Лазурного Ириса воспринималась теперь совсем иначе: плавность ее речей никуда не делась, но теперь ее слова и жесты больше не пленяли, а только настораживали юношу.

Цы не знал, что сказать в ответ. Он сумел только буркнуть «очень приятно», не в силах отвести глаз от этого невозмутимого лица. Да, Лазурный Ирис была прекрасна, но в глазах ее Цы как будто разглядел пугающую стужу, разрушавшую все очарование. Юноша подумал об обманчивом спокойствии скорпиона за мгновение перед смертельной атакой, и сердце его сжалось. Лазурный Ирис, которой не было никакого дела до страхов юноши, спросила, в чем именно состоит его работа, и теперь уже Кан поспешил ответить за своего помощника:

— Именно из-за этой работы я вас и познакомил. Цы готовит доклад о северных племенах, вот мне и подумалось, что ты могла бы ему помочь. Ты ведь продолжаешь приглядывать за отцовскими делами?

— По мере возможностей. После замужества жизнь моя сильно переменилась. Вообще-то, тебе об этом хорошо известно… — Женщина помолчала. — Так, значит, тебя интересует Цзинь? — обратилась она уже к юноше. — Что ж, тебе повезло. Ты сможешь задать свои вопросы самому послу.

— Не говори ерунды. Посол ведь сильно занят. Почти так же, как и я, — снова вмешался Кан.

— Тоже за девицами волочишься?

— Ах, Ирис, Ирис, все-то тебе надо высмеять. — Кан вздохнул. — Моему помощнику не нужны пустые слова человека, владеющего искусством лжи. Этому юноше нужна правда.

— А рот у этого юноши есть? — с легким вызовом спросила Лазурный Ирис.

— Я воспитан в уважении к старшим, — ответил Цы.

Юноша понял, что колкость его достигла цели: Лазурный Ирис недобро усмехнулась в темноте. В поисках ответа на свои вопросы Цы воззрился на Кана: он не понимал, куда клонит и чего добивается министр. К тому же Толкователь трупов начал догадываться, что эту парочку связывают давние, причем не только дружеские отношения.

Цы так и сидел в недоумении, когда в свете фонариков на берегу появилась еще одна мужская фигура. Юноше показалось, что это их недавний сотрапезник, мастер бронзовых дел. Узнав его, Кан тяжело поднялся из-за чайного столика.

— С вашего разрешения, у меня возникло неотложное дело. — И министр пошел навстречу.

Цы кусал губы — ему по-прежнему было нечего сказать. Он забарабанил пальцами по чашке с чаем, потом поднес ее к губам.

— Волнуешься? — спросила женщина.

— А что, должен?

Ему неожиданно пришло в голову, что в чае может оказаться яд, и его рука замерла в воздухе. Он медленно отвел чашку от губ, тайком заглядывая внутрь. Потом поднял глаза на женщину. Лазурный Ирис смотрела на него, и он не понимал ее взгляда.

— Насчет уважения к старшим… — припомнила она. — Сколько тебе лет?

— Двадцать четыре, — соврал Цы, накинув два года.

— А мне, по-твоему, сколько?

Сознавая, что темнота его оберегает, Цы без стеснения осмотрел собеседницу. Оранжевые отсветы фонариков добавляли прелести мягким чертам ее лица, сглаживая чуть заметные приметы прожитых лет. Нарядное ханьфу слегка приподнимало ее груди размером с апельсин; талия была тонкая, а бедра — весьма широки. Цы удивился, что столь откровенное разглядывание ничуть не смущает красавицу. Ее серые глаза — таких он никогда еще не встречал — блестели в ночи.

— Тридцать пять.

Вообще-то, юноша насчитал чуть побольше, но подумал, что маленькая лесть не повредит. Лазурный Ирис вскинула бровь:

— Чтобы работать с Каном, нужно быть либо очень осторожным, либо очень глупым. А ты из какой породы будешь, Цы?

Бесцеремонность этой женщины вновь поразила юношу. Он не знал, какое положение в обществе занимает Лазурный Ирис, но нужно чувствовать себя поистине неуязвимым, чтобы отзываться нелестно о Кане в разговоре с человеком, которого сам Кан назвал своим помощником.

— А я, пожалуй, из тех, кто не провоцирует неискушенных, — ответил Цы.

Лазурный Ирис нахмурилась и опустила глаза. Юноше показалось, что ей и впрямь стало неловко за свои слова.

— Прости меня: этот человек всегда действует мне на нервы. — Добавляя себе чаю, женщина пролила несколько капель на стол. — Ему ведь известно, что я знаю о Цзинь далеко не так много, как ему бы хотелось, и поэтому я просто не понимаю, чем могу тебе помочь.

— Не знаю, может, вы могли бы рассказать мне о вашей работе, — не растерялся Цы.

— Работа моя столь же обыкновенна, как и я сама. — Лазурный Ирис без всякого удовольствия пригубила чай.

— Мне вы не кажетесь обыкновенной. — Цы кашлянул. — Чем же все-таки вы занимаетесь?

Женщина помолчала, словно обдумывая ответ.

— Я унаследовала предприятие по экспорту соли, — объявила она в конце концов. — Отношения с варварами всегда складывались непросто, но моему отцу удалось наладить дело, и он построил несколько перевалочных складов у самой границы. На наше счастье — и несмотря на препоны правительства, — они быстро начали приносить прибыль. А теперь солью занимаюсь я.

— Несмотря на препоны?

— Это печальная история. А мы с тобой на празднике.

— Судя по вашему рассказу, это дело опасное для одинокой женщины…

— А никто и не говорил, что я одинока.

Цы все же сделал глоток чаю. Он думал, как задать следующий вопрос.

— Кан упомянул о вашем муже. Я так понимаю, это его вы имеете в виду?

— Кан слишком много говорит. Муж мой чем только не занимается, — прибавила она с горечью.

— И где он теперь?

— Путешествует. Он часто путешествует. — Лазурный Ирис налила себе вина. — Но отчего ты им так интересуешься? Мне казалось, тебя должны занимать жители Цзинь.

— Да, помимо прочего, — ответил Цы.

Юноша почувствовал, что почва уходит у него из-под ног. Пальцы его снова барабанили по столу. Он молчал, все отчетливее понимая, что из легкой неловкости это молчание грозит превратиться в могильную плиту. Скоро это станет ясно и Лазурному Ирису. Время играло против Цы, но он не мог придумать, как оживить беседу.

Его собеседница понимающе улыбнулась и вынула из рукава веер; сверкнула, на миг обнажившись, белая нежная кожа запястья. Женщина неторопливо раскрыла веер и принялась обмахиваться. Вскоре до юноши донесся необыкновенный аромат. Его пронзительная гамма, как ни странно, показалась Цы знакомой.

— «Нефритовая эссенция», — прошептал он.

— Что?

— Это название духов: «Нефритовая эссенция», — повторил Толкователь трупов. — Как вы их раздобыли?

— Подобные вопросы можно задавать лишь определенным женщинам, — невесело улыбнулась Лазурный Ирис. — И ответы на них получают лишь определенные мужчины, — добавила она.

— И все-таки, — настаивал Цы.

Вместо ответа Лазурный Ирис допила свой стаканчик с вином.

— Мне пора, — только и сказала она.

Цы лихорадочно думал, как задержать беглянку, и тут раздался гром. Юноша вскинул голову. В небе над ними загорались и гасли гирлянды огней. Зеленые и красные отблески попеременно падали на лица, словно ночное небо рождало сразу тысячи солнц.

— Потешные огни! — Цы был заворожен распускающимися в небе цветами. — Какая красота! — Он хотел, чтобы Лазурный Ирис разделила с ним хотя бы восхищение фейерверком; но ее отсутствующий взгляд по-прежнему терялся где-то в чаще деревьев. — Вам бы тоже на них посмотреть, — робко добавил юноша.

Вместо того чтобы поднять лицо к небу, женщина глядела на отражение фейерверков в пруду; глаза ее влажно заблестели. Вздрогнув, Цы заметил, что зрачки Лазурного Ириса совсем не меняются при вспышках.

— Если бы я могла, — произнесла Лазурный Ирис.

Поднявшись, она оперлась о палку и медленно побрела прочь.

Цы долго провожал ее взглядом, потом ошеломленно покачал головой. Лазурный Ирис, внучка Юэ Фэя, подозреваемая министром наказаний в тройном убийстве, была абсолютно слепа.

* * *

Вернувшись ко дворцу, Толкователь трупов принялся осматриваться в кишащей, увлеченной трескучими вспышками толпе; фейерверк продолжал переливаться в ночном небе. Цы искал Кана, но того нигде не было. Цы обежал главную террасу, Зал приветствий, соседствующие с залом покои — все без толку. Он снова спустился в сад, но и там не нашел министра. Не зная, что предпринять, он, словно забывшись, бессмысленно смотрел на небесное празднество, пока от того не осталось одно лишь повисшее в воздухе густое облако с едким запахом. Запах напомнил ему тот день, когда его дом, обрушившись, погреб под собою его родителей. Цы снова подумал о батюшке; не проходило и дня без мыслей о нем.

Он утратил всякое представление о времени.

Уже за полночь Цы почудилось, что среди буйных зарослей он видит фигуру Кана. Министр, кажется, шел не в одиночку. А когда Цы разглядел, с кем прогуливается министр наказаний, он передумал к нему бежать. Рядом с Каном шел посол Цзинь. Цы удивился: о чем бы эти двое могли так задушевно беседовать под покровом темноты? Ответа у него не было. Цы совсем растерялся. Может, вино спутало мысли? Цы подумал, что лучше всего будет сейчас повернуться к странной паре спиной и отправиться восвояси.

Постель казалась каменной. Цы, весь извертевшись, спал урывками, пока караульный не разбудил его, встряхнув, точно циновку.

Это был офицер стражи, явившийся с приказом. Он получил распоряжение немедленно отвести юношу в Комнату мертвецов.

— Живее! — прикрикнул он, бесцеремонно отдергивая шторку на окне.

Цы протер глаза. Утренний свет слепил, и Толкователь трупов зажмурился. Ему казалось, что голова вот-вот лопнет.

— Но ведь покойников еще не похоронили?

— Добавился еще один. Сегодня утром.

По дороге в Комнату мертвецов офицер рассказал, что труп нашли напротив дворца, за стеной. Цы спросил, кто его осматривал, — его сопровождающий ответил, что трупом прямо сейчас занимается Кан с одним из своих инспекторов.

Когда Цы вошел в Комнату мертвецов, Кан стоял, склонившись над телом. Покойник лежал на спине, обнаженный; как и несчастный евнух, он лишился головы. Заметив вошедшего, министр наказаний подозвал его к смотровому столу.

— И этот обезглавлен, — прокомментировал Кан.

Он мог бы этого и не говорить. Цы молча надел фартук и приступил к делу.

Как и прежде, инспектор Кана ограничился в своем письменном отчете вещами самыми элементарными: указал цвет кожи, перечислил ранения… Он даже не рискнул обозначить примерный возраст покойного — потому, вероятно, что за отсутствием у трупа головы не мог увидеть лица.

Прочитав отчет, Цы испросил разрешения приступить к осмотру. С самого начала Толкователь трупов обратил внимание на рану, нанесенную при отсечении головы. Все было не так, как с евнухом: разрез был неровный, рваный, — похоже, у преступника не хватало времени, чтобы сделать свое дело чисто. Отверстие в груди было не столь глубоким, как у предыдущих жертв. Толкователь трупов записал первые наблюдения и продолжил осмотр. На шее — там, где она должна была переходить в затылок, — виднелись продольные царапины, они спускались до плеч. Цы проверил кожу на тыльных сторонах ладоней — и обнаружил знакомые повреждения. И наконец он осмотрел лодыжки: так и есть, и там характерные следы. Юноша поделился своими выводами с Каном:

— Царапины появились, когда труп волочили по земле за ноги, спиной вниз. — Толкователь трупов сопроводил свои пояснения жестами. — Определенно, в это время покойник был еще одет, иначе царапины доходили бы до самых ягодиц.

Цы пинцетом вытащил из-под ногтей крупицы земли, положил в специальный флакончик и закупорил тряпкой. Затем он несколько раз согнул и разогнул руки и ноги мертвеца; стало ясно, что труп находится лишь в начальной стадии окоченения. Цы прикинул: смерть наступила меньше шести часов назад.

И вдруг он замер. Голова еще болела, но этот запах он различал отчетливо.

— Вы что, не чувствуете? — Цы с шумом потянул носом воздух.

— Что? — удивился Кан.

— Аромат духов.

Цы подставил нос к самой воронке, вырезанной между сосками. Когда Толкователь трупов поднял голову, лицо его было тревожно. Сомнений не оставалось: это «Нефритовая эссенция». Тот самый аромат, которым ночью, совсем недавно, благоухала Лазурный Ирис.

Этого он Кану предпочел не говорить.

— Где его одежда? — спросил Цы.

— Его нашли раздетым.

— А рядом с телом ничего не нашли? Никаких предметов? Ничего, что помогло бы его опознать?

— Нет, ничего.

— Но есть же кольца… — вставил слово инспектор.

— Кольца? — Цы с удивлением воззрился на Кана.

— Ах да! А я и забыл. — Министр, вдруг осипнув, откашлялся, потом подошел к столику и показал несколько колец. Цы будто ударило громом.

— Разве вы не узнаете? — шепотом спросил он.

— Да что я должен узнавать?

— Это ведь те кольца, что вчера были на руках у нашего соседа. У литейщика.

* * *

Когда они с Каном остались наедине, Цы высказал начальнику свои сомнения по поводу причастности Лазурного Ириса.

— Клянусь Великим Буддой, господин! Эта женщина — слепая!

— Эта женщина — дьявол! А если ты не согласен, то ответь: как долго ты не замечал, что она слепая? Как долго она водила тебя за нос?

— Но неужели вы можете представить слепую женщину, которая режет глотки и таскает трупы?

— Не будь дураком! Никто тебе и не говорил, что она сама их режет! — Министр побагровел.

— Значит, не она? А кто же тогда, по-вашему?

— Если бы я знал, я бы тебя пинком отсюда вышвырнул! — рявкнул Кан и одним движением смел на пол все инструменты Толкователя трупов.

Цы почувствовал, как кровь приливает к лицу. Он сделал глубокий вдох, чтобы успокоиться, а потом не спеша принялся подбирать разбросанные инструменты.

— Послушайте, ваше превосходительство. Как известно, убийцы бывают самые разные. Но давайте для начала исключим тех, кто убийства не замышлял: это самые обычные люди, которые в какой-то момент теряют рассудок во время жаркого спора или застав свою супругу в объятиях другого мужчины. Такие люди совершают безумства, о которых в здравом рассудке и помыслить были не способны, а потом всю жизнь мучаются от сознания содеянного. — Цы аккуратно выложил на стол последние щипчики. — А теперь давайте перейдем к другому разряду — к настоящим убийцам. К чудовищам. В этом разряде тоже имеются свои группы: с одной стороны, есть убийцы, движимые сладострастием, — они ненасытны, точно акулы. Их жертвами в основном являются женщины и дети. И этим злодеям мало просто убить: вначале они глумятся и измываются над жертвами, потом жестоко и мучительно их умерщвляют. Бывают убийцы от гнева: придя в ярость, такие люди способны уничтожить чужую жизнь из-за сущего пустяка, они похожи на мирно спящего тигра, который разорвет того, кто дернет его за усы. А есть еще и «просветленные», фанатики, которые ради какой-нибудь идеи или по требованию секты готовы на самые кошмарные зверства; это бойцовые псы, натренированные убивать. И вот, наконец, самый странный тип — те, что получают наслаждение от убийства. Такого убийцу не

сравнишь ни с одним животным: таящееся в нем зло ставит его гораздо ниже любой твари. А теперь ответьте: к какой группе вы можете отнести эту женщину? К сладострастникам? К гневливцам? К помешанным?

Кан угрюмо покосился на него:

— Мальчик-мальчик… Уверяю, я не сомневаюсь в твоих познаниях насчет костей, резаных ран и червяков. Что ж, действуй! По мне, ты мог бы хоть и книгу написать, и лекции читать по базарам! — Тут министр повысил голос. — Но со всей своей ученостью ты позабыл о важнейшем разряде убийц: кровавых, как никто другой, умных, обстоятельных. Ты не упомянул о змее! Она способна затаиться и ждать подходящего момента, гипнотизировать свою жертву, а потом стремительно, будто щелкнув кнутом, нанести смертельный укус. Я говорю о тех, что становятся убийцами, отравленные ядом мщения. Или, что то же самое, задыхаясь от такой ненависти, что она прожигает им все внутренности. И поверь мне, одну из таких змей зовут Лазурный Ирис.

— И как же она гипнотизирует? Своими мертвыми глазами? — не сдержался Цы.

— Нет слепца слепее того, кто не желает видеть! — Тяжелый кулак министра наказаний обрушился на стол. — Ты закоснел в своих навыках и утратил здравый смысл. Я уже говорил тебе: у этой женщины есть сообщники.

Цы, немного поколебавшись, решил не заговаривать о том, что видел тайную беседу Кана с послом: тут был риск испортить отношения с министром вконец. Он пошел на попятный:

— Ну, допустим. И кто же тогда ей помогает, когда надо кого-нибудь убить? Быть может, ее супруг?

Кан посмотрел на дверь, за которой дожидался инспектор:

— Выйдем-ка.

Цы собрал инструменты и проследовал за Каном, на ходу вновь проклиная свою несчастную судьбу. Чем дальше, тем меньше он доверял человеку, который шел перед ним. Юноша не понимал, почему Кан не рассказал ему про найденные кольца, и уж подавно — почему, когда Цы опознал торговца бронзой, Кан никак не прокомментировал это утверждение; а ведь, возможно, он был последним, кто разговаривал с убитым.

Выйдя в сад, Кан повел юношу к пруду, у которого они ночью пили чай. Кан мрачно оглянулся на своего помощника:

— Про ее мужа забудь. Я знаю его давно: он вполне здравомыслящий человек весьма преклонных лет, и единственное его безрассудство — женитьба на этой змеюке. — Кан помолчал. — Я склонен подозревать ее слугу — монгола с псиной мордой, она притащила его с Севера.

Цы озадаченно потер подбородок. В деле появился новый персонаж.

— Но если так, почему вы его не арестуете?

— Сколько раз тебе повторять? — Кан рубанул рукой воздух. — Я уверен, что есть и другие сообщники. Один человек не смог бы совершить все эти зверства… А сколько они еще скрывают…

Цы укусил себя за язык. Опять эта великая тайна, которую, кажется, знают все, но никто не может ему открыть. Если допустить, что предположения Кана верны, — почему не установить слежку за этим монголом? А если слежка уже ведется — то что за нелепая роль досталась в этом расследовании ему? Единственное объяснение, которое приходило юноше в голову, состояло в том, что все это — один большой заговор, сплетенный самим Каном. Однако даже и в этом случае кое-что не находило объяснения — например, аромат духов, исходивший от трупов. Цы не сомневался, что у Кана достало бы власти раздобыть партию «Нефритовой эссенции», дабы навести подозрение на Лазурный Ирис. Но почему эта женщина полагала себя вправе пользоваться духами, предназначенными исключительно для императорских наложниц?

Цы спросил о другом: что общего у женщины, занимающей столь высокое положение, с дворцовыми куртизанками? Этот вопрос удивил Кана.

— Да разве она тебе не сказала? Лазурный Ирис когда-то была нюйши. И фавориткой императора.

* * *

Так, значит, нюйши. Вот почему Лазурный Ирис могла выступать посредницей между знатными стариками и «цветочками». Ведь она,

как настоящая жрица наслаждения, прекрасно знала все тонкости организации любовных свиданий.

— Император желает оказывать своим гостям достойный прием, и поэтому всегда, когда возможно, приглашает Лазурный Ирис, — недовольно пояснил Кан. — Эта женщина — чистый огонь, и даже сейчас, несмотря на возраст, может тебя испепелить.

А дальше Кан рассказал, что много лет назад, в правление предыдущего императора, слухи о слепой красавице перелетели из Линьаня через дворцовые стены. И государь не колебался: он повелел выплатить семье девочки компенсацию, а ее препроводить в гарем.

— Она была совсем еще ребенок, но я сам видел, как она очаровала императора. Отец Нин-цзуна и думать забыл об остальных своих наложницах, он наслаждался Лазурным Ирисом до самой старости. Когда же болезнь сковала члены государя, он назначил ее императорской нюйши. И хотя он был уже недужный старец, Лазурный Ирис заботилась о том, чтобы он, сколько мог, совокуплялся с наложницами и раз в месяц — с императрицей. Она проводила девушек к монаршему алькову, вручала им серебряное колечко, которое полагалось надеть на безымянный палец правой руки, раздевала их, опрыскивала «Нефритовой эссенцией», а потом на всякий случай всегда была рядом во время церемонии. — Кан рассказывал так, как будто и сам при этом присутствовал. — Несмотря на ее слепоту, все тогда говорили, что она наслаждается зрелищем.

Помолчав, министр продолжил рассказ. После смерти отца Лазурный Ирис, с согласия нового императора, оставила должность нюйши. И эта слепая женщина вела унаследованные ею дела железной рукой. А потом вышла замуж за человека, которого очаровала так же, как когда-то очаровала императора.

— В ней есть что-то, что сводит мужчин с ума. Заворожила императора, заворожила своего нынешнего муженька и, если не побережешься, — заворожит и тебя.

Цы обдумывал услышанное. В чары он, конечно, не верил, однако образ Лазурного Ириса действительно преследовал его неотступно. Эта женщина чем-то отличалась от всех прочих, но чем — понять было невозможно. Юноша потряс головой, пытаясь вернуть способность к здравому размышлению. Нужно было разбираться с

убийством владельца бронзовой литейной, о чем Толкователь трупов и сообщил Кану.

— Вчера ночью он был очень возбужден, — вспомнил министр. — Я расспрашивал его о новом сплаве, рецепт которого он разрабатывал в последнее время. Он готов был болтать о своих достижениях с кем ни попадя, ты ведь успел заметить, какой он хвастун. Вот только не понимаю, кому же понадобилось его убивать.

— Даже Лазурный Ирис не подозреваете?

— А вот это предстоит выяснить тебе.

29

«Если не побережешься — заворожит и тебя».

Цы подумал, что Кан, видимо, не ошибся в своем пророчестве: что-то в этой женщине притягивало его, словно магнитом. Возможно, дело было в ауре абсолютной самодостаточности, которую, несмотря на невидящие глаза, словно бы излучала Лазурный Ирис; возможно, в том, что для слепой не существовало уродливых шрамов на его теле, или в хладнокровии, с которым она встречала выпады Кана… Как бы то ни было, в памяти юноши так и мерцали ее слепые серые глаза, мягкий овал лица, так и звучал ее спокойный глубокий голос. И чем упорнее он старался изгнать их, тем глубже они укоренялись.

Когда Цы очнулся от этих мыслей, оказалось, что утро уже переходит в день. Толкователь трупов встряхнулся, замотал головой: он должен сосредоточиться на расследовании — в первую очередь потому, что скоро из своего путешествия вернется Серая Хитрость и сведения, которые он привезет, могут быть равносильны для Цы смертному приговору.

Цы решил обдумать каждый вопрос отдельно.

Для начала он посмотрел на портрет молодого работника. Да, портрет был превосходен — но что толку? Сперва Цы полагал, что этот рисунок поможет опознать покойного, но за отсутствием других зацепок от него не было никакой пользы. Предъявлять его поочередно каждому из двух миллионов жителей столицы представлялось делом немыслимым, но эту проблему требовалось как-то разрешить. Цы дергал себя за волосы, продолжая вглядываться в рисунок так пристально, будто пытался высмотреть ответ. Он принялся размышлять о происхождении почти незаметных шрамов на лице покойника. Они не были похожи на последствия какой-то болезни, — значит, оставался только несчастный случай. Но какой это мог быть случай? Ответа Цы не нашел. Но зато вот что ему подумалось: откуда бы ни взялись эти повреждения, они, определенно, причиняли молодому работнику сильную боль. И чтобы справиться с этой болью, он должен был обратиться в какую-нибудь больницу или госпиталь.

Цы сам поразился, насколько удачна эта идея. Именно так! Вот она, зацепка! Число больниц, куда бедняга мог пойти, ограниченно, а

врач, к которому обратился пациент с такими необычными повреждениями лица, наверняка его запомнил.

Толкователь трупов, не откладывая, приказал Бо организовать поиски и немедленно сообщать ему, если что-то станет известно. Хоть как-то продвинувшись с портретом, Цы принялся думать об изувеченном покойнике, кисть которого он хранил в «Покоях сохранения». Цы достал отсеченную кисть и подверг ее новому осмотру. По счастью, «Покои» почти полностью останавливали процесс разложения. Белый налет был как решето, в которое воткнули тысячи иголочек. Повреждение кожи затронуло уже все пальцы, ладонь и тыльную сторону кисти; Цы вновь подумал, что этот человек, возможно, имел дело с кислотой. Он уже давно набросал список таких профессий, совершенно не схожих между собой: красильщик шелка, каменотес, белильщик бумаги, повар, прачка, маляр, конопатчик, цеховой химик — разброс получался удручающий. Круг поисков следовало как-то ограничить. Помимо прочих дел, Цы должен был осмотреть место, где обнаружили торговца бронзой, и наведаться к нему в мастерскую, но в первую очередь надлежало, захватив отсеченную кисть, наведаться в Большую аптеку Линьаня и проконсультироваться у тамошних специалистов.

Помощникам Бо пришлось как следует потрудиться, чтобы разогнать бесчисленную толпу болезных, раненых и увечных, освобождая проход к аптеке. А внутри, стоило юноше выложить из «Покоев сохранения» на прилавок человеческую руку, его чуть не снесло волной любопытных. Когда зевак удалили, Цы предъявил отрезанную кисть аптечным служащим, которые дрожали так, будто опасались, что им самим вот-вот отхватят руки.

— Я просто хочу, чтобы вы как следует рассмотрели эту ладонь и ответили мне, случалось ли вам лечить подобное заболевание.

Изучив мертвую руку, служащие переглянулись с удивлением: то, что Толкователю трупов представлялось болезнью, которую следовало бы лечить, для них было обыкновенной сыпью. Юноша не удовлетворился таким ответом. Не убирая страшного предмета с прилавка, он потребовал, чтобы позвали начальника, и пообещал, что без разговора с ним не уйдет. Вскоре появился рассеянного вида толстячок в красном фартуке и шапочке. Изучив, в свою очередь,

ампутированную кисть, он тоже удивился и повторил мнение своих подчиненных:

— К нам никто не станет обращаться с такой пустяковой болячкой.

Цы начал закипать: эти люди даже не пытались помочь.

— А можно узнать, почему вы так уверены?

Вместо ответа толстяк вытянул руки:

— Потому что и я страдаю таким заболеванием.

* * *

Оправившись от первоначального изумления, Цы убедился, что, действительно, высыпания на руках начальника очень похожи на коросту на отрезанной кисти.

— Но… как же?..

— Это соль, — ответил толстяк. — Она понемногу разъедает руки у моряков, солекопов, у тех, кто засаливает рыбу и мясо для длительного хранения. Все мы, кто так или иначе имеет дело с солью, в конце концов обзаводимся такой вот кожей. Мне и самому соль каждый день попадает на руки, когда я готовлю лечебные составы, но эта болезнь — не из серьезных. Не думаю, что из-за нее бедняге стоило ампутировать руку, — пошутил он под конец.

Толкователю трупов последнее замечание вовсе не показалось смешным. Он уложил руку обратно в «Покои сохранения», поблагодарил всех за сотрудничество и покинул Большую аптеку.

* * *

Одна дверь приоткрылась, другая захлопнулась. То, что кислота здесь ни при чем, позволило отбросить сразу несколько профессий, однако соль добавила примерно столько же, если не больше. Четверть населения Линьаня кормилась рыболовством, и даже если не все рыбаки выходили из реки Чжэшуй в открытое море, к ним следовало добавить складских работников и торговцев солью, так что количество

подозреваемых, по этой логике, превысило бы пятьсот тысяч человек. А следовательно, в отношении этого покойника все надежды Цы сводились к одной-единственной детали — маленькому волнообразному языку пламени под большим пальцем. Бо обещал выяснить, что означает такая татуировка.

Впереди была еще мастерская бронзовых изделий, на которую Цы возлагал большие надежды и в которой рассчитывал получить новые улики. Он велел помощникам перенести «Покои сохранения» во дворец и немедленно обновить в них лед, а сам вместе с Бо направился в портовый район на юге Линьаня.

Когда они прибыли по адресу, подсказанному Каном, Цы побледнел. Перед ними, на месте крупнейшей в городе бронзовой мастерской, курилось теперь унылое и страшное пожарище. Угольки еще тлели посреди кладбища обгорелых досок, почерневшего дерева, расплавленного металла и нагромождения кирпичей. Казалось, огненное воинство задалось целью разрушить мастерскую до самого фундамента, оставив лишь дымящееся опустошение.

Цы невольно снова вспомнил пожар, уничтоживший его дом. Ему показалось даже, будто он вдыхает тот же запах. Он решительно направился к группе любопытных, чтобы расспросить о происшедшем.

Одни рассказали о жарком огне, который занялся поутру, другие вспомнили о жутком шуме обрушения балок, третьи жаловались, что задержка пожарных позволила пламени перекинуться на смежные мастерские, — однако, в общем и целом, никто не сообщил ничего существенного. К счастью, шустрый мальчишка из тех зевак, что роились кругом, вызвался рассказать все подробности из первых рук — всего-то за десять монет. Он выглядел точно обтянутый кожей скелетик, поэтому Цы добавил к монетам плошку горячего риса, купленную на ближайшем лотке. Торопливо глотая, бродяжка объявил, что шум был сначала, а только потом — пожар; а больше ничего путного не добавил. Толкователь трупов уже собрался уходить, но наконец-то насытившийся мальчишка ухватил его за рукав:

— А еще я знаю, кто на самом деле все видел.

И признался, что его сотоварищ по цеху нищих давно уже приноровился ночевать под навесами мастерской.

— Он хромой. Поэтому никогда не уходит далеко от места, где старшины разрешили ему сидеть и клянчить. Я утром, когда пришел, видел его на задворках, он прятался, как крыса. — Паренек указал направление, где искать. — Сказал, что должен бежать отсюда. Если его найдут — ему крышка.

— Смертью грозили? — подобрался Цы. — Но кто?

— Да откуда мне знать? Говорю же — он был совсем перепуган. Сразу сныкался и поминай как звали, тут же столько зевак толпилось… Даже свои шмотки оставил. — Мальчишка показал на угол, где лежало блюдце для подаяния и глиняный кувшин. — Костыль под мышку и почесал отсюда.

Цы уже понял: снова неудача, но мальчуган потянул его за рукав:

— Слышьте, господин. Если вам так важно, я могу его найти.

— Кого?

— Моего дружка, хромого!

Цы попытался найти в глазах мальчугана хоть какой-нибудь проблеск искренности — помимо очевидной алчности. Ничего не было.

— Отлично. Приводи его ко мне, и я в долгу не останусь.

— Господин, я ведь больной. Жить-то как-то надо… Пока я буду за ним бегать, сколько народу мимо пройдет, не кинув мне ни единой монетки!

— Сколько? — мрачно спросил Цы.

— С вас… десять тысяч монет… Пять тысяч, — сам испугавшись своей наглости, сразу поправился он.

Толкователь трупов покачал головой с самым недовольным видом. Но у него было не так-то много зацепок. Он еще раз пригляделся к малолетнему попрошайке — доверия к нему не прибавилось. Проклиная себя, Цы попросил денег у Бо, но чиновник ему отказал:

— Он убежит, и ты его больше никогда не увидишь.

— Деньги, быстро! — прикрикнул Цы, зная, что министр Кан приказал оплачивать все его служебные расходы; лысый чиновник неодобрительно покачал головой, но деньги выдал.

Цы, развязав шнурок, принялся отсчитывать монеты; глаза мальчишки сверкали, будто он увидел золотую гору. Но тут же потухли, когда юный шельмец убедился, что господин окончил счет на пятистах.

— Остальное получишь, когда приведешь своего дружка. Он, кстати, тоже получит столько же. — Цы вернул связку монет своему спутнику. Мальчик уже собрался бежать, но Цы ухватил его железной хваткой. — И предупреждаю! Если от тебя не будет известий, я найду твоих старшин и потребую выгнать тебя из гильдии за обман властей, а еще приплачу, чтобы тебя избили палками.

Потом Толкователь трупов назвал новому помощнику свое имя, пояснил, как с ним связаться, — и мальчишка исчез в толпе.

А Цы не сразу покинул пожарище. Он долго рыскал в развалинах мастерской в поисках хоть каких-то улик, но попадались только расколотые литейные формы из терракоты, оплавленные инструменты для ковки да перевернутые горны — все эти предметы для Цы означали не больше, чем иероглифы для неграмотного. Как ни странно, он не увидел ни одного предмета из бронзы; не было здесь и запасов меди и олова. Юноша приписал их отсутствие ночному разграблению. Он попросил Бо собрать сведения обо всех рабочих, трудившихся в мастерской в последние месяцы, а еще поручил проследить, чтобы все найденные на пепелище предметы — за исключением бревен и кирпичей — были отправлены во дворец.

— Не имеет значения, насколько они повреждены. Пусть вещи сложат в ящики, но предварительно опишут и укажут место, где именно они были найдены.

— Кану не понравится, что ты превращаешь императорский дворец в помойку, — возразил Бо.

Толкователь трупов ничего не ответил, просто посмотрел, как Бо отдает нужные распоряжения. А по дороге во дворец все раздумывал, надежны ли пожарные, которым Бо поручил упаковку. И хотя у юноши оставались на этот счет серьезные сомнения, он утешил себя мыслью, что ценных предметов все равно не найдут, а значит, и искушения при погрузке будут не так велики.

Наконец нашлось время осмотреть место, где нашли труп хозяина литейной. Цы повезло: на страже стоял все тот же солдат, что обнаружил убитого. Гвардеец, больше всего напоминавший гранитную глыбу, подтвердил, что тело действительно было без головы и без одежды, вот на этом самом месте, у стены. Цы заметил следы крови на каменной кладке. Он достал свою тетрадку и сделал набросок углем, пытаясь как можно точнее передать расположение пятен. И спросил

караульного, стоит ли он на дежурстве на одном месте или, наоборот, периодически двигается.

— Когда звучит гонг, мы проходим триста шагов на восток, возвращаемся и проходим столько же шагов на запад. А потом возвращаемся и стоим в ожидании нового сигнала.

Цы понял эту систему. Еще раз осмотрев место преступления, он спросил караульного, не заметил ли тот ночью чего-нибудь особенного. Как и предполагал Толкователь трупов, солдат ответил, что нет.

Юношу такой ответ не сильно расстроил. Он выяснил уже достаточно, чтобы продвинуть расследование.

* * *

Прогулявшись по императорским садам, Цы отобрал пробы почвы. Через помощника он снова заказал придворному краснодеревщику особых размеров пику; в ожидании же выполнения заказа он надеялся успеть сличить взятые пробы с землей из-под ногтей убитого мастера. Зайдя в свою комнату, юноша вынул из рукавов мешочки с землей; все четыре пробы он выложил на стол. Почва была разная: та, которую он подобрал возле пруда, была влажная, тяжелая и черная; та, что из рощи, — рыхлая, буроватая, с остатками хвои. В третьей пробе, взятой у галереи, преобладал дробленый щебень. А вот почва у внешней стены была желтая и вязкая — по-видимому, из-за большого количества глины, которую использовали когда-то в качестве цементирующей смеси. Юноша открыл флакончик, в котором хранил пробы из-под ногтей литейщика, и высыпал рядом с последней кучкой.

Полное совпадение.

Цы вернул драгоценные образцы обратно во флакон, остальные четыре кучки тоже распределил по сосудам и каждый снабдил сопроводительной надписью.

Весь вечер Толкователь трупов перечитывал записи предыдущих дней, не позволяя себе отвлекаться. Скоро вернется Серая Хитрость; время утекало, как вода между пальцами. А ближе к ночи юноша сбросил все свои листочки на пол. Да, он дожидался ответов из

больниц, где приказал показывать рисунок, да, следовало допросить работников бронзовой мастерской, но больших надежд на эти меры Цы не возлагал. Его догадка про наконечник пики не нашла подтверждения, другой вариант — про специальный арбалет, стреляющий болтом особо крупного калибра, — вообще не имел смысла. На что нужна большая тяжелая стрела, которая далеко не пролетит? Кто захочет переделывать почти совершенное оружие в более громоздкое и тяжелое, неудобное при переноске, заряжании и стрельбе? А вот вопрос совсем уже неразрешимый: зачем убийце каждый раз, чтобы разделаться со своими жертвами, применять столь трудоемкий способ?

Было ясно: эта гипотеза так же глупа, как и мысль о том, что слепой не способен убить. Цы не мог в это поверить, но не мог и исключить участия Лазурного Ириса в убийствах. То, что у бывшей нюйши был доступ к «Нефритовой эссенции», хотя и могло оказаться случайным совпадением, выглядело в то же время неоспоримо подозрительным, а по словам Кана, у женщины было предостаточно оснований для ненависти к императору. Ненависти, укорененной в самой ее природе: отец Лазурного Ириса подпитывал ее легендами о бесчинствах, сотворенных с ее дедом, полководцем Юэ Фэем.

Цы думал об этой женщине. На самом-то деле он не переставал о ней думать с ночи большого императорского приема. Потому что, хотя юноше и не хотелось в этом сознаваться, тут было что-то еще, — что-то, чего он не умел понять и с чем совсем не мог совладать. Он не понимал, почему нюйши не идет у него из головы, отчего он так отчетливо помнит ее голос — теплый, низкий, чарующий; отчего ему так отрадно представлять даже ее бледные неживые глаза; отчего от воспоминаний начинает щемить сердце. Вдобавок, даже понимая, сколь опасно для него возвращение Серой Хитрости, даже сознавая, чем чреват для него провал расследования, и даже несмотря на привычку всегда иметь наготове запасной вариант, Цы отвергал всякую мысль о побеге. Он поставил на карту слишком много, так что теперь уже не мог сдаться. Должность судьи была совсем рядом, стоило только привстать на цыпочки, — ее обещал Толкователю трупов сам император. И как бы трудно ни приходилось сейчас, именно к такой работе юноша стремился всю жизнь; эту мечту подарил ему судья Фэн.

Фэну он был обязан всем. Закрывая глаза, он ясно видел перед собой человека, который руководил им с самого раннего отрочества и обучил всему, что Цы знал теперь.

Как бы узнать, чем ныне занят судья Фэн? В последний раз Цы пытался найти учителя несколько месяцев назад — в отчаянной попытке спасти сестру.

Теперь у Цы было больше возможностей для поиска. Дорога к Мину закрыта, и судья Фэн, возможно, остается единственным человеком, которому он может довериться. Однако, как бы Цы ни старался об этом не думать, он до сих пор находится в положении беглого преступника. И не имеет права тащить учителя в пропасть бесчестья. Вот почему юноша в очередной раз отказался от поисков Фэна и понял, что будет продолжать расследование в одиночку.

Громкий стук в дверь вывел юношу из задумчивости. Цы открыл: на пороге стоял Бо. Он явился сообщить, что пожарные начали перевозить обломки из бронзовой мастерской во дворец. И еще: дама по имени Лазурный Ирис изъявила желание встретиться с Цы завтра, в Павильоне кувшинок.

— Со мной? — переспросил юноша.

И поделился своими сомнениями: как может замужняя дама встречаться один на один с посторонним мужчиной в отсутствие супруга? Бо его успокоил: супруг уже вернулся и тоже придет в павильон. И все-таки Цы осознавал неловкость ситуации: по нормам этикета, гостей приглашает мужчина, а женщинам надлежит оставаться как бы невидимыми; им разрешено появляться, лишь чтобы молча подать чай или вино. Но на Лазурный Ирис подобные правила, похоже, не распространялись.

Всю ночь Цы казалось, что эта загадочная женщина поет ему своим грудным голосом колыбельную. И потому он так и не сомкнул глаз.

* * *

К рассвету он был так измотан, будто ночь напролет копал огромную яму. Бессонницы от возбуждения случались с ним и раньше, но было очень обидно, что нервы подвели его именно в эту ночь —

ведь он хотел предстать перед Лазурным Ирисом в наилучшем виде. И хотя она была слепа, Цы решил нарядиться в костюм, который ему пошили для императорского приема. Но вчера юноша по рассеянности навалил на парадный костюм стопку книг, и теперь шелк больше всего походил на мятую бумагу; поглядевшись в зеркало, Цы почувствовал, что наряд его до неприличия смешон. Он попытался разгладить скомканную ткань, потом вылил на себя несколько капель сандаловой эссенции. Перечитал свои записки по истории Цзинь, которые набрасывал ночью, и полетел вдогонку собственному сердцу, мчавшемуся в нескольких шагах впереди.

Павильон кувшинок стоял среди других павильончиков в роще Свежести — обнесенном стеной квадратном участке вблизи дворцового комплекса, где проживали сановники самого высокого ранга. Цы, предъявив караульному печатку, без проблем прошел из одной части в другую, а дальше, как и говорил Бо, оставалось просто идти вперед по мощеной дорожке, обсаженной кипарисами. И вот, незадолго до назначенного часа, юноша стоял перед роскошным зданием с лимонным садиком у входа. Края крыши, загнутые кверху, подражали полету журавлей, гордясь тем, что они составляют часть жилища, которому покровительствует император. От этого зрелища юноша оробел. Он поправил шапочку и с неудовольствием осмотрел морщины на ткани, которые никуда не исчезли. Очередная попытка их разгладить только ухудшила дело. Юноша совсем уже собрался постучать, когда дверь неожиданно распахнулась. Слуга-монгол поклонился гостю и пригласил его в дом. Цы последовал за ним в светлый зал, алые стены которого, казалось, лакировали только сегодня. Он шел вперед, щурясь от льющегося из окон яркого света, пока не различил в дальнем конце зала сидящую спиной женскую фигурку в просторном ханьфу цвета бирюзы, с шелковой лентой в волосах. Когда монгол возвестил о приходе гостя, женщина поднялась и обернулась. Цы покраснел, еще только бормоча слова приветствия — при свете дня Лазурный Ирис пленяла еще сильнее. Цы призвал на помощь все свое хладнокровие. Он оглядел зал в поисках супруга, но никого не увидел — только великолепную коллекцию древностей, заполнявшую каждый уголок.

— Вот мы и снова встретились, — произнес юноша и тотчас же закашлялся, сознавая всю нелепость своих слов.

Лазурный Ирис улыбнулась. Ее ровные зубы тоже манили. А еще Цы заметил, что ее ханьфу приоткрыто, так что округлость правой груди прямо-таки бросалась в глаза. Цы, позабыв о слепоте хозяйки дома, отвел взгляд. Лазурный Ирис пригласила его садиться. Не дожидаясь согласия гостя, хозяйка приступила к чайной церемонии. Руки ее прикасались к чайнику с такой нежностью, что юноша позавидовал этому чайнику.

— Благодарю вас за приглашение, — еле слышно выговорил он.

Она склонила голову в знак вежливого ответа. А потом с такой же грацией налила чаю и себе, а гостя спросила, как ему понравился императорский прием. Цы отозвался о приеме в самых восторженных выражениях, не упомянув, правда, об убийстве торговца бронзой. А потом оба замолчали, но Цы не чувствовал неловкости. Он весь погрузился в созерцание: каждый жест, каждый вздох, каждая улыбка Лазурного Ириса будоражили его чувства. Наконец юноша отвел взгляд. Поднеся к губам чашку, он почувствовал, что чай очень горячий, и, по привычке имитируя боль, ойкнул.

— Что случилось? — спросила Лазурный Ирис.

— Ничего, чуть-чуть обжегся, — соврал Цы.

— Прости меня, — встревожилась хозяйка.

И тут же, на ощупь смочив платок в холодной воде, безошибочно точным движением приложила его к губам юноши. От сладостного прикосновения ее пальцев губы его задрожали.

— Ничего страшного, все как-то неожиданно вышло. — Цы отстранился от Лазурного Ириса. — А где же ваш драгоценный супруг? — спросил он, чтобы перевести разговор на другую тему.

— Он скоро придет, — невозмутимо ответила хозяйка. — Так ты, значит, живешь во дворце? Для обыкновенного чиновника это весьма редкая привилегия…

— Но так же редко бывает, что у дамы вашего ранга не перебинтованы ступни. — Уходя от скользкой темы, юноша ответил первое, что пришло ему в голову. Лазурный Ирис спрятала ноги под полу длинного ханьфу.

— Пусть даже мои ноги оскорбляют твой тонкий вкус, зато я не сделалась уж полной калекой. — Лицо ее посуровело. — Это новомодный обычай, который мой батюшка, по счастью, не принял.

Цы пожалел о своей бестактности и надолго онемел.

— Я во дворце недавно, — заговорил он наконец. — Кан пригласил меня несколько дней назад, но, вообще-то, я надеюсь поскорее выбраться. Это место не для меня.

— А где же тогда твое место?

Цы задумался.

— Мне нравится учиться.

— Учиться? Чему же? Философия, литература, поэзия?

— Хирургия, — ответил он, не раздумывая.

Прекрасное лицо Лазурного Ириса исказилось от отвращения.

— Прости, но я не понимаю, что интересного может быть во вскрытии трупа! И мне уж совсем непонятно, что общего имеет это занятие с твоей работой у Кана.

Цы снова корил себя за невоздержанность в речах. Он начал подозревать, что это странное приглашение, которое, как он поначалу надеялся, сможет ему помочь в деле, вызвано желанием Лазурного Ириса что-то выведать в ее собственных интересах, и решил быть более осмотрительным в речах: ведь перед ним сидит подозреваемая в тяжких преступлениях.

— У людей Цзинь пищевые предпочтения отличаются от наших, поэтому они страдают одними заболеваниями, а мы — другими. Вот какова цель моих исследований. В сущности, из-за этого я и здесь… Но скажите: чему я обязан чести быть приглашенным? В ночь нашего знакомства вы были не слишком расположены говорить о Цзинь.

— Люди ведь изменчивы, — улыбнулась Лазурный Ирис, подливая себе чаю. — Но, разумеется, причина не в этом. — Женщина улыбалась так, будто видела своего собеседника. — Если говорить откровенно, в ту ночь меня заинтересовало твое поведение. Ты ведь явно едва не вступился за куртизанку и готов был подраться с этим разъяренным чудовищем. Для людей из дворца такой поступок необычен. Так что ты меня удивил.

— И поэтому вы меня пригласили?

— Скажем так, ты мне просто… понравился.

Цы отхлебнул из чашки, чтобы скрыть замешательство. Никогда прежде женщины не говорили ему таких слов. Ему стало совсем не по себе, когда нюйши наклонилась и халат ее снова приоткрылся. Юноша не понимал, знает ли Лазурный Ирис о том, что происходит с ее ханьфу, но все равно отвел глаза.

— Замечательная коллекция древностей, — сообщил Цы.

— Быть может — для истинных ценителей. Я собираю их не для себя, а для удовольствия тех, кто меня окружает. И это — зеркало моей жизни, — заключила Лазурный Ирис.

Цы почувствовал горечь этих слов, но опять не знал, что сказать в ответ. Он хотел было расспросить Лазурный Ирис о ее слепоте, но тут снаружи послышался какой-то шум.

— Это, должно быть, мой муж, — сказала хозяйка.

Она спокойно поднялась из-за чайного столика и повернулась лицом к закрытой двери. Цы отметил, что ханьфу на ней плотно запахнуто.

Дверь открыл слуга. В дальнем конце коридора Цы разглядел фигуру пожилого мужчины. Вместе с ним, не прерывая оживленной беседы, шел Кан. Старец нес в руках цветы — как понял Толкователь трупов, это был подарок для Лазурного Ириса. Незнакомец уже издалека поздоровался с супругой и порадовался, что гость тоже прибыл. Но когда он разглядел Цы, руки его задрожали и цветы упали на пол.

Старец не мог произнести ни слова. Он просто стоял и бессмысленно таращился — точно так же, как и Цы, а служанка в это время торопливо подбирала лежащие между ними цветы. Почувствовав обоюдную неловкость, первой заговорила Лазурный Ирис:

— Дражайший супруг мой, имею честь представить тебе нашего гостя, юного Цы. Цы, представляю вам моего супруга, досточтимого судью Фэна.

30

Цы столбом стоял перед судьей, не в силах вымолвить ни слова. Фэн что-то бессвязно пробормотал. Юноша пришел в себя на мгновение раньше.

— Досточтимый Фэн! — Он склонился почти до земли.

— Что ты тут делаешь? — воскликнул Фэн.

— Вы что, знакомы? — удивился Кан.

— Да, немножко. Когда-то мой отец работал у этого господина, — поспешил с ответом Цы.

Он видел, что Фэн до сих пор ничего не понимает. Но, по крайней мере, судья не стал поправлять своего ученика.

— Замечательно! — обрадовался Кан. — Дело, значит, упрощается. Как я тебе рассказывал, — обратился он к судье, — Цы помогает мне составлять доклад о Цзинь. И я подумал, что опыт твоей супруги может пойти нам на пользу.

— И правильно подумал! Но давайте наконец сядем за стол и отпразднуем нашу встречу, — пригласил хозяин дома, до сих пор не оправившийся от изумления. — Цы, я думал, что ты до сих пор в деревне. Рассказывай: как поживает твой батюшка? И кто тебя отправил в Линьань?

Цы опустил голову. Ему совсем не хотелось рассказывать о батюшке. На самом деле ему вообще ни о чем не хотелось рассказывать. Юноше было стыдно за то, что он может невольно бросить тень бесчестия на Фэна, а еще — за то, что вожделеет его жену. Цы попытался уйти от разговора, но Фэн продолжал настаивать.

— Батюшка погиб. Наш дом рухнул. Вообще все погибли, — подвел итог Цы. — Я приехал в Линьань с надеждой сдать экзамены… — Цы снова понурил голову.

— Твой отец погиб? Но почему же ты не пришел ко мне? — Фэн, чтобы справиться с волнением, попросил Лазурный Ирис подлить ему чаю.

— Это долгая история, — попробовал отговориться Цы.

— Ну, этой беде мы поможем, — объявил Фэн. — Кан сказал, ты сейчас живешь во дворце, но, поскольку тебе предстоит работать с

моей женой, я предлагаю тебе переселиться сюда. Если, разумеется, Кан не станет возражать…

— Ни в коем случае! — расплылся в неожиданной улыбке министр. — Мне эта идея кажется превосходной!

А вот Цы совсем не хотелось принимать это приглашение — он не мог предавать человека, которого почитал как отца. Вернется Серая Хитрость — и всем станет ясно, что Цы — беглый преступник, тогда его позор запятнает и Фэна. Но судья не желал слышать никаких возражений:

— Тебе понравится. Ирис — великолепная хозяйка. Вспомним старые добрые времена. Здесь ты будешь счастлив.

— Я правда не хочу быть вам обузой. К тому же все мои инструменты и книги находятся во дворце, и в общем…

— Пустяки! — Фэн не дал юноше договорить. — Я сам себя не прощу, да и твой отец мне не простил бы, если бы я тебя отпустил. Распорядимся о перевозке всех твоих вещей, и заселяйся немедленно.

Дальше разговор пошел без участия Цы: юноша слушал, но не слышал. Он просто смотрел на Фэна, лицо которого прорезали глубокие морщины. Сердце юноши разрывалось от одной мысли о том, что он будет делить кров с этим человеком, поэтому он вздохнул с облегчением, когда Кан поднялся из-за стола, тем самым давая понять, что визит окончен, и позвал помощника с собой. Фэн и Лазурный Ирис проводили гостей до порога.

— До скорой встречи, — сказал на прощание судья.

Цы, произнося слова прощания, молился о том, чтобы никакой скорой встречи не случилось.

* * *

По дороге во дворец Кан, не стесняясь, радовался встрече давних знакомцев.

— Ты что, не понимаешь? — Министр потирал руки. — Ты получишь возможность проникнуть во все тайны этой женщины. Вести расследование так, что она ни о чем и не догадается. Проследить за ее монгольским слугой.

— При всем уважении к вам, ваше превосходительство, закон категорически воспрещает следователю селиться в доме подозреваемого.

— Закон, закон… Эта статья изобретена только для того, чтобы семья не подкупила следователя, но если люди не знают, что за ними ведется наблюдение, то вряд ли сумеют кого-то подкупить. И потом, никакой ты не следователь.

— Очень жаль, — не сдержавшись, выпалил Цы. — Если вам так угодно, я и дальше буду наблюдать за этой женщиной, но в ее доме я жить не стану.

— Что еще за глупости? Да это ведь уникальная возможность! Такую даже нарочно не выдумаешь!

В последнем Цы был уверен — Кан сейчас выглядел как воришка, которому улыбнулась удача. Юноша призвал на помощь все свое красноречие, он твердил, что не может обмануть доверие человека, который был другом его отца. Он ведь покроет позором батюшку, судью Фэна, себя самого — а этого он допустить никак не может.

— Так, стало быть, ты позволишь, чтобы друга твоего отца столкнула в пропасть его собственная жена? Рано или поздно ее вероломство раскроется, Фэн об этом узнает, и уж тогда он точно будет опозорен.

— Прекрасно. Но если вас так тревожит будущее Фэна — тогда арестуйте ее.

— Вот распроклятый болван! — Министр побагровел. — Я ведь тебе уже объяснял: мы должны вычислить ее сообщников. Если мы ее возьмем, они разбегутся раньше, чем она под пыткой выдаст нам их имена. К тому же на кон сейчас поставлено много больше, чем честь несчастного старца, опасность угрожает самому императору.

Цы хорошо подумал над своим ответом. Он знал, что за свои слова может поплатиться жизнью, но колебаний в его душе не было.

— Досточтимый министр, поступайте, как хотите, но на меня не рассчитывайте. Я не поставлю будущее судьи Фэна ниже будущего императора.

Кан пронзил взглядом своего помощника. Министр наказаний не произнес ни слова, но сердце юноши сжалось от неописуемого ужаса.

* * *

Войдя в свою комнату, Цы почувствовал, что вот теперь настал момент для бегства. И если он поторопится, то еще успеет спастись. Нужно было просто вызвать Бо и придумать предлог, чтобы чиновник сопроводил его за внешнюю стену. А потом — при первой возможности раствориться в темноте и навсегда уйти из Линьаня. Цы позвал слугу и приказал послать за Бо.

Пока юноша собирал вещи, он в который уже раз успел вволю посетовать на свою несчастную судьбу. Он знал, что второго шанса никогда не будет. Он успел уже схватить за хвост свою удачу, а теперь должен был навсегда выпустить ее из рук. Цы вспомнил о своей младшей сестренке, о ее невинном личике цвета персика. Вспомнил о гибели всей семьи, о своем страстном желании сделаться судьей и доказать всему миру, что существуют разные способы вести расследование и докапываться до истины. Все это тоже теперь будет для него утрачено. Единственное, что Цы мог еще сохранить, — это свое достоинство.

Услышав стук в дверь, юноша стер с лица печаль и подхватил суму, в которую уложил свои тетрадки. За дверью стоял Бо. Цы объяснил, что им нужно еще раз наведаться в бронзовую мастерскую. Седой чиновник ничего не заподозрил. Юноше казалось, что его вот-вот ухватит за шиворот чья-нибудь крепкая рука, и он все ускорял шаги. Караульный в воротах первой стены приказал им остановиться. Цы страшно нервничал, пока Бо предъявлял караульному пропускные документы; стражник изучал их с особым пристрастием. Потом он внимательно вгляделся в лицо юноши. Поколебавшись несколько бесконечных мгновений, он пропустил обоих к внешней стене. На втором посту их снова остановили. Повторилась та же процедура; Цы ждал, глядя в сторону. Караульный не переставал коситься на юношу, Цы кусал губы. Их впервые подвергали столь тщательной проверке. Юноше пришлось сделать глубокий вдох и ждать, когда все кончится. Вскоре караульный вернулся с документами в руках. Цы попытался их забрать, но солдат не отдал.

— Эти бумаги подписаны самим министром наказаний, — неохотно произнес Цы.

Караульного это, казалось, не напугало.

— Пройди-ка со мной в башенку, — скомандовал он.

Цы пришлось подчиниться. И тут же он вздрогнул от неожиданности: внутри башни его поджидал Кан. Министр поднялся, забрал у караульного документы и скомкал их, не глядя.

— Куда собрался? — спросил Кан.

— В бронзовую мастерскую. — Цы чувствовал, как бешено колотится сердце. — Бо идет вместе со мной, — добавил он.

Министр вскинул бровь и помолчал.

— Что, новые зацепки?

— Только одна, — пробормотал Цы.

— Может быть, это и правда. А может быть, как я и подозреваю, ты по глупости решил, что у тебя есть возможность сбежать. — Кан недобро улыбнулся. — Ну так если дело в этом, то, хочу тебе заметить, было бы крайне невежливо уйти, не попрощавшись со своим учителем, с Мином. Он сейчас в нашем подземелье. И он просидит там до тех пор, пока ты не переберешься в павильон к Фэну.

* * *

Когда Цы увидел, в каком состоянии находится учитель Мин, его захлестнула ярость. Старец лежал на ветхой койке, с потерянным взглядом, лицо его было равнодушно ко всему. Заметив Цы, Мин попробовал приподняться, но ноги его не слушались: они были покрыты синяками, ссадинами и царапинами. Когда Мин заговорил, во рту его обнаружилась кровавая брешь.

— Эти варвары… меня избили, — прошептал старик.

У Цы не оставалось выбора. Он взмолился, чтобы Мину оказали помощь и перевели в другое место. И пообещал Кану сотрудничать отныне безо всяких оговорок.

* * *

Слуги помогли юноше перенести вещи в Павильон кувшинок. Оставшись один, Цы в отчаянии оглядел свое новое прекрасное жилище. Комната была просторная, с окном, за которым виднелся лимонный сад. Запах этих деревьев пропитывал воздух, превращая комнату в благоухающий рай. Цы разложил вещи и вышел навстречу Фэну, который прямо-таки сиял от удовольствия. Юноша издалека начал сгибаться в церемонном поклоне, но судья обнял гостя, не дав завершить ритуал.

— Мальчик мой! — Он радостно потрепал Цы по волосам. — Как же я рад видеть тебя с нами!

Потчуя гостя горячим и необыкновенно вкусным чаем, Фэн принялся расспрашивать. Цы поведал о гибели семьи, о своих злоключениях в городе, о встрече с прорицателем, о трагическом угасании сестренки, о поступлении в Академию Мина и о том, как впоследствии его переселили во дворец. Однако умолчал о подробностях своего побега и о причинах появления в этом доме. Фэн слушал изумленно, точно не в состоянии поверить услышанному.

— Ты вытерпел столько лишений… Но почему же ты не отыскал меня? — спросил судья.

— Я пробовал. — Цы раздумывал, не открыть ли прямо сейчас, что он — беглый. В конце концов юноша опустил глаза. — Господин, мне бы не следовало здесь находиться. Я недостоин того, чтобы делить кров с…

Фэн, не дав ему договорить, приложил палец к губам. И заверил юношу, что тот выстрадал уже достаточно, чтобы не обсуждать теперь, кто чего достоин. Фэн был явно рад, что снова его встретил, и готов был делить с учеником и радости, и печали. Цы онемел — неспокойная совесть тисками сдавила ему горло. Он молчал до тех пор, пока Фэн не спросил об экзаменах.

— Ты ведь собирался подать прошение об участии, верно?

— Да, верно. — Цы рассказал, как пытался получить сертификат пригодности и как ему отказали из-за недостойного поведения отца. Глаза его повлажнели.

Фэн печально склонил голову.

— Итак, ты все узнал сам, — горестно произнес он. — Я не хотел тебе рассказывать, для меня это было бы очень тягостно. Даже когда там, в деревне, ты спрашивал, почему батюшка переменил решение,

почему он отказывается возвращаться в Линьань, я не смог тебе рассказать. — Старец кусал губы. — В тот момент тебе и так хватало проблем с арестом брата. Однако теперь я, возможно, смогу тебе помочь. У меня есть влиятельные знакомые, и если эти сертификаты…

— Мой господин, я не хочу, чтобы ради меня вы поступались своим добрым именем.

— Ты ведь знаешь, как я всегда ценил тебя, Цы. И теперь, когда ты нашелся, я хочу, чтобы ты навсегда стал частью нашей семьи.

Потом Фэн заговорил о Лазурном Ирисе:

— Мы познакомились с нею вскоре после того, как ваша семья покинула столицу. Должен признаться — все у нас было не просто. Сплетни гнались за нами, куда бы мы ни уехали, но могу тебя заверить: с нею я обрел свое счастье.

Цы краем глаза покосился в сторону нюйши: женщина отдыхала в саду, безмятежно вглядываясь в бесконечность невидящими глазами. Солнце омывало ее шелковистые черные волосы, собранные в пучок, и крепкую изящную шею. Юноша сразу же отвел глаза — словно воришка, протянувший было руку к чужой вещи и тут же ее отдернувший, заслышав шум; и, чтобы спрятать краску стыда, припал к чашке. А потом попросил у Фэна дозволения вернуться в свои покои: он сказал, что должен работать, и судья не стал спорить. Когда Цы уже уходил, Фэн вдогонку предложил ему рисовый пирожок. Цы был окончательно пристыжен.

Взяв лакомство, он услышал тихий голос судьи:

— Послушай, Цы.

— Что, господин?

— Спасибо, что ты остался. Теперь я вполне счастлив.

Цы тяжело рухнул на пуховую перину и с тоской оглядел окружавшую его красоту. В любых других обстоятельствах он наслаждался бы садом, светом, изяществом обстановки, но сейчас чувствовал себя как дикий пес на привязи у хозяина, которого готов сожрать при первой возможности. Глаза его ослепли от слез, а рассудок — от угрызений совести. Но что было делать? Ослушайся он министра, тот казнил бы Мина так же равнодушно, как давят слизняка. А уступив ему, предал Фэна. Цы положил в рот пирожок — тот показался невыносимо горьким, и юноша с отвращением выплюнул

душистый сладкий рис. Желчь будто была разлита в самой его душе. Наверное, ему не стоит дальше жить.

Цы сам не знал, сколько времени так себя мучил, казнясь за то, что по какой-то злой издевке судьбы был обречен приносить зло всем, кто проявлял о нем истинную заботу. Освещенные окна напротив принялись гаснуть одно за другим — так же как гасли его надежды.

И тогда мысли его вернулись к жертвам убийцы. Он вновь подумал о Нежном Дельфине, изысканном евнухе, чувствительном собирателе древностей. О человеке с израненными руками, каким-то образом причастном к торговле солью. О до сих пор не опознанном молодом рабочем с испещренным шрамами лицом. О торговце бронзой, чья мастерская загадочным образом сгорела в ту же ночь, когда он лишился головы… Ни одна из этих смертей не имела смысла, — по крайней мере, их никак нельзя было связать с Лазурным Ирисом; ведь даже если бы эта женщина действительно хотела причинить вред императору, то что ей были эти четверо мужчин, никак друг с другом не объединенные, сколько можно судить? Или если посмотреть с другой точки зрения: каким образом эти зверства задевают императора? В конце концов, несмотря на очевидное сходство всех четырех случаев, у Цы не было даже уверенности, что убийства совершены одним и тем же человеком.

Юноша размышлял, пока сумерки не сгустились, и продолжил размышлять чуть позже — когда, сославшись на легкое несварение, сумел избежать общего ужина. А когда усталость взяла свое и Цы закрыл глаза, ему представилась Лазурный Ирис. Это случилось помимо его воли, однако он все равно почувствовал себя преступником. И как бы Цы ни старался, он не мог изгнать нюйши из своих мыслей.

На следующее утро Цы проснулся раньше хозяев. Он должен был проверить, все ли в порядке с Мином. Поблагодарив слуг за завтрак, он объявил им, что вернется к обеду, а сам направился к подземелью. Академика он обнаружил в камере, больше всего напоминавшей помойную яму: сырость, гнилые объедки и экскременты прекрасно уживались здесь с крысами, шмыгавшими из угла в угол. Учитель лежал пластом, ссадины на его ногах кровоточили. Цы накричал на стражника, требуя объяснений, но тот держался с равнодушием забойщика скота. На чем свет понося тюремщика, юноша выхватил у

него кувшин с водой и склонился над старцем и, рывком скинув рубаху, промокнул спекшуюся кровь на его губах. Раны на ногах выглядели очень нехорошо. Цы задрожал. Быть может, на человеке молодом палочные удары зажили бы за несколько дней, но ведь Мин — другое дело… Цы не знал, что делать. Он попытался успокоить Мина, хотя, по правде сказать, в успокоении больше нуждался он сам. В конце концов юноша пообещал учителю, что вытащит его из застенков. Мин улыбнулся без большой уверенности, обнажив окровавленные челюсти.

— Даже и не хлопочи: Кан никогда не жаловал извращенцев, — печально пошутил академик.

Цы вслух изругал министра наказаний, рассказал Мину, что тот оказался в столь плачевном состоянии именно по его, министра, вине, признался, что из-за шантажа Кана сам попал в очень сложную ситуацию, и еще раз пообещал сделать все возможное, чтобы вызволить учителя.

Мин кивнул в ответ. Цы в задумчивости обмолвился о своих трудностях:

— Это как драться вслепую. На что мне вынюхивать следы, если я не знаю, что движет убийцей? — с горечью пожаловался он.

— Мотив мести ты рассматривал?

— На нем-то и настаивает Кан. Но, клянусь всеми бессмертными, он ведь подозревает слепую! — И Цы пересказал все, что знал о нюйши.

— А ты не допускаешь, что он может быть прав?

— Ну конечно может. Она так богата, что может нанять целую армию. Вот только зачем ей это? Если единственная цель Лазурного Ириса — месть, то при чем тут эти несчастные?

— И что, других подозреваемых нет? У убитых не было врагов?

— Не знаю уже, что и думать. У евнуха врагов не водилось. Единственной его страстью была работа.

— А что с мастером?

— Его мастерскую сожгли. Этим я тоже занимаюсь.

Мин чуть приподнялся с тюфяка, но вспышка боли повалила его обратно.

— Я, к сожалению, не могу тебе помочь, Цы. В моем-то состоянии… Но вот ты мог бы кое-что для меня сделать… — Старец

достал ключ, висевший у него на шее. — Возьми. Это ключ от моей библиотеки. За последней полкой есть потайная дверь. — Мин вздрогнул от собственных слов. — Там я храню свои тайны. Безделушки, что сопровождали меня в течение жизни: книги, рисунки, стихи, подарки… Милые пустяки. Ничего ценного, но для меня они значат много. Если со мной что-нибудь случится, я бы не хотел, чтобы их обнаружили. В академии спросишь Цуя, он тебя пропустит.

— Но, господин…

— Обещай, что заберешь эти вещи и похоронишь вместе со мной.

— Ничего этого не понадобится.

— Обещай, — повторил Мин.

Цы прикусил губу. Вслух он поклялся все исполнить, а про себя добавил: если учитель Мин умрет, Кан очень скоро последует за ним.

Из темницы Толкователь трупов направился в кабинет Кана; печатка открывала ему все двери. Цы не стал дожидаться, пока караульный доложит о посетителе, просто толкнул дверь и ворвался внутрь. Он застал министра зарывшимся в ворох бумаг, которые при появлении Цы Кан сразу же спрятал. Во взгляде его сверкнул гнев, но еще больше гнева было во взгляде юноши.

— Либо вы прямо сейчас вытащите Мина из этой ямы, либо я рассказываю Лазурному Ирису обо всех ваших кознях! — крикнул Цы с порога.

Поняв, о чем речь, Кан вздохнул с облегчением:

— А, вон ты о чем… Я думал, его давно уже перевели.

Цы различил в этих словах запашок лжи.

— Если не вытащите, я ей все расскажу. Если он не поправится, расскажу, а если он умрет…

— А если он умрет, это будет оттого, что ты не справился со своей работой, и, значит, умрете вы оба! — оборвал наглеца министр. — И вот что я тебе скажу, мальчишка: до сих пор твои разыскания были угодны нашему императору — но, разумеется, не мне. Твои возможности иссякают с такой же быстротой, как и мое терпение, а оно — тут уж я не шучу — очень и очень невелико. Поэтому забудь о том, что может случиться с этим уродом, и немедленно ступай работать, если не хочешь окончить свои дни так же, как и он. — Кан отвернулся в уверенности, что юноша побежит исполнять приказ.

Цы не сдвинулся с места.

— Ты что, не слышал?! — рявкнул Кан.

— Когда вы переведете Мина, — спокойно объявил Цы.

Министр выхватил висевший на поясе кинжал и молниеносным движением поднес его к горлу своего подчиненного. Юноша ощутил прикосновение холодного металла. С каждым ударом сердца сталь плотнее прижимала его яремную вену, но выбор уже был сделан. К тому же Цы понимал, что если бы Кан хотел его убить, он велел бы это сделать давным-давно.

— Когда вы переведете Мина, — повторил Цы.

Он чувствовал, как лезвие кинжала подрагивает от ярости его владельца. В конце концов министр наказаний все же отвел руку.

— Стража! — выкрикнул он страшным голосом. В кабинет тотчас же влетел караульный. — Подготовьте все, чтобы заключенному Мину обеспечили лечение и перевели в это здание. А насчет тебя… — Кан приблизил свое багровое от ярости лицо к самому лицу Толкователя трупов. — Даю тебе три дня. Если за этот срок ты не найдешь убийцу, тогда убийца найдет тебя.

*** * ***

Только выйдя из кабинета министра наказаний, Цы сумел вздохнуть полной грудью. Он и сам изумлялся, как это ему удалось оказать такое сопротивление самому Кану, но времени на праздные размышления у него не оставалось. Срок, поставленный Каном, приблизительно совпадал с датой возвращения Серой Хитрости. Цы сжал кулаки с таким отчаянием, что ногти впились в ладони. Если он хочет спасти Мина, единственный способ — это найти убийцу, пускай за это Цы и придется заплатить тем, что предаст Фэна. В сопровождении Бо молодой сыщик вернулся в подземелье удостовериться в исполнении приказа министра. Четверо слуг под присмотром врача уже перевязали Мина и теперь несли его на носилках. Немного успокоенный, Толкователь трупов попросил Бо отвести его в комнату, куда сложили вещи из бронзовой мастерской.

Помещение, отведенное под склад, оказалось ничем не лучше той помойной ямы, куда поначалу упекли Мина. Разве что оно было

просторнее; но оттого и грязи в нем накопилось еще больше. Цы пошевелил ногой обожженную доску, тронул одну железную кочергу, потом другую… Те, кто занимался переноской предметов, не только позабыли надписать, где что было найдено, но еще и свалили мелочь в большой узел, а крупное раскидали по полу. Бо принес Толкователю трупов свои извинения и взялся помочь навести порядок. Для начала они отделили все металлические предметы. Затем чиновник стал укладывать деревяшки, а Цы — литейные формы. Однако то, что на первый взгляд казалось юноше простейшим делом, вскоре превратилось в головоломку. Большинство форм так раскрошилось, что сложить их из множества осколков не было никакой возможности; правда, глина каждой из форм от нагревания приобрела свой особенный оттенок, и оставалось хотя бы рассортировать обломки по цвету: один цвет — одна форма.

Дело продвинулось почти до половины, когда юноша наткнулся на странный обломок.

— Отвлекитесь-ка на минутку, Бо. Гляньте, что у меня! — позвал он чиновника. — Этот не похож на другие.

Бо послушно посмотрел на кусочек зеленоватой терракоты — вряд ли с большим интересом, чем разглядывал бы придорожный валун.

— Ну и что это? — произнес он наконец.

— Давай еще таких поищем!

Вместе им удалось собрать восемнадцать фрагментов, явно оставшихся от одной и той же формы. Убедившись, что больше осколков этого оттенка нет, Цы завернул их в тряпицу и уложил в отдельную сумку. Бо спросил, зачем все это; юноша и впрямь хотел было ответить, но вдруг засомневался в помощнике и сказал, будто намерен проделать такую же операцию с каждой из форм. А седому поручил сортировать металлические части. Когда подошел час обеда, Цы перестал заниматься бессмысленным перекладыванием, попрощался с Бо и, закинув сумку на спину, пошел в Павильон кувшинок.

Закрывшись в своей комнате, Толкователь трупов вытащил обломки зеленоватой терракоты и стал подгонять их один к другому. Эти фрагменты отличались от других не только цветом, но и однородностью поверхности, что, как подумал Цы, свидетельствовало

о сравнительно редком использовании данной формы. Впрочем, такое предположение противоречило самому смыслу существования формы для литья: формы ведь создают специально для выплавки серийных изделий. Поразмышляв об этом, Цы пришел к заключению, что форма с прозеленью была просто новее других. Он уже заканчивал складывать фрагменты, когда самым краешком глаза уловил, что на пороге комнаты возникла чья-то фигура, и резко обернулся.

— Стол накрыт, — объявила Лазурный Ирис.

Юноша, в замешательстве закашлявшись, сгреб обломки в сумку так быстро, будто украл их и теперь боялся, что у него отберут добычу. Неловко засунул сумку под кровать, а сам все смотрел на женщину — она безмятежно созерцала пустоту, ее силуэт в дверном проеме напоминал идеально вырезанную лютню. Юноша поблагодарил за приглашение и прошел в столовую, где его уже дожидался судья Фэн.

За обедом Фэн поведал Лазурному Ирису, какие узы связывали его с Цы.

— Тебе стоило бы с ним познакомиться еще тогда. Мальчишкой он был просто комок нервов и такой шустрый, точно все время голодный, — вспоминал судья. — Его батюшка работал у меня, ну я и взял паренька в помощники. Как только кончались уроки, он сразу прибегал помогать в очередном расследовании. — Фэн сиял от счастья. — Он сводил меня с ума своими вопросами, вечно во всем сомневался и со всем спорил, и, клянусь Конфуцием, мне приходилось растолковывать ему каждую мелочь: он никогда не удовлетворялся простым «потому что это так».

Цы улыбнулся. Он вспоминал те времена как лучшие в своей жизни.

— Я тосковал по тебе, мальчик, — признался Фэн. — И знаешь, Ирис? Цы не просто оказался незаменимым помощником — со временем он превратился для меня в сына, которого сам я так и не смог породить. — Взгляд судьи затуманился печалью. — Но не будем о грустном! Теперь ведь он с нами. — Фэн улыбнулся. — И важно именно это.

— Я никогда не был таким хорошим, — смутился Цы.

— «Хорошим»? Да ты был лучшим! — закричал Фэн. — Ничего общего с помощниками, которые были до тебя. Я до сих пор вспоминаю о деле твоего братца.

— Что за дело? — спросила Лазурный Ирис.

— Да ничего особенного. — Цы замялся, ему было неловко даже вспомнить о преступлении Лу. — Заслуга в раскрытии целиком принадлежит Фэну.

— Как это «ничего особенного»? Ирис, тебе стоило бы там побывать. Это случилось в родной деревне Цы. Кошмарное преступление, ни одного подозреваемого и ни одной зацепки. Но Цы не сдавался и помогал мне, пока я не обнаружил решающую улику.

Цы вспомнил, как Фэн отгонял мух, что вились вокруг серпа его брата; ведь именно это сыграло решающую роль в разоблачении убийцы.

— Да, меня не удивляет, что Кан взял его к себе в помощники, — заметила Лазурный Ирис, — но странно, что ему велено заниматься племенем чжурчжэней. По словам Цы, его интересуют их пищевые пристрастия.

— Что, правда? — Фэн с изумлением воззрился на ученика. — Не знал, что теперь ты занимаешься такими делами. Я-то думал, что ты, согласуясь со своими способностями, станешь кем-нибудь вроде уцзо.

Услышав эти слова, Цы поперхнулся, но сразу же переложил вину за некоторую бестактность судьи на крепость рисового вина. И как бы между прочим упомянул, что изучал северных варваров в Академии Мина. К счастью, Лазурный Ирис как будто не обратила внимания на эти слова.

— И что же вас разлучило? — спросила она. — Я имею в виду, почему Цы перестал быть твоим помощником?

— Одно весьма печальное обстоятельство, — ответил Цы. — Умер мой дедушка, и отец, сообразуясь с правилами траура, был вынужден подать в отставку. Мы покинули Линьань и уехали в деревню, в дом моего брата. — Юноша взглянул на Фэна, опасаясь, как бы судья не пустился в объяснения по поводу позорного поведения батюшки. Но судья молчал. — Цыпленок, кстати, удался на славу, — заметил Цы, чтобы перевести разговор.

А потом начал говорить Фэн. Он рассказал Цы о том, что получил повышение по службе и смог переехать в Павильон кувшинок. Судья признался, что все это случилось благодаря Лазурному Ирису.

— С тех пор как я ее узнал, жизнь моя переменилась совершенно. — Он ласково погладил жену по руке, но Лазурный Ирис

руку убрала.

— Велю подать еще чаю.

Цы смотрел, как она грациозно поднимается и идет на кухню — без помощи нелепой красной трости, что была при ней на пиру. О ее коже юноша вообще не мог не думать. Фэн тоже смотрел вслед Лазурному Ирису.

— Никто не сказал бы, что она слепая. — Старец горделиво улыбнулся. — Она может, ни разу не споткнувшись, обойти все уголки нашего дома и при этом вернется раньше тебя.

Цы кивнул, глядя вслед неторопливо удаляющейся женщине. Он чувствовал себя настоящим предателем и терпеть муки совести больше не мог. Порыв был неожиданным; он решился открыть Фэну правду прямо сейчас, пока они вдвоем, — по крайней мере хоть часть правды; не то она разорвала бы его изнутри.

Но прежде он заставил Фэна поклясться, что судья сохранит все в тайне.

— Даже от Лазурного Ириса, — добавил Цы.

Фэн поклялся душами своих усопших предков.

И тогда Цы поведал о своем бегстве из деревни, о том, что он — преступник в розыске, и о поездке Серой Хитрости. А потом — об убийствах, об особенностях каждой смерти, о том, что ему удалось выяснить. Покончив с кошмарными подробностями, Цы рассказал и про мнение Кана: министр наказаний убежден, что все это — часть заговора против императора. О подозрениях насчет Лазурного Ириса юноша, конечно, промолчал.

Фэн слушал ученика с удивленным видом.

— Все это просто невероятно… Но что касается молодого человека, которого ты боишься, Серой Хитрости, — то не беспокойся. Когда он вернется, я с ним переговорю, и все уладится.

Цы заглянул в глаза учителю. Лицо старца было полно доверия, и Цы предавал его ежеминутно. Сердце юноши сжалось. Он уже готов был признаться, что подоплека его появления в Павильоне кувшинок — это предполагаемое участие Лазурного Ириса в заговоре, когда женщина вернулась.

— А вот и чай.

Фэн улыбнулся супруге. Поспешно подвинувшись, он перехватил поднос, чтобы Лазурный Ирис могла усесться поудобнее и без помех.

Мягко опустившись на свое место, она с обычным для нее поразительным изяществом налила всем чаю. Цы смотрел, не отрывая взгляда; ее спокойные движения пленяли юношу. Он сделал первый глоток одновременно с Фэном, затем чашку взяла и хозяйка стола. И тут Фэн подскочил как ужаленный.

— Совсем забыл! — Старец выбежал в другую комнату. Вскоре он вернулся с какими-то документами. — Держи, Цы. — Фэн передал бумаги. — Это твое.

Юноша облизал пальцы, потом вытер их салфеткой, с удивлением принял документы и бросил взгляд на текст. У него перехватило дыхание.

— Но ведь… это… — пробормотал он, не в силах поверить.

Фэн кивнул.

Цы перечитал свидетельство о пригодности, позволявшее ему подать прошение об участии в экзаменах. О позорном поступке батюшки даже не упоминалось. Свидетельство было чистое. Стопроцентно проходное. Цы поднял на судью повлажневшие глаза и, благодарно и смущенно улыбаясь, низко поклонился.

Чайная церемония подходила к концу, когда вошедший слуга-монгол сообщил Фэну, что у дверей его дожидаются какие-то торговцы. Фэн извинился перед гостем и ушел к визитерам, но вскоре вернулся в совершенном негодовании. По словам судьи, один из караванов, перевозивший товары на север, подвергся нападению.

— Нападающих, кажется, отбили, но мы понесли потери, и часть товара утрачена. Мне придется срочно туда отправляться, — пожаловался судья.

Юноша был расстроен еще больше. Он уже готов был открыться судье до конца, но Фэн не дал ему такой возможности. На прощание судья шепнул ему на ухо:

— Остерегайся Кана… и береги Лазурный Ирис.

И все.

31

Фэн обещал, что его не будет в городе лишь несколько дней — ровно столько, чтобы организовать отправку новой партии товара с ближайшего к столице склада, но перспектива даже кратковременного пребывания наедине с Лазурным Ирисом приводила юношу в трепет. Быть может, из-за этого, когда хлопнула входная дверь, свидетельство о пригодности выпало из его задрожавших пальцев. А когда, подбирая бумаги, юноша случайно коснулся руки Лазурного Ириса, сердце едва не выпрыгнуло у него из груди.

Когда он попробовал извиниться за эту невольную грубость, слова застряли у него в горле. Тогда Цы сослался на усталость и необходимость удалиться. Лазурный Ирис не возражала и предложила возобновить разговор о Цзинь, когда юноша отдохнет. Цы косноязычно пробормотал слова согласия и вовремя сообразил прихватить свое блюдо с липким рисом — якобы чтобы съесть его попозже.

Вернувшись к себе, он вновь вытащил терракотовые обломки и принялся за работу. Самые большие куски Толкователь трупов пронумеровал угольком, чтобы потом запомнить их расположение, и снова начал подгонять обломки, стремясь воссоздать редкую литейную форму. Кусочки Цы скреплял липким рисом. Вот только нервы подводили его: стоило соединить хоть несколько обломков, сооружение рушилось на ковер. Цы принимался сызнова не раз и не два, но в конце концов проклял упрямую глину и задвинул обломки подальше. Как бы юноша ни желал себя обмануть, он понимал, что дрожь его пальцев — не от их неловкости и не от страха неудачи. Тревога шла из сердца, всполошенного неотразимой соблазнительностью Лазурного Ириса.

Юноша повалился на кровать, пытаясь забыться, но сон не шел. Шелковые простыни ласкали кожу, навевая мысли о жене судьи. Он пытался заставить себя думать о Фэне, но все, что ему удалось, — это будто воочию увидеть налитые груди его супруги.

Тогда Цы решил принять ванну. Полная воды ванна дожидалась в соседней комнате, простыни он попросил у служанки. Когда та ушла, юноша медленно разделся и не торопясь погрузился в воду. Влага его наконец-то успокоила. Цы закрыл глаза и нырнул с головой, целиком

отдаваясь водной стихии. Но, вынырнув, он уставился на свои покрытые шрамами руки, на застарелые шрамы, исхлеставшие его тело — обожженное тело калеки. До сих пор все эти уродства его не беспокоили — быть может, оттого, что Цы свыкся с ними, как одноногий свыкается с костылем, а слепой — с вечной ночью. Но теперь он стыдился своей внешности. Он был себе отвратителен. Ожоги, шедшие по телу твердыми, словно каменистые хребты, буграми, казались юноше таким же надругательством над естеством, что и его бесстыдные мысли. Цы вновь закрыл глаза, силясь вернуть утраченный душевный покой, и долго сидел неподвижно, а время несло его, как река, то спокойная и полноводная, то вдруг опять, словно на камни порогов, швыряющая его на жгучие острия вожделения.

Как могло с ним случиться такое? Как мог он даже помыслить о супруге человека, который был для него точно всеблагое Небо? Но чем больше юноша уповал на доводы рассудка, чем яростнее пытался подавить сладкий соблазн, тем больше изнемогал, и мысли его сдавались на волю побеждающей страсти так же, как сам он, вконец измотанный, отдался наконец блаженной дремоте.

Покой…

И вдруг Цы вздрогнул, ощутив пьянящий аромат. Не во сне — наяву. Он был реальным. А потом раздался ее голос.

Распахнув глаза, он увидел Лазурный Ирис прямо перед собой, ее слепые глаза словно изучали его тело. Юноша попытался прикрыться, позабыв о слепоте этой женщины.

— С тобой все в порядке? — мягко спросила Лазурный Ирис. — Служанка сказала, что ты собирался принять ванну, но прошел уже целый вечер, и вот…

— Простите, — отвечал перепуганный Цы. — Я, наверное, заснул.

Вместо ответа женщина повела руками вдоль стен, отыскала сундучок и грациозно на него уселась. Цы стало совсем неловко; он не понимал, отчего эта женщина не уходит. Юноша заметил, что теперь ее взгляд на нем не сосредоточен, а рассеянно блуждает по комнате, и это его слегка успокоило.

— Так, значит, ты уцзо. Необычная профессия.

— Я просто интересуюсь причинами смерти, — ответил Цы, как бы оправдываясь. — Они занимают и вашего супруга…

— Это было до его повышения. С тех пор он сделался обыкновенным чиновником. А ты? Чем ты занимаешься на самом деле? — Лазурный Ирис снова встала и приблизилась к лохани с водой.

Цы закашлялся:

— Я ведь уже говорил. Я работаю помощником при Кане. Лучше расскажите мне о нюйши. Что входит в их обязанности?

— А, так ты уже знаешь… — Женщина медленно обошла вокруг лохани, притрагиваясь к ней кончиками пальцев. — Среди прочего, нюйши осчастливлена возможностью намыливать императора. — Она опустила руки в воду. Цы сидел неподвижно, не в силах вздохнуть, опасаясь, что Лазурный Ирис услышит биение его сердца. Ее руки плескались у самых его ног. Цы сотрясала дрожь. Он уже ждал прикосновения, но в этот самый момент женщина вытащила пробку из ванны и выпрямилась:

— Ужин готов. Я жду тебя в столовой.

И неторопливо, как всегда, она вышла из ванной, а вода мало-помалу вытекала, и Цы становился все тяжелее и тяжелее. Он подумал: почти минуту он был нагим перед богиней, которая могла одарить поцелуем, но задумала, скорее всего, погибель.

Если бы не страх оказаться невежей, не откликнувшись на приглашение, Цы предпочел бы вовсе не ужинать. Чистый, надушенный, Цы в сопровождении служанки появился в Малом зале, уединенной комнатке. Лазурный Ирис ожидала за столом. Цы сел напротив, не осмеливаясь взглянуть на хозяйку; а когда непроизвольно все же поднял голову, от красоты Лазурного Ириса, совсем уже откровенной сейчас, у него перехватило дыхание. Женщина оделась в полупрозрачную блузу, сквозь которую просвечивала нежная белизна ее кожи. Юноша сглотнул и отвел глаза, точно боялся, что Лазурный Ирис может увидеть его взгляд, однако позже, когда она подкладывала ему соевых бобов, Цы вновь отважился на нее посмотреть. Лазурный Ирис мягко наклонилась над столом, и очертания ее полных грудей с отчетливо угадывавшимися сосками проступали через тонкую ткань. Он с трудом отвел глаза, но увидел ее точеные руки; они ласкали

фрукты с каким-то вызывающим изяществом, будто пробуя их на вкус и на спелость. Дыхание Цы сделалось учащенным — он не мог больше отвести глаз от этой женщины.

— Куда ты смотришь? — спросила она.

Цы вздрогнул.

— Да никуда.

— Никуда? Вот же финики. И даже изюм.

— Ах да, ну конечно! — Он подставил тарелку для этих необыкновенных сластей.

— Ты спрашивал меня о прежней моей работе. Тебе и вправду интересно? — спросила она, накладывая Цы фиников и изюму.

— И очень! — поспешил заверить он, принимая из ее рук плошку. Их руки снова встретились. — Извини. — Его прошибла оторопь.

Лазурный Ирис отпила из чашки, губы ее повлажнели. Она тихонько поставила чашку на бамбуковую циновку, руки ее замерли на бедрах. Цы подумал, что эта женщина знает, что он ее разглядывает.

— Так, стало быть, тебе интересно, чем занимаются нюйши? Тебе следовало бы закончить с едой или выпить еще чуть-чуть, ведь тебя ждет рассказ, исполненный горечи. — Лазурный Ирис вздохнула, глядя в никуда. А потом печально улыбнулась. — Я попала на службу к императору, будучи еще девочкой, но вскорости утратила это качество, поскольку Сын Небес быстро покончил с моим девичеством. Видимо, он во мне что-то разглядел. Разглядел и начал пользоваться. — Взгляд Лазурного Ириса затуманился. — Мое детство прошло среди наложниц, они были мне сестрами, учившими жить. Жить ради Него, жить чтобы ублажать Сына Небес искусством тонким, изысканным, отнимающим у тебя сердце. — Глаза ее повлажнели. — Вместо того чтобы играть, я училась целовать и облизывать. Вместо того чтобы смеяться, я училась угождать… Тексты Конфуция? Пятикнижие? Мне никогда такого не читали. Все, что я слышала, — это классические книги по услаждению мужчины: «Сюаньнюй цзин» — «Канон Темной Девы», «Сюфаннэй мишу» — «Книга о тайнах внутренних покоев», «Уфан мицзюэ» — «Секреты успехов на брачном ложе», «Унюй фан» — «Способы наивной девы»… И вот, пока мое тело росло и груди мои крепли, во мне крепла еще и ненависть столь же всеобъемлющая, как и моя слепота. И чем больше я его ненавидела, тем больше он меня вожделел. — Лазурный Ирис хищно прищурилась, точно и впрямь

видела сейчас императора. — Я научилась быть лучшей из всех. Лучше всех лизать, лучше всех подставляться, круче всех выгибать бедра… Я знала, что чем сильнее он станет меня хотеть, тем яростнее будет моя месть. Вот что было моей мечтой. Со временем я сделалась его любимой наложницей. Он наслаждался мною днем и ночью. Чего только он не вытворял со мной! А когда получил от меня все, когда не мог больше ничего вытянуть из моего тела, то возжелал еще и моей души.

Цы смотрел на лицо Лазурного Ириса: оно поникло, словно увядший цветок. У юноши все сжималось внутри. По нежной коже ее щек беззвучно потекли слезы.

— Не нужно продолжать. Мне…

— Ты ведь хотел это услышать, верно? — снова заговорила Лазурный Ирис. — Ты знаешь, как бывает, когда тебя выжимают, словно лимон? Ты выкручена до конца, опустошена изнутри. У тебя нет даже сочувствия к себе, даже жалости к себе; у тебя силой, как кишки крюком, вырвали честь, чувство справедливости, самоуважение. — Не удержавшись, она всхлипнула. — Я стала шелухой, высохшей кожурой без цвета и запаха. Пустая, заледеневшая молодость, которую я сама презирала. И самое забавное — вокруг была зависть моих подружек. Любая из них с радостью поменялась бы со мной судьбою — даже взяла бы мою слепоту, — только бы стать любимой наложницей императора. Но у меня, в отличие от них, не могло быть детей. — Лазурный Ирис вдруг рассмеялась, но по лицу ее была разлита горечь. — Я получила, что хотела, в обмен на свое достоинство. Поверь, я совершила бы все, чего бы он от меня ни домогался. Или уже совершила… теперь и не вспомнить. Но в конце концов я достигла своей цели. Кожура затвердела… И когда император возжелал моей кожи как собственной жизни; когда хотел меня даже в своих снах и когда он просыпался весь в поту, отыскивая меня, — вот тогда я ему отказала. Притворство я сменила на искренность и потому из радостной стала печальной, из страстной превратилась в равнодушную, из жаждущей — в ледяную. Чтобы добиться своего, я плакала, кричала и царапала себя. Я выдумала себе болезнь, для которой придворные врачи не могли найти излечения. И для него — тоже. Я заранее знала, чт***о*** с ним произойдет. Его горделивый «нефритовый стержень» навсегда превратился в мягкий «шелковый

платок», ведь ни одна наложница, ни одна куртизанка, ни одна девка во всей империи не могли дать ему того, что давала я.

Цы слушал Лазурный Ирис в молчании. Рука его приблизилась к ее руке с желанием успокоить, но в последний момент юноша сдержал себя. И он был рад, что глаза Лазурного Ириса не могли заметить этого движения.

— Не продолжай, — попросил он.

— И все равно я осталась с ним. Он сделал меня своей нюйши, чтобы я обучала его привычкам его новых кукол, наставляла новых наложниц в искусстве наслаждения. И я согласилась, чтобы оставаться рядом и наслаждаться его бессилием. Чтобы день за днем смотреть, как он стареет и сходит с ума. А затем, когда вступил на трон сын его, Нин-цзун, я отошла на второй план. Новый император одарил меня своим безразличием — такой же подарок я преподнесла и ему. Я прожила при дворе до самой смерти моего отца. Оставаясь во дворце, я не могла вступить в права наследования, но в конце концов познакомилась с Фэном.

Цы поднял глаза на Лазурный Ирис. Слезы ее уже подсохли. Цы подумал, что их немного осталось; все она выплакала еще в императорском дворце. Юноша налил Лазурному Ирису немного вина.

— И что случилось потом?

— Не хочу говорить. — Ее ответ прозвучал, как удар молотка.

Некоторое время они просидели молча. Потом Лазурный Ирис поднялась, извинилась за свое поведение и удалилась во внутренние покои.

Цы продолжал сидеть перед бутылкой с вином. Голова его шла кругом от мыслей и желаний. Он налил себе вина, выпил. Без толку. Он думал о Фэне. Он думал о Лазурном Ирисе. Их хоровод сводил его с ума. Прихватив бутылку, Толкователь трупов поднялся и побрел к себе.

Посреди ночи его разбудил посторонний звук. Цы потер виски. Голова была тяжелой, как кувалда. Открыв глаза, он увидел пустую бутылку прямо у лица; липкий запах сладкого вина ударил, точно оплеуха. В комнате было темно. Ему казалось, он слышал снаружи шаги, потом — скрип открывающейся двери. Сердце его бешено заколотилось. Затаившись, Цы беззвучно повернул голову к двери. И

заморгал от изумления: легкий свет на пороге очерчивал обнаженный силуэт Лазурного Ириса.

Цы в молчании созерцал эту божественную фигуру. Женщина вошла, притворила дверь. Цы задрожал всем телом. Он смотрел, как она медленно входит; как, не торопясь, идет по комнате прямо к нему. Цы пребывал в неподвижности, но его горячее дыхание выдавало его с головой.

Ирис подняла покрывавшую юношу простыню и проскользнула под нее так легко, будто погладила цветок. Цы не хотел этого, не хотел! Но хотел — еще сильнее. Он ощутил жар ее тела в волоске от своего и не сдержал стонущего вздоха.

Думать он почти не мог. Густой аромат ее духов туманил рассудок. Вдруг он ощутил руку женщины, скользнувшую по его ноге. Потом рука двинулась вверх. Цы опять глубоко вздохнул, живот его вжался. Он ждал, задыхаясь, мечтая, чтобы женщина встала и ушла, — и в то же время молясь о продолжении. Он снова вздрогнул, почувствовав, как соприкоснулись их груди. Теперь он слышал глубокое дыхание женщины возле своей шеи.

С ним никогда не происходило ничего подобного.

Его парализовал страх. Шрамы стесняли его, как панцирь, — но вот он отдался теплу, исходившему от женского тела. Он прильнул губами к нежной, сладкой, точно мармелад, шее — в горле Лазурного Ириса родился слабый стон, будто она умирала. Руки юноши искали ее руки, стискивали запястья; она уперлась ему кулаками в грудь в безуспешной попытке оттолкнуть. Цы нависал теперь над нею, выглаживая ладонью всю ее кожу, дыша запахом ее плеч и ключиц, а Лазурный Ирис выгибалась, вздымая груди ему навстречу.

Цы прошел по ним языком. У грудей был вкус желания, они дрожали у него на губах. Цы чувствовал, что кожа Лазурного Ириса возбуждена, бутоны грудей затвердели, а поцелуи его вызывали ответные стоны. Он слизывал влагу с ее языка с жадностью, будто должен был утолить жажду столь же древнюю, как сама жизнь. И Лазурный Ирис отвечала ему тем же — сжимая и притягивая к себе, как нечто безоговорочно необходимое; она точно хваталась за скалу посреди морской бури.

Поцелуям и ласкам не было конца. Придыхания женщины подстегивали юношу, обостряя желание. И вот Лазурный Ирис

откинула голову назад, чтобы отыскать его грудь. Она лизала и сосала его кожу, а Цы любовался ею в полумраке. Да, он ее желал. Он желал в нее проникнуть и прямо прошептал об этом женщине. Но Лазурный Ирис точно не расслышала. Губы ее — прямо через все шрамы — скользнули к его животу, и вот они уже достигли его твердого колеблющегося «нефритового стержня». Когда Ирис обхватила его ртом, Цы решил, что он умер. В движениях ее губ было желание, она изогнулась всем телом, охваченная неведомой юноше алчностью. Язык ее сводил юношу с ума. Он закрыл глаза, чтобы навсегда запомнить эти мгновения. В следующий миг он почувствовал, как женщина обнимает его ногами — точно именно теперь осознала, что он нужен ей там, внутри. Цы попытался войти в нее, но Лазурный Ирис не далась, она извивалась, пока не оказалась на нем верхом; «пещера наслаждений» коснулась «нефритового стержня», и тот ответил яростным подрагиванием. Ирис прикрыла юноше глаза. Другой рукой она медленно ввела его член в глубь себя. Цы хрипло вздохнул. Он попробовал убрать ослепляющую его руку, но Лазурный Ирис прижалась к нему и кончиком языка лизнула губы.

— Мы одинаковые, — шепнула она.

— Одинаковые, — повторил он и позволил ее ладони прикрывать ему веки.

Лазурный Ирис мучительно медленно опускалась все ниже, пока ее горячая влажная «пещера» не поглотила его «стержень» полностью. Цы ощутил мощный жар, подчинявший его своему желанию. Колыхания Лазурного Ириса доставляли ему ошеломляющее наслаждение. Рот ее пьянил, наполнял страстью, сводил с ума. Прежде Цы даже предположить не смел, что бывает так. Ирис двигалась, не переставая, выгибаясь, целуя так страстно, точно хватала последний воздух, чтобы не задохнуться, точно Цы поддерживал в ней жизнь.

А потом все ее тело сотряслось. Талия Лазурного Ириса заходила ходуном в нескончаемой пытке наслаждением — и все быстрее, все жестче. Рот ее теперь не отрывался от Цы, даже чтобы вздохнуть. Юноша чувствовал все колыхания и сотрясания Лазурного Ириса — ее движения утратили расчетливость и походили теперь на лихорадку. А потом Цы забился, как под ударами кнута, чувствуя, что проливается внутрь ее, — и точно вся его жизнь уходила туда, а сам он исчезал.

Она лежала, прильнув к нему так, будто у них была теперь одна кожа на двоих. Дыхания их сделались единым дыханием, все еще прерывистым от наслаждения. Раньше, чем они оторвались друг от друга, Цы успел заметить, что из слепых глазниц Лазурного Ириса льются соленые слезы. Он решил, что это слезы счастья.

Цы заблуждался.

Когда он проснулся утром, в комнате никого не было. Цы спросил у служанки, где сейчас находится госпожа, но та не могла ответить.

Цы позавтракал в той же комнатке, в которой им подавали ужин. Чай казался безвкусным, лишенным запаха. Цы жаждал вновь ощутить аромат Лазурного Ириса, словно бы пропитавший его кожу; но теперь этот сладковатый вкус порождал только горечь.

Юноша подумал о Фэне; сможет ли он теперь встретиться с учителем лицом к лицу, не опустив взгляда. Впрочем, он заранее знал, что не способен. Цы даже не мог посмотреть на себя в большое бронзовое зеркало в главном зале. Он налегал на чай, стремясь избавиться от последствий неумеренного возлияния; вино словно бродило еще у него внутри даже теперь. Потом поднялся в ванную; как будто вода могла смыть с него бесчестье! Телом юноша и теперь жаждал ласк Лазурного Ириса, но ненавидел себя за то, что потерял свою душу.

По дороге он остановился в главной гостиной, захваченный красотой коллекции древностей, украшавших стены. Эти вазы, холсты, зеркала и картины были столь превосходны, что по сравнению с ними собрание из покоев Нежного Дельфина выглядело жалким. Особенно выделялось собрание древних стихотворений в специальных резных рамках; тексты были каллиграфически выписаны на светлых тканях и резко контрастировали с алым шелком стен. Стихи принадлежали кисти знаменитого Ли Бо — сочинителя времен династии Тан, прозванного Бессмертным поэтом.

Цы, не торопясь, прочел одно стихотворение:

У самой моей постели
Легла от луны дорожка.
А может быть, это иней?
Я сам хорошо не знаю.
Я голову поднимаю —

Гляжу на луну в окошко,
Я голову опускаю —
И родину вспоминаю.

Цы подумалось, что эти строки — о нем.

Справившись с печалью, он продолжил чтение; в конце концов дошел до маленькой таблички с комментарием. Оказалось, перед ним — серия произведений, состоящая из одиннадцати стихов, каждый из которых записан на отдельном куске шелка. При этом на стене висело только десять стихотворений. Там, где должно было помещаться одиннадцатое, находился не очень искусный портрет поэта и ясно был различим застарелый след шелкового листа — след, схожий с остальными десятью отпечатками на шелковых обоях.

Цы сглотнул слюну. Этого не может быть!

Он уже собирался проверить свою догадку, но шум за спиной его насторожил. Позади стояла хозяйка дома. Юноша вздрогнул. Одежда на Лазурном Ирисе была ярко-красного цвета.

— Что ты тут делаешь? — спросила хозяйка.

— Ничего, — пробормотал Цы.

— Служанка сказала, ты обо мне спрашивал.

— Да, спрашивал, но она ответила, что не знает, где тебя искать. — Юноша хотел погладить Лазурный Ирис, но женщина отдернула руку.

— Я ходила на прогулку, — сдержанно произнесла она. — Я всегда гуляю по утрам.

Цы вглядывался в ее лицо — что-то в поведении этой женщины изменилось, что-то настораживало. Он перевел взгляд на место, где, как он полагал, когда-то висело одиннадцатое стихотворение.

— Потрясающие списки. Их всегда было десять?

— Не знаю. Мне ведь не видно, — ответила Лазурный Ирис.

Цы насупился. Он решительно не понимал, что с ней.

— Что-то случилось? Вчера ты была куда более…

— Ночи — они всегда темные. А дни приносят ясность. Скажи, чем ты собирался занять сегодняшний день? Мы ведь так и не поговорили о Цзинь.

Цы закашлялся: он пока что не придумал, как замять сложный вопрос с северянами. Быть может, ему удастся кое-что выяснить у учителя Мина?

А попутно он бы проверил, сдержал ли Кан свое обещание позаботиться о старце. Поэтому юноша извинился перед Лазурным Ирисом: ему сейчас нужно навестить больного друга, а потом забежать на склад во дворце.

— Тогда встретимся в полдень? — предложила она.

— В полдень.

— Хорошо, я буду ждать тебя здесь.

Цы уходил из Павильона кувшинок, снедаемый беспокойством. Толкователь трупов отказывался сознаваться в этом даже себе, однако он все меньше верил в невиновность Лазурного Ириса. Он хотел верить — но уже плохо получалось. Цы не знал, можно ли будет переговорить с Мином еще и об этом.

Он застал старого учителя в скромном, но чистом помещении, неподалеку от комнат, которые занимал Бо. Мин выглядел значительно лучше, однако фиолетовый цвет его ног до сих пор внушал юноше серьезные опасения. Ученик спросил учителя, приходил ли доктор. Мин покачал головой:

— Мне эти коновалы ни к чему. — Старик приподнялся, тихонько постанывая. — Но я попросил меня помыть, да и кормят здесь неплохо.

Цы посмотрел на миску с остатками засохшего риса. Если бы он сообразил вовремя, то принес бы учителю фруктов и вина. Снова ему было в чем себя укорять… А когда он убедился, что никто их не подслушивает, то признался в своих сомнениях — сомнениях, которые были ему самому ненавистны, но от них никуда было не деться. Цы перечислил академику все, что свидетельствовало против Лазурного Ириса, а потом сам же горячо и выступил в защиту нюйши.

Мин слушал внимательно. На лице его отразилась озабоченность.

— Судя по твоим словам, у этой женщины имелись мотивы для убийств, — заметил Мин.

— Повторяю, это всего лишь стечение обстоятельств, — настаивал Цы. — Какое дело императору до этих смертей? Да выстрадай вы столько же, сколько она, вы бы тоже его возненавидели,

но от ненависти до убийства посторонних людей — целая пропасть… Вот бы вам с ней познакомиться. — Юноша опустил взгляд. — Эта женщина — сама нежность, сама кротость…

— А кто тебе сказал, что мы не знакомы? Странно как раз то, что ты ничего о ней не знаешь. Ты так распелся о ее очаровании, но не путаешь ли ты свои мысли со своими желаниями?

Цы залился краской.

— О чем это вы? — выпалил он в ответ. — Лазурный Ирис не способна убить и мошку!

— Ты так полагаешь? Тогда, возможно, тебе известна и причина, по которой император Нин-цзун отверг ее услуги в качестве нюйши?

— Ну конечно известна! Когда Нин-цзун взошел на трон, он счел ее виновной во всех болезнях своего батюшки. Старый император повредился умом, когда она отказала ему в ласках!

— Это она тебе поведала? — Мин смотрел на ученика сурово. — Меня изумляет, что ты до сих пор не в курсе истории, известной всем и каждому.

— И что это за история? — дерзко спросил Цы.

Мин остановил его жестом:

— Так слушай: старый император вовсе не сошел с ума от ее отказа. Доктора, выяснявшие причину его смерти, обнаружили яд в чашке чая, который приготовила она.

У Цы словно обвалилось все внутри. Слова Мина обожгли его, как плетью. Ему не верилось, но лицо учителя не оставляло повода для сомнений. Теперь он проклинал себя за слабовольную доверчивость — как раньше проклинал за то, что поддался чарам Лазурного Ириса. Похоже, он совершил непоправимую глупость — будто за пару монет продал собственную душу. Цы собирался выспросить у Мина все подробности, однако появление караульного прервало разговор; он попытался подождать, пока тот удалится, но солдат подпер спиной стену в ожидании продолжения беседы. Так что вскоре Цы оставил эту мысль и, попросив Мина не отказываться от врачебного осмотра, покинул камеру в смятении.

И все-таки он попытался еще раз взглянуть на все события, к которым могла быть причастна Лазурный Ирис, под иным углом зрения. В конце концов, мотив у нее имелся: бьющая через край ненависть к императору, которую она не только не скрывает, но, как

представляется, с гордостью демонстрирует любому, кто попадется на пути. А если она оказалась способна отравить императора, то, без сомнения, может замыслить и другие преступления. К этому добавлялась и ее бессовестная измена мужу — хотя, конечно, в этом деле юноша и сам проявил себя как сообщник, — а также запах духов, который уже напрямую выводил к искалеченным трупам. Да, все так. Но в рассуждениях этих катастрофически недоставало причины, по которой Лазурному Ирису потребовалось убить четверых незнакомцев, не имевших ни малейшего отношения к императору. Или по крайней мере одного из них. Потому что, если удастся выявить связь хотя бы для одного из убитых, остальные трое как-нибудь прицепятся сами собой.

Цы решил еще раз наведаться в апартаменты евнуха. Там кое-что следовало проверить.

Покои Нежного Дельфина все так же охранял караульный: он пропустил Толкователя трупов, как и прежде, проверив его печатку и записав имя в регистрационной книге. Стоило Цы войти, он поспешил в комнату, отведенную Нежным Дельфином под свой музей древностей. Там, как и прежде, висел великолепный образчик каллиграфии, привлекший внимание Цы при первом посещении. Это, несомненно, было стихотворение бессмертного Ли Бо. Именно одиннадцатое. То самое, которого не хватало в коллекции Лазурного Ириса. Цы отметил, что белая рамка вокруг текста — изогнутой формы, как и во всей серии, которую он видел в павильоне у нюйши. Толкователь трупов слегка подвинул раму, чтобы проверить след на стене. Затем проделал то же самое со всеми остальными картинами в комнате. Когда Цы закончил, в душе его смешивались ярость и удовлетворение.

На выходе Цы вспомнил о регистрационной книге — в ней ведь отмечали всех, кто сюда заходил. Быть может, ничего важного он и не обнаружит, но и упускать возможность тоже не стоило. Несколько монеток перекочевали из руки в руку, и караульный позволил юноше почитать записи. Цы листал страницы с нетерпением. И хотя большинство имен было ему незнакомо, глаза его блестели, пробегая по вертикальным столбцам. К счастью, в книге указывалась официальная должность каждого посетителя, поэтому Толкователю трупов легко удалось отфильтровать из списка слуг, являвшихся в эти

апартаменты, чтобы навести чистоту. Среди прочих в документе фигурировали Кан и Бо, но в конце концов обнаружилось и имя, которое Цы по-настоящему искал. Иероглифы были выписаны четко, не оставляя места для сомнений. Два дня спустя после исчезновения евнуха в комнаты приходила женщина по имени Лазурный Ирис.

Сердце юноши застучало: он чувствовал, что вот она, правда. До встречи с нюйши оставался еще час, и Цы использовал это время, чтобы сходить в комнату, где были сложены законченные обломки из мастерской литейщика, — там еще было на что посмотреть.

Цы улыбнулся: части головоломки начинали складываться.

Все шло превосходно, пока, дойдя до двери в складское помещение, Толкователь трупов не обнаружил, что она открыта и никем не охраняется. Цы огляделся по сторонам, но никого не заметил. И радостное возбуждение его тотчас же сменилось беспокойством. Внутри юношу поджидала тревожная темнота. Он продвигался медленно и осторожно, но через несколько шагов споткнулся о большой мешок; пытаясь подняться, Цы уперся руками в пол и обнаружил, что большинство предметов, которые они с Бо рассортировали, снова разбросаны как попало. Кто все это натворил? Прибил бы своими руками… Цы, торопливо распахнув обе створки двери, впустил в комнату достаточно света, чтобы понять: склад разграблен. Толкователь трупов бросился туда, где они с Бо сложили литейные формы, — и обнаружил, негодуя, что большинство из них расколото, чуть не стерто в песок. Создавалось впечатление, что здесь поработали молотом; а большая наковальня стояла совсем рядом. Цы неожиданно услышал странный шум и, схватив молот, глянул на антресоли, куда они с Бо собрали железные детали. Никого не заметив, Толкователь трупов продолжил осмотр, пока не наткнулся на мешочек с гипсом; гипс использовали, чтобы извлекать из форм готовые предметы. На всякий случай он его подобрал. Наверху раздался новый скрип, еще более пронзительный. Юноша еще раз поднял голову и разглядел на антресолях скорчившуюся фигуру. Больше он ничего не успел — лавина металлического и деревянного хлама рухнула вниз, погребая под собой Толкователя трупов.

Цы осмелился открыть глаза, лишь когда пыль немного рассеялась и стало можно дышать. Он почти ничего не видел, но все-таки был жив и возблагодарил судьбу за то, что свалился под наковальню,

которая послужила ему прочным щитом. Но одна из железяк зажала его ногу, точно капканом, мешая сдвинуться с места. Освободиться не получалось. Туча пыли тем временем совсем осела, и в дверях, на свету, стал виден человеческий силуэт. Цы лежал не шевелясь, не произнося ни звука, — но человек все равно двинулся в его сторону. Юноша сглотнул клейкую слюну. Он сжал в руке первый подвернувшийся железный прут и приготовился дорого продать свою жизнь. Человек был уже в шаге от него. Цы напряг мускулы, кровь бешено пульсировала у него в висках. Он понял, что его заметили. Дыхание юноши участилось, он был уже готов ударить противника, но тут неизвестный позвал:

— Цы! Это ты?

Юноша вздрогнул: это был голос Бо. Цы слегка успокоился, но прута не выпустил.

— Что стряслось? С тобой все в порядке? — сыпал вопросами Бо, скидывая с тела Цы тяжелые железки.

Наконец юноше удалось освободиться. Он оперся на Бо и побрел к выходу. В коридоре Цы наконец-то глотнул свежего воздуха. Он до сих пор не вполне доверял седому чиновнику, поэтому прямо спросил, что тот собирался делать на складе.

— Дежурный офицер мне рассказал, что кто-то воспользовался отсутствием стражи на складе и взломал дверь, — вот я и явился, чтобы все проверить.

Цы сомневался в Бо. Он сейчас вообще во всех сомневался. Он попробовал идти сам, но получалось с трудом, поэтому он попросил чиновника проводить его до Павильона кувшинок, опасаясь за себя; он, покалеченный, окажется для любого возможного злоумышленника легкой добычей. По дороге Цы поинтересовался, как продвигается дело с портретом работника, который он распорядился показывать на городских площадях и рынках.

— Все еще ничего, — сокрушенно отвечал Бо. — Зато у меня есть новости насчет руки с татуировкой: странный рисунок в форме огонька, как ты его описал, — вовсе не таков, каким тебе показался.

— Что вы хотите сказать?

— Я проконсультировался у самого именитого татуировщика, одного из лучших в Линьане. И этот человек потратил немало времени, чтобы разобраться. В конце концов он сказал, что, по его

скромному мнению, большая часть рисунка стерлась от соли. — Бо склонился и принялся что-то рисовать на песке. — Вот так должно было быть. Видишь, это никакой не огонек. На самом деле — это просто инь и ян.

— Символ даосов?

— В частности, одного монаха-алхимика. Татуировщик объяснил мне, что рисунок был нанесен киноварью — а это излюбленная субстанция у тех, кто занимается варкой пилюль бессмертия.

Такой ответ не удивил Толкователя трупов. На самом деле после случившегося на складе его уже ничто не удивляло. Юноша вспомнил, что единственным человеком, которому он сообщил о своем намерении наведаться на склад во дворце, была Лазурный Ирис, и сразу же подумал, каким дураком он был, допуская мысль о ее невиновности. У нюйши имелся мотив — отомстить императору. У нее имелась возможность действовать — через своего монгольского слугу. У нее было достаточно хладнокровия — об этом свидетельствовало отравление прошлого императора, а теперь эта женщина пыталась убить и его самого. Вернейшим решением было бы отправиться к Кану и поделиться с министром своими догадками. Но для начала юноша должен был позаботиться о своем великом сокровище — о литейной форме, спрятанной в павильоне. Когда слуги в Павильоне кувшинок заметили, в каком плачевном состоянии находится юноша, то хотели позвать хозяйку, однако Цы велел проводить его в покои и оставить в одиночестве. Он поблагодарил Бо за помощь и простился с седым чиновником.

Едва оставшись один, Цы бросился к кровати, под которой спрятал остатки формы из зеленой терракоты. Он не знал, почему и зачем, но чувствовал, что именно эту вещицу разыскивал на складе тот, кто хотел его убить. К счастью, куски формы находились на прежнем месте. Едва удостоверившись в этом, юноше снова пришлось их прятать, когда, не постучав, вошла Лазурный Ирис. Сердце его екнуло.

— Мне передали, ты попал в беду, — встревоженно произнесла женщина.

Цы было не до разговоров. Он задвинул суму под кровать, успокаивая себя тем, что Лазурный Ирис не может видеть его действий, и поднялся с колен.

— Да, беда была довольно странного свойства. Я бы назвал ее даже покушением на убийство. — Он тотчас пожалел о своей несдержанности.

Выслушав ответ, Ирис распахнула глаза; их необычный оттенок стал еще заметней.

— Уби… тебя хотели убить? — пробормотала она.

Цы впервые видел эту женщину такой обеспокоенной.

— Не знаю. Я думал, ты мне об этом расскажешь. — Цы стащил разорванную в клочья рубашку и кинул ее на кровать.

— Я? Совсем не понимаю.

— Хватит уже врать. — Цы схватил Лазурный Ирис за руку. — Я долго не хотел верить Кану, однако же он был прав!

— Да что еще за глупости? Отпусти меня! Отпусти, не то я велю тебя выпороть!

С усмешкой он отстранился.

А хозяйка дома дрожала, пятясь к выходу. Цы поспешно закрыл дверь. Услыхав стук, она вздрогнула еще сильнее. Цы загнал ее в угол.

— Вот поэтому ты меня и соблазнила? Кан меня предупреждал обо всем, что ты замыслила против императора. Я не желал этому верить, что едва не стоило мне жизни, однако теперь всем твоим плутням конец. И всей твоей лжи!

— Ты сошел с ума. Выпусти меня.

— Евнух работал на соляную монополию. Я пока не знаю, нашел ли он какой-то непорядок в счетах — и ты подкупила его, либо это он принялся тебя шантажировать, но ты знала о его одержимости древностями и заплатила ему рисунком, от которого он не смог отказаться. А когда Нежный Дельфин продолжил тебе угрожать, ты с ним покончила!

— Убирайся отсюда! Вон из моего дома! — выкрикнула Лазурный Ирис голосом, полным слез.

— Только ты знала, что я пойду утром на склад! И ты послала туда убийцу. Возможно, того же, кто разделался с Нежным Дельфином и со всеми другими.

— А я тебе говорю: убирайся!

— Ты использовала «Нефритовую эссенцию», чтобы их запугать, чтобы эти мужчины знали: слепая женщина способна с ними покончить. Ты чувствовала себя под защитой клеветы на твоего деда,

ты понимала, что новый император больше не пойдет на риск, обвиняя без твердых доказательств внучку прославленного, преданного государству героя. Но твоя жажда мести не знала пределов. Ты мне лгала, когда рассказывала, что император умер от любви. Ты отравила его!

Лазурный Ирис рванулась к двери, но Цы вновь ее не пустил.

— Признавайся! — рявкнул он. — Признавайся в своей лжи! Ты ведь заставила меня поверить, будто что-то ко мне чувствуешь! — В этом месте юноша ощутил, что его собственные глаза повлажнели.

— Да как ты осмеливаешься меня в чем-то обвинять? Ты! Ты, который наврал мне насчет своей истинной профессии! Ты, который предал своего любимого Фэна с его слепой женой!

— Ты меня приворожила! — взвыл Цы.

— Вот наивный. Не знаю, что я в тебе нашла. — Лазурный Ирис еще раз попыталась выйти.

— Неужто ты веришь, что твои слезы теперь тебя спасут? Кан был прав во всем. Ты слышишь? Во всем! — Цы схватил женщину за руку.

Слепые глаза Лазурного Ириса сверкали от гнева.

— Министр может быть прав лишь в одном: что я беспросветная дура. И знаешь, в ту ночь, когда ты вступился за куртизанку, я думала, ты другой. Вот дурочка! — всхлипнула она. — Ты ничем не отличаешься от прочих. Тебе кажется, у тебя есть право меня обвинять, выносить мне приговор. Использовать меня, а потом презирать, ведь я просто старая нюйши. Специалистка в постельных делах. Ну да. Это так. Я тебя соблазнила. И что с того? Что ты обо мне знаешь? Может, тебе известна моя жизнь? Нет. Это уж точно — нет. Тебе и на миг не представить, через какой ад мне пришлось пройти.

Цы подумал о своем собственном аде. Он хорошо знал, что такое страдание, но знал и то, что эта женщина — виновна. Это у нее не было права его упрекать. И уж подавно — теперь, когда он все раскрыл.

— Кан меня предупреждал, — повторил юноша.

— Кан? Да этот шарик жира продаст собственных детей, лишь бы добиться своего. Что он тебе порассказал? — Лазурный Ирис ударила его в грудь. — Что я пыталась отравить императора? Так нет же! Да подумай: если бы так, разве нынешний император оставил бы меня в

живых? Ты знаешь, что Кан тысячу раз просил меня выйти за него и тысячу раз я его отвергла? В этом все дело! Какая-то нюйши воспротивилась великому министру! — И Лазурный Ирис, зайдясь в рыданиях, упала на пол.

Цы смотрел на нее, не зная, что ответить. Ему хотелось ей верить, но доказательства…

— Твое имя фигурирует в регистрационной книге покоев Нежного Дельфина, — тихо сказал он. — Не знаю, как тебя пустили, но — пустили. А в его комнате висит шелковое полотно с одиннадцатым стихотворением Ли Бо. Все прочие древности этой серии принадлежат тебе. И это стихотворение должно было висеть на твоей стене, а ты заменила его бездарным портретом. Этот текст евнух никогда не сумел бы приобрести. — Цы ждал, что женщина станет возражать, однако Ирис молчала. — Я читал документы: все эти полотна прежде принадлежали твоему деду. И если бы ты их действительно ценила, то никогда не позволила бы, чтобы хоть одно из них покинуло твой дом. По крайней мере…

— По крайней мере? — всхлипнула Лазурный Ирис и повернулась к двери.

— Куда ты?

— Оставь меня в покое! — Она вгляделась туда, где, по ее мнению, помещались глаза Цы. — Порасспроси Кана! Он все еще держит у себя дюжину флакончиков «Нефритовой эссенции», которую раздобыл для меня. А что касается стихотворения Ли Бо, мой супруг подарил его именно Кану, так что спроси не меня, а его, как автограф небожителя попал к Нежному Дельфину. — Женщина теперь уже сама остановилась на пороге. — Ты же до сих пор ничего не знаешь! Я заходила к евнуху, чтобы забрать несколько фарфоровых статуэток. Да, Нежный Дельфин был моим другом. Вот почему Кан предупредил меня о его исчезновении и попросил забрать обратно принадлежавшие мне миниатюры… Если ты не веришь мне — спроси у него.

Оставшись один, Цы попробовал успокоиться. Он вытащил осколки терракотовой формы, уселся на пол и попробовал завершить наконец ее восстановление. Но массивные черепки никак не хотели складываться. Цы посмотрел на свои руки: они дрожали, словно у

испуганного ребенка. Одним ударом Цы развалил свое произведение и раскидал обломки по полу.

Из головы у него не шла Лазурный Ирис. Было невыносимо стыдно оттого, что он оказался безобразно груб с женщиной, так сладко любившей его этой ночью. Нельзя было позволять гневу взять верх. И все же он полагал, что обвинения его справедливы. Однако нюйши вовсе не выглядела виновной. Да, загнанная в угол — быть может, но виновная?.. Существовали доказательства, что на нее указывали, однако в деле, несомненно, было и немало пробелов.

Ну зачем, зачем Лазурному Ирису понадобилось убивать этих людей? Простой вопрос не давал Толкователю трупов покоя. Он задавал его себе раз за разом. Возможно, ответ таился в терракотовых обломках? Или только Кан знал ответ? Юноша несколько раз глубоко вздохнул и снова занялся литейной формой. Больше ошибаться он не имел права. С предельной аккуратностью он принялся склеивать обломки остатками липкою риса. И вот постепенно форма начала обретать очертания; юноша соединил две половинки, и у него получился блок в виде призмы длиною с локоть. Цы отодвинул лишние обломки, подумав, что те, вероятно, были частями рукояти, и осторожно перевязал составленную оболочку поясом от халата. Затем замешал в умывальном тазике гипс, принесенный со склада, и залил жидкую массу в отверстие формы. В ожидании, пока гипс затвердеет, Цы осторожно смыл белые остатки с поверхности таза. А потом разъединил две половинки.

Перед ним на полу лежала фигурка из гипса, своим видом напоминавшая ему скипетр монарха. Длиною она была пяди в две, окружность рукояти легко могла поместиться в ладони. Юноша не представлял, каким образом ее могли бы использовать, поэтому снова упрятал части формы подальше — в шкаф. Обломки длинной рукояти вместе с гипсовым скипетром ему удалось засунуть на стеллаж, под лежащий там кусок парчи. А затем Цы покинул Павильон кувшинок: необходимость подгоняла его. А еще Толкователю трупов хотелось глотнуть свежего воздуха.

Он рассеянно брел по кварталу знати. Цы привык изучать шрамы, искать отметины на теле и находить невидимые раны, однако он и понятия не имел, что противопоставить интригам и зависти, страстям и лжи, перед которыми его рациональный ум отчаянным образом

пасовал. Чем больше Толкователь трупов раздумывал, тем яснее убеждался, что Кан с самой первой встречи дергал его за ниточки. Если бы подозрения относительно Лазурного Ириса были справедливы, министр наказаний принялся бы действовать против нее с еще большей яростью, чем та, какую женщина питала к бывшему императору. То, что Кан сопровождал Лазурный Ирис в апартаменты евнуха, звучало вполне правдоподобно, а если у министра и впрямь имелся доступ к «Нефритовой эссенции», многое другое тоже обретало смысл. У министра возникал сильнейший мотив: это Лазурный Ирис оставила запах духов, а значит, ее можно обвинить. К тому же Лазурный Ирис никогда не скрывала ненависти к покойному императору, то есть возвести на нее любой поклеп было легче легкого. А если добавить, что Кан был последним видевшим в живых мастера бронзовых дел, что министр поддерживал странный контакт с цзиньским послом, да еще его неуверенное бормотание, когда он пытался все объяснить, — получалось, разгадку следовало искать именно здесь.

Теперь Цы корил себя за простодушие. И если бы он получил возможность выбора, то отверг бы дворец, это змеиное гнездо, и предпочел оставаться в академии.

Толкователь трупов раздумывал, что ему предпринять. Он не хотел отправляться к Кану: единственное, чего бы он добился, — это пожелания поостеречься. Быть может, советник сам был убийцей — или, по крайней мере, заказчиком. А возможно, он был тут вовсе ни при чем и просто желал воспользоваться смертями, не представлявшими для императора никакой угрозы, — воспользоваться, чтобы сплести свою паутину лжи и отомстить женщине, которая его отвергла и унизила. Так или иначе, каким-то образом он все еще был в доверии у императора. И Цы вспомнилось, что сам Нин-цзун предупреждал его о яростном нраве Кана.

Сам Нин-цзун.

Быть может, Толкователю трупов следовало побеседовать с императором. Вообще-то, ему и не представлялось иной возможности прояснить ситуацию, в которой сам он не мог разобраться, но зато запросто мог погибнуть.

Цы вооружился храбростью, вздохнул поглубже и отправился на поиски Бо. Ему требовалась помощь чиновника, если он рассчитывал

получить аудиенцию у Сына Неба.

* * *

Бо как раз умывался в своей комнате. Когда Цы объявил, что ему требуется немедленная встреча с императором, тот отказался помогать.

— Существует церемониал, которому все мы должны следовать, — объявил Бо. — И если мы откажемся его соблюдать, то мало нам не покажется.

Цы прекрасно знал о бесчисленных ритуалах, заполнявших каждый день императора, но знал он и другое: он уже не мог отступить. Поэтому Цы по секрету поведал чиновнику, что сумел раскрыть все преступления и именно поэтому не может поговорить с Каном, однако и ждать тоже больше не может.

— А если мы получим выволочку, я скажу, что это была моя идея.

— Меня назначили твоим сопровождающим именно для того, чтобы у тебя не возникало подобных идей, — возразил Бо, вытирая голову полотенцем.

— Вы что, забыли, что случилось на складе? Если вы мне не поможете, то завтра, возможно, уже некого будет и сопровождать.

Бо неприлично выругался. Сжав зубы, он долго смотрел на юношу. Наконец, после мучительных колебаний, чиновник решился переадресовать сложный вопрос своему непосредственному начальнику, тот передал своему, а этот, последний начальник, в свою очередь, — группе старцев, знатоков церемониала, которые онемели от изумления, узнав о претензиях юнца. На счастье Цы, самый престарелый из членов совета как будто почувствовал всю важность вопроса и, воспользовавшись паузой, которая выдалась в расписании дел императора, подал ему петицию. По истечении времени, показавшегося юноше бесконечным, старец вернулся. Лицо его было сухо, как камень.

— Его достопочтеннейшее величество примет тебя в тронном зале, — серьезно произнес старец. Он зажег ладанную палочку размером с ноготь и передал ее Цы. — Ты можешь говорить, пока она не потухнет. Но ни на вздох больше, — предупредил он.

Цы следовал за старейшиной в тронный зал, не замечая великолепия убранства. Он думал только о том, как не дать погаснуть крохотному огоньку, который уже начинал обжигать ему большой палец. Цы облизал пальцы и постарался увлажнить и саму палочку, чтобы продлить ее существование. Старец неожиданно отшатнулся в сторону, и Цы оказался лицом к лицу с императором.

Ослепленный желтым блеском одеяния Нин-цзуна, юноша чуть не выронил ладанную палочку, но тут старец стукнул Цы жезлом по спине — полагалось склониться.

Толкователь трупов опомнился и поклонился так, что поцеловал пол. У него почти не оставалось времени, а старец, как нарочно, долго и занудливо принялся объяснять причину появления Толкователя трупов в этом зале. Цы уже решился его перебить, но все-таки дождался разрешения молвить слово — и тогда торопливо заговорил обо всем, что успело случиться. Цы поделился с императором сомнениями относительно Кана, поведал о его лжи, о его яростных стараниях все свалить на Лазурный Ирис.

Император слушал все это в молчании, уставясь своим мертвенным взглядом, запоминая каждое слово. Его восковое лицо оставалось невозмутимым — никаких эмоций.

— Ты обвиняешь в бесчестии одного из вернейших моих людей, которому я доверяю всецело. Такое обвинение, окажись оно ложным, должно караться смертной казнью, — медленно цедил слова Нин-цзун. — И все-таки ты здесь, удерживаешь в пальцах остаток палочки, которая вот-вот погаснет… — В глубокой задумчивости Нин-цзун сдвинул ладони вместе и приложил их к губам.

— Так и есть, ваше величество. — Подушечки пальцев у Цы уже горели.

— Если я повелю привести сюда Кана и министр наказаний сумеет опровергнуть все твои наветы, мне придется тебя казнить. Если же, напротив, ты все обдумаешь и возьмешь свои обвинения назад, я могу проявить великодушие и позабыть о твоей дерзости. Итак, подумай хорошенько и отвечай: готов ли ты упорствовать в своем доносе?

Цы глубоко вздохнул. Огонек в его пальцах замерцал и поблек.

Ни о чем больше не раздумывая, он произнес одно только слово: «Да».

Офицер, вызванный, чтобы препроводить министра наказаний в тронный зал, вбежал так, будто только что увидел самого Яньло-вана, владыку ада. Лицо его было в поту, глаза вылезли из орбит. Задыхаясь, он повалился в ноги императору; тот в недоумении отстранился. Стражники оттащили офицера и заставили подняться. Тот бормотал что-то неразборчивое. В расширенных его зрачках отражался страх.

— Он умер, ваше величество! Кан удавился в собственных покоях.

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ

32

Услышав трагическую новость, Нин-цзун тотчас же распорядился отменить все протокольные мероприятия и вызвал ко двору императорских судей. Как только они явились, император направился в покои Кана в сопровождении свиты сановников, число которых могло соперничать разве что с количеством вооруженных охранников. С согласия императора, Цы тоже пошел вместе со всеми. Ступив на порог комнаты Кана, Толкователь трупов — как и все прочие — замер от ужаса. Перед ними, точно мешок, болталось грузное обнаженное тело Кана. Опухшим лицом он напоминал жирную жабу; сходство усугубляла его вялая плоть под бледной венозной кожей. Неподалеку от министра стоял огромный сундук, который, вероятно, использовали в качестве подставки. Нин-цзун тотчас же распорядился снять труп, однако судьи настаивали на предварительном осмотре. Цы получил дозволение находиться рядом с ними, поодаль. Пока судьи обсуждали внешний вид покойника, Толкователь трупов успел разглядеть в лучах света тонкий слой пыли на плиточном полу. Затем он осмотрел расположение мебели и наскоро зарисовал его в тетрадочке, которую всегда носил с собой. Когда юноше — последнему из экспертов — позволили осмотреть труп, Цы дрожал так, как будто имел дело с мертвым телом в первый раз.

Осмотр он начал с головы Кана, нелепо вывернутой влево. Единственный глаз министра был прикрыт, губы и полуоткрытый рот почернели, зубы впились в язык. Лицо повешенного посинело, в складках губ и на груди виднелись остатки пенистой слюны. Пальцы на ногах были чрезмерно загнуты вниз. Нижняя часть живота сделалась иссиня-черной. На ногах, толстых, словно трубы, под кожей были различимы маленькие пятнышки крови, какие бывают при лечении посредством прижиганий. На полу, под ногами, виднелись следы мочи и экскрементов.

Толкователь трупов попросил дозволения забраться на сундук. Как только дозволение было получено, Цы вспрыгнул на крышку и убедился, что веревка, толщиной в мизинец, сделана из переплетенных нитей конопли. Столь тонкая веревка, естественно, буквально впилась в горло под кадыком. На затылке Толкователь трупов заметил

скользящий узел — определенно, не мертвый. Веревка опоясывала заднюю часть головы, оставив глубокий грязный шрам черного цвета, от уха до уха чуть ниже линии, где начинали расти волосы. К удивлению всех судей, юноша затребовал еще и стул и поставил его на сундук. Потом влез на этот стул и осмотрел балку, к которой была привязана веревка, с одинаковым интересом изучив и узел, и бревно. Спустившись, Цы безуспешно попытался сдвинуть сундук с места и на этом окончил свой осмотр.

Нин-цзун сразу же приказал снять тело Кана и повелел министру ритуалов начать подготовку к похоронам.

Двое караульных приподняли тяжелое тело, третий в это время освобождал веревку. Затем они опустили труп на пол, и Цы воспользовался этим моментом, чтобы проверить, порвана ли трахея. Судьи заглядывали ему через плечо, но не мешали. Пока Цы осматривал Кана, Бо обнаружил записку, оставленную на столике, рядом с аккуратно сложенной одеждой министра. Проглядев записку, он передал ее Нин-цзуну.

Император, почти беззвучно шевеля губами, торопливо прочел текст. И чем дальше он читал, тем сильнее у него дрожали руки; под конец он и вовсе не в силах был с ними совладать. Пальцы его вцепились в бумагу, комкая ее, будто она годилась лишь для мусорной корзины. Потом, все же вернув записку седому чиновнику, император опустил голову; печаль на его лице стремительно сменилась такой яростью, что присутствующим оставалось лишь отводить взгляды. Неожиданно для всех Нин-цзун отменил свой приказ — и распорядился, чтобы никто не выказывал никакой печали. Не будет официальных похорон, телом займется исключительно прислуга, Кан будет погребен на обычном кладбище без каких-либо почестей.

По комнате пронеслось изумленное бормотание, а Цы просто остолбенел. Пока вся свита топталась у дверей на выходе, Бо показал записку Цы. В ней, собственноручно написанной Каном, министр признавался во всех убийствах: он совершил их с единственной целью — оговорить Лазурный Ирис. Ноги у Цы подогнулись.

Толкователь трупов потерянно сидел на полу, не в силах поверить прочитанному. Министр наказаний признавал себя виновным в каждом из убийств. Все кончилось. Расследовать больше было нечего. Пустота. Наконец Бо помог ему подняться; только тогда к Толкователю

трупов медленно стал возвращаться рассудок. Поднявшись на ноги, Цы первым делом вернул записку Кана седому чиновнику, и тот заверил юношу, что и почерк, и подпись — несомненно, самого министра наказаний. Цы кивнул в ответ. Он распростился с Бо и, шатаясь, вышел из дворца в сторону садов.

Он шел, ничему не веря и пытаясь понять, как ему теперь быть. В императорском дворце ему делать больше нечего. Притом что Кан был виновен и сам себя обвинил, — теперь Цы мог напомнить императору об обещанной ему должности и начать выгодную карьеру судьи. Мин выйдет на свободу, с Лазурного Ириса будут сняты все обвинения, Фэн защитит его от любых нападок со стороны Серой Хитрости, и все его мечты исполнятся. Вот только во время прогулки под ивами сердце юноши колотилось от страха: хотя до исполнения всех его желаний было рукой подать, Цы знал, что это всего лишь несбыточный сон. Он знал это потому, что был уверен: гибель Кана — вовсе не самоубийство, а еще одно преступление.

* * *

Цы шел в Павильон кувшинок забрать свои вещи. Он принял решение. Как только все уладится с освобождением Мина, Цы уйдет из дворца и навсегда позабудет об этом распроклятом деле. Юношу не волновало, что еще может приключиться с императором. Его заставили взяться за это расследование, его запугивали, мучили и шантажировали, его пытались убить, а Мина бросили в застенок… Чего еще можно от него требовать? Вот они получили искомого виновника, и тот сполна расплатился за свои козни. А если кто-то должен докапываться до истины — так пусть это будет один из тех престарелых судей, что заглядывали Толкователю трупов через плечо. Или — Серая Хитрость, когда вернется из путешествия. И если седой что-то выяснил в Фуцзяни, то ему придется искать своего напарника где-нибудь на краю света, потому что Цы уходит из Линьаня.

Вдалеке он различил фигурку Лазурного Ириса. Теперь уже никогда не узнать, виновна она или нет. Цы хотелось, чтобы — нет, и он горестно усмехнулся. Вообще-то, ему было все равно. Он совершил большую глупость, влюбившись в женщину, которая заранее была для

него под запретом, и хуже того: Цы обманул доверие единственного человека, который вел себя с ним, как родной отец. И он проклял ночь, когда они с Ирис были близки. Воспоминания о ее поцелуях ничего уже не значили.

Цы подходил медленно, избегая взгляда Лазурного Ириса, — хотя он и знал, что взгляд этот пуст.

Юноша поднялся по маленькой лесенке при входе и вошел в павильон, не поздоровавшись с хозяйкой. Нюйши своими слепыми глазами провожала звук его шагов, словно каким-то образом знала, чьи это шаги. Цы принялся собирать вещи. Он уже сложил всю одежду, когда вдруг вспомнил про обломки спрятанной литейной формы и тотчас понял, что если ему нужно позабыть о расследовании, то лучше всего их уничтожить. Толкователь трупов достал гипсовый скипетр, спрятанный на полке, и положил его на постель. Потом нагнулся за остатками формы, которые спрятал в шкаф, но, к своему изумлению, ничего не обнаружил. Он проверил себя, вывалив на пол все содержимое шкафа, но только впустую потратил время. Ничего не было. Кто-то выкрал обломки. И тогда Цы сделалось по-настоящему страшно. Юноша осознавал, что раскрыть это дело было бы вовсе не просто; так или иначе, он намеревался следовать своему плану. Быть может, исчезновение формы было лучшим из того, что с ним случилось за последнее время. Коль скоро попытка его убить была вызвана этими кусками терракоты, то лучше бы его оставили наконец в покое — и это вполне могло случиться, если преступник уже заполучил их в свои руки.

Уложив вещи, он принялся рассматривать странный гипсовый цилиндр. Повертел в руках, изучая со всех сторон. Внешний вид его напоминал о сложной выработке с цветочными мотивами. А что касалось его внутренней конструкции, Толкователь трупов предположил, что она связана с цилиндрическим стержнем, который он так и не отыскал.

Цы замотал головой. Юноша не понимал, зачем ему теперь раздумывать о форме скипетра и о загадочной роли, которую он мог сыграть в этой истории. Он поднял этот кусок гипса, чтобы разбить его вдребезги, но вдруг остановился. Осторожно опустил руку и положил скипетр поверх одежды. Если уж его форма столь необычна, следует сохранить эту вещицу, о существовании которой, надо полагать, никто

и не знал. Если Цы ее где-нибудь припрячет, она не только не принесет вреда, но когда-нибудь сможет оказаться и важной уликой.

Дело оставалось за малым: куда бы этот скипетр спрятать. Нужно какое-то место в доме, где он всегда будет под рукой, но где непосвященному его очень трудно будет найти.

Размышляя, как решить одновременно эти две непосильные задачи, юноша потер грудь и вдруг наткнулся на ключик, висевший у него на шее. Цы совсем про него забыл! Ключ, который Мин, опасаясь худшего, передал своему ученику, чтобы тот распорядился его заветными вещами. Теперь юноша вспомнил: предметы эти спрятаны в кабинете Мина, в секретной каморке. Вот куда Толкователь трупов решил отнести скипетр. Он спрятал гипсовую модель среди одежды, уложил вещи и покинул свое временное пристанище. В Большом зале возле дверей стояла Лазурный Ирис; тюлевое платье прельстительным тонким туманом окутывало ее фигуру, сводившую Цы с ума. Но он смотрел только на ее лицо. Заметив повлажневшие веки красавицы, Цы почувствовал укол боли в сердце. Проходя мимо, он готовился объяснить причины своего ухода — но не решился, лишь пристыженно пробормотал «прощай». А потом опустил голову и побрел от павильона в сторону академии. Юноша рассчитывал, что караульные не пустят его, и потому попросил Бо составить ему компанию. Чиновник поначалу наотрез отказался, но Цы сумел найти нужные слова: он объяснил напарнику, что если его работа во дворце и подошла к концу, то за внешней стеной об этом могут и не знать. А еще Цы добавил, что ему хочется подарить учителю Мину некую книгу, что хранится в академии, и если он отправится в одиночку, то по возвращении у него возникнут трудности. В конце концов Бо сдался. Они миновали ворота и вместе направились к зданию академии.

В академии Цы первым делом справился о Цуе, слуге Мина. Садовник, тотчас узнавший обоих вошедших, ненадолго отлучился, а потом вернулся в сопровождении мужчины среднего возраста, который долго вглядывался в незнакомцев из-под своих кустистых бровей. Но когда Цы предъявил ему ключ, недоверие на лице Цуя сменилось искренним беспокойством.

— А что же сам учитель?..

Цы покачал головой. Он признался слуге, что Мин все еще слаб, но скоро силы к нему вернутся, и что учитель поручил ему взять одну

книгу из его библиотеки, дабы читать ему вслух до полного его выздоровления. Слуга кивнул и предложил свою помощь, он проводил Цы по указанному пути. Бо тем временем дожидался в саду.

Едва оказавшись в кабинете, Цуй подбежал к стеллажам и вытащил оттуда несколько книг в переплетах, потом показал одну в футляре из черного дерева, закрытом на защелку. Цы все ожидал, что прислужник уйдет, однако это явно не входило в его намерения.

Юноша сжал зубы. Такая неожиданная ситуация, заставлявшая его пересмотреть все свои планы, побуждала действовать стремительно, чтобы Цуй ничего не заподозрил. Толкователь трупов просунул ключ в засов и открыл дверцу, которая вела в крохотное помещение, заполненное до последнего уголка. Цы мысленно выругался: в эту клетушку никак не влезет предмет, который он собирался здесь спрятать. Он попытался хотя бы выиграть время, разглядывая роскошные переплеты из тайника, и тут заметил нечто, завладевшее его вниманием всецело. То была современная рукопись под названием «Инмин цзи» — «Записки о выявлении истины»; судя по почерку, она была написана самим академиком. Цы вытащил томик из тайника, резонно рассудив, что учитель вполне мог просить именно об этой книге. Но как переложить на ее место скипетр на глазах у Цуя?

— Что вы делаете? — изумился слуга.

Цы передал ему скипетр, а еще связку монет.

— Я жизненно нуждаюсь в вашей помощи. Пожалуйста, сделайте это ради Мина.

* * *

После смерти Кана Цы вернулся во дворец с единственной целью — добиться освобождения академика. Бо пошел вместе с ним, чтобы помочь Толкователю трупов справиться с трудностями, однако до обслуживающих Мина санитаров новости о гибели Кана еще не дошли, и все усилия спасателей пропали втуне. Оставшись с Мином наедине, Цы попытался его утешить. Состояние ног академика заметно улучшилось, щеки снова порозовели, так что Мин рассчитывал вскоре снова начать ходить — а там и вновь приступить к своим обязанностям. В ожидании выздоровления старику было все равно —

возвращаться в академию или оставаться в этих «гостеприимных» апартаментах. Мин слабо улыбнулся в ответ на ободряющие слова ученика. Но когда Цы поведал учителю о самоубийстве Кана, лицо больного снова побледнело. В голосе Цы ему послышалось что-то такое, от чего академик насторожился.

— Что ты от меня скрываешь? — прямо спросил он.

Цы покосился на стражников. Похоже, они прислушивались к разговору. И юноша отрицательно покачал, головой.

— Ты уверен? — настаивал Мин.

Цы прибег к искуснейшей лжи; Мин успокоился. А вот самому Цы сделалось лишь хуже. Юноша ненавидел ложь, однако в последнее время он, кажется, превратился в злостнейшего из лгунов. Он врал Лазурному Ирису, врал судье Фэну, а теперь вот наврал еще и Мину. На прощание Цы пообещал учителю, что его вскоре вернут в академию. Вот только умолчал, чтобы еще больше не тревожить старца, о том, что взял книгу из его тайника.

Покинув Мина, Цы замотал головой. В такие минуты он не то что не был доволен собой — нет, он себя презирал. Куда бы он ни взглянул, перед ним вставал отец, и все, что Цы виделось в нем неприглядным, теперь относилось к нему самому. Отец оказался обманщиком, а теперь Цы сам обманывал налево и направо. Он превратился в существо без совести, способное ради достижения своих целей отвернуться от правды и с ясными глазами смотреть в другую сторону, не спрашивая, кто виновен, а кто прав. Пропали без толку мудрые уроки Фэна и честные наставления Мина. Юноша подумал о своей погибшей сестренке. Нет, она не могла бы им гордиться.

Призрак девочки вогнал его в тоску. Цы уселся прямо на землю, спрашивая себя, за каким дьяволом ему все это нужно, чего он добивается и в кого желает превратиться. Рассудок требовал позабыть обо всех этих душевных метаниях и воспользоваться шансом, который наверняка больше не представится, но что-то иное, необъяснимое, грызло ему сердце. То была медленная агония, которая, как он понимал, не даст ему покоя, пока он жив.

Цы со злостью пнул придорожный камень. Он даже не знал, сумеет ли позабыть о Лазурном Ирисе. Он все еще помнил тепло ее кожи и печаль ее взгляда. Да, он тосковал по ней. И вдруг словно

молния полыхнула у него внутри: да как же он смел не попрощаться с этой женщиной по-человечески?.. Не раздумывая, Цы вскочил и торопливо зашагал к Павильону кувшинок; он даже не пытался понять, что им движет: влечение плоти или же последние остатки достоинства.

Юноша уже подходил к павильону, когда заметил поодаль судью Фэна. Приглядевшись внимательней, Цы понял, что судья руководит разгрузкой своего экипажа, а кругом суетятся с полдюжины слуг, нагруженных тюками и сумками. Завидев ученика, Фэн оставил свое занятие и, улыбаясь, пошел ему навстречу.

— Цы, ты здесь? Ирис мне сказала, ты нас покинул, но я постарался ее убедить, что такого быть не может. — И он горячо, вовсе не церемониальным движением, обнял юношу.

Цы никогда еще не доводилось обнимать человека, которого он предал. Слабые старческие руки ласково хлопали по его спине, а его тошнило от самого себя.

— Вы вернулись раньше намеченного, — ответил Цы, низко опустив голову. Он боялся, что Фэн по румянцу на щеках догадается о его постыдном поступке.

— Мне удалось быстро собрать новый караван. Ну пойдем же! Помоги мне донести все эти подарки. Что я тебе говорил, Ирис! — весело крикнул Фэн в сторону входа. — Цы вернулся!

Поворотившись с сумой на плече, Цы смотрел на нюйши, которая безмолвно возникла в дверном проеме. Юноша робко поздоровался, но она все так же молча ушла в дом.

За обедом Фэн интересовался всем, что произошло в его отсутствие. Судья подметил, что его супруга чем-то озабочена, и поинтересовался причиной, но женщина отнесла свое дурное настроение на счет плохого самочувствия и подложила всем еще по кусочку цыпленка в карамельном соусе. Потом Фэн спросил о событии, о котором судачил уже весь город.

— И что это ему в голову влезло? — изумлялся Фэн. — Я всегда говорил, что в Кане кроется нечто темное, но никогда не предполагал, что он способен на такое. Чем ты теперь займешься, Цы? Ты ведь работал на него…

— Думаю вернуться в академию.

— И каждый день питаться пересушенным рисом? Даже и не мечтай! Ты останешься здесь, с нами. Верно, Ирис?

Женщина ничего не ответила. Она повелела слугам убрать пустые тарелки и попросила прощения за внезапный приступ головной боли. Когда Лазурный Ирис поднялась, чтобы выйти из-за стола, Фэн хотел сопровождать супругу, однако женщина отказалась от помощи и в одиночестве удалилась к себе.

— Тебе придется ее извинить, — улыбнулся судья, усаживаясь на прежнее место. — Женщины временами ведут себя слишком странно. Что ж, ладно… У тебя еще будет время познакомиться с нею поближе.

Цы не смог проглотить кусок, что был у него во рту. Он выплюнул непрожеванное мясо в мисочку и поспешно встал из-за стола.

— Простите, я тоже неважно себя чувствую, — произнес юноша. — Устал.

* * *

Цы долго сидел взаперти в своей комнате; он опять был на распутье. Он пытался рассуждать здраво, но какие тут могли быть рассуждения, когда его душила ненависть к себе; ведь снаружи поджидал Фэн, сам предлагающий ему свой кров — ему, подлому волку в овечьей шкуре. Цы проклинал себя, повторяя, что Фэн такого отношения к себе не заслуживает. Может, следовало открыться перед судьей? Но ведь виноват окажется не только он сам; изменницей сразу окажется и Лазурный Ирис, а это и на самого Фэна навсегда ляжет бесчестьем. Цы был связан по рукам и ногам и с ужасом понимал, что, как бы он ни поступил, — все равно нанесет этому семейству непоправимый вред. А хуже всего была уверенность, что он этот вред уже нанес.

Солнце медленно тонуло за горизонтом; так же тонули во мраке и последние надежды Цы.

С покрасневшими глазами он поднялся с постели и вышел из своей комнаты, все же решившись переговорить с Фэном. Да, ему не описать судье того, что случилось между ним и его столь любимой женой; однако остальное он мог пересказать во всех подробностях. Судью он разыскал за чашкой чая в библиотеке, просторном зале с

окнами, полными света. Фэн отдыхал; отдыхали и его аккуратно расставленные книги — воплощенная мудрость. Легкий ветерок наполнял комнату ароматом жасмина. Увидев Цы, Фэн улыбнулся и предложил гостю присесть.

— Тебе уже лучше? — спросил Фэн.

Цы вовсе не стало лучше, однако он принял чашку горячего чаю, которую Фэн предложил ему с обычной своей любезностью. Цы не знал, с чего начать. И потому начал просто: объявил, что Кан взял его на службу, единственно с тем, чтобы Цы шпионил за Лазурным Ирисом.

— За моей супругой? — Чашечка чая дрогнула в руках судьи.

Цы подтвердил, но добавил, что, соглашаясь присматривать за хозяйкой дома, он знать не знал, кто ее муж. А когда узнал, сразу отказался — но Кан шантажировал его, поставив под угрозу жизнь академика Мина.

Губы Фэна задрожали. Поначалу лицо его было исполнено недоумения, но стоило ему услышать, что подоплекой задания было подозрение Лазурного Ириса в причастности к серии ужасных убийств, оно побагровело от негодования.

— Ах, проклятый выродок! Да если бы он не покончил с собой, я сам бы расправился с ним вот этими руками! — воскликнул он, поднимаясь из-за стола.

Цы прикусил губу. Потом посмотрел Фэну прямо в глаза:

— Возможно, вы были бы и правы. Да только Кан не покончил с собой.

На лице Фэна снова отобразилось крайнее изумление. Судья вполне поверил дворцовым слухам о предсмертной записке, в которой министр наказаний сознавался в своей виновности. Цы подтвердил: записка и впрямь существовала, он ее читал, и, если верить Бо, она и впрямь была написана министром наказаний.

— Тогда на что же ты намекаешь?

Цы попросил учителя сесть. Наступил момент открыть ему всю правду, а потом вместе отправиться к императору. Толкователь трупов принялся рассказывать Фэну обо всем, что выяснил во время осмотра.

— Веревка из конопли. Тонкая, но крепкая. На таких свиней подвешивают…

— То, что и нужно, — пробормотал судья.

— Вот именно. Вечером я говорил с Каном, и, заверяю вас, его поведение никак не выдавало человека, настроенного на самоубийство. У Кана были далеко идущие планы.

— Люди склонны менять свои намерения. Быть может, ночью им овладело раскаяние. Или тоска… Он повесился, и довольно споро.

— И в сумерках отправился искать такую вот веревку? Да если бы и впрямь действовал импульсивно, то схватил бы первое, что подвернулось под руку. В его комнате находились шнурки для штор, перевязки для халатов, широкие шелковые платки, простыни, которые можно было скрутить, просто пояса… Но, по-видимому, в момент внезапного отчаяния все, что пришло Кану в голову, — это отправиться на поиски веревки.

— Ну да, или потребовать, чтобы ее принесли. Я не понимаю твоей подозрительности. К тому же есть записка, которую ты читал своими глазами. И в ней говорится о самоубийстве.

— Не совсем так. В записке Кан признает, что виновен, но ни разу не упоминает о желании покончить с жизнью.

— Не знаю… Все это как-то неубедительно. Ты не можешь явиться к императору с одними только предположениями.

— Это можно бы назвать и предположением, если бы не другие обстоятельства из тех, что очевидней некуда, — возразил юноша. — Во-первых, одежда Кана, аккуратнейшим образом сложенная и лежавшая на столике.

— Это ничего не доказывает, — покачал головой Фэн. — Тебе не хуже меня известно, что очень многие самоубийцы раздеваются перед повешением. И если одежда аккуратно сложена, это свидетельствует лишь о крайнем их прилежании, с которым они делают все свои последние дела.

— Действительно, Кан был человек аккуратный, приверженец порядка. Вот почему мне и кажется странным, что одежда, сложенная на столике, была свернута совсем иначе, нежели вся остальная, что я видел в его гардеробе.

— Понимаю: ты хочешь сказать, что это не Кан ее складывал.

Цы молча поклонился.

— Остроумно, да только это ошибка новичка. — Фэн, словно всего лишь принимал экзамен, вновь покачал головой. — Если бы речь шла о какой-нибудь бедной семье, твой вывод был бы верен, однако

уверяю, что во дворце никто сам не складывает свою одежду — это дело слуг. Твое наблюдение доказывает только, что Кан сложил одежду не так, как это делает его прислуга.

Цы был поражен. Он почувствовал себя тупицей; оставалось радоваться лишь тому, что поправил его не кто-нибудь, а давний его учитель. Но он вовсе не был обескуражен. Нестыковка с одеждой была из самых незначительных, оставались еще два важных соображения.

— Прошу простить за высокомерие. Я не утверждаю, что прав во всем… — Рассыпавшись в извинениях, Цы продолжил свою мысль: — Но тогда ответьте мне: при чем здесь сундук?

— Сундук? Не понимаю.

— В качестве подставки Кан использовал сундук. Как представляется, он подтащил его под центральную балку, взобрался на крышку и спрыгнул вниз.

— И что же здесь необычного?

— Самая малость. — Цы выдержал паузу. — Этот сундук доверху набит книгами. Я попробовал сдвинуть его с места, но не смог. Для этого потребовалась помощь другого мужчины.

Фэн наморщил лоб:

— Да точно ли он столько весил?

— Намного больше Кана. Зачем было волочить такую тяжесть, когда в комнате полно стульев?

— Не знаю. Кан был человек очень массивный. Может, он побоялся, что сиденье окажется слишком хрупким для его веса?

— Не боялся повеситься, но боялся упасть со стула?

Фэн насупился.

— Как бы то ни было, и это еще не все, — продолжал Цы. — Вернемся к веревке, на которой был повешен министр. Она новая. Конопля была нетронутой, будто веревку только что свили. Однако был сношенный участок — как раз за петлей, перехлестнутой через балку.

— Ты имеешь в виду свободный конец?

— Именно, дальше узла. Потертость длиной примерно в два локтя. И, как ни странно, то же расстояние отделяло пятки погибшего от пола.

— Не понимаю, к чему ты клонишь.

— Если бы он повесился сам, то вначале привязал бы веревку к балке, затем просунул голову в скользящую петлю и в конце концов спрыгнул бы с сундука.

— Да, так все и должно было происходить.

— Но в таком случае на конце не было бы никаких потертостей, а нам известно, что случилось иначе. — Цы поднялся и живо принялся показывать, как все происходило. — По-моему, перед повешением Кан был уже без сознания. Возможно, его чем-то опоили. Два человека, а то и больше, взгромоздили его на сундук. Затем просунули голову Кана в петлю, перекинули конец веревки через балку и потянули, чтобы подвесить тело. Когда веревка терлась о балку, на ней уже висел тяжелый Кан, поэтому повреждения оказались столь заметны. Причем длина поврежденного участка ровно такая, на сколько Кана подняли над полом.

— Очень интересно, — заключил Фэн так увлеченно, будто они с учеником решали чисто умозрительную задачу. — А с чего ты взял, что перед повешением Кан находился без сознания?

— Из-за одного убедительного обстоятельства: его трахея не порвалась. А это немыслимо для мужчины с таким весом и с узлом под кадыком, если он падает со значительной высоты.

— Кан мог не спрыгнуть, а медленно сползти.

— Ну, может быть… Однако если мы согласимся, что речь идет об убийстве, Кан — будь он в сознании — оказал бы сопротивление. Однако на теле покойного нет никаких царапин, синяков или иных следов борьбы. Это наводит на мысль об отравлении, однако, несомненно, сердце Кана билось в момент повешения. Живая реакция кожи на шее, прокушенный язык, почернение губ суть неопровержимые доказательства. Остается лишь одна возможность: министра напичкали дурманом.

— Не обязательно так. Его могли и заставить силой…

— Сомневаюсь. Как бы ни страшна была угроза, когда веревка сдавила ему шею и тело провисло, он должен был бы — пусть инстинктивно — начать биться за освобождение.

— Возможно, у него руки были связаны.

— Я не нашел следов на запястьях. Зато я обнаружил приметы, явно подтверждающие мои предположения. — Цы подхватил с полки пыльный томик, повернул его корешком вверх и перехлестнул его

шнурком. — Смотрите! — Юноша с силой дернул за шнурок. И показал корешок Фэну. — След от шнурка на пыли тонкий и отчетливый. А теперь посмотрите на это. — Цы потянул шнурок по корешку, подергивая его в стороны. Примечаете разницу? — Цы указал на размытый широкий след. — Так вот, когда я поднялся к балке с привязанной к ней веревкой, я увидел на пыли отпечаток, идентичный первому. Чистый, без всяких следов раскачивания.

— Все это поистине удивительно! Но почему ты не рассказал обо всем императору? — спросил Фэн.

— У меня не было полной уверенности, — соврал Цы. — Я хотел вначале переговорить обо всем с вами.

— Ну, насколько я понимаю, места для сомнений нет. Единственная странность здесь — это записка с самообвинением.

— Напротив, учитель. Все складывается. Кан принимает у себя двух мужчин, которых он знает, которым доверяет. Внезапно они начинают ему угрожать, чтобы министр сознался в совершении всех убийств. Кан, испугавшись за свою жизнь, повинуется и пишет свою записку. Однако в ней он не упоминает о самоубийстве — поскольку злоумышленники не хотят, чтобы Кан чересчур всполошился и ответил на насилие насилием. Как только признание подписано, министру, якобы заботясь о том, чтобы он успокоился, предлагают выпить стакан воды. Воды с каким-то дурманом — чтобы не было шума и сопротивления. Когда Кан теряет сознание, его раздевают, подтаскивают к центру комнаты тяжелый сундук и завязывают на потолочной балке узел из новой веревки — убийцы позаботились, чтобы она была достаточно тонкой, такую легче прятать под одеждой. Затем бесчувственное тело Кана волокут к сундуку, сажают на крышку и просовывают его голову в петлю. Вдвоем поднимают тело и вешают, все еще живого — чтобы тело его вело себя как при подлинном самоубийстве. Затем аккуратно складывают его одежду и уходят.

Фэн смотрел на Цы, раскрыв рот; он и не думал, что со временем его бывший ученик превратится в следователя, которому нет равных.

— Мы срочно должны доложить обо всем императору!

Цы не разделял энтузиазма учителя. Он заметил, что его открытия могут снова навлечь подозрения на Лазурный Ирис.

— Вспомните то дело с окровавленным серпом и мухами! — Голос юноши дрогнул. — Я помог обнаружить преступника, но при

этом лишился брата.

— Клянусь всеми бессмертными, Цы! Забудь ты о том деле. Твой брат ведь сам признал свою вину в убийстве односельчанина. Ты сделал то, что и должен был сделать. К тому же это я нашел серп, а не ты, так что перестань казнить себя. А что касается моей жены — можешь не волноваться. Я, можно сказать, накоротке с императором и сумею его убедить. — Фэн поднялся из-за стола. — Кстати сказать, совсем из головы вылетело: сегодня утром я видел во дворце нового судью, который так тебя тревожил… Как там его — Серая Хитрость, кажется?

Цы задрожал всем телом. В суматохе последних событий он совсем позабыл о своем сопернике.

— И снова не волнуйся, — успокоил его Фэн. — Сегодня уже поздно, но завтра, с утра пораньше, мы будем говорить с императором. Расскажем о твоих открытиях и проясним твою ситуацию. Уж не знаю, что там выяснил Серая Хитрость, но заверяю тебя: у него не будет ни малейшей возможности возвыситься за твой счет.

Цы поблагодарил судью. И все-таки идея сопровождать его к императору юношу не вдохновляла.

— Прошу на меня не обижаться, но разговор непременно коснется Лазурного Ириса. А это дела личные, при которых я не должен присутствовать, — оправдывался Цы.

Фэн принял правоту юноши. Однако он запретил ему и думать о переезде.

— Я не могу позволить тебе вернуться в академию, — негодовал Фэн. — Ты будешь жить с нами в Павильоне кувшинок, пока с тебя не будут сняты все подозрения.

И Цы не смог отказать учителю.

За легким ужином разговор шел о пустяках, что никак не могло унять тревогу Цы. Несмотря на все усилия, ему не удавалось справиться с волнением и с угрызениями совести при виде Лазурного Ириса и оживленного, дружелюбного, ни о чем не подозревающего Фэна. Машинально пережевывая пищу, он гадал, кто мог убить Кана. Толкователь трупов подумал и о нюйши; стал бы судья Фэн так слепо ее защищать, если бы знал обо всем коварстве ее натуры.

Прежде чем лечь спать, Цы полистал «Инмин цзи» — рукопись о судебных процессах, которую взял из библиотеки Мина. В ней были собраны самые запутанные дела, разбиравшиеся за последнюю сотню лет. Все это очень интересовало юношу, однако глаза его уже не различали иероглифов. Цы отложил книгу и лег в постель. Но сон не приходил. Цы думал о Лазурном Ирисе.

Они увиделись уже утром: женщина вновь вошла в его комнату без стука. Положив к изножью постели штаны и куртку, она молча дождалась, пока юноша не проснется. Цы удивился, зачем она принесла с собой одежду, но хозяйка упредила его вопрос:

— Тебе ведь нужна чистая смена одежды?

Цы смолчал. Эта женщина так манила его к себе, что он боялся соприкоснуться с ней даже словами. Но, видя, что Лазурный Ирис не собирается уходить, юноша был принужден ответить:

— Что тебе нужно?

— Твоя грязная одежда. Прачка дожидается.

Цы отдал свои вещи; женщина сказала, что будет ждать его в столовой.

Когда юноша вышел к завтраку, прислуга уже успела наполнить стол плошками с дымящимся рисом, булочками с зеленью, салатом из кислой капусты… Цы удивился, не увидев Фэна, однако Лазурный Ирис объяснила, что судья встал пораньше и отправился во дворец. Цы понимал, зачем он туда пошел. Юноша выпил только чашку чая. Утренний свет резал ему глаза. Цы украдкой взглянул на Лазурный Ирис. Пора было уходить.

Цы решил навестить Мина. Попрощавшись с женой судьи, он направился в тюремную больницу, но на полпути его остановили несколько солдат. Цы спросил, в чем дело, но один из них ударил юношу по лицу. Потекла кровь. В следующее мгновение все остальные тоже набросились на Цы и исколотили его до полусмерти. Утомившись от побоев, они связали Толкователя трупов по рукам и ногам и куда-то поволокли. Последний палочный удар лишил юношу сознания, поэтому он не услышал, как страж порядка объявляет, что Цы арестован за подготовку покушения на императора.

33

Цы очнулся в сумеречном подвале, в окружении десятков узников, заросших грязью. Юноша плохо соображал, что происходит, но понял: один из этих людей роется в его одежде с таким видом, как будто нашел сокровища. Цы сбросил оборванца с себя, как таракана, и попробовал приподняться. Что-то липкое мешало ему как следует открыть глаза. Когда Цы провел рукой по волосам, ладонь его сделалась красной. Оборванец, пытавшийся обокрасть юношу, неожиданно снова накинулся на Цы, но невесть откуда взявшийся стражник поднял его за ворот и отшвырнул прочь. Через секунду он ухватил Цы за грудки и отвесил ему такой удар, что несчастный снова повалился на пол.

— Подымайся! — приказал стражник.

Рядом с ним возник другой исполин, истинный страж порядка: дубинка в руке, ненависть на лице.

— Тебе сказано, подымайся! — рявкнул верзила и обрушил на лежащего свою дубинку.

Цы повиновался безропотно — не из-за боли, которой не чувствовал, но потому, что не понимал происходящего. Чтобы не упасть, он оперся о стену, недоумевая, почему его посадили в тюрьму и почему все так и норовят его избить. Он хотел спросить об этом, но, едва он открыл рот, исполин ткнул ему в живот концом дубинки. Цы согнулся пополам, хватая ртом воздух.

— А говорить будешь, когда тебя спросят! — прибавил его мучитель.

Цы смотрел на него сквозь кровавую пелену. Он почти не мог дышать. Но все еще ждал, что ему объяснят, почему с ним обращаются, как с собакой.

— Говори, кто тебе помогал?

— В чем помогал? — Рот Цы был полон крови.

Новый удар пришелся прямо в лицо, по скуле. У Цы подогнулись колени. Следующий удар снова сбил его с ног.

— Выбор за тобой: ты можешь все рассказать сейчас и сохранить зубы в целости — или подождать, пока мы их повыбиваем, а потом питаться кашкой до самой казни.

— Я не знаю, о чем вы говорите! Спросите у Кана — ведь я работаю на него! — в затмении отвечал Толкователь трупов.

— На мертвеца, значит, работаешь? — От мощного пинка кровь хлестнула изо рта Цы фонтаном, и, погружаясь в темноту, он успел лишь услышать: — Сам у него спросишь, когда доберешься до преисподней!

* * *

Когда Цы снова пришел в себя, то почувствовал, что кто-то осторожно отирает кровь с его головы. Проморгавшись, Толкователь трупов узнал седого Бо.

— Что… Что со мной творится? — прошептал юноша.

Вместо ответа Бо оттащил беспомощного узника к дальней стене камеры, подальше от любопытных. Там чиновник пристально посмотрел на Толкователя трупов:

— Как это «что творится»? Клянусь Великим Буддой, Цы! При дворе только о тебе теперь и говорят. Тебя обвиняют в убийстве Кана!

Цы смотрел осоловело, не понимая смысла сказанного. Чиновник влажным платком отер ему кровь со лба и дал напиться. Цы пил с жадностью.

— Меня… меня избили, — пожаловался Цы.

— Об этом ты мог бы и не сообщать. Странно, что тебя вообще не убили. Насколько я знаю, сегодня утром судья по имени Серая Хитрость осматривал тело Кана и заключил, что смерть его не была самоубийством, — рассказывал Бо. — Вместе с ним явился какой-то прорицатель, который утверждает, что ты убил стража порядка. Серая Хитрость выступил твоим обвинителем. Приказ о твоем аресте отдал сам император.

— Но это же смешно! Вы должны вытащить меня отсюда. Фэн знает, что я…

— Тише! Нас могут услышать.

— Спросите Фэна, — зашептал Толкователь трупов. — Он подтвердит, что я никого не убивал.

Бо переменился в лице.

— Так ты говорил с судьей Фэном? И что ты ему рассказал?

— Что рассказал? Разумеется, правду: что Кана опоили дурманом, потом повесили и подбросили его повинное письмо. — Цы в отчаянии обхватил голову руками.

— И это все? Про склад ты ему не рассказывал?

— Про склад? Опять не понимаю. При чем тут склад?

— Отвечай! Рассказывал или нет?

— Да. Нет. Не помню, клянусь всеми демонами.

— Проклятье, Цы. Если ты будешь так упираться, я ничем не смогу тебе помочь. Ты должен рассказать мне обо всем, что тебе удалось выяснить.

— Да я же и так вам все рассказываю.

— О Великий Будда! Хватит молоть чепуху! — Бо швырнул стакан на пол, осколки полетели во все стороны. Седой чиновник прикусил губу и умолк. Он пристально смотрел в лицо юноши. — Прости. — Бо попытался снова отереть кровь с его лица, но Цы отстранился. — Послушай, я должен знать — причастен ты или нет. Скажи мне…

— Да чего вы от меня добиваетесь?! — не выдержал Цы. — Хотите, чтобы я признался, что повесил его? Клянусь душами всех моих предков, эти стражники все равно укокошат меня, не важно, виновен я или нет.

— Ну как хочешь. Охрана! — позвал Бо.

В тот же миг двое стражников открыли дверь камеры и выпустили седого чиновника наружу.

Цы лежал, скорчившись, в воняющем гнилью углу — точно побитая собака. Он не понимал, что случилось. И думать ему было трудно. Юноша постепенно впадал в оцепенение, рассудок погружался во тьму.

На какое-то время немного очнувшись, он обнаружил, что у него украли куртку. Он осмотрелся, но не увидел ее ни на одном из сокамерников — и решил не утруждать себя поисками. Определенно, этим людям хорошая одежда нужнее, чем ему; он лишь забился в самый темный угол, стыдясь своих шрамов. Вскоре к нему подошел один из узников и предложил одеяло; Цы его принял. Он уже собирался укрыться, но вовремя поднял голову и увидел старика, покрытого чесоткой; одеяло пришлось вернуть. Когда старик наклонился, чтобы подобрать свою вещь, Цы разглядел на его лице

толчею мелких шрамов, показавшихся Цы смутно знакомыми. Толкователь трупов изумленно поднялся, чтобы проверить догадку; старик в испуге попятился назад. Цы, забыв о недавней слабости, объяснил, что хочет только посмотреть на необычные шрамы, и показал чесоточному свои, убеждая, что не причинит ему никакого вреда. Старик подошел поближе; Цы изумленно вгляделся в его лицо: та же форма шрамов, тот же размер… Точь-в-точь как у молодого работника, с которого рисовали портрет! Толкователь трупов, торопясь, стал допытываться, откуда эти шрамы взялись, но старик испуганно повел глазами по сторонам и снова попятился. Цы быстро разулся и предложил взамен свою обувь. В первый момент старик просто не понял, о чем идет речь, но потом протянул дрожащие руки и рывком выхватил башмаки у Цы. И тут же взялся примерять обновку. Но Цы повторил свой вопрос.

— Это случилось в новогоднюю ночь, — наконец ответил старик. — Я залез в богатый дом за едой, подсветил себе среди ящиков, вот тут и взорвалось.

— Что значит «взорвалось»?

Старик оглядел юношу с ног до головы:

— Штаны.

— Чего?

— Штаны свои отдавай! Скидывай!

И Цы подчинился. Он успел стянуть штаны только до щиколоток, когда старик рванул их на себя. Толкователь трупов остался голым.

— В ящиках лежали праздничные петарды, — сообщил грабитель, продевая ногу в штанину. — Эти дураки хранили их прямо на кухне. Я поднес свечку, и тут все взлетело на воздух. Я чуть глаз не лишился.

Цы был ошарашен услышанным. Так, значит, вот в чем дело… Он уже собирался спросить, не видел ли его знакомец кого-нибудь с такими же отметинами, но тут в камеру вошли уже знакомые ему двое стражников. Старик бросился прочь от Цы, как от зачумленного. Цы забился в угол.

— Подымайся! — приказали ему.

Юноша повиновался. Заметив, что он голый, верзила своей дубинкой поддел с пола одеяло и сунул ему под нос:

— Прикройся и пошли.

Юноша, едва держась на ногах, заковылял вслед за тюремщиками по коридору, темному, как туннель в подземных копях. Так они дошли до прогнившей деревянной двери. Когда первый стражник негромко постучал, Цы решил, что его час близок. Он подумал даже: а не напасть ли на тюремщиков и не попытаться ли устроить отчаянный побег? Вот только сил на такое безрассудство не было. Цы, вздохнув, подумал, что теперь ему уже все равно; однако, когда раздался скрежет петель, сердце его все-таки сжалось. Массивная дверь натужно отворилась, и юношу ослепил поток света. А когда глаза его привыкли к яркому блеску, он разглядел на пороге силуэт Фэна. Цы что-то прошептал, колени его подогнулись. Фэн не позволил юноше упасть. Он скинул с него грязное одеяло и укрыл своей курткой. А потом прикрикнул на тюремщиков: помогайте!

— Треклятые ублюдки! — Судья обнял своего ученика. — Что они с тобой сделали, мальчик?

Фэн поставил свою подпись и печать на охранном документе, согласно которому принимал всю ответственность за преступника на себя. Затем с помощью монгольского слуги усадил юношу в свою повозку, еще раз обругал стражников, и вот они пустились в обратный путь к Павильону кувшинок. В павильоне судья распорядился, чтобы юношу отвели в его собственную спальню. Цы умолял оставить его в прежней комнате, однако Фэн сказал, что здесь ему будет удобнее, и не стал слушать возражений. Юношу уложили на постель Фэна и прикрыли простыней. Вскоре явился и врач-иглоукалыватель. Судья и врач стянули с Цы куртку, а потом, позвав на помощь слугу, протерли его тело от грязи и промыли его раны. Цы не издал ни стона. Врач ощупал его ребра, послушал дыхание, осмотрел рану на голове. И, не колеблясь, прописал молодому человеку постельный режим на два дня.

— Ему крупно повезло, — услышал Цы. — Серьезных повреждений нет. По крайней мере, ничего такого, чего не восстановит отдых и заботливый уход.

Когда врач удалился, Фэн опустил шторы, приглушая яркий свет, и сел рядом с постелью. Он озабоченно качал головой:

— Мерзавцы, мерзавцы! Прости, что я так долго не приходил, мальчик. Утром мне пришлось отправиться по делам, а когда я запросил аудиенции у императора, оказалось, что судья по имени

Серая Хитрость меня уже опередил. Его величество объявил мне, что, по данным нового осмотра, который предпринял Серая Хитрость, Кан не покончил с собой, а был убит. Судя по всему, этот юноша крепко тебя ненавидит: он обвинял тебя с таким пылом, что убедил самого императора. Как мне рассказали, с ним вместе был какой-то блохастый предсказатель, и он вменил тебе в вину убийство стража порядка.

— Но ведь… Ведь это я все и выяснил!

— Именно поэтому я сумел добиться твоего освобождения. Я поклялся императору, что еще вчера ты рассказал мне о своих открытиях. Я упомянул о сундуке, о следах на веревке, о содержании повинного письма… Я говорил обо всем, и тем не менее мне стоило большого труда убедить Нин-цзуна. Пришлось поставить на карту мое слово и мою честь, чтобы выпросить у него временное постановление, согласно которому ты переходишь под мою опеку. Моя личная гарантия в обмен на ультиматум. Завтра состоится суд.

— Суд? Так, значит, император вам не верит?

— Я не хочу тебя обманывать. — Судья склонил голову. — Серая Хитрость готов поменять небо и землю местами, лишь бы тебя обвинить. Узнав, что император обещал тебе высокий пост, если ты справишься с расследованием, он заявил, что смерть Кана — это для тебя простейший способ получить искомое. Все выгоды достаются именно тебе.

— Клевета! Вам прекрасно известно, что…

— Проблема не в том, что известно мне! — Фэн не дал ученику договорить. — Проблема состоит в том, чему поверят они, и доподлинно известно лишь одно: у нас нет доказательств, подтверждающих твою невиновность. Печатка, которую тебе выдали, позволяла тебе проникать в любые помещения дворца, включая и то крыло, где располагались личные апартаменты Кана. И найдется немало свидетелей ваших жарких споров; один из них — это сам император.

— Ну да. А еще я обезглавил несколько человек, с которыми даже не был знаком, и вырезал каждому по дырке в легком, а еще…

— Повторяю тебе: проблема не в этом! На завтрашнем суде смерть этих бедняг никого не заинтересует. Будет разбираться дело об убийстве министра наказаний, или, иными словами, тебя обвинят в

заговоре против императора. И пока мы не докажем обратного, убийцей — что бы ты об этом ни думал — остаешься ты.

Цы понимал, что должен рассказать Фэну все, что знает сам, но голова его пошла кругом, и все улики, которые он так кропотливо собирал, тоже закрутились, словно мельничное колесо. К тому же тетрадь с записями, как и остальные его вещи, осталась в академии под присмотром слуги Мина. И Толкователь трупов попросил Фэна о коротком отдыхе. Когда Цы остался в одиночестве, он прикрыл глаза, в ушах у него звенело, в висках колотилась кровь. Ему было страшно. Не так уж давно Цы видел, чем закончились мучения его брата, и он не хотел для себя подобного конца. По счастью, прежде чем воспоминания окончательно истерзали юношу, усталость взяла свое и он погрузился в глубокий сон.

Его разбудили голоса, доносившиеся откуда-то снаружи. Цы не знал, сколько времени прошло. Когда он поднялся с постели, вся комната пустилась в пляс, однако Цы сумел уцепиться за изголовье ложа и, шатаясь, побрел к окну. Толкователь трупов уже почти достиг цели, но споткнулся и упал на пол, так что глаза его оказались как раз на уровне подоконника. Цы хотел подняться, но странное зрелище привлекло его внимание: прячась в густой листве, две склоненные фигуры вели тихий спор, время от времени поглядывая по сторонам, точно боясь быть обнаруженными. Толкователь трупов осторожно приподнялся, чтобы приглядеться. Когда это ему удалось, сердце юноши замерло: в кустах прятались Лазурный Ирис и Бо.

Когда разговор их закончился, Цы вернулся в постель. Слов он расслышать не сумел, но каждый из собеседников в чем-то обвинял другого. Цы глубоко задышал, пытаясь найти выход из мышеловки, в которую угодил. Снаружи больше ничего не происходило. Теперь он мог довериться только Фэну. Через несколько минут юноша услышал осторожный стук в дверь. Когда он сказал: «Войдите», в спальню проскользнула Лазурный Ирис.

— Как ты себя чувствуешь? — вежливо и отчужденно спросила она.

Цы оглядел женщину с ног до головы; она стояла спокойно, словно перед посторонним, кому никогда не дарила свои ласки. Она медленно подошла к краю кровати и поставила поднос с чашкой чая.

— Все в порядке, — ответил Цы ей в тон, а потом спросил, знакома ли Ирис с Бо.

Услышав вопрос, женщина пролила чай. Цы постарался стереть жидкость, капавшую с подноса.

— Извини. — Лазурный Ирис бросилась помогать. — Со слепыми всегда так.

Она сказала, что с Бо не знакома. Цы знал, что Лазурный Ирис лжет, но решил не настаивать, не желая раньше времени проговориться о том, что видел их вместе. Ему требовалось хоть какое-то преимущество, которым он мог бы воспользоваться в удобный момент.

— У нас не было случая поговорить с той самой ночи, — произнес юноша.

— О чем это ты?

— Я о ночи, когда мы были вместе. У тебя плохая память или ты просто потеряла мужчинам счет?

Лазурный Ирис хотела дать ему пощечину, но Цы перехватил ее руку.

— Пусти меня! — выкрикнула она. — Пусти, не то я позову мужа.

Цы разжал руку как раз в тот момент, когда на пороге появился Фэн. И юноша, и женщина тяжело дышали. Лазурный Ирис отстранилась.

— Я пролила чай, — объяснила она.

Фэн не придал этому событию значения; сам подобрав чашку, он проводил супругу до дверей. Запер за ней и бросился к Цы. Судья был рад, что застал его бодрствующим и что юноша выглядит лучше, чем поутру. Но тревога не покидала его: время летело слишком быстро, и не обнаруживалось ни единого обстоятельства, на котором можно было бы построить защиту.

— Тебе известно, что наша юридическая система не допускает присутствия адвокатов. Тебе придется защищаться самому, как и любому другому преступнику, и у нас остается только этот вечер, чтобы выработать стратегию защиты.

Цы все это знал. Выражение покорности на его лице служило Фэну самым красноречивым из ответов. Толкователь трупов подумал, не рассказать ли судье о встрече Бо и Лазурного Ириса, однако заключил, что это мало чему поможет — разве только окончательно

докажет неверность супруги судьи. Если он собирается разубедить императора, ему потребуются более веские доказательства. Но какие? Фэн как будто прочитал мысли своего ученика.

— Попытайся успокоиться. Теперь ты должен быть как озеро в бурю: поверхность бурлит, но в глубинах царит тишина.

Цы посмотрел в спокойные глаза Фэна, затуманенные старостью. В повлажневших уголках его глаз жили мир и понимание. Цы смежил веки, пытаясь обрести столь нужное ему сейчас хладнокровие. Он нырял в глубины своего сознания, пока не пришел к уверенности, что было бы ошибкой сосредоточить усилия исключительно на расследовании убийства Кана. Все смерти были результатом действий одного и того же преступника, поэтому ключ следовало искать именно в их связи: смерть евнуха, смерть старика с разъеденными солью руками, смерть молодого человека с портрета, смерть торговца бронзой. И связь эта, без сомнения, была намного глубже, чем аромат духов или отверстие в груди.

Вдруг все в комнате померкло, погрузилось в темноту. И тогда перед глазами Толкователя трупов, словно мрачные гости, возникли лица мертвецов.

Вначале Цы увидел Нежного Дельфина, склонившегося над своими счетными книгами, посвященными соляной торговле; подобной работой и его, Цы, батюшка занимался на службе у Фэна. Он записывал поступления, излишки, распределение и расходы. И все время что-нибудь да не совпадало. Потом батюшка все пересчитывал, и прибыль из-за этого уменьшалась.

Затем возник мужчина с поврежденными руками, разъеденными солью. Цы вообразил, как он погружает руки в снежно-белую массу. И все-таки под его ногтями обнаружились частички черного угля. Тогда Цы вообразил, как этот человек работает с обеими субстанциями. Умело их перемешивает. С аккуратностью алхимика-даоса.

Потом появился молодой человек с портрета. Тот самый, чей рисунок ран совпадал с ранами вора, покалеченного взрывом.

В конце концов и он растворился, уступая место кичливому хозяину литейной. Тому, чья мастерская сгорела в ночь его убийства, оставив после себя в качестве наследства загадочный скипетр. Бронзовый скипетр… причем — полый…

В голове юноши полыхнула молния.

Наконец-то он все увидел ясно! Наконец-то обнаружил связь между убийствами: соль, уголь, вывоз за границу, взрыв… Все это были составные части одного целого, столь же редкостного, сколь и губительного.

Сердце юноши рвалось из груди, когда он попытался объяснить свое открытие Фэну.

— Да разве вы не видите! — в возбуждении кричал Цы. — Ключ ко всем преступлениям — не в способе убийства и не в аромате духов, духами лишь заглушали истинный запах их ран. Убийца калечил трупы жертв не для того, чтобы не опознали их личность, но чтобы нельзя было опознать их занятия. Как раз их занятия и привели к смерти!

Фэн с изумлением воззрился на ученика, который вскочил с постели и принялся одеваться; судья посоветовал ему вернуться на ложе и объяснить свое открытие.

— Порох! Ключ к убийствам — это порох! — выкрикнул Цы.

— Порох? — удивился Фэн. — При чем тут этот порошок, годящийся лишь на то, чтобы отмечать конец года?

— Как я мог быть настолько туп и слеп? — запальчиво выкрикнул Цы. Затем посмотрел на Фэна, счастливый от того, что может поделиться с ним своим открытием. И тут уж он попросил судью сесть и выслушать. — Во время моего пребывания в академии мне посчастливилось ознакомиться с трактатом под названием «Уцзин цзунъяо», «Основные сведения из канонов военного искусства», — единственным в своем роде сводом знаний по военной технике, — объяснял он. — Мин рекомендовал его мне, чтобы я увидел ужасные раны, которые во время битв наносят друг другу бойцы. Вам знакома эта книга?

— Нет, я о ней даже не слыхал. Вообще-то, я не думаю, что она так уж распространена. Ты ведь знаешь, наш народ ненавидит оружие почти так же, как и армию.

— Именно. Мин сам предупредил меня о ее редкости. По его словам, северосунский император Жэнь-цзун заказал трактат двум университетским профессорам: одного звали Цзэн Гун-лян, другого — Дин Ду. Копия, хранящаяся в академии, — одна из немногих, которые вышли за пределы круга военачальников, для которых книга и предназначалась. И больше того. Академик заверил меня, что из-за ее

опасного содержания распространение этой книги было приостановлено императором.

— И вправду любопытно. Но какое отношение имеет этот трактат к нашим убийствам?

— Быть может, и никакого, однако одна из глав был посвящена использованию пороха в военных целях.

— Ты имеешь в виду ракеты?

— Не совсем. В конце концов, ракеты остаются чем-то вроде обычных стрел, пусть и могут летать сами по себе. Они бьют дальше, но проигрывают в точности попадания. Нет. Я имею в виду оружие гораздо более смертоносное. Оружие, губительное для человека. — Глаза юноши расширились, как будто он видел новые смертоносные приспособления прямо перед собой. — По-видимому, артиллеристы Жэнь-цзуна придумали, как использовать взрывчатую силу пороха, заменив древние бамбуковые пушки на бронзовые, а кожаные снаряды с картечью и нечистотами — на другие, из прочного камня, способные проломить и самые крепкие стены. А его алхимики-даосы обнаружили, что, увеличивая количество этого нитрата, можно производить взрывы все большей мощности.

— Хорошо. Но я не могу взять в толк…

— Будь у меня в руках книга, я изъяснился бы точнее, — вздохнул Цы. — Я помню, что речь шла о трех типах пороха, в зависимости от применения: зажигательный, взрывной и толкательный, в каждом своя пропорция серы, угля и селитры. Ну да ладно, все это сейчас не имеет значения.

— С этим потом, я и так совсем запутался. Тебе, может, уже все ясно, но я не понимаю связи между порохом и убийствами.

— Не понимаете? — Лицо юноши перекосилось от возбуждения. — Скипетр — вовсе не скипетр. Это нечто удивительное. Это маленькая пушка!

— Скипетр — это пушка? — изумился Фэн.

— В мастерской торговца бронзой я нашел литейную форму из странной терракоты. Я сумел кое-как восстановить ее, сделал пробную отливку из гипса и получил нечто вроде жезла в руке привередливого монарха. — Юноша посмотрел вдаль, точно надеясь там увидеть ответ на все еще остававшиеся вопросы. — Да. Теперь все сходится: невероятные сквозные раны на трупах, странные округлые шрамы —

следы пробных выстрелов и взрывов… Смертоносное орудие. Оружие, не существовавшее доселе. Его можно взять в кулак, можно спрятать под одеждой, чтобы безнаказанно убивать издалека.

— Но ты уверен в своих словах? — Фэн не мог скрыть удивления. — Это объяснило бы все факты. И главное: если мы представим эту литейную форму на суде, то сразу докажем, что тебя обвиняют без всяких оснований.

— Ее у меня нет, — сокрушенно вздохнул Цы. — Я спрятал ее в комнате, но кто-то ее украл.

— Здесь? В моем доме? — воскликнул судья.

Цы кивнул. Фэн нахмурился.

— К счастью, у меня сохранился образец. Гипсовая модель переносной пушки, о которой я говорил. Быть может, она окажется полезной.

Фэн согласился с учеником. Собственно, это был последний шанс. Цы попросил кисть и бумагу.

— А где она?

— В академии. Ее стережет слуга Мина по имени Цуй. — Цы снял с шеи ключ и протянул Фэну. — Я напишу записку, чтобы он допустил вас до тайника и позволил взять модель.

Фэн кивнул, а потом сказал, что наведается, пока Цы пишет, во дворец узнать последние новости; вернувшись, он заберет записку и отправится в академию за уликой. На прощание он взял с Цы обещание хоть немного прилечь и расслабиться.

Когда Фэн ушел, Цы вздохнул так глубоко, будто освободился наконец от петли на шее.

* * *

Написав записку, Толкователь трупов честно попытался расслабиться, но у него ничего не вышло. Юношу не оставляли мысли о Лазурном Ирисе. После ее тайной встречи с Бо Толкователя трупов грызло подозрение: если седой чиновник и Ирис в сговоре, тогда, быть может, именно она украла литейную форму, а Бо как раз и был сообщником, столь необходимым для совершения всех этих преступлений?

Сердце снова принялось колотиться. Хотя у него еще оставалась гипсовая модель, тревога в душе нарастала, а время будто остановилось или пошло по кругу, тогда как опасность приближалась. В ожидании прихода Фэна Цы попросил служанку принести ему «Инмин цзи», книгу о судебных процессах, которую Толкователь трупов позаимствовал в библиотеке Мина. Поскольку закон обязывал его защищаться самому, Цы подумал, что такое чтение даст ему лучшее представление о тактике дворцовых судей, не говоря уже о том, что сейчас любые юридические познания могли сослужить ему добрую службу. Заполучив фолиант в руки, Толкователь трупов с жадностью принялся его листать. Он пропустил главы, в которых шла речь о наказании чиновников-мздоимцев, и сосредоточился на судебных разбирательствах. Мин переписал в свою книжицу самые интересные случаи, имеющие отношение к каждому из аспектов юриспруденции: споры о наследстве, разводы, попустительство на экзаменах, коммерческие сделки и межевые разногласия занимали первые две трети фолианта; но последняя треть была посвящена делам, выделявшимся либо особой жестокостью преступления, либо редкостной проницательностью судьи. Толкователь трупов поудобнее уселся на бамбуковой кровати и начал читать именно этот раздел. Мин с точностью хирурга отобразил каждый этап процесса, начиная с описания преступления, переходя к разбору доноса, к увещеваниям судьи, ко второму допросу, к пытке, к решению суда, к приговору, к апелляциям и, наконец, к казни. Все случаи, имевшие отношение к торговле оружием, — так же как покушения на императора или на людей из его свиты — карались смертью. Это обстоятельство совсем не успокоило юношу.

Он пролистывал список дел, когда одно из них заставило его остановиться. Прекрасной каллиграфией там было выписано: «Я повествую о расследовании, проведенном досточтимым судьей Фэном касательно обезглавливания крестьянина на рисовом поле и о его поразительном открытии, совершенном посредством наблюдения за мухами, обсевшими один из серпов. Происшедшее имело место в третьей луне седьмого месяца, на третьем с конца году правления императора Сяо-цзуна».

Цы перечитал дату второй раз, чтобы убедиться, что здесь нет никакой ошибки. По телу его пробежала оторопь.

Цы продолжал читать, не веря написанному. В главке рассказывалось о том, как судья Фэн, недавно получивший этот пост, обрел всеобщее признание за то, что обнаружил преступника среди десятков подозреваемых. Для этого он распорядился выложить все серпы на солнце. Фэн воспользовался обрезком гнилого мяса, чтобы привлечь мух, и когда над серпами собрался мушиный рой, он убрал один из них, и мухи полетели к единственному серпу, на котором сохранились остатки крови.

Цы закрыл книгу и отложил подальше, как будто в ней затаились черти. Руки его дрожали от страха. Сяо-цзун был дедушкой нынешнего императора. На третьем с конца году его правления Фэну должно было быть что-то около тридцати лет. А случай, подробно описанный в этой книге, случился на памяти Цы, в его родной деревне! Все повторилось до последней детали, и это привело к смерти брата, а Фэн выступал как обвинитель. На несколько мгновений перед глазами Цы все поплыло.

Очнувшись, он вновь схватил книгу и перечитал рассказ. Он ничего не перепутал. Ошибки не было. Как же он мог оказаться таким наивным? Как поддался столь ужасному обману? Обвинение его брата не являлось ни случайным открытием, ни следствием проницательности Фэна. Наоборот, так случилось потому, что кто-то все заранее подстроил. Кто-то, воспользовавшийся уже проверенным методом. И этот «кто-то» мог быть только Фэном.

Но почему?

Решив, что судья до сих пор во дворце, юноша вышел из спальни, полный решимости поговорить с Фэном. Однако, когда Толкователь трупов добрался до выхода, слуга преградил ему путь. Цы смотрел на его лицо, на черты иной расы. Это был тот самый монгол, который сопровождал Фэна во время его приезда в деревню. Приветствовать знакомца Цы не стал. Он попытался обойти монгола; слуга не пустил.

— Хозяин велел тебе оставаться дома, — объявил он угрожающе.

Цы вгляделся в неприветливое лицо. Он едва не бросился в драку, но гора мускулов под цветастой рубашкой выглядела непробиваемой, поэтому он отступил на несколько шагов назад, и слуга препроводил его обратно.

Оставшись один, Цы подошел к окну с намерением выпрыгнуть. Но окно выходило на пруд, за которым стояли на посту двое

караульных. Юноша нахмурился. В его теперешнем состоянии он сумел бы убежать, только если бы у него выросли крылья. Цы в отчаянии огляделся по сторонам. Помимо кровати, на которой он отдыхал, и письменного стола, на котором лежала записка для Цуя, комната Фэна представляла собой книжный склад и полки, заполненные юридическими трактатами. Но в одном из углов Толкователь трупов обнаружил подборку рукописей, целиком посвященных соли. Цы был удивлен. Он знал, что Фэн отказался от судейской карьеры, дабы сосредоточиться на административной работе в соляной монополии, но столь обширная коллекция выходила за рамки чисто профессионального интереса. Повинуясь мгновенному импульсу, Цы просмотрел названия нескольких томов. Большинство из них относилось к добыче, обработке и торговле белым минералом; некоторые описывали соль как приправу, консервант для пищи или лекарство. И только один томик зеленого цвета отличался от всех других. Увидев название, Толкователь трупов не поверил себе. Это была копия «Уцзин цзунъяо», книги о военном искусстве, про которую он упоминал в разговоре с Фэном, судья же притворился, что такой не знает. Потом Цы пробежался пальцами по идеальной линии корешков; пальцы скользили, не встречая препятствий, пока не наткнулись на чуть выдвинутый корешок. Похоже, Фэн недавно доставал эту книгу и по какой-то неясной причине вернул ее на место без обычной своей аккуратности; как ни странно, названия на переплете не было. Толкователь трупов вытащил книгу и раскрыл ее.

От первых же иероглифов кровь застыла у него в жилах. Текст был просто описанием сделок по покупке и продаже соли, но Цы узнавал его, как будто он сам начертал все знаки: те же линии, тот же наклон. А в конце каждого счета — слишком знакомые имя и подпись. Это был почерк батюшки. Цы принялся лихорадочно листать дальше.

Все счета были составлены довольно давно. Получалось так, что это была точная копия бумаг евнуха, которые он изучал в архиве Министерства финансов. Нечто вроде параллельной бухгалтерии, без каких-либо отличий. Цы закрыл книгу и осмотрел края страниц. Страницы плотно прилегали одна к другой — за исключением двух мест, где книгу явно открывали чаще. Цы просунул ноготь и открыл книгу на второй отметке, — оказалось, речь здесь идет о неразберихе, которую он отметил еще в архиве Нежного Дельфина.

Цы зажмурился так, что подумал, что глаза его вот-вот лопнут. Он снова перечел записи, ничего не понимая. Голова раскалывалась.

Внезапно юношу насторожил какой-то шум снаружи. Он мгновенно захлопнул книгу и поспешил вернуть ее на место, но разгулявшиеся нервы подвели: бухгалтерская книга упала на пол. Цы все же успел ее подобрать, когда услышал, что открывается дверь в спальню. Дыхание его пресеклось. Он все-таки ухитрился поставить книгу на место до того, как раздались шаги. Вошел Фэн с подносом фруктов в руках. Цы заметил, что впопыхах он выровнял книгу с другими — а надо было сохранить выступ. В мгновение ока он вытащил книгу чуть вперед, прежде чем занятый подносом Фэн поднял на него глаза. И тогда Цы с ужасом заметил, что один листок выпал и теперь лежит на полу у его ног. Он запихнул листок под книжный шкаф. Фэн поздоровался и поставил поднос на кровать.

— Во дворце ничего нового. Ты написал письмо?

— Нет еще, — солгал Цы.

Бросившись к столу, он спрятал в рукаве готовую записку и принялся писать другую. Фэн заметил, как дрожит его ученик.

— Что-то случилось?

— Волнуюсь. Суд все-таки, — снова солгал Цы.

Он закончил писать и передал записку судье.

— Поешь фруктов, это для здоровья. А я пойду заберу нашу бесценную улику.

— Спасибо, учитель. Непременно поем.

Фэн уже уходил, но у дверей неожиданно остановился:

— С тобой точно все в порядке?

— Да, вполне, — заверил юноша.

Фэн открыл было дверь и вновь что-то его остановило. Судья нахмурился и подошел к тому стеллажу, у которого застиг юношу. Толкователь трупов заметил, что, несмотря на все его старания, краешек оторванного листа все равно бросался в глаза.

Он подумал, что Фэн заметил торчащий из-под шкафа уголок бумажного листа. Но судью заботило иное; он извлек книгу, которую только что изучал Цы, приоткрыл и убедился, что она стоит вверх ногами. Нахмурившись, он перевернул книгу и поставил среди других на место так, что она выступала на палец. Потом распрощался и ушел.

Убедившись, что Фэн действительно ушел, Цы схватил листок. Это оказалась не оторвавшаяся страница, а письмо, которое судья, видимо, хранил внутри книги. Время его написания, судя по дате, приходилось на пребывание семьи Цы в деревне; отправителем же оказался батюшка. Дрожа, Цы развернул письмо и принялся читать.

> Уважаемый Фэн!
>
> Хотя еще не истек мой траур, я хочу Вас известить о моем желании незамедлительно продолжить службу у Вас. Как я и писал в предыдущих посланиях, мой сын Цы горит желанием продолжить учебу в Университете Линьаня, и я разделяю его мечты.
>
> Ради Вашей и моей чести я не могу ни взять на себя позор за деяние, которого не совершал, ни оставаться в этой деревне, пока Вы в Линьане вынуждены мириться со слухами о моей так называемой злонамеренности. Клевета, обвиняющая меня во взяточничестве, не прекратится сама собой. Я невиновен и желаю это доказать. По счастью, у меня есть копии документов, из которых видны неправильности в Ваших счетах, поэтому отмести обвинения мне будет несложно.
>
> Вам совершенно не обязательно приезжать в деревню. Если, как Вы утверждаете, Вы противитесь моему возвращению, чтобы меня защитить, то умоляю Вас позволить мне вернуться в Линьань с доказательствами в руках и подтвердить мою невиновность.
>
> *Ваш недостойный слуга*

Цы стоял, как громом пораженный.

Да что же это происходит?

Из этого письма неоспоримо следовало: батюшка неповинен в тех преступлениях, что ему вменялись. Однако же, когда Цы признался

судье, что в университете ему отказали в сертификате пригодности из-за недостойного поведения его отца, Фэн подтвердил виновность его родителя.

Цы глубоко вздохнул и постарался припомнить все события, происшедшие в деревне во время присутствия Фэна. Если батюшка твердо решил вернуться в Линьань, то почему же тогда он переменил свое решение? Сколь ужасному давлению он подвергся, чтобы в течение одной ночи позволить лишить себя чести и взять на себя преступление, которого не совершал? И зачем Фэн поехал в деревню, хотя батюшка определенно просил его этого не делать? И за что судья обвинил братца Лу?

Цы проклинал себя за то, что отказался от своего отца. Человек, давший ему жизнь, сражался со своей судьбой до последнего вздоха, а сын отплатил ему недоверием и стыдом. Это он, а не батюшка являлся настоящим пятном в семье. Цы завыл от боли.

Кровь бросилась ему в лицо. От боли и ярости он на несколько мгновений просто ослеп, стало нечем дышать. Хотелось просто крушить все, что попадется под руку.

Цы долго приходил в себя. Когда в голове прояснилось, Толкователь трупов попытался ответить себе на простой вопрос: какую же роль играет во всем этом запутанном лабиринте событий Фэн? Однако ответа не было; во всяком случае, не было такого ответа, который позволил бы отбросить внезапно возникшее недоверие. Фэну, человеку, которого он воображал своим отцом, теперь нельзя было доверять!

Толкователь трупов поднялся и спрятал письмо под куртку, рядом с сердцем. Потом он сжал зубы и постарался действовать планомерно.

Первое, что он сделал, — это обыскал каждый уголок комнаты. Стараясь возвращать все точно на свои места, Цы вынимал книги в поисках новых откровений, оглядывал пустые места на полках, приподнимал картины и искал под коврами — но уже не нашел ничего значимого. В конце концов юноша направился к рабочему столу судьи. Верхний ящик содержал только письменные принадлежности, несколько печатей и чистую бумагу — ничто не привлекло внимания Толкователя трупов, за исключением мешочка с черным порошком, который по запаху напоминал порох. Средний ящик был заперт на ключ. Цы попробовал взломать замок, но не сумел. В какую-то минуту

он хотел просто вырвать ящик, но решил не оставлять столь явных следов, поэтому просто вновь вытащил верхний и запустил руку в щель, проверяя, не сообщается ли тот со средним. Но оказалось, что между ними — деревянная перегородка. Цы вернулся к постели и взял нож для фруктов. Затем осторожно просунул руку в щель и принялся расщеплять перегородку параллельно дну, чтобы проделать в ней брешь и добраться до среднего ящика через эту дыру. Брешь постепенно расширялась по всей длине ящика. Цы налег посильнее, торопясь. И вот наконец он запустил руку в заветный ящик до самого плеча — и вслепую нащупал пальцами какие-то разрозненные обломки. В отчаянии Цы рванул на себя тяжелый стол, чтобы сдвинуть содержимое ящика; кости и мышцы его затрещали от усилия. Его пальцы, словно когти хищника, уткнулись в непонятную добычу. Толкователь трупов ухватил, сколько смог, и обрушил стол назад. Вставив верхний ящик на место, Цы вернулся к своей постели, боясь даже взглянуть на то, что у него в руках. Дыхание юноши стало прерывистым. Он медленно раскрыл ладонь и окаменел. Это были остатки литейной формы из зеленой терракоты, той, что исчезла из его комнаты, а среди них — это особенно поразило Цы — лежал каменный шарик, покрытый запекшейся кровью.

* * *

Цы попытался вернуть все предметы в комнате на их места — так, будто их не колыхал даже ветерок. Потом, с осторожностью грабителя, скользнул в свою комнату, унося улики и книгу о судах — он все спрятал под одеждой. Оказавшись в спальне, Цы уселся на бамбуковую кровать, чтобы еще раз оценить свои находки.

Остатки литейной формы не дали его размышлениям ничего нового. Но, разглядывая каменный шарик, Цы обратил внимание, что он местами покрыт мелкой деревянной трухой. Более подробный осмотр показал, что шарик был ущерблен, будто ударился когда-то в нечто твердое и от него откололась малая часть. Сердце Цы снова тревожно забилось. Он кинулся к своим вещам и нашел осколок, который извлек из раны алхимика. Цы взял его дрожащими руками и поднес к окровавленному шарику. Когда он соединил их, его пробила

дрожь. Вместе они составляли идеальную сферу. На краткое мгновение Толкователь трупов задумался о том, как раскрыть перед императором подлинное лицо Фэна, но сразу понял: шансов у него нет. Ведь он имел дело не с обыкновенным преступником. Фэн проявил себя как опытный манипулятор, способный на ложь, притворство и даже, возможно, на хладнокровное убийство. Да еще, как будто и этого было мало, Цы сам, как последний глупец, рассказал Фэну все, что обнаружил. Если Цы хочет снять с него личину, понадобится помощь. Вот только где ее искать?

Цы был на грани отчаянья.

Он не знал, какую роль играла Лазурный Ирис во всей этой истории, но в данный момент надежда была лишь на нее.

Он нашел женщину в гостиной. Ирис сидела в кресле и гладила персикового кота. Она просто отдыхала, устремив безмятежный взгляд в ей одной видимую даль. Услышав шаги, слепая сразу поняла, кто идет. Она опустила животное на пол и посмотрела в ту сторону, откуда, по ее мнению, должен был появиться Цы. Взгляд ее отрешенных глаз притягивал больше, чем когда бы то ни было.

— Можно мне присесть? — спросил Цы.

Ирис протянула руку, указывая на стоящий перед нею диван.

— Тебе уже лучше? — спросила она с явным равнодушием. — Фэн сказал, тебе пришлось туго.

Цы вздернул левую бровь. Он легко нашел бы куда более подходящие слова для описания того, что с ним вытворяли в тюрьме. Но он лишь ответил, что быстро приходит в себя.

— И все-таки есть дело, которое заботит меня больше, чем мои кости; возможно, оно озаботит и тебя, — дерзко бросил юноша.

— Ну, рассказывай, — ответила она. Лицо ее оставалось спокойным и бесчувственным.

— Этим утром я видел, как в саду вы что-то обсуждали с Бо, а прежде ты говорила, будто вы незнакомы, — сказал он сухо. — Думаю, у тебя были очень веские причины, чтобы лгать.

Женщина ответила, как и подобает женщине.

— Так ты теперь не только шпион, но и образец честности! — закричала Лазурный Ирис. — Да как у тебя язык поворачивается? Сам-то ты лгал не переставая!

Цы потерял дар речи.

Однако, несомненно, если он хотел довериться Ирис, то начал совсем неудачно.

Переведя дыхание, он извинился за свою дерзость, и попробовал взять иной тон.

— Как тебя это ни изумит, моя жизнь сейчас в твоих руках. Ты должна мне признаться, о чем говорила с Бо.

— Скажи-ка мне, Цы, с чего мне тебе помогать? Ты врал о своей профессии. Ты врал о своем задании. Бо тебя обвиняет, а ты…

— Бо?

— Ну, пусть не совсем. — Она не договорила.

— Да что вообще происходит? Клянусь Великим Буддой, Ирис! На кону сейчас моя жизнь!

Услышав эти слова, Ирис побледнела.

— Бо… Бо мне сказал…

— Что он тебе сказал? — Цы встряхнул женщину за плечи и почувствовал, как она дрожит. Словно испуганная девочка.

— Он сказал, что подозревает Фэна. — Лазурный Ирис закрыла лицо руками и разрыдалась.

Цы отпустил ее. Для него этот ответ, возможно, сулил какую-то надежду; но все равно, услышав такое, Толкователь трупов, не знал, что делать. Он сел рядом с Лазурным Ирисом и попытался ее обнять; она отстранилась.

— Что ты знаешь о хороших людях? — тихо спросила она и уставилась на него покрасневшими от слез слепыми глазами. — Может, это ты меня подобрал, когда все от меня отвернулись? Может, это ты в течение многих лет потакал всем моим прихотям? Нет. Ты лишь насладился мною однажды и теперь считаешь себя вправе говорить мне, что я должна делать и чего не должна. Как и все, все эти! Тебя раздевают, тебя целуют или позорят — это ведь одно и то же, а потом про тебя забывают или требуют от тебя подчинения, будто ты собачонка, которую можно то ударить, то приласкать. Нет, ты не знаешь Фэна! Он обо мне заботился. Он не мог совершить столь ужасных вещей, о которых мне рассказывал Бо! — Лазурный Ирис снова разрыдалась.

Цы смотрел на нее с печалью. Он мог представить себе ее страдания, потому что сходную боль испытывал он сам.

— Фэн не такой, как ты думаешь, и не такой, как он сам о себе говорит. Не только мне угрожает опасность. Если ты мне не поможешь, вскоре под угрозой окажешься и ты сама.

— Чтобы я тебе помогала? Да ты вообще понимаешь, с кем ты говоришь? Очнись, Цы! Я ведь слепая! Проклятая и одинокая слепая проститутка. — Лазурный Ирис вскинула на него глаза, и в них было одно лишь отчаяние. Словно ощутив его взгляд, она отвернулась.

— Выслушай меня! Я прошу только об одном: чтобы утром ты явилась в суд для дачи показаний. Чтобы ты была законной свидетельницей и не испугалась рассказать правду.

— Так. И только об этом? — Лазурный Ирис горько улыбнулась. — Как просто говорить о смелости, когда у тебя есть молодость, чтобы бороться, и два глаза, чтобы все видеть! Ты понимаешь, кто я такая? Ответ — никто. Без Фэна я никто.

— Сколько бы ты ни отворачивалась, правда всегда будет правдой.

— А что такое — правда? Какая правда? Твоя? А мне дорога моя правда. Та, которая меня спасла. Ты хочешь сказать, мой супруг совершал ошибки? Да кто же не совершает ошибок? Быть может, ты, Цы?

— Проклятье, Ирис! Мы говорим не об ошибках! Об убийствах!

Они спорили будто на разных языках. Он, определенно, ее не убедил. Прикусив губу, он согласился с правотой этой женщины. Потом Цы поднялся, готовый уйти из этого дома. Но на пороге все-таки обернулся.

— Я не могу тебя принудить, — произнес Толкователь трупов. — Ты можешь прийти в суд или можешь сдать меня Фэну, но, что бы ты ни сказала и что бы ни сделала, правды не изменить. Фэн — преступник. Только так и никак иначе. И его преступления раньше или позже затронут и тебя, если только ты не примешь его сторону. Да и то вряд ли он оставит тебя потом в живых.

Он уже шел в свою комнату, когда налетел в коридоре на Серую Хитрость.

— Знаешь что, Цы? — улыбнулся тот. — Фэн знает бесконечно много способов умерщвления. И уж не сомневайся, он изберет самый мучительный, когда ему придется убивать тебя.

34

Цы не спал всю ночь и к рассвету успел возненавидеть и себя, и Фэна. Когда первые лучи солнца озарили занавески, Толкователь трупов попытался сосредоточиться. Он намеревался сделать все возможное, дабы вывести Фэна на чистую воду, но то, что ему самому казалось очевидным, императору могло показаться лишь набором пустых фраз.

Когда настало время отправляться в суд, юноше пришлось сделать над собой большое усилие, чтобы соблюсти приличия и не выказать тех чувств, которые он питал теперь к судье. Фэн ожидал у дверей, одетый в старинный наряд судьи; на голове — шапочка с загнутыми полями, на лице — любезная улыбка, которая сегодня казалась Цы невыносимо слащавой и фальшивой. Он через силу приветствовал судью, неважный свой вид списав на бессонницу. Фэн как будто поверил. А снаружи уже стояли императорские стражники, чтобы сопроводить их в зал, где будет разбираться дело. Посмотрев на их вооружение, Толкователь трупов проверил, хорошо ли спрятано его собственное: книга о судах, письмо батюшки, мешочек с порохом и маленький окровавленный шарик, который он достал из ящика Фэна. А проверив, оглянулся в надежде увидеть Лазурный Ирис.

Не увидел.

Они шагали прочь от Павильона кувшинок, а нюйши даже не вышла попрощаться. Всю дорогу Цы старался не смотреть на Фэна. Толкователь трупов глядел только себе под ноги, поскольку понимал: если судья еще раз улыбнется, он набросится на него и вырвет сердце.

Когда они оказались в зале слушаний, Фэн занял свое место рядом с судьями Высшего суда. Рядом с ними Цы увидел Серую Хитрость; с лица его не сходила самодовольная улыбка победителя. Юноше велели пасть ниц в ожидании императора. Наконец удар гонга возвестил о появлении Нин-цзуна с его многочисленной свитой, которую возглавляли теперь министр церемоний и новый министр наказаний. Цы ждал, не меняя позы.

Старик в шапочке, натянутой до самых ушей, с подкрученными усиками, вышел вперед, чтобы представить Цы императору Поднебесной и огласить все обвинения. Он подождал, пока император

усядется и даст ему дозволение начать. В качестве старейшего вельможи двора досточтимого и уважаемого императора Нин-цзуна, Сына Неба и Повелителя Земли, тринадцатого императора эпохи Сун, старик объявил, что сегодня, в восьмой день гранатовой луны, в первый год эры *Цзядин* и в девятнадцатый с начала этого мудрого и досточтимого правления, Цы Сун обвиняется в убийстве имперского министра Кана Чжоу — каковое, бесспорно, означает измену государству и заговор против государя.

Старец сделал небольшую паузу.

— В соответствии с нормами нашего уложения о наказаниях обвиняемому предоставляется право на защиту, каковую невозможно передать никакому иному лицу; он не может быть казнен без попытки оправдаться.

Цы лежал, простершись перед императором и судьями, слушал молча и прикидывал свои возможности. Закончив речь, старец передал слово Серой Хитрости; седой должным образом приветствовал императора и, получив дозволение начать, выложил, не торопясь, на стол несколько документов. Затем он напыщенно приветствовал собравшихся и принялся перечислять улики, неопровержимо, на его взгляд, свидетельствовавшие о виновности Толкователя трупов.

— Прежде чем я остановлюсь на каждой из них подробнее, я набросаю вам правдивый портрет этого шарлатана. — Седовласый наградил Цы осуждающим взглядом. — Мне, к сожалению, выпало быть его соучеником в Академии Мина. Там он многократно выказывал неуважение к правилам и законам. Поэтому он был осужден собранием профессоров и оказался на грани исключения — спасло его только ледяное равнодушие профессоров и необъяснимое покровительство со стороны нашего странного директора. Это повторялось не раз и не два.

В душе Цы проклинал седовласого, который старался загодя поставить в ложное положение любого, кто отважился бы встать на защиту Цы; но пока ему оставалось лишь молчать — слова ему сейчас все равно бы не дали.

— То, что в глазах людей равнодушных и малосведущих могло бы показаться просто предосудительным поведением, на самом деле было проявлением заносчивости, гневливости и ненависти к законопослушным людям, которые подсудимый прячет в своей душе.

Профессора, желавшие изгнать его, вспомнили и о его недостойном происхождении; и здесь можно вновь говорить лишь о необъяснимом милосердии совета академии. Этого негодяя все же приняли на учебу, хоть и под самые строгие гарантии. Каким образом Цы отплатил за великодушие, вы уже знаете. Мин дал ему обучение и пропитание, а Цы, как хищный зверь, только и ждал, как бы вонзить свои злые зубы в руку своего благодетеля. — Серая Хитрость помрачнел. — Я желаю показать всем, кто меня слушает, истинный характер этого человека. Он состоит лишь из мерзости и себялюбия. Подсудимый с помощью дьявольской хитрости и бесстыдного шарлатанства обманул министра Кана и даже ввел в заблуждение императора: первого он убедил в раскрытии загадочных убийств, а у его величества выклянчил обещание высокой судейской должности.

Нервы Цы были уже на пределе. Если Серая Хитрость будет злословить и дальше, все, кто его слушает, окажутся слишком предвзятыми, и тогда уж, что бы ни говорил Цы, — ему не победить. К счастью, его противник (а у Серой Хитрости было еще много чего сказать) слишком увлекся театральными эффектами и сделал паузу столь долгую, что судейский пристав решил, будто судья передает слово обвиняемому. Не поднимая головы, уставившись в пол, Цы заговорил:

— Ваше величество… — и запнулся, ожидая дозволения продолжать. Император, чуть кивнув, разрешил. — Ваше величество, — повторил Цы. — Серая Хитрость лишь твердит общие слова, никоим образом не связанные с предъявленными мне обвинениями. В этом зале мне не вменяются в вину ни события из моего академического прошлого, ни происхождение моих познаний о мертвых телах. Здесь обсуждается, виновен я или нет в убийстве министра Кана. Могу сказать: что бы ни плел здесь Серая Хитрость, я никогда не лелеял плана возвыситься за счет Кана, не лгал, не разыгрывал трюков, чтобы заставить людей поступать выгодным для себя образом. А кому желательно так думать — пусть вспомнят, что я был взят под стражу солдатами его величества и отведен во дворец в тот самый момент, когда собирался навсегда покинуть Линьань. Ваше величество, вы находились во дворце в день, когда меня пригласили, а точнее, вынудили принять участие в расследовании ряда убийств, о существовании которых мне ничего не было известно. И вот у меня

возникает вопрос: почему же муж столь мудрый, как министр Кан, и сам император, Сын Неба, обратили свое внимание на такое ничтожество, как я? Почему при наличии всех этих судей за все расплачивается бедный студент, в общем-то и не готовый выступать на столь почтенном собрании?

Цы стоял на коленях, касаясь лбом земли, и ни единым словом пока не намекнул на то, каков план его защиты. Как и Серая Хитрость, юноша не собирался сразу выкладывать все доводы. Он тоже владел искусством полемики и прекрасно понимал: следует придерживать аргументы. И сеять семена сомнения во всех, кто слушает, — чтобы сами слушатели могли делать выводы. С каменным лицом император отвернулся. Глаза его были неподвижны, высшее положение в иерархии ставило Нин-цзуна по ту сторону добра и зла. Легким движением руки повелитель вернул слово Серой Хитрости.

Юный судья перечел свои записи.

— Ваше величество! — Седовласый склонился в положенном поклоне. — Теперь я перехожу к самому важному. — Он усмехнулся и переложил один лист бумаги на стопку других листов. — В моих заметках значится, что перед самым убийством Кана, точнее, в тот день, когда министр осматривал Нежного Дельфина, юноша потрясал ножом в присутствии самого Кана. Цы даже не задумался о последствиях. Он просто схватил нож и нанес мертвому евнуху бессмысленный удар.

— Это было мертвое тело, — заметил Цы достаточно громко, чтобы быть услышанным.

— Именно так. Мертвое тело. Но столь же неприкосновенное, сколь и при жизни. Или вы позабыли принципы конфуцианцев, движущие нашими поступками? — Серая Хитрость возвысил голос. — Но нет! Конечно же, он ни о чем не забыл. Напротив! Он обладает потрясающей памятью. Он помнит все запреты и все-таки их преступает. Он прекрасно знает, что душа убитого пребывает в теле до самых похорон. А кто отважился на такой поступок, тот способен и на убийство императорского министра.

Серая Хитрость будто теснил Цы к бездне с двумя раскачивающимися над нею мостами: один из них — смерть, другой — погибель.

— Я не способен на убийство, — сквозь зубы произнес Цы.

— Никогда? Отменно! — рассмеялся Серая Хитрость. — Тогда я прошу у вашего величества, чтобы мой свидетель опроверг это показание.

Император разрешительно шевельнул бровью.

Двое стражников ввели в зал сморщенного седого человечка. Тот шагал неторопливо, всем своим видом давая понять, что роскошные его одежды взяты напрокат ради одного только случая. Вот он склонил голову, но Цы уже узнал прорицателя Сюя, человека, вместе с которым он работал на кладбище Линьаня.

Серая Хитрость усадил человечка рядом с собой, зачитал его имя и повторил обещание Сюя говорить только правду. А потом уставился на Цы. Прорицатель хотел сделать то же, но страх не позволил ему поднять взгляд.

— До того как мы услышим признание, — продолжал Серая Хитрость, — я должен, чтобы вы могли постичь истинную сущность обвиняемого, пересказать предыдущие события. Это, несомненно, подведет нас к семейным делам подсудимого. Два года назад обвиняемый Цы, следуя примеру своего осужденного брата Лу, украл у богатого землевладельца триста тысяч и вместе с малолетней сестрой тут же сорвался в бега, не ведая, что за ним уже бросился в погоню страж порядка по имени Гао. Мне не известны подробности этой долгой погони, однако, несмотря на величину похищенной суммы, подсудимый и его сестра очень быстро впали в нищету. И тогда один человек, бедный, но великодушный, — седой указал на прорицателя, — снизошел к их горестям и предложил юноше работу могильщика на Линьаньском кладбище.

По словам Сюя, вскоре на кладбище появился Гао — и спрашивал он про Цы. Сюй, ничего не знавший о проделках своего помощника, укрыл его. Как и всегда, юноша ответил ему черной неблагодарностью: бросил своего спасителя в беде и исчез. Через несколько месяцев Сюй взялся за ум и принял решение помочь правосудию. Зная, что Цы нашел пристанище в Академии Мина, прорицатель сообщил об этом Гао. Однако стражу порядка так и не удалось покончить с преступником — Цы снова его опередил.

Тут Серая Хитрость неожиданно передал слово прорицателю. Человечек пал перед императором ниц, потом поднял голову.

— Все произошло именно так, как рассказал этот досточтимейший из судей. — Сюй покосился на Серую Хитрость. — Страж порядка попросил меня проводить его в академию, поскольку не знал, где она, и заверил, что схватит Цы, пусть даже с риском для жизни. Я отвечал, что в такие дела не вяжусь, да страж меня убедил в конце концов. И вот за ночь до его гибели я отвел его в академию. Я, вообще-то, не собирался бродить там вокруг да около, но вскоре заметил, как Цы и Гао вместе вышли из ворот и двинулись к каналу. Я видел у Гао в руках кувшин — он что-то пил. Вначале их разговор шел довольно мирно, но вскоре завязался жаркий спор, и тогда Цы вдруг что-то такое сделал руками возле головы Гао, спихнул его в воду и был таков. Я побежал за помощью, но успел только увидеть, как несчастный исчезает под водой.

В лицо юноши впились сотни осуждающих глаз, послышался ропот негодования. Цы прикинул, как бы понадежнее опровергнуть показания Сюя.

— С дозволения вашего величества я мог бы доказать, что обвиняющий меня прорицатель не только клевещет на меня, но и пытается обмануть Сына Неба. — Цы надеялся, что эти слова наверняка заинтригуют императора.

Судебный пристав воззрился на владыку в ожидании. Цы все рассчитал правильно: Нин-цзун был взят за живое.

— Пусть говорит, — тихо и невозмутимо велел он.

Цы уткнулся головой в пол и исподлобья бросил взгляд на Серую Хитрость.

— Но мне нужен еще один человек. Мне нужен свидетель, профессор Мин.

* * *

Перерыв позволил Толкователю трупов насладиться эфемерным успехом. Ему не только удалось заронить сомнения в душе императора — теперь он сможет воспользоваться и показаниями, и мудрыми советами Мина; а самое главное — перейти ко второй части своего плана, непременно предусматривавшей разговор с Бо. Сейчас, с Фэном во главе стола, с недужным Мином и без помощи Лазурного Ириса, вся

надежда его была на седого чиновника. Он уже давно заметил Бо в боковом зале, поэтому, когда стражники повели юношу через этот зал, Цы сумел приблизиться к Бо и взмолиться о помощи. Тот удивился, но кивнул и пошел вслед за стражниками в маленькую комнатку, где у Цы наконец появилась возможность поделиться с чиновником своими подозрениями. Поначалу тот колебался, но когда Цы открыл ему все свои аргументы, Бо гарантировал юноше свою поддержку. Потом за Цы явились два стражника, чтобы отвести его обратно в зал, и Бо исчез.

Когда Толкователя трупов вновь поставили перед императором, академик Мин уже полулежал в больничном кресле. На лице старца до сих пор сохранилось удивленное выражение, будто он не понимал, кого здесь судят и отчего он оказался перед императором, поэтому Цы кратко объяснил Мину суть дела. Мин изумился еще больше. Юноша убедился, что ноги его выздоравливают, и вздохнул с облегчением. Когда закончился перерыв, Цы, вновь простершись на полу между двумя караульными, обратился к императору:

— Ваше величество. — Цы подождал, пока Нин-цзун обратит на него внимание. — Как вам хорошо известно, вот уже много лет почтенный профессор Мин руководит академией, которая носит его имя, учреждением столь почтенным, что в престижности оно может состязаться с самим университетом. Вообще-то, в ней учился и Серая Хитрость, хотя ему и понадобилось шесть лет для получения степени, которую другие получают за два.

Нин-цзун нахмурился: оказалось, что обвинитель, о высокой компетентности которого ему столько понарассказывали, вовсе не столь блестящ. Цы втайне порадовался.

— Человек, подобный Мину, заслуживает всяческого вашего доверия, — продолжал Толкователь трупов, не поднимая головы. — Это человек чести, который своей искренностью и своим трудом способствовал росту мудрости среди подданных императора. Человек, в котором невозможно сомневаться.

— Задавайте вопросы, — потребовал судебный пристав.

— Прошу простить, — с готовностью извинился Цы. — Достопочтенный Мин, помните ли вы тот день, когда мы, ваши ученики, осматривали в префектуре Линьаня тело утопленника?

— Да, разумеется. Это было необычное дело. За его успешное раскрытие Серая Хитрость получил место при дворе. Все это случилось за два дня до больших экзаменов.

— Могли ли студенты покидать академию за неделю до экзаменов?

— Это строжайшим образом запрещено. На самом деле, если под влиянием непреодолимых обстоятельств какому-нибудь студенту требуется покинуть здание, о его уходе делает отметку привратник, а мы знаем, что этого не было.

— Понятно. Расскажите, пожалуйста, как ученики готовятся к экзаменам конца триместра.

— И это просто. В последнюю неделю ученики проводят дни в библиотеке, а по ночам готовятся до самой зари в своих спальнях.

— Вспомните, пожалуйста, когда я поступил в академию, у меня был сосед по спальне?

— Да. Как и у любого другого ученика, — отвечал Мин.

— Получается, что, помимо регистрационной книги, о моих возможных отлучках перед убийством мог бы судить и мой сосед?

— Конечно, он мог бы об этом свидетельствовать.

— А не могли бы вы пересказать историю с кражей, которая имела место уже после осмотра трупа?

— С кражей? Ах да! Ты имеешь в виду похищение твоего отчета. Что ж, это был весьма неприятный эпизод. — Мин взглянул на императора. — Цы подготовил подробный отчет о смерти Гао, в котором утверждал, что речь идет об убийстве. Этот отчет был украден и выдан за свой собственный его товарищем по комнате; цель — гарантировать себе должность при дворцовом суде.

— И последний вопрос, достопочтенный Мин. Помните ли вы имя моего соседа по комнате?

— Ну конечно, Цы. Твоим соседом был Серая Хитрость.

* * *

Серая Хитрость скомкал свои записи и изрыгнул ругательство, которое, впрочем, мало кто расслышал в общем шуме. Фэн шепнул ему что-то на ухо, а потом передал какую-то записку. Молодой судья

кивнул и попросил разрешить ему приступить к допросу академика. Император позволил.

— Уважаемый учитель, — сладко начал Серая Хитрость, — уверены ли вы, что сообщили суду правду?

— Ну да, разумеется! — Этот вопрос удивил Мина.

— Значит, вы видели, как я похищаю отчет?

— Нет, но…

— Не видели. Тогда ответьте: считаете ли вы себя человеком чести?

— Да.

— Искренним? Правдивым?

— К чему все это? — Мин покосился на Цы. — Конечно да.

— Порочным? — спросил Серая Хитрость совсем другим голосом.

Мин склонил голову и замолчал.

— Разве вам не ясен вопрос? — настаивал Серая Хитрость. — Или мне повторить его еще раз?

— Нет, — еле слышно ответил Мин.

— Что означает ваше «нет»? Вы не считаете себя человеком порочным или не желаете, чтобы я повторил вопрос?

— Я вовсе не порочный, — ответил Мин уже увереннее.

— Нет? Ну что же… — Седой перечел записку Фэна. — Тогда чем вы объясните ваше чрезмерное влечение к мужчинам? Верно ли, что три года назад юноша по имени Ляо Сань жаловался на вас за приставания?

— Это была наглая ложь! — защищался академик. — Мальчик пытался шантажировать меня, чтобы я выставил ему хороший балл, а когда я отказался…

— Но ведь вас застали вместе, обнаженными, — перебил Серая Хитрость.

— Я повторяю, что все это клевета! Стояло лето, и я спал в своей комнате. А он вошел без разрешения и тотчас же разделся.

— Ну понятно… Здесь же сказано, что два года назад вас видели в компании известного извращенца, причем вы платили ему на входе в гостиницу, которая пользуется недоброй славой. Как представляется, после этого случая ваш собственный совет предложил вам отказаться от руководства академией.

— Проклятье! Тот, кого вы именуете извращенцем, — это был мой племянник, а встретились мы там, где он проживал. Семья попросила меня передать ему деньги, я так и сделал. В академии все поняли меня правильно.

— Клевета… шантаж… несправедливость… — покачал головой Серая Хитрость. — Годы прошли, а вы так и не сменили своей позиции. Скажите, Мин, вы женаты?

— Нет… Вам это известно.

— И у вас никогда ничего не было ни с одной женщиной?

Мин склонил голову. Губы его тихонько дрожали.

— Я… это не моя вина… я только… — бормотал Мин.

— Но вы привлекаете к себе других мужчин.

— Да никогда…

— Я пытаюсь в вас разобраться, Мин. — Серая Хитрость покинул свое кресло и положил руку академику на плечо. — Ну так если это не порок, то как бы вы определили это ваше качество? Любовь?

— Да, любовь, — ответил академик дрожащим голосом. — Да разве любить — это преступление?

— Быть может, это любовь безоговорочная, не требующая ничего взамен, верно?

— Да, так оно и есть. — Глаза Мина болезненно расширились, взгляд ушел в никуда.

— И ради такой вот любви вы пошли бы на что угодно?

— На что угодно, — подтвердил Мин.

— Спасибо, Мин. Это все, — закончил Серая Хитрость.

Мин, так и не придя в себя, кивнул седой головой.

Цы смотрел на своего учителя, сломленного горем, и сожалел, что выбрал его в свидетели. А вот лицо Серой Хитрости было исполнено живейшего внимания. Два стражника уже собирались отправить академика обратно в тюремную больницу, но тут Серая Хитрость заглянул ему в глаза и задал свой последний вопрос:

— И напоследок, Мин. — Седой выдержал долгую паузу. — Вы влюблены в Цы?

Мин замотал головой, словно не понимая вопроса. А потом повернул к Цы исполненный печали взгляд.

— Вы любите Цы?

— Да, — ответил он.

* * *

Оставалось лишь с горечью признать, что противник воспользовался этой подлой стратегией успешно. Не найдя лучших аргументов, не имея, что возразить по существу, он, раздув отвращение, вызванное к свидетелю его гомосексуальными пристрастиями, поставил под сомнение саму правдивость его показаний — тем, что вырвал у Мина публичное признание в любви к подозреваемому.

Вздохнув поглубже, Цы решил взять свое на допросе Сюя, но Серая Хитрость воспротивился этой идее столь эмоционально, будто под угрозу была поставлена его собственная жизнь.

— Ваше величество! — вскричал он. — Обвиняемый в грош не ставит вашу проницательность. Ведь очевидно, что признание Мина уже показало, чего стоят те способы, с помощью которых пытается спасти свою подлую жизнь этот изменник и убийца. Прорицатель уже заверил, что собственными глазами видел, как Цы убил стражника, и с вашего разрешения покинул зал слушаний.

Цы на собственной коже ощутил все таланты Серой Хитрости — таланты подлеца. Вместо того чтобы апеллировать к рассудку императора, седовласый играл на его гордости и отвлекал от мыслей о деле. Получилось так, что Толкователь трупов насмехался над Сыном Неба. И хотя нехитрая игра самого седовласого была, по мнению Цы, шита белыми нитками и очевидна любому, Нин-цзун действительно отказался выслушать его возражения. Цы упал духом, но сдаваться не собирался.

— Тогда, — юноша снова отважился подать голос, — я попросил бы разрешения опросить людей, обнаруживших труп стражника.

Нин-цзун обсудил это предложение с ближайшими советниками. Никого специально призывать не надо было: Серая Хитрость успел уже вызвать двух чистильщиков, вытащивших мертвого Гао из канала. После того как оба работника назвали себя и указали, из каких семей происходят, Цы спросил:

— Как я понял, ваша работа состоит в осмотре каналов? Это верно?

— Так оно и есть, — хором ответили они.

— А в чем именно состоит ваша работа? Я имею в виду — вы бредете вдоль воды? Время от времени?

— Каждый день мы патрулируем берега, проверяем чистоту воды в канале, в прудах и притоках. Мы работаем в южной части города, наша граница — это Рыбный рынок, волнорез и стена, — ответил более пожилой.

— И как долго вы занимаетесь этой работой?

— Я — лет тридцать, мой товарищ — всего с десяток.

— Отлично. Значит, опыта вам не занимать. Уверен, вы прекрасно справляетесь со своей работой, — посуровел Цы. — А теперь скажите: вы могли бы с точностью установить место и обстоятельства обнаружения трупа стража?

— Я его видел, — вставил слово тот, что помоложе. — Он плыл, как дохлая рыба, по одному из боковых каналов, совсем рядом с рынком.

— В южной части города?

— Да, конечно. Мой напарник все правильно рассказал.

— А в каком направлении течет вода в каналах и протоках?

— С юга на север. Как и сама река Чжэшуй.

— Итак, исходя из опыта тридцати лет работы, считаете ли вы возможным, чтобы мертвое тело, сброшенное в воду на севере, поплыло против течения и оказалось на юге?

— Такое невозможно. Есть, конечно, участки спокойной воды, но уж шлюзы-то всяко не позволили бы такому случиться.

— Невозможно? — не выдержал сам император.

Охранники молча переглядывались.

— Никак невозможно! — рявкнули мастера.

Теперь Цы обратился уже к самому императору:

— Ваше величество! Всем известно, что Академия Мина находится на самом севере Линьаня. Прорицатель Сюй утверждал, что я сбросил стража в ближайший к академии канал. Так не кажется ли вам важным узнать, почему солгал Сюй?

* * *

Серая Хитрость побледнел от гнева, когда стражники императора приволокли прорицателя к ногам Нин-цзуна. Пока его тащили по коридору, Сюй всех проклинал, но удар жезлом заставил его склониться перед императором. Прорицатель взвыл и сплюнул, с дикой яростью глядя на Толкователя трупов. Цы был невозмутим.

— Можете начинать, — произнес пристав.

Ко всеобщему удивлению, Цы обратился к Серой Хитрости:

— Теперь ты позабыл, что в ночь перед убийством мы спали в одной комнате, стало быть, уйти незамеченным, чтобы кого-то убить, я не мог. Но тебе не забыть об обстоятельствах гибели стражника. Они ведь фигурировали в отчете, который позволил тебе занять твой нынешний пост.

Серая Хитрость насупился, делая вид, что изучает свои материалы.

— Я все прекрасно помню, — с вызовом отчеканил он.

— И как же это было? По-видимому, это записано в твоем отчете. — Цы притворился, что сам не помнит ответа.

— Спица, прошедшая через ухо до самого мозга, — пробормотал Серая Хитрость.

— Железная спица?

— Да, так и было.

— Такая же? — Цы неожиданно потянулся к прорицателю и вытащил из его спутанных волосьев длинную иглу.

Члены трибунала замерли. Лицо Серой Хитрости, утратив обычный цвет, превратилось в гримасу ярости. А когда Цы взмахнул спицей перед лицом бывшего однокашника, тот, обуреваемый гневом, покинул зал слушаний. Толкователь трупов не терял ни мгновения. В присутствии судьи Фэна он обвинил прорицателя Сюя в убийстве старшего стражника Гао.

— Сюй заинтересовался вознаграждением, которое Гао предлагал за мою поимку. Страж, по-видимому, был человек осторожный, поэтому и не соглашался выдать вознаграждение авансом, требуя, чтобы прорицатель прежде сдал меня ему. Не знаю, решил Сюй, что его обманули, или они повздорили по иному поводу, но в конце концов Сюй убил Гао с целью грабежа, использовав свой привычный способ: металлическую иглу.

— Вранье! — визгливо крикнул Сюй, но тут же получил новый удар.

— Ты говоришь «вранье»? А вот свидетели утверждают, что труп обнаружен неподалеку от Рыбного рынка. То есть получается, как ни странно, что в нескольких шагах от баркаса, где ты живешь, — выпалил Цы. — А что касается денег за выкуп, то уверяю: если стражники вашего величества опросят хозяев местных харчевен и тамошних проституток, они подтвердят, что нищий Сюй в дни после убийства сорил деньгами.

Раздавленный всеми этими доводами, прорицатель мог только бормотать. Он был теперь похож на собаку, молящую о пощаде. Нин-цзун не изменился в лице. Он просто распорядился задержать преступника и прервать заседание до послеполуденного часа.

* * *

При возобновлении процесса Серая Хитрость всем своим видом показывал, что раненый тигр, пусть даже атакованный со спины, все еще способен растерзать своих врагов. Фэн с отсутствующим видом сидел рядом с ним — Цы воспринял это выражение как воплощение лицемерия. Когда в зал вошел император, все склонились в поклоне, — все, кроме появившейся за время перерыва женщины, в которой юноша признал Лазурный Ирис.

Получив дозволение говорить, Серая Хитрость вскочил:

— Божественный государь! Тот факт, что мерзостный прорицатель Сюй пытался обмануть наше доверие, вовсе не освобождает Цы от вполне обоснованных подозрений. Как раз наоборот: одно, но бесспорное обвинение в убийстве делает торжество справедливости еще более неотвратимым. — Седовласый прошел несколько шагов и остановился прямо перед Цы. — Очевидно, что обвиняемый сплел дьявольский план, намереваясь покончить с жизнью министра Кана, и что он его исполнил в точности, а затем попытался скрыть свое ужасное преступление, имитируя обычное самоубийство. Вот оно, истинное лицо этого юноши: друг извращенцев. Беглец от правосудия. И подельник убийц.

Нин-цзун с выразительностью мумии еле заметно опустил веки. Затем, как то и предписывалось правилами, он предоставил слово для защиты Толкователю трупов.

— Ваше величество, — поклонился юноша, — несмотря на все сказанное в моей первой речи, позволю себе еще раз подчеркнуть, что я никогда не стремился на службу к Кану и что именно досточтимый министр повелел мне оказать посильную помощь в расследовании преступлений, предшествовавших его смерти. А теперь я осмелюсь напомнить про обстоятельство, до дыр затертое во всевозможных учебниках по судебному праву: чтобы совершилось преступление, преступнику нужен мотив. И не важно, будет ли то месть, вспышка гнева, ненависть либо алчность. Однако в отсутствии мотива мы будем столь же беспомощны, как беспомощен ныне я перед ложным обвинением. И вот я спрашиваю: зачем мне нужно было убивать Кана? Все помнят, что в случае успеха расследования его величество обещал мне высокий судебный пост. Так скажите же мне, — Цы обернулся к Серой Хитрости, — станет ли голодный сбивать единственное яблоко в своем саду?

Серая Хитрость уже взял себя в руки. Лицо его было исполнено такой уверенности, что Цы занервничал. Седовласый взял слово.

— Прибереги свои глупые словесные игры для студентов и извращенцев — нас такими выкрутасами не запугаешь. Ты говоришь о мотивах? О мести, вспышке гнева, ненависти либо алчности. Что ж, давай это обсудим! — с вызовом воскликнул Серая Хитрость. — Из всего, что ты тут наговорил, истинно только одно: император обещал тебе высокий судебный пост, если ты укажешь автора всех этих преступлений. — Серая Хитрость помолчал. — И что же, ты указал это имя? Может быть, я просто что-то прослушал? — Седой улыбнулся. — Ты говорил о ненависти и мести, не упомянув, что именно эти чувства Кан возбудил в тебе, когда ломал твою волю, угрожая убить твоего любимого учителя. Ты говорил о вспышке гнева, позабыв, как несколько дней назад выглядел ты сам, пронзая ножом тело евнуха. И наконец, ты рассказал нам об алчности, не упомянув, что самоубийство министра вкупе с его весьма своевременной запиской открывало тебе дорогу к обещанной императором награде. Мне неведомо, что подумали прочие, однако, на мой вкус, твою горестную притчу о садовнике, сбивающем последнее яблоко,

следовало бы заменить другой — о голодном, который так возжаждал мяса, что убил свою единственную корову, вместо того чтобы довольствоваться молоком, которое она дает. Но раз уж ты вспомнил о судебных трактатах, не вредно было бы напомнить еще об одном условии любого убийства. О возможности. Итак, ответь-ка нам, Цы: где ты находился в ночь гибели министра Кана?

Пульс и дыхание Цы словно побежали наперегонки. Непроизвольно он бросил быстрый взгляд туда, где по-прежнему стояла супруга Фэна. Юноша не смог от этого удержаться, поскольку в то самое время, когда убивали Кана, он лежал в постели с нею.

Без колебаний Цы заявил, что в указанную ночь он совершенно естественным образом спал, и спал один. Но этот ответ не устроил ни Серую Хитрость, ни императора. Толкователь трупов знал, что седой попробует обыграть его слова в своих целях, поэтому сам попросил слова, дабы перевести общее внимание на нечто совсем иное.

— В этих доводах столько же здравого смысла, сколько его у слонов, когда они в страхе давят друг друга. Ты берешь столь широко, что с легкостью мог бы обвинить половину сидящих в этом зале. Но разве тебя это смутит, если главное для тебя — добиться своей цели! Тебе не хуже моего известно, что очень многие Кана столько же ненавидели, сколько и боялись, и что здесь легко отыщется с десяток кандидатов в его убийцы с мотивами того же порядка. Но ответь-ка мне на совсем простой вопрос. — Толкователь трупов выдержал долгую паузу. — Какая идиотская причина заставила бы убийцу выдать себя с головой? Или еще проще: будь я убийцей, зачем бы я первым открыл императору, что самоубийство Кана на самом деле было убийством?

Цы довольно улыбнулся, понимая, что высказал решающий аргумент. Император, однако, вздернул левую бровь и посмотрел на юношу с презрением.

— Ты мне ничего не открыл, — произнес Нин-цзун. — Об убийстве министра мне доложил Серая Хитрость.

Цы обомлел, не в силах понять, по какой причине император отказывает ему в первенстве. Это же был фундамент его доказательств! Если его выбьют у Цы из-под ног, уже никто и ничто не спасет его. На его вопрос ответила легкая улыбка, невзначай

скользнувшая по губам Фэна: Фэн вовсе не говорил с императором о его открытиях. Он передал их Серой Хитрости.

* * *

Перерыв в заседании дал юноше необходимую передышку, чтобы унять ненависть к Фэну и Серой Хитрости, которая буквально лишала его рассудка. Императору предстояли непременные вечерние церемонии, поэтому он перенес продолжение суда на утро.

В тюремном застенке Цы увидел Фэна. Судья ждал сгорбившись, сидя на единственном табурете посреди камеры. Он сделал караульному знак обождать за железной решеткой, пока он будет говорить со злоумышленником. На полу стояла миска с супом. Толкователь трупов с самого утра не проглотил ни крошки, но есть не хотелось и теперь. Караульный приковал Цы к стене и вышел из камеры.

— Держи, ты ведь голодный, — произнес Фэн, не поднимая взгляда, и переставил тарелку поближе к ногам юноши.

Цы пнул миску с такой силой, что суп заляпал торжественное облачение судьи. Фэн поспешно вскочил. Смахивая брызги, он смотрел на Цы горестным взглядом, словно отец на срыгнувшего новорожденного.

— Ты должен успокоиться, — произнес судья снисходительным голосом. — Я понимаю твое негодование, но мы и теперь можем уладить это дело. — Он снова сел перед Толкователем трупов. — Потому что вся эта история зашла слишком далеко.

Цы даже не смотрел в его сторону. Как мог он относиться к этому предателю, словно к отцу? Если бы не цепь, он собственными руками задушил бы судью.

— Я вижу, ты не хочешь говорить, — продолжал Фэн. — На твоем месте я поступал бы так же, да только сейчас не то время, чтобы быть идиотом и тешиться гордостью. Ты можешь и дальше молчать, дожидаясь, пока Серая Хитрость не порвет тебя на куски, — или выслушаешь мое предложение и спасешь свою шкуру.

Фэн велел караульному принести новую миску супа, но Цы взъярился еще пуще:

— Жри его сам, мерзкий ублюдок!

— Ага! Кажется, языка ты пока не лишился. Цы, выслушай меня, ради старика Конфуция! Ты много чего пока не понимаешь. Есть вещи, над которыми ты даже не задумывался. Весь этот судебный процесс затеян не ради тебя. Доверься мне, и я тебя вытащу. Кан мертв, и не все ли равно, был он убит или покончил с собой? Ты просто должен помалкивать. Я опозорю Серую Хитрость и этим спасу тебе жизнь.

— Что значит — затеян не ради меня? Да разве в тюрьму бросили кого-нибудь другого? Или ребра ломали вовсе не мне? Ты о таком доверии говоришь?

— Проклятье! Да я просто старался, чтобы дело отобрали у тебя и возложили ответственность за расследование на Серую Хитрость. Если бы он действовал по моей указке, все вышло бы намного проще, однако его зависть оказалась сильнее, и он обвинил тебя.

— Правда? Так почему же я вам все-таки не верю? Если бы вы и впрямь хотели мне помочь, это можно было сделать в Зале слушаний. Что вам стоило объявить, что именно я рассказал об убийстве Кана?

— Именно так бы я и сделал, если бы от этого была какая-то польза. Но получилось бы, что я говорю то одно, то другое, а это лишило бы меня доверия императора. Сейчас Нин-цзун мне доверяет. И нужно, чтобы так оно и продолжалось, если ты хочешь, чтобы я тебя спас.

— Так же, как спасли моего отца?

— Не понимаю. Что ты имеешь в виду? — Лицо Фэна переменилось.

Вместо ответа Цы вытащил записку, найденную в книге Фэна, и бросил к ногам судьи:

— Узнаете почерк?

Фэн с удивлением поднял с пола листок. Прочитал — и руки его задрожали.

— Где… где ты это откопал? Ведь я… — Речь его перешла в бормотание.

— Вот почему вы запретили моему отцу возвращаться? Чтобы и дальше воровать партии соли? Поэтому вы и с евнухом разделались? Ведь Нежный Дельфин обнаружил те же нестыковки! — кричал Цы.

Фэн пятился назад, широко распахнув глаза, как будто бы увидел привидение.

— Да как ты смеешь, неблагодарный? И это после всего, что я для тебя сделал!

— Ты обманул моего отца! Ты всех нас обманул, а теперь осмеливаешься напоминать о благодарности? — Цы дернул за цепь, силясь освободиться.

— Твой отец? Да он бы должен был мне ноги целовать! — выкрикнул Фэн с искаженным лицом. — Я вытащил его из нищеты, а к тебе относился как к родному сыну!

— Не пачкай имя моего батюшки, иначе… — Цы снова тряхнул цепями; железо лязгнуло о стену.

— Да разве тебе не понятно? Я обучал и воспитывал тебя как приемного сына, ведь у меня никогда не было родного! — В глазах его сверкало безумие. — Я всегда тебя защищал. Я даже позволил тебе уцелеть при взрыве. Почему, как ты думаешь, умерли только они? Я мог бы дождаться твоего возвращения… — Судья протянул дрожащую руку, чтобы погладить юношу по лицу.

От последних признаний юношу будто разорвало надвое.

— Какого взрыва? Что ты имеешь в виду? — Цы отступил к стене, точно мир вокруг него стремительно рушился. — Что значит «умерли только они»? — Теперь Толкователь трупов извивался всем телом, пытаясь дотянуться до Фэна.

Фэн стоял совсем рядом, протянув руки, словно желая обнять ученика. Взгляд его подернулся пеленой.

— Сын мой, — всхлипнул он.

И тут Цы все же ухитрился схватить судью за край одеяния. Дернув Фэна к себе, он захлестнул его шею цепью и принялся душить. Фэн отчаянно барахтался, не понимая, что происходит, лицо его стремительно синело. На губах судьи выступила белесая пена — и тут на Цы сзади набросился караульный.

Последнее, что услышал юноша, теряя сознание, — это как Фэн кашляет и угрожает своему ученику страшнейшими из пыток.

35

Стражник про себя полагал, что молодого преступника перед казнью и в чувство-то приводить не стоит, — но, подчиняясь приказу начальника, все же выплеснул на окровавленное лицо юноши несколько ведер воды. Цы со стоном пытался разлепить заплывшие веки, но те не слушались. С трудом он различил, что над его избитым телом склоняется размытая фигура.

— Ты должен быть поосторожней, — услышал он голос Фэна. — Держи. Вытрись. — Судья протянул ему шелковый платок, но Цы его не принял.

Понемногу очертания становились все более ясными. Фэн сидел рядом с ним на корточках и разглядывал его, как агонизирующее насекомое, которое сам же и раздавил. Цы попробовал до него дотянуться, но цепи держали крепко.

— Извини, эти стражники такие грубые. Порою они просто не различают, где человек, а где животное. Но это их работа, и никто не вправе их за это упрекать. Хочешь воды?

И хотя вода эта отдавала ядом, Цы принял стакан, потому что внутри у него все горело.

— Знаешь, Цы, я должен признать, что всегда восхищался твоей проницательностью, однако теперь ты превзошел все мои ожидания, — продолжал Фэн. — И это очень жаль, поскольку — если ты только не передумаешь — твое же хитроумие приведет тебя прямиком на эшафот.

И судья улыбнулся с бесстыдством гиены.

— То же хитроумие, с помощью которого ты обвинил моего брата, мерзавец?

— Ах, так ты и об этом проведал? Ну что ж. Признайся как эксперт эксперту, это был замечательный ход. — Фэн говорил словно о партии в шашки. — Как только я устранил Шана, мне понадобился виновный, а твой братец был самой подходящей кандидатурой: три тысячи, которые нарочно проиграл ему один из моих людей; подмена нити шнурком Шана сразу после поимки Лу; снадобье, которым мы его опоили, чтобы не позволить ему защищаться на суде… А главное

— серп, который мы у него похитили, а потом смочили кровью, чтобы невинная мошкара окончательно его изобличила…

Цы мало что понимал. Под черепом у него до сих пор гудело от немилосердных ударов.

— Как бы то ни было, я вижу, что привычка шарить по чужим книгам у тебя наследственная, — продолжал Фэн. — Твоему отцу заглянуть в мои счета показалось мало — он еще решил поделиться своими открытиями с беднягой Шаном. Вот почему от того пришлось избавиться… Это было только предупреждение, но твой отец ему не внял. Вечером перед взрывом я приходил, чтобы его переубедить, однако твой батюшка будто спятил. Он угрожал на меня донести. В конце концов я сделал то, что должен был сделать с самого начала. Мне нужна была копия документа, которым он мне угрожал, но он не соглашался мне ее отдать. Видишь сам — он просто не оставил мне выбора. Идея с пороховым взрывом, который объяснил бы все его раны, пришла мне в голову попозже — когда я услышал раскаты грома.

Цы окаменел. Вот, значит, отчего братец Лу взял его серп, не найдя своего! Поначалу Цы объяснял поведение брата иначе: любой убийца старается отделаться от орудия преступления.

— Ну хватит, Цы! — рявкнул Фэн. — Да неужели ж ты думал, что и впрямь какая-то случайная молния оборвала жизнь твоих родителей? О Великий Будда! Спустись с небес на землю!

Цы смотрел на судью уже не с ненавистью, а просто не в силах поверить в такое и желая убедиться, что услышанное — не более чем нелепый кошмар, который рассеется, стоит лишь проснуться. Но Фэн продолжал куражиться перед ним, впадая уже в полное неистовство.

— Твоя семья! — Судья плюнул на тюремный пол. — Да что они все сделали ради тебя? Твой братец-громила тебя избивал до потери сознания, а твой отец — слабак, не способный защитить своих дочерей и воспитать сыновей. И ты все еще оплакиваешь их потерю? Да ты должен был бы всечасно благодарить меня за то, что я убрал этот мусор с твоей дороги. — Фэн вскочил и принялся мерить камеру шагами. — Или ты позабыл, что именно я вытащил тебя из грязи, именно я дал тебе образование, сделал таким, каков ты есть? Неблагодарная тварь! — Судья почти рыдал. — В этой семье один только ты и был хорош. А теперь, когда ты вернулся, я думал, мы

будем счастливы. Ты, я и моя жена Лазурный Ирис. — Когда судья Фэн произнес имя своей супруги, лицо его оттаяло, как по волшебству. — Из вас двоих я устроил бы себе семью… Чего еще и желать? Я тебя принял. Ты был для меня почти как сын…

Цы с изумлением взирал на эту вспышку безумия. Никакими ухищрениями, ни словом, ни делом он не сумел бы вернуть Фэну рассудок.

— Но мы еще можем вернуться к прежней жизни, — продолжал Фэн свой монолог. — Позабудь о прошлом! Со мной тебя ожидает будущее. Чего ты хочешь? Богатства? Будет тебе богатство. Познаний? Ну, тут я точно угадал. Ты всегда хотел выделиться своею ученостью. Будут у тебя и познания. Я сделаю так, что ты пройдешь экзамены и займешь лучшую из государственных должностей. Любую! Ты что, не понимаешь? Не понимаешь, как много я могу для тебя сделать? И знаешь, почему я тебе все это говорю? Потому что мы до сих пор можем вернуться к прежней жизни. Одна семья. Ты, я и Лазурный Ирис.

Цы смотрел на бывшего учителя с презрением. Действительно, совсем еще недавно он страстно желал занять пост судьи. Но теперь его единственной целью было вернуть честное имя отцу и разоблачить лживого убийцу.

— Прочь отсюда! — проревел Цы.

— Да что с тобой? — изумился Фэн. — Разве есть у тебя право меня презирать? Или ты думаешь, что способен меня разоблачить? Дело в этом? В этом? — Теперь судья смеялся. — Наивный мальчишка! Ты и вправду почитаешь меня за дурака, готового сначала открыть перед тобой свое сердце, а потом позволить себя погубить?

— Твоего признания мне не нужно, — тихо произнес Цы.

— Значит, не нужно? И что же ты собираешься рассказать? Что это я убил Кана? Что я воровал соль? Что я убил твоих родителей? Клянусь всеми бессмертными, сынок, нужно быть полным дураком, чтобы думать, будто тебе кто-то поверит. Посмотри на себя: ты всего лишь приговоренный к смерти, ты отчаялся настолько, что готов на все, лишь бы избежать казни. А тюремщики подтвердят, что ты на меня покушался.

— У меня есть… доказательства… — Толкователь трупов еле шевелил языком.

— Ты в этом уверен? — Судья прошел в угол камеры и вытащил из сумки гипсовый слепок. — Не на это ли ты рассчитывал? — Фэн предъявил Толкователю трупов модель пушки, которую забрал из Академии Мина. — Ты думал — вот оно, твое спасение? — Судья поднял модель над головой и швырнул на пол, расколов на тысячу кусков.

Цы зажмурился, чтобы гипсовая крошка не попала в глаза. И долго потом не открывал. Он не хотел видеть Фэна. Он просто хотел его убить.

— Ну и что теперь? Станешь молить о пощаде? Как твои родители? О, они умоляли сохранить им жизнь!

Юноша напрягся так, что чуть не задушил себя железными цепями; Фэн наслаждался его отчаянием.

— Трогательная картина! — хохотал судья. — Неужели ты полагал, что перед тобой глупец, который позволит себя уничтожить? Я могу запытать тебя до смерти, и никто не придет к тебе на помощь.

— Так чего же ты ждешь? Давай! Начинай! Только это мне сейчас и нужно, — выговорил Цы.

— Ага, чтобы меня потом судили? — Фэн снова расхохотался. — Я чуть не забыл, с каким хитрецом имею дело… — И он покачал головой. — Охрана! — выкрикнул судья. Караульный, явившийся на зов, держал в одной руке бамбуковую палку, а в другой щипцы.

— Повторяю тебе: я не дурак. Видишь ли, бывает так, что обвиняемые лишаются языка и потом уже не могут выступить в свою защиту, — добавил Фэн, покидая камеру.

* * *

От первого удара Цы согнулся как раз настолько, чтобы второй пришелся ему по спине. Палач усмехнулся и закатал рукава. Цы пытался защищаться, прекрасно понимая при этом, что тюремщик честно отработает свои деньги. Толкователю трупов уже доводилось видеть подобное. Вначале палач будет его избивать, пока не надоест. Затем заставит подписать признание, а получив нужный документ, вырвет ногти, переломает пальцы и отрежет язык, чтобы гарантировать молчание обвиняемого на суде. Юноша подумал о своей

семье и об ужасной смерти, которая ожидает его самого. То, что убитые окажутся неотомщенными, приводило его в отчаяние.

Следующие удары лишили его последних сил, а тряпка, которой ему заткнули рот, мешала дышать. Взгляд Цы уже туманился, но образы родителей выступали все более отчетливо. Когда придвинувшиеся вплотную призраки шепнули, что нужно бороться, он решил, что настала агония; это подтвердил и металлический привкус крови во рту. Цы чувствовал, что силы его покидают. Лучше было бы, наверное, умереть прямо сейчас, чтобы покончить с мучениями, но призрак батюшки заставлял его сопротивляться. От нового удара тело Цы провисло на железных цепях. Мускулы его напряглись. Он понял, что должен остановить пытку раньше, чем палач нанесет решающий удар.

Цы втянул носом жидкую смесь воздуха, пота и крови и, когда она достигла его легких, плюнул изо всех сил. Грязная тряпка вылетела у него изо рта: Цы наконец-то мог говорить.

— Я признаюсь, — просипел он.

Эти слова не избавили юношу от последнего яростного удара будто его неожиданное решение лишило палача законного нрава на развлечение. Удовлетворившись сделанным, тюремщик снял цепь, стягивавшую запястья юноши, и протянул ему документ о признании. Цы принял кисточку в дрожащие ладони и нацарапал нечто, напоминавшее подпись. И выронил кисть, оставив на бумаге след из крови и чернил. Палач с отвращением осмотрел испачканный листок.

— Сойдет, — решил он и передал документ другому тюремщику. А потом щелкнул щипцами. — Ну а теперь посмотрим на эти пальчики.

Цы не мог сопротивляться. Его обвисшие руки уже казались руками мертвеца. Палач ухватил его за правое запястье и поймал щипцами ноготь большого пальца. Сжал щипцы, с силой потянул и вырвал ноготь, но юноша даже не изменился в лице; палач явно оказался разочарован. Он ухватил щипцами второй ноготь, но вместо того, чтобы вырвать его с корнем, потянул наверх и переломил. Цы недовольно поморщился.

Палач, удивленный терпеливостью жертвы, покачал головой.

— Ну, раз ты не кричишь, стало быть, язык тебе не нужен. Вот мы тебя от него и избавим, — усмехнулся мучитель.

Цы напрягся. Цепи по-прежнему держали его, но дух отца заставлял действовать.

— А ты… тебе уже приходилось кому-то вырывать язык? — произнес Цы.

Палач поглядел на него поросячьими глазками:

— Теперь мы еще и разговариваем?

Цы постарался улыбнуться, но ему удалось только отхаркнуть кровавую слизь.

— Когда ты его вырвешь, ты одновременно оборвешь и мои вены. И тогда я изойду кровью, как свинья, и тебе уже не спасти мою жизнь. — Цы помолчал. — А знаешь, что случается с теми, кто убивает обвиняемого до приговора?

— Хватит болтать! — прикрикнул палач, но щипцы опустил. Он знал, что в таких случаях виновников смерти немедленно убивают.

— Неужели ты настолько туп, что не понимаешь? Почему, как ты думаешь, Фэн вышел из камеры? Он знает, что должно со мной случиться, и не захотел брать вину на себя.

— Я же сказал: заткнись! — Палач ударил пленника в живот, Цы перегнулся пополам.

— И где же все дворцовые врачи? — прохрипел Толкователь трупов. — Если ты послушаешься Фэна, я умру от потери крови. А потом он скажет… скажет, что не отдавал тебе никакого приказа. Скажет, что это все твое самоуправство, и тебе конец.

Палач засомневался: кажется, до него дошло наконец. Все, что просипел этот молокосос, было правдой. Его обвинят в том, что он не уберег свидетеля.

— Если я не подчинюсь, я… — Он вновь схватился за щипцы.

— А ну-ка, остановись! — прозвучал властный голос снаружи.

Цы и его палач одновременно повернули головы. За решеткой стоял Бо с двумя стражниками. Палачу приказали убираться.

Цы ничего не понимал. Он только почувствовал, что его поднимают и ставят на ноги. Бо достал флакончик с нюхательной солью — ею обычно приводят в чувство во время пыток — и поднес к самому носу страдальца.

— Пошли. Поторапливайся! Суд вот-вот начнется, — подгонял седой.

По дороге Бо рассказывал Толкователю трупов о результатах своих изысканий, но юноша его почти не слушал. Разум Цы теперь превратился в хищника, единственной целью которого была яремная вена на шее Фэна. Однако чем ближе они подходили к залу слушаний, тем внимательнее он слушал разъяснения чиновника. Перед входом Бо протер лицо узника и дал ему чистую одежду.

— Будь осторожен и старайся не допускать ошибок. Помни, что обвинить придворного — это то же самое, что обвинить самого Нин-цзуна, — предупредил седой.

Когда двое солдат вытолкнули Цы вперед, от удивленного возгласа не смог удержаться даже сам император. Лицо юноши превратилось в шмат избитой плоти, глаза едва выглядывали из щелочек среди синих опухолей. А вот лицо Фэна исказилось от страха. Бо занял место в нескольких шагах от Цы, не выпуская из рук большой кожаной сумки. Наконец император сделал знак прислужнику: тот ударил в гонг, следствие возобновилось.

Первым взял слово Фэн. На нем была его старая судейская мантия и особая шапочка, обозначавшая, что на сей раз судья на стороне обвинения. Зверь наконец решил выпустить когти. Цы взглянул на Бо; седой чиновник кивнул.

— Быть может, некоторым из вас приходилось чувствовать боль от предательства безупречного торгового партнера, который привел вас на грань разорения: или от измены любимой женщины, которая бросает вас ради более состоятельного поклонника; или от заведомо нечестного назначения вашего соперника на престижную должность, — работая на публику, принялся фиглярствовать Фэн. — Однако заверяю вас: ни одному из этих несчастий не сравниться с горечью и страданием, которые переполняют сейчас мое сердце… Этот человек, простершийся ныне перед императором в показном страхе и смирении, на деле является худшим из обманщиков, самым неблагодарным и лживым из человеческих существ. До вчерашнего дня я относился к обвиняемому, как к родному сыну, и предоставлял ему свой кров. Я обучал, кормил и защищал этого мальчика, словно щенка. На этого юношу я возлагал надежды несчастного отца, оставшегося без потомства. Однако сегодня, к неутешной моей скорби, я убедился, что под этой фальшивой шкурой ягненка таится самое подлое, растленное и смертоносное существо, которое даже трудно

себе и вообразить… Как только мне открылась истина, я уже не мог таить свое разочарование. Я прерываю свое покровительство, я направляю против негодника весь мой гнев и поддерживаю обвинение Серой Хитрости. С болью в сердце мне пришлось пролить кровь юного обманщика, чтобы добиться от него признания в преступлениях. От того, кто — как я надеялся — унаследует и мою честь, и мое имущество, я услышал самые страшные слова, которые отец только может услышать от сына. — Фэн взял со стола признание Цы и предъявил его императору. — К счастью, дух удачи решил избавить нас от дальнейших потоков лжи: он сделал так, что обвиняемый в припадке ужаса откусил себе язык. Но это не может остановить мое стремление восстановить справедливость, которую это отвратительное создание поставило под угрозу своим бесчестным поведением.

Император внимательно прочел документ, в котором Цы брал на себя убийство Кана и объяснял свои мотивы. Затем, удивленно вскинув брови, Нин-цзун передал бумагу судебному приставу, хранившему у себя все признания и заявления. Затем он поднялся и направился к Цы с гримасой человека, нежданно вляпавшегося в нечистоты.

— Изучив документ с признанием и принимая во внимание, что обвиняемый не имеет возможности произнести защитительную речь, мне приходится сразу же огласить приговор…

— Это не моя подпись, — харкнув кровью, перебил императора Цы.

По залу пронесся вздох изумления. Фэн, дрожа, поднялся со своего места.

— Это не моя подпись! — слабо, но уверенно повторил Цы.

Фэн сделал шаг назад, как будто с ним заговорил призрак.

— Ваше величество! Обвиняемый уже во всем признался! — выкрикнул Фэн.

— Молчать! — прорычал Нин-цзун. И умолк сам, обдумывая и взвешивая решение. — Может быть, он и вправду подписал этот документ. А может, и нет. Но любой обвиняемый имеет право на слово для последней защиты. — Император снова сел и с суровым ликом предоставил слово Цы.

Толкователь трупов склонился в поклоне:

— Досточтимый государь… — Юноша страшно закашлялся.

Бо уже хотел броситься на помощь, но его остановил стражник. Отдышавшись, Толкователь трупов продолжил:

— Перед лицом всех присутствующих я должен сознаться в своей вине. В вине, которая пожирает меня изнутри. — По залу вновь разнесся шепоток. — Тщеславие… да, именно тщеславие ослепило меня, так что я превратился в невежду и глупца, не способного отличить истину от лжи. Моя глупость заставила меня связать свое сердце и все свои мечты с человеком, который, как никто другой, воплощает в себе ложь и лицемерие; с крокодилом, который сделал предательство сутью всей своей жизни, неся при этом смерть всем, кто его окружает. Когда-то я почитал этого человека своим отцом, но теперь я знаю, что он — преступник.

С этими ловами Цы посмотрел на Фэна.

— Попридержи язык! — пригрозил ему судебный пристав. — Все, что ты говоришь против императорского слуги, ты говоришь против императора!

— Я знаю. — Цы снова закашлялся. — И последствия мне тоже известны, — дерзко добавил он.

— Ваше величество! Да неужели вы собираетесь его слушать? — возопил Фэн. — Он будет лгать и клеветать, лишь бы спасти свою шкуру.

Император нахмурился:

— Фэн прав. Либо ты подтверждаешь свои обвинения фактами, либо я немедленно распоряжусь тебя казнить.

— Заверяю ваше величество, что более всего на свете я желаю доказывать и приводить факты. — Лицо Толкователя трупов исполнилось неистовой решимости. — Поэтому я докажу, что именно я, а не Серая Хитрость обнаружил, что смерть Кана не была самоубийством; что именно я рассказал об этом Фэну; что судья в нарушение своего обещания передал эти факты не вашему величеству, а Серой Хитрости.

— Я жду, — поторопил Нин-цзун.

— Тогда позвольте мне задать вопрос вашему величеству. — (Император, помедлив, кивнул.) — Предполагаю, что Серая Хитрость открыл вам подробности, которые подтолкнули его к столь неожиданному выводу.

— Это верно. Он открыл подробности.

— Детали, которые нигде более не обсуждались?

— Мое терпение уже на пределе!

— Тогда ответьте, ваше величество, откуда я тоже знаю эти подробности? Откуда бы мне знать, что Кана вынудили написать ложное признание, что его одурманили наркотиками, раздели и еще живого повесили два человека, сдвинувшие с места тяжелый сундук?

— Ну, это уж совсем глупо, — вмешался Фэн. — Он все это знает, потому что сам и готовил убийство.

— А я докажу, что нет! — Цы впился глазами в лицо Фэна, и стало видно, что судья напуган. — Досточтимый государь… — Толкователь трупов вновь обернулся к Нин-цзуну. — Сообщил ли вам Серая Хитрость интересную деталь о веревке? Упомянул ли он, что одурманенный Кан не шевелился, когда его вешали? Уточнил ли он, что след от веревки на пыльной потолочной балке был тонок, без всяких признаков раскачивания?

— Да. Так и было. Но я не вижу связи…

— Позвольте еще один, последний вопрос. Веревка все еще привязана к балке?

Нин-цзун переадресовал этот вопрос Серой Хитрости; седой ответил, что так и есть.

— В таком случае вы можете удостовериться, что Серая Хитрость лжет. На балке не осталось никакого следа. Он оказался стерт, когда я проверял, как движется веревка. Серая Хитрость определенно не мог видеть следа сам. Он знал о нем только из рассказа Фэна, а Фэну об этой детали сообщил я.

Нин-цзун кинул грозный взгляд в сторону обвинителей. Серая Хитрость опустил голову, но Фэн тотчас нашелся с ответом.

— Хороший ход, хотя и предсказуемый, — улыбнулся Фэн. — Даже самый недалекий человек сообразит, что при снятии трупа след на пыли неминуемо сотрется, клянусь бородой Конфуция, ваше величество!

Император пригладил коротенькие усики и снова принялся читать признание Цы. Процесс подходил к концу. Нин-цзун сделал писцу знак приготовиться и поднялся для оглашения приговора, но Цы его опередил.

— Умоляю, дайте мне последнюю возможность! Если мне не удастся вас убедить, то, обещаю, я сам проткну свое сердце.

Император колебался. Несколько мгновений на его лице читалась неуверенность. Но вот он сдвинул брови и взглядом поискал ответа у Бо. Седой чиновник кивнул.

— Последнюю — разрешаю. — Нин-цзун снова сел.

Цы отер рукавом пот со лба. Вот он, его последний шанс. Толкователь трупов обернулся к Бо, и седой передал юноше сумку, с которой не расставался все это время.

— Ваше величество. — Цы предъявил сумку императору. — Здесь, внутри, — доказательство, которое не только подтвердит мою невиновность, но и откроет завесу страшной махинации. Вся эта затея — следствие нездорового и безжалостного честолюбия; следствие того, что человеку, жаждущему крови, открылся новый жуткий способ проливать эту кровь. В моей сумке — оружие, самое смертоносное из всех, когда-либо придуманных людьми. Это пушка, но столь легкая, что не нуждается ни в каком лафете. Столь небольшая, что ее можно прятать и переносить под одеждой. И столь опасная, что из нее можно раз за разом убивать издалека, не рискуя промахнуться.

— Что еще за глупости? Теперь в ход пошла магия? — возмутился Фэн.

Вместо ответа Цы засунул руку в сумку и вытащил оттуда скипетр, сделанный из бронзы. При виде этого устройства Нин-цзун удивился, а Фэн побледнел.

— В руинах бронзовой мастерской я обнаружил глиняные обломки странной литейной формы. Стоило мне ее восстановить, ее выкрали из моей комнаты. К счастью, я из предосторожности успел сделать в этой форме отливку из гипса и спрятал ее в Академии Мина, — объяснил Цы. — Как только Фэн узнал о гипсовой модели, он предложил хранить ее у себя, и я по наивности согласился. Но все же я заподозрил обман прежде, чем передал Фэну разрешение забрать модель, и переменил записку: во втором варианте я уточнил, что прошу хранителя выдать судье гипсовую модель… но не ее бронзовый аналог, который заказал изготовить тоже. — Толкователь трупов взглянул сначала на судью, потом на императора. — Фэн уничтожил хрупкую отливку, которую почитал главной уликой, но не знал, что в академии хранился не только образец из гипса. Я заказал слуге Мина — за немалую, кстати, сумму, — отлить бронзовую модель, настоящую, точную копию первоначального оружия. — Цы осторожно

поднял пушечку над головой. — И этот вариант, как видите, идеально совпадает с орудием убийства.

Император смотрел на ручную пушку без всякого интереса.

— Ну и как же это странное изделие связано с убийствами? — спросил он наконец.

— Это «изделие», как именует его ваше величество, и есть причина всех смертей. — С разрешения пристава Толкователь трупов передал пушечку Нин-цзуну, тот недоверчиво ее осмотрел. — С единственной целью собственного обогащения Фэн придумал и сконструировал этот подлый инструмент, страшное оружие, секрет которого он намеревался продать цзиньцам. Чтобы финансировать его производство, Фэн начал манипулировать доходами от торговли солью, — продолжал Цы. — Евнух Нежный Дельфин был добросовестным слугой вашего величества, проверявшим документацию соляной монополии. Когда он заметил, что Фэн ведет нечестную игру, судья сначала постарался его подкупить, а когда это не удалось, убрал с дороги.

— Клевета! — крикнул Фэн.

— Тишина в зале! — оборвал его пристав. — Продолжай, — обратился он к Цы.

— Нежный Дельфин не только обнаружил те же расхождения, что прежде него увидел мой батюшка. Евнух также выяснил, что не доставленный по назначению товар шел на приобретение «снежной» соли — дорогостоящего и сложного в изготовлении продукта, который в первую очередь используется для получения боевого пороха. К тому же Нежный Дельфин узнал о громадных выплатах трем людям, которые впоследствии и оказались умерщвлены: таинственному алхимику, мастеру бронзовых дел и литейщику из его мастерской. Выяснив это обстоятельство, честный евнух закрыл все счета, тем самым связав руки Фэну. — Юноша предъявил отчет, который передал ему Бо. — И все-таки Нежный Дельфин оказался не первой жертвой судьи Фэна: эта жуткая честь выпала на долю алхимика — даосского монаха по имени Ю, чьи пальцы, изъеденные солью, ногти, перепачканные углем, и небольшая татуировка «инь-ян» позволили мне установить род его занятий: изготовление пороха. Когда Фэн не смог больше выплачивать ему обещанные деньги, старый алхимик

вышел из повиновения. Они спорили, Ю чем-то пригрозил Фэну, и тот выстрелил в него из нового оружия.

Цы вызывающе посмотрел на судью, потом продолжал:

— Ядро попало в грудь, сломало одно из ребер и вышло через спину, застряв в какой-то деревянной перегородке. Желая избавиться от всех улик, Фэн не только выковырял ядро, но вдобавок до неузнаваемости изуродовал отверстие в теле покойного. Он располосовал рану на груди так, что она стала казаться всего лишь следствием некоего мрачного ритуала… На следующий день пришел черед и мастера-литейщика — этого юношу мне удалось опознать по странным шрамам на лице. Это были следы, оставленные каким-то давним взрывом. Мотив убийства был сходный: невозможность расплатиться. Фэн нанес молодому работнику удар кинжалом в сердце, а затем расширил рану, чтобы она походила на воронку в теле алхимика и наводила на мысль о повторении ритуального убийства… Что касается Нежного Дельфина, здесь Фэн действовал иначе. Поскольку исчезновение евнуха неминуемо вызвало бы подозрения, Фэн для начала попробовал его подкупить. Зная о пристрастии евнуха к предметам старины, судья попытался купить его молчание, подарив ему древний каллиграфический список стихотворения, поистине бесценный. Поначалу Нежный Дельфин принял это сокровище, однако позже, узнав об истинных масштабах преступной деятельности Фэна, отказался его прикрывать. И тогда Фэн, хотя и понимая, что сильно рискует, но сознавая также, что донос чиновника Подворной палаты приведет к строжайшей проверке, зарезал евнуха и изуродовал тело, снова выкромсав в его груди уже знакомую нам воронку… А затем он лишил жизни владельца бронзовой литейной — человека, изготовившего оригинал ручной пушки, копия которой сейчас находится в ваших руках. Фэн убил его после торжественного приема, устроенного в честь посольства Цзинь, в ваших садах, что подтверждается пробой земли, которую я взял из-под ногтей покойника. Сначала Фэн заколол мастера, затем с чьей-то помощью спрятал в свой паланкин, обезглавил и оставил тело по другую сторону дворцовой стены… Итак, Фэн запланировал и реализовал убийство трех своих жертв, он отрез***а***л им головы и уродовал лица, чтобы затруднить опознание, он вырез***а***л им на груди странные раны,

чтобы сымитировать деятельность какой-то преступной секты и навести следствие на ложный след.

Император долго молчал и озабоченно тер подбородок. Потом произнес:

— Так ты говоришь, это маленькое изделие таит в себе…

— Представьте себе, ваше величество, что оно есть у каждого солдата. Сколько крови прольется — и вообразить невозможно.

* * *

Когда император дал ответное слово Фэну, тот поднялся со своего места, заметно дрожа. Лицо его, побледневшее от гнева, казалось еще более страшным, чем оружие, в изобретении которого его обвиняли. Судья указал прямо на Цы.

— Ваше величество! Я требую, чтобы преступника покарали немедленно, — ведь его обвинения прямо направлены против вас! В стенах этого зала мне никогда не доводилось слышать столь неуважительных речей. Это поношение, какого не потерпел бы ни один из ваших предшественников на троне.

— Не тревожьте моих мертвецов и следите за собственными речами! — оборвал его Нин-цзун.

Из мертвенно-бледного лицо Фэна сделалось пунцовым.

— Ваше императорское величество! Этот наглец, именующий себя Толкователем трупов, на самом деле должен бы называться Извратителем истин. Он пытается обвинить человека, который служил вам со всей преданностью, он извращает и коверкает правду с единственной целью избежать наказания. На чем он основывает свои обвинения? Где его доказательства? Его слова — это потешные огни, столь же трескучие, как и воображаемый порох, о котором он тут распространяется. Да с чего ему вообще привиделся этот бред? Переносные пушки? Лично я не вижу здесь ничего, кроме бронзовой флейты. И чем же они стреляют? Рисовыми зернышками или косточками от слив? — гневно вопрошал он Толкователя трупов.

Император прикрыл глаза.

— Успокойтесь, Фэн. Если не брать в расчет того, что речь идет о вашей виновности, слова подозреваемого вовсе не лишены смысла, —

заметил Нин-цзун. — И я задаюсь вопросом: ради чего — если не ради истины — он пытается вас обвинить?

— И вы еще спрашиваете? Из ненависти! — Голос Фэна чуть не сорвался на визг. — Я не собирался рассказывать об этом прилюдно, но когда-то давно отец Цы работал у меня. А ведь, как говорится, яблоко от яблони… Мне стало известно, что этот чиновник подчищает приходно-расходные книги в свою пользу, и я был вынужден его уволить. Из жалости к его сыну, которого я почитал за своего собственного, я скрыл провинность его родителя, но, когда подозреваемый узнал об этом деле, он потерял рассудок и теперь обвиняет меня во всех своих бедах!.. Что же касается описанных преступлений, тут для меня все очевидно: этих несчастных убил Кан, Цы не сумел раскрыть дело и, движимый болезненным самолюбием, разыграл самоубийство Кана, чтобы занять обещанную должность. Все очень просто. А то, что он нам тут наговорил, — не что иное, как плод его извращенного воображения.

— Что же, и ручную пушку я сам выдумал? — не выдержал Цы.

— Молчать! — приказал Нин-цзун.

Император поднялся, яростно сжимая смертоносный цилиндр. Пошептался с кем-то из своих советников. Подозвал Бо. Седой чиновник поспешно простерся перед троном. Нин-цзун повелел седому встать и сопроводить его в соседнюю комнату. Вскоре оба вернулись обратно в зал. Когда Бо подошел к Толкователю трупов, Цы заметил озабоченность на его лице.

— Он попросил меня с тобой поговорить.

Цы удивился, когда чиновник подхватил его под локоть и, с дозволения Нин-цзуна, повел в ту же самую комнату, из которой вернулся минуту назад. Закрыв дверь, Бо как-то сразу отвел взгляд и прикусил губу.

— Что случилось?

— Император тебе верит.

— Верит! — торжествующе воскликнул Цы. — Прекрасно! Наконец-то ублюдок Фэн получит по заслугам, а я… — Цы оборвал радостные выкрики, разглядев, что Бо вовсе не рад. — Да что у вас с лицом? Что еще стряслось? Вы только что объявили, что император мне верит…

— Так оно и есть. — Бо по-прежнему отводил взгляд.

— И что же? Он не верит в мою невиновность?

— Проклятье! Я же сказал — верит.

— Тогда будьте любезны объяснить, что происходит.

Цы ухватил чиновника за грудки. Бо, не сопротивляясь, болтался в руках Толкователя трупов, словно тряпичная кукла. Его безответность отрезвила Цы, и он разжал свои покрытые засохшей кровью пальцы.

— Простите… Я не… — Цы неловкими движениями расправил рубашку на груди того, кто единственный пока его не подвел.

Бо наконец-то поднял на него глаза.

— Император желает, чтобы ты признал, будто виновен, — еле слышно произнес седой.

— Что?

— Таково его желание. И мы ничего не можем с этим поделать.

— Но почему?.. Как может он такого желать? Почему я, а не Фэн? — непонимающе бормотал Цы.

— Если ты согласишься и подпишешь признание, император гарантирует тебе ссылку куда-нибудь вглубь страны, — неуверенно произнес Бо. — Он будет к тебе милостив. Тебя не станут ни клеймить, ни бить палками. Нин-цзун предоставит тебе сумму, достаточную на обустройство, и запишет на твое имя поместье, которое ты сможешь передать своим наследникам. Он также готов назначить тебе ежегодную ренту, и ты ни в чем не будешь нуждаться. Это очень щедрое предложение, — закончил Бо.

— А что будет с Фэном?

— Император заверил, что лично им займется.

— Но что все это означает? Вы с ним согласны? Так ведь? Вы тоже поддерживаете этот заговор? — Цы попятился, мотая головой.

— Пожалуйста, Цы, успокойся! Я лишь передаю тебе…

— Успокойся? Да разве вы сами не понимаете, о чем просите? Я лишился всего, чем обладал: моей семьи, моих мечтаний, моей чести… А теперь вы хотите, чтобы я отдал также и мое достоинство? — Цы подошел к чиновнику вплотную. — Нет, Бо! Я не собираюсь отказываться от последнего, что у меня осталось. Мне все равно, что со мной случится, но я не позволю, чтобы имя негодяя, убившего моего отца, оставалось незапятнанным, а все мое семейство погрузилось в пучину позора.

— Клянусь почтенным Конфуцием, Цы! Ты сам ничего не понимаешь. Это ведь никакая не просьба. Император не может допустить подобного скандала. Оправдай он тебя — он поставит под сомнение свою способность управляться с подчиненными. Среди его недоброжелателей и так уже поговаривают о слабости его характера. Шепчутся, что при дворе — нестроение и измена, и если император не в силах управлять своими слугами — как ему справиться с врагами? Нин-цзуну необходимо доказать, что он готов править империей с твердостью — именно такого правления требует угроза со стороны Цзинь. И он не может принять, что его министра убил его собственный судья.

— Так пусть он проявит твердость, восстановив справедливость! — выкрикнул Цы.

— Проклятье! Цы, если ты откажешься, император будет судить тебя без всякой жалости, так или иначе объявит виновным, и тогда ты почувствуешь на себе его гнев. Он тебя казнит или отправит в соляные копи, и ты закончишь свои дни заживо погребенным. Подумай о своем батюшке. Он желал бы для тебя лучшего будущего. Если ты подпишешь — получишь ренту, поместье, спокойную жизнь и уедешь подальше от столицы. Со временем ты будешь реабилитирован, и Нин-цзун позволит тебе занять место судьи. Чего больше и желать? Да и есть ли у тебя выбор? Если ты, выйдя из этой комнаты, примешься сопротивляться, тебя раздавят. Ты подписал признание, пускай это и была простая закорючка. Ты хорошо слушал обвинительную речь? Все твои доказательства — не больше чем предположения. У тебя нет ничего против Фэна. Одни лишь догадки…

Цы искал в глазах седого отражение своих собственных чувств, но ничего не находил.

— Признайся, — умолял его Бо. — Это не только лучшее — это единственное, что ты можешь сделать.

Цы почувствовал руку Бо на своем плече. Тяжесть ее была тяжестью искренности. Юноша подумал о своих мечтах. О своей учебе. О желании сделаться лучшим в мире судебным экспертом. Вспомнил, что и батюшка его мечтал о том же… И обреченно склонил голову. Бо победил.

* * *

Выйдя из комнаты, Цы медленно, но бесповоротно направился к трону. Он шел, опустив голову, тяжело переставляя ноги, будто уже закованные в колодки. Подойдя к императору, Толкователь трупов упал на колени и ударил головой в пол. Стоявший позади него Бо едва заметно кивнул Нин-цзуну. Увидев этот кивок, государь смягчился лицом и удовлетворенно сделал писцу знак приступить к написанию окончательного приговора. Как только Цы его подпишет, суд будет окончен.

Началось оглашение. Цы вменялось в вину убийство министра Кана, а все его обвинения в адрес судьи Фэна не принимались в расчет. Чиновник читал документ не торопясь, под пристальным взглядом императора. Закончив, он передал признание на подпись Цы. Толкователь трупов принял документ дрожащими руками. Чернила на бумаге еще не просохли, словно давая юноше возможность что-то переменить. Цы взял и кисточку, но не смог удержать ее в трясущихся пальцах; кисточка упала, прочертив черный след на идеально чистом красном ковре. Цы извинился за свою неловкость, подобрал кисть и на секунду задумался над признанием, которое не оставляло места для сомнений: единственным виновным признавался Цы, обвинения в адрес Фэна вообще не упоминались.

Цы снова вспомнил доводы Бо и спросил себя: действительно ли батюшка хотел бы для него именно такого поступка? Юноша смочил кисточку на чернильном камне. И принялся медленно выводить свое имя. Кисточка скользила по бумаге криво, словно ее сжимал в своих холодных пальцах мертвец, чьей рукой кто-то водил. Однако когда подошел черед проставить фамильный знак, рука перестала повиноваться Цы. Все изменилось в одно мгновение — достаточное для того, чтобы мимолетно вскинуть взгляд над бумагой и увидеть торжествующую улыбку Фэна. Перед глазами Цы возникли тела его родителей, изувеченные обломками, смертная мука, которую претерпел его брат, и агония Третьей. Цы не мог их предать. Не мог оставить их гибель неотмщенной. Он смотрел и смотрел на Фэна, и на лице судьи вновь проступило беспокойство. И тогда Цы смял

документ, порвал его в клочья и опрокинул на ковер чернильный камень.

* * *

Гнев Нин-цзуна не заставил себя долго ждать. Он распорядился связать подозреваемого и наказать его десятью палочными ударами за непочтительность к суду. Император объявил, что сразу же после палочного наказания он продиктует свой вердикт. Но Цы потребовал последнего слова. Он знал, что такое право ему полагается и что император не отважится перед всем двором нарушить ритуальную церемонию, установившуюся много веков назад. Услышав просьбу Толкователя трупов, Нин-цзун скривился, но все-таки дал свое согласие.

— Пока не иссякнет клепсидра! — процедил он сквозь зубы и распорядился привести в действие гидравлический механизм, который будет отсчитывать время речи Толкователя трупов.

Цы вдохнул поглубже. Фэн смотрел на него с вызывающим видом, но на окаменевшем лице его проступал страх. Вода заструилась по трубкам.

— Ваше величество. Больше чем сто лет назад ваш почтенный прадед внял наветам, и дело кончилось казнью полководца Юэ Фэя, неповинного во вмененной ему измене; его отвага и верность Китаю сегодня являются примером и образцом для детей в каждой школе, в каждом классе. В наши дни тот подлый приговор до сих пор вспоминается как одно из самых позорных событий в славной истории империи. Юэ Фэй был казнен, и, хотя впоследствии ваш батюшка его и реабилитировал, вред, причиненный его семье, так и не был возмещен в достаточной мере. — Цы помолчал и отыскал взглядом Лазурный Ирис. — Я не претендую на то, чтобы равнять себя с нашим великим военачальником… И все-таки я осмеливаюсь просить вас о правосудии. У меня тоже есть отец, который был обесчещен клеветой. Вы требуете, чтобы я взвалил на наш род еще и убийства, в которых я не только неповинен, но еще и сделал все возможное, чтобы их раскрыть. И я могу доказать, что каждое мое слово — истинно.

— Ты заявляешь об этом с самого начала заседания. — Нин-цзун нетерпеливо посмотрел на клепсидру.

— Тогда позвольте мне продемонстрировать вам потрясающую мощь этого оружия. — Цы поднял связанные руки, прося их освободить. — Подумайте, что может случиться, если столь ужасное изобретение попадет в руки врагов. Подумайте об этом, подумайте о вверенной вам Небом стране.

Цы очень надеялся, что последние слова произведут на императора нужное впечатление.

Нин-цзун что-то пробормотал, взвешивая смертоносное изделие в руке. Посмотрел на своих советников. Затем снова обернулся к Цы.

— Развяжите его! — скомандовал он.

Караульный, развязавший руки юноше, загородил ему путь, едва заметив, что Цы хочет подойти к императору, однако Нин-цзун допустил и это. Покрытый потом и запекшейся кровью, Цы шел вперед, шатаясь, сердце его бешено колотилось. Перед троном он упал на колени. Затем приподнялся, насколько это было возможно, и протянул руку. Император вложил в нее бронзовый цилиндр.

Стоя перед своим государем, Цы вытащил из куртки округлый камушек и мешочек с черным порохом, который он похитил из стола в спальне Фэна.

— Я держу в своей руке тот самый снаряд, который оборвал жизнь алхимика. Вы можете убедиться: он теперь не совсем круглый — от его поверхности откололся небольшой кусок. Это произошло, когда снаряд ударился о позвонок алхимика; отломанный кусочек я тоже сумел отыскать — в теле покойного.

Не добавив больше ни слова, вспоминая прочитанное в трактатах по обыкновенной артиллерии, Цы засыпал порох в дуло, уплотнил его кончиком кисти для письма и вложил в дуло заряд. Потом оторвал полоску от своей куртки и скрутил ее наподобие фитиля — кончик фитиля он просунул в небольшое боковое отверстие. Удовлетворившись сделанным, Толкователь трупов вернул оружие Нин-цзуну.

— Вот и готово. Остается только запалить фитиль и прицелиться…

Теперь император смотрел на скипетрообразный цилиндр в своих руках как на чудо. В его маленьких глазках разгорался блеск.

— Государь! — не выдержал Фэн. — Сколько еще я должен выносить эту позорную сцену? Каждое слово, которое излетает из уст этого шарлатана, — это грязная ложь.

— Ложь? — Цы обернулся к судье. — Тогда объясните, каким образом остатки похищенной у меня терракотовой формы, боевой порох и этот окровавленный шарик оказались в потайном ящике вашего стола? — Толкователь трупов снова обернулся к императору. — Ведь именно там я все это обнаружил, и если вы пошлете своих людей в Павильон кувшинок, они отыщут и больше.

Фэн молчал под победительным взглядом Толкователя трупов. Он сжал зубы и медленно приблизился к трону.

— Ну, если ты нашел это все в моем кабинете, ты сам мог все туда и подложить.

Цы остолбенел. Он надеялся, что начисто растоптал судью своим последним аргументом, однако тот был полностью уверен в себе. Цы почувствовал дрожь в коленях. Юноша сглотнул слюну, силясь отыскать правильный ответ.

— Прекрасно. Тогда ответьте мне на другой вопрос, — наконец произнес Цы. — Министр Кан был убит на пятый день нынешней луны, когда, по вашим заверениям, вас не было в городе. А вот Бо установил, что один из караульных узнал вас, когда вы подходили к дворцу — вечером, накануне убийства. — (Бо кивнул в подтверждение этих слов.) — Итак, у вас имелся мотив, имелись средства и, как теперь выясняется, имелась и возможность.

— Это правда? — спросил Нин-цзун.

— Нет! Неправда! — прогудел Фэн яростно и гулко, словно вулкан перед самым извержением.

— И вы можете это подтвердить? — не отступался император.

— Разумеется, — гаркнул Фэн и бросил напряженный взгляд на Толкователя трупов. — Эту ночь я провел дома, вместе с супругой. Я до утра наслаждался ее обществом. Вы это хотели услышать?

Цы от изумления сделал шаг назад. Фэн лгал! Он знал, что это ложь, поскольку именно он провел ту ночь с Лазурным Ирисом.

Юноша еще не успел прийти в себя, когда судья перешел в наступление:

— А ты? Где находился ты в ночь убийства Кана?

Цы залился краской. Он поискал во взгляде Ириса какой-нибудь знак поддержки — веревку, за которую он мог бы уцепиться, падая в водоворот. В эту минуту он позабыл, что женщина слепа и не способна прочесть в его глазах призыв о помощи. Однако Лазурный Ирис оставалась невозмутимой и молчаливой, на ее отрешенном лице застыло выражение покорной супруги. Цы понял, что эта женщина никогда не выдаст Фэна и что он не вправе ее в том упрекать. Если она предаст Фэна и признается в своей неверности, то приговорит не только своего мужа, но и саму себя. И у Цы не было права разрушать ее жизнь.

— Мы ждем, — поторопил Нин-цзун. — Есть у тебя что-то добавить, прежде чем я оглашу решение?

Цы помолчал, не отрывая затравленного взгляда от внучки оклеветанного и казненного героя.

— Нет. — Он опустил голову.

Нин-цзун мрачно покачал головой.

— В таком случае я, император Нин-цзун, Сын Неба и повелитель Срединного Царства, объявляю доказанной виновность подозреваемого Сун Цы и приговариваю его…

— Он был со мной! — прозвучал твердый голос из задних рядов.

По залу разнесся единодушный возглас изумления; присутствующие оборачивались посмотреть, откуда раздался голос. Лазурный Ирис выглядела невозмутимо и неуязвимо, точно стоящая статуя.

— Я не спала со своим мужем, — спокойно объявила она. — В ночь, когда убили Кана, я делила ложе с Цы.

Фэн никак не мог поверить услышанному, а сотни голов уже поворачивались в его сторону, и кожа его покрывалась мертвенной бледностью. Судья тоже поднялся с места, он бормотал что-то неразборчивое, впившись взглядом в безмятежные глаза жены.

— Ты!.. Ты не можешь!.. — Фэн был явно не в себе. Он попытался выбежать из зала, но император приказал его задержать. — Отпустите! — завывал судья. — Проклятая шлюха! И это после всего, что я для тебя сделал!

Судья одним рывком освободился от своих пленителей и выхватил оружие из рук императора.

— Назад! — пригрозил Фэн. Прежде чем его снова успели схватить, он схватил один из горящих светильников и поджег фитиль. — Назад, я сказал! — зарычал судья и направил ствол на императора; солдаты расступились. — Ах ты, сукина дочь… — Он поднял руку и прицелился в свою жену. — Я дал тебе все… Я все делал ради тебя… — Фитиль неудержимо прогорал. — Как ты могла?

Соседи отшатнулись от Лазурного Ириса. Теперь Фэн держал оружие двумя руками. Цилиндр подрагивал, подрагивали и его веки. Дыхание судьи сделалось прерывистым. Огонек на фитиле подобрался почти к самому стволу. Фэн закричал. Внезапно он развернул свое оружие дулом себе в висок. Гулкий взрыв потряс весь зал, и судья мешком повалился в лужу собственной крови. Несколько стражников сразу же набросились на Фэна, но его труп с размозженной головой уже не мог ни повредить кому-то, ни убежать. Изумленный Нин-цзун поднялся с трона, лицо его было забрызгано кровью Фэна. Император распорядился освободить Цы и объявил, что процесс завершен.

ЭПИЛОГ

Цы проснулся забинтованный с головы до ног. После окончания суда прошла всего лишь неделя, и, хотя юноша страдал от вынужденной неподвижности, он чувствовал, что раны его понемногу затягиваются. Цы протер глаза и с удовольствием оглядел скромные стены старой своей комнатки. Снаружи доносилась воркотня учеников, спешивших занять места в залах. Цы снова был дома. В окружении книг.

Врач, дожидавшийся его пробуждения в изножье кровати, приветствовал его с лечебным отваром в руке. Как и вчера, и позавчера, едва проснувшийся Цы поблагодарил врача и выпил отвар одним глотком.

Потом спросил:

— Как чувствует себя учитель?

Старичок с живыми глазами улыбнулся и принял стакан из рук Цы.

— Болтает без умолку, а ноги его заживают, как у ящерки. — Врач окинул взглядом шрамы Толкователя трупов. — Он сказал, что хочет тебя видеть… и думаю, тебе уже пора начинать ходить. — Отметив, что юноша идет на поправку, старец хлопнул его по плечу.

Цы был очень рад. С самого возвращения в академию он все время лежал в постели и знал о состоянии Мина только со слов врачей и слуг. Цы с трудом приподнялся и посмотрел на игру рассветных бликов на рисовой бумаге окна. Окно наливалось желтым светом, и Цы казалось, что этот блеск — одобрение предков, убеждающих его с гордостью нести фамилию славного рода. Наконец-то в душе его царил мир: его умершие с ним примирились. Воскурив в знак почтения к их памяти ладанную палочку, Цы вдохнул аромат благовоний и сказал себе: где бы они ни находились, теперь они могут отдыхать спокойно.

Цы накинул халат и вышел из комнаты, опираясь на красную трость Лазурного Ириса. Вдова Фэна передала ему свою трость с пожеланием выздоровления, и с тех пор Цы мечтал опереться об эту красную рукоять. По дороге в покои Мина Толкователю трупов встретилось несколько преподавателей, они приветствовали юношу

так, будто он был одним из них. Цы с удивлением кланялся в ответ. В коридоре было тепло. И это тепло помогало юноше восстанавливать силы.

Он застал Мина лежащим на постели, укрытым одеялами. В комнате царил полумрак, но когда академик узнал посетителя, лицо его озарилось внутренним светом.

— Цы! Ты уже можешь ходить! — обрадовался Мин.

Цы присел рядом с ним. Старец выглядел усталым, но глаза его были полны жизни. Врач рекомендовал развлечь академика беседой, поэтому ученик немного поболтал с учителем о ранах, о суде и о Фэне.

Мин попросил слугу принести чаю, потом беседа возобновилась. Старик еще многого не понимал в этом деле, у него накопились вопросы.

— Ну, например, что насчет мотива?

— Должен признать, выяснить мотивы было сложнее всего. Мастер бронзовых дел был тщеславцем, чья болтливость могла соперничать разве что с его самолюбием. Вообще-то, его и на посольский прием пригласили по настоянию Фэна, на которого он пытался давить. Арестованный слуга-монгол признался, что торговец бронзой мечтал войти в элиту общества и приставал с этой идеей к единственному человеку, который мог бы ему в том помочь, ничуть не задумываясь об опасности. По словам монгола, Фэн решил, что невоздержанность в словах и алчность владельца литейной — это двойной риск, и покончил с ним в ночь императорского приема. Что же касается алхимика-даоса и рабочего-литейщика, Фэн, как я и сказал на суде, избавился от них, опасаясь доносов, когда они начали требовать условленных денег. По-видимому, судья задолжал обоим изрядные суммы и уже не мог расплатиться.

— Но почему же Фэн убил министра Кана? Случается, что никто не обращает особого внимания на гибель людей заурядных, однако Фэн должен был понимать, что преступление такого масштаба никто не оставит безнаказанным.

Цы вздернул левую бровь.

— Полагаю, ему пришлось на это пойти. Кан был убежден в виновности Лазурного Ириса, и либо его настойчивые разыскания привели министра к открытию, что истинный убийца — Фэн, либо он уже стоял на пороге такого открытия. Дело в том, что якобы

вынужденная смерть Кана идеально вписывалась в планы преступника и, если бы его коварный замысел удался, повинное письмо министра разом закрыло бы все вопросы о предыдущих преступлениях. Позже, когда я сам сказал Фэну, что это не было самоубийством, он передал мой рассказ Серой Хитрости, чтобы открытие приписать ему, а обвинение возвести на меня.

— Ну а что с дух***а***ми? — сыпал вопросами академик. — Из того, что я слышал на процессе, можно заключить, будто «Нефритовой эссенцией» тела опрыскивал некто, желавший обвинить нюйши. Но если убийцей был ее собственный муж — какую же выгоду он мог преследовать? Насколько я понимаю, Фэн был отчаянно влюблен в Лазурный Ирис.

— На этот вопрос мне ответить сложнее, однако рискну предположить, что здесь не обошлось без Кана. И больше того. Я полагаю, было бы ошибкой говорить о полной невиновности Кана потому только, что его в конце концов убили. Министр был во всех смыслах одержим Лазурным Ирисом — до такой степени, что путал желаемое и действительное. Как мне кажется, Кан когда-то сделал ей предложение, и отказ породил в нем ненависть столь же великую, как и та, что Лазурный Ирис питала к предыдущему императору. Эта ненависть его ослепила, а слепота заставила подделывать улики. У министра был доступ к «Нефритовой эссенции», и я предполагаю, что всякий раз при обнаружении очередного трупа он опрыскивал воронку на груди духами, дабы навести судей на ложный след.

— И все-таки тебе придется признать, что Кан не так уж и заблуждался. В конце концов, убийцей оказался Фэн, ее муж. — Мин сделал глоток из чашки, которую наполнил для него Цы. — Как странно! Фэн казался мне человеком утонченным. Я не могу понять, ради чего он пошел на столь ужасные преступления.

— Да и кто мог бы это понять? Проблема в том, что мы часто пытаемся судить о безумных деяниях, сообразуясь с нашим здравомыслием. Фэн был человеком нездоровым, и только другой нездоровый рассудок мог бы найти оправдание его поступкам. И все-таки вот что сообщил мне арестованный монгол: признавшись в том, что он активно содействовал хозяину в его злодеяниях, он объяснил их жадностью Фэна.

— Жадностью? Фэн и так был богат. Соляная торговля его супруги…

— По словам Бо, она уже давно перестала приносить прибыль. Из-за приграничных конфликтов император Нин-цзун запретил торговать с Цзинь, основным клиентом Фэна. На самом деле он был разорен.

— Но какую пользу приносили Фэну убийства?

— Деньги и власть. Не забывайте, что Фэн взялся управлять предприятием, которым прежде занималась Лазурный Ирис, и что именно его неудачные действия привели к краху. Насколько мне известно, Фэн вступил в связь с Лазурным Ирисом, еще когда мой батюшка работал у него, и хотя ему приходилось держать связь с императорской нюйши в секрете, он уже тогда начал заниматься ее делами. Судья вложил последние средства в создание хитроумной сети с целью продажи нашим врагам секрета смертоносного оружия — секрета, способного побудить Цзинь к новому вторжению, о котором и сейчас столько говорят. Возможно даже, что в своих бредовых видениях Фэн — после предполагаемой победы Цзинь — рассчитывал получить контроль над соляной монополией. Но все это не больше чем предположения. Бо и несколько судей еще не закончили расследование.

— Но как же мог Фэн дойти до открытия столь опасного оружия?

— Я тоже задавался этим вопросом, и, полагаю, ответ нужно искать в семье Лазурного Ириса. Вспомните: ведь ее предок, Юэ Фэй, был одним из знаменитейших военных теоретиков Поднебесной, он первым начал применять порох в военных целях. Кстати сказать, в кабинете Фэна я нашел копию «Уцзин цзунъяо», трактата о военном искусстве, где излагаются базовые принципы боевого использования пороха. Поэтому я склоняюсь к мысли, что Фэн черпал идеи и получал поддержку у родственников жены, тем более что все они имели отношение к военному делу. Разыскания Бо как будто подтверждают мои предположения.

— И все это ради красивой женщины. Женщины, которая в конце концов его предала.

Цы помолчал, оглаживая трость Лазурного Ириса.

— Женщины, которая спасла мне жизнь. — Сердце Цы забилось чаще.

Он молча поднялся. Он боялся ввязаться в бесполезный спор. Мин не знал этой женщины. Никто не знал ее лучше, чем Цы. Он мечтал о ней каждый день, пока выздоравливал, он страстно желал ее видеть. Толкователь трупов вышел из спальни учителя и вернулся к себе. И хотя он уже чувствовал усталость, его разбитое тело требовало прогулки при свете дня. Юноша привел себя в порядок и оделся. Затем, опираясь на трость Лазурного Ириса, он покинул академию и двинулся к Павильону кувшинок.

Подойдя к дворцовой стене, Толкователь трупов порадовался, что печатка, которую вручил ему когда-то Кан, не утратила своей силы. Цы приветствовал караульного и, превозмогая усталость и боль, побрел к жилищу внучки Юэ Фэя.

С каждым шагом становясь все ближе к ней, юноша грезил о новой встрече. Он хотел поблагодарить женщину за спасение, хотел заключить в объятия, и доказать свою любовь, и сказать, что никогда в ней не сомневался и что ему нет никакого дела ни до ее возраста, ни до ее слепоты. Но по мере приближения к знакомому дому лицо его все более темнело от безотчетного беспокойства. Когда показался Павильон кувшинок, сердце Цы сжалось.

Вокруг павильона суетились десятки горластых стражников. Цы прибавил шагу, насколько позволяли его израненные ноги, — он опасался самого страшного. У двери его остановили. Цы назвал свое имя и попробовал пройти за порог, но стражник его не пропустил. И не было толку ни от объяснений, ни от отчаянных просьб — ему не хотели объяснять, что здесь произошло. Толкователь трупов уже был готов оттолкнуть стражника, когда в прихожей появился Бо.

— Что происходит? Откуда все эти люди? — Цы ухватил верного сподвижника за руку.

— Все дело в Лазурном Ирисе. Мы обыскиваем дом. Она получила повеление оставаться в павильоне вплоть до окончания следствия, но исчезла.

— Исчезла? Как это — исчезла? — Цы отстранил чиновника и наконец вошел внутрь.

Охваченный страшным волнением, Цы, хромая, обходил комнату за комнатой, следом вышагивал Бо. Цы не верил своим глазам, не мог поверить в исчезновение Лазурного Ириса. Когда они вошли в главную

спальню, тревога юноши переросла в отчаяние. Пол был завален одеждой и всякими безделушками, как будто кто-то второпях собирал вещи перед отъездом. Цы медленно покинул спальню и во шел в кабинет Фэна. Здесь офицеры осматривали книги, ряды которых так и остались стоять на полках. Толкователь трупов рассеянно наблюдал за их работой, пока не заметил пустое место на одном из стеллажей, именно там, где были собраны трактаты о соли. К удивлению юноши, не хватало редкого фолианта с зеленым корешком — учебника по военным искусствам и применению пороха. Пропал редкостный «Уцзин цзунъяо». Цы просунул руку в щель между книгами, и рука его нащупала за ровным их строем красную коробочку. Поняв, что он держит в руках, юноша остолбенел.

Это была лакированная шкатулка его батюшки. Та самая, которую выкрали из их дома в день убийства родителей. Теперь сердце юноши совсем перестало биться. Бережно и благоговейно, точно ожидая встретить в ней дух отца, Цы открыл шкатулку. Внутри лежала связка документов — Цы узнал почерк батюшки. Это была параллельная бухгалтерия, которую он вел и которая доказывала злоупотребления Фэна.

Цы покидал павильон с тяжелым сердцем; он так растерялся, что был не в силах думать ни о чем. Как можно быть таким доверчивым! Реальность была вовсе не такова, какой казалась совсем недавно. Осознание собственной глупости тяжким грузом лежало у него на плечах. Когда он добрел наконец до ворот академии, то походил скорее на привидение, чем на живого человека. Привратник сразу предупредил, что кто-то дожидается его в саду. От этого известия юноша вздрогнул: он решил было, что это — Лазурный Ирис. Однако, к его изумлению, во внутреннем дворике стояли двое нищих. Цы мог бы поклясться, что никогда в жизни их не видел. Не зная, что и думать, он подтвердил привратнику, что это его гости, и заковылял в сторону двух незнакомцев.

— Вы меня не помните? — спросил совсем юный паренек. — Мы встретились в тот день, когда сгорела бронзовая мастерская. Вы обещали, что, когда я отыщу своего хромого друга, мы можем явиться к вам за деньгами.

Цы всмотрелся в бродяжку и наконец-то вспомнил их давнишний разговор. Он отметил, что второй нищий опирается на костыль.

Видимо, это и был тот самый прямой свидетель пожара. Толкователь трупов покачал головой.

— Ты пришел слишком поздно, парень. Следствие уже закрыто, — извинился Цы.

— Но, господин! Вы обещали, что, если я его приведу, вы заплатите нам остаток, — канючил мальчишка.

Цы всмотрелся в глаза юного нищеброда. Конечно, тот по-настоящему нуждается в деньгах. Юноша вытащил кошель и вложил в руку попрошайки.

— Ну ладно. И что там видел твой друг?

— Давай рассказывай! — подтолкнул мальчишка хромого.

Тот боязливо выступил вперед.

— Пришли три особы, — витиевато начал он. — Одна особа командовала, а две исполняли приказания. А я спрятался, поэтому мне все было хорошо видно и слышно. Кто командовал, остался ждать снаружи, другие двое искали что-то в цеху. Потом они все залили маслом и подожгли.

— Понятно… А ты смог бы их опознать, если бы снова увидел? — ни на что не надеясь, спросил Толкователь трупов.

— Думаю, что да, господин. Одного из них называли Фэн. Второй был похож на монгола.

Цы вздрогнул и навис над хромцом.

— Ну а третий? Что ты можешь о нем рассказать?

— Нет! Не о нем, а о ней! Особа, которая ими командовала, была женщина.

— То есть как — женщина? — пробормотал Толкователь трупов. — Какая женщина? — Он встряхнул хромого за плечи.

— Я не знаю! Я только заметил, что передвигалась она неуверенно и опиралась на странную палку. На такую палку… — Парень внезапно замолчал.

— Вот дьявол! Да что с тобой? Говори! — закричал Цы.

— На такую же палку, как у вас.

* * *

Три дня Цы провел, запершись в своей комнате, не проглотив ни куска и не заботясь о своих ранах. Время текло мимо него; юноша ломал голову, была ли действительно Лазурный Ирис настолько виновна, как это теперь ему представлялось. Стал ли Фэн простой марионеткой в ее руках, инструментом ее мести, или же поведение ее управлялось другими мотивами? А еще Толкователю трупов не давал покоя вопрос, почему Лазурный Ирис предала Фэна, а ему спасла жизнь. Он чувствовал, что никогда уже не найдет ответов.

На третий день к нему зашел Бо. Новостей о Лазурном Ирисе у чиновника не было, зато он рассказал, что юноше крупно повезло на суде. Насколько стало теперь известно седому, когда император предлагал юноше безопасность взамен на признание, он уже непреложно решил его казнить, независимо от того, объявит Цы себя виновным или нет. От казни его спасло только неожиданное самоубийство Фэна. Цы поблагодарил чиновника за то, что тот доверил ему эти сведения, однако новости не развеяли тоску.

Однако на четвертый день Цы перестал проклинать судьбу и поднялся с постели. Если уж он явился в Линьань ради большой цели, для ее достижения он должен работать. Умываясь, юноша заметил, что руки и ноги его обрели прежнюю крепость, а голова вновь жаждала знаний. Цы подхватил плошку с рисом и отправился в библиотеку, где занимались его товарищи.

В тот же вечер он встретился с Мином. Тот уже начал передвигаться самостоятельно, и Цы порадовался, что, несмотря на возраст, учитель идет на поправку. Мину тоже было отрадно снова увидеть ученика в окружении книг.

— Вновь за учебу? — спросил академик.

— Да. Меня ждет много работы. — Цы показал учителю начало нового трактата по судебной медицине.

Мин улыбнулся:

— Ко мне заходил Бо. — Мин присел рядом с Толкователем трупов. — Он принес последние новости о расследовании. Прорицатель, по-видимому, будет казнен. Бо рассказал мне о бегстве Лазурного Ириса и о твоей стычке с Фэном в тюремной камере. Упомянул и о том, что император отклонил предложение Бо ввести тебя в состав судей.

Цы кивнул:

— Ну что же… Нин-цзун, кажется, отыскал прекрасное объяснение: все мои открытия объявлены «ведовством». — Цы обреченно пожал плечами. — Однако он, по крайней мере, не запретил мне попытаться сдать экзамены, а это единственное, что для меня имеет значение.

— Да уж, — вздохнул Мин. — Но пойми: до следующего набора в университет еще целых два года, а экзамены выдержать сложно… Послушай, мне кажется, тебе уже пора заканчивать с учебой. Твои познания в судебной медицине уникальны, и теперь, если хочешь, я мог бы помочь тебе стать одним из наших преподавателей. Тогда тебе не придется тратить нервы и бороться за то, чего, возможно, ты никогда не добьешься.

Цы упрямо посмотрел на Мина:

— Спасибо, господин, но я желаю только одного — учиться. И больше всего я хочу сдать экзамены и получить степень. — Юноша посмотрел на красную шкатулку с отцовскими бумагами. — Я должен это сделать ради себя самого, ради моей семьи и ради вас.

Мин улыбнулся, понимая и, похоже, разделяя чувства своего ученика. Он уже поднялся, чтобы уходить, но задержался у стола:

— Последний вопрос, Цы. Бо говорил, что взамен на твое молчание Нин-цзун предлагал тебе все, что ты только мог пожелать: щедрые выплаты, последующую реабилитацию и должность судьи. Почему ты отказался? Пусть предложение было обманом, но ты же не мог этого знать! Своим упрямством ты обрекал себя на смерть, хотя на самом деле оно спасло тебе жизнь… Почему?

Цы с нежностью посмотрел на своего старого учителя:

— Однажды Серая Хитрость обмолвился, что Фэн знает бесчисленные способы умерщвления. Наверное, так и было. Есть множество способов умирать. Но я уверен, что жить можно только одним-единственным способом.

Послесловие

Года четыре назад одним январским утром я запасся чашкой крепкого кофе и пачкой бумаги и уселся в своем кабинете, чтобы поразмышлять над темой моего нового романа. В ту пору я ясно сознавал лишь две вещи: первое — чтобы сюжет волновал моих читателей не меньше или даже больше, чем меня; второе — пока я не найду такого сюжета, за работу не сяду.

В течение двух месяцев я исчиркал десятки листков в поисках живой и захватывающей истории, однако всё, что мне удавалось настрочить, было похоже на пьески, сюжеты которых как будто вышли со страниц старого учебника. А мне было нужно другое. Хотелось чего-то более насыщенного, более эмоционального, более оригинального.

Удача пришла ко мне в виде электронного письма.

Это случилось в январе 2007 года, когда я получил приглашение участвовать в VIII Индийском конгрессе по судебной медицине и токсикологии, который ежегодно проводится в Нью-Дели. Я не судмедэксперт и не думаю, что мой желудок переварил бы такую профессию, однако должен признаться, что, движимый исключительно литературным любопытством, я всегда с большим вниманием следил за развитием этой области знаний и по этой самой причине посещал различные форумы, посвященные судебной медицине, и уже успел подружиться кое с кем из их участников. Среди них был и доктор Деварай Мандал, один из выступающих на конгрессе, — он-то и отправил мне приглашение.

Разумеется, я не мог записаться в число участников, но по окончании конгресса доктор Мандал любезно выслал мне толстый сборник докладов, в которых речь шла о токсикологии, судебной патологии, криминалистике, судебной психиатрии и молекулярной генетике. Доклад, который сразу же привлек мое внимание, был посвящен новейшим спектрофотометрам, открытиям в области анализа ДНК, но главное — истокам судебной медицины. Еще конкретнее — человеку, который ныне почитается провозвестником и основателем данной науки, представителю азиатского Средневековья, китайцу по имени Сун Цы.

Сердце мое забилось быстрее. Я забросил все другие проекты и посвятил свою душу и плоть жизни и работам Сун Цы, моего нового союзника, главного героя моего будущего романа.

Подбор документального материала дался мне особенно тяжело. Всю биографию Сун Цы можно было уместить в двадцати-тридцати абзацах, воспользовавшись дюжиной книг. Это обстоятельство, с одной стороны, открывало двери фантазии, но с другой — мешало созданию по-настоящему биографического произведения. К счастью, дело с работами Сун Цы обстояло совсем иначе: пять томов его трактата по судебной медицине, опубликованные в 1247 году, «Си юань цзилу», дошли до наших дней в виде многочисленных переводов на японский, корейский, немецкий, голландский, французский и английский языки.

С помощью моего нью-йоркского коллеги я получил ксерокопию этих пяти томов в издании Натана Смита (Центр китайских исследований при Мичиганском университете) — перевод профессора Брайана Макнайта вместе с переводом ценнейшего предисловия к японскому изданию 1854 года.

Первый том этого тщательно структурированного трактата был посвящен перечислению законов, имеющих отношение к судебно-медицинским экспертам; необходимым бюрократическим процедурам, включая сроки, число осмотров и ответственных исполнителей; юридическим полномочиям и протоколированию действий экспертов; составлению отчетов и перечню наказаний для экспертов, допустивших ошибку в своем суждении. В первом томе также описывались стандартные процедуры осмотра трупов — включая обязанность эксперта отмечать все свои наблюдения на заранее подготовленных изображениях человеческого тела.

Второй том описывал различные этапы разложения трупа, их зависимость от времен года, а также обмывание и подготовку трупов, осмотр непогребенных тел, эксгумацию трупов, изучение полуразложившихся и даже сильно разложившихся тел, судебную энтомологию, осмотр в случае задыхания или истощения, особенности работы с женскими телами, анализ экскрементов.

В третьем томе пространно излагались принципы осмотра костей, анализ с использованием химических катализаторов, исследование следов ран на скелетах, дискуссии о жизненно важных точках; речь

также шла о самоповешении, об имитациях самоубийств при замаскированных убийствах и о смертях от утопления.

В четвертом томе речь шла об ударах, нанесенных кулаками и ногами или с помощью тупых, колющих или режущих предметов; о самоубийствах с помощью оружия; о смертях от множества нанесенных ран, среди которых требовалось выявить ту, что действительно послужила причиной смерти; о случаях отрубания головы, в числе которых отдельно рассматривались такие, когда тело или голову найти не удавалось; о смертях от ожогов, от ошпаривания, от отравления, о медленном угасании вследствие скрытых болезней, о смерти, наступившей из-за иглоукалывания или прижиганий; об установлении естественной природы смерти.

И наконец, в пятом томе говорилось о смерти преступников в тюрьме, о смерти вследствие пыток, падения с большой высоты, расплющивания, удушья, удара молнии, нападения лошадей, буйволов или диких животных; из-за укусов насекомых, змей или рептилий; из-за отравления этиловым спиртом; от солнечных ударов, внутренних болезней, развившихся в результате обжорства или половых излишеств; там же описывались способы вскрытия тел, методы избавления от зловония и возвращения покойника к жизни, когда смерть была лишь кажущейся.

В общем — полный перечень техник, методов, инструментов, препаратов, законов и протоколов с добавлением многочисленных случаев из практики самого Сун Цы. Поскольку такие случаи включены в тот же трактат, они помогали мне выстроить историю не только увлекательную, но и — что гораздо важнее — абсолютно правдивую.

После этого потрясающего открытия я растянул период работы с источниками еще на год, чтобы собрать информацию о политической, культурной, общественной, юридической, экономической, религиозной, военной и сексуальной обстановке в средневековом Китае времен династии Сун, вкупе с изматывающими экскурсами в области медицины, образования, архитектуры, меблировки, питания, одежды, чеканки монет, государственной и бюрократической организации. Когда эти данные были собраны и упорядочены, меня поразило очень многое: шаткость положения, в котором оказался двор императора Нин-цзуна при постоянном противоборстве с Цзинь —

варварскими народами севера, которые, захватив северную часть Китая, всечасно угрожали продолжить свою агрессию; жесткие и непростые нормы поведения в кругу семьи, где от более молодых требовалось не только абсолютное уважение к старшим, но еще и беспрекословное подчинение; значение ритуалов — оси и движителя всей тогдашней жизни; распространенность физических наказаний — как правило, потрясающе жестоких — в качестве расплаты за любую, пусть даже самую малую провинность; наличие детально разработанного уголовного кодекса, регулирующего все аспекты поведения; отсутствие монотеистических религий и сосуществование не исключающих друг друга философий — буддизма, даосизма и конфуцианства; передовая и справедливая механика распределения должностей посредством сдачи экзаменов, доступ к которым был гарантирован любому желающему; всеобщий антивоенный настрой нации; потрясающие достижения в области науки и техники (компас, боевой порох, книгопечатание, в том числе и подвижным шрифтом, банкноты, холодильник, суда с водонепроницаемыми переборками…), — вот чем характеризовалась эпоха династии Сун.

Как ни странно, когда были набросаны начальные очертания сюжета, первая трудность, с которой я столкнулся, заключалась в именовании своего героя.

Когда мы читаем книгу с иностранными персонажами, нам легко удается запоминать их имена и фамилии, поскольку, как правило, эти имена происходят от еврейских, греческих или латинских корней, которые звучат для нас пусть архаично, но привычно. Так, имена, редко используемые сейчас (например, Ксенофонт, Газдрубал, Светоний или даже Абдуррахман), не только легко нами опознаются, но их к тому же легко различать и запоминать. Нечто похожее — из-за их распространенности на радио, в кино, на телевидении — происходит с англосаксонскими именами. Поэтому Эрик, Джон, Питер или Вольфганг для нас почти столь же привычны, как Хуан, Педро или Хосе. К несчастью, с восточными именами дело обстоит совсем не так. Особенно это касается китайских имен.

Китайский язык (на самом деле их много) необычайно труден для европейцев. Большинство слов в нем односложные, при этом каждый слог может произноситься с различными интонациями (доходит до пяти). Так вот, давайте представим себе роман, персонажи которого

носят имена: Сун, Тан, Мин, Пэн, Фэн, Фан, Кан, Дун, Кун и Гун. Уже на третьей странице любой читатель почувствует острую головную боль и закроет такую книгу.

Чтобы обойти эту проблему, я — хотя и сохранил имена основных исторических персонажей — был вынужден изменить многие другие, имеющие сходство с уже использованными, тем самым избегая путаницы. По той же причине, именуя второстепенных персонажей, я использовал характерный для той эпохи обычай и заменял имена, данные при рождении, прозвищами, отражающими значимые качества этих людей.

Однако трудности на этом не закончились. Пиньинь — полезнейшая система фонетической транскрипции, которая позволяет переплавить сложные китайские идеограммы в слова из букв, чтобы любой западный человек мог их прочесть, произнести или записать. Однако тоническое разнообразие китайского языка приводит к тому, что одно и то же слово может быть транскрибировано разными способами. Поэтому в разных источниках, которыми я пользовался, имя главного героя *Song Ci* встречалось также в вариантах *Tsong Ci, Tsung Ci, Sung Ci, Sun Tzu или Sung Tzu.*

Но и это еще не все. В Китае фамилия всегда ставится перед именем, при этом чаще всего имя вообще не используется — играет роль только фамилия, так что к нашему герою, которого я на всем протяжении романа называю Цы Сун или просто Цы, его современники на самом деле должны были обращаться Сун Цы, а еще чаще — просто Сун.

Почему я изменил этот порядок? В общем-то, основных мотивов было три. Во-первых, чтобы приспособить это словоупотребление к нашим западным обычаям. Во-вторых, чтобы избежать путаницы, когда в одном абзаце речь идет об отце и сыне *(Song* и *Song).* И в-третьих, из-за странного совпадения: в то время императорское семейство тоже носило фамилию *Song (Tsong).*

Когда с вопросами именования было покончено, передо мной встала еще более сложная дилемма. Возможно, одна из важнейших проблем любого писателя, задумавшего написать роман на историческом материале, — это соотношение правды и вымысла, допустимое в книге, которая по правилам жанра должна отражать все доступные автору сведения.

Мне не раз доводилось участвовать в круглых столах, целью которых было определить понятие «исторический роман»; такие дебаты неизменно — с большей или меньшей степенью горячности — сводились к обсуждению того, каковы должны быть степень, качество и количество подлинной истории в романе (каковой, по самому определению, есть нечто выдуманное), чтобы роман действительно можно было считать историческим. Часто бывало так, что участники таких собраний в конце концов соглашались с классификацией, некогда установленной профессором семиотики Умберто Эко, который в нескольких своих статьях выделил три различных типа. 1) Роман романтический, или роман с фантастическими обстоятельствами, в котором и персонажи, и события, и исторический фон представляют собой чистую выдумку, но прикрыты завесой правдоподобия. Образцом этого типа могут послужить романы артуровского цикла, сочиненные Бернардом Корнуэллом. 2) Второй тип Эко определяет как «Книги плаща и шпаги» — романы, в которых реальные исторические персонажи по воле авторского воображения попадают в ситуации выдуманные, никогда не имевшие места в действительности. К этому разряду относятся такие авторы, как Александр Дюма, Вальтер Скотт или Лев Толстой. 3) И наконец, итальянский автор говорит о так называемых «Романах исторических в полном смысле слова»; он определяет их как романы, в которых выдуманные персонажи действуют в совершенно реальных исторических обстоятельствах (в этот ряд Эко, разумеется, включает свое знаковое произведение «Имя Розы»).

Многие говорят, что в этой классификации отсутствуют романизированные биографии, поддельные мемуары и более — или менее — строгие эссе на историческую тему.

Но что бы ни говорили, мое мнение таково: исторический роман должен быть в первую очередь романом. Мы должны принять, как аксиому, что роман — это выдумка и что только этим объясняется его магия, его способность завораживать. Как только мы преодолеем этот трудный для понимания барьер, ключ следует искать в строгости и честности, с которой мы подходим к излагаемым в романе историческим событиям. Для меня столь же исторично писать о Юлии Цезаре и его Галльской войне, как и о безымянном рабе, лишившемся жизни при строительстве пирамид. Все зависит от строгости описания.

Цезарь — персонаж, несомненно, исторический, однако это не дает гарантии, что такими же будут его поступки, чувства или мысли. Во втором случае раба не существовало, но мог бы существовать кто-нибудь, на него похожий. И если наш вымышленный персонаж будет вести себя так же, как и раб, который мог бы существовать, тогда сцена с ним получится столь же реальной и полной жизни, как будто бы мы действительно совершили путешествие в прошлое и смогли его увидеть.

Разумеется, обязанность автора — написать роман, в котором Цезарь думал, чувствовал и поступал бы не только так, как известно нам по историографическим источникам; в противном случае нам придется говорить не о романе, но об эссе, биографии или об историческом документе. Однако в обязанности автора также входит и правдоподобие вымысла, и чтобы этот вымысел непротиворечиво сочетался с тем, что, как мы знаем, происходило в действительности.

Мы ошибемся и в том случае, если осудим исторический роман, в котором вымышленные персонажи действуют в реальном мире, потому что этот мир и все события, окружающие героя, суть часть нашей Истории — именно так, с большой буквы.

С этой точки зрения обязательно подчеркнуть, что, хотя большие события всегда запоминаются лучше, именно малые события сопровождают нас всю жизнь, день ото дня, они делают нас счастливыми или несчастными, заставляют нас мечтать и верить, побуждают нас любить, принимать решения, а иногда — бороться и умирать за то, во что мы верим. Великий историк Жан ле Гофф был первым, кто оправдал историю обыденных событий: средневековых ярмарок, бедняцкой жизни в деревнях, болезней, повинностей и наказаний; реальность жизни забытых людей в противовес блеску и грохоту сражений, о которых всегда повествуют победители.

Всем, кому захочется углубить свои познания в этой теме, я искренне рекомендую эссе «Пять взглядов на исторический роман», вышедшее в издательстве «Evohe» за подписями Карлоса Гарсиа Гуаля, Антонио Пенадеса, Хавьера Негрете, Гисберта Хэфса и Педро Годоя. Эти знаменитые авторы обладают не только видением проблемы — их эссе к тому же и увлекательны, и поучительны.

В «Читающем по телам» главный герой Сун Цы — это реальный персонаж, известный не своими делами, но своими книгами. Поэтому

я в романе постарался отразить со всей возможной точностью способы его работы, его новаторские методы по осмотру трупов, трудности, вставшие на пути его начинаний, его отвагу, проницательность, любовь к учебе, готовность защищать истину и справедливость. Все судебные процессы, техника осмотра, законы, протоколы, анализ, методы, инструменты и материалы, описанные в каждом из эпизодов романа, достоверно отражают действительность. В труппе актеров есть и другие реальные персонажи, среди которых император Нин-цзун и его свита, министр наказаний Кан и старый профессор Мин. Мне помогали также и известные исторические факты — такие как существование независимой от университета академии, ситуация политической нестабильности на границе и, главное, появление первой в мире ручной пушки, то есть пистолета — оружия столь же новаторского, сколь и смертоносного. Но, конечно же, я добавил многое от себя, и эти выдуманные элементы позволили мне, опираясь на правдоподобие, создать окружение главного героя и сплести интригу. Таким образом, я выдумал запутанный сюжет, основанный на том, каким образом секрет боевого пороха, хранимый китайцами как величайшая государственная тайна, мог попасть в руки их врагов — монголов, а через них добраться и до Европы.

Первая ручная пушка, о которой нам известно, бронзовое изделие, изготовленное в эпоху династии Юань (1271–1368), ныне хранится в Историческом музее Шэньси, в Сиане. И хотя это единственное историческое доказательство, каким мы располагаем, вполне разумно звучит гипотеза, что нечто подобное могло быть изобретено и раньше. Сами владыки Юань были из монголов: пастухи-кочевники без всяких технических и научных познаний. После завоевания Китая они восприняли обычаи и технологию побежденных; на этом основании вполне допустимо предположить, что ручная пушечка, обнаруженная в Маньчжурии, была усовершенствованной переделкой прототипа, созданного еще при династии Сун. Теория эта подкрепляется еще и недавней находкой: в Сычуани была обнаружена статуэтка воина с неким огнестрельным оружием, напоминающим маньчжурскую пушечку. Эта скульптура была создана в XII веке во время династии Сун.

Важную роль в завершающей части повествования играет «Инмин цзи», или «Цинмин цзи», рукопись о самых интересных

судебных процессах. И хотя ее распространение началось чуть позже описываемых в книге событий, подобные трактаты составлялись и раньше, и они имели широкое распространение среди культурной элиты династии Сун. Один из них, под названием «И юй цзи», представляет собой любопытное собрание спорных судейских решений; авторство трактата приписывается Хэ Нину и его сыну Хэ Мэну, создан он был в эпоху Пяти Династий; существовали также «Чжэ юй гуйцзянь», «Чудесное зерцало для разрешения судебных дел», которое составил Чжэн Кэ во время династии Сун, а еще «Тан инь биши», знаменитый своим переводом. И все-таки я не мог воспользоваться этими трактатами, поскольку все они были написаны до рождения судьи Фэна, а сюжет требовал от меня рукописи, в которой он мог быть упомянут. Итак, я позволил себе допустить существование сокращенной и неоконченной версии «Инмин цзи», некоего предварительного исследования, созданного в подходящее для меня время, до итоговой публикации в 1261 году.

Что касается архитектоники дворцового ансамбля, должен сознаться, что структура романа вынудила меня разместить внутри его несколько министерств, которые на самом деле помещались в других местах столицы, — то же самое и с застенками, и с личными апартаментами Кана.

Что касается странного заболевания Сун Цы, по-научному называемого «врожденная нечувствительность к боли», — тут дело в необычной мутации одного из генов, кодирующего нейротрофические рецепторы тирозинкиназы (NTRK1); мутировавший ген препятствует образованию нервных клеток, отвечающих за передачу в мозг сигналов о боли, жаре и холоде; я вынужден признать, что это мое литературное добавление, введенное, дабы роль главного героя выглядела еще более драматичной. Тем не менее такая болезнь — это не просто чудесный дар, помогающий Сун Цы преодолеть немало препятствий; на самом деле она часто проявляет свою темную, отрицательную сторону, нанося главному герою вред, изменяя и калеча его, так что сам Сун Цы начинает себя чувствовать пр***о***клятым чудовищем.

В конце концов, в порядке заключения, мне хотелось бы привести свои собственные мысли о литературных жанрах. Всем известна врожденная тенденция человеческого существа классифицировать всё,

что его окружает; крупица логики в обществе, где предложение зачастую опережает спрос, а информации так много, что ее полезность затмевается самим ее обилием. Подобное происходит и с литературными жанрами: опубликовано уже столько всего, что издатели сразу желают знать, в какую серию попадает каждая из книг; библиотекарей интересует, какой шифр они проставят на этой книге в своем каталоге, а читателям требуется указатель, помогающий выбрать книгу по вкусу.

До этого момента больших проблем не возникает. Все это — формы организации, а организация необходима. Что не так уж хорошо — так это неискоренимая человеческая привычка навечно снабжать каждый роман особым корешком. Мы выделяем «большие» жанры и «малые» жанры, «лучшие» жанры и «худшие» жанры, притом что эти корешки ни в коей мере не отражают индивидуальные качества отдельной книги.

Я говорю об этом потому, что мне нередко — и всегда с раздражением — доводилось слышать, что исторический роман — жанр не из самых важных.

Слыша подобный комментарий, я всегда с удивлением задавался вопросом, говорит мой собеседник о каком-нибудь конкретном романе или же он плывет по течению общего мнения. Проиллюстрирую это таким примером: допустим на минуту, что современный, необыкновенно талантливый писатель сочинил в наши дни трагическую историю любви между юношей и девушкой, чьи семьи, Монтекки и Капулетти, ненавидят друг друга. Да разве из-за того, что действие происходит в Венеции XVI века, «Ромео и Джульетта» должна попасть в разряд обыкновенных исторических романов и перестанет быть прекраснейшей из всех рассказанных в мире историй любви?

Откровенно говоря, мне кажется, что здесь как нельзя лучше подойдет определение жанров, которое оставил нам неподражаемый Хосе Мануэль Лара: «На самом деле существует лишь два вида романов: хорошие и плохие».

КРАТКАЯ БИОГРАФИЧЕСКАЯ СПРАВКА

Сун Цы родился в 1186 году в Цзяньяне (современная провинция Фуцзянь). Его отец, Сун Гун, не блистал успехами в учебе, но все же смог пройти государственные экзамены благодаря льготам, которые предоставил ему император Нин-цзун. Гун очень заботился о будущем своего сына и поэтому нанял ему в учителя последователя ученика великого Чжу Си, и в результате Сун Цы сумел поступить в Национальный университет города Линьань (ныне Ханчжоу). Прослушав курсы по медицине, юриспруденции и криминалистике, в 1217 году Сун Цы получил степень доктора и был направлен в Инь (уезд Чжэцзян) в качестве старшего стражника. Однако внезапная кончина отца помешала ему вступить в должность, и молодому человеку пришлось вернуться на родину во исполнение положенного траурного ритуала. Почти десять лет спустя Сун Цы вступил в должность регистратора в Синьфэне (современная провинция Цзянси). Успехи молодого человека в судебной медицине возбудили зависть его начальника, который несколько раз понижал его в должности, пока не добился того, что Сун Цы отказался от карьеры чиновника. После смерти начальника Цы вернулся на свой прежний пост, а затем получал различные повышения по службе — вплоть до начальника уезда, начальника округа и судебного администратора. Всю свою жизнь он посвятил изучению и анализу судебной медицины; он развенчивал старые подходы, основанные на эзотерике и магии, и привносил новые способы установления истины, причем некоторые из них не утратили своей важности по сей день. Сун Цы умер в 1249 году, через два года после завершения первого и самого значимого в истории научного трактата по судебной медицине: «Си юань лу сянъи».

БЛАГОДАРНОСТИ
«Самое важное — в конце»

После многих лет кропотливой работы, после десятков отбракованных черновиков, после изнурительных дней писания, когда слово «отдых» лишается смысла, когда ты наконец переворачиваешь последнюю страницу рукописи, — ты глубоко вздыхаешь, а потом тебя охватывает болезненная неуверенность. Ты чувствуешь себя удовлетворенным, потому что отдал лучшее, что в тебе было, однако в глубине души ты думаешь: а было ли этого достаточно? Тебе хотелось бы узнать побольше, переписать получше, сделать текст еще более проникновенным и впечатляющим. В какой-то момент тебе кажется, что все твои усилия не найдут отклика у читателей, что у тебя и у самого-то роман не вызовет отклика в случае провала, — того самого отклика, который так легко ощутить, если твой роман нравится. И вот, в этот момент ты вспоминаешь всех, кто помогал тебе на твоем пути. Ты вспоминаешь звонки родителей — настойчивые, нежные, нескончаемые: «Сынок, как ты там? А как роман?» Ты вспоминаешь братьев и сестер, лучше которых в мире никого нет… Вспоминаешь свою дочку…

Ты вспоминаешь друзей — старых и новых. Тех, кто всегда был с тобой, и тех, с кем тебе, по счастью, довелось познакомиться. Таких как Сантьяго Мората, Антонио Пенадес, Алехандро Ногера, Фернандо Мариас, Лусия Бартоломе, Мануэль Валенте, Аника Лильо или Карлос Аймер. Друзей, которых пора поблагодарить за помощь, за нежность, за то, что они были рядом. Ты вспоминаешь издателей — испанцев и иностранцев, которые тебе доверились, которые поставили на тебя. Ты вспоминаешь Рамона Конесу, твоего агента из литературного агентства «Кармен Балсел», всегда готового помочь мудрым советом…

Все эти люди занимают в моей памяти немалое место, рядом с анонимной массой моих читателей: тех, что меня читали; тех, что мне писали, чтобы поздравить или раскритиковать; тех, кого я сумел на несколько дней сделать чуть более счастливыми; и даже тех, кто меня пока не знает. Ведь они каждый день подталкивают меня вперед. Ради них — эта каждодневная борьба, ради них вообще стоит писать.

Моя особая благодарность предназначена Чжуан Ли-сяо, атташе по культуре посольства Китая в Испании, — за ее бескорыстное содействие в налаживании контактов между мной и директорами Национального музея Китая в Пекине, Музея древней архитектуры в Пекине, Музея китайской медицины в Ханчжоу, Провинциального музея в Чжэцзяне, Музея истории в Ханчжоу и Мавзолея генерала Юэ Фэя. Я не могу забыть и Фила А. Р. Хилла, писателя, который снабдил меня американскими изданиями трактатов Сун Цы, а также доктора Деварай Мандала и знаменитого синолога Жака Жерне — без обширнейших познаний которых я не смог бы придать этому роману необходимую достоверность.

Я счастлив, что мне не приходится специально вспоминать мою жену Майте, поскольку, слава богу, я наслаждаюсь ее присутствием каждый день. Она — мой маяк как в хорошие, так и в плохие времена. Она — лучший дар, который я получил от жизни.

И наконец, я хотел бы посвятить эти последние строки человеку, о котором тоскуем все мы, знавшие его. Человеку, который говорил мало, но научил меня многому. Своими поступками, своим смирением и искренностью он учил меня таким вещам, о которых не пишут в книгах.

Для него и в его память.

Спасибо, Эухенио.

БИБЛИОГРАФИЯ

BAILEY, A.; KNAPP, R. G.; NEVILLE-HADLEY, P.; ROBERTS, J. A. G.; STEINHARDT, N., *China. Editorial Akal, Madrid,* 2008.

BIRGE, B., *Women, Pioperty, and Confucian Reac.tion in Sung and Yüan China.* Cambridge University Press, New York, 2002.

CHAFFEE, J. W., *Branches of Heaven, A History of the Imperial Clan of Sung China.* Harvard University Asia Center, Massachusetts, 1999.

CONFUCIO Y MENCIO. *EL Chu-King, El Ta Hio, El Lun-Yu, El Tchung-Yung, El Meng-Tseu, Los cinco grandes libros de política, moral y filosofía de la antigua China.* Clásicos Bergua, Madrid, 1969.

DAVIS, E. L., *Society and the Supematural in Sóng China.* University of Hawa'i Press, Honolulu, 2001.

EBREY, P. B.; GREGORY, P. N.; *Religión and Society in T'ang and Sung China.* University of Hawaii press, Honolulu, 1993.

FENBY, J., *Las Setenta Maravillas de China.* Blume, 2007.

FOLCH, D., *La construcción de China.* Ediciones Península, Barcelona, 2001.

GARCÍA MENENDEZ, S.; GONZÁLEZ HUERTAS, J. R., *Historia de China.* Editorial Libsa, Madrid, 2006.

GARCÍA-NOBLEJAS, Gabriel, *Mitología de la China antigua.* Alianza Editorial, S. A., Madrid, 2007.

GERNET, J., *Daily Ufe in China on the Eve of the Mongol Ini'asion, 1250–1276.* Stanford University Press, California, 1962.

GERNET, J., *El mundo chino.* Editorial Crítica, Barcelona, 1991.

GONZÁLEZ DE MENDOZA, Fray Juan, *Historia del Gran Reino de la China.* Miraguano, S. A. Ediciones, Madrid, 2008.

HASKEW, M. E.; JÓRGENSEN, C.; MCNAB, C.; NIDEROST, E.; RICE, R. S., *Técnicas Bélicas del Mundo Oriental, 1200–1860, Equipamiento, Técnicas y Tácticas de Combate.* Editorial LIBSA, Madrid, 2009.

HYMES, R., *Way and Byway. Taoism, Local Religión, and Models of Divinity in Sung and Modem China.* University of California Press, Los Angeles, 2002.

INGMINGJI, *The EnlightenedJudgments.* State University of New York Press, Albany, 1999.

LAYMA, Y., *China.* Lunwerg Editores, Barcelona, 2008.

LEE, T. H. C., *Government Education and Examinations in Sung China.* The Chinese University of Hong Kong, 1985.

McKNIGHT, B., *Law and Order in Sung China.* Cambridge University Press, New York, 1992.

McKNIGHT, B., *Village and Bureaucracy in Southern Sung China.* The University of Chicago Press, Chicago, 1971.

McKNIGHT, B. and LIU, J., *The Enlightened Judgments. Ch'ing-ming Chi. The Sung Dynasty Collection.* State University of New York Press, Albany, 1999.

MORETTI, M., *China, El Reino del Dragón.* Editorial LIBSA, Madrid, 2008.

NANCARROW, P., *La antigua China y la Gran Muralla.* Ediciones Akal, S. A., Madrid, 1990.

POLO, M., *Libro de las Maravillas.* Suma de Letras, Barcelona, 2000.

POLO, M.; RICCI; DAMPIER; HUNTER; HUC; CLAUDEL Y OTROS, *Viaje por la China Imperial.* Ediciones Abraxas, Barcelona, 2000.

PRECIADO IDOETA, *Juan Ignacio, Antología de poesía china.* Editorial Gredos, S. A, Madrid, 2003.

QIZHI, Z., *Cultura tradicional china.* Editorial Popular, S. A., Madrid, 2008.

RÍOS, Xulio, *China: de la A a la Z, Diccionario general de expresiones chinas.* Editorial Popular, Madrid, 2008.

SCARPARI, M., *Antigua China.* Editorial Folio, Barcelona, 2005.

SCHAFER, E. H., *La China Antigua.* Time Life, Amsterdam, 1972.

SHAUGHNESSY, E. L., *China. El mundo chino, Crencias y rituales, Creación y descubrimientos.* Blume, Barcelona, 2008.

Ta-Tsing-Leu-Lee, Las Leyes del Código Penal de la China. Imprenta de la Revista de Legislación, Madrid, 1884.

THEROUX, P., *En El Gallo de Hierro,* Viajes en tren por China. Ediciones B, Barcelona, 1997.

TIME LIFE BOOKS., *Vivir la Historia de la China Imperial. 960–1368.* Editorial Folio, Barcelona, 2008.

TSE, Lao, *Tao Te King.* Edicomunicación, S. A., Barcelona, 1994.

VAN GULIK, R. H., *La Vida Sexual en la Antigua China.* Ediciones Siruela. Madrid, 2005.

VIRCHOW, R., *Técnica de las Autopsias*. Administración de la Revista de Medicina y Cirugía Prácticas, Madrid, 1894.

WANG YINGLIN, *Sanzijing, El Clásico de Tres Caracteres*. Editorial Trotta, S. A., Madrid, 2000.

WETZEL, A., *China.* RBA Edipresse S. L., Barcelona, 2008.

YOSHINOBU, S., *Commerce and Society in Sung China.* The University of Michigan Center for Chineses Stlidies, Michigan, 1970.

ПРИМЕЧАНИЯ

С. 5. *«О судейских обязанностях». Статья четвертая «Сун син тун», Уложения о наказаниях: династии Сун.* — Вообще говоря, раздел уголовного кодекса династии Сун «Сун спи тун», названный автором «О судейских обязанностях», на самом деле называется — *дуань-юй;* при буквальном переводе этого бинома мы получим «Судопроизводство и тюремное содержание». Четвертая статья раздела посвящена определению наказаний для служащих судов и тюрем, которые за деньги или по иным причинам подучают арестантов давать такие показания, чтобы наказание оказалось легче, чем должно было бы быть. Вынесенного в эпиграф отрывка текст статьи не содержит. Возможно, автор пользовался каким-то исследованием в области китайского права, в которое вкралась неточность; может быть, он что-то перепутал. Содержание и тональность приведенного отрывка свидетельствуют о том, что он скорее взят не из уголовного закона, а из какого-то регламента или устава, определявшего порядок несения службы судейскими чиновниками; такого рода документов в традиционном Китае хватало. Нельзя также исключить, что эпиграф является плодом творческой фантазии автора, стилизованным под китайский юридический текст. Косвенным подтверждением последнего предположения является употребление в отрывке термина «час». По поводу единиц времени здесь можно коротко отметить лишь, что соответствующая статья «Сун син тун» предписывает измерять время либо в четвертях *кэ,* составлявших одну сотую часть суток, т. е. около четверти часа, либо в двухчасовых стражах *гэн.* Строго говоря, страж было 12, но главным образом термин «стража» применялся к ночному времени суток (с 7 вечера до 5 утра). Скажем, наиболее (благодаря творчеству И. А. Ефремова) известная стража *чоу* (Быка) длилась от 1 до 3 ночи. Так или иначе, в доступном нам издании «Сун син тун» текста, который мог бы быть расценен как оригинал эпиграфа, обнаружить не удалось.

С. 11. *Линьань* — совр. Ханчжоу, административный центр провинции Чжэцзян. В 1127 г. чжурчжэньское государство Цзинь — на тот момент самый сильный конкурент управляемого династией Сун (960–1279) Китая — захватило северную часть страны с тогдашней его

столицей, Кайфэном. Большая часть императорского рода попала в плен. Один из оставшихся на свободе сыновей плененного и принудительно отрекшегося от престола императора бежал на юг, за великую реку Янцзы, формально принял бразды правления и перенес столицу в Линьань. Так продолжилась прервавшаяся было династия Сун. Ее история поэтому делится на два периода: Северная Сун и, после переноса столицы на юг, — Южная Сун. Попытки чжурчжэньских войск переправиться через широкую Янцзы и завершить завоевание Китая успеха не имели. В конце концов оба истощенных взаимными войнами государства были завоеваны монголами. Для Цзинь это покорение оказалось фатальным, Китай же столетие спустя освободился от власти завоевателей.

С. 13. *Университет* — многопрофильное высшее учебное заведение в императорском Китае. Наиболее ценилось в ту пору общегуманитарное образование, открывавшее дорогу к руководящим должностям, но соответствующим дисциплинам обучались в основном дети знати. Выходцы же из простонародья обычно обучались практическим дисциплинам. Это делало их вечными исполнителями, техническим персоналом. Справедливости ради надо сказать, однако, что при наличии действительно большого таланта и упорства выходец из низов мог дослужиться и до министра — и нередко именно благодаря образованию, полученному, например, на гуманитарных отделениях того учреждения, которое европейцы привычно для себя называют университетом.

...на время траура должен был отказаться от поста... — Траур по ближайшему прямому предку по мужской линии длился ни много ни мало три года. На это время всякий порядочный чиновник должен был уйти в отставку и возвратиться в отчий дом, чтобы целиком посвятить себя всем видимой печали, равно как выполнению многочисленных и сложных похоронных и траурных обязанностей. Для тех, кто при выборе между сыновней почтительностью и карьерой предпочитал карьеру, были предусмотрены уголовным законом принудительные отставки и иные карательные санкции.

С. 19. *Ли* — традиционная китайская мера длины, иногда ее называют китайской верстой. Величина ее на протяжении веков слегка менялась в ту или иную сторону, но в общем всегда составляла

несколько более полукилометра. Современная ли равна 576 м, в сунское время она была чуть меньше — около 560 м.

С. 24. *...наш уезд не подведомствен судье Фэну.* — Территориально-административная структура императорского Китая на протяжении почти всей его истории была двухступенчатой. Если не считать национальных окраин, территория собственно Китая делилась на округа, управляемые непосредственно из столицы, и уезды, подчинявшиеся округам. Округа, в которых располагались государственные столицы, а также имевшие особую стратегическую или экономическую важность, могли также именоваться «областями» или «управлениями». Время от времени создавались более крупные единицы, объединявшие под одной (чаще всего — военной) юрисдикцией несколько округов; это делалось в стратегически важных или явно находящихся под угрозой вторжения частях страны.

С. 25. *...в час Дракона...* — точнее, в стражу Дракона (чэнь). Время с 7 до 9 часов утра.

...у старосты по надзору. — В авторском тексте это должностное лицо называется «caudillo local» (местный военачальник). В традиционном Китае на протяжении практически всей его истории существовала организация, известная как *баоцзя,* то есть «местная самооборона» или, буквально, «семейная защита» — то или иное количество соседских хозяйств, связанных круговой порукой. Она была важнейшим элементом общинного самоуправления и в то же время органично дополняла общегосударственную административную структуру. В сунское время она выглядела следующим образом: от 10 до 30 соседских домохозяйств группировались как единая административно-хозяйственная единица, ответственная за сбор налогов с входящих в нее дворов, за порядок и безопасность в подведомственной зоне и пр. Во главе стоял *баочжан* — этакий глава добровольной общественной дружины по-древнекитайски, избиравшийся по согласованию с населением уездными властями из наиболее уважаемых членов данной ячейки взаимной безопасности. Десять малых ячеек *бао* объединялись в одну большую, во главе которой стоял свой *баочжан,* тоже из зажиточного простонародья, часто — отмеченный и награжденный за проявленную в войнах храбрость. Возможно, автор имеет в виду именно такого «каудильо».

С. 26. *С каких это пор у детей планы?* — В классическом сочинении «Гунъян чжуань», входящем в основной конфуцианский канон (собственно говоря, это комментарий к летописи «Чунь цю», написанной якобы самим Конфуцием), сказано прямо: «У правителя и у родителя никто не может питать свои собственные намерения. Если находится тот, кто питает свои собственные намерения, обязательно следует казнить его».

С. 27. *...костяшек домино…* — В авторском тексте так и сказано: domin***o***. Сомневаюсь, однако, чтобы в сунском Китае существовал точный аналог известной европейской игры. Хотя настольные игры, в том числе и азартные, безусловно, существовали. Возможно, автор имел в виду некую древнюю разновидность *мацзяна* (маджонга).

С. 28. *...лотосовой луны…* — Автор в своем послесловии приводит некий перечень, в котором каждому из двенадцати месяцев года по-китайски соответствует некий цветок или плод: скажем, июнь — гранат, июль — лотос, октябрь — хризантема… Более того, дни он именует как раз лунами (в данном случае: vigesimosegunda luna), а месяцы — месяцами (в данном случае: mes del Loto). Могу сказать только, что во всех эдиктах, хрониках и вообще документах тогдашние китайцы, как и все вменяемые люди (можно даже сказать — как и подобает дневным животным, чья активность приходится на светлый период суток), дни именовали именно днями *(жи* — солнце), месяцы же как раз называли лунами *(юэ* — луна). Вообще говоря, китайский год подразделялся на 24 сельскохозяйственных сезона: скажем, Пробуждение насекомых (5 марта — 20 марта), Колошение хлебов (5 июня — 21 июня), Холодные росы (8 октября — 23 октября). Но, конечно, знали в Китае и деление года на 12 лунных месяцев; мимо новолуний и полнолуний древние астрономы сельскохозяйственной страны пройти не могли. Однако месяцы назывались у них просто по их численным номерам. Отсюда — обиходные названия многих китайских праздников, например: Праздник двойной пятерки — то есть тот, что приходится на пятый день пятой луны. Вот стандартная запись о событии общегосударственного масштаба: «Девиз правления Чжэньгуань, восьмой год, вторая луна, третий день. Наследника престола облачили в одежду совершеннолетнего».

...второго года под девизом правления Кайси и четырнадцатого года правления… Нин-цзуна… — Китайцы в ту пору членили свою

историю царствованиями императоров и девизами правления. Каждый новый император, взойдя на престол, просто не мог не объявить новый — свой — девиз правления, который как бы обновлял вселенную в целом и ставил перед империей некие новые задачи в частности. Тем читателям, кто уже не очень молод, в качестве аналогии можно напомнить советские: «пятилетка качества», «третий решающий, четвертый определяющий» и пр. Или взять более современное: «Эпоха торжества демократии». Люди вообще очень мало меняются; меняются лишь продиктованные сиюминутными состояниями культуры оправдания ухищрений, повторяющихся из века в век… Словом, если дело не клеилось и в империи что-то шло не так, прежде чем браться за реформы или текущий ремонт системы, уважающему себя императору надлежало, как правило, дать новый девиз, так что в царствование одного императора девизов могло смениться несколько. Скажем, сунский Нин-цзун правил с 1195 по 1225 г., а период Кайси (это выражение можно приблизительно перевести как «Открытие врат к счастью») начался в 1205 г. и закончился в 1207 г. Видимо, что-то со счастьем не задалось. Или, может быть, наоборот, император счел, что за это время вполне справился с поставленной задачей, врата открыл настежь и пора уже взяться за что-нибудь новенькое. Тут интересно другое. Четырнадцатый год (у автора именно так и сказано: decimocuarto — четырнадцатый) царствования Нин-цзуна, как легко подсчитать, приходится в основном на 1209 г. по европейскому летоисчислению. Известны, правда, многочисленные случаи расхождения на год привязки датировок тех или иных китайских событий к европейскому календарю; они обусловлены тем, что в Китае лунный новый год начинался не с первого января, а, как правило, в феврале или марте. Некоторые датировки учитывают этот зазор, некоторые — нет. Но четырнадцатый год Нин-цзуна, похоже, никак не втиснуть в годы правления под девизом Кайси.

С. 42. *Даже ссадина на щеке сейчас казалась Цы клеймом изгоя.* — Действительно, в средневековом Китае и мораль, и целиком подчиненное ей уголовное право не просто давали родственникам возможность, но обязывали их скрывать преступления один другого, укрывать друг друга от властей и т. д. — если только преступления не были сугубо антигосударственными (умышление на особу императора, мятеж и пр.). Более того, даже подельников своего преступного

родственника законопослушные члены семьи зачастую должны были укрывать — ибо выдача его властям рассматривалась косвенной формой доноса (подельник ведь, если его схватят, может выдать подельника). Доносы же на родственников были запрещены под страхом наказания, причем донос младшего на старшего наказывался куда суровее, чем донос старшего на младшего. Сына или внука по мужской линии, сообщившего властям о преступлении отца или деда, по закону следовало казнить удавлением. Младший брат за донос на старшего брата получал два года каторги, при этом сам преступник считался пришедшим с повинной и получал, в зависимости от рода преступления, полное или частичное прощение (полного прощения не полагалось, если нанесенный преступлением вред был невосполним). Но в данном случае мы наблюдаем сложнейший для тогдашнего Китая юридический и этический казус. Вряд ли по закону можно было счесть косвенным доносом на родственника обнаружение следов его преступления и заявление о них властям до того, как стало известно, кто именно это преступление совершил. Однако морально ситуация была поистине ужасной.

...под водительством передового... — У автора здесь и далее при описании эскорта судьи употреблен термин *кули.* Строго говоря, этим термином, который буквально переводится как «горькая сила», примерно полтора века назад начали называть китайских разнорабочих, главным образом эмигрантов из собственно Китая, готовых на чужбине к самой тяжкой работе за гроши, а то и просто за прокорм. Вряд ли данный термин существовал при Сун, но даже если этим словом и могли назвать каких-то деклассированных бродяг, к эскорту чиновника оно совершенно не применимо. Почетный эскорт *(лубу)* имел сложную, дифференцированную иерархическую структуру, он был непременным атрибутом перемещавшихся высокопоставленных особ и включал только профессионалов, число и специальное наименование которых зависели от знатности особы, которую эскорт сопровождал. Например, в эскорт чиновника 4-го ранга входили: расчистителей пути *(цин дао)* — 2 человека; всадников с парадным самострелом под зонтом — 1 человек; сопровождающих в платье, подобном весне *(цинъи),* — 4 человека; телохранителей с булавами — 4 человека; телохранителей с алебардами — 50 человек.

С. 48. *...добиться признания вины.* — Теоретически, то есть согласно букве права (но кто лучше нынешних нас знает, как часто эта буква расходится с тем, что в ученых книгах красиво и обтекаемо называют «правоприменительной практикой»), если по исчерпании всей дозволенной законом дозы пыток обвиняемый так и не признавал свою вину, пытке, в свою очередь, подвергался тот, кто его обвинил. Если же и обвинитель после исчерпания пыток не отказывался от своих показаний, дело признавалось неразрешимым и обоих пытаемых полагалось отпускать под поручительство соседей.

С. 50. *...выпускание крови...* — Вообще говоря, сунское уложение о наказаниях «Сун син тун» (как и «Тан люй шу и» — уложение предшествовавшей Сун танской династии) предусматривало лишь два подвида смертной казни: удавление и обезглавливание. Обезглавливание считалось более суровым наказанием скорее по культурным причинам, нежели по производимому им реальному воздействию, — так, например, разделение на части тела, рожденного и вскормленного родителями, делало преступника еще и виновным в явной сыновней непочтительности. Явившись на тот свет безголовым, он не в состоянии был надлежащим образом служить там своим усопшим предкам. Конечно, на протяжении многовековой истории Китая по тому или иному случаю специальными императорскими указами принималось бесчисленное множество подзаконных актов, на неопределенный срок вводивших те или иные дополнительные меры наказания, но в целом традиция сохранялась. Что имеет в виду автор в данном случае (в испанском тексте написано «degiiello», т. е. «убийство», «резня», «бойня», «перерезание горла»), не очень понятно.

С. 51. *...путешествие к северной границе...* — Напомню, что именно по Янцзы проходила граница между южносунским Китаем и оккупировавшими Северный Китай чжурчжэнями.

С. 52. *...Приказ великой справедливости...* — В средневековом Китае предусматривалась сложная и многоступенчатая процедура утверждения смертных приговоров, которая теоретически должна была исключить всякую несправедливость. Этого требовали базовые культурные представления: чрезмерная жестокость по отношению к подданным могла нарушить гармонию природы и вызвать стихийные бедствия. Существовала Палата наказаний *(синбу),* существовала

Контрольная (Цензорская) коллегия *(юйшитай),* существовал Приказ великой справедливости *(далисы).* Все эти инстанции раз за разом разбирали дела, по которым подсудимому грозила смертная казнь, и окончательный вердикт они выносили совместно, а потом еще подавали его на утверждение императору, причем несколько раз — вдруг владыка все же передумает и решит помиловать преступника или заменить ему казнь на более легкое наказание.

А само наказание не может случиться раньше осени… — Приводить в исполнение смертную казнь нельзя было ни весной, ни летом. Только когда сама природа умирает, можно было убивать подданных без риска нарушить гармоничное течение космических процессов и тем вызвать наводнение, засуху или нашествие саранчи. Чиновникам, не соблюдающим это требование натурфилософии, морали и закона, по «Сун син тун» самим грозил каторжный срок.

С. 53. *…обходились пятью слушаниями…* — Вообще-то, пять вниманий *(у тин),* или, как чрезмерно буквально передает этот термин автор, пять слушаний, были суть следующие: внимание к выражению лица допрашиваемого, к его речи, к его дыханию, к его реакции на то, что говорит допрашивающий, и к его глазам. По тому, скажем, бегают глаза у допрашиваемого или нет, учащенно он дышит или нормально, следовало понять, говорит ли он правду или лжет. Выяснение биографии или даже самих обстоятельств дела сюда никак не могло входить; это было бы уже не *тин,* а, скажем, *цзянь* (выяснение, проверка).

С. 54. *…они подлежат высылке.* — Реально общесемейной ответственности подлежали члены семей тех, кто оказался замешан в антигосударственных преступлениях: покушении на императора, мятеже и измене, а также в изготовлении, хранении или купле-продаже магических средств причинения смерти или иного вреда ничего не подозревающему человеку (так называемых ядов группы *гу).*

С. 69. *…каждая бумажка — десять тысяч.* — Бумажные деньги были в сунском Китае не в большом ходу. Поначалу назывались они, если переводить буквально, «летучими деньгами» *(фэй цянь)* и были все еще своего рода квитанциями на получение денег, переводными векселями. Поначалу они возникли только для обслуживания частной коммерции: неудобство транспортировки больших сумм в виде драгметаллов или, тем более, бесчисленных связок медных монет

надоумило тогдашних деловых людей в одно отделение некоей фирмы сдавать определенную сумму, получать взамен «летучие деньги» на эту сумму, а по прибытии туда, куда надо, получать в другом отделении той же фирмы реальные деньги взамен сданных фирме «летучих». Государство быстро сообразило, что к чему, и взяло функцию эмитента на себя; реальные деньги в обмен на квитанции стали сдавать в соответствующую казенную управу и получали снова по квитанции — за вычетом оставляемого государством себе за услугу процента — тоже в управе по месту назначения. Вскоре *фэй цянь* ходили уже как почти полноценные деньги.

...вплоть до последнего му. — Му — мера площади. В сунское время 1 му составлял примерно 580,32 кв. м.

С. 70. *Ваша премудрость обещала отменить смертную казнь, если мне удастся внести выкуп…* — По тогдашним законам и впрямь откупиться можно было от практически любого наказания — например, если преступление совершил человек старше 80 или, тем более, 90 лет, или недееспособный, и в прочих подобных ситуациях.

С. 71. *...лянов серебра…* — Большие денежные суммы измерялись в традиционном Китае не количеством монет, но весом использовавшихся при сделках драгметаллов, чаще всего — серебра в слитках. *Лян* — мера веса. Ориентировочно можно считать, что *лян* в сунское время составлял ок. 37 г.

...седьмого ранга и ниже… — Чиновничий корпус в традиционном Китае структурировался по девяти рангам. Высшим был первый, низшим — девятый. Все должности имели ранговые привязки, и все чиновники имели свои личные ранги. В принципе нормой являлась ситуация, когда чиновник занимал должность того ранга, который соответствовал его личному. Но вполне могли быть и исключения: нам и в наше время знакома ситуация, когда, скажем, подполковник занимает полковничью должность или наоборот. Успешная служба, отмеченная соответствующими отзывами начальства, неизбежно приводила к повышению в ранге, и тогда чиновник мог претендовать на более высокую должность; неблагоприятные аттестации начальства приводили к понижению. Чиновничья служба была в традиционном Китае основным социальным лифтом — надо признать, не имевшим в тогдашнем жестко сословном (а то и кастовом) мире ни малейших аналогов.

...кто имеет низшие... — Низшие ученые степени могли быть получены при сдаче общегуманитарных академических экзаменов в провинции, высшие — после успешной сдачи столичных экзаменов. Получение степени даже простолюдину открывало возможность получения должности и, следовательно, социального роста. Но и те, кто уже служил, порой предпочитали попытаться ускорить карьеру, рискнув принять участие в экзаменах, — получение степени было и престижно, и выгодно и, как правило, сразу давало повышение в ранге.

С. 80. *...в портовой таможне.* — В узловых пунктах сухопутных и водных коммуникаций в ту пору существовали бесчисленные внутренние таможни, проход через которые, и тем более провоз грузов, был возможен только при наличии разрешительных документов — подорожных и грузовых списков. В многочисленные обязанности, возлагавшиеся на таможенников, входило и изъятие запретных к провозу и вообще к частному владению предметов: оружия, астрономических и гадательных книг (ибо по ним можно было узнать будущее, а это была строго засекреченная информация, работать с которой дозволялось лишь специально к этому подготовленным государственным служащим).

С. 119. *«Сун син тун». Первый раздел: «Об обычных наказаниях». <...> «...И наконец, пятое наказание есть умерщвление преступника путем удушения либо перерезания горла».* — Этот перевод вполне соответствует тому, что написано в испанском оригинале. Но сам испанский оригинал, к сожалению, довольно далек от того, что на самом деле говорится в соответствующем тексте сунского уголовного уложения. Цитируемый раздел кодекса называется не «Об обычных наказаниях», а «Виды наказаний и правила их применения» *(минли);* иногда европейцы для простоты именуют этот раздел «Общие положения». Реально в соответствующем тексте «Сун син тун», например, говорится: «Наказаний легкими палками — пять. <…> „Наказывать тонкими палками“ — значит „бить“ и, кроме того, может толковаться как „стыдить“. Объясняется это тем, что если человек совершил легкий проступок, по закону необходимо вразумить его, поэтому применяют к нему битье, чтобы устыдить его… Во времена Хань для наказания легкими палками использовался бамбук, ныне используется прутняк». И т. д. О ссылке, например, сказано, что это наказание было введено древним мудрейшим правителем Шунем из

жалости, ибо ею заменили членовредительские и смертные наказания, чтобы не применять их слишком часто. «Пять» в вышеприведенной цитате — это пять разновидностей: десять, двадцать, тридцать, сорок и пятьдесят ударов. Наказание тяжелыми палками тоже имело пять разновидностей — от шестидесяти ударов до ста. Следующим по тяжести шло наказание каторжными работами — год, полтора, два, два с половиной и три года. Затем — три разновидности пожизненной ссылки — на две, на две с половиной и на три тысячи ли. И две разновидности смертной казни (удавление и обезглавливание).

С. 120. *...заносятся в государственный реестр...* — Реально соответствующая статья «Сун син тун» называется «Указания на „день“ означают 100 четвертей». В ней сказано: «Когда в законе упоминается „день“, это значит его четвертей *кэ».* И далее: «При расчете использования труда днем считается время от восхода до заката… Когда упоминается „год“, это означает 360 дней. <…> Когда упоминается „возраст“, его определяют согласно подворному списку *цзи…»,* в котором данный человек зарегистрирован. О делении дня и ночи на двухчасовые (по нашему счету времени) стражи *гэн,* хотя само по себе оно здесь у автора отражено верно, в тексте статьи ничего нет.

С. 155. *...был разжалован и уволен.* — Вообще говоря, страшнейшим из имущественных преступлений государственного служащего была так называемая взятка с нарушением закона — получение каких-то денежных средств или ценностей от подведомственного человека с последующим нарушением каких-либо законных процедур или предписаний в его пользу. Получение той же самой суммы в той же самой ситуации, если затем закон не был нарушен, — и то наказывалось легче. Использование вверенных по службе казенных средств в личных целях называлось «хищением у себя» *(цзы дао)* и наказывалось еще легче. При взятке, сколь бы мала она ни была, разжалование было неизбежным; при хищении у себя оно полагалось, только если сумма растраты оказывалась больше определенной, сравнительно немалой величины. При разжаловании чиновник лишался всех рангов и отбрасывался к тому социальному состоянию, в котором пребывал до начала карьеры. Понятно, что наиболее болезненным такое наказание являлось именно для тех, кто сумел выслужиться из простолюдинов. Правда, теоретически по истечении шестилетнего срока разжалованный чиновник получал

возможность попробовать вновь вступить в службу, но в ранге, сильно пониженном относительно того, какой имел в момент совершения преступления.

С. 169. *...фигурок, которые иногда укладывали с покойниками в могилы.* — В таком виде до времен китайского Средневековья сохранился древнейший обычай хоронить вместе со знатным человеком все его окружение. В документах, устанавливающих их количество и размеры, такие фигурки прямо называют не «фигурками», а «женщинами», «музыкантами», «челядью», «рабами и рабынями» — что может неподготовленного человека перепугать не на шутку. И только обратив внимание на предписываемые законом размеры, понимаешь, что тут всего лишь метафоры. Например, чиновникам 3-го ранга и рангов более высоких для могилы полагалось, как написано в установлениях, «женщин и прочих не более 30 человек длиной не более 8 *цуней»,* т. е. рост этих заживо закапываемых несчастных дам не мог превышать 25 см.

С. 170. *Тофу* — эта вошедшая в язык мировой кулинарии транскрипция есть японское произношение обозначающих соевый творог иероглифов (если их переводить буквально, получится «бобовая гниль»). По-китайски они же читаются как *доуфу,* и так было бы правильнее, ибо искусство изготовления этого продукта возникло, как и многое другое, именно в Китае, а уж из него распространилось по всей Восточной и Юго-Восточной Азии.

С. 209. *...в лавке чжурчжэней...* — Напомним: именно чжурчжэням, создавшим в Центральной Азии свою империю, принадлежал во время действия романа Северный Китай.

С. 228. *...объемистые ксилографы...* — Книгопечатание, изобретенное в Китае задолго до того, как оно появилось в Европе, в первые века было ксилографическим: иероглифы текста вырезались на деревянных досках, а затем с этих досок печаталось потребное количество экземпляров.

С. 238. *...хотя Университетский совет и закрыл медицинский факультет...* — Все эти и подобные им европейские реалии и процедуры и ранее, и здесь без комментариев остаются на совести автора.

С. 240. *Потом, не прибавив ни слова, развернулся и покинул столовую.* — Не могу не отметить, что описанное поведение наводит

на мысли скорее об университете Саламанки, где во времена, скажем, Филиппа Второго повздорили сынок гранда и отпрыск мелкопоместного идальго, — и пора бы им уже браться за шпаги. Для конфуциански образованных молодых людей, обучающихся в одном из высших учебных заведений Поднебесной, оно представляется мне совершенно немыслимым, ибо одной из основных добродетелей воспитанного человека, по Конфуцию, является *жан* — уступчивость. Ее, разумеется, тоже надо было проявлять с умом. Конечно, я не могу этого доказать, но, скорее всего, Цы повел бы себя так, будто у него как бы просто пустяковая размолвка по недоразумению с давним, старшим и потому безоговорочно уважаемым товарищем. «Почтенный старший братец, да что за пустяки, да нам же спать рядышком, да нам еще учиться и учиться вместе, да прости, если что не так, да я теперь буду неустанно брать тебя за образец в правилах поведения!» — и все это безукоризненно вежливо, но на фоне захваченного места и стремительно уменьшающегося в тарелке супа. Вот тогда Серая Хитрость и впрямь потерял бы лицо — и чем агрессивнее он вел бы себя впоследствии, тем смешнее бы выглядел.

С. 270. *...«Божественные записи о системах человеческого тела»...* — Без иероглифики, которую автор, разумеется, не приводит, да вдобавок и при нешибкой понятности испанской транскрипции, очень трудно себе представить реальные названия перечисляемых здесь трактатов — притом к тому же, что я не являюсь специалистом в области традиционной китайской медицины. Однозначно можно сказать одно: в конце названия книги *лу* непременно следует переводить как «записки», «записи», а *цзи* — как «собрание», «сборник». Но и только. Скажем, *Уцзан* здесь следует, скорее всего, понимать как «Пять внутренностей». Применительно к традиционной медицине этот термин означал пять основных внутренних органов: сердце, печень, селезенку, легкие, почки. *Шэнь* — это, конечно, «чудесный», «сверхъестественный», но вряд ли уж «божественный». Встречающийся несколько позже термин *нэйшу,* возможно, надо понимать как «внутренние искусства» или (уже с другим иероглифом *шу)* «внутренние присущности»… Замнем для ясности.

С. 272. *...рассечения губы и перелома.* — А вот тут надо отдать автору должное: он почти ничего не перепутал, разве что насчет зубов какая-то неувязка. Правда, непонятно, почему для Цы эти сведения

оказались внове, коль скоро он в течение многих месяцев чуть ли не наизусть вылизывал доставшееся ему от отца Уложение о наказаниях. На самом деле упомянутый здесь юридический механизм назывался *бао гу,* то есть, если переводить буквально, «сохранение ответственности», а если более осмысленно — «сроки сохранения ответственности за последствия». Статья 307 Уголовного уложения династии Тан, полностью и дословно повторенная в сунском «Сун син тун», гласит: «При избиении или нанесении телесного повреждения руками и ногами срок сохранения ответственности ограничивается 10 днями, при избиении или нанесении телесного повреждения с использованием постороннего предмета — 20 днями, при нанесении телесного повреждения колющим или режущим орудием либо кипятком или огнем — 30 днями, при переломе либо выворачивании конечности тела либо повреждении кости — 50 днями. Не обязательно, чтобы разом наличествовали и избиение, и нанесение телесного повреждения. Имеется в виду, что и при избиении, и при нанесении телесного повреждения и в том и в другом случае ответственность за последствия сохраняется 10 дней. Обычно нанесение человеку телесного повреждения является следствием нанесения побоев. Но сейчас говорится, что не обязательно, чтобы разом наличествовало и то и другое, поскольку телесные повреждения могу быть получены, например, при падении вследствие преднамеренного испуга. Следовательно, телесное повреждение и физический ущерб могут и не быть следствиями нанесения побоев». И далее: «Если в пределах срока наступила смерть, соответственно каждому данному случаю наказание определяется как за убийство человека. Если же смерть наступила вне пределов срока или хотя бы и в пределах, но по другой причине, соответственно каждому данному случаю наказание преступнику определяют по закону только о соответствующем избиении и нанесении телесного повреждения. По другой причине — имеется в виду, что отдельно добавился какой-либо иной недуг и из-за него наступила смерть. Допустим, человек был избит и получил телесное повреждение на голове. Через рану на голове в этого человека проникла горячка, и вследствие горячки дошло до смерти. Тогда наказание определяется как за убийство человека. Если же смерть наступила не вследствие горячки, случившейся от раны на голове, а отдельно вследствие другой болезни, это и есть по другой причине».

С. 282. *...Сын Неба, Умиротворяющий предок.* — Примерно так — Умиротворяющий Предок, Предок-Миротворец — можно перевести храмовое имя четвертого императора Южной Сун, по-китайски звучащее как Нин-цзун. Увы, на самом деле при жизни его никто так не называл и в принципе не мог называть. Храмовые имена, соответственно основным событиям и результатам царствования данного императора, присваивались владыкам только посмертно, и уже под этими именами они фигурировали в похоронных и поминальных ритуалах, а через это — входили в историю. Именно поэтому в храмовые имена всегда после иероглифа смыслового, описательного включался иероглиф *цзун* — Предок; таковым был покойный для любого из последующих императоров данной династии (только храмовое имя основателя династии кончалось на иероглиф *цзу* — Прародитель). Чисто по жизни императора Нин-цзуна, пока он еще не вступил на престол, звали Чжао Ко. Однако называть Сына Неба по его личному имени и при жизни, и тем более после смерти было чревато.

...Сын Неба тратил жизнь на нескончаемый протокол приемов, церемоний и конфуцианских ритуалов, не имея ни малейшей возможности что-то переменить. — Голос демократической Европы зазвучал во всю мощь. Но ведь ритуал на то и ритуал, чтобы его соблюдать, а не менять, когда левая нога захочет, по собственному произволу. Ритуал выполняет целый ряд важнейших социальных функций, и прежде всего — обеспечивает единство различных социальных групп страны и преемственность живущих в ней поколений. То, например, что даже самый обездоленный крестьянин в Китае, выполняя тот или иной погребальный обряд по усопшему родителю, твердо знал, что и сам император на тот же самый день после похорон своего августейшего родителя выполняет тот же самый обряд (причем он таки его действительно выполнял), — цементировало народ куда сильнее, чем сто тысяч кумачовых лозунгов «Народ и партия едины» или показное панибратство американских президентов. С другой стороны, вековая неизменность ритуала как нельзя лучше дает всей кожей ощутить, что у страны есть прошлое и, стало быть, будет будущее; разрушение же ритуала подвешивает ее в сиюминутном «сегодня» без роду без племени, без перспективы и надежды. Если из прошлого нечего взять, стало быть, его все равно что не было и мы тут нынче сами с усами, чего хотим, то и воротим; если в

будущее нечего передать, значит завтра все равно помрем, и, стало быть, гуляй, рванина. Попробовала бы британская королева явиться в парламент в мини-юбке и начать свою ежегодную речь примерно так: «Ну что, чуваки? Хули ж вы тут…» Однако иным культурам европейцы совершенно искренне и вроде бы даже из благих побуждений предлагают в качестве свободы и прогресса именно вот такое… Если же говорить о том, что происходило за рамками ритуала, то на самом-то деле царствование Нин-цзуна было полно событий: он попытался отвоевать у чжурчжэней Северный Китай (безуспешно), заключил и реально поддерживал с чжурчжэнями мир, обезопасив вверенную ему страну от вторжений (успешно, хотя и далеко не бесплатно), развивал города (успешно), сослал было, поддавшись влиянию одной из придворных клик, но вскоре выказал недюжинную твердость и вернул из ссылки великого философа Чжу Си, основателя неоконфуцианства — учения, вскоре ставшего идейной основой Китая вплоть до XX в.

С. 283. *...страшной Палаты наказаний.* — В авторском тексте так и сказано: *temido* («Страшная, пугающая, наводящая ужас»). Да уж не страшней испанской инквизиции, возникшей, кстати сказать, на несколько веков позже царствования Нин-цзуна, в куда более просвещенные времена. Автор, похоже, представляет себе *Син бу* чем-то вроде тайной полиции времен Франко. На самом деле Палата наказаний ведала соблюдением законности, проверкой предварительных расследований и утверждением приговоров, контролем за соответствием правоприменения требованиям закона и соблюдением минимальных прав лиц, содержащихся под арестом во время предварительных следствий (обеспечением их одеждой, продовольствием и медицинской помощью, разбором их жалоб и т. д.). Здесь же разрабатывались новые законы и подзаконные акты, ведомственные инструкции, гражданские уставы. Контрольный отдел палаты отвечал за проверку отчетности о налоговых поступлениях из столицы и из провинций, о государственных тратах, о жалованье чиновников, о суммах, отпускаемых на содержание казенных зданий, о наградных пожалованиях, о криминальных присвоениях имущества (в т. ч. взятках), о раскладке работ, осуществляемых отбывающими каторгу преступниками, о долгах и недоимках… Уфф. Страшная работа? Нет, просто ее страшно много. Вот примерно так же в Европах

и нашего Ивана Грозного себе переводят: Ivan the Terrible, то бишь Ванька Жуткий. Не шучу. Оксфордский толковый словарь английского языка слово terrible объясняет как «extremely and shockingly or distressingly bad», т. е. «в высшей степени и потрясающе или удручающе плохой». И все, попробуй поспорь, если, мол, сами же русские его назвали terrible. Одно лишь мастерство перевода, и никакого мошенства…

С. 284. *...верховная управительница дворца...* — Надо думать, имеется в виду дворцовая дама, занимавшая должность под названием *шангун* (буквально «высшая по дворцу»). По штату их полагалось две, и они посменно и коллегиально возглавляли административные подразделения, ответственные за обслуживание супруги императора. Дворцовые управительницы отвечали за сопровождение императрицы, ведали учетом дел всех шести специальных служб (общего обеспечения, благопристойности, одеяний, питания, ухода за внутренними покоями и работной), а также контролем за предметами, что поступали извне в ведение любой из шести служб или передавались какой-либо из них вовне; они заверяли все подобные передачи подписями и печатями.

С. 302. *...в «Перечне заслуг и недостатков».* — Скорее всего, автор имеет в виду служебные переаттестации — так называемые *као гун,* т. е. «проверки заслуг». Это была устойчивая, на протяжении многих веков, при разных династиях существовавшая процедура. Вот как ее описывают служебные инструкции времен династии Тан: «Каждый год начальники всех учреждений аттестуют своих подчиненных. Всегда записывают их относящиеся к данному году заслуги и ошибки, поведение и способности. Зачитывают это перед всеми. Обсудив лучшее и худшее аттестуемых, распределяют их по девяти квалификационным степеням». Соответственно результатам аттестации чиновники получали прибавки к жалованью или, напротив, части жалованья за подотчетный год лишались; устойчивые хорошие аттестации ускоряли служебное продвижение, устойчивые плохие — могли привести к понижению или вообще к лишению возможности служить. Но при чем тут эта чисто бюрократическая практика — трудно сказать.

С. 303. *Когда они вошли в Тайный зал, Цы онемел. В сравнении с университетской библиотекой этот архив представлялся гигантским*

лабиринтом… — По всей видимости, автор имеет в виду *Мишу шэн* — дворцовое учреждение, обычно именуемое Императорской библиотекой; если переводить название более точно, получим что-то вроде Палаты, или Приказа, Потаенных Документов. Слово «Потаенный» не должно наводить на мысли о спецхране; оно значило лишь, что относился *Мишу шэн* к учреждениям, обслуживавшим в первую очередь непосредственно августейшую особу. Библиотека ведала хранением, реставрацией и дублированием произведений всех признанных жанров: каноническими, философскими, историческими сочинениями, художественными произведениями, записями, изображениями и документами, а также руководила работой сочинительской службы. Каждое хранящееся в библиотеке сочинение должно было быть представлено в трех экземплярах: основном, дублирующем и запасном; если экземпляров недоставало, надлежало делать копии. Сочинительская служба занималась составлением надписей на памятных стелах, мемориальных досках, надгробных плитах, а также ритуальных текстов, возглашаемых во время молений и жертвоприношений.

С. 304. *«Уцзо» — так презрительно именовали тех, кто обмывает покойников и укутывает их в саван.* — Этот термин опознается и без иероглифики. Вернее, это сразу два термина; второй иероглиф в обоих — *цзо* — один и тот же, и, значит, он просто «работник», «рабочий», «исполнитель». Но под транскрипцией *у* таится развилка из двух иероглифов, которые читаются одинаково, но пишутся по-разному и имеют разные значения. Правда, смысл обоих *уцзо* довольно схож. Один *уцзо* — значит «судебный следователь, эксперт, досматривающий трупы и ранения». Второй *уцзо* — значит «младший следователь, служитель-осмотрщик трупов». Руки чешутся написать для пущей ясности иероглифы, но я имею совесть и сдержусь. Во всяком случае, это реальные названия должностей, и вряд ли даже второе из них имело такой уж уничижительный опенок. «Золотарь» звучит, конечно, менее авторитетно, чем «депутат», но «кидала» или «козел» звучат все-таки хуже, чем «золотарь». Впрочем, как кому…

С. 314. *...руководства Министерства финансов…* — Имеется в виду, очевидно, Подворная палата — *Ху бу,* где занимались учетом земель Поднебесной и их категорированием соответственно

плодоносности почвы, учетом народонаселения, расчетами натуральных и денежных поступлений в казну и выплат из нее, разверсткой налогов и податей.

Остаток дня Цы посвятил обходу… дворцовых помещений… Для начала юноша осмотрел дворец снаружи: это было квадратное здание тридцати шести ли в периметре… — Как говорится, меня терзают смутные сомнения. Тридцать шесть *ли* — это чуть более двадцати километров. Чтобы осмотреть такой «дворец» «снаружи», «по периметру», невозможно пройти расстояние меньше, чем это. Отмахать подобную дистанцию «для начала», в течение «остатка дня»? Интересно, каков был этот остаток — после всех тех дел, которые главный герой уже успел у нас на глазах переделать? Одна эта прогулка заняла бы уж всяко не менее трех часов, да и то если чесать с припрыгом (в час — чуть ли не семь километров)… И потом приняться за прогулки по садам и осмотр изнутри?

С. 315. *...подвергали смертной казни через удавление.* — Автор явно пытался всерьез работать с реальным материалом, и эту попытку невозможно не уважать. Но здесь и далее он свалил, мягко говоря, в одну кучу несколько статей сунского уголовного уложения, которыми устанавливались наказания за различные нарушения режима дворцов. Подробно разбирать их все нет ни возможности, ни смысла. Например, по поводу самовольной ночевки на запретной территории говорится: «По делу смог войти в дворцовый комплекс или на территорию какого-либо дворца — имеются в виду дела такого рода, как присутствие на императорской аудиенции или напутственном императорском приеме, приемка или отправка грузов, строительные работы. Тот, кто не должен был оставаться на ночь, но самоуправно остался, а также человек, позволивший задержаться оставшемуся на ночь, соответственно каждому данному случаю получают наказание, уменьшенное на две степени относительно полагающегося за самовольный вход на соответствующую запретную территорию. Значит, если это произошло в Дворцовом городе — виновные наказываются 1 годом каторги, если на территории какого-либо дворца — 1,5 годами каторги». Не думаю, что изобилие подобного рода сведений сильно заинтересует читателя, поэтому оставляю все дальнейшие приводимые автором подробности без комментариев.

С. 316. *...Палата чинов, Ли бу... Палата церемоний, Ли бу...* — То, что Палата чинов и Палата церемоний называются вроде бы одними и теми же словами, не должно смущать читателя. Звучание иероглифов «чин» и «церемония» записывается и латиницей, и кириллицей одинаково, но это разные, по-разному пишущиеся знаки.

С. 317. *...пропустил его внутрь.* — Запретный город, вообще говоря, всегда подразделялся на два основных сегмента. Между обыденным миром, то есть собственно столицей (в описываемое время — Линьанем), и режимной территорией стояла главная стена. За нею находилась своего рода буферная, промежуточная зона — Императорский город, отведенный для исполнительной власти (все перечисленные у автора палаты и ряд иных учреждений). Зоной, наиболее удаленной от низкой обыденности и поэтому окруженной еще одной стеной, был внутри Императорского города так называемый Дворцовый город. В его южной части, куда можно было, миновав Главные ворота, сразу попасть из Императорского города, функционировали учреждения и сановники иного уровня: советники, секретари, биографы и т. д.; они обеспечивали законодательную и управленческую деятельность лично императора. Здесь готовили проекты указов, сводили воедино и редактировали подаваемые на высочайшее рассмотрение меморандумы, отчеты, докладные записки; здесь же находились официальные императорские покои — залы для приемов, аудиенций, собраний и советов. Еще дальше, и тоже за очередной стеной, располагались жилые дворцы императора, императрицы, евнухов, дворцовых дам. В отдельный сегмент был выделен комплекс административных и жилых зданий двора наследника престола. Все эти зоны вплоть до территорий отдельных дворцов разгораживались стенами, и все ворота в этих стенах охранялись. Такая организация не была обусловлена, как легко и с удовольствием может вообразить европеец, маниакальным страхом китайских тиранов перед угнетенным народом. Дело в том, что, в отличие от европейских Лувров и Эскуриалов, представлявших собою едва ли не крепости, сами китайские дворцы являлись беззащитными: это были не многоэтажные герметичные громады из камня с бесчисленными залами и анфиладами комнат внутри одного здания, но легкие, открытые всем ветрам постройки, зачастую — каждый зал по отдельности, соединенные крытыми (но не имеющими стен, лишь

красивые опорные колонны) галереями, а то и вовсе открытыми дорожками. Именно поэтому, например, иероглиф *дянь* китаистам приходится переводить то «дворец», то «зал». Судя по тому, что Цы только что бродил среди зданий, где располагались главные исполнительные учреждения, сейчас он переходит из Императорского города в Дворцовый.

С. 321. *...к эпохам Тан и Цзинь.* — Время правления династии Тан (618–907 гг.) — один из величайших и блистательнейших периодов китайской истории (некоторые полагают даже, что — самый блистательный). Сунская династия пыталась на него равняться, но это было ей не по силам (впрочем, особой вины сунских императоров тут нет, просто мир изменился: на северных границах возникли мощные иноплеменные империи, а жизнь в самом Китае становилась все более сложной из-за уменьшения ресурсной базы и развития, уж простите за суконное выражение, товарно-денежных отношений). Что же касается Цзинь, то в китайской истории было несколько династий, называвшихся так; здесь, вероятно, имеется в виду самая долгая Цзинь (265–420 гг.). При ней Китай был в очередной раз объединен после периода раздробленности и междоусобиц, что вызвало расцвет культуры. Следует иметь в виду, что названия династий в Китае обусловлены отнюдь не фамилией правящего рода, как в Европе, но названием, которое воцарившийся род давал стране (и которое, разумеется, с падением данной династии и с приходом к власти другого рода менялось). Сами китайцы и не подозревали, что живут в Китае: неизменный мир вокруг для них был Поднебесной или Землей между четырьмя морями, а владеющее этим миром государство называлось при каждой династии так, как его назвал тот, кто эту династию основал.

...в мастерских Жучжоу. — В оригинале, в испаноязычной транскрипции: Ruzhou. Без иероглифики трудно сказать, но, возможно, имеется в виду город, и поныне носящий имя Жучжоу; расположен на территории современной провинции Хэнань.

С. 322. *...последствия вторжения чжурчжэней. Войска Цзинь… резко продвинулись и завоевали весь северный Китай.* — Это произошло почти за восемьдесят лет до описываемых событий.

С. 331. *...дети, которых у нюйши никогда не будет.* — Термин «нюйши» (в испаноязычной транскрипции — *nüshi)* тоже с большой

степенью достоверности опознается даже без иероглифики. «Нюйши» в буквальном переводе значит «дева-писец», «девица-регистратор»; так назывались низшие служащие женского пола, составлявшие штат непосредственных исполнителей и делопроизводителей (говоря современным языком — клерков) в учреждениях, обслуживавших императрицу и императорских наложниц. Иногда приставку нюйши к названию своей реальной должности получали в качестве почетного титула иные низшие служащие женского персонала. Что-нибудь вроде «взбивающая подушки нюйши» — значит «Ого-го какая взбивающая подушки»! Автор, если у него и впрямь имеется в виду нюйши, явно переоценивает значимость этой должности. Этих секретарш в каждом подразделении женской части двора было немало. За порядком же на женской половине следили так называемые *нэйсыбо* — дядьки из внутренних покоев (иероглиф *бо* исходно действительно обозначает брата отца). Разумеется, эти дядьки были скопцами.

С. 333. *...добраться до кабинета, который занимал личный секретарь императора. Цы представился и попросил об аудиенции…* — Вкратце отмечу лишь, что реальное штатное расписание предусматривало целую цепочку таких секретарей. Их должности в силу близости к олицетворяющей центр мира персоне владыки назывались одна причудливее другой — скажем, срединный податель дел (тот, кто передает дела в самую середку — *цзишичжун).* Впрочем, секретари отвечали за правильное составление и прохождение бумаг; допусками на аудиенции ведали совсем другие должностные лица.

С. 340. *...победил при Кайфэне…* — Город, бывший столицей Северной Сун, затем завоеванный чжурчжэнями и ставший одной из столиц их империи Цзинь.

...императором Сяо-цзуном… — Сяо-цзун (1163–1190) — второй император Южной Сун.

С. 350. *...в ярком шелковом ханьфу…* — Это собирательное название традиционной китайской одежды. Его можно перевести как «одежда ханьцев»; поскольку, однако, и самоназвание народа устоялось лишь в период правления династии Хань (206–220 гг. н. э.), впервые успешно и надолго объединившей страну, можно назвать ее и «одеянием династии Хань» — хотя реально стиль этой одежды возник значительно раньше. Понятием «ханьфу» охватывается как мужская

одежда, так и женская. В самом общем виде можно сказать, что *ханьфу* — это длинный, до колен халат со стоячим перекрестным воротником, широкими рукавами, запахивающийся направо, и под ним — узкая юбка до пят (у мужчин могли быть и штаны). Согласно легендам, этому стилю одежды более четырех тысяч лет. Надо еще отметить, что, собственно, довольно многие персонажи романа наверняка одеты в *ханьфу,* так что почему автор столь сконцентрировался на *ханьфу* внучки Юэ Фэя — не очень понятно.

С. 360. *...и раз в месяц — с императрицей.* — Забота о ритмичной, по интенсивности строго соответствующей возрасту интимной жизни мужчины всегда считалась в Китае одним из важнейших факторов достижения долголетия и поддержания сил.

В чары он, конечно, не верил… — Это странно уже хотя бы потому, что в столь любимом нашим героем сунском уголовном уложении «Сун син тун» были предусмотрены совершенно конкретные и крайне строгие наказания за изготовление магических ядов и амулетов, за ворожбу из ненависти с целью причинить вред и прочие «высокотехнологичные» преступления. Скажем, за ворожбу, приведшую к смерти жертвы, полагалось наказывать как за реальное убийство, то есть смертью. Самое любопытное, что кодекс предусматривает как одно из преступлений того же порядка колдовство с целью добиться безрассудной любви *(аймэй)* со стороны отца, матери, деда или бабки по мужской линии либо — если речь шла о рабе или рабыне — хозяина. Для тогдашних китайцев было ясно, что, например, безрассудно любящий внука дед не в состоянии его воспитывать, он может только баловать отпрыска, потакать всем его прихотям и тем самым, натурально, портить его. Столь вопиющее нарушение субординации — попытка магическим путем сделать того, кому ты обязан искренне и с радостью повиноваться, напротив, покорным себе — наказывалось ссылкой на 2000 ли, что было одним из самых суровых несмертельных наказаний. Если же подданный пытался приворожить к себе императора, ясно, что ни о чем, кроме казни через обезглавливание всех, вовлеченных в дело, и речи не могло идти. О любовных же приворотных зельях в нашем понимании — чтобы, скажем, мужчина полюбил женщину или наоборот — в уголовных законах царит полное молчание. По сравнению с попыткой

добиться любви отца постельные делишки, видимо, не считались чем-то серьезным.

С. 398–399. *...Ли Бо… прозванного бессмертным поэтом… И родину вспоминаю…* — Ли Бо (701–763) — вероятно, самый знаменитый и, говоря нынешним языком, культовый поэт Китая. С его именем связана масса притч и легенд, он стал персонажем многих прозаических новелл; вспомнить хоть историю о том, как сам император пытался протрезвить его кислым рыбным супом, поскольку никто, кроме Ли Бо, не мог прочитать ультиматум, присланный танскому владыке из государства Бохай; поэт мигом прочухался и написал такой ответ, что больше бохайцы уже не смели и пикнуть. Действительно, в века вошел с титулом *шисянь,* который трудно перевести на наш язык адекватно — поэт-бессмертный, гений стихосложения, святой стихотворец. Следует иметь в виду, что в ту пору выражение «бессмертный поэт» употреблялось не в том смысле, что, дескать, слава его переживет века; оно значило лишь, что человек имеет сверхъестественные способности — в частности, летает на облаках и никогда не помрет, даже если в силу своей сиюминутной прихоти и сделает такой вид. Стихотворение «Думы тихой ночью» приведено в переводе А. Гитовича.

С. 401. *...бьющая через край ненависть к императору, которую она не только не скрывает…* — Не могу в связи со всем этим не процитировать столь любимый нашим героем «Сун син тун»: «Всякий, кто непочтительно высказался о Том, кто в паланкине (т. е. об императоре), причем побуждения и соображения исключительно вредоносны, наказывается обезглавливанием. Если же кто-либо, просто высказывая суждения об отклонениях от должного и ошибках в делах управления, затронул Того, кто в паланкине, подается прошение на Высочайшее имя с просьбой о вынесении решения, как поступить. Имеется в виду, что кто-либо, высказывая суждения об отклонениях от должного и ошибках в делах управления, то есть, рассуждая о законах и постановлениях государства, о том, что так и что не так, в связи с этим коснулся Того, кто в паланкине. Это несколько отличается от непочтительных высказываний, когда побуждения и соображения исключительно вредоносны. Поэтому в уголовном установлении не устанавливается определенного наказания. Когда такое произошло, подают прошение на Высочайшее имя с просьбой о вынесении

решения о том, как поступить. Если исключительной вредоносности нет, наказание — 2 года каторги. То есть, хотя и высказался непочтительно о Том, кто в паланкине, побуждения и соображения не были исключительно вредоносны. Наказание — 2 года каторги».

С. 412. *Такое обвинение, окажись оно ложным, должно караться смертной казнью…* — Это не метафора, тут автор, похоже, знает реалии. Имеется в виду механизм так называемой «обратной ответственности» *(фаньцзо),* согласно которому податель доноса, если его обвинение оказывалось преднамеренно ложным, должен был получить то наказание, какое полагалось за фигурирующее в доносе преступление. Действия же Кана, если они будут доказаны, — обман императора, составление заговора с целью убийства, причем заговора, уже приведшего к смерти одного или тем более нескольких лиц, и т. д. — вполне тянут на смертную казнь через обезглавливание.

С. 436. *…он обвинял тебя с таким пылом, что убедил самого императора.* — Не могу не заметить, что если бы китайские императоры были такими игрушками в руках мелких придворных интриганок, Китай бы на Земле на четыре тысячи лет не задержался.

С. 438. *…наша юридическая система не допускает присутствия адвокатов.* — Это звучит примерно так же, как если бы, скажем, Александр Македонский посетовал, что для определения времени нападения на персов ему недостает календаря майя. Дело в том, что судебная процедура в традиционном Китае вообще не была состязательной. Понятия «адвокатов» там просто не существовало. Реальный сунский сановник даже фразу такую построить бы не смог за неимением соответствующего термина, да и потребности в нем. Ведь словом «адвокат» нечего было бы обозначить.

С. 440. *…северосунский император Жэнь-цзун…* — Северная Сун (960–1127), т. е. первый период сунской династии — время от восшествия на трон первого императора династии до завоевания северной части Китая чжурчжэнями. Жэнь-цзун (1023–1064) — четвертый император династии Сун.

С. 443. *Все случаи, имевшие отношение к торговле оружием… карались смертью.* — Уже упоминалось, что в традиционном китайском праве был предусмотрен довольно пространный список так называемых запретных вещей *(цзинь у).* Эти вещи нельзя было иметь в частном владении, хранить в частных домах, пользоваться ими в

частном хозяйстве. В список входили астрономические и гадательные книги (ибо информация о будущем являлась государственной тайной, а астрономия входила в число дисциплин, связанных с предсказаниями), государственные печати и символы, а также научные труды по военному делу и оружие определенных видов — наиболее убойных либо, наоборот, способных обеспечить бойцу неуязвимость. Даже в средневековом Китае было понятно, что броня есть вид вооружения, резко нарушающий баланс сил. Только в наше время нам приходится раз за разом втолковывать своим якобы ничего не понимающим заокеанским, так сказать, партнерам, что противоракетная оборона есть важный элемент наиболее мощного ракетного нападения. Оружие, потребное для элементарной самообороны, равно как для мирных занятий (охоты, благородного спорта), к частному пользованию допускалось; к нему относились луки, стрелы, мечи, щиты или короткие копья. Их можно было изготавливать, их можно было продавать и покупать, ими можно было пользоваться в быту. А вот хранение и использование в частном хозяйстве доспехов, самострелов (арбалетов), длинных копий, кавалерийских трезубых пик, конской брони и вооружений подобного рода было наказуемо. За длинное копье или трезубую пику карали 1,5 годами каторги. За самострел — 2,5 годами. За 1 комплект доспехов или 3 самострела полагалась уже ссылка на 2000 ли. За 3 комплекта лат или 5 самострелов (ясно, что это уже вооружение для небольшого бандформирования) — удавление. Частное изготовление запретных видов оружия наказывалось еще строже: за копье не 1,5 года каторги, а 2 года, за самострел не 2,5 года, а 3, за 1 комплект доспехов или 3 самострела — ссылка не на 2000 ли, а на 2500. Если кому-либо привалило сомнительное счастье найти кем-то потерянный экземпляр запретного вооружения, он, если в течение 30 дней не сдавал его властям, подпадал под закон о частном хранении. Хищение запретных видов вооружения каралось еще более сурово: за длинное копье или трезубую пику — 2 года каторги, за самострел или латы — ссылка на 2000 ли. Нелегальный вывоз запретных видов вооружения за рубеж и передача его иностранцам, за деньги или как-то иначе, по доброте ли душевной, из идейных ли соображений, — карались удавлением. Но при всем том специальных статей о торговле оружием танские и сунские законы не предусматривали.

С. 454. *…восьмой день гранатовой луны…* — У автора: «la octava luna, mes de la Granada».

…первый год эры Цзядин… — Годы под девизом правления *Цзядин* пришлись на период с 1208 по 1224 г. и охватывают значительную часть царствования Нин-цзуна (1195–1224). Смысл девиза можно приблизительно передать как то ли «Радость утвердилась», то ли «Нерушимое счастье»… Словом, «Несокрушимая свобода». Ох, простите. «Несокрушимая свобода» стряслась уже много позже.

…в девятнадцатый с начала этого мудрого и досточтимого правления… — В авторском тексте именно так: «decimonoveno». Девятнадцатый год правления Нин-цзуна, вступившего на престол в 1195 г. по европейскому летоисчислению, — это, как легко подсчитать, в основном 1214 г. На первый год периода *Цзядин* девятнадцатый год Нин-цзуна никак не мог выпасть. Опечатка ли тут, авторская ли перепутка или что-то еще — сказать невозможно. Если же вспомнить упомянутую автором в одной из первых сцен датировку: четырнадцатый год правления Нин-цзуна, придется признать вдобавок, что события, описанные в романе, длились целых пять лет. А что-то непохоже… Впрочем, на занимательности сюжета все эти многочисленные неувязки никак не сказываются.

С. 504. *«Си юань цзилу»* — в авторском тексте трактат фигурирует под названием *Hsi Yuan Lu Hsiang i* («Си юань лу сянъи»). Без иероглифики трудно сказать, не рискуя попасть пальцем в небо, что за *сянъи* имеется в виду (возможно — «детальное обсуждение»). Устоявшееся название трактата Сун Цы — «Си юань цзилу», т. е. «Собрание отчетов о снятии несправедливых обвинений»; фигурирует иногда и под названием — «Сун тисин си юань цзилу» («Собрание записей судьи Суна о реабилитации»).

С. 506. *Китайский язык (на самом деле их много)…* — Спорное утверждение. Язык, скорее всего, один, это доказывается единством письменности (и грамматики, но это уже тонкости). Однако он действительно подразделен на ряд фонетических диалектов, так что одни и те же иероглифы в разных частях страны читаются по-разному, что может всерьез затруднять взаимопонимание. Очевидцы рассказывают о том, что и до сих пор в Китае нередко можно встретить уроженцев разных областей, которые беседуют, стремительно чертя в

воздухе себе в помощь иероглифы. Достаточно сказать, что более или менее еще памятный нам Чан Кайши называется так лишь на южном диалекте; на так называемом *путунхуа,* то есть языке центрального китайского телевидения и радио, основанном на диалекте северном, иероглифы его имени, те же самые, звучат как Цзян Цзеши.

С. 507. *...я — хотя и сохранил имена основных исторических персонажей — был вынужден изменить многие другие, имеющие сходство с уже использованными, тем самым избегая путаницы.* — Признаюсь, что я тоже, по крайней мере дважды, прибег к той же уловке. Слугу академика Мина у автора зовут Sui — то есть на наши деньги Суй. Имея в виду, что русскоязычному читателю вряд ли важно, Суй он или еще кто, но, с другой стороны, именно по-русски «к Сую», «у Суя», «без Суя» и пр. звучит не слишком романтично, я переименовал его в Цуя. И более существенное: в авторском тексте злокозненного министра наказаний зовут *Кап*. Перекодируя латинизированную транскрипцию на нашу, скорее всего, получим: Гань. Я счел, что мягкое, теплое «Гань» подходит жестоковыйному фанатику и женоненавистнику куда менее, чем прямо уподобленное латинской транскрипции тупое и жесткое «Кан» — и оставил его таковым.

...тоническое разнообразие китайского языка приводит к тому, что одно и то же слово может быть транскрибировано разными способами. Поэтому в разных источниках, которыми я пользовался, имя главного героя Song Ci встречалось также в вариантах Tsong Ci, Tsung Ci, Sung Ci, Sun Tzu или Sung Tzu. — Дело тут не столько в тоническом разнообразии (тоны вообще не влияют на буквенную транскрипцию), сколько в том, что в свое время свои системы транскрипций для китайских иероглифов независимо один от другого нащупывали многие европейские языки и каждый внес свою лепту в возникновение отмеченной автором путаницы.

...императорское семейство тоже носило фамилию Song (Tsong). — Увы, это не так. Фамилия рода, основавшего государство Сун (уже по названию которого мы и называем правившую в Сун династию), была Чжао (по нормам европейской транскрипции это выглядело бы как Zhao или Chao).

С. 510. *...Шэньси, в Сиане.* — Сиань — современный административный центр провинции Шэньси. Старое название —

Чанъань. Неоднократно в течение многих веков был столицей императорского Китая — при династиях Цинь, Хань, Суй, Тан. Именно в его окрестностях расположена знаменитая гробница первого реального (в отличие от мифологических) китайского императора Цинь Ши-хуана с его бесподобной терракотовой гвардией.

Сычуань — одна из провинций современного Китая. Административный центр — Чэнду. Расположена на юго-западе от Шэньси.

С. 511. *...в эпоху Пяти Династий...* — период раздробленности страны (907–960), не первый и не последний в ее колоссальной истории. Великая династия Тан уже пала, а великая (хотя и по другим параметрам) династия Сун еще не воцарилась.

С. 513. *Чжу Си* (1130–1200) — один из величайших философов Китая, основатель учения, получившего впоследствии наименование неоконфуцианства.

...получил степень доктора... — Вообще-то, эта ученая степень называлась *цзиньши* (это словосочетание приблизительно можно перевести как «ставший ученым», «выдвинувшийся в образованные»; короче — продвинутый). Одна из высших общегуманитарных ученых степеней в традиционном Китае; в позднеимперский период стала вообще высшей.

...судебного администратора. — Точнее, главы судебной власти военного губернаторства Хунань (в 1247 г.).

Вячеслав Рыбаков

Table of Contents

Антонио Гарридо ЧИТАЮЩИЙ ПО ТЕЛАМ
ПРОЛОГ
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
1
2
3
4
5
6
7
ЧАСТЬ ВТОРАЯ
8
9
10
ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ
11
12
13
14
15
16
17
18
19
ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ
20
21
22
ЧАСТЬ ПЯТАЯ
23
24
25
26

27
28
29
30
31
ЧАСТЬ ШЕСТАЯ
32
33
34
35
ЭПИЛОГ
Послесловие
КРАТКАЯ БИОГРАФИЧЕСКАЯ СПРАВКА
БЛАГОДАРНОСТИ «Самое важное — в конце»
БИБЛИОГРАФИЯ
ПРИМЕЧАНИЯ